

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ПРАВОСУДИЯ

ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОРТАЛ

Н.Ю. СОЛОВЬЕВА

РИТОРИКА

УЧЕБНАЯ ХРЕСТОМАТИЯ

Москва
2017

УДК 808.5
ББК 83.7
С 60

Автор

Соловьева Н.Ю., доцент кафедры русского языка и культуры речи РГУП,
канд. искусствоведения

Рецензенты:

Горностаева Л.Г., доцент кафедры философии и социально-гуманитарных
дисциплин РГУП, канд. культуроведения

Носкова Л.Г., доктор педагогических наук, профессор Академии
управления МВД России

Соловьева Н.Ю.

С 60 Риторика: Хрестоматия. — М.: РГУП, 2017.

ISBN 978-5-93916-562-4

Хрестоматия содержит тексты, необходимые для подготовки к семинарам по дисциплине «Риторика»: басни, стихотворные и прозаические тексты, а также судебные и общественно-политические речи, которые необходимо проанализировать по плану риторического анализа. Многие приведенные речи существенно изменили мировую историю и именно поэтому предлагаются для ознакомления в качестве образцов ораторского искусства.

Адресована преподавателям и студентам-бакалаврам юридических вузов.

ISBN 978-5-93916-562-4

© Соловьева Н.Ю., 2017
© Российский государственный
университет правосудия, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
ЧАСТЬ 1. Дидактические материалы для семинарских занятий	
Басни (И.А. Крылов, С.В. Михалков)	7
Стихотворные тексты (А. Пушкин, М. Лермонтов, В. Маяковский, С. Есенин, О. Мандельштам, А. Вознесенский, В. Высоцкий)	14
Прозаические художественные тексты (Псалом 119:97–104, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, Х. Ли, В. Шукшин)	18
ЧАСТЬ 2. Судебные речи	
Судебные речи второй половины XIX века	
Александров П.А. «Речь в защиту В. Засулич»	24
Андреевский С.А. «Речь по делу Андреева»	42
Андреевский С.А. «Речь в защиту братьев Келеш»	51
Карабчевский Н.П. «Речь в защиту братьев Скитских»	55
Кони А.Ф. «Обвинительная речь по делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем»	70
Обнинский П.Н. «Обвинительная речь по делу Качки»	82
Плевако Ф.Н. «Речь в защиту Качки»	93
Плевако Ф.Н. «Речь по делу рабочих Коншинской фабрики»	99
Плевако Ф.Н. «Речь в защиту лоторических крестьян»	104
Плевако Ф.Н. «Речь по делу Грузинского»	115
Плевако Ф.Н. «Речь по делу Замятниных»	127
Спасович В.Д. «Речь в защиту Дементьева»	136
Урусов А.И. «Речь в защиту Волоховой»	146
Хартулари К.Ф. «Речь в защиту Левенштейн»	151
Холев Н.И. «Речь в защиту Максименко»	161
Судебные речи советского периода	199
Руденко Р.А. «Речь на Нюрнбергском процессе»	200
Дервиз О.В. «Речь в защиту Васильевой»	210
Киселев Я.С. «Речь в защиту Бердникова»	216
Россельс В.Л. «Речь в защиту Семеновых»	228
Царев В.И. «Обвинительная речь по делу братьев Кондраковых»	233

ЧАСТЬ 3. Общественно-политические речи

Королева Елизавета I. «У меня сердце и дух короля»	245
Король Карл I. «Я ухожу от мирского венца к венцу терновому»	246
Оливер Кромвель. «Именем Бога, вон!»	248
Джордж Вашингтон. «Горячая привязанность одной нации к другой чревата самыми разными дурными последствиями»	249
Томас Джефферсон. «Все мы республиканцы, все мы федералисты»	256
Наполеон Бонапарт. «Солдаты моей старой гвардии! Я прощаюсь с вами»	261
Авраам Линкольн. «Восемь десятков и семь лет назад наши отцы создали на этом континенте новую нацию...»	261
Мари Кюри. «Научная история радия прекрасна»	262
Махатма Ганди. «Индии нет спасенья»	264
Ленин В.И. «Что такое Советская власть?»	266
Троцкий Л.Д. «Братский союз советских республик»	268
Киров С.М. «Речь о шариате»	269
Луначарский А.В. «Речь на торжественном открытии памятника Л.Н. Толстому»	274
Уинстон Черчилль. «Мне нечего предложить, кроме своей крови, тяжкого труда, слез и пота»	277
Уинстон Черчилль. «Это был час их величайшей доблести»	279
Уинстон Черчилль. «Никогда еще в истории человеческих конфликтов столь многие не были обязаны столь немногим»	280
Вячеслав Молотов. «Беспримерное в истории цивилизованных народов вероломство»	291
Франклин Д. Рузвельт. «Единственное, чего мы должны бояться, — это страх»	293
Шарль де Голль. «Пламя французского Сопrotивления не должно угаснуть — и не угаснет»	298
Джордж Паттон-младший. «Я собственноручно пристрелю этого сукина сына оклейщика обоев Гитлера»	299
Император Хирохито. «Враг применил новую, самую разрушительную бомбу»	301
Джавахарлал Неру. «Когда пробьет полночный час и весь мир будет спокойно спать, Индия проснется, чтобы жить и быть свободной»	303
Джулиус Роберт Оппенгеймер. «Мы сделали эту работу, потому что она была органически необходима»	304
Хрущев Н.С. «Речь на XX съезде партии»	306
Нельсон Мандела. «Я — первый обвиняемый»	356
Нельсон Мандела. «Наконец-то мы свободны!»	360
Джон Кеннеди. «Не спрашивайте, что ваша страна может сделать для вас; спросите, что вы можете сделать для своей страны»	362
Джон Кеннеди. «Ich bin ein Berliner»	365
Мартин Лютер Кинг. «У меня есть мечта»	367
Мартин Лютер Кинг. «Я видел землю обетованную»	371
Голда Меир. «Остановите кровопролитие!»	373
Ричард Никсон. «Белый дом не станет себя обелять»	375
Мать Тереза. «Любовь начинается с дома»	386
Папа Иоанн Павел II. «Свобода нашей Польши обходится нам так дорого»	389
Рональд Рейган. «Господин Горбачев, снесите эту стену!»	391
Михаил Горбачев. «Свобода выбора — всеобщий принцип, и он не должен знать исключений»	396
Вацлав Гавел. «Мы живем в зараженной моральной среде»	399
Джордж Буш-младший. «Великий народ вынужден защитить великую страну»	401
Фидель Кастро. «Почему я стал социалистом?»	405
Патриарх Кирилл. «Россия и Запад: диалог народов»	408
Заключение	415

ПРЕДИСЛОВИЕ

Изучение курса «Риторика» предполагает работу с первоисточниками — речами, вошедшими в золотой фонд риторической мысли. Это на- следие поможет ознакомиться как с судебными речами известных про- куроров и адвокатов, так и с общественно-политическими речами исто- рических деятелей разных эпох. Пользуясь этими текстами, вы научитесь составлять риторический анализ.

Также вы сможете оперативно следить за ходом лекционного курса, готовиться к практическим занятиям, опираясь на дидактический мате- риал для семинаров. Здесь вы найдете тексты для работы над интонаци- ей — басни, стихи, прозаические отрывки.

Хрестоматия основана на свободно публикуемых материалах — тексты взяты из многочисленных открытых источников и собраны в три части:

- Часть 1: Дидактические материалы для семинарских занятий.
- Часть 2: Судебные речи для риторического анализа.
- Часть 3: Общественно-политические речи для риторического анализа.

Тексты хрестоматии дополняют «Практикум по риторике», в котором вы найдете план и образец риторического анализа, а также другие мате- риалы, необходимые вам для практической работы.

При отборе материала мы руководствовались стремлением более или менее равномерно представить не только судебные речи великих юри- стов XIX—XX вв., но и расположенные в хронологическом порядке вы- ступления общественных и политических деятелей прошлого, характе- ризующие основные периоды мировой истории.

Хрестоматия дает значительную возможность выбора в зависимости от интересов, желаний и уровня подготовки бакалавра. Именно обраще- ние к подлинным текстам, в которых обсуждаются правовые и истори- ческие вопросы, будет способствовать становлению его юридического мышления и юридической культуры.

ЧАСТЬ 1. Дидактические материалы для семинарских занятий

Басни

Предложенные вашему вниманию басни — далеко не всё, что нако- плено литературой. Эзоп, Ж. Лафонтен, И.А. Крылов, Д.В. Давыдов, С.В. Михалков... Это далеко не полный перечень авторов, чьи произве- дения вы можете взять для выступления на семинаре.

И.А. Крылов

Басни¹

Стрекоза и муравей

Попрыгунья Стрекоза
Лето красное пропела,
Оглянуться не успела,
Как зима катит в глаза.
Помертвело чисто поле,
Нет уж дней тех светлых боле,
Как под каждым ей листком
Был готов и стол и дом.
Все прошло: с зимой холодной
Нужда, голод настает,
Стрекоза уж не поет,
И кому же в ум пойдет
На желудок петь голодный!
Злой тоской удручена,
К Муравью ползет она:

— Не оставь меня, кум милый!
Дай ты мне собраться с силой
И до вешних только дней
Прокорми и обогрей!
— Кумушка, мне странно это:
Да работала ль ты в лето? —
Говорит ей Муравей.
— До того ль, голубчик, было?
В мягких муравах у нас —
Песни, резвость всякий час,
Так, что голову вскружило.
— А, так ты...
— Я без души лето целое все пела.
— Ты все пела? Это дело:
Так поди же, попляши!

¹ Басни И.А. Крылова . Режим доступа: <http://www.stihi-rus.ru/1/krylov/>

Ворона и Лисица

Уж сколько раз твердили миру,
 Что лесть гнусна, вредна; но только
 все не впрок,
 И в сердце лстец всегда отыщет
 уголок.
 Вороне где-то бог послал кусочек
 сыру;
 На ель Ворона взгромоздясь,
 Позавтракать было совсем уж
 собралась,
 Да позадумалась, а сыр во рту
 держала.
 На ту беду, Лиса близехонько бежала;
 Вдруг сырный дух Лису остановил:
 Лисица видит сыр, —
 Лисицу сыр пленил,
 Плутовка к дереву на цыпочках
 подходит;
 Вертит хвостом, с Вороны глаз не
 сводит

И говорит так сладко, чуть дыша:
 «Голубушка, как хороша!
 Ну что за шейка, что за глазки!
 Рассказывать, так, право, сказки!
 Какие перышки! какой носок!
 И, верно, ангельский быть должен
 голосок!
 Спой, светик, не стыдись!
 Что ежели, сестрица,
 При красоте такой и петь ты
 мастерица,
 Ведь ты б у нас была царь-птица!»
 Вещуньяина с похвал вскружилась
 голова,
 От радости в зобу дыханье сперло, —
 И на приветливы Лисицыны слова
 Ворона каркнула во все воронье
 горло:
 Сыр выпал — с ним была плутовка
 такова.

Лебедь, Щука и Рак

Когда в товарищах согласья нет,
 На лад их дело не пойдет,
 И выйдет из него не дело, только мука.
 Однажды Лебедь, Рак да Щука
 Везти с поклажей воз взялись
 И вместе трое все в него впряглись;
 Из кожи лезут вон, а возу все нет ходу!
 Поклажа бы для них казалась и легка:
 Да Лебедь рвется в облака,
 Рак пятится назад, а Щука тянет в воду.
 Кто виноват из них, кто прав — судить не нам;
 Да только воз и ныне там.

Мартышка и очки

Мартышка к старости слаба глазами
 стала;
 А у людей она слыхала,
 Что это зло еще не так большой руки:
 Лишь стоит завести Очки.
 Очков с полдюжины себе она достала;
 Вертит Очками так и сяк:
 То к темю их прижмет, то их на хвост
 нанижет,
 То их понюхает, то их полижет;
 Очки не действуют никак.
 «Тьфу пропасть! — говорит она, —
 и тот дурак,

Кто слушает людских всех врак:
 Всё про Очки лишь мне нагали;
 А проку на-волос нет в них».
 Мартышка тут с досады и с печали
 О камень такхватила их,
 Что только брызги засверкали.
 К несчастью, то ж бывает у людей:
 Как ни полезна вещь, — цены не зная
 ей,
 Невежда про нее свой толк все к худу
 клонит;
 А ежели невежда познатней,
 Так он ее еще и гонит.

Квартет

Проказница-Мартышка, Осел, Козел
 да косолапый Мишка
 Затеяли сыграть Квартет.
 Достали нот, баса, альты, две скрипки
 И сели на лужок под липки —
 Пленять своим искусством свет.
 Ударили в смычки, дерут, а толку нет.
 «Стой, братцы, стой! — кричит
 Мартышка. — Погодите!
 Как музыке идти? Ведь вы не так
 сидите.
 Ты с басом, Мишенька, садись против
 альты,
 Я, прима, сяду против вторы;
 Тогда пойдет уж музыка не та:
 У нас запляшут лес и горы!»
 Расселись, начали Квартет;
 Он все-таки на лад неидет.
 «Постойте ж, я сыскал секрет, —
 Кричит Осел, — мы, верно, уж поладим,
 Коль рядом сядем».

Послушались Осла: уселись чинно
 в ряд,
 А все-таки Квартет неидет на лад.
 Вот пуще прежнего пошли у них
 разборы
 И споры, кому и как сидеть.
 Случилось Соловью на шум их
 прилететь.
 Тут с просьбой все к нему, чтоб их ре-
 шать сомненье:
 «Пожалуй, — говорят, — возьми на
 час терпенье,
 Чтобы Квартет в порядок наш привесть:
 И ноты есть у нас, и инструменты есть;
 Скажи лишь, как нам сесть!» —
 «Чтоб музыкантом быть, так надобно
 уменье
 И уши ваших понежней, —
 Им отвечает Соловей. —
 А вы, друзья, как ни садитесь,
 Все в музыканты не годитесь».

Слон и Моська

По улицам Слона водили,
Как видно, напоказ.
Известно, что Слоны в диковинку
у нас,
Так за Слоном толпы зевак ходили.
Отколе ни возьмись, навстречу Мось-
ка им.
Увидевши Слона, ну на него метаться,
И лаять, и визжать, и рваться;
Ну так и лезет в драку с ним.
«Соседка, перестань срамиться, —
Ей Шавка говорит, — тебе ли со Сло-
ном возиться?»

Смотри, уж ты хрипишь, а он себе идет
Вперед
И лаю твоего совсем не
примечает». —
«Эх, эх! — ей Моська отвечает, —
Вот то-то мне и духу придает,
Что я, совсем без драки,
Могу попасть в большие забияки.
Пускай же говорят собаки:
«Ай, Моська! знать, она сильна,
Что лает на Слона!»

Свинья под дубом

Свинья под Дубом вековым
Наелась желудей досыта, до отвала;
Наевшись, выпалась под ним;
Потом, глаза продравши, встала
И рылом подрывать у Дуба корни
стала.
«Ведь это дереву вредит, —
Ей с Дубу Ворон говорит, —
Коль корни обнажишь, оно засохнуть
может».
«Пусть сохнет, — говорит Свинья, —
Ничуть меня то не тревожит,
В нем проку мало вижу я;

Хоть век его не будь, ничуть не
пожалю;
Лишь были б желуди: ведь я от них
жирею».
«Неблагодарная! — примолвил Дуб
ей тут, —
Когда бы вверх могла поднять ты
рыло,
Тебе бы видно было,
Что эти желуди на мне растут».
Невежда так же в ослепленье
Бранит науку и ученье
И все ученые труды,
Не чувствуя, что он вкушает их плоды.

Волк и Ягненок

У сильного всегда бессильный
виноват:
Тому в истории мы тьму примеров
слышим
Но мы истории не пишем,
А вот о том как в баснях говорят...
Ягненок в жаркий день зашел к ручью
напиться:
И надобно ж беде случиться,
Что около тех мест голодный рыскал
Волк.
Ягненка видит он, на добычу
стремится;
Но, делу дать хотя законный вид
и толк,
Кричит: «Как смеешь ты, наглец, нечи-
стым рылом
Здесь чистое мутить питье Мое
С песком и с илом?
За дерзость такову
Я голову с тебя сорву». —
«Когда светлейший Волк позволит,
Осмелюсь я донести, что ниже по
ручью
От Светлости его шагов я на сто пью;
И гневаться напрасно он изволит:
Питья мутить ему никак я не могу». —
«Поэтому я лгу!»

Негодный! Слыхана ль такая дерзость
в свете!
Да помнится, что ты еще в запрошлом
лете
Мне здесь же как-то нагрубил;
Я этого, приятель, не забыл!» —
«Помилуй, мне еще и от роду нет
году». —
Ягненок говорит. — «Так это был твой
брат». —
«Нет братьев у меня». — «Так это кум
иль сват.
И, словом, кто-нибудь из вашего же
роду.
Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,
Вы все мне зла хотите,
И если можете, то мне всегда
вредите;
Но я с тобой за их разведаюсь
грехи». —
«Ах, я чем виноват?» — «Молчи! Устал
я слушать.
Досуг мне разбирать вины твои,
щенок!
Ты виноват уж тем, что хочется мне
кушать».
Сказал и в темный лес Ягненка
поволок.

С.В. Михалков

Басни¹**Слон-живописец**

Слон-живописец написал пейзаж,
 Но раньше, чем послать его на
 вернисаж,
 Он пригласил друзей взглянуть на
 полотно:
 Что, если вдруг не удалось оно?
 Вниманием гостей художник наш
 польщен!
 Какую критику сейчас услышит он?
 Не будет ли жесток звериный суд?
 Низвергнут? Или вознесут?
 Ценители пришли. Картину Слон
 открыл.
 Кто дальше встал, кто подошел
 поближе.
 «Ну, что же, — начал Крокодил, —
 Пейзаж хорош! Но Нила я не
 вижу...» —
 «Что Нила нет, в том нет большой
 беды! —
 Сказал Тюлень. — Но где снега? Где
 льды?» —
 «Позвольте! — удивился Крот. —
 Есть кое-что важней, чем лед!

Забыл художник огород». —
 «Хрю-хрю, — прохрюкала Свинья, —
 Картина удалась, друзья!
 Но с точки зренья нас, свиной,
 Должны быть желуди на ней». —
 Все пожеланья принял Слон.
 Опять за краски взялся он
 И всем друзьям по мере сил
 Слоновой кистью угодил,
 Изобразив снега, и лед,
 И Нил, и дуб, и огород,
 И даже — мед!
 (На случай, если вдруг Медведь
 Придет картину посмотреть...)
 Картина у Слона готова,
 Друзей созвал художник снова.
 Взглянули гости на пейзаж
 И прошептали: «Ералаш!»

Мой друг! Не будь таким Слоном:
 Советам следуй, но с умом!
 На всех друзей не угодишь,
 Себе же только навредишь.

Заяц во хмелю

В день именин, а может быть,
 рожденья
 Был Заяц приглашен к Ежу на
 угощение.
 В кругу друзей, за шумною беседой,
 Вино лилось рекой. Сосед поил
 соседа.
 И Заяц наш, как сел,
 Так, с места не сходя, настолько
 окосел,
 Что, отвалившись от стола с трудом,
 Сказал: «Пшли домой!» — «Да ты най-
 дешь ли дом? —
 Спросил радушный Еж. —
 Поди, как ты хорош!
 Уж лег бы лучше спать, пока не
 протрезвился!
 В лесу один ты пропадешь:
 Все говорят, что Лев в округе
 объявился!»
 Что Заяца убеждать? Зайчишка
 захмелел.
 «Да что мне Лев! — кричит. — Да мне
 ль его бояться!
 Я как бы сам его не съел!
 Подать его сюда! Пора с ним
 рассчитаться!
 Да я семь шкур с него спущу
 И голым в Африку пущу!..»
 Покинув шумный дом, шатаясь меж
 стволов,
 Как меж столов,

Идет Косой, шумит по лесу темной
 ночью:
 «Видали мы в лесах зверей почище
 львов,
 От них и то летели клочья!..»
 Проснулся Лев, услышав пьяный крик, —
 Наш Заяц в этот миг сквозь чащу
 продирался.
 Лев — цап его за воротник!
 «Так вот кто в лапы мне попался!
 Так это ты шумел, болван?
 Постой, да ты, я вижу, пьян —
 Какой-то дряни нализался!»
 Весь хмель из головы у Заяца вышел
 вон!
 Стал от беды искать спасенья он:
 «Да я... Да вы... Да мы... Позвольте
 объясниться!
 Помилуйте меня! Я был в гостях
 сейчас.
 Там лишнего хватил. Но все за Вас!
 За Ваших львят! За Вашу Львицу!
 Ну, как тут было не напиться?!»
 И, когти подобрав, Лев отпустил
 Косого.
 Спасен был хвастунишка наш!

 Лев пьяных не терпел, сам в рот не
 брал хмельного,
 Но обожал... подхалимаж.

¹ Режим доступа: <http://lib.ru/TALES/MIHALKOW/basni.txt>

Стихотворные тексты

Для интонационной разметки и выразительного чтения вы можете взять свои любимые стихи. То, что предлагаем мы, — пример, рекомендация, способ сориентироваться, но никак не обязательное к исполнению требование. Это стихи разных эпох и авторов. Почитайте — и может быть, выберете что-то для выступления на семинаре.

А. Пушкин¹

Изыде сеятель сеяти семена своя
Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной
В порабощенные бразды
Бросал живительное семя —
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды...

Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич.

М. Лермонтов

Завещание²

Наедине с тобою, брат,
Хотел бы я побыть:
На свете мало, говорят,
Мне остается жить!
Поедешь скоро ты домой:
Смотри ж... Да что? моей судьбой,
Сказать по правде, очень
Никто не озабочен.
А если спросит кто-нибудь...
Ну, кто бы ни спросил,
Скажи им, что навылет в грудь
Я пулей ранен был;
Что умер честно за царя,

Что плохи наши лекаря
И что родному краю
Поклон я посылаю.
Отца и мать мою едва ль
Застанешь ты в живых...
Признаться, право, было б жаль
Мне опечалить их;
Но если кто из них и жив,
Скажи, что я писать ленив,
Что полк в поход послали
И чтоб меня не ждали.
Соседка есть у них одна...
Как вспомнишь, как давно

¹ Режим доступа: http://rvb.ru/pushkin/01text/01versus/0423_36/1823/0335.htm

² Режим доступа: <http://ilibrary.ru/text/1328/p.1/index.html>

Расстались!.. Обо мне она
Не спросит... все равно,
Ты Расскажи всю правду ей,

Пустого сердца не жалеи;
Пускай она поплачет...
Ей ничего не значит!

В. Маяковский

Послушайте!¹

Послушайте!
Ведь, если звезды зажигают —
значит — это кому-нибудь нужно?
Значит — кто-то хочет, чтобы они были?
Значит — кто-то называет эти
 плевочки
жемчужиной?
И, надрываясь
в метелях полуденной пыли,
врывается к Богу,
боится, что опоздал,
плачет,
целует ему жилистую руку,
просит —
чтоб обязательно была звезда! —
клянется —

не перенесет эту беззвездную муку!
А после
ходит тревожный,
но спокойный наружно.
Говорит кому-то:
«Ведь теперь тебе ничего?
Не страшно?
Да?!»
Послушайте!
Ведь, если звезды
зажигают —
значит — это кому-нибудь нужно?
Значит — это необходимо,
чтобы каждый вечер
над крышами
загоралась хоть одна звезда?!

С. Есенин

Монолог Хлопуши (отрывок из поэмы «Пугачев»)¹

Сумасшедшая, бешеная кровавая муть!
Что ты? Смерть? Иль исцеленье калекам?
Проведите, проведите меня к нему,
Я хочу видеть этого человека.
Я три дня и три ночи искал ваш умёт,
Тучи с севера сыпались каменной грудой.
Слава ему! Пусть он даже не Пётр!
Чернь его любит за буйство и удаль.

¹ Режим доступа: <http://rupoem.ru/mayakovskij/poslushajte-ved-esli.aspx>

² Режим доступа: <http://stihi-russkih-poetov.ru/poems/sergey-esenin-monolog-hlopushi-ya-hochu-videt-etogo-cheloveka>

Я три дня и три ночи блуждал по тропам,
 В солонце рыл глазами удачу,
 Ветер волосы мои, как солому, трепал
 И цепями дождя обмолачивал.
 Но озлобленное сердце никогда не заблудится,
 Эту голову с шеи сшибить нелегко.
 Оренбургская заря красношёрстной верблюдицей
 Рассветное роняла мне в рот молоко.
 И холодное корявое вымя сквозь тьму
 Прижимал я, как хлеб, к истощенным векам.
 Проведите, проведите меня к нему,
 Я хочу видеть этого человека.

О. Мандельштам¹

Мы живем, под собою не чуя страны,
 Наши речи за десять шагов не слышны,
 А где хватит на полразговорца,
 Там припомнят кремлёвского горца.
 Его толстые пальцы, как черви, жирны,
 А слова, как пудовые гири, верны,
 Тараканьи смеются усища,
 И сияют его голенища.
 А вокруг него сброд тонкошеих вождей,
 Он играет услугами полулюдей.
 Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет,
 Он один лишь бабачит и тычет,
 Как подкову, кует за указом указ:
 Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз.
 Что ни казнь у него — то малина
 И широкая грудь осетина.

¹ Режим доступа: <http://www.stihi-rus.ru/1/Mandelshtam/58.htm>

А. Вознесенский

Баллада точки¹

«Баллада? О точке?! О смертной пилюле?!»
 Балда!
 Вы забыли о пушкинской пуле!
 Что ветры свистали, как в дыры кларнетов,
 В пробитые головы лучших поэтов.
 Стрелюю пронзив самодурство и свинство,
 К потомкам неслась траектория свиста!
 И не было точки. А — начало.
 Мы в землю уходим, как в двери вокзала.
 И точка тоннеля, как дуло, черна...
 В бессмертье она?
 Иль в безвестность она?..
 Нет смерти. Нет точки. Есть путь пулевой —
 Вторая проекция той же прямой.
 В природе по смете отсутствует точка.
 Мы будем бессмертны.
 И это — точно!

В. Высоцкий

Песня о Земле²

Кто сказал: «Все сгорело дотла? Больше в Землю не бросите семя?»	Неземное страдание знают. Она вынесет все, переждет.
Кто сказал, что Земля умерла? Нет! Она затаилась на время.	Не записывай Землю в калеки! Кто сказал, что Земля не поет,
Материнство не взять у Земли, Не отнять, как не вычерпать моря.	Что она замолчала навеки? Нет! Звенит она, стоны глуша,
Кто поверил, что Землю сожгли? Нет! Она почернела от горя.	Изо всех своих ран, из отдушин. Ведь Земля — это наша душа,
Как разрезы, траншеи легли, И воронки, как раны, зияют,	Сапогами не вытоптать душу! Кто поверил, что Землю сожгли?
Обнаженные нервы Земли	Нет, она затаилась на время.

¹ Режим доступа: <http://rupoem.ru/voznescenskij/ballada-o-tochke.aspx>.

² Режим доступа: http://shanson-text.ru/song.php?id_song=1402.

Прозаические художественные тексты

Выразительно читать прозу непросто. Вам поможет интонационная разметка. Выберите прозаический отрывок (10–12 предложений), работайте логические ударения и паузы, добавьте свои чувства и переживания — и читайте. Хотите — что-то из предложенного нами, хотите — своё.

Псалом 119:97–104¹

Как люблю я закон твой!

Весь день размышляю о нём.

Твоя заповедь делает меня мудрее моих врагов, потому что вовек она — моя. Я приобрёл более глубокое понимание, чем все мои учителя, потому что размышляю о твоих напоминаниях.

Я веду себя с большим пониманием, чем пожилые, потому что исполняю твои указания.

От всякого злого пути я удерживаю свои ноги, чтобы хранить твоё слово.

От твоих судебных решений я не уклонялся, потому что ты наставлял меня.

Как приятны для моего нёба твои слова, приятнее, чем мёд для моих уст!

Благодаря твоим указаниям я веду себя с пониманием.

Вот почему я ненавижу всякий ложный путь.

Л.Н. Толстой

Воскресение (отрывок)²

Скоро после присяжных судебный пристав односторонней походкой вышел на середину и громким голосом, которым он точно хотел испугать присутствующих, прокричал:

— Суд идет!

Все встали, и на возвышение залы вышли судьи: председательствующий с своими мускулами и прекрасными бакенбардами; потом мрачный член суда в золотых очках, который теперь был еще мрачнее оттого, что перед самым заседанием он встретил своего шурина, кандидата на судебные должности, который сообщил ему, что он был у сестры и сестра объявила ему, что обеда не будет.

— Так что, видно, в кабачок поедем, — сказал шурин, смеясь.

— Ничего нет смешного, — сказал мрачный член суда и сделался еще мрачнее.

¹ Режим доступа: <https://www.molitoslov.com/text465.htm>.

² Режим доступа: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0090.shtml

И, наконец, третий член суда, тот самый Матвей Никитич, который всегда опаздывал, — этот член был бородатый человек с большими, вниз оттянутыми добрыми глазами. Член этот страдал катаром желудка и с нынешнего утра начал, по совету доктора, новый режим, и этот новый режим задержал его нынче дома еще дольше обыкновенного. Теперь, когда он входил на возвышение, он имел сосредоточенный вид, потому что у него была привычка загадывать всеми возможными средствами на вопросы, которые он задавал себе. Теперь он загадал, что если число шагов до кресла от двери кабинета будет делиться на три без остатка, то новый режим вылечит его от катара, если же не будет делиться, то нет. Шагов было двадцать шесть, но он сделал маленький шагок и ровно на двадцать седьмом подошел к креслу.

Фигуры председателя и членов, вышедших на возвышение в своих расшитых золотом воротниках мундиров, были очень внушительны. Они сами чувствовали это, и все трое, как бы смущенные своим величием, поспешно и скромно опуская глаза, сели на свои резные кресла за покрытый зеленым сукном стол, на котором возвышался треугольный инструмент с орлом, стеклянные вазы, в которых бывают в буфетах конфеты, чернильница, перья и лежала бумага чистая и прекрасная и вновь очиненные карандаши разных размеров. Вместе с судьями вошел и товарищ прокурора. Он так же поспешно, с портфелем под мышкой, и так же махая рукой, прошел к своему месту у окна и тотчас же погрузился в чтение и пересматривание бумаг, пользуясь каждой минутой для того, чтобы приготовиться к делу. Прокурор этот только что четвертый раз обвинял. Он был очень честолюбив и твердо решил сделать карьеру и потому считал необходимым добиваться обвинения по всем делам, по которым он будет обвинять. Сущность дела об отравлении он знал в общих чертах и составил уже план речи, но ему нужны были еще некоторые данные, и их-то он теперь поспешно и выписывал из дела.

Секретарь сидел на противоположном конце возвышения и, подготовив все те бумаги, которые могут понадобиться для чтения, просматривал запрещенную статью, которую он достал и читал вчера. Ему хотелось поговорить об этой статье с членом суда с большой бородой, разделяющим его взгляды, и прежде разговора хотелось ознакомиться с нею.

А.П. Чехов

Злоумышленник (отрывок)¹

Перед судебным следователем стоит маленький, чрезвычайно тощий мужичонка в пестрядинной рубахе и латаных портах. Его обросшее волосами и изъеденное рябинами лицо и глаза, едва видные из-за густых, нависших бровей,

¹ Режим доступа: <http://ilibrary.ru/text/992/p.1/index.html>

имеют выражение угрюмой суровости. На голове целая шапка давно уже не чесанных, путаных волос, что придает ему еще большую, паучью суровость. Он бос.

— Денис Григорьев! — начинает следователь. — Подойди поближе и отвечай на мои вопросы. Седьмого числа сего июля железнодорожный сторож Иван Семенов Акинфов, проходя утром по линии, на сто сорок первой версте, застал тебя за отвинчиванием гайки, коей рельсы прикрепляются к шпалам. Вот она, эта гайка!.. С каковою гайкой он и задержал тебя. Так ли это было?

— Чаво?

— Так ли все это было, как объясняет Акинфов?

— Знамо, было.

— Хорошо; ну, а для чего ты отвинчивал гайку?

— Чаво?

— Ты это свое «чаво» брось, а отвечай на вопрос: для чего ты отвинчивал гайку?

— Коли б не нужна была, не отвинчивал бы, — хрипит Денис, косясь на потолок.

— Для чего же тебе понадобилась эта гайка?

— Кто это — мы?

— Мы, народ... Климовские мужики то есть.

— Послушай, братец, не прикидывайся ты мне идиотом, а говори толком. Не-чего тут про грузила врать!

— Отродясь не врал, а тут вру... — бормочет Денис, мигая глазами. — Да нешто, ваше благородие, можно без грузила? Ежели ты живца или выполозка на крючок сажаешь, то нешто он пойдет ко дну без грузила? Вру... — усмехается Денис. — Черт ли в нем, в живце-то, ежели поверху плавать будет! Окунь, щука, налим завсегда на донную идет, а которая ежели поверху плавает, то ту разве только шилишпер схватит, да и то редко... В нашей реке не живет шилишпер... Эта рыба простор любит.

— Для чего ты мне про шилишпера рассказываешь?

— Чаво? Да ведь вы сами спрашиваете! У нас и господа так ловят. Самый последний мальчишка не станет тебе без грузила ловить. Конечно, который непонимающий, ну, тот и без грузила пойдет ловить. Дураку закон не писан...

— Так ты говоришь, что ты отвинтил эту гайку для того, чтобы сделать из нее грузило?

— А то что же? Не в бабки ж играть!

Х. Ли

Убить пересмешника (отрывок)¹

Джим растянулся на диване и читал журнал «Популярная механика». Тут он поднял голову и сказал:

— Это всё несправедливо. Даже если он виноват, он никого не убил. Он никого не лишил жизни.

— Ты же знаешь, по законам штата Алабама за изнасилование полагается смертная казнь, — сказал Аттикус.

— Да, сэр, но всё равно присяжные не должны были присуждать его к смерти... Если уж решили, что он виноват, присудили бы двадцать лет.

— К двадцати годам, — поправил Аттикус. — Том Робинсон — цветной, Джим. Ни один состав присяжных в наших краях, разбирая подобное дело, не скажет: «Мы считаем, что ты виноват, но не очень». Тут могло быть либо оправдание, либо самый суровый приговор.

Джим помотал головой.

— Нет, это всё неправильно, только я не пойму, в чём ошибка... может, изнасилование не надо считать таким тяжким преступлением...

Аттикус уронил газету на пол.

Он согласен с законом об изнасиловании, вполне согласен, но весьма опасно, когда на основании одних лишь косвенных улик прокурор требует смертного приговора и присяжные его выносят.

Тут он увидел, что я тоже слушаю, и объяснил:

— Иными словами, для того чтобы человека приговорили к смерти, скажем, за убийство, требуются один или два очевидца. Надо, чтобы кто-то мог сказать: «Да, я там был, я сам видел, как он спустил курок».

— Но ведь очень многих казнили на основании косвенных улик, — возразил Джим.

— Знаю, и многие из них, вероятно, этого заслуживали... Но если нет очевидцев, всегда остаётся сомнение, пусть хотя бы тень сомнения. Закон называет это «допустимое сомнение», но, по-моему, мы не имеем права даже на тень сомнения. В противном случае всегда остаётся вероятность, пусть самая малая, что осуждённый не виноват.

— Значит, опять выходит, что во всем виноваты присяжные. Тогда надо с ними покончить, — убеждённо сказал Джим.

Аттикус очень старался сдерживать улыбку, но не сумел.

¹ Режим доступа: http://librebook.ru/to_kill_a_mockingbird/vol1/1

— Уж слишком ты с нами крут, сын. Я думаю, можно найти лучший выход: изменить закон. Так изменить, чтобы для самых тяжких преступлений определять наказание мог только судья.

— Тогда поезжай в Монтгомери, пускай изменят закон.

— Ты даже не подозреваешь, как это трудно. Мне не дожить до того времени, когда изменят закон, а ты, если и доживёшь, будешь уже стариком.

Джиму это не понравилось.

— Нет, сэр, с присяжными надо покончить.

В. Шукшин

Суд (отрывок)¹

Шел Ефим на суд, как курва с котелком, — нервничал. Вспомнил чего-то, как один раз, в войну, он, демобилизованный инвалид, без ноги, пьяный, возил костылем тогдашнего предсельсовета Митьку Трифонова и предлагал ему свои ордена, а взамен себе — его ногу. Его тогда легко могли посадить, но сам Митька «спустил на тормозах», в суд не подал, хотя долго после этого пугал: «Подать, что ли, Ефим? А?»

«Ну да, а я сейчас, выходит, иду человека топить, — думал Ефим. — На кой бы она мне черт сдалась, если так-то, по-доброму-то?» И вспоминал, как гладкая Алла Кузьминична, когда толковала про самовозгорание, то на Ефима даже не глядела, а глядела на страхового агента; мол, Ефим Валиков все равно не поймет, что это такое — самовозгорание.

Протез Ефим не надел, шел на костылях — чтоб заметней было, что он без ноги. Ордена, правда, не надел: хватит того, что нашумел с ними тогда, после демобилизации.

«С другой стороны, если каждый будет поджигать вот так вот, я с одними костылями и останусь на белом свете. А то и самого опалят, как борова в соломе. Так что мое дело правое».

Гребенщикова была уже в сельсовете, посмотрела на Валикова гордо, ничего не сказала, не поздоровалась, отвернулась.

«Ох ты, горе мое, горюшко! — не желает мамзель с нами здороваться», — посмеялся сам с собой Ефим. Он не то чтобы обиделся, а захотелось, чтобы этой «баронке» так бы прямо и сказали: «Чем же тут гордиться-то, милая? Подождла человека, да еще нос воротить!»

Судья, молодой мужчина, усталый, долго смотрел в бумаги, потом посмотрел на Аллу Кузьминичну, на Ефима...

— Рассказывайте.

Ефим подумал, что надо, наверно, ему первому начинать.

— Видите ли, в чем тут дело: вот эта вот гражданка...

— Вы уж прямо как враги — «гражданка»... Соседи ведь.

— Соседи, — поспешил Ефим. — Да мне-то весь этот суд — собаке пятая нога...

— А подаете.

— Да она же платить нисколько не хочет! А баня была новая, у меня вся деревня свидетели.

— Как все это произошло, Алла Кузьминична?

— Я разбила парничок и немного подогрела навоз...

— Подождли его?

— Да, но он некоторое время погорел, потом я его завалила влажным навозом. Он, очевидно, хорошо прогрелся и самовозгорелся ночью.

— Во! — изумился Ефим. — Да я, можно сказать, родился на этом навозе! Я как себя помню, так помню, что ворочал его, — так уж за всю-то жизнь изучил я его, как вы думаете? Потом, не забывайте: мы каждый год кизяки топчем! Уж я его ворочал-переворочал, этот навоз, как не знаю...

— Товарищ Валиков отрицает, что навоз может самовозгореться. У него в практике этого не было... Ну и что?

Судья смотрел на Аллу Кузьминичну, кивал головой.

— Нельзя же на этом основании вообще отрицать этот факт. Вы же понимаете, что надо же считаться с научными данными тоже, — продолжала Алла Кузьминична.

Судья все кивал головой.

«Счас докажут, что я верблюду», — затосковал Ефим.

¹ Режим доступа: http://www.libtxt.ru/chitat/shukshin_vasily/24763-sud.html

ЧАСТЬ 2. Судебные речи¹

Судебные речи второй половины XIX века

Русское судебное красноречие начинает развиваться со второй половины XIX века, после судебной реформы 1864 г., с введением суда присяжных и с учреждением присяжной адвокатуры. Суд впервые становится гласным и состязательным. В залы судебных заседаний допускаются публика и представители прессы. Русские судебные ораторы XIX в., которых характеризовала высокая гражданственность, нередко раскрывали в судебных речах противоречия общественного строя, довольно часто приводившие к совершению преступлений.

Александров П.А.

«Речь в защиту В. Засулич»

Господа присяжные заседатели!

Я выслушал благородную, сдержанную речь товарища прокурора, и со многим из того, что сказано им, я совершенно согласен; мы расходимся лишь в весьма немногом, но, тем не менее, задача моя после речи господина прокурора не оказалась облегченной. Не в фактах настоящего дела, не в сложности их лежит его трудность; дело это просто по своим обстоятельствам, до того просто, что если ограничиться одним только событием 24 января, тогда почти и рассуждать не придется. Кто станет отрицать, что самоуправное убийство есть преступление; кто будет отрицать то, что утверждает подсудимая, что тяжело поднимать руку для самоуправной расправы?

Все это истины, против которых нельзя спорить, но дело в том, что событие 24 января не может быть рассматриваемо отдельно от другого случая: оно так связывается, так переплетается с фактом совершившегося в доме предварительного заключения 13 июля, что если непонятным будет смысл покушения, произведенного В. Засулич на жизнь генерал-адъютанта Трепова, то его можно уяснить, только сопоставляя это покушение с теми мотивами, начало которых положено было происшествием в доме предварительного заключения. В самом сопоставлении, собственно говоря, не было бы ничего трудного; очень нередко разбира-

ется не только такое преступление, но и тот факт, который дал мотив этому преступлению. Но в настоящем деле эта связь до некоторой степени усложняется, и разъяснение ее затрудняется. В самом деле, нет сомнения, что распоряжение генерал-адъютанта Трепова было должностное распоряжение.

Но должностное лицо мы теперь не судим, и генерал-адъютант Трепов является здесь в настоящее время не в качестве подсудимого должностного лица, а в качестве свидетеля, лица, потерпевшего от преступления; кроме того, чувство приличия, которое мы не решились бы преступить в защите нашей и которое не может не внушить нам известной сдержанности относительно генерал-адъютанта Трепова как лица, потерпевшего от преступления, я очень хорошо понимаю, что не могу касаться действий должностного лица и обсуждать их так, как они обсуждаются, когда это должностное лицо предстоит в качестве подсудимого. Но из того затруднительного положения, в котором находится защита в этом деле, можно, мне кажется, выйти следующим образом.

Всякое должностное, начальствующее лицо представляется мне в виде двуликого Януса, поставленного в храме, на горе; одна сторона этого Януса обращена к закону, к начальству, к суду; она ими освещается и обсуждается; обсуждение здесь полное, веское, правдивое; другая сторона обращена к нам, простым смертным, стоящим в притворе храма, под горой. На эту сторону мы смотрим, и она бывает не всегда одинаково освещена для нас. Мы к ней подходим иногда только с простым фонарем, с грошовой свечкой, с тусклой лампой, многое для нас темно, многое наводит нас на такие суждения, которые не согласуются со взглядами начальства, суда на те же действия должностного лица. Но мы живем в этих, может быть, иногда и ошибочных понятиях, на основании их мы питаем те или другие чувства к должностному лицу, порицаем его или славословим его, любим или остаемся к нему равнодушны, радуемся, если находим распоряжения вполне справедливыми.

Когда действия должностного лица становятся мотивом для наших действий, за которые мы судимся и должны отвечать, тогда важно иметь в виду не только то, правильны или неправильны действия должностного лица с точки зрения закона, а как мы сами смотрели на них. Не суждения закона о должностном действии, а наши воззрения на него должны быть приняты как обстоятельства, обуславливающие степень нашей ответственности. Пусть эти воззрения будут и неправильны, — они ведь имеют значение не для суда над должностным лицом, а для суда над нашими поступками, соображенными с теми или другими руководившими нами понятиями.

Чтобы вполне судить о мотиве наших поступков, надо знать, как эти мотивы отразились в наших понятиях. Таким образом, в моем суждении о событии 13 июля не будет обсуждения действий должностного лица, а только разъяснение

¹ Выдающиеся риторы: от античности до современности / в кн.: Риторика: Практикум для бакалавров. ИОП РГУП. Приложение 2.

того, как отразилось это событие на уме и убеждениях Веры Засулич. Оставаясь в этих пределах, я, полагаю, не буду судьей действий должностного лица и затем надеюсь, что в этих пределах мне будет дана необходимая законная свобода слова и вместе с тем будет оказано снисхождение, если я с некоторой подробностью остановлюсь на таких обстоятельствах, которые с первого взгляда могут и не казаться прямо относящимися к делу. Являясь защитником В. Засулич, по ее собственному избранию, выслушав от нее, в моих беседах с нею, многое, что она находила нужным передать мне, я невольно впадаю в опасение не быть полным выразителем ее мнения и упустить что-либо, что, по взгляду самой подсудимой, может иметь значение для ее дела.

Я мог бы теперь начать прямо со случая 13 июля, но нужно прежде исследовать почву, которая обусловила связь между 13 июля и 24 января. Эта связь лежит во всем прошедшем, во всей жизни В. Засулич. Рассмотреть эту жизнь весьма поучительно; поучительно рассмотреть ее не только для интересов настоящего дела, не только для того, чтобы определить, в какой степени виновна В. Засулич, но ее прошедшее поучительно и для извлечения из него других материалов, нужных и полезных для разрешения таких вопросов, которые выходят из пределов суда: для изучения той почвы, которая у нас нередко производит преступление и преступников. Вам сообщены уже о В. Засулич некоторые биографические данные; они не длинны, и мне придется остановиться только на некоторых из них.

Вы помните, что с семнадцати лет, по окончании образования в одном из московских пансионов, после того как она выдержала с отличием экзамен на звание домашней учительницы, Засулич вернулась в дом своей матери. Старуха-мать ее живет в Петербурге. В небольшой сравнительно промежутке времени семнадцатилетняя девушка имела случай познакомиться с Нечаевым и его сестрой.

Познакомилась она с ней совершенно случайно, в учительской школе, куда она ходила изучать звуковой метод преподавания грамоты. Кто такой был Нечаев, какие его замыслы, она не знала, да тогда еще и никто не знал его в России; он считался простым студентом, который играл некоторую роль в студенческих волнениях, не представлявших ничего политического.

По просьбе Нечаева В. Засулич согласилась оказать ему некоторую, весьма обыкновенную услугу. Она раза три или четыре принимала от него письма и передавала их по адресу, ничего, конечно, не зная о содержании самих писем. Впоследствии оказалось, что Нечаев — государственный преступник, и ее совершенно случайные отношения к Нечаеву послужили основанием к привлечению ее в качестве подозреваемой в государственном преступлении по известному нечаевскому делу. Вы помните из рассказа В. Засулич, что двух лет тюремного заключения стоило ей это подозрение. Год она просидела в Литовском замке и год

в Петропавловской крепости. Это были восемнадцатый и девятнадцатый годы ее юности.

Годы юности — по справедливости — считаются лучшими годами в жизни человека; воспоминания о них, впечатления этих лет остаются на всю жизнь. Недавний ребенок готовится стать созревшим человеком. Жизнь представляется пока издали ясной, розовой, обольстительной стороной без мрачных теней, без темных пятен. Много переживает юноша в эти короткие годы, и пережитое кладет след на всю жизнь. Для мужчины это пора высшего образования; здесь пробуждаются первые прочные симпатии; здесь завязываются товарищеские связи; отсюда выносятся навсегда любовь к месту своего образования, к своей alma mater. Для девицы годы юности представляют пору расцвета, полного развития; перестав быть дитятей, свободная еще от обязанностей жены и матери, девица живет полною радостью, полным сердцем. То — пора первой любви, беззаботности, веселых надежд, незабываемых радостей, пора дружбы; то — пора всего того дорогого, неуловимо-мимолетного, к чему потом любят обращаться воспоминаниями зрелая мать и старая бабушка.

Легко вообразить, как провела Засулич эти лучшие годы своей жизни, в каких забавах, в каких радостях провела она это дорогое время, какие розовые мечты волновали ее в стенах Литовского замка и казематах Петропавловской крепости. Полное отчуждение от всего, что за тюремной стеной. Два года она не видела ни матери, ни родных, ни знакомых. Изредка только через тюремное начальство доходила весть от них, что все, мол, слава богу, здоровы. Ни работы, ни занятий. Кое-когда только книга, прошедшая через тюремную цензуру. Возможность сделать несколько шагов по комнате и полная невозможность увидеть что-либо через тюремное окно. Отсутствие воздуха, редкие прогулки, дурной сон, плохое питание. Человеческий образ видится только в тюремном стороже, приносящем обед, да в часовом, заглядывающем, время от времени, в дверное окно, чтобы узнать, что делает арестант. Звук отворяемых и затворяемых замков, бряцание ружей сменяющихся часовых, мерные шаги караула да уныло-музыкальный звон часов Петропавловского шпица. Вместо дружбы, любви, человеческого общения — одно сознание, что справа и слева, за стеной, такие же товарищи по несчастью, такие же жертвы несчастной доли.

В эти годы зарождающихся симпатий Засулич действительно создала и закрепила в душе своей навеки одну симпатию — беззаветную любовь ко всякому, кто, подобно ей, принужден влачить несчастную жизнь подозреваемого в политическом преступлении. Политический арестант, кто бы он ни был, стал ей дорогим другом, товарищем юности, товарищем по воспитанию. Тюрьма была для нее alma mater, которая закрепила эту дружбу, это товарищество. Два года кончились. Засулич отпустили, не найдя даже никакого основания предать ее суду.

Ей сказали: «Иди», — и даже не прибавили: «И более не согрешай», — потому что прегрешений не нашлось, и до того не находилось их, что в продолжение двух лет она всего только два раза была спрошена, и одно время серьезно думала, в продолжение многих месяцев, что она совершенно забыта: «Иди». Куда же идти?

По счастью, у нее есть куда идти — у нее здесь, в Петербурге, старуха-мать, которая с радостью встретит дочь. Мать и дочь были обрадованы свиданием; казалось, два тяжелых года исчезли из памяти. Засулич была еще молода — ей был всего двадцать первый год. Мать утешала ее, говорила: «Поправишься, Верочка, теперь все пройдет, все кончилось благополучно». Действительно, казалось, страдания излечатся, молодая жизнь одолеет, и не останется следов тяжелых лет заключения.

Была весна, пошли мечты о летней дачной жизни, которая могла казаться земным раем после тюремной жизни; прошло десять дней, полных розовых мечтаний. Вдруг поздний звонок. Не друг ли запоздалый? Оказывается — не друг, но и не враг, а местный надзиратель. Объясняет он Засулич, что приказано ее отправить в пересыльную тюрьму. «Как в тюрьму? Вероятно, это недоразумение, я не привлечена к нечаевскому делу, не предана суду, обо мне дело прекращено судебною палатою и Правительствующим Сенатом». — «Не могу знать, — отвечает надзиратель, — пожалуйста, я от начальства имею предписание взять вас».

Мать принуждена отпустить дочь. Дала ей кое-что: легкое платье, бурнус, говорит: «Завтра мы тебя навестим, мы пойдем к прокурору, этот арест — очевидное недоразумение, дело объяснится и ты будешь освобождена». Проходят пять дней, В. Засулич сидит в пересыльной тюрьме с полной уверенностью скорого освобождения. Возможно ли, чтобы после того, как дело было прекращено судебною властью, не нашедшей никакого основания в чем бы то ни было обвинять Засулич, она, едва двадцатилетняя девица, живущая у матери, могла быть выслана, и выслана только что освобожденная, после двухлетнего тюремного заключения.

В пересыльной тюрьме навещают ее мать, сестра; ей приносят конфеты, книжки; никто не воображает, чтобы она могла быть выслана, и никто не озабочен приготовлениями к предстоящей высылке.

На пятый день задержания ей говорят: «Пожалуйста, вас сейчас отправляют в город Крестцы». — «Как отправляют? Да у меня нет ничего для дороги. Подождите, по крайней мере, дайте мне возможность дать знать родственникам, предупредить их. Я уверена, что тут какое-нибудь недоразумение. Окажите мне снисхождение, подождите, отложите мою отправку хоть на день, на два, я дам знать родным». — «Нельзя, — говорят, — не можем по закону, требуют вас немедленно отправить».

Рассуждать было нечего. Засулич понимала, что надо покориться закону, не знала только, о каком законе тут речь. Поехала она в одном платье, в легком бур-

нусе; пока ехала по железной дороге, было сносно, потом поехала на почтовых, в кибитке, между двух жандармов. Был апрель месяц, стало в легком бурнусе невыносимо холодно: жандарм снял свою шинель и одел барышню. Привезли ее в Крестцы. В Крестцах сдали ее исправнику, исправник выдал квитанцию в принятии клади и говорит Засулич: «Идите, я вас не держу, вы не арестованы. Идите и по субботам являйтесь в полицейское управление, так как вы состоите у нас под надзором».

Рассматривает Засулич свои ресурсы, с которыми ей придется начать новую жизнь в неизвестном городе. У нее оказывается рубль денег, французская книжка, да коробочка шоколадных конфет.

Нашелся добрый человек, дьячок, который поместил ее в своем семействе. Найти занятие в Крестцах ей не представилось возможности тем более, что нельзя было скрыть, что она — высланная административным порядком. Я не буду затем повторять другие подробности, которые рассказала сама В. Засулич. Из Крестцов ей пришлось ехать в Тверь, в Солигалич, в Харьков. Таким образом началась ее бродячая жизнь — жизнь женщины, находящейся под надзором полиции. У нее делали обыски, призывали для разных опросов, подвергали иногда задержкам не в виде арестов и, наконец, о ней совсем забыли.

Когда от нее перестали требовать, чтобы она еженедельно являлась на просмотр к местным полицейским властям, тогда ей улыбнулась возможность контрабандой поехать в Петербург и затем с детьми своей сестры отправиться в Пензенскую губернию. Здесь она летом 1877 года прочитывает в первый раз в газете «Голос» известие о наказании Боголюбова.

Да позволено мне будет, прежде чем перейти к этому известию, сделать еще маленькую экскурсию в область розги.

Я не имею намерения, господа присяжные заседатели, представлять вашему вниманию историю розги — это завело бы меня в область слишком отдаленную, к весьма далеким страницам нашей истории, ибо история русской розги весьма продолжительна. Нет, не историю розги хочу я повествовать перед вами, я хочу привести лишь несколько воспоминаний о последних днях ее жизни.

Вера Ивановна Засулич принадлежит к молодому поколению. Она стала себя помнить тогда уже, когда наступили новые порядки, когда розги отошли в область преданий. Но мы, люди предшествовавшего поколения, мы еще помним то полное господство розг, которое существовало до 17 апреля 1863 г. Розга царила везде: в школе, на мирском сходе, она была неременной принадлежностью на конюшне помещика, потом в казармах, в полицейском управлении... Существовало сказание — апокрифического, впрочем, свойства, — что где-то русская розга была приведена в союз с английским механизмом, и русское сечение совершалось по всем правилам самой утонченной европейской вежливости. Впро-

чем, достоверность этого сказания никто не подтверждал собственным опытом. В книгах наших уголовных, гражданских и военных законов розга испещряла все страницы. Она составляла какой-то легкий мелодический перезвон в общем громкозвучающем гуле плети, кнута и шпицрутенгов.

Но наступил великий день, который чтит вся Россия, — 17 апреля 1863 г., — и розга перешла в область истории. Розга, правда, не совсем, но все другие телесные наказания миновали совершенно. Розга не была совершенно уничтожена, но крайне ограничена. В то время было много опасений за полное уничтожение розги, опасений, которых не разделяло правительство, но которые волновали некоторых представителей интеллигенции. Им казалось вдруг как-то неудобным и опасным оставить без розог Россию, которая так долго вела свою историю рядом с розгой, — Россию, которая, по их глубокому убеждению, сложилась в обширную державу и достигла своего величия едва ли не благодаря розгам. Как, казалось, вдруг остаться без этого цемента, связующего общественные устои? Как будто в утешение этих мыслителей розга осталась в очень ограниченных размерах и утратила свою публичность.

По каким соображениям решились сохранить ее, я не знаю, но думаю, что она осталась как бы в виде сувенира после умершего или удалившегося навсегда лица. Такие сувениры обыкновенно приобретаются и сохраняются в малых размерах. Тут не нужно целого шиньона, достаточно одного локона; сувенир обыкновенно не выставляется наружу, а хранится в тайнике медальона, в дальнем ящике. Такие сувениры не переживают более одного поколения.

Когда в исторической жизни народа нарождается какое-либо преобразование, которое способно поднять дух народа, возвысить его человеческое достоинство, тогда подобное преобразование прививается и приносит свои плоды. Таким образом, и отмена телесного наказания оказала громадное влияние на поднятие в русском народе чувства человеческого достоинства. Теперь стал позорен тот солдат, который довел себя до наказания розгами; теперь смешон и считается бесчестным тот крестьянин, который допустит себя наказывать розгами.

Вот в эту-то пору, через пятнадцать лет после отмены розог, которые, впрочем, давно уже были отменены для лиц привилегированного сословия, над политическим осужденным арестантом было совершено позорное сечение. Обстоятельство это не могло укрыться от внимания общества: о нем заговорили в Петербурге, о нем вскоре появляются газетные известия. И вот эти-то газетные известия дали первый толчок мыслям В. Засулич. Короткое газетное известие о наказании Боголюбова розгами не могло не произвести на Засулич подавляющего впечатления. Оно производило такое впечатление на всякого, кому знакомо чувство чести и человеческого достоинства.

Человек, по своему рождению, воспитанию и образованию чуждый розги; человек, глубоко чувствующий и понимающий все ее позорное и унижительное значение; человек, который по своему образу мыслей, по своим убеждениям и чувствам не мог без сердечного содрогания видеть и слышать исполнение позорной экзекуции над другими, — этот человек сам должен был перенести на собственной коже всеподавляющее действие унижительного наказания. Какое, думала Засулич, мучительное истязание, какое презрительное поругание над всем, что составляет самое существенное достояние развитого человека, и не только развитого, но и всякого, кому не чуждо чувство чести и человеческого достоинства.

Не с точки зрения формальностей закона могла обсуждать В. Засулич наказание, произведенное над Боголюбовым, но и для нее не могло быть ясным из самых газетных известий, что Боголюбов, хотя и был осужден в каторжные работы, но еще не поступил в разряд ссыльно-каторжных, что над ним не было еще исполнено все то, что, по фикции закона, отнимает от человека честь, разрывает всякую связь его с прошедшим и низводит его на положение лишенного всех прав. Боголюбов содержался еще в доме предварительного заключения, он жил среди прежней обстановки, среди людей, которые напоминали ему его прежнее положение.

Нет, не с формальной точки зрения обсуждала В. Засулич наказание Боголюбова; была другая точка зрения, менее специальная, более сердечная, более человеческая, которая никак не позволяла примириться с разумностью и справедливостью произведенного над Боголюбовым наказания. Боголюбов был осужден за государственное преступление. Он принадлежал к группе молодых, очень молодых людей, судившихся за преступную манифестацию на площади Казанского собора. Весь Петербург знает об этой манифестации, и все с сожалением отнеслись тогда к этим молодым людям, так опрометчиво заявившим себя политическими преступниками, к этим так непроизводительно погубленным молодым силам. Суд строго отнесся к судимому деянию. Покушение явилось в глазах суда весьма опасным посягательством на государственный порядок, и закон был применен с подобающей строгостью. Но строгость приговора за преступление не исключала возможность видеть, что покушение молодых людей было прискорбным заблуждением и не имело в своем основании таких расчетов, своекорыстных побуждений, преступных намерений, что, напротив, в основании его лежало доброе увлечение, с которым не совладал молодой разум, живой характер, и дало им направиться на ложный путь, приведший к прискорбным последствиям.

Характерные особенности нравственной стороны государственных преступлений не могут не обращать на себя внимания. Физиономия государственных преступлений нередко весьма изменчива. То, что вчера считалось государственным преступлением, сегодня или завтра становится высокочтимым подвигом

гражданской доблести. Государственное преступление нередко — только разновремененно высказанное учение преждевременного преобразования, проповедь того, что еще недостаточно созрело и для чего еще не наступило время.

Все это, несмотря на тяжкую кару закона, постигающую государственного преступника, не позволяет видеть в нем презренного, отвергнутого члена общества, не позволяет заглушить симпатий ко всему тому высокому, честному, доброму, разумному, что остается в нем вне сферы его преступного деяния. Мы, в настоящее славное царствование, тогда еще с восторгом юности, приветствовали старцев, возвращенных монаршим милосердием из снегов Сибири, этих государственных преступников, явившихся энергическими деятелями по различным отраслям великих преобразований, тех преобразований, несвоевременная мечта о которых стоила им годов каторги.

Боголюбов судебным приговором был лишен всех прав состояния и присужден к каторге. Лишение всех прав и каторга — одно из самых тяжелых наказаний нашего законодательства. Лишение всех прав и каторга одинаково могут постигнуть самые разнообразные тяжкие преступления, несмотря на все различие их нравственной подкладки. В этом еще нет ничего несправедливого. Наказание, насколько оно касается сферы права, изменения общественного положения, лишения свободы, принудительных работ, может, без особенно вопиющей неравномерности постигать преступника самого разнообразного характера. Разбойник, поджигатель, распространитель ереси, наконец, государственный преступник могут быть без явной несправедливости уравнены постигающим их наказанием.

Но есть сфера, которая не поддается праву, куда бессилён проникнуть нивелирующий закон, где всякая законная уравнительность была бы величайшей несправедливостью. Я разумею сферу умственного и нравственного развития, сферу убеждений, чувствований, вкусов, сферу всего того, что составляет умственное и нравственное достояние человека.

Высокоразвитый, полный честных нравственных принципов государственный преступник и безнравственный, презренный разбойник или вор могут одинаково, стена об стену, тянуть долгие годы заключения, могут одинаково нести тяжкий труд рудниковых работ, но никакой закон, никакое положение, созданное для них наказанием, не в состоянии уравнивать их во всем том, что составляет умственную и нравственную сферу человека. Что, потому, для одного составляет ничтожное лишение, легкое взыскание, то для другого может составить тяжёлую нравственную пытку, невыносимое, бесчеловечное истязание. Закон карающий может отнять внешнюю честь, все внешние отличия, с ней сопряженные, но истребить в человеке чувство моральной чести, нравственного достоинства судебным приговором, изменить нравственное содержание человека, лишить его всего того, что составляет неотъемлемое достояние его развития, никакой

закон не может. И если закон не может предусмотреть все нравственные, индивидуальные различия преступника, которые обуславливаются их прошедшим, то является на помощь общая, присущая человеку, нравственная справедливость, которая должна подсказать, что применимо к одному и что было бы высшею несправедливостью в применении к другому.

Если с этой точки зрения общей справедливости смотреть на наказание, примененное к Боголюбову, то понятным станет то возбуждающее, тяжелое чувство негодования, которое овладело всяким неспособным безучастно относиться к нравственному истязанию над ближним.

С чувством глубокого, непримиримого оскорбления за нравственное достоинство человека отнеслась Засулич к известию о позорном наказании Боголюбова.

Что был для нее Боголюбов? Он не был для нее родственником, другом, он не был ее знакомым, она никогда не видала и не знала его. Но разве для того, чтобы возмутиться видом нравственно раздавленного человека, чтобы прийти в негодование от позорного глумления над беззащитным, нужно быть сестрой, женой, любовницей? Для Засулич Боголюбов был политический арестант, и в этом слове было для нее все: политический арестант не был для Засулич отвлеченное представление, вычитываемое из книг, знакомое по слухам, по судебным процессам, — представление, возбуждающее в честной душе чувство сожаления, сострадания, сердечной симпатии. Политический арестант был для Засулич — она сама, ее горькое прошедшее, ее собственная история — история безвозвратно погубленных лет, лучших и дорогих в жизни каждого человека, которого не постигает тяжкая доля, перенесенная Засулич. Политический арестант был для Засулич — горькое воспоминание ее собственных страданий, ее тяжкого нервного возбуждения, постоянной тревоги, томительной неизвестности, вечной думы над вопросами: Что я сделала? Что будет со мной? Когда же наступит конец? Политический арестант был ее собственное сердце, и всякое грубое прикосновение к этому сердцу болезненно отзывалось на ее возбужденной натуре.

В провинциальной глуши газетное известие действовало на Засулич еще сильнее, чем оно могло бы действовать здесь, в столице. Там она была одна. Ей не с кем было разделить свои сомнения, ей не от кого было услышать слово участия по занимавшему ее вопросу. Нет, думала Засулич, вероятно, известие неверно, по меньшей мере оно преувеличено. Неужели теперь, и именно теперь, думала она, возможно такое явление? Неужели 20 лет прогресса, смягчение нравов, человеколюбивое отношение к арестованному, улучшение судебных и тюремных порядков, ограничение личного произвола, неужели 20 лет поднятия личности и достоинства человека вычеркнуты и забыты бесследно? Неужели к тяжкому приговору, постигшему Боголюбова, можно было прибавлять еще более тяжкое презрение к его человеческой личности, забвение в нем всего прошлого, всего,

что дали ему воспитание и развитие? Неужели нужно было еще наложить несмыслимый позор на эту, положим, преступную, но во всяком случае не презренную личность?

Нет ничего удивительного, продолжала думать Засулич, что Боголюбов в состоянии нервного возбуждения, столь понятного в одиночно-заключенном арестанте, мог, не владея собой, позволить себе то или другое нарушение тюремных правил, но на случай таких нарушений, если и признавать их вменяемыми человеку в исключительном состоянии его духа, существуют у тюремного начальства другие меры, ничего общего не имеющие с наказанием розгами. Да и какой же поступок приписывает Боголюбову газетное известие? Неснятие шапки при вторичной встрече с почетным посетителем. Нет, это невероятно, успокаивалась Засулич; подождем, будет опровержение, будет разъяснение происшествия; по всей вероятности, оно окажется не таким, как представлено.

Но не было ни разъяснений, ни опровержений, ни гласа, ни послушания. Тишина молчания не располагала к тишине взволнованных чувств. И снова возникал в женской экзальтированной голове образ Боголюбова, подвергнутого позорному наказанию, и распаленное воображение старалось угадать, перечувствовать все то, что мог перечувствовать несчастный. Рисовалась возмущающая душу картина, но то была еще только картина собственного воображения, не проверенная никакими данными, не пополненная слухами, рассказами очевидцев, свидетелей наказания; скоро явилось и то и другое.

В сентябре Засулич была в Петербурге; здесь уже она могла проверить занимавшее ее мысль происшествие по рассказам очевидцев или лиц, слышавших непосредственно от очевидцев. Рассказы по содержанию своему не способны были усмирить возмущенное чувство. Газетное известие оказывалось непреувеличенным; напротив, оно дополнялось такими подробностями, которые заставляли содрогаться, которые приводили в негодование. Рассказывалось и подтверждалось, что Боголюбов не имел намерения оказать неуважение, неповиновение, что естественное уклонение от внушения, которое ему угрожало, что попытка сбить с Боголюбова шапку вызвала крики со стороны смотревших на происшествие арестантов независимо от какого-либо возмущения их к тому Боголюбовым. Рассказывались дальние возмутительные подробности приготовления и исполнения наказания.

Во двор, на который из окон камер неслись крики арестантов, взволнованных происшествием с Боголюбовым, является смотритель тюрьмы и, чтобы «успокоить» волнение, возвещает о предстоящем наказании Боголюбова розгами, не успокоив никого этим в действительности, но, несомненно, доказав, что он, смотритель, обладает и практическим тактом и пониманием человеческого сердца. Перед окнами женских арестантских камер, в виду испуганных чем-то

необычайным происходящим в тюрьме женщин, вяжутся пуки розог, как будто бы драть предстояло целую роту; разминаются руки, делаются репетиции предстоящей экзекуции, и в конце концов нервное волнение арестантов возбуждается до такой степени, что ликторы считают нужным убраться в сарай и оттуда выносят пуки розог уже спрятанными под шинелями.

Теперь, по отрывочным рассказам, по догадкам, по намекам нетрудно было вообразить и настоящую картину экзекуции. Восставала эта бледная, испуганная фигура Боголюбова, не ведающая, что он сделал, что с ним хотят творить; восставал в мыслях болезненный его образ. Вот он, приведенный на место экзекуции и пораженный известием о том позоре, который ему готовится; вот он, полный негодования и думающий, что эта сила негодования даст ему силы Самсона, чтоб устоять в борьбе с массой ликторов, исполнителей наказания; вот он, падающий под массой пудов человеческих тел, насевших ему на плечи, распростертый на полу, позорно обнаженный несколькими парами рук, как железом, прикованный, лишенный всякой возможности сопротивляться, и над всей этой картиной мерный свист березовых прутьев, да также мерное счисление ударов благородным распорядителем экзекуции. Все замерло в тревожном ожидании стога; этот стон раздался, — то не был стон физической боли — не на нее рассчитывали; то был мучительный стон удушенного, униженного, поруганного, раздавленного человека. Священнодействие совершилось, позорная жертва была принесена!.. Сведения, полученные Засулич, были подробны, обстоятельны, достоверны. Теперь тяжелые сомнения сменились еще более тяжелой известностью. Роковой вопрос встал со всей его беспокойною настойчивостью. Кто же вступится за поруганную честь беспомощного каторжника? Кто смеет, кто и как искупит тот позор, который навсегда неутешимую болью будет напоминать о себе несчастному? С твердостью перенесет осужденный суровость каторги, но не примирится с этим возмездием за его преступление, быть может, сознает его справедливость, быть может, наступит минута, когда милосердие с высоты трона и для него откроется, когда скажут ему: «Ты искупил свою вину, войди опять в то общество, из которого ты удален, — войди и будь снова гражданином». Но кто и как изгладит в его сердце воспоминание о позоре, о поруганном достоинстве; кто и как смеет то пятно, которое на всю жизнь останется неизгладимым в его воспоминании? Наконец, где же гарантия против повторения подобного случая?

Много товарищей по несчастью у Боголюбова, — неужели и они должны существовать под страхом всегдашней возможности испытать то, что пришлось перенести Боголюбову? Если юристы могли создать лишение прав, то отчего психологи, моралисты не велят со средствами отнять у лишенного прав его нравственную физиономию, его человеческую натуру, его душевное состояние; отчего

же они не укажут средств низвести каторжника на степень скота, чувствующего физическую боль и чуждого душевным страданиям?

Так думала, так не столько думала, как инстинктивно чувствовала В. Засулич. Я говорю ее мыслями, я говорю почти ее словами. Быть может, найдется много экзальтированного, болезненно-преувеличенного в ее думах, волновавших ее вопросах, в ее недоумении. Быть может, законник нашелся бы в этих недоумениях, подведя приличную статью закона, прямо оправдывающую случай с Боголюбовым: у нас ли не найти статьи закона, коли нужно ее найти? Быть может, опытный блюститель порядка доказал бы, что иначе поступить, как было поступлено с Боголюбовым, и невозможно, что иначе и порядка существовать не может. Быть может, не блюститель порядка, а просто практический человек сказал бы, с полной уверенностью в разумности своего совета: «Бросьте вы, Вера Ивановна, это самое дело: не вас ведь выпороли».

Но и законник, и блюститель порядка, и практический человек не разрешил бы волновавшего Засулич сомнения, не успокоил бы ее душевной тревоги. Не надо забывать, что Засулич — натура экзальтированная, нервная, болезненная, впечатлительная; не надо забывать, что павшее на нее, чуть не ребенка в то время, подозрение в политическом преступлении, подозрение не оправдавшееся, но стоившее ей двухлетнего одиночного заключения, и затем бесприютное скитание надломили ее натуру, навсегда оставив воспоминание о страданиях политического арестанта, толкнули ее жизнь на тот путь и в ту среду, где много поводов к страданию, душевному волнению, но где мало места для успокоения на соображениях практической пошлости.

В беседах с друзьями и знакомыми, наедине днем и ночью среди занятий и без дела Засулич не могла оторваться от мысли о Боголюбове, и ни откуда сочувственной помощи, ни откуда удовлетворения души, взволнованной вопросами: кто вступится за опозоренного Боголюбова, кто вступится за судьбу других несчастных, находящихся в положении Боголюбова? Засулич ждала этого заступничества от печати, она ждала оттуда поднятия, возбуждения так волновавшего ее вопроса. Памятуя о пределах, молчала печать. Ждала Засулич помощи от силы общественного мнения. Из тиши кабинета, из интимного круга приятельских бесед не выползло общественное мнение. Она ждала, наконец, слова от правосудия. Правосудие... Но о нем ничего не было слышно.

И ожидания оставались ожиданиями. А мысли тяжелые и тревоги душевные не унимались. И снова, и снова, и опять, и опять возникал образ Боголюбова и вся его обстановка. Не звуки цепей смущали душу, но мрачные своды мертвого дома леденели воображение; рубцы — позорные рубцы — резали сердце, и замогильный голос заживо погребенного звучал: Что ж молчит в вас, братья, злоба, Что ж любовь молчит?

И вдруг внезапная мысль, как молния, сверкнувшая в уме Засулич: «О, я сама! Затихло, замолкло все о Боголюбове, нужен крик, в моей груди достанет воздуха издать этот крик, я издам его и заставлю его услышать!» Решимость была ответом на эту мысль в ту же минуту. Теперь можно было рассуждать о времени, о способах исполнения, но само дело, выполненное 24 января, было бесповоротно решено.

Между блеснувшей и зародившейся мыслью и исполнением ее протекли дни и даже недели; это дало обвинению право признать вмененное Засулич намерение и действие заранее обдуманном.

Если эту обдуманность относить к приготовлению средств, к выбору способов и времени исполнения, то, конечно, взгляд обвинения нельзя не признать справедливым, но в существе своем, в своей основе, намерение Засулич не было и не могло быть намерением хладнокровно обдуманном, как ни велико по времени расстояние между решимостью и исполнением. Решимость была и осталась внезапной, вследствие внезапной мысли, павшей на благоприятную, для нее подготовленную, почву, овладевшей всецело и всевластно экзальтированной натурой. Намерения, подобные намерению Засулич, возникающие в душе возбужденной, аффектированной, не могут быть обдумываемы, обсуждаемы.

Мысль сразу овладевает человеком, не его обсуждению она подчиняется, а подчиняет его себе и влечет за собою. Как бы далеко ни отстояло исполнение мысли, овладевшей душой, аффект не переходит в холодное размышление и остается аффектом. Мысль не проверяется, не обсуждается, ей служат, ей рабски повинуются, за ней следуют. Нет критического отношения, имеет место только безусловное поклонение. Тут обсуждаются и обдумываются только подробности исполнения, но это не касается сущности решения. Следует ли или не следует выполнить мысль, — об этом не рассуждают, как бы долго ни думали над средствами и способами исполнения. Страстное состояние духа, в котором зарождается и воспринимается мысль, не допускает подобного обсуждения; так вдохновенная мысль поэта остается вдохновенною, не выдуманною, хотя она и может задумываться над выбором слов и рифм для ее воплощения.

Мысль о преступлении, которое стало бы ярким и громким указанием на правду с Боголюбовым, всецело завладела возбужденным умом Засулич. Иначе и быть не могло: эта мысль как нельзя более соответствовала тем потребностям, отвечала на те задачи, которые волновали ее.

Руководящим побуждением для Засулич обвинение ставит месть. Местью и сама Засулич объяснила свой поступок, но для меня представляется невозможным объяснить вполне дело Засулич побуждением мести, по крайней мере мести, понимаемой в ограниченном смысле этого слова. Мне кажется, что слово

«месть» употреблено в показании Засулич, а затем и в обвинительном акте, как термин наиболее простой, короткий и несколько подходящий к обозначению побуждения, импульса, руководившего Засулич.

Но месть, одна «месть» была бы неверным мерилom для обсуждения внутренней стороны поступка Засулич. Мечь обыкновенно руководит личными счетами с отомщаемым за себя или близких. Но никаких личных, исключительно ее, интересов не только не было для Засулич в происшествии с Боголюбовым, но и сам Боголюбов не был ей близким, знакомым человеком.

Мечь стремится нанести возможно больше зла противнику; Засулич, стрелявшая в генерал-адъютанта Трепова, сознается, что для нее безразличны были те или другие последствия выстрела. Наконец, мечь старается достигнуть удовлетворения возможно дешевою ценой, мечь действует скрытно, с возможно меньшими пожертвованиями. В поступке Засулич, как бы ни обсуждать его, нельзя не видеть самого беззаветного, но и самого нерасчетливого самопожертвования. Так не жертвуют собой из-за одной узкой, эгоистической мести. Конечно, не чувство доброго расположения к генерал-адъютанту Трепову питала Засулич; конечно, у нее было известного рода недовольство против него, и это недовольство имело место в побуждениях Засулич, но ее мечь всего менее интересовалась лицом отомщаемым; ее мечь окрашивалась, видоизменялась, осложнялась другими побуждениями.

Вопрос справедливости и легальности наказания Боголюбова казался Засулич не разрешенным, а погребенным навсегда, — надо было воскресить его и поставить твердо и громко. Униженное и оскорбленное человеческое достоинство Боголюбова казалось невозстановленным, несмытым, неоправданным, чувство мести — неудовлетворенным. Возможность повторения в будущем случаев позорного наказания над политическими преступниками и арестантами казалась не предупрежденной.

Всем этим необходимостям, казалось Засулич, должно было удовлетворить такое преступление, которое с полной достоверностью можно было бы поставить в связь со случаем наказания Боголюбова и показать, что это преступление явилось как последствие случая 13 июля, как протест против поругания над человеческим достоинством политического преступника. Вступить за идею нравственной чести и достоинства политического осужденного, провозгласить эту идею достаточно громко и призвать к ее признанию и уверению, — вот те побуждения, которые руководили Засулич, и мысль о преступлении, которое было бы поставлено в связь с наказанием Боголюбова, казалось, может дать удовлетворение всем этим побуждениям. Засулич решила искать суда над ее собственным преступлением, чтоб поднять и вызвать обсуждение забытого случая о наказании Боголюбова.

Когда я совершу преступление, думала Засулич, тогда замолкнувший вопрос о наказании Боголюбова восстанет; мое преступление вызовет гласный процесс, и Россия, в лице своих представителей, будет поставлена в необходимость произнести приговор не обо мне одной, а произнести его, по важности случая, в виду Европы, той Европы, которая до сих пор любит называть нас варварским государством, в котором атрибутом правительства служит кнут.

Этими обсуждениями и определились намерения Засулич. Совершенно достоверным поэтому представляется то объяснение Засулич, которое притом же дано было ею при самом первоначальном ее допросе и было затем неизменно поддерживаемо, что для нее было безразлично: будет ли последствием произведенного ею выстрела смерть или только нанесение раны. Прибавлю от себя, что для ее целей было бы одинаково безразлично и то, если б выстрел, очевидно, направленный в известное лицо, и совсем не произвел никакого вредного действия, если б последовала осечка или промах. Не жизнь, не физические страдания генерал-адъютанта Трепова нужны были для Засулич, а появление ее самой на скамье подсудимых, вместе с нею появление вопроса о случае с Боголюбовым.

Было безразлично, совместно существовало намерение убить или ранить; намерению убить не отдавала Засулич никакого особенного преимущества. В этом направлении она и действовала. Ею не было предпринято ничего для того, чтобы выстрел имел неизбежным следствием смерть. О более опасном направлении выстрела она не заботилась. А, конечно, находясь в том расстоянии от генерал-адъютанта Трепова, в каком она находилась, она, действительно, могла бы выстрелить совершенно в упор и выбрать самое опасное направление. Вынув из кармана револьвер, она направила его так, как пришлось: не выбирая, не рассчитывая, не поднимая даже руки. Она стреляла, правда, в очень близком расстоянии, но иначе она и не могла действовать. Генерал-адъютант Трепов был окружен своею свитою, и выстрел на более далеком расстоянии мог грозить другим, которым Засулич не желала вредить. Стрелять в сторону было совсем дело не подходящее: это сводило бы драму, которая нужна была Засулич, на степень комедии.

На вопросе о том, имела ли Засулич намерение причинить смерть или имела намерение причинить только рану, прокурор остановился с особенной подробностью. Я внимательно выслушал те доводы, которые он высказал, но я согласиться с ними не могу, и они все падают перед соображением о той цели, которую имела В. Засулич. Ведь не отвергают же того, что именно оглашение дела с Боголюбовым было для В. Засулич побудительною причиною преступления.

При такой точке зрения мы можем довольно безразлично относиться к тем обстоятельствам, которые обратили внимание господина прокурора, например, что револьвер был выбран из самых опасных. Я не думаю, чтобы тут имелась

в виду наибольшая опасность; выбирался такой револьвер, какой мог удобнее войти в карман: большой нельзя было бы взять, потому что он высовывался бы из кармана, — необходимо было взять револьвер меньшей величины. Как он действовал — более опасно или менее опасно, какие последствия от выстрела могли произойти, — это для Засулич было совершенно безразлично. Мена револьвера произведена была без ведения Засулич. Но если даже и предполагать, как признает возможным предполагать прокурор, что первый револьвер принадлежит В. Засулич, то опять-таки перемена револьвера объясняется очень просто: прежний револьвер был таких размеров, что не мог поместиться в кармане.

Я не могу согласиться и с тем весьма остроумным предположением, что Засулич не стреляла в грудь и в голову генерал-адъютанта Трепова, находясь к нему en face, потому только, что чувствовала некоторое смущение, и что только после того, как несколько оправилась, она нашла в себе достаточно силы, чтобы произвести выстрел. Я думаю, что она просто не стреляла в грудь генерал-адъютанта Трепова потому, что она не заботилась о более опасном выстреле: она стреляет тогда, когда ей уже приходится уходить, когда ждать более нельзя. Раздался выстрел... Не продолжая более дела, которое совершала, довольствуясь вполне тем, что достигнуто, Засулич сама бросила револьвер, прежде чем успели схватить ее, и, отойдя в сторону, без борьбы и сопротивления отдалась во власть набросившегося на нее майора Курнеева и осталась не задушенной им только благодаря помощи других окружающих. Ее песня была теперь спета, ее мысль исполнена, ее дело совершено.

Я должен остановиться на прочтенном здесь показании генерал-адъютанта Трепова. В этом показании сказано, что после первого выстрела Засулич, как заметил генерал Трепов, хотела произвести второй выстрел, и что началась борьба: у нее отнимали револьвер. Это совершенно ошибочное показание генерал-адъютанта Трепова объясняется тем весьма понятным взволнованным состоянием, в котором он находился. Все свидетели, хотя также взволнованные происшествием, но не до такой степени, как генерал-адъютант Трепов, показали, что Засулич совершенно добровольно, без всякой борьбы, бросила сама револьвер и не показывала намерения продолжать выстрелы. Если же и представилось генерал-адъютанту Трепову что-либо похожее на борьбу, то это была та борьба, которую вел с Засулич Курнеев и вели прочие свидетели, которые должны были отрывать Курнеева, вцепившегося в Засулич.

Я думаю, что ввиду двойственности намерения Засулич, ввиду того, что для ее намерений было безразлично последствие большей или меньшей важности, что ею ничего не было предпринято для достижения именно большего результата, что смерть только допускалась, а не была исключительным стремлением В. Засулич, — нет оснований произведенный ею выстрел определять покушени-

ем на убийство. Ее поступок должен быть определен по тому последствию, которое произведено в связи с тем особым намерением, которое имело в виду это последствие.

Намерение было: или причинить смерть, или нанести рану; не последовало смерти, но нанесена рана. Нет основания в этой нанесенной ране видеть осуществление намерения причинить смерть, уравнивать это нанесение раны покушению на убийство, а вполне было бы справедливо считать не более как действительным нанесением раны и осуществлением намерения нанести такую рану.

Таким образом, отбрасывая покушение на убийство как не осуществившееся, следовало бы остановиться на действительно доказанном результате, соответствовавшем особому условному намерению — нанесению раны.

Если Засулич должна понести ответственность за свой поступок, то эта ответственность была бы справедливее за зло, действительно последовавшее, а не такое, которое не было предположено как необходимый и исключительный результат, как прямое и безусловное стремление, а только допускалось. Впрочем, все это — только мое желание представить вам соображения и посильную помощь к разрешению предстоящих вам вопросов; для личных же чувств и желаний Засулич безразлично, как бы ни разрешился вопрос о юридическом характере ее действий, для нее безразлично быть похороненной по той или другой статье закона. Когда она переступила порог дома градоначальника с решительным намерением разрешить мучившую ее мысль, она знала и понимала, что она несет в жертву все — свою свободу, остатки своей разбитой жизни, все то небольшое, что дала ей на долю мачеха-судьба.

И не торговаться с представителями общественной совести за то или другое уменьшение своей вины явилась она сегодня перед вами, господа присяжные заседатели.

Она была и осталась беззаветною рабой той идеи, во имя которой подняла она кровавое оружие.

Она пришла сложить перед нами все бремя наболевшей души, открыть скорбный лист своей жизни, честно и откровенно изложить все то, что она пережила, передумала, почувствовала, что двинуло ее на преступление, чего ждала она от него.

Господа присяжные заседатели! Не в первый раз на этой скамье преступлений и тяжелых душевных страданий является перед судом общественной совести женщина по обвинению в кровавом преступлении. Были здесь женщины, смертью мстившие своим соблазнительям; были женщины, обгарявшие руки в крови изменивших им любимых людей или своих более счастливых соперниц. Эти женщины выходили отсюда оправданными. То был суд правый, отклик суда божественного, который взирает не на внешнюю только сторону деяний, но и на

внутренний их смысл, на действительную преступность человека. Те женщины, совершая кровавую расправу, боролись и мстили за себя.

В первый раз является здесь женщина, для которой в преступлении не было личных интересов, личной мести, — женщина, которая со своим преступлением связала борьбу за идею, во имя того, кто был ей только собратом по несчастью всей ее молодой жизни. Если этот мотив проступка окажется менее тяжелым на весах общественной правды, если для блага общего, для торжества закона, для общественности нужно призвать кару законную, тогда — да совершится ваше карающее правосудие! Не задумывайтесь!

Не много страданий может прибавить ваш приговор для этой надломленной, разбитой жизни. Без упрека, без горькой жалобы, без обиды примет она от вас решение ваше и утешится тем, что, может быть, ее страдания, ее жертва предотвратила возможность повторения случая, вызвавшего ее поступок. Как бы мрачно ни смотреть на этот поступок, в самых мотивах его нельзя не видеть честного и благородного порыва.

Да, она может выйти отсюда осужденной, но она не выйдет опозоренной, и остается только пожелать, чтобы не повторялись причины, производящие подобные преступления, порождающие подобных преступников.

Андреевский С.А.

«Речь по делу Андреева»

Господа присяжные заседатели!

Убийство жены или любовницы, точно так же как убийство мужа или любовника, словом, лишение жизни самого близкого существа на свете, каждый раз вызывает перед нами глубочайшие вопросы душевной жизни. Приходится изучать всесторонне его и ее. Вам необходимо постигнуть обоих и сказать о них сущую правду, считаясь с тем, что они друг друга не понимали, потому что всегда и всюду «чужая душа — потемки»... А в супружестве, где, казалось бы, у мужа и жены одно тело, — это общее правило подтверждается особенно часто.

Кстати, едва ли сыщется другая пара, столь благоустроенная по видимости и столь разобщенная внутри, как Андреев и Зинаида Николаевна.

Посмотрим же, каким образом сплелась их судьба.

Начнем с мужа.

В первый брак Андреев вступил еще на двадцать третьем году. Брак был спокойный, без особенного увлечения. Девушка была из хорошей семьи, на три года моложе Андреева. Супруги зажили дружно. Андреев оставался верным мужем в самом точном смысле слова. Разнообразия в женщинах он не искал, не любил и даже не понимал. Он был из породы «однолюбов». Так длилось свыше десяти

лет. Лишь на тридцать пятом году перед Андреевым явилось искушение в лице Сарры Левиной. Помимо своей воли он был одурманен. В нем заговорила, если хотите, «вторая молодость», потому что первая прошла незаметно. Это роковое чувство гораздо глубже и полнее захватывает воздержанного и неразвратного человека, ежели первое, естественное влечение к женщине. Скромный мужчина, прозевавший бурные страсти юности, в таких случаях думает себе: «Вот оно, наконец, то настоящее счастье, которое, кажется, все знают, а я еще никогда не испытал»...

Я назвал Андреева «однолюбом», а теперь будто впадаю в противоречие... Как же «однолюб», если «вторая молодость»?

Но люди вполне чистые в половом отношении весьма редки. То есть, конечно, есть на свете безупречные женщины, не знавшие никого, кроме своего мужа. Бывают и мужья, остающиеся верными своим женам, вступая с ними в брак после всяческого дебоиства. Но едва ли когда-либо доселе была такая супружеская чета, которая и соединилась при обоюдной невинности, и осталась непорочной до гроба. Поэтому Андреев, знавший в течение 30 лет всего двух женщин, может быть назван мужчиной целомудренным, чистым, склонным к единолюбию.

Первая встреча Андреева со своей «суженой» произошла в Лесном, на общественном гулянье. Ему назвали ее как общедоступную «барышню» из швеек.

За ней ухаживали многие любители развлечений. Но вся она, с головы до ног, как-то сразу ударила его по сердцу. Объяснить этого чувства нельзя... У каждого есть своя предназначенная женщина, от которой никуда не спасешься... Такой была и Сарра Левина для Андреева. С каждой новой встречей он увлекался больше и дальше. Он делал ей подарки, выражал свои чувства. Она, видимо, приглядывалась к нему и подавала надежды. Наконец, его нежность и увлечение сделали свое дело. Она почуяла в нем нечто прочное — и отдалась... Она не была невинной. Как всегда в этих случаях, в прошлом любовницы оказалось что-то неопределенное, не то мимолетные романы, не то неосторожность. Андреев не углублялся и ничего знать не хотел. Первые раскрытые ему объятия решили его судьбу. Он уже не мог быть верным своей жене, он мог быть верным только Левиной.

Пришлось объясниться с женой. Началась ломка семьи. Жена не легко отдавала своего верного мужа, тем более что соперница скандалила и всячески оскорбляла ее. Встречаясь с ней на улице, Левина показывала ей язык. Застав у ее подъезда готовый экипаж, Левина в него садилась и приказывала кучеру везти ее, а не барыню. А Андреева только удивлялась, куда девался ее экипаж... Андреев был между двух огней. Сознывая себя невольным грешником, он мучился за причиняемые жене оскорбления и в то же время не мог винить Левину, видя в ее скандалах доказательство ее ревности, ее взаимности, ее желаний со-

единиться с ним нераздельно, к чему он и сам стремился всем сердцем. Тяжкое время переживал он...

Между тем Левина забеременела. Андреев обрадовался, ибо увидел в этом новое закрепление своей связи. Положение обострялось, потому что жена, возмущенная наглостью Левиной, принимала свои меры, чтобы избавиться от нее мужа. Она добилась того, что полиция «припугнула» Левину... Ничего не подозревавший Андреев застал однажды свою беременную любовницу в обмороке, с повесткой о высылке из Петербурга. Он экстренно пустил в ход все свои связи, и ему удалось парализовать высылку благодаря вмешательству в дело градоначальника Грессера. Не желая впредь подвергать любимую женщину подобным случайностям, он тотчас же записал ее в гильдию. Наконец, жена подчинилась своей участи. Андреев вполне обеспечил ее и их маленькую дочь. Было решено, что жена не будет препятствовать сожительству Андреева с Левиной, но развод не состоится, пока дочь от первого брака не выйдет замуж. С величайшим трудом первая семья была устроена и фактически отпала.

И мы должны отдать справедливость обоим супругам первого брака: каждый из них свято оберегал интересы детей.

Как только у Левиной родилась дочь, она приняла православие и назвалась Зинаидой. Крещение было необходимо для того, чтобы Андреев мог узаконить новорожденную. В то же время, по настоянию Андреева, и он, и его подруга составили завещание в пользу этого ребенка. С тех пор уже 17 лет как виденная вами барышня является единственной наследницей после своих родителей.

И вот началась у Андреева новая семья. Казалось бы, пара была вполне подходящая. Разница лет двенадцать — очень хорошая. Оба из купеческой среды, не особенно образованные. Она уже помыкала в безденежье, без определенного заработка и ранее встречи с Андреевым рисковала, как говорится, «ходить по рукам»... Ей достался человек солидный, верный, не чаявший в ней души, окруживший ее достатком, любовью и нежными заботами. Чего бы, кажется, еще желать? И действительно, Андреев ничего больше не желал.

В печати, не зная дела, уже рассуждали об этом союзе. Удивлялись, что биржевый маклер сделался героем уголовного романа. Предполагали, что здесь проза заела поэзию, что эгоистичный, состоятельный торгаш загубил порывистую женскую натуру и т. д.

Ничего подобного здесь не было. Андреев имел полное право считать себя счастливым мужем. Спросят: «Как, мужем? Да ведь Левина почти 14 лет была у него на содержании...» Стоит ли против этого возражать? В общегитии, из лицемерия, люди придумали множество фальшиво возвышенных и фальшиво презрительных слов. Если мужчина повенчан с женщиной, о ней говорят: «супруга, жена». А если нет, ее называют: «наложница, содержанка». Но разве законная

жена не знает, что такое «ложе»? Разве муж почти всегда не «содержит» свою жену? Истинным браком я называю такой любовный союз между мужчиной и женщиной, когда ни ей, ни ему никого другого не нужно, — когда он для нее заменяет всех мужчин, а она для него всех женщин. И в этом смысле для Андреева избранная им подруга была его истинной женой.

Кстати, первая жена своевременно сдержала слово: после замужества ее дочери состоялся развод, и за три года до катастрофы Зинаида Николаевна обвенчалась с Андреевым. Все в один голос говорят, что Андреев «безумно» любил свою жену. Почему? Если для кого-либо из вас не ясно, я вам помогу.

Возьмите всю жизнь Андреева. Вы увидите, что он работал без устали и работал успешно. Добывал очень хорошие деньги. Но деньгами не дорожил, роскоши не понимал. Убыточных увлечений не имел. Не игрок, не пьяница, не обжора, не сладострастник, не честолюбец. В сущности, вся работа уходила на других. Он отдал большой капитал первой семье. Помимо того, участвовал во всевозможных благотворительных обществах и заслужил разные почетные звания. Высшие духовные интересы — наука, искусство — были ему чужды. Скажите: надо же было иметь и этому хорошему человеку что-либо такое, что бы составляло его личное счастье, его отдых, его утешение. И его повлекло к тому простому счастью, которое вложено в нас самой природой, — к излюбленной женщине, которая бы пополнила одиночество мужчины. Что бы там ни говорили, но «не подобает быть человеку единому». Это закон жизни, основа всего мира. Какую бы дружбу мы к ближним ни испытывали, мы все-таки чувствуем себя отдаленными от них. Только в существовании другого пола мы находим как бы частицу своего сердца, которое стучит нам навстречу и сливает нас с этим существом нераздельно. Эту высшую радость Андреев нашел в своей второй жене. Он не знал, как отблагодарить ее... Исполнял все ее прихоти. Отдавал ей все, что у него было. Уступал ее резкостям, всегда умел оправдывать ее шероховатости.

По своим ощущениям он мог бы поклясться, что эта женщина ни в ком другом не нуждается. И так как он никакой иной женщины не обнимал, то он сросся с женой, он видел в ней и в себе две неразрывные половины одного создания.

Не сомневаюсь, что Сарра Левина, благодаря своему легкому взгляду на мужчин и чувственному темпераменту, отдавалась своему здоровому супругу с полнейшей для него иллюзией горячей взаимности. Чего бы он мог еще требовать? И в таком заблуждении он прожил, насколько возможно, счастливо, в течение почти семнадцати лет... Как вдруг!...

Но здесь мы оставим мужа и обратимся к жене.

Тяжело говорить о мертвых. Гнусно было бы лгать на них, потому что они возразить не могут. Но так как «мертвые срама не имут», то высказывать о них прав-

ду не только возможно, но даже и необходимо, потому что каждый умерший есть поучение для живых.

Итак, присмотримся к Сарре Левиной.

Связавшись с Андреевым, прижив от него ребенка и переманив его к себе, на правах мужа, Зинаида Николаевна сообразила, что она приобрела семейное положение и, однако же, нисколько не утратила своей свободы. Снаружи она все так обставила, что, как ей думалось, никогда и ничем не рисковала. Почти весь день был в ее распоряжении, так как муж работал в городе с утра до обеда. Кроме того, ей иногда удавалось ездить одной в Михайловский театр, куда муж не заглядывал. Наконец, она усвоила привычку жить летом в Царском, куда муж приезжал только два раза в неделю. Везде, где она появлялась, она всегда производила своей эффектной наружностью впечатление на мужчин. Это ей нравилось. Легкость обращения с ними у нее осталось с первой молодости. Мы знаем от инженера Фанталова, что добиться взаимности Андреевой было нетрудно. Возможно, поэтому она не раз обманывала мужа. Но нас интересует только один ее роман, вполне доказанный и весьма длинный, с генералом Пистолькорсом. Спешу, впрочем, добавить, что я разумею здесь роман только со стороны генерала, который был действительно влюблен в Андрееву. А она?

Я не вижу в ее жизни ни одного случая, где бы она любила кого бы то ни было, кроме себя. И как бы это ни показалось прискорбным для генерала Пистолькорса, следует сказать, что и его она не любила. Генерал аттестует покойную с наилучшей стороны: «правдивая, честная, умная, скромная»... Так ли это? «Правдивая»? Она ему солгала, что она замужем. «Честная»? Она еще в 1903 году, живя в довольстве, взяла от Пистолькорса, бог весть за что, 50 тысяч рублей. «Умная»? В практическом смысле, да, она была не промах. Но в смысле развития она была ужасно пуста и мелочно тщеславна. Наконец, «скромная»... Об этой скромности генерал может теперь судить по рассказам инженера Фанталова... Дело ясно: генерал был очень влюблен и потому слеп.

Бесцеремонность Зинаиды Николаевны в ее двойной игре между любовником и мужем прямо изумительна. Возьмите хотя бы ее бракосочетание с Андреевым после того, как она уже получила задаток от Пистолькорса. Венчание происходит 18 апреля 1904 г. Религиозный, счастливый жених, Андреев, с новехоньким обручальным кольцом, обводит вокруг аналоя свою избранницу. Он настроен торжественно. Он благодарит Бога, что, наконец, узаконяет пред людьми свою любовь. Новобрачные в присутствии приглашенных целуются... А в ту же самую минуту блаженный Пистолькорс, ничего не подозревающий об этом событии, думает: «Конечно, самое трудное будет добиться развода. Но мы с ней этого добьемся! Она непременно развяжется с мужем для меня...». Неправда ли, как жалки эти оба любовника Сарры Левиной?

И, однако же, если подумать, можем ли мы строго винить ее? Вспомните: она выросла и расцвела в такой среде, где легкое поведение девушки не считалось позорным. Природа ей дала прекрасное тело. Она воспользовалась этим оружием. Ей все давалось легко, и она вообразила, что, кроме личных удовольствий, ей решительно не о чем думать в жизни. Она превратилась в избалованную эгоистку, считавшую, что всякого сорта ложь, грубости и капризы ей сойдут даром. Душа воспитывается только в несчастиях, а она их никогда не знала и едва ли могла постигнуть чужое горе. Ее трагический конец и причиненные ею огорчения объясняются только тем, что люди, одаренные душой, ее совсем, совсем не понимали...

Ей, например, даже не приходило в голову, что, закрепив свою связь с Пистолькорсом и посулив ему замужество, она тем самым разрушала всю жизнь своего несчастного мужа.

Ей казалось, что предстоит лишь самая обыкновенная сделка относительно нее между двумя мужчинами — и ничего более. Она даже додумалась до нелепости, что они оба будут одинаково рады, так как ей этот переход весьма выгоден и приятен, и что ее теперешний муж даже подружится с новым...

Всякая иная поневоле бы затревожилась, предвидя страшную ломку долготлетних близких отношений к верному другу. Она бы постаралась смягчить удар. Можно было бы, например, в письмах из-за границы к мужу пожаловаться на болезненную тоску, на неопределенное ожидание какого-то горя и т. п. Но для Андреевой все было «трын-трава». За границей она смело держит себя с Пистолькорсом как невеста. Перед самым выездом в Россию она берет от Пистолькорса браслет в 1200 марок. Временно расставаясь с ним, она заставляет дочь сочинять ему влюбленные телеграммы. Ее обручение с ним должно состояться чуть ли не тотчас по возвращении в Петербург. А в то же время мужу посылает прежние письма: «Милый Миша», «Добрый Миша». В письмах продолжают требования разных сумм на всякие расходы... И в самом последнем письме говорится: «Мы сожалеем, что ты не с нами...». Ну, где же тут было бедному Андрееву догадаться, что с приездом жены может стрястись над ним ужаснейшая катастрофа? О Пистолькорсе он только слышал от жены, что она где-то давно с ним познакомилась. Но сам он с Пистолькорсом разговаривал всего раз в жизни на какой-то выставке, где их познакомила жена. В доме у себя он его никогда не видел, и вообще все, что тянулось между Пистолькорсом и его женой уже около трех лет, было до такой степени от него скрыто, что о Пистолькорсе он думал столько же, как о всяком прохожем на Невском...

Наконец, жена приехала. И вот еще одна изумительная подробность: в первую же ночь Андреева отдается мужу, будучи еще не совсем здоровой, непременно требуя от него ласки! Я думаю, что этого ее поступка ни Пистолькорс, ни Андреев никогда в жизни не поймут.

И в самом деле. Ведь это новое и последнее сближение с мужем неминуемо должно было удвоить его будущую ревность после признания жены. Этот любовный акт был в то же время и заочным поруганием чувств Пистолькорса. Но Андреева судила иначе. Она, вероятно, думала, что «после этого» Миша будет с ней добрее и весьма легко на все согласится... Действительно, на следующий же день, за утренним чаем, развязно посмеиваясь, она вдруг брякнула мужу:

«А знаешь? Я выхожу замуж за Пистолькорса»...

Господа присяжные заседатели! Все, что я до сих пор говорил, походило на спокойный рассказ. Уголовной драмы как будто даже издалека не было видно. Однако же если вы сообразите все предыдущее, то для вас станет ясно, какая страшная громада навалилась на душу Андреева. С этой минуты, собственно, и начинается защита.

В жизни Андреева произошло нечто вроде землетрясения, совсем как в Помпее или на Мартинике. Чудесный климат, все блага природы, ясное небо. Вдруг показывается слабый свет, дымок. Затем черные клубы дыма, гарь, копоть. Все гуще. Вот уже и солнца не видать. Полетели камни. Разливается огненная лава. Гибель грозит отовсюду. Почва колеблется. Безвыходный ужас. Наконец, неожиданный подземный удар, треск, и — все погибло.

Все это, от начала до конца, продолжалось в течение ужасных двенадцати дней.

«А знаешь? Я выхожу замуж за Пистолькорса»...

В первую минуту Андреев принял слова жены за самую вздорную шутку. Но она их повторила. Он вытаращил глаза. Дальше — больше. Жена продолжает развивать свои планы. Ее упорство обнаруживается яснее. Он все еще не хочет верить. Но имя Пистолькорса все громче врывается в его дом, как имя человека, вытесняющего его самого с дороги. Жена открыто разговаривает с Пистолькорсом по телефону. Наконец, дочь после долгих колебаний сообщает отцу о серьезных намерениях матери, раскрывает перед ним ее давнишний роман. Андреев начинает чувствовать гибель. Он покупает финский нож, чтобы покончить с собой. Пришлось купить нож, потому что на покупку револьвера требовалось разрешение, а прилив отчаяния мог наступить каждую минуту, и ему казалось, что если он будет иметь при себе смерть в кармане, то он сможет еще держаться на ногах, ему легче будет урезонивать жену, упрашивать, сохранить ее за собой...

Весь обычный порядок жизни исчез! Муж теряет жену. Он не спит, не ест от неожиданной беды. Он все еще за что-то цепляется, хотя и твердит своей дочери: «Я этого не перенесу»... Пока ему все еще кажется, что жена просто дурит. Соперник всего на один год моложе его. Средств у самого Андреева достаточно. А главное, Зинаида Николаевна даже не говорит о любви. Она, как сорока, трещит только

о миллионах, о высоком положении, о возможности попасть ко двору. Оставалась невольная надежда ее образумить.

Явился, наконец, к Андрееву и сам Пистолькорс с предложением о разводе. Но Андреев и ему еще не говорил ни «да», ни «нет». «Дело серьезное, надо подумать»... Между тем раздраженная Зинаида Николаевна начинает бить дочь за потворство отцу. Андреев тревожится за дочь, запирает ее от матери и все думает, думает... О чем он думает? Он думает, как ужасно для него отречься от женщины, которой он жертвовал всем; как беспросветна будет его одинокая старость, а главное, он не понимает, ради чего все это делается...

Действительно, если бы Андреева имела хоть чуточку женской души, если бы она в самом деле любила Пистолькорса и если бы она сколько-нибудь понимала и ценила сердце своего мужа, она бы весьма легко распутала свое положение. Конечно, пострадал бы муж, но сама Андреева достигла бы желаемого без малейшей катастрофы для себя. Подготовив мужа издалека (о чем я уже говорил), она бы могла искренно и с полным правом сказать ему:

«Миша, со мною случилось горе. Я полюбила другого. Не вини меня. Ведь и ты пережил то же самое. Жена тебя простила. Прости же меня и ты. Я тебе отдала все свои лучшие годы. Не принуждай меня быть такой же любящей, какой ты меня знал до сих пор. Это уже не в моей власти. Счастья у нас не будет. Отпусти меня, Миша. Ты видишь, я сама не своя. Что же я могу сделать?».

Неужели не ясно для каждого, что такие слова обезоружили бы Андреева окончательно? Все было бы ясно до безнадежности. Он бы отстранился и, вероятно, покончил с собой.

Но Андреева ничего подобного не могла сказать именно потому, что вовсе не любила Пистолькорса. Она только бесилась, что муж осмеливается перечить ее капризу.

И вот, утром 23 августа, она решилась разорвать узел. В это время муж после двенадцати бессонных ночей, все еще на что-то надеявшийся, уже собрался куда-то выйти по делу и, как автомат, надел пальто. Зинаида Николаевна в туфлях на босу ногу поспешила задержать его, чтобы сразу добиться своего.

Ни ей, никому в доме, ни менее всего ее мужу не могло бы прийти в голову, что в эти самые мгновения она прямо идет к своей смертной казни и даже делает последние шаги в жизни.

Она была слишком самоуверенна. Муж был слишком тих и покорен. Но она поступила как дикое, тупое существо, забывшее о всем человеческом. На безвинного и любящего мужа она накинулась с яростной бранью... Она уж вообразила себя знатной дамой, с властью Трепова в руках... Подбежавшая на шум дочь услышала последнюю фразу матери: «Я сделаю так, что тебя вышлют из Петербурга!..»

Эта женщина, спасенная Андреевым от ссылки, поднятая им из грязи, взлелеянная, хранимая им как сокровище в течение 16 лет, — эта женщина хочет «скрутить его в бараний рог», истребить его без следа, раздавить его своей ногой!

Тогда Андреев быстрым движением сбросил с себя пальто, со словами: «долго ли ты будешь оскорблять нас?» схватил жену за руку, потащил в кабинет — и оттуда, у самых дверей, раздался ее отчаянный крик...

В несколько секунд все было кончено.

Андреев выбежал в переднюю, бросил финский нож и объявил себя преступником.

Что совершилось в его душе?

На этот вопрос не может быть того определенного ответа, который необходим для судебного приговора, потому что при таком невыразимом душевном потрясении все в человеке переворачивается вверх дном... Откуда-то изнутри в Андрееве поднялась могучая волна, которая захлестнула собой и разум, и сердце, и совесть и память о грозящем законе.

Что здесь было? Ревность? Злоба? Запальчивость? Нет, все это не годится. Острая ревность была уже покорена, так как Андреев мог деловито переговариваться с своим соперником. Злоба и запальчивость опять-таки не вяжутся с делом, потому что Андреев был добр и выносил до последней возможности.

Если хотите, здесь были ужас и отчаяние перед внезапно открывшимися Андрееву жестокостью и бездушием женщины, которой он безвозвратно отдал и сердце, и жизнь. В нем до бешенства заговорило чувство непостижимой неправды. Здесь уже орудовала сила жизни, которая ломает все непригодное без прокурора и без суда. Уйти от этого неизбежного кризиса было некуда ни Андрееву, ни его жене.

Я назову душевное состояние Андреева «умоисступлением» — не тем умоисступлением, о котором говорит формальный закон (потому что нам требуется непременно душевная болезнь), но умоисступлением в общежитейском смысле слова. Человек «выступил из ума», был «вне себя»... Его ноги и руки работали без его участия, потому что душа отсутствовала...

Неужели собратья-люди этого не поймут?

Какая глубокая правда звучит в показании Андреева, когда он говорит: «Крик жены привел меня в себя!...» Значит, до этого крика он был в полном умопомрачении...

Желал ли Андреев того, что сделал? Нет, не желал, ибо на следующий же день говорил своим знакомым: «Я, кажется, отдал бы все на свете, чтобы этого не случилось...»

Наказывать кого бы то ни было за поступок, до очевидности безотчетный, — нечеловечно, да и не нужно...

Вот все, что я хотел сказать. Я старался разъяснить перед вами это дело на языке вашей собственно совести. По правде говоря, я не сомневаюсь, что вы со мной согласитесь.

И верьте, что Андреев выйдет из суда, как говорится, «с опущенной головой». На дне его души будет по-прежнему неизлечимая рана... Его грех перед богом и кровавый призрак его жены — во всем своем ужасе — останутся с ним неразлучными до конца.

Андреевский С.А.

«Речь в защиту братьев Келеш»

На долю братьев Келеш выпало, господа присяжные заседатели, большое несчастье — быть под судом по тяжкому обвинению. Я говорю «несчастье», потому что удар этот для них случайный и решительно ничем не заслуженный, в чем вы легко убедитесь, если сколько-нибудь спокойно отнесетесь к делу. Дело это представляет поучительный пример того, сколько беды могут натворить сплетни, недоброжелательство и слепая людская подозрительность.

Здесь поставлено против братьев Келеш обвинение в поджоге с корыстной целью, ради страховой премии. Каждое обвинение можно сравнить с узлом, завязанным вокруг подсудимого. Но есть узлы нерасторжимые и узлы с фокусом. Если защита стремится распутать правдивое обвинение, то вы всегда видите и замечаете, какие она испытывает неловкости, как у нее бегают руки и как узел, несмотря на все усилия, крепко держится на подсудимом. Иное дело, если узел с фокусом. Тогда стоит только поймать секретный, замаскированный кончик или петельку, потянуть за них, — и все путы разматываются сами собою — человек из них выходит совершенно свободным.

Такой кончик торчит в этом деле довольно явственно — он даже почти не замаскирован — и я ухвачусь прямо за него. Это вопрос: да был ли еще самый поджог? Это — история самого пожара. Если вы ее проследите, то вы непременно увидите, что здесь пожар мог произойти только случайно, а затем уже — если не было никакого преступления, то нечего рассуждать и о виновниках.

16 января в 6 часов вечера табачная кладовая братьев Келеш была заперта и запечатана контролером Некрасовым. В 12 часов ночи внутри этой кладовой обнаружили признаки пожара. Спрашивается, как же он мог произойти? Кто и как мог туда проникнуть? Замок, ключ от которого хранился у контролера, оказался запертым и неповрежденным. Приложенная печать задерживала дверь своим липким составом и, следовательно, не была снята. Других ходов в кладовую не существовало и проложено не было. Правда, Бобров, домовладелец, предлагает нам остановиться на предположении, что туда можно было проник-

нуть через форточку, а до форточки на четвертый этаж добраться по лестнице или по водосточной трубе. Но будем же рассуждать в пределах возможного и не станем допускать сказок. Приставленной лестницы никто не видел, а для того, чтобы лазить по водосточной трубе до четвертого этажа, нужно быть обезьяной или акробатом — приучиться к этому с детства, а братья Келеш — 40-летние люди и гибкостью тела не отличаются.

Наконец, ведь форточка в четвертом этаже запирается изнутри: если бы она была оставлена при зимней стуже открытой, то контролер Некрасов, запирая кладовую, заметил бы это, да и все окна успели бы оледенеть. Притом форточки делаются не в нижней витрине окна, а повыше, перегнуться через нее телу любого из Келешей мудрено — нужно было бы разбить окно, но все окна при пожаре найдены целыми. Итак, если не допускать сказки, если не верить, что кто-нибудь из Келешей мог забраться комаром в щелочку или влететь в кладовую через трубу, как ведьма, — то нужно будет признать, что с той минуты, как Некрасов запер кладовую, и до того времени, когда через шесть часов обнаружился в ней пожар, и кладовая по-прежнему была заперта, — никто в нее не входил и не мог войти. Отсюда один возможный вывод, что неуловимая, недоступная для глаза причина пожара, микроскопическая, но, к сожалению, действительная, уже таилась в кладовой в ту минуту, когда «пошабашили» и когда Некрасов запирает кладовую. Вывод этот ясен, как божий день. Все, что мы находим в деле, подтверждает его. Прежде всего, вспомните показания О. Некрасова, одного из Муравьевских свидетелей и, следовательно, не склонного нам потакать, вспомните его показания о том, что еще в десять часов вечера, то есть за целые два часа до того, как сильный запах гари и туман дыма вызвали настоящую тревогу — еще за целых два часа до этой минуты О. Некрасов уже чуял в воздухе соседнего двора тонкий запах той же самой гари, только послабее. Вспомните и то, что огня вовсе не было видно даже по приезде пожарных. Были только смрад и дым. Первое пламя занялось тогда, когда выбили окна и впустили в кладовую воздух. Что же все это значит? Все это именно значит то, что причина пожара была крошечная, действовавшая очень вяло, очень медленно, едва заметно, — причина такая слабая, что она вызывала только перетлевание, дымление, чад и не вызывала даже огня. Только пустяк, только непотушенная папироска, запавшая искорка могли действовать таким образом. От искорки где-то затлелся табак. Воздух сухой в кладовой, нажаренной амосовской печью: табак тлеет, дымит, пламени не дает, но жар переходит от одного слоя табака к другому; чем больше его истлело, тем больше просушились соседние слои — тихонько и тихонько работа внутри кладовой продолжается. Надымил сперва редким дымом, а потом и погуще. Вот уже дыму столько, что его тянет наружу, потянулись струйки через оконные щели на воздух, стали бродить над двором фабрики, потянулись за ветром на соседний двор,

но еще их мало, на морозном воздухе их не расчуешь, да если и почуешь, то не обратишь внимания. Но вот дымный запах крепчает на фабричном и на соседнем дворе. Его уже довольно явственно слышит Некрасов. Но и тот не придает ему значения: мало ли, дескать, отчего и откуда в зимнюю пору дымить может. Еще два часа проходит, и гарь так постепенно, так медленно и неуловимо увеличивается, что только к концу этого срока жильцы двух соседних дворов озаботились, наконец, и стали доискиваться причины. И даже в это время собственно пожара, то есть огня, не было, все дым да дым валит, и не разберешь откуда.

Если, таким образом, вы вспомните, что после того, как дым уже пробился наружу, прошло более двух часов, прежде чем он стал настоящим образом обращать на себя внимание, то вы, конечно, признаете, что для внутреннего процесса тления нужно положить также немалое и, во всяком случае, еще большее количество часов, и для вас станет ясно до очевидности, что в 6 часов вечера кладовая была заперта контролером Некрасовым уже с невидимой, но готовой причиной будущего пожара. Это была забытая папироска, запавшая искра, что-нибудь такое маленькое — я в точности не знаю, что (ведь истинная причина большинства пожаров неизвестна) — но для меня не важен вопрос: что именно? Для меня важен другой вопрос: мог ли прибегнуть к такой причине, к такому медленному и неверному средству человек, который желает, умышляет, заботится, устраивает так, чтобы пожар произошел непременно? Вот что важно для меня. И для меня ответ несомненен: нет, не мог. Такие шутки выкидывает только случай, а не умысел. Попробуйте в самом деле зажженной папироской сделать пожар — мудреное дело, а сколько пожаров именно происходит от неосторожно брошенной папиросы. Вот, положим, вы курите и занимаетесь, кладете возле себя зажженную папиросу или сигару, иногда бывает, что каждый раз, как вы ее оставите, она потухнет, и вам приходится ее вновь зажигать, а иной раз запишетесь, зачитаетесь — глянь: а между тем, вся папироска до конца сгорела на пепельнице. Иной раз табак горит успешно, иной — нет: дотлеет до какого-нибудь крутого корешка — и стой! попадет сырая ниточка и — кончено. И кому же лучше знать эти свойства табака, как не табачному фабриканту? Он ли, бросив папиросу в табак, может себя считать обеспеченным, что пожар непременно произойдет? Ему должно быть известно, что табак тлеет медленно и не дает пламени. Поджигатель бы непременно взял себе в союзники керосин, стружки и всякие другие горючие материалы. Но ничего этого здесь не было. И не было не только потому, что якобы подозрительная куча мусору на месте пожара была не что иное, как истлевший табак, бумага и папиросы (как говорили Саханский и Ляпунов), но и потому, что до приезда пожарных не было вовсе пламени, а горючие материалы непременно дали бы пламя. Поэтому уже если не смазывать табак керосином и не подкладывать горючих веществ, то поджигателю неминуемо следовало предвидеть, что

для успеха горения нужно сделать тягу, дать доступ воздуху, открыть где-нибудь форточку или выбить окно — иначе далее чада и тления дело не пойдет. Но и этого сделано не было. Таким образом, вся история пожара громко говорит нашей совести и ясно доказывает нашему уму, что пожар этот не задуман человеком, а вызван непредвиденным случаем. Здесь, собственно, окончена моя защита; секретная петелька в узле поймана, весь узел распутывается: после этого ясно установленного факта для меня не существует в деле ничего важного и опасного. Никакой подозрительный намек, никакая сплетня, пущенная про подсудимых, меня не пугают. И действительно, остаются одни пустяки и натяжки.

Какое после этого нам дело до страховой премии. Если бы даже было доказано, что пожар был выгоден подсудимым, — разве из этого следует, что непременно они его и вызвали? Если мой враг умер естественной смертью, то разве можно обвинять меня в убийстве только потому, что я мог желать его смерти? Конечно, нет. Но здесь и выгод от пожара не существовало. Фабрика была застрахована за 25 тысяч и застрахована не в первый раз в этом году, как говорится в обвинительном акте, а страховалась и прежде. Застрахована, кажется, по чести — в своей цене; по крайней мере, Михайлов страховал, он лучше других знает и удостоверяет это. А что другие господа низко ценят фабрику — то ведь зато и как фантазируют — от 13 до 15 тысяч, со всеми промежутками, сколько кому угодно! А что же получили Келеша? Всего 8 тысяч. А куда девали их? Спрятали? Нет, все до копейки роздали за долги. Да еще в тюрьме сидят и торговлю прекратили. Нечего сказать, — выгодная афера. Заметьте еще, что ничего ни из кладовой, ни из фабрики не спрятали, не вывезли. А дела были плохи. Уж если затевать поджог, так товар и обзаведение припрятать, а сжечь пустые стены. Мало того: уж если поджигать, то не кладовую, в которой находится сравнительно малоценное имущество (так оно по разверстке и вышло, за кладовую всего 8 тысяч), а поджигать самую фабрику, где было все подороже, да и где можно было без неудачи устроить поджог, потому что она не заперта, как кладовая, и находилась всегда в полном распоряжении братьев Келеш.

Стоит ли мне разбирать остальные улики?

Сцена у ворот... Как она искажена в обвинительном акте! Будто Келеш за пять минут до пожара подъехал, запер ворота и никого не пускал. Что же это он делал? поджигал? или прятал? К чему уж ему тут было скрываться? А если за шесть часов не разгорелось, то и в пять минут пожара не будет. То же надо сказать о запирании и отпирании дверей.

Но лучше всего — забитое окно... Какой в нем смысл? Чем оно служило для поджога? В действительности оказывается, что окно было забито для предупреждения пожара, но пожара иного свойства — от пламени страстей, потому что оно вело в секретное место для работниц фабрики. Двукратное дознание ничего

из этого дела не сделало. Ничего и не выйдет. Мокрое дело не может возгореться, да и стыдно будет не Келешам — они не поджигали, — а тем иным поджигателям, — их врагам, которые раздули это дело...

Карабчевский Н.П.

«Речь в защиту братьев Скитских»

Господа судьи! Если бы в самой краткой и вместе самой образной форме я мог выразить ту особенность душевного состояния, которое испытывал и испытываю в течение настоящего процесса, я бы не мог найти другого выражения, кроме того, которое, именно по поводу судебной процедуры о братьях Скитских, было уже однажды произнесено. Когда, во время суда в Полтаве, запасный волостной старшина спрашивал в почтовой конторе, не знает ли кто из чиновников, в котором именно часу ушел Степан Скитский с почты, он, по словам свидетеля Воробьевского, прибавил, что опасается обвинения Скитских со стороны Особого присутствия и что это опасение «томит» его. Эти слова простого русского, но совестливого человека, вырвавшиеся невольно, после того как он прослушал все судебное следствие и прения по настоящему делу, хотелось бы повторить и мне. Меня «томит» возможность обвинения, которого не должно быть. Тело наше «томится», когда на долгое время поставлено искусственно в неудобное и напряженное положение. То же и с нашей душой, и она «томится», если область духа, в которой ей суждено действовать, обставлена искусственными условиями, благодаря которым она не может функционировать и работать правильно. В сфере правосудной работы для нее нужен весь простор, весь свет божий, а не искусственно отмежеванное поле зрения, не заранее данные условия, стесняющие ее свободу. Существует целое явление психического характера, слабо разработанное еще наукой, но имеющее уже свое определенное название. Это гипноз. В применении к судейской деятельности проявления его необычны и хотя подчас даже уловимы, но, к сожалению, трудноконстатируемы. Как известно, простейший способ гипнотизации состоит в том, что вас заставляют смотреть непременно на одну только светящуюся точку, и ни на что более. Если в совершенно темной комнате провертеть небольшое отверстие и в него пустить луч света, в который вы вопреться глазами, вы будете находиться именно в подобном искусственном положении гипнотизируемого. Вы будете считать себя как бы в исключительной власти этого светлого луча, хотя, сами не замечая того, в действительности вы только во власти окружающей вас тьмы. Распахните ставни, дайте ворваться в комнату всему окружающему вас свету, и вы вздохнете полной грудью, вас перестанет томить тягостная искусственность положения, в которое вы были поставлены, вы поймете, что не весь свет был в той оконной дыре,

искусно просверленной, на которую вас заставляли так долго смотреть, а свет там, где ему и быть надлежит, — везде. Успевайте только открывать на него глаза! Дело правосудия, дело великое, но зато оно и трудное. Правда человеку нужна как воздух, без нее и жить не хочется, и не стоит. А между тем: «Бог правду видит, но не скоро ее скажет». Именно в зале судебного заседания и особенно в таком деле, как настоящее, мне кажется уместным напомнить эту предостерегающую судей формулу и остановиться на ее значении. Для души не только лукавой, но даже просто ленивой или нерадивой, в этой формуле может найтись своего рода успокоение: так что же есть истина? Но это ли хотела сказать народная мудрость? Думаю, иное — не столько фатально-трагическое, сколько бодрящее и призывающее человека добывать истину, которая дается только искренно ее ищущим в поте лица своего, как и хлеб насущный. Здесь решается участь людей в предположении, что все силы разума действительно приложены к судебной работе. Специально в деле Скитских, где все исследование основано на явных промахах и пробелах, а обвинение — на данных, искусственно получивших окраску непреложных истин, хотя никто и не пытался их серьезно проверять, напоминание о том, что истина дается не даром и только при искреннем желании ее добыть, является уже насущной необходимостью. Первое искусственное положение, на котором зиждется обвинение, заключается в утверждении, что среди окружающих Комарова людских отношений не было ни одного такого, в котором можно бы было усмотреть намек на враждебные чувства, питаемые к нему кем-либо. Кроме Степана Скитского, у него врагов не было. При этом попутно также утверждается бесспорно, что об ограблении не может быть и речи, так как похищены только золотые часы. В этом торжественном, непреложном исключении всякого предположения о возможности иных виновников убийства Комарова заключается основная фальшь настоящего дела. В подкрепление подобного априорного положения предварительное следствие не собрало ровно никаких данных. Как будто на свете только и были Комаров да Скитский!.. В сущности же нам неизвестна даже его семейная обстановка. О ней свидетельствовали только сама госпожа Комарова и верный ее спутник, вынырнувшая ее няня, всецело преданная ей старуха, довольно мрачного и сосредоточенного вида. Они жили на даче, в довольно глухой местности, почти в лесу, только втроем. Кто их посещал, кто бывал, каковы были ближайшие знакомства — для нас безусловная тайна. Хотя труп был найден 15 июля всего на расстоянии семи минут ходьбы от дачи, куда 14-го числа к трем часам Комаров должен был возвратиться под домашнюю кровлю; хотя госпожа Комарова, ввиду неявки мужа, лишь блуждала по полям и оврагам все 14-е и утро 15 июля, не поднимая на ноги власти и полицию; хотя водовозы видели Комарова уже почти подходящим к мостику и, стало быть, если он убит на дороге, то мог быть убит лишь вблизи дачи, — на дачу эту ни полиция,

ни следователь даже не заглянули. А между тем одни уже заявления госпожи Комаровой о том, что именно в день убийства муж почему-то просил не встречать его, когда она встречала его ежедневно, доходя до мостика и далее, должны были обратить на себя внимание следствия. Не делают простого опыта: может ли быть услышан крик покойного на даче, где, по расчету времени, в самый момент убийства жена господина Комарова стояла на балконе. В кармане убитого находят какую-то таинственную записку «если да», писанную рукой госпожи Комаровой, и довольствуются лишь ее собственным разъяснением о значении записки и об обычно употребляемых ею в переписке «условно семейных» выражениях: «будет бал», «о! о!» и т. п. Ни переписка Комарова, ни его письменный стол не исследуются. А между тем именно переписка его могла бы нам дать всю картину его духовной личности, его связей, отношений; она дала бы нам его друзей и его недругов. Но все это предварительное следствие безусловно обходит и игнорирует. На жилете и панталонах убитого замечаются следы «сыровой глины», которой не было на месте, где предполагается убийство и где найден труп, но это не только не заставило следствие осмотреть почву у пруда на даче, но привело уже к другому явному промаху — неприобщению к числу вещественных доказательств платья, в котором был найден убитый. Платье это для чего-то возвращается госпоже Комаровой (еще если бы оно было ценное, но это чесунчовая пара), и все та же «сосредоточенного вида» старушка-няня, по словам одной свидетельницы, где-то «хоронит» окровавленные остатки одежды покойного. Остается затем еще положиться на усиленное подчеркивание той же старухой-няней госпожи Комаровой, что супруги жили между собою как голуби, что никто, решительно никто на даче у них не бывал и что они никогда, положительно никогда между собою не ссорились. Приняв на веру и эту последнюю черточку характеристики, малопригодную даже для вполне нормальной супружеской жизни, мы, таким образом, обязуемся верить, что супружеская жизнь Комаровых носила на себе отпечаток чего-то совершенно исключительного, высшего и даже неземного. При таком исключительном доверии к полному благополучию в семейной жизни супругов Комаровых были уже, само собой разумеется, совершенно излишни осмотр дачи, сохранение платья убитого, осмотр его писем, вообще исследование всей его домашней обстановки. Я не высказываю никаких подозрений, но я смело пускаюсь в темную область догадок. Я констатирую дефекты следственного производства тем настойчивее, что именно они дают мне повод и основание для такого рода догадок. Исследование дела в стадии предварительного следствия потому и важно и необходимо, что оно прежде всего должно отнять почву у всех подобных догадок и вероятности. Идем далее. Оставим в стороне сферу семейных и домашних отношений Комарова. Мы видели, в какой мере они мало исследованы. Коснемся второй области житейских отношений покойного. Я говорю о его служебном

положении. «Барин» для консисторских сторожей, безропотно носивших ему провизию и газеты за три версты на дачу, он для священников и даже «благочинных» был грозным и высокомерным секретарем новейшей формации, заграждающим решительно доступ в консисторию. Если сводить мотив преступления к оскорбленному самолюбию или служебным невзгодам лиц, зависевших от Комарова, то таких лиц, помимо Степана Скитского, мы насчитаем слишком много. Достаточно вспомнить, что за сравнительно краткий, трехлетний период секретарства Комарова из Полтавской духовной консистории ушли сорок человек служащих. В их числе имеется достаточно таких, которые были уволены исключительно благодаря настояниям Комарова. По словам Степана Скитского, многие из таких уволенных, считая себя обиженными, не стеснялись при уходе открыто грозить Комарову, обещая с ним покончить по-своему. Из оглашенного здесь списка уволенных Комаровым лиц я насчитал восемь «неизвестно где» ныне пребывающих, и несколько человек (из канцелярских служителей), оставшихся «без определенных занятий» и ныне все еще «живущих при родителях». На эту последнюю группу молодых людей, неудачников по службе и на безвестно отсутствующих я поневоле должен направить свое внимание. Предварительное следствие обязано было обследовать эту область вполне возможных недоброжелательств и затаенно-злых чувств против Комарова. Мы не знаем даже, не превратились ли некоторые из таких неудачников в настоящих бездомных скитальцев, промышляющих Бог ведает чем. Подобный контингент полуинтеллигентного пролетариата дает большой процент преступности, а в данном случае для преступления был не только повод и мотив, могла быть и некоторая материальная подкладка. Среди выброшенных Комаровым на улицу людей подобного типа могли быть и такие, «неизвестно где ныне пребывающие» раклы (бродяги), которые, зная обычный, ежедневный путь Комарова с дачи и обратно, могли свести с ним свои личные счеты и попутно ограбить его, так как самое ценное, бывшее при нем (золотые часы), все же похищены и не разысканы до сего дня. Грабить остальное не было уже смысла, так как все представляло весьма малую ценность, гораздо меньшую, чем похищенное. Да, наконец, полному грабежу могли и помешать. Если верить обвинению, нападение совершено было, во всяком случае, днем и на проезжей дороге, где в эту пору года движение весьма значительное. Кстати замечу: версия обвинителя, что похищение часов было лишь симулированием грабежа, едва ли удачна. Если бы о часах нам не сказала госпожа Комарова, никто бы похищения их и не заметил; они сняты осторожно вместе со шнурком, причем не повреждена петля жилета. Симуляция грабежа была бы, конечно, более яркой и декоративной. Но есть и еще область служебных отношений Комарова, не исследованная вовсе. Она носит уже совершенно специфический характер и являет оттенок сугубой таинственности, что, впрочем, вполне естественно при том

роде дел, которых касаются эти отношения. На первых порах сама госпожа Комарова наряду с именем Степана Скитского предположительно кинула подозрение и на имя лица, связанного с одним бракоразводным процессом. Спешу заметить, что Степан Скитский никогда не заведовал бракоразводным столом и что, стало быть, эта область отношений, вытекавших из бракоразводных дел, шла совершенно мимо него. Во время секретарства господина Комарова бракоразводными делами заведовал господин Горностаев, опрошенный здесь в качестве свидетеля. От него мы узнали, что и в Полтавской духовной консистории, как и во всех консисториях, бракоразводных процессов довольно. Числом они все растут и прибывают. Мы узнали также, что в самой консистории они делились не по каким-либо процессуальным особенностям и трудностям, а по одному лишь внешнему признаку: различались дела знатных лиц и лиц простых, обыкновенных. По словам одного из консисторских чиновников, сам секретарь Комаров интересовался преимущественно только делами первой категории. Ничего другого я не хочу этим сказать. Напротив, на основании некоторых черточек, добытых мною из показания госпожи Комаровой, можно найти объяснение, почему недремлющее око секретаря не упускало из виду именно этого рода дел. Большие суммы денег, обыкновенно затрачиваемые людьми «знатными» (т. е. по нашим временам просто богатыми) для ускорения бракоразводного дела и достижения желаемого исхода, допускали возможность всяких злоупотреблений. Покойный Комаров к тому же был, кажется, принципиальным противником брачных расторжений. Например, в деле Тржецяк, вопреки решениям отцов духовных, он дал заключение об оставлении брака в силе, и с его заключением согласился преосвященный. Правда, расторжение брака господина Тржецяк все-таки последовало, но уже после смерти Комарова, и притом по решению Святейшего Синода. Некий Ливен, показание которого было здесь оглашено, также один из клиентов Полтавской консистории по бракоразводному делу, возбужденному против него, выразил не только догадку, но даже прямую уверенность в том, что Комаров пал именно жертвой своей исключительной стойкости по бракоразводным делам. Он свидетельствует нам, что без вмешательства и, так сказать, законного покровительства и заступничества со стороны господина Комарова он, Ливен, был бы уже давно разведен на основании весьма сомнительных данных, которые он не признает правильными. Этот процесс и участие в нем Комарова вообще характерны. Вы слышали, что процесс этот длился долго. Он переходил из рук одного бракоразводного мастера в руки другого и все не клеился. Комаров тормозил все их действия. Нам называли имена ходатаев: местного, Петрова (говорят, он взял только деньги и ничего не сделал), потом из петербургских: Андреева, Плетнева и будущего свидетеля этого бракоразводного процесса, фигурировавшего здесь Баба-Чубарова. Только об этой последней личности нам мельком кое-что

известно, об остальных никакого расследования, никакого сопоставления их несомненных наездов в Полтаву с ходом процесса в деле не имеется. Что же входило в задачу этих лиц, делавших несомненные облавы на господина Ливена в Полтаве, следивших за ним, карауливших его в интересах специально бракоразводных? На это есть прямые указания. Один из свидетелей удостоверял, что лицо, заинтересованное в благополучном исходе дела, не жалело денег и имело их. Было истрчено на разных ходатаев и устроителей, если верить свидетелю, около пятнадцати тысяч. Но процесс все не двигался с места, еще не были даже допрошены свидетели. Комаров стоял на страже законных, по-видимому, интересов господина Ливена, и все крючки и обходы бракоразводных дельцов не подвинули дела ни на шаг вперед. Господин прокурор здесь оспаривал возможность предположения о связи этого процесса с настоящим делом следующим соображением: не проще ли было убить самого господина Ливена, говорил господин прокурор, тогда не нужен был бы и самый бракоразводный процесс, зачем же убивать Комарова? Боже меня упаси остановиться на соображении господина обвинителя. Нужно различать тех, кому нужна законная свобода от брачных уз, от тех, кому нужны только деньги, каким бы способом их ни добыть. Первые могут быть людьми вполне почтенными и высокой нравственности. Платя деньги за разводы, они не платят за убийство. Что касается дельцов-подрядчиков бракоразводных дел и их темных агентов, то ведь их цель одна — получить скорее последний и обыкновенно самый крупный куш за благоприятное окончание бракоразводного процесса. При чем же тут убийство Ливена? Темным личностям оно не принесло бы ожидаемого куша, а кроме куша они ничего не ждали и не желали. Что Комаров, именно Комаров, а не кто другой тормозил ход этого дела, это ясно. Взгляните на судьбу дела после смерти Комарова. Оно двинулось, и сам Баба-Чубаров, временно одевшись франтом, сделался жителем столичного города С.-Петербурга, где и был уже допрошен по своему временному, согласно постановлению Полтавской духовной консистории, месту жительства. За эту поездку он, по его собственному сознанию, получил соответствующую денежную субсидию. Другим партнером Бабы-Чубарова выступил господин Андреев, который до убийства Комарова, как известно, наезжал в Полтаву. При Комарове ничего подобного не могло бы случиться. Опять-таки не высказываю никаких определенных положений — за неимением к тому достаточных данных; но я спрашиваю: неужели эти обстоятельства не требовали своевременного самого точного и всестороннего исследования? Все эти указания имелись в виду при предании Скитских суду, и об их надлежащем расследовании тщетно подавались прошения и заявления женой подсудимого Степана Скитского. Обстановка трупа убитого несколько не противоречит предположению о возможности совершения убийства наемными руками. Нельзя отрицать и того, что Комарову в виде приманки могло

быть назначено какое-либо полуделовое, полуинтимное свидание, и именно по дороге к даче. В последнем случае станет понятным, почему он просил жену не выходить к нему навстречу. Если верить тому, что Комаров действительно настоятельно просил жену не идти к нему навстречу в этот именно день, то не будет ли правильно заключить, что для этого у него было же какое-нибудь серьезное основание. По некоторым делам, как признала это и госпожа Комарова, муж ее принимал у себя просителей на даче, хотя редко и неохотно. Так, в это лето был у него поручик Терентьев, приезжавший откуда-то из-под Варшавы по бракоразводному делу; она называла еще кого-то другого. Может быть, стесняясь давать служебные аудиенции у себя на даче, он мог уступить просьбе и назначить свидание у мостика, чтобы побеседовать, пройдя вместе несколько минут. Тогда может быть объяснена и быстрота, и неожиданность нападения, и то, что он не успел пустить в ход бывший при нем всегда револьвер. Убийство, совершенное, благодаря такой приманке, наемниками, не исключает естественного объяснения факта пропажи часов; это могло быть самовольным движением наемной руки убийцы, счастливо вознаградившей себя еще и дополнительной платой. Вы видите, господа судьи, что более или менее нежелательным ошибкам не предвидится конца, и все это оттого, что предварительное следствие не ударило пальцем о палец для действительного расследования столь важного и незаурядного явления, как убийство Комарова среди белого дня, на большой дороге. Оно занялось одним: «согласно подозрениям госпожи Комаровой», заключили Скитских в тюрьму и стали уже исключительно заниматься собиранием улик именно их и ничьей другой виновности. Самая мысль о возможности иной версии обвинения гналась прочь, как несносная доука. А между тем я и теперь еще не кончил со своими догадками, запросами и колебаниями: «Кто?..» Раз начата уже много характеристика личности господина Комарова как семьянина, чиновника и человека, она должна быть закончена. Мы не должны забыть еще одной стороны личности современного русского человека, той стороны, которой он соприкасается с интересами общественными, и делается, таким образом, сам достоянием общественным. На этой почве симпатии и антипатии могут быть еще ярче, еще обостреннее, еще грознее, нежели в тесном кругу интимных и чисто личных отношений. Правда, наша общественная личность все еще как бы стелется по земле, но есть уже элементы, которые поднимают голову. К числу последних как будто принадлежал покойный Комаров. Он мог иметь врагов идейных, и потому заклятых и непримиримых. Обеспокоенный, по-видимому, некоторыми моими вопросами, обращенными к госпоже Комаровой по поводу краткой командировки ее супруга за границу и пребывания его в таких местах, как Цюрих, Штутгарт и другие европейские города, где нередко ютится русская учащаяся молодежь, господин прокурор поспешил выяснять через опрос преосвященного Илариона то, несомненное,

впрочем, для меня обстоятельство, что господин Комаров в политическом отношении был более чем благонадежен и что совершеннейший его патриотизм стоял вне всяких подозрений. Я не мог бы сомневаться в этом, если бы даже усиленно хотел, уже после одного того откровения, которым мы обязаны супруге покойного. Передаю факт, как объяснила его сама госпожа Комарова, пожелавшая возможно ярче обрисовать нам нравственный облик умершего. По поводу какого-то торжества у памятника на так называемой Шведской могиле, близ Полтавы, нужны были денежные затраты. По заявлению некоторых гласных думы, монастырскому духовенству, в ведении которого находится самая могила, следовало принять в них преимущественное участие, тем более что на это имеется и особый капитал; городу же рекомендовалась, наоборот, возможная экономия ввиду недостатка материальных средств на текущие общественные нужды. Это событие местной жизни послужило предлогом господину Комарову для первого его дебюта в качестве публициста. Он поместил в местной газете горячую статью, в которой, по словам его супруги, излил всегда присущие его душе патриотические чувства. Он разоблачал ревнителей якобы городского интереса и выводил их на чистую воду. Он прозревал все истинное, что в них таилось и что лицемерно лишь прикрывалось невинными и скромными на первый взгляд соображениями экономического характера. Что именно было напечатано в «Полтавских губернских ведомостях», нам неизвестно, со стилем господина Комарова мы не знакомы. Но идею статьи, может быть даже слишком ярко, передала нам госпожа Комарова. Чувства, волновавшие автора, она также пересказала нам. Комаров без обиняков считал городских деятелей, дозволивших себе некоторую материальную рассудительность, ни более ни менее как изменниками общегосударственным интересам, ибо Шведская могила — эмблема могущества московского государя и русского царя Петра в самом центре Малороссии! Комаров прозревал зловредные корни сепаратизма, тайно пускавшие ростки украинофильства в самом центре городского самоуправления. Стоит ли продолжать, стоит ли еще доказывать, что поездка господина Комарова за границу и случайное его общение с представителями учащейся молодежи в таких пунктах, как Штутгарт и Цюрих, могут тревожить нас совсем не с той стороны, с которой встревожили наши вопросы господина прокурора. Как далеко заходил уже в то время патриотизм господина Комарова, мы доподлинно не знаем, но что вообще он мог заходить очень далеко, это уже для нас несомненно. И опять новая догадка. Неожиданность, смелость, быстрота, с которыми совершено убийство, не напоминают ли нам исполнительную и непреложную точность как бы приведенного в исполнение приговора. Чудится казнь, а не простое мстительное убийство. Веревка, аккуратно наложенная три раза, и эта почти элегантная петля, напоминающая парадную петлю огромного галстука, свидетельствуют о чем-то спокойном, обду-

манном. Эксперты нам сказали, что веревка вовсе не служила орудием задушения и смерти. Она наложена уже после, на мертвого. Что же это: эмблема? Демонстративно-спокойное указание на то, что умерщвленный заслуживал именно веревки, т. е. самой лютой и вместе самой позорной казни? Не знаю. Знаю только, что для Скитских это было бы слишком тонко и не соответствовало бы несколько естественному волнению людей, квивающихся лишь за свои личные обиды и тревоги. Кто вправе сказать, что перечисленные мною поводы, мотивы и предполагаемые условия совершения преступления не исчерпывают того фактического материала, который нам известен? Что же противопоставляет обвинение простору вполне естественных предположений? Виновность Скитских. Но чем же она доказана? Сомнительный мотив, кусочки колбасы, веревки... Словом, по мнению обвинительной власти, те так называемые косвенные улики, совокупность которых должна привести к обвинению Скитских. Я понимаю, что в качестве улики годится всякий предмет, всякий материал: и палка, и веревка, и даже кусочки колбасы, если доказано, что эти предметы действительно были в руках преступника в момент совершения преступления. Но если и это не доказано, тогда какие же это улики? Косвенные улики, в отличие от прямых, могут быть очень тонки, очень легковесны сами по себе, но одно внутреннее качество им обязательно должно быть присуще: они должны быть математически точны. Точны в смысле своей собственной достоверности, качества и размера. Другое неперемное условие: чтобы эти малые сами по себе величины давали все-таки некоторый реальный итог, чтобы они составляли собою одну непрерывную цепь отдельных звеньев. Но когда одна косвенная улика говорит одно, а вторая, идущая за ней, это же самое опровергает, тогда остается поговорить о колбасе, веревке, о шапке, но уже не как об уликах, а лишь как о предметах, неизвестно для чего загромождающих столь вещественных доказательств. Коснемся, например, значения того полинявшего старого картуза, который, по мнению обвинителя, согласному с утверждением чинов полиции, был подброшен на место преступления для отвода подозрения от обвиняемых. Но ведь картуз этот (если только он еще тот самый) намозолил глаза всей консистории. Все, решительно все, его видели в сторожке, где курили канцелярские чиновники, все знали о его происхождении, все посмеялись в свое время над пьяным Клименко, потерявшим свою шапку и принесшим взамен столь позорный головной убор. Подбросить эту шапку «для отвода подозрения» значило «отвести» подозрение именно в консисторию, т. е. на самих себя. То же с бечевкой. Обвинение предполагало, что Скитский прямо из своего казначейского запаса, о котором знали и которым пользовались все жившие в консистории, взял бечевку и, хотя веревка была недостаточно крепка для задушения, скрутил ее вдвое, чтобы она именно исходила из консистории, и не только из консистории, но непременно из его собственного казна-

чейского кабинета. Но с этой косвенной уликой случилось здесь на суде, одно обстоятельство, благодаря которому веревку «убрали» вовсе если не со стола вещественных доказательств, то из числа улик. Господин прокурор о ней более не заикнулся. Дело в том, что, когда экспертам «позволили» сделать разрезы в сравниваемых веревках, они тотчас же (да и все мы) воочию убедились, что по качеству пряжи и способу плетения консисторские бечевки совершенно отличны от бечевки, найденной на шее Комарова. Наглядная и поучительная для судьи иллюстрация того бесспорного положения, что точность косвенной улики, самой по себе взятой, должна быть взвешиваема на самых чувствительных, математически точных весах! Невзирая на это кусочки колбасы в речи господина прокурора остались. То, что нам показывали здесь, едва ли даже напоминает теперь колбасу. Мы видели два ссохшихся, съезжившихся, мрачного цвета огрызка неопределенной величины, малоподдающихся какому-либо исследованию. Обвинение утверждает, что приказчик Коцюра (молодой человек, вскоре попавший в тюрьму за кражу) «уличал» Степана Скитского на предварительном следствии, что продал именно ему такой московской колбасы 13 или 14 июля, и притом в двух кусках, сообразно остаткам, им опознанным. Сам хозяин магазина Лангер и другой приказчик этого не подтвердили. Они допускали лишь, что колбаса могла быть изделием их заведения. И вот совершенно серьезно настаивают на этой улике, хотя тот же Коцюра и здесь, на суде, и в Полтаве отрекся сам от своего первоначального показания. Но если это — косвенная улика, то как же слабо она сама по себе предварительным следствием установлена. Не взяты к делу даже образцы произведений колбасной Лангера, чтобы экспертиза могла положительно констатировать, хотя бы путем лабораторным, тождество образцов. А что бы оставалось сказать об этой улике, если бы экспертам для сравнения позволили разрезать и колбасу, как были разрезаны веревки? Пассаж мог выйти опять изумительный. Если при этом еще напомнить вам, что, по словам пристава Семенова, в квартире Степана Скитского также найдены были объедки колбасы, — надо думать, тоже «московской», ибо он покупал исключительно у Лангера, — и что куски эти не взяты и не осмотрены следователем, то от косвенной улики подобного характера избави Боже всякого юриста, всякого, сознающего свои обязанности судебного деятеля. От таких «косвенных» улик со страхом бежать надо. Надо заткнуть уши, чтобы даже не слышать о них... Итак, колбаса, веревка, веревка, колбаса? Засохшая корка хлеба уже не ставится в улику господином прокурором. Свидетелями удостоверено, что подобный «развесный», или «еврейский», хлеб продавался всюду и ежедневно потреблялся всей Полтавой. Но что же дальше? Ужели — ничего? Ничего! Томит душу это «ничего»... Да как же можно было предавать суду? Сидим день, два, «ничего!» Вдруг появляется свидетель Ткаченко, еще через два дня... «новая» свидетельница (это через два-то года!) госпожа Борода-

ева. Наконец-то: впечатление, сенсация, улика! Что же говорит, однако, пастух Ткаченко? Через час, а может быть, через два после прохода Комарова по направлению «как бы из монастырского леса» появляются двое прохожих. Кто же такие: Скитские? Это была бы «косвенная» улика. Нет! Ткаченко не знает, кто именно. Он видел их в расстоянии «гона», что, по энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефрона, означает в Малороссии сто двадцать пять сажень. Ему показалось, что эти двое, завидев его, уклонились в сторону, как бы обходя то место, где он пас скот. Но чего же естественнее? Ведь он пас рогатый скот, в стаде был бык, при стаде были собаки... Кто же полезет на стадо. Но этого мало. Лица прохожих были как бы закрыты платками. То есть, другими словами, в знойный июльский день, когда жара стояла двадцатипятиградусная, дачники или кадеты ближайшего лагеря шли купаться, подсунув под шапки платки или полотенца, чтобы не пекло шеи и щек! Положим, но ужас еще в том, что из двух, которых Ткаченко признать не может, один был одет в темное платье, а другой в светлое... Ни пуговиц, ни покроя платья он не заметил, но сочетание светлого и темного сохранилось у него в памяти. Прекрасно, но ведь платье, в котором были Скитские 14 июля, перед нами. На нем нет ни следов крови, ни следов от борьбы. По этому предмету был тщательный розыск и тщательная экспертиза — платье не замыто и не возбуждает само по себе вообще ни малейших подозрений. А могло ли бы оно остаться столь девственным, если бы в нем Скитские убивали Комарова, да к тому же и перетаскивали его (или, вернее, переносили, так как на местности, окружающей труп, незаметно ни малейшего следа волока) с дороги в укрытое место? Ведь убитый был залит кровавой пеной, даже на спине его, на пиджаке (как говорит полицмейстер Иванов) был след от прикосновения окровавленной руки убийцы. Как же могли они не запачкаться сами, избежать хотя бы одной предательской капли крови? Наконец, совпадение темного и светлого в одеждах двух лиц разве само по себе так исключительно, так необычно? Лежащие перед нами одежды Скитских — форменный китель и парусиновые брюки, и коричневая, но летняя пиджачная пара. Ведь надо же доказать, по крайней мере, что в Полтаве и ее окрестностях подобное сочетание цвета одежд летом возможно было только для братьев Скитских. Ссылайте людей в каторгу на основании подобной улики! Относительно показаний госпожи Бородаевой было уже сказано одним защитником, будет еще сказано другим. Если два года она молчала и теперь заговорила, то объясните, по крайней мере, почему она молчала и почему заговорила? Что именно она говорит, ясно: когда-то, два года назад, она видела, что кто-то карабкался быстро на гору, и видела она это в бинокль. Кто были эти люди, она не знает. Она не смеет также утверждать, что это было именно 14 июля. Бинокль госпожи Бородаевой не может, таким образом, оказать никакой услуги правосудию. Вот весь перечень косвенных улик, если можно так выразиться, материально-

объективного характера. Впереди еще данные психологического свойства, но пока подведем итог. Налицо как бы картина: апофеоз косвенных улик! В нее твердо верит пока еще только один полицмейстер господин Иванов, да и то потому, что в числе открытых им улик он все еще считает следы крови на одежде Степана Скитского, оказавшиеся, впрочем, следами ржавчины от металлических пуговиц. В виде победного стяга в этой «куче» улик для него красуется еще и знаменитый «волос» «по-видимому, убитого Комарова», приставший к подошве сапога одного из Скитских. Он тщательно охранен был господином Ивановым, и даже не была повторена ошибка процесса Сарры Беккер — волос не пропал. Но только он оказался не Комарова. Чего же вы хотите от розыска и предварительного следствия? Вы видите добрые намерения, вы видите начитанность, они следят за криминальной практикой — они знают хорошо, что без «волоса» нет больше на Руси выдающихся процессов, они доставили вам и волос. Чего еще с них спрашивать? Господину Иванову, впрочем, может служить извинением то обстоятельство, что он вскоре был переведен в Кременчуг и уже ничего не знал о судьбе собранных им улик. Он мог торжествовать победу, считая в числе своих трофеев и веревку, и кровь, и волос. Но какую победу можем торжествовать мы, судебные деятели, по поводу «апофеоза косвенных улик», собранных по настоящему делу? Остается остановиться на психологических моментах. Они тоже выдвигаются в качестве улик. Страшная вещь эта специально-криминальная психология, особенно в разгоряченной атмосфере судебного заседания. В нем много обрядового, сакраментального и весьма мало вдумчивого и верного. Смотрите на Степана Скитского: блуждают ли его глаза? Так смотрит убийца или затравленный, замученный страшным подозрением человек? А ведь почти такие улики выдвигаются относительно «неестественности» поведения скитских в последующие за 14 июля дни, и выдвигаются на основании наблюдения полицейских чинов. Но об этом обо всем придется еще указать после: в область психологии входит и предполагаемый мотив преступления. С него и начнем как с главного. Здесь давал свои показания полтавский архиерей, преосвященный Иларион, которому были подчинены и покойный Комаров и Скитский. Вслед за данным им показанием Степан Скитский указал на некоторые ошибки, вкравшиеся в это показание. Одна ошибка подтверждена и казначеем, иеромонахом Вонифатием, согласно с заявлением Скитского, относительно получения им непосредственно награды от архиерея в размере двадцати рублей, в то время когда официально он был лишен награды к Пасхе по представлению Комарова. Но это не главное. Все показание преосвященного Илариона, в отношении указанных им фактов, может получить надлежащее освещение и нисколько не опасно для Скитского. Но в показании этого свидетеля было и нечто другое — было известное настроение, убеждение, как бы предвозвещающее вину Скитского в тяжком преступлении... Так как я

держу речь перед Особым присутствием, ведающим по преимуществу дела о должностных лицах, то здесь уместно будет напомнить хотя бы содержание ст. 1108 Устава уголовного судопроизводства. Эта статья гласит: «Начальству преданного суду должностного лица предоставляется предъявлять на суде свои объяснения, но уголовный суд в решении дела не стесняется сими объяснениями». Я прошу вас только об одном, что предоставляет вам и закон: не стесняться сими объяснениями. Раз вы свободно захотите анализировать это показание, вы, несомненно, придете к заключению, что оно имеет лишь чисто внешнее значение и в основу вашего приговора положено быть не может. Из других источников мы слишком хорошо знаем, какое в действительности имел значение Скитский в консистории, знаем и причины, по которым Комаров к Скитскому мог питать чувства неудовольствия, но не наоборот. Дело в том, что после первого же лишения Скитского награды по настоянию Комарова Скитский, в качестве «умника», «законника» и человека «с хитрецей», твердо решил жаловаться на Комарова в Синод и это свое решение уже готов был привести в исполнение. Госпожа Комарова свидетельствует нам, что об этом решении Степана Скитского было известно ее мужу, а написанная жалоба уже ходила по рукам. Если преосвященный Иларион, втайне от Комарова, дал все-таки награду Скитскому, если он убеждал его «помириться» с Комаровым, «бросить камень», который у него на сердце против Комарова, то смысл и значение подобного увещевания сам по себе ясен без того трагического оттенка, который ему ныне придается. Скитский в качестве «законника» мог «намутить», мог привлечь внимание начальства, мог вызвать запросы и пререкания, которых в бюрократической среде всех ведомств больше всего избегают и опасаются. Поэтому естественно, что начальник епархии желал во что бы то ни стало водворить мир и согласие в подведомственной ему консистории, лишь бы избежать всегда нежелательных, докучных запросов высшего начальства. Этим объясняется и то, что сам Комаров в начале июля того же года представляет Скитского к очередной награде и вообще желает через священника Уралова с ним объясниться и как бы помириться. Скитский ни от кого не скрывает своих неудовольствий на Комарова, он всем говорит, что будет жаловаться, и одного этого указания, мне кажется, уже достаточно для того, чтобы этот момент взаимных отношений Скитского и Комарова, даже с точки зрения криминальной психологии, получил совершенно нормальное разъяснение. По характеру личности немного «законника», немного «умника», путь жалоб, путь даже кляуз указывает уже на исход, на направление, которое получило мстительное чувство, если такое имелося действительно в наличии. А раз исход найден, путь намечен, нелепо предполагать, что совершилось злодеяние, мотивируемое именно безысходностью нарастающего мстительного чувства. Не таков человек Степан Скитский, чтобы прибегать к ножу или веревке для мщения, когда у него в распоряжении

оставались еще перо, законы и способность и умение насолить врагу на почве чисто законной. Затем, второе соображение по адресу все той же психологии. Я понимаю бесцеремонное обращение с неодушевленными предметами, но как бесцеремонно поступило обвинение с живым человеком, с живой душой! Почему Петр Скитский, без дальнейших расследований и доказательств, признается «естественным» сообщником Степана Скитского? Чем он проявил свое безусловное подчинение брату, откуда видно, что он мог стать бессловесным орудием в руках брата? «Пойдем убивать!» — и он пошел. Ведь Комаров ему-то покровительствовал, прибавил жалованья. Петр Скитский не питал и не мог питать к нему ни малейшей злобы. Да и по общему отзыву, это натура мягкая, добрая и благородная. Он первый бы отрезвил брата, сказав ему: «Да ты с ума сошел, затеяв подобное дело!» Откуда видно, чтобы Петр Скитский был только материалом следствия, а не живой душой честного и правдивого человека? Откуда видно?.. В деле мы могли бы иметь даже письменное неопровержимое доказательство, свидетельствующее о том негодовании, которое поднялось в его душе, когда пристав Червоненко уверил его, что брат действительно совершил убийство и в этом сознался. При помощи намеренно подсаженного к нему полицией и втершегося к нему в доверие арестанта Петр Скитский писал брату: «Если действительно ты совершил убийство, я проклинаю тебя, ты наложил вечный позор на нашу семью...» Письмо перехватили, как и желала полиция, оно было в руках следователя, его читал товарищ прокурора. Где же оно теперь? Предъявите его в виде улики против Петра Скитского! Я не стану вовсе останавливаться на alibi подсудимых. Оно достаточно разработано предыдущим защитником. При необходимости, чтобы обвинение сперва доказало свои положения, я считаю его даже излишней роскошью. Несомненно, что все утро 14 июля, как и всегда, Степан Скитский провёл в беготне по городу по казначейским делам. Он был еще на почте во втором часу, потом был в казначействе, в семинарии и вплоть до половины третьего его видели несомненно в городе. Хмельного Петра Скитского, загулявшего после ухода со службы, видели точно также. Затем их поведение сводится к тому, что, встретившись у семинарии, они пошли на Ворсклу купаться, так как, по словам Степана Скитского, брат был очень выпивши, и он, как бывало и раньше, повел его отрезвить. Перед вечером учитель, дававший здесь показания, видит их купающимися. Они громко переключиваются между собой (не замечая его присутствия), ныряют, ловят руками раков и перебрасываются ими между собой. Поведение, едва ли соответствующее настроению двух несчастных, только что совершивших страшное преступление. Но они веселы и беззаботны, как дети. Это злодеи особенные. Потом они катаются в лодке до поздней ночи, как случалось кататься им вдвоем и раньше. Утром Петр идет за сдачей к лодочнику, которой тот не мог сдать накануне. Этим заканчивается 14 июля, т. е. роковой день убийства.

Следующий день, 15 июля, для Степана Скитского начинается довольно нормально, он в консистории, потом опять в беготне по разным учреждениям и лицам. При нем ли в консистории порешили идти на розыски Комарова, даже не выяснено. Он утверждает, что ушел по делам ранее, нежели окончательно выяснилось, что Комаров в консисторию не явился, и это ничем не опровергнуто. Ставить ему поэтому в вину то, что он не пошел на розыски, не приходится, тем более что далеко не все чиновники на эти весьма неопределенные поиски и отправились. Случайно пойдя он, обвинение теперь бы утверждало: «Какое лицемерие, он пошел с другими, он искал; искал, когда накануне сам прятал бездыханный труп!» О Петре даже нельзя сказать и того, чтобы он не ходил искать. Все мелкие чиновники обрадовались случайной суматохе, неожиданному ваканту и кинулись кто куда. И Петр с товарищем Головковым отправились, захватив бутылку водки и закуски. В монастырском лесу они сделали привал, и не их вина, что более ретивые нашли труп Комарова и без них. Затем весь этот день Петра, равно как и последующий, 16 июля — как на ладони. Целой компанией справлялись, как видно, поминки секретаря. Перекочевывали из трактира «Марсель» в пивную Брикера и обратно. В консистории занятий не было, и вся консисторская молодежь шаталась без дела. Что касается до Степана Скитского, то нам известно, что 15-го с трех часов он был уже в монастыре, он понес туда медали для раздачи монахам. В монастыре был праздник, выносили чудотворную икону, и в тот день, как нам засвидетельствовала продавщица казенной винной лавки госпожа Николаева, немало бутылок водки было пронесено в руках отцами монахами и иеромонахами за ограду монастырскую. Угостили, разумеется, и Степана Скитского. Только около восьми часов вечера от приехавшего в монастырь гробовщика Молчанова узнал Степан Скитский, что Комаров убит зверским образом. По семинарскому обычаю, он воздел руки к иконе и промолвил: «Боже мой, Боже, что теперь делается на свете!» Господин прокурор думает, что не будь он убийца, он сказал бы нечто иное. Что именно, господин прокурор, к сожалению, не поясняет. Но все присутствующие нашли, что слова, сказанные Степаном Скитским, были благолепны, т. е. уместны, и что вообще ничего странного они в поведении его не заметили. Я нахожу, что они правы. На обратном пути в город Степан Скитский ненадолго заходил в винную лавку к госпоже Николаевой, по знакомству он беседовал с ней и о Комарове, причем объяснял ей, что был с покойным не в ладах. Для убийцы поведение, пожалуй, чересчур мужественное. Затем, 16-го с утра он узнает, что его казначейская опечатана, и священник Уралов, со слов преосвященного, приказывает ему «не отлучаться». Степан Скитский говорит: «Что? Я арестован?» и уходит тут же к себе на квартиру, где вечером его находит полиция. Собственно, поведение Степана Скитского 16 июля, после того как он узнал уже о том, что Комарова высказала подозрение, а узнал он это еще утром, едва ли

поддается даже какому-нибудь демонстративному анализу. Убил, не убил — это безразлично; достаточно того, что подозревают в убийстве, чтобы быть выбитым из колеи и душевного равновесия. Виновный, пожалуй, еще менее, чем невинный будет казаться выбитым из седла и потерявшим почву под ногами. Зато Петр Скитский не терял этой почвы вплоть до вечера 16 июля. Вопреки укорам господина прокурора, он был и на похоронах. Пропустили они мимо себя процессию, и так как было жарко, то пошли с приятелем купаться на Ворсклу. Корите его в недостатке благочестия, но не обвиняйте в убийстве. Вечером, когда они были в трактире «Марсель», пришла весть об аресте Степана Скитского. Вилка, которую он держал в руках, у него выпала, он зашатался, едва устояв на ногах... «Как, брат арестован?» Приятели повели его к себе ночевать. Наутро его взяла полиция; в участке с ним сделалось что-то вроде истерики, он неудержимо рыдал... Убийцы должны иметь нервы крепкие! Это единственный вывод, который просится из всего этого эпизода. У Петра нервы не убийцы. Вот и все, я кончаю, господа судьи. Несправедливый приговор — огромное общественное бедствие. Накопление подобных приговоров в общественной памяти и народной душе есть зло, такое же зло, как и накопление умственной лжи в сфере умственной жизни общества и народа. Случаются судебные ошибки, зависящие от рокового неотвратимого сплетения неразгаданных обстоятельств. И такие ошибки мы, юристы, справедливо именуем правоубийством. Настоящее дело не представляет собой ничего рокового и неотвратимого. Неправильный приговор не будет судебной ошибкой, но только ошибкой судей... Что можете противопоставить вы в виде рокового и неизбежного запросам и тревогам вашей совести: огрызки колбасы, веревку?.. Столько же ради этих двух несчастных, сколько и ради вас самих, я прошу у вас оправдательного приговора.

Кони А.Ф.

**«Обвинительная речь по делу об утоплении крестьянки
Емельяновой ее мужем»**

Господа судьи, господа присяжные заседатели! Вашему рассмотрению подлежат самые разнообразные по своей внутренней обстановке дела, где свидетельские показания дышат таким здравым смыслом, проникнуты такою искренностью и правдивостью и нередко отличаются такою образностью, что задача судебной власти становится очень легка. Остается сгруппировать все эти свидетельские показания, и тогда они сами собою составят картину, которая в вашем уме создаст известное определенное представление о деле. Но бывают дела другого рода, где свидетельские показания имеют совершенно иной характер, где они сбивчивы, неясны, туманны, где свидетели о многом умалчивают, многое

боятся сказать, являя перед вами пример уклончивого недоговариванья и далеко не полной искренности. Я не ошибусь, сказав, что настоящее дело принадлежит к последнему разряду, но не ошибусь также, прибавив, что это не должно останавливать вас, судей, в строго беспристрастном и особенно внимательном отношении к каждой подробности в нем. Если в нем много наносных элементов, если оно несколько затемнено неискренностью и отсутствием полной ясности в показаниях свидетелей, если в нем представляются некоторые противоречия, то тем выше задача обнаружить истину, тем более усилий ума, совести и внимания следует употребить для узнания правды. Задача становится труднее, но не делается неразрешимой.

Я не стану напоминать вам обстоятельства настоящего дела; они слишком несложны для того, чтобы повторять их в подробности. Мы знаем, что молодой банщик женился, поколотил студента и был посажен под арест. На другой день после этого нашли его жену в речке Ждановке. Проницательный помощник пристава усмотрел в смерти ее самоубийство с горя по мужу, и тело было предано земле, а дело — воле Божьей. Этим, казалось бы, все и должно было кончиться, но в околотке пошел говор об утопленнице.

Говор этот группировался около Аграфены Суриной, она была его узлом, так как она будто бы проговорилась, что Лукерья не утопилась, а утоплена мужем. Поэтому показание ее имеет главное и существенное в деле значение. Я готов сказать, что оно имеет, к сожалению, такое значение, потому что было бы странно скрывать от себя и недостойно умалчивать перед вами, что личность ее не производит симпатичного впечатления и что даже вне обстоятельств этого дела, сама по себе, она едва ли привлекла бы к себе наше сочувствие. Но я думаю, что это свойство ее личности нисколько не изменяет существа ее показания. Если мы на время забудем о том, как она показывает, не договаривая, умалчивая, трусь или скороговоркою, в неопределенных выражениях высказывая то, что она считает необходимым рассказать, то мы найдем, что из показания ее можно извлечь нечто существенное, в чем должна заключаться своя доля истины. Притом показание ее имеет особое значение в деле: им завершаются все предшествовавшие гибели Лукерьи события, им объясняются и все последующие, оно есть, наконец, единственное показание очевидца. Прежде всего возникает вопрос: достоверно ли оно? Если мы будем определять достоверность показания тем, как человек говорит, как он держит себя на суде, то очень часто примем показания вполне достоверные за ложные и, наоборот, примем оболочку показания за его сущность, за его сердцевину.

Поэтому надо оценивать показание по его внутреннему достоинству. Если оно дано непринужденно, без постороннего давления, если оно дано без всякого стремления к нанесению вреда другому и если затем оно подкрепляется обсто-

ятельствами дела и бытовую житейскую обстановкою тех лиц, о которых идет речь, то оно должно быть признано показанием справедливым. Могут быть неверны детали, архитектурные украшения, мы их отбросим, но тем не менее останется основная масса, тот камень, фундамент, на котором зиждутся эти ненужные, неправильные подробности.

Существует ли первое условие в показаниях Аграфены Суриной? Вы знаете, что она сама первая проговорилась, по первому толчку, данному Дарьею Гавриловою, когда та спросила: «Не ты ли это с Егором утопила Лукерью?» Самое поведение ее при ответе Дарье Гавриловой и подтверждение этого ответа при следствии исключает возможность чего-либо насильственного или вынужденного. Она сделалась, — волею или неволею, об этом судить трудно, — свидетельницей важного и мрачного события, она разделила вместе с Егором ужасную тайну, но, как женщина нервная, впечатлительная, живая, оставшись одна, она стала мучиться, как все люди, у которых на душе тяготеет какая-нибудь тайна, что-нибудь тяжелое, чего нельзя высказать. Она должна была терзаться неизвестностью, колебаться между мыслью, что Лукерья, может быть, осталась жива, и гнетущим сознанием, что она умерщвлена, и поэтому-то она стремилась к тому, чтобы узнать, что сделалось с Лукерьей.

Когда все вокруг было спокойно, никто еще не знал об утоплении, она волнуется как душевнобольная, работая в прачечной, спрашивает поминутно, не пришла ли Лукерья, не видали ли утопленницы. Бессознательно почти, под тяжким гнетом давящей мысли, она сама себя выдает. Затем, когда пришло известие об утопленнице, когда участь, постигшая Лукерью, определилась, когда стало ясно, что она не придет никого изобличать, бремя на время свалилось с сердца, и Аграфена успокоилась. Затем опять тяжкое воспоминание и голос совести начинают ей рисовать картину, которой она была свидетельницей, и на первый вопрос Дарьи Гавриловой она почти с гордостью высказывает все, что знает. Итак, относительно того, что показание Суриной дано без принуждения, не может быть сомнения.

Обращаюсь ко второму условию: может ли показание это иметь своею исключительною целью коварное желание набросить преступную тень на Егора, погубить его? Такая цель может быть только объяснена страшною ненавистью, желанием погубить во что бы то ни стало подсудимого, но в каких же обстоятельствах дела найдем мы эту ненависть? Говорят, что она была на него зла за то, что он женился на другой; это совершенно понятно, но она взяла за это с него деньги; положим, что даже и взяв деньги, она была недовольна им, но между неудовольствием и смертельною ненавистью целая пропасть. Все последующие браку обстоятельства были таковы, что он, напротив, должен был сделаться ей особенно дорог и мил. Правда, он променял ее, с которою жил два года, на девушку, с ко-

торой перед тем встречался лишь несколько раз, и это должно было задеть ее самолюбие, но чрез неделю или, во всяком случае, очень скоро после свадьбы он опять у ней, жалуется ей на жену, говорит, что снова любит ее, тоскует по ней. Да ведь это для женщины, которая продолжает любить, — а свидетели показали, что она очень любила его и переносила его крутое обращение два года, — величайшая победа! Человек, который ее кинул, приходит с повинною головою, как блудный сын, просит ее любви, говорит, что та, другая, не стоит его привязанности, что она, Аграфена, дороже, краше, милее и лучше для него... Это могло только усилить прежнюю любовь, но не обращать ее в ненависть. Зачем ей желать погубить Егора в такую минуту, когда жены нет, когда препятствие к долгой связи и даже к браку устранено? Напротив, теперь-то ей и любить его, когда он всецело ей принадлежит, когда ей не надо нарушать «их закон», а между тем она обвиняет его, повторяет это обвинение здесь, на суде. Итак, с этой точки зрения, показание это не может быть заподозрено.

Затем, соответствует ли оно сколько-нибудь обстоятельствам дела, подтверждается ли бытовую обстановкою действующих лиц? Если да, то как бы Аграфена Сурина ни была несимпатична, мы можем ей поверить, потому что другие, совершенно посторонние лица, оскорбленные ее прежним поведением, не свидетельствуя в пользу ее личности, свидетельствуют, однако, в пользу правдивости ее настоящего показания. Прежде всего свидетельница, драгоценная по простоте и грубой искренности своего показания, — сестра покойной Лукерьи. Она рисует подробно отношения Емельянова к жене и говорит, что, когда Емельянов посватался, она советовала сестре не выходить за него замуж, но он поклялся, что бросит любовницу, и она, убедившись этою клятвою, посоветовала сестре идти за Емельянова.

Первое время они живут счастливо, мирно и тихо, но затем начинается связь Емельянова с Суриной. Подсудимый отрицает существование этой связи, но о ней говорит целый ряд свидетелей. Мы слышали показание двух девиц, ходивших к гостям по приглашению Егора, которые видели, как он, в половине ноября, целовался на улице, и не таясь, с Аграфеною. Мы знаем из тех же показаний, что Аграфена бегала к Егору, что он часто, ежедневно по несколько раз, встречался с нею. Правда, главное фактическое подтверждение, с указанием на место, где связь эта была закреплена, принадлежит Суриной, но и оно подкрепляется посторонними обстоятельствами, а именно показаниями служащего в Зоологической гостинице мальчика и Дарьи Гавриловой. Обвиняемый говорит, что он в этот день до 6 часов сидел в мировом съезде, слушая суд и собираясь подать апелляцию. Не говоря уже о том, что, пройдя по двум инстанциям, он должен был слышать от председателя мирового съезда обязательное по закону заявление, что апелляции на приговор съезда не бывает, этот человек, относительно кото-

рого приговор съезда был несправедлив, не только по его мнению, но даже по словам его хозяина, который говорит, что Егор не виноват, «да суд так рассудил», этот человек идет любопытствовать в этот самый суд и просиживает там полдня. Действительно, он не был полдня дома, но он был не в съезде, а в Зоологической гостинице. На это указывает мальчик Иванов. Он видел в Михайлов день Сурина в номерах около 5 часов. Это подтверждает и Гаврилова, которой 8 ноября Сурина сказала, что едет с Егором, а затем вернулась в 6 часов. Итак, частица показаний Суриной подтверждается. Таким образом, очевидно, что прежние дружеские, добрые отношения между Лукерьею и ее мужем поколебались. Их место заняли другие, тревожные.

Такие отношения не могут, однако, долго длиться: они должны измениться в ту или другую сторону. На них должны были постоянно влиять страсть и прежняя привязанность, которые пробудились в Егоре с такою силою и так скоро. В подобных случаях может быть два исхода: или рассудок, совесть и долг победят страсть и подавят ее в грешном теле, и тогда счастье упрочено, прежние отношения возобновлены и укреплены, или напротив, рассудок подчинится страсти, заглухнет голос совести, и страсть, увлекая человека, овладеет им совсем; тогда явится стремление не только нарушить, но навсегда уничтожить прежние тягостные, стесняющие отношения. Таков общий исход всех действий человеческих, совершаемых под влиянием страсти; на середине страсть никогда не останавливается; она или замирает, погасает, подавляется или, развиваясь чем далее, тем быстрее, доходит до крайних пределов. Для того чтобы определить, по какому направлению должна была идти страсть, овладевшая Емельяновым, достаточно взглянуть в характер действующих лиц. Я не стану говорить о том, каким подсудимый представляется нам на суде; оценка поведения его на суде не должна быть, по моему мнению, предметом наших обсуждений. Но мы можем проследить его прошедшую жизнь по тем показаниям и сведениям, которые здесь даны и получены.

Лет 16 он приезжает в Петербург и становится банщиком при номерных, так называемых «семейных» банях. Известно, какого рода эта обязанность; здесь, на суде, он сам и две девушки из дома терпимости объяснили, в чем состоит одна из главных функций этой обязанности. Ею-то, между прочим, Егор занимается с 16 лет. У него происходит перед глазами постоянный, систематический разврат. Он видит постоянное беззастенчивое проявление грубой чувственности.

Средства к жизни добываются не тяжелым и честным трудом, а тем, что он угрождает посетителям, которые, довольные проведенным временем с приведенною женщиною, быть может, иногда и не считая хорошенько, дают ему деньги на водку. Вот такова его должность с точки зрения труда!

Посмотрим на нее с точки зрения долга и совести. Может ли она развить в человеке самообладание, создать преграды, внутренние и нравственные, порывам

страсти? Нет, его постоянно окружают картины самого беззастенчивого проявления половой страсти, а влияние жизни без серьезного труда, среди далеко не нравственной обстановки для человека, не укрепившегося в другой, лучшей сфере, конечно, не явится особо задерживающим в ту минуту, когда им овладевает чувственное желание обладания... Взглянем на личный характер подсудимого, как он нам был описан. Это характер твердый, решительный, смелый. С товарищами живет Егор не в ладу, нет дня, чтобы не ссорился, человек «озорной», неспокойный, никому спускать не любит. Студента, который, подойдя к бане, стал нарушать чистоту, он поколотил больно — и поколотил притом не своего брата мужика, а студента, «барина», — стало быть, человек, не очень останавливающийся в своих порывах. В домашнем быту это человек не особенно нежный, не позволяющий матери плакать, когда его ведут под арест, обращавший со своею любовницею «как палач». Ряд показаний рисует, как он обращается вообще с теми, кто ему подчинен по праву или обычаю. «Идешь ли?» — прикрикивает он на жену, зовя ее с собою; «Гей, выходи», — стучит в окно, «выходи» — властно кричит он Аграфене. Это человек, привыкший властвовать и повелевать теми, кто ему покоряется, чуждающийся товарищей, самолюбивый, непьющий, точный и аккуратный. Итак, это характер сосредоточенный, сильный и твердый, но развившийся в дурной обстановке, которая ему никаких сдерживающих начал дать не могла.

Посмотрим теперь на его жену. О ней также характеристичные показания: эта женщина невысокого роста, толстая, белокурая, флегматическая, молчаливая и терпеливая. «Всякие тиранства от моей жены, капризной женщины, переносила, никогда слова не сказала», — говорит о ней свидетель Одинцов. «Слова от нее трудно добиться», — прибавил он. Итак, это вот такая личность: тихая, покорная, вялая и скучная, главное — скучная. Затем выступает Аграфена Сурина. Вы ее видели и слышали: вы можете относиться к ней не с симпатией, но вы не откажете ей в одном: она бойка и даже здесь за словом в карман не лезет, не может удержать улыбки, споря с подсудимым, она, очевидно, очень живого, веселого характера, энергическая, своего не уступит даром, у нее черные глаза, румяные щеки, черные волосы.

Это совсем другой тип, другой темперамент.

Вот такие-то три лица сводятся судьбою вместе. Конечно, и природа, и обстановка указывают, что Егор должен скорее сойтись с Аграфеною; сильный всегда влечется к сильному, энергическая натура сторонится от всего вялого и слишком тихого. Егор женится, однако, на Лукерье.

Чем она понравилась ему? Вероятно, свежестью, чистотою, невинностью. В этих ее свойствах нельзя сомневаться. Егор сам не отрицает, что она вышла за него, сохранив девическую чистоту. Для него эти ее свойства, эта ее непри-

косновенность должны были представлять большой соблазн, сильную приманку, потому что он жил последние годы в такой сфере, где девической чистоты вовсе не полагается; для него обладание молодою, невинною женою должно было быть привлекательным. Оно имело прелесть новизны, оно так резко и так хорошо противоречило общему складу окружающей его жизни. Не забудем, что это не простой крестьянин, грубоватый, но прямодушный, — это крестьянин, который с 16 лет в Петербурге, в номерных банях, который, одним словом, «хлебнул» Петербурга. И вот он вступает в брак с Лукерьею, которая, вероятно, иначе ему не могла принадлежать; но первые порывы страсти прошли, он охлаждается, а затем начинается обычная жизнь, жена его приходит к ночи, тихая, покорная, молчаливая... Разве это ему нужно с его живым характером, с его страстною натурою, испытавшею житье с Аграфеною? И ему, особенно при его обстановке, приходилось выдвигать виды, и ему, может быть, желательна некоторая завлекательность в жене, молодой задор, юркость, бойкость. Ему, по характеру его, нужна жена живая, веселая, а Лукерья — совершенная противоположность этому. Охлаждение понятно, естественно. А тут Аграфена снует, бегаёт по коридору, поминутно суется на глаза, подсмеивается и не прочь его снова завлечь. Она зовет, манит, туманит, раздражает, и когда он снова ею увлечен, когда она снова позволяет обнять себя, поцеловать, в решительную минуту, когда он хочет обладать ею, она говорит: «Нет, Егор, я вашего закона нарушать не хочу», т. е. каждую минуту напоминает о сделанной им ошибке, корит его тем, что он женился, не думая, что делает, не рассчитав последствий, сглупив... Он знает при этом, что она от него ни в чем более не зависит, что она может выйти замуж и пропасть для него навсегда. Понятно, что ему остается или махнуть на нее рукой и вернуться к скучной и молчаливой жене, или отдаться Аграфене. Но как отдаться? Вместе, одновременно с женою? Это невозможно.

Во-первых, это в материальном отношении дорого будет стоить, потому что ведь придется и материальным образом иногда выразить любовь к Суриной; во-вторых, жена его стесняет; он человек самолюбивый, гордый, привыкший действовать самостоятельно, свободно, а тут надо ходить тайком по номерам, лгать, скрываться от жены или слушать брань ее с Аграфеною и с собою — и так навеки!

Конечно, из этого надо найти исход. И если страсть сильна, а голос совести слаб, то исход может быть самый решительный. И вот является первая мысль о том, что от жены надо избавиться.

Мысль эта является в ту минуту, когда Аграфена вновь стала принадлежать ему, когда он снова вкусил от сладости старой любви и когда Аграфена отдалась ему, сказав, что это, как говорится в таких случаях, «в первый и в последний раз». О появлении этой мысли говорит Аграфена Сурина: «Не сяду под арест без того, чтобы Лукерья не было», — сказал ей Емельянов. Мы бы могли не совсем пове-

рить ей, но слова ее подтверждаются другим беспристрастным и добросовестным свидетелем, сестрою Лукерьи, которая говорит, что накануне смерти, через неделю после свидания Егора с Суриной, Лукерья передавала ей слова мужа: «Тебе бы в Ждановку». В каком смысле было это сказано — понятно, так как она отвечала ему: «Как хочешь, Егор, но я сама на себя рук накладывать не стану». Видно, мысль, на которую указывает Аграфена, в течение недели пробежала целый путь и уже облеклась в определенную и ясную форму — «тебе бы в Ждановку». Почему же именно в Ждановку? Вглядитесь в обстановку Егора и отношения его к жене. Надо от нее избавиться. Как, что для этого сделать? Убить... Но как убить? Зарезать ее — будет кровь, нож, явные следы, — ведь они видятся только в бане, куда она приходит ночевать. Отравить? Но как достать яду, как скрыть следы преступления, и т. д.? Самое лучшее и, пожалуй, единственное средство — утопить. Но когда? А когда она пойдет провожать его в участок — это время самое удобное, потому что при обнаружении убийства он окажется под арестом и даже как нежный супруг и несчастный вдовец пойдет потом хоронить утопившуюся или утонувшую жену. Такое предположение вполне подкрепляется рассказом Суриной. Скажут, что Сурина показывает о самом убийстве темно, туманно, путается, сбивается. Все это так, но у того, кто, даже как посторонний зритель, бывает свидетелем убийства, часто трясутся руки и колотится сердце от зрелища ужасной картины: когда же зритель не совсем посторонний, когда он даже очень близок к убийце, когда убийство происходит в пустынном месте, осенью и сырою ночью, тогда немудрено, что Аграфена не совсем может собрать свои мысли и не вполне разглядела, что именно и как именно делал Егор. Но сущность ее показаний все-таки сводится к одному, т. е. к тому, что она видела Егора топившим жену; в этом она тверда и впечатление передает с силою и настойчивостью. Она говорит, что, испугавшись, бросилась бежать, затем он догнал ее, а жены не было; значит, думала она, он-таки утопил ее; спросила о жене — Егор не отвечал.

Показание ее затем вполне подтверждается во всем, что касается ее ухода из дома вечером 14 ноября. Подсудимый говорит, что он не приходил за ней, но Анна Николаева удостоверяет противоположное и говорит, что Аграфена, ушедшая с Егором, вернулась через 20 минут. По показанию Аграфены, она как раз прошла и пробежала такое пространство, для которого нужно было, по расчету, употребить около 20 минут времени.

Нам могут возразить против показаний Суриной, что смерть Лукерьи могла произойти от самоубийства или же сама Сурина могла убить ее. Обратимся к разбору этих могущих быть возражений. Прежде всего нам скажут, что борьбы не было, потому что платье утопленницы не разорвано, не запачкано, что сапоги у подсудимого, который должен был войти в воду, не были мокры и т. д. Вглядитесь в эти два пункта возражений, и вы увидите, что они вовсе не так существен-

ны, как кажутся с первого взгляда. Начнем с грязи и борьбы. Вы слышали показание одного свидетеля, что грязь была жидкая, что была слякоть; вы знаете, что место, где совершено убийство, весьма крутое, скат в 9 шагов, под углом 45 градусов. Понятно, что, начав бороться с кем-нибудь на откосе, можно было съехать по грязи в несколько секунд до низу, и если затем человек, которого сталкивают, запачканного грязью, в текущую воду, остается в ней целую ночь, то нет ничего удивительного, что на платье, пропитанном насквозь водой, слякоть расплывается и следов ее не останется: природа сама выстирает платье утопленницы.

Скажут, что нет следов борьбы. Я не стану утверждать, чтобы она была, хотя разорванная пола кацавейки наводит, однако, на мысль, что нельзя отрицать ее существования.

Затем скажут: сапоги! Да, сапоги эти, по-видимому, очень опасны для обвинения, но только по-видимому. Припомните часы: когда Егор вышел из дома, это было три четверти десятого, а пришел он в участок десять минут одиннадцатого, т. е. чрез 25 минут по выходе из дома и минут чрез 10 после того, что было им совершено, по словам Суриной.

Но в часть, где собственно содержатся арестанты и где его осматривали, он пришел в 11 часов, через час после того дела, в совершении которого он обвиняется. В течение этого времени он много ходил, был в теплой комнате, и затем его уже обыскивают. Когда его обыскивали, вы могли заключить из показаний свидетелей, один из полицейских объяснил, что на него не обратили внимания, потому что он приведен на 7 дней; другой сказал сначала, что всего его обыскивал, а потом объяснил, что сапоги подсудимый снял сам, а он осмотрел только карманы. Очевидно, что в этот промежуток времени он мог успеть обсохнуть, а если и оставалась сырость на платье и сапогах, то она не отличалась от той, которая могла образоваться от слякоти и дождя. Да, наконец, если вы представите себе обстановку убийства так, как описывает Сурина, вы убедитесь, что ему не было надобности входить в воду по колени. Завязывается борьба на откосе, подсудимый пихает жену, они скатываются в минуту по жидкой грязи, затем он схватывает ее за плечи и, нагнув голову, сует в воду. Человек может задохнуться в течение двух-трех минут, особенно если не давать ему ни на секунду вынырнуть, если придержать голову под водой.

При такой обстановке, которую описывает Сурина, всякая женщина в положении Лукерьи будет поражена внезапным нападением, в сильных руках разъяренного мужа не соберется с силами, чтобы сопротивляться, особенно если принять в соображение положение убийцы, который держал ее одною рукою за руку, на которой и остались синяки от пальцев, а другою нагибал ей голову к воде. Чем ей сопротивляться, чем ей удержаться от утопления? У нее свободна лишь одна рука, но перед нею вода, за которую ухватиться и опереться нельзя. Платье Его-

ра могло быть при этом сыро, забрызгано водою, запачкано и грязью немного, но при поверхностном осмотре, который ему дали, это могло остаться незамеченным. Насколько это вероятно, вы можете судить по показаниям свидетелей: один говорит, что он засажен в часть в сапогах, другой говорит — босиком; один показывает, что он был в сюртуке, другой — в чуйке и т. д.

Наконец, известно, что ему позволили самому явиться под арест, что он был свой человек в участке — станут ли такого человека обыскивать и осматривать подробно?

Посмотрим, насколько возможно предположение о самоубийстве. Думаю, что нам не станут говорить о самоубийстве с горя, что мужа посадили на 7 дней под арест. Надо быть детски легковерным, чтобы поверить подобному мотиву. Мы знаем, что Лукерья приняла известие об аресте мужа спокойно, хладнокровно, да и приходило в такое отчаяние, чтобы топиться ввиду семидневной разлуки, было бы редким, чтобы не сказать невозможным, примером супружеской привязанности. Итак, была другая причина, но какая же? Быть может, жестокое обращение мужа, но мы, однако, не видим такого обращения: все говорят, что они жили мирно, явных ссор не происходило. Правда, она раз, накануне смерти, жаловалась, что муж стал грубо отвечать, лез с кулаками и даже советовал ей «в Ждановку». Но, живя в России, мы знаем, каково в простом классе жестокое обращение с женою. Оно выражается гораздо грубее и резче, в нем муж, считая себя в своем неотъемлемом праве, старается не только причинить боль, но и на шуметь, сорвать сердце. Здесь такого жестокого обращения не было и быть не могло. Оно, по большей части, есть следствие грубого возмущения какою-нибудь стороною в личности жены, которую нужно, по мнению мужа, исправить, наказуя и истязуя. Здесь было другое чувство, более сильное и всегда более страшное по своим результатам. Это была глубокая, затаенная ненависть. Наконец, мы знаем, что никто так не склонен жаловаться и плакаться на жестокое обращение, как женщина, и Лукерья точно так же не удержалась бы, чтобы не рассказывать хоть близким, хоть сестре, что нет житья с мужем, как рассказывала о нем накануне смерти.

Итак, нет повода к самоубийству. Посмотрим на выполнение этого самоубийства. Она никому не намекает даже о своем намерении, напротив, говорит накануне противоположное, а именно: что рук на себя не наложит; затем она берет у сестры — у бедной женщины — кофту: для чего же? — чтобы в ней утопиться; наконец, местом утопления она выбирает Ждановку, где воды всего на аршин. Как же тут утопиться?

Ведь надо согнуться, нужно чем-нибудь прижаться за дно, чтобы не всплыть на поверхность... Но чувство самосохранения непременно скажется — молодая жизнь восстала бы против своего преждевременного прекращения,

и Лукерья сама выскочила бы из воды. Известно, что во многих случаях самоубийцы потому только гибнут под водой, что или не умеют плавать, или же несвоевременно придет помощь, которую они обыкновенно сами призывают. Всякий, кто знаком с обстановкою самоубийства, знает, что утопление, а также бросание с высоты, — два преимущественно женских способа самоубийства, — совершаются так, что самоубийца старается ринуться, броситься как бы с тем, чтобы поскорее, сразу, без возможности колебания и возврата, прервать связь с окружающим миром. В воду «бросаются», а не ищут такого места, где бы надо было «входить» в воду, почти как по ступенькам. Топясь в Ждановке, Лукерья должна была войти в воду, нагнуться, даже сесть и не допустить себя встать, пока не отлетит от нее жизнь.

Но это положение невыносимое! И зачем оно, когда в десяти шагах течет Нева, которая не часто отдает жизни тех, кто пойдет искать утешения в ее глубоких и холодных струях.

Наконец, самое время для самоубийства выбирается такое, когда сама судьба послала ей семидневную отсрочку, когда она может вздохнуть и пожить на свободе без мужа, около сестры. Итак, это не самоубийство.

Но, может быть, это убийство, совершенное Аграфеной Суриной, как намекает на это подсудимый? Я старался доказать, что не Аграфене Суриной, а мужу Лукерьи можно было желать убить ее, и притом, если мы остановимся на показании обвиняемого, то мы должны брать его целиком, особенно в отношении Суриной. Он здесь настойчиво требовал от свидетелей подтверждения того, что Лукерья плакалась от угроз Суриной удавить ее или утюгом хватить.

Свидетели этого не подтвердили, но если все-таки верить обвиняемому, то надо признать, что Лукерья окончательно лишилась рассудка, чтобы идти ночью на глухой берег Ждановки с такою женщиною, которая ей враг, которая грозила убить ее! Скажут, что Сурина могла напасть на нее, когда она возвращалась, проводив мужа. Но факты, неумолимые факты докажут нам противное. Егор ушел из бань в три четверти десятого, пришел в участок в десять минут одиннадцатого, следовательно, пробыл в дороге 25 минут.

Одновременно с уходом из дому он вызвал Аграфену, как говорит Николаева. Следовательно, Сурина могла напасть на Лукерью только по истечении этих 25 минут. Но та же Николаева говорила, что Аграфена Сурина вернулась домой через двадцать минут после ухода. Наконец, могла ли Сурина один на один сладить с Лукерьею, как мог сладить с нею ее муж и повелитель? Вот тут-то были бы следы той борьбы, которой так тщетно искала защита на платье покойной.

Итак, предположение о Суриной как убийце Лукерьи рушится, и мы приходим к тому, что показание Суриной в существе своем верно. Затем остаются неразъясненными два обстоятельства: во-первых, зачем обвиняемый вызвал Аграфену,

когда шел убивать жену, и, во-вторых, зачем он говорил, по показанию Суриной, что «брал девку, а вышла баба», и упрекал в том жену в последние моменты ее жизни? Не лжет ли Сурина? Но, господа присяжные, не одними внешними обстоятельствами, которые режут глаза, определяется характер действий человека; при известных случаях надо посмотреть и на те душевные проявления, которые свойственны большинству людей при известной обстановке.

Зачем он бросил тень на честь своей жены в глазах Аграфены? Да потому, что, несмотря на некоторую свою испорченность, он живет в своеобразном мире, где при разных подчас грубых и не вполне нравственных явлениях существует известный, определенный, простой и строгий нравственный кодекс. Влияние кодекса этого выразилось в словах Аграфены: «Я вашего закона нарушать не хочу!» Подсудимый — человек самовлюбленный, гордый и властный; прийти просто просить у Аграфены прощения и молить о старой любви — значило бы прямо сказать, что он жену не любит потому, что женился «сдуру», не спросившись броду; Аграфена стала бы смеяться. Надо было иметь возможность сказать Аграфене, что она может нарушить закон, потому что этого закона нет, потому что жена внесла бесчестье в дом и опозорила закон сама. Не тоскующим и сделавшим ошибку, непоправимую на всю жизнь, должен он был прийти к Аграфене, а человеком оскорбленным, презирающим жену, не смогшую до свадьбы «себя соблюсти». В таких условиях Аграфена стала бы его, быть может, жалеть, но он не был бы смешон в ее глазах. И притом — это общечеловеческое свойство, печальное, но верное, — когда человек беспричинно ненавидит другого, несправедлив к нему, то он силится найти в нем хоть какую-нибудь, хотя вымышленную, вину, чтоб оправдаться в посторонних глазах, чтобы даже в глазах самого ненавидимого быть как бы в своем праве. Вот почему лгал Егор о жене Аграфене и в решительную минуту при них обоих повторял эту ложь, в виде вопроса жене о том, кому продала она свою честь, хотя теперь и утверждает, что жена была целомудренна.

Зачем он вызвал Аграфену, идя на убийство? Вы ознакомились с Аграфеною Суриною и, вероятно, согласитесь, что эта женщина способна вносить смуту и раздор в душевный мир человека, ею увлеченного. От нее нечего ждать, что она успокоит его, станет говорить как добрая, любящая женщина. Напротив, она скорее всего в ответ на уверения в прочности вновь возникшей привязанности станет дразнить, скажет: «Как же, поверь тебе, хотел ведь на мне жениться — два года водил, да и женился на другой». Понятно, что в человеке самолюбивом, молодом, страстном, желающем приобрести Аграфену, должно было явиться желание доказать, что у него твердо намерение обладать ею, что он готов даже уничтожить жену-разлучницу, да не на словах, которым Аграфена не верит и над которыми смеется, но на деле. Притом она уже раз испытала его неверность, она

может выйти замуж, не век же находиться под его гнетом; надо ее закрепить надолго, навсегда, поделившись с нею страшною тайною. Тогда всегда будет возможность сказать: «Смотри, Аграфена! Я скажу все, мне будет скверно, да и тебе, чай, не сладко придется. Вместе погибать пойдем, ведь из-за тебя же Лукерья душу загубил...»

Вот для чего надо было вызвать Аграфену, удалив, во что бы то ни стало, плаксивую мать, которая дважды вызывалась идти его провожать. Затем могли быть и практические соображения: зайдя за ней, он мог потом, в случае обнаружения каких-нибудь следов убийства, сказать: я сидел в участке, а в участок шел с Грушей, что же — разве при ней я совершил убийство? Спросите ее! Она будет молчать, конечно, и тем дело кончится. Но в этом расчете он ошибся.

Он не сообразил, какое впечатление может произвести на Сурина то, что ей придется видеть, он позабыл, что на молчание такой восприимчивой женщины, как Сурина, положиться нельзя... Вот те соображения, которые я считал нужным вам представить. Мне кажется, что все они сводятся к тому, что обвинение против подсудимого имеет достаточные основания. Поэтому я обвиняю его в том, что, возненавидев свою жену и вступив в связь с другою женщиною, он завел жену ночью на речку Ждановку и там утопил.

Кончая обвинение, я не могу не повторить, что такое дело, как настоящее, для разрешения своего потребует больших усилий ума и совести. Но я уверен, что вы не отступите перед трудностью задачи, как не отступила перед ней обвинительная власть, хотя, быть может, разрешите ее иначе. Я нахожу, что подсудимый Емельянов совершил дело ужасное, нахожу, что, постановив жестокий и несправедливый приговор над своею бедною и ни в чем не повинною женою, он со всею строгостью привел его в исполнение.

Если вы, господа присяжные, вынесете из дела такое же убеждение, как и я, если мои доводы подтвердят в вас это убеждение, то я думаю, что не далее, как через несколько часов, подсудимый услышит из ваших уст приговор, конечно, менее строгий, но, без сомнения, более справедливый, чем тот, который он сам произнес над своею женою.

Обнинский П.Н.

«Обвинительная речь по делу Качки»

Господа присяжные заседатели! 15 марта 1879 года, вечером, в меблированных комнатах Квирина на Басманной был убит выстрелом из револьвера бывший студент Медико-хирургической академии дворянин Бронислав Байрашевский. Убийство совершено в номере студента Гортынского в то время, когда у него собиравались товарищи и знакомые; между ними находилась девица Прас-

ковья Качка, тут же сознавшаяся в этом убийстве, но объяснившая, что открыла причину убийства она не желает.

Предварительным следствием было между прочим обнаружено, что Качка и Байрашевский познакомились в Москве еще в 1878 году. Почти одинаковый возраст, общая цель — подготовить себя к предстоящей деятельности научным образованием, наконец, совместное жительство на общей квартире — все это не могло не способствовать к сближению молодых людей. Научные занятия шли без всякого руководства, без достаточной к тому подготовки и потому, вместо желаемой цели, привели к совершенно иному результату; молодые люди полюбили друг друга.

Зародившись в дружбе, любовь эта скоро, в Качке по крайней мере, перешла в страсть: обещание Байрашевского жениться на Качке давало полный простор такому чувству. По отзывам свидетелей, Качка перестала заниматься, появились перемены в характере, привычках, и она, видимо, находилась под гнетом какого-то страстного беспокойного влечения, с резкими переходами от беспредельной веселости к мрачному настроению, как это часто случается у влюбленных. Байрашевский, напротив того, начал заметно охладевать к Качке, избегал даже встречаться с ней, откладывал свадьбу и т.п. — и это уже после того, когда взаимные отношения их достигли того предела, за которым подозревалась возможность сделаться матерью.

В этом периоде их взаимных отношений, когда страстное чувство Качки достигло своего высшего напряжения, Байрашевский изменяет ей и становится женихом другой девушки, ее же подруги — Ольги Пресецкой, которая также одновременно жила и занималась с ними в общей квартире.

Сначала только подозревая измену, но вскоре затем убедившись в этом, Качка начинает жестоко страдать, ищет выхода в мысли о самоубийстве, решает покончить и с Байрашевским, покупает револьвер, но еще колеблется в своем решении. Через неделю, именно 15 марта, узнав о приезде из Петербурга Ольги Пресецкой, с тем чтобы ехать с Байрашевским к родителям его и обвенчаться там, Качка вечером того же дня убивает Байрашевского в то время, когда все окружающие наслаждались ее пением.

Вот и вся история несчастной любви Качки и того трагического исхода, который привел ее сегодня на скамью подсудимых. Уже из моего короткого рассказа, основанного на бесспорных фактах судебного следствия, вы, господа присяжные заседатели, могли убедиться, что дело идет об одном из обыкновенных убийств, с обыкновеннейшим мотивом — ревностью, т.е. о деянии хотя и несомненно преступном, но вызванном и обусловленном логическим ходом событий, последовательным развитием страстей, присущих каждому и умственно здоровому человеку, а стало быть — о деянии психически нормальном.

Не столь ясным и простым представлялось дело прежде, в начале предварительного следствия: в высшей степени самолюбивая, все еще любящая убитого ею жениха, Качка долгое время не хотела раскрыть причину убийства, ей тяжело было обнаружить поведение покойного, бросить на него тень, сделать ему упрек... еще тяжелее было ей признать, что она, отдавшаяся своему жениху, забыта ради другой, забыта и поругана; ей было больно даже и подумать об этом; понятно, что на первых порах она должна была молчать о причине. Это сообщило загадочность делу; подозревался болезненный аффект, появились слухи о политической цели убийства. Следствию удалось, однако, доказать как полнейшую несостоятельность этих обоих предположений, так и раскрыть истинную причину убийства. На это, между прочим, потребовалось много времени, и вот почему мы только сегодня приступаем к судебному разрешению события, совершившегося ровно год тому назад, — события, столько несложного по своим внешним очертаниям и, кроме того, засвидетельствованного собственным сознанием обвиняемой. Зато факт, сначала загадочный, низведен был в область понятных для каждого, того искренне желающего, и самых обыкновенных явлений. Доказать это последнее положение составляет в нашем деле главнейшую преобладающую задачу обвинения, так как сама подсудимая и ее защита, как это видно по оконченому судебному следствию, стараются, совершенно для меня неожиданно, вернуть дело снова в ту туманную сферу, из которой оно первоначально возникло.

Для уразумения того, является ли известное деяние свободным продуктом злой воли или совершено оно под гнетом душевной болезни, весьма важно знать повод, вследствие которого возникло первое сомнение относительно умственной состоятельности и свободной воли обвиняемого. Важно это потому, что если повод такой обусловлен каким-нибудь субъективным явлением, обнаруженным в поведении самого обвиняемого, то, естественно, к предположению о его ненормальном состоянии мы должны отнестись более или менее доверчиво; если же, наоборот, повод этот стоит вне сферы личных явлений из жизни и природы обвиняемого и возник по чьему-либо стороннему указанию или по излишней, хотя и весьма почтенной в этом случае, мнительности следователей, то такое обстоятельство может иметь значение только тогда, когда возбужденной по такому поводу врачебной экспертизой подозрения эти в чем-либо подтвердятся. Применяя эти общие положения к рассматриваемому случаю, мы видим, что повод, благодаря которому возникло сомнение в умственном здоровье девицы Качки, должен быть отнесен не к первой, а ко второй категории; он пришел к нам так сказать снаружи. Первое сомнение было возбуждено братом подсудимой, заявившим следователю о беременности сестры и о развившемся вследствие этого ее душевном расстройстве; сомнение подкреплялось долгим и упорным молчанием подсудимой об истинной причине убийства. Но когда стараниями

следователя была обнаружена эта причина, когда произведена была врачебная экспертиза, то стало несомненным: первое, что заявление о беременности было внушено исключительно чувством братской любви и не имело под собой никакой фактической основы, и второе, что мотивом убийства была не душевная болезнь, а просто ревность. Итак, повод к сомнению, зародившись извне, не получил при обследовании никакого подтверждения.

Результатом освидетельствования явилось заключение врачей о полном умственном здоровье и, следовательно, полной способности к вменению. Единственным диссонансом в таком гармоническом соглашении представляется мнение врача Державина. Мнение это, основанное не только на кратком, а, можно сказать, на мимолетном наблюдении, положительно опровергается как заключением врача Булыгинского, наблюдавшего ее более месяца и, стало быть, изучившего ее природу несравненно основательнее, так и конечным заключением коллегии врачей-экспертов гг. Кетчера, Доброва и Гилярова, свидетествовавших Качку в судебном заседании. Оба эти акта были прочитаны на суде, и вы могли убедиться в основательности, всесторонности и внимательности, с которыми отнеслись эксперты эти к своей трудной и сложной задаче. Далеко не таково заключение Державина. Державин в своем заключении совершенно игнорирует фактические обстоятельства и говорит лишь о субъективных свойствах обвиняемой, дознанных им из ее же слов; действительно, если закрыть глаза на отношения Качки к Байрашевскому и Пресецкой, на поведение Байрашевского, на его измену, на силу любви Качки и т.д., тогда, пожалуй, можно приписать убийство душевной болезни, но уж никак не той *raptus melancholicus*, которую нашел Державин. Основные признаки этой болезни, как определяют их Маудсли и Крафт-Эбинг, таковы: «Наступлению помешательства с склонностью к убийству или самоубийству предшествует обыкновенно мрачное состояние духа с бредом или без бреда, убийство совершается под влиянием угнетения, вызванного ложными убеждениями, вдруг, при каком-нибудь незначительном поводе; больной впадает в бешенство, совершенно не знает, что делает в это время, и приходит в ужас, когда впоследствии узнает об этом» (Маудсли, доктор и профессор. Ответственность при душевных болезнях, стр. 241).

«Аффект появляется столь внезапно и с такой напряженностью, что во время припадка утрачивается не только сознание и рассудительность, но даже и память. Образ действий при *raptus melancholicus* имеет особый механизм, с которым необходимо познакомиться, чтобы не смешивать его с другими состояниями: больной никогда не стремится к достижению какой-либо объективной цели, а лишь к внешнему выражению того, что тяготит его сознание; в образе действий такого больного никогда не бывает плана, целесообразности, а, напротив, больной действует как слепой, как бы конвульсивно; он не довольствуется, например,

убийством своей жертвы, а калечит ее самым жестоким отвратительным способом; иногда больной предостерегает окружающих; если же приступ быстр, то за ним следует слепое, бессознательное неистовство» (Крафт-Эбинг, доктор. Начала уголовной психологии, стр. 63, 64).

Ничего подобного никто — ни врачи, ни свидетели убийства — в Качке не наблюдали; поступок ее, как это мы видели, далеко не бесцельный; убийство совершено без всяких жестокостей, память и самосознание полнейшие, неистовства по совершении убийства никакого и т.д.

Насколько Качка обладала сознанием в момент убийства и чутко относилась даже к мелочным событиям, видно из двух доказанных следствием явлений, из которых одно предшествовало убийству, а другое за ним следовало: за два часа до выстрела Качка вручает свидетелю Малышеву прочитанную на суде записку свою о брате и домашних своих распоряжениях, а тотчас после убийства, по поводу чьего-то смеха, иронически замечает, что она доставила своим поступком кому-то удовольствие.

Мысль об убийстве зрела и развивалась в долгом, хотя и мучительном, процессе нравственного страдания обвиняемой; она зародилась в измене Байрашевского, а не в каких-нибудь «ложных убеждениях» и разрешилась 15 марта, когда приехала его новая невеста Пресецкая и когда Качка, в последний раз перед разлукой навеки, видела своего бывшего жениха; в этих последних обстоятельствах, пожалуй, можно допустить внешний толчок, ускоривший развязку, но разве это может лишить факт его осмысленной причины, сознательного стимула, логически подготовленного рядом событий мира действительного, помимо всякой деятельности воображения, миража «ложных убеждений», аффекта и т.п. Где же тут *raptus melancholicus*?

Что касается указаний Державина на пьянство отца Качки, о чем говорит и ее мать в своем показании, то и отсюда невозможно вывести какого-либо заключения о нравственной болезненности дочери их, Прасковьи Качки, так как у тех же родителей, кроме нее, были дети: Александр, Владимир, Анна и Елизавета; все они умственно совершенно здоровы; отчего же пьянство отца отразилось бы только на одной Прасковье Качке?

На предложенный мною по этому поводу вопрос эксперт Державин мог возразить только то, что в семействе Качки запой отца отразился, кроме Прасковьи Качки, и на сестре ее Анне физическим уродством; но вы помните, господа присяжные заседатели, что об этом уродстве показывала мать ее, г-жа Битмид, и причину его объяснила случайным обстоятельством — падением или ушибом.

Врач Левенштейн вовсе не наблюдал Качку, и поэтому его заключение уже чисто теоретического свойства. Чтобы доказать вам всю его несостоятельность в этом отношении, а также чтобы помочь вам в уяснении психической стороны

дела и того значения, какое может иметь для суда врачебная экспертиза вообще, мне необходимо привести, хотя и в выдержках, мнения нескольких научных авторитетов в занимающем нас вопросе.

«Ни в одном из случаев, требующих вмешательства судебного врача, — говорит Шайнштейн (см.: Руководство к изучению судебной медицины, пер. Чацкина, стр. 663, 664), — для него не бывает так близка возможность преступить черту своей компетентности, как при исследовании умственного состояния с целью определить, находится ли данное лицо в здоровом уме или нет; ибо, высказывая свое мнение, он тем самым высказывает и свое личное суждение о том, можно ли этому лицу вменить данное действие его как свободное и сознательное. А между тем решение этого последнего вопроса, как по здоровой логике, так и по точному смыслу большей части законодательств, принадлежит не врачу, а судье. Ни в одном отделе судебной медицины не было поэтому более бесплодных теоретических рассуждений и ни к чему не ведущей полемики, как в судебной психиатрии. Задача врача душевных болезней ограничена представлением судье возможно полной картины физического и нравственного состояния обвиняемого и объяснением, какое влияние то или другое могло иметь на его образ действий вообще. Дальнейшую же оценку этих фактов врач представляет судье; притом к сфере компетентности врача относится только часть тех душевных состояний, которыми исключается вменяемость, — именно одни душевные болезни; все же другие условия, как-то: недостаточное воспитание, заблуждение, страсти и нравственные потрясения в качестве общепонятных психологических моментов — подлежат оценке судьи».

«Решение вопроса о вменяемости, — говорит Миттермайер, — принадлежит исключительно судье или присяжным, а врачи должны доставить им только сведения, дающие возможность решить этот вопрос или облегчающие это решение».

«Не всякое видоизменение умственной деятельности, происшедшее вследствие болезненного состояния, возможно бывает признать душевной болезнью; болезненное расстройство умственной деятельности в конкретном случае еще не безусловно влечет за собой признание того, что действия больного находились под влиянием такого расстройства, исключающего свободное определение воли, и несомненно, что не все действия душевнобольных носят отпечаток душевных их страданий» (Скржечка, доктор и профессор. Душевные болезни по отношению к учению о вменении).

«Нет ни одного симптома расстройства умственной деятельности, который бы исключительно был свойством душевной болезни и не встречался бы в нормальном состоянии. Отдельные лица в умственном отношении бесконечно разнообразны, и нет типа, который мог бы служить нормой умственно-душевного здоровья. Судебная антропология обращается исключительно на почве врачебного

опыта и наблюдения и не должна ни разрешать вопроса о способности ко вменению, как понятия чисто юридического, ни теряться в метафизически спекулятивном исследовании абстрактной свободы воли.

Абсолютной свободы воли, в смысле философов, вероятно, не было и не будет; требования же, предъявляемые государством к индивидуальной воле, всегда ограничиваются относительной ее свободой; государство требует от частного лица лишь способности производить сравнительную оценку представлений и до известной, установленной обществом нормы поступаться чувственными эгоистическими побуждениями в пользу разумных представлений, соответствующих требованиям нравственности и государственным законам. Относительно вопроса о том, насколько для судьи обязательно заключение врача, можно положительно сказать, что судье принадлежит право оценки заключения и он может отвергнуть его. Ввиду столь многих плохих заключений, предъявляемых по настоящее время в судах, было бы весьма неудобно не признавать этого права за судом, но оно должно распространяться лишь на формальную правильность, точность и тщательность его, а никак не на научную компетентность выводов, сделанных врачом» (Крафт-Эбинг, доктор. Начала уголовной психологии).

Все только что приведенные мной отзывы известнейших представителей науки сводятся к такому общему выводу, имеющему прямое отношение к рассматриваемому сегодня делу: судебная психиатрия изобилует бесплодными теоретическими рассуждениями; неосновательные заключения врачей очень часто предъявляются в судах; врачебная экспертиза поэтому служит для суда только пособием, пользоваться которым можно лишь с величайшей осторожностью; решение вопроса о вменении и оценка фактов, послуживших поводом к экспертизе, всецело принадлежат суду, ибо это вопросы исключительно юридического свойства. Условия воспитания, страсти и нравственные потребности (т.е. единственные двигатели в убийстве Байрашевского) отнюдь нельзя смешивать с душевными болезнями. Бывают случаи, когда и одержимые такими болезнями могут обладать свободной волей, и потому тогда и они даже подлежат вменению за совершенные ими деяния. Вообще для вменения достаточно и относительной свободы воли, так как безусловной не существует. Применяя эти общие выводы к нашему делу, мы получаем конечный и до очевидности простой итог: там, где мнения врачей расходятся, надо отдать предпочтение тому, которое более согласуется с выводами из фактов.

Правда, некоторые психиатры допускают возможность болезни и в человеке, действующем, по-видимому, целесообразно и разумно, т.е. с мотивом, предумышлением, даже скрытностью и т.п., но для этого необходимо, чтобы на такую болезнь имелись какие-нибудь указания в жизни и поведении субъекта вне совершенного им преступного деяния сомнительной вменяемости; таких указаний

в биографии Качки, очень подробно и именно с этой целью обследованной, мы не находим. С другой стороны, в этом отношении следует иметь в виду, что все иностранные кодексы, на которые обыкновенно такие врачи ссылаются, допускают «неполную вменяемость», а некоторые врачи и юристы просто указывают на сомнительные психические страдания как на обстоятельства, смягчающие вину, и в таком случае роль подобных внутренних влияний делается совершенно тождественной с тем значением, какое имеют иногда внешние обстоятельства, например, повод к раздражению, вовлечение другим, несовершеннолетие, вынужденность и т.п. обстоятельства, при наличии которых смягчается наказание.

Наконец, существуют мнения, доводящие подобный взгляд до крайних пределов: по мнению некоторых врачей, сумасшедший человек может действовать совершенно так же, как и умственно здоровый; существует так называемая больная логика, «судорожное сознание»; границ нет, по крайней мере для современной психиатрии они неуловимы. Что же это значит? Это значит, что и экспериментальное знание имеет свои границы, за которыми вся сумма его сводится к нулю. Но, господа присяжные заседатели, человек обладает свойством более высшего источника, свойством, ему прирожденным, — разумом, здравым смыслом. Область его начинается как раз там, где экспериментальный вывод дает в результате такой нуль.

Итак, обратимся к этой нашей способности и последуем ее указаниям, тем более что такое право в данном случае признают за нами, юристами, и приведенные мной медицинские авторитеты. Мы видели, что преступление было сознательное, больше — оно совершено лицом, способным, как оказалось по показаниям и переписке его, к тонкому и глубокому анализу личных ощущений и к чуткой восприимчивости явлений внешнего мира; мотив, бесспорно доказанный, — ревность; цель узкая, себялюбивая, выраженная формулой: «Если не мне, так никому!»; раскаяние, угрызения совести, ясные следы которых мы видели в последующем поведении подсудимой: она мучается, просит себе кары, покушается отравиться; наконец, колебания (записка в жандармское управление) и т.п. — вот те несомненные очертания, в каких предстает нашему умственному взору страшная, как и всегда, картина убийства, совершенного Качкой; очертания эти стройны и гармоничны, они останутся теми же, откуда бы ни вздумалось освещать их, и только близорукому наблюдателю может в них мерещиться нечто иное, чем то, что они изображают в действительности. Преступление в данном случае не представляется явлением, стоящим особняком, явлением, как бы выхваченным из окружающей его сферы предшествовавших и следующих за ним событий, чем-то совершенно им чуждым, как это бывает у сумасшедших. Напротив того, убийство здесь тесно, органически связано со всем тем, что ему предшествовало и что за ним следовало. Оно — необходимое звено в этой прочно

составленной цепи; разорвать такую живую цепь не в силах никакая экспертиза; прежде чем уверовать в противное, надо отречься от своего собственного разума или умышленно закрыть глаза перед очевидными каждому, победоносно убедительными фактами.

Таким образом, по вопросу о вменении, главнейшему в рассматриваемом процессе, судебное и предварительное следствия дают нам такие общие итоги: с одной стороны, предположение о душевной болезни обвиняемой, возникшее по ошибочному заявлению брата Качки и затем поддержанное врачом Державиным с не менее очевидными для каждого ошибками, разрушается теоретически коллективным заключением врачей-экспертов; с другой стороны, фактические обстоятельства, доказанные следствием, — обманутая любовь, ревность, разрыв и т.п. — складываются в таком бесспорном для вывода сочетании, что совокупностью своей образуют вполне естественный, для каждого понятный мотив преступления. Оба эти различными, совершенно самостоятельными путями достигнутые итоги ведут к третьему убеждению в полном умственном здравии подсудимой, а следовательно, и в полной способности ее ко вменению. Так высказалось большинство экспертов, так говорят все до единого обстоятельства дела, наконец, так говорит и сама подсудимая; так, следовательно, должны сказать и вы, господа присяжные, в своих ответах по этому вопросу.

Покончив с психологической стороной процесса, перехожу к рассмотрению другого, особо от этой стороны стоящего взгляда, который я рискую встретить в возражениях защиты или в некоторых впечатлениях, вынесенных лицами, призванными участвовать в разрешении дела; взгляд этот, возводимый иногда в теорию, уже не раз проявлялся в известных судебных процессах, и потому мне нельзя оставить его без внимания.

Качка вызывает к себе сострадание: это далеко не заурядная подсудимая; для многих она окружена ореолом романического трагизма; убийство совершенно под гнетом тяжелым, осложняющимся страстной натурой обвиняемой, едва ли не обезумевшей от любви и ревности. Байрашевский вырвал из ее рук счастье, которое она, доверчивая и влюбленная, купила дорогой ценой — ценой своей девственности! Она получила право на месть!

Все это с известной точки зрения так, все это еще подробнее скажет вам защита... Но вдали от всего этого, в грозном безмолвии смерти одиноко стоит перед вами образ убитого юноши... Родственники Качки пришли сюда, чтобы вместе с моим талантливым противником своими речами и показаниями облегчить участь подсудимой; за Байрашевского никто не явился: его нечего спасать, его никто не подымет из гроба! Мы не видим здесь безутешного горя его родителей, на старости лет потерявших единственного сына; мы не слышим здесь отчаянно-

го плача его невесты, у которой убили жениха чуть не накануне свадьбы! Я один здесь, который говорю от его имени; на мне одном лежит обязанность защищать перед вами его святое право на осуждение убийцы... Он умер с детски беззаботной улыбкой на устах, застывший отблеск которой сохранился на предъявленной Вам фотографии с трупа. Вряд ли у человека с черным прошедшим можно подметить в момент смерти такую улыбку.

Не спору, Байрашевский виноват перед Качкой. Я первый принял это во внимание при определении степени уголовной ответственности в своем обвинительном акте; но разве за такие вины казнят смертью? Если государство в таких случаях не считает себя вправе на такую казнь, то может ли защищаться таким правом частное лицо? За что в самом деле погиб Байрашевский? Он изменил своей возлюбленной — в этом виновато его молодое сердце; корыстного мотива измены, мотива, который сделал бы ее отвратительной, здесь не было; было просто сердечное увлечение, с которым 20-летний юноша, быть может, был не в силах и бороться. И вот за это смертная казнь, казнь беспощадная, исполненная публично, как бы в назидание окружающим! Вот что сказал бы нам убитый Байрашевский, если бы мог находиться здесь.

К этому я должен прибавить еще следующее: уголовное правосудие преследует двойственную задачу. Кроме наказания преступнику, всякий приговор по каждому делу вообще, а по такому, как сегодняшнее, в особенности имеет воспитательное значение: есть люди, которые прислушиваются к решениям гласного суда, соотносят с ними поведение свое в тех или иных случаях, и если суд представителей общественной совести торжественно и всенародно объявляет, что частное лицо может безнаказанно мстить за обиду даже лишением жизни, то вслед за оправданным преступником всегда готова двинуться целая вереница последователей, рассчитывающих на безнаказанность, — и тогда где и в чем найдется гарантия личной свободы и безопасности? Чем оградится естественное право каждого живущего на продолжение своей жизни? Все это — вопросы высшего порядка, вопросы, перед которыми должна в вашем приговоре склониться и личность подсудимой, сколько бы ни вызывала она к себе превратной симпатии и малодушного в этом случае сострадания.

Полагая поэтому, что Качка не будет оправдана ни ради ошибочно подозреваемого в ней душевного расстройства, ни ради только что рассмотренных мной столь же ошибочных и еще более опасных социологических соображений, я могу заняться теперь определением тех границ, в которых считаю справедливым предъявить вам свое обвинение. В этом отношении я обязан особенно осмотрительностью ввиду тех последних слов, которые записала Качка в протоколе предъявленного ей следственного производства: «Преступно мое прошлое, бесполезно настоящее — судите беспощадно!»

Я ишу только справедливости и только с этой целью ставлю себе вопрос. К какому именно из предусматриваемых нашим уложением видов убийства следует отнести совершенное Качкой преступление? С первого взгляда казалось бы, что оно является плодом «заранее обдуманного намерения», т.е. при обстоятельстве, особенно отягчающем вину. Действительно, мысль об убийстве рождается и зреет в голове подсудимой. Задолго до его совершения она покупает револьвер, заряжает его, держит его при себе в вечер убийства. Но при внимательном сопоставлении и тщательной оценке всех фактов, рисующих нам внутренний мир подсудимой незадолго до убийства и в самый момент его совершения, нельзя сказать с полной уверенностью, чтобы тут действовало заранее обдуманное намерение в том смысле, как это понимает наш уголовный закон. Револьвер Качка покупает, чтобы застрелить себя. Это объяснение ее не опровергается по следствию, и потому мы не имеем основания заподозрить его искренность. Затем Качка в момент преступления настолько еще, по собственному ее показанию, любила и вместе с тем ненавидела своего бывшего жениха, настолько еще страдала недавней изменой, что намерение убить его могло, скорее, явиться внезапно под влиянием особо угнетающих или особо раздражающих нервную восприимчивость условий. Такими условиями в данном случае были: во-первых, известие, полученное за два часа до убийства, о приезде из Петербурга невесты Байрашевского и о предстоящем отъезде ее со своим женихом. Качка поэтому знала, что видит Байрашевского свободным уже в последний раз; он уезжает, чтобы соединиться с другой навсегда; теперь, в этот ужасный вечер, рушится ее последняя надежда, и затем — разлука навеки! Во-вторых, пение. Песни Качки, по словам собеседников, отличались на этот раз особенно мрачным и вместе с тем особенно чарующим характером; они были так близко по содержанию к ее собственному тогдашнему душевному настроению, были так обаятельны даже для посторонних слушателей. Очевидно, сама Качка, любящая музыку и глубоко ее чувствующая, не могла не проникнуться такими песнями: «голос ее дрожал и обрывался, в нем слышались рыдания», говорят свидетели; явилось нервное возбуждение... револьвер был в руках; Байрашевский сидел почти рядом, мечтая о своей новой невесте; Качка пела про несчастную любовь и в то же время на лице его мучительно наблюдала ту улыбку чужого нарождающегося счастья, какую он унес с собой и в могилу... И Качка не устояла: раздался выстрел и разбил это ненавистное счастье!

Не приезжай в этот день Пресецкая, не будь этого раздражающего пения, может быть, решимость Качки, с которой она боролась (это доказано письмом ее в жандармское управление), не достигла бы своего ужасного осуществления. Да и сама эта решимость, как выразилась Качка в одном из своих показаний, «как-то не оформливалась»; мысли — то об убийстве Байрашевского, то о само-

убийстве, то об исполнении того и другого зараз, — очевидно, возникали в уме и пронеслись мимо. Так по ясному когда-то небу проносятся перед грозой облака, но кто угадает, из которого впервые сверкнет молния и загремит гром? То было представление, искушение, идея, отчаяние, все, что хотите, но только не «намерение», и притом «заранее обдуманное».

Вот почему, господа присяжные заседатели, я не решаюсь возвышать свое обвинение, настаивая на этом признаке, хотя в некоторых взятых в отдельности фактах и можно было бы подыскать для того известное основание.

Я предпочитаю приурочить деяние Качки к ст. 455 уложений, т.е. той, которая выставлена в утвержденном судебной палатой обвинительном акте и которая говорит об убийстве без заранее обдуманного намерения, в запальчивости или раздражении, но не случайном, а умышленном, т.е. сознательном. Если не было «запальчивости», то могло быть «раздражение», вызванное, с одной стороны, суммой всех тех психических, но совершенно нормальных явлений, о которых так много было говорено вчера, и с другой — той обстановкой самого преступления, о которой я только что упомянул.

В конце концов от вас, господа присяжные заседатели, будет зависеть, признать в деянии Качки наличность «раздражения» или отвергнуть этот признак; все сказанное мной в этом отношении внушено лишь целью представить вам свои соображения и тем облегчить разрешение этого частного, второстепенного в обвинении вопроса. Что же касается остальных признаков преследуемого приведенной ст. 455 преступления — не случайности и сознания, — то в том, что эти признаки были налицо, ни в ком не может возникнуть и сомнения: стреляя из ею же самой заряженного револьвера в лоб, чуть не в упор, Качка не могла не сознавать, что посягает на жизнь другого, и поэтому действовала умышленно, а поступая так, не могла, конечно, застрелить Байрашевского «случайно».

Приговор ваш в тех скромных пределах обвинения, какие я установил в своей речи, будет справедлив. Вы можете признать смягчающие обстоятельства, но не оставите подсудимую без наказания, которого одинаково требуют как ее собственная возмущенная совесть, так и совесть общественная, представителями которой являетесь вы на суде.

Плевако Ф.Н.

«Речь в защиту Качки»

Господа присяжные! Накануне, при допросе экспертов, господин председатель обратился к одному из них с вопросом: по-вашему, выходит, что вся душевная жизнь обуславливается состоянием мозга? Вопросом этим брошено было подозрение, что психиатрия в ее последних словах есть наука материалистиче-

ская и что, склонившись к выводам психиатров, мы дадим на суде место «материалистическому» мирообъяснению. Нельзя не признать уместность вопроса, ибо правосудие не имело бы места там, где царило бы подобное учение, но вместе с тем надеюсь, что вы не разделите того обвинения против науки, которое сделано во вчерашнем вопросе господина председателя. В области мысли действительно существуют то последовательно, то рядом два диаметральных объяснения человеческой жизни — материалистическое и спиритуалистическое. Первое хочет всю нашу духовную жизнь свести к животному, плотскому процессу. По нему, наши пороки и добродетели — результат умственного здоровья или расстройства органов. По второму воззрению, душа, воплощаясь в тело, могуча и независима от состояния своего носителя. Ссылаясь на примеры мучеников, героев и т.п., защитники этой последней теории совершенно разрывают связь души и тела. Но если против первой теории возмущается совесть и ее отвергает ваше нравственное чувство, то и второе не устоит перед голосом вашего опыта богатого здравого смысла. Допуская взаимодействие двух начал, но не уничтожая одно в другом, вы не впадете в противоречие с самым высшим из нравственных учений, христианским. Это возвысившее дух человеческий на подобающую высоту учение само дает основания для третьего, среднего между крайностями, воззрения. Психиатрия, заподозренная в материалистическом методе, главным образом, стояла за наследственность душевных болезней и за слабость душевных сил при расстройстве организма прирожденными и приобретенными болезнями.

В библейских примерах (Ханаан, Вавилон и т.п.) защита доказывала, что наследственность признавалась уже тогда широким учением о милосердии, о филантропии путем материальной помощи, проповедуемой Евангелием; защита утверждала то положение, что заботой о материальном довольстве страждущих и неимущих признается, что лишения и недостатки мешают росту человеческого духа: ведь это учение с последовательностью, достойной всеведения учителя, всю жизнь человеческую регулировало с точки зрения единственно ценной цели, цели духа и вечности.

Те же воззрения о наследственности сил души и ее достатков и недостатков признавались и историческим опытом народа. Защитник припомнил наше древнерусское предубеждение к Ольговичам и расположение к Мономаховичам, оправдывающееся фактом: рачитель и сберегатель мира Мономах воскрешался в роде его потомков, а беспокойные Олеговичи отражали хищнический инстинкт своего прародича. Защитник опытами жизни доказывал, что вся наша практическая мудрость, наши вероятные предположения созданы под влиянием двух аксиом житейской философии: влияния наследственности и материальных плотских условий в значительной дозе на физиономию и характер души и ее деятельности. Установив точку зрения на вопрос, защитник прочел присяжным страницы

из Каспара, Шюлэ, Гольцендорфа и других, доказывающих то же положение, которое утверждалось и вызванными психиатрами. Особенное впечатление производили страницы из книги доктора Шюлэ из Илленау («Курс психиатрии») о детях-наследственниках. Казалось, что это не из книги автора, ничего не знающего про Прасковью Качку, а лист, вырванный из истории ее детства.

Затем началось изложение фактов судебного следствия, доказывающих, что Прасковья Качка именно такова, какой ее представляли эксперты в период от зачатия до оставления ею домашнего очага.

Само возникновение ее на свет было омерзительно. Это не благословенная чета предавалась естественным наслаждениям супругов. В период запоя, в чаду вина и вызванной им плотской сладострастной похоти, ей дана жизнь. Ее носила мать, постоянно волнуемая сценами домашнего буйства и страхом за своего грубо разгульного мужа. Вместо колыбельных песен до ее младенческого слуха долетали лишь крики ужаса и брани да сцены кутежа и попок. Она потеряла отца будучи шести лет. Но жизнь от того не исправилась. Мать ее, может быть, надломленная прежней жизнью, захотела пожить, подышать на воле; но она очень скоро вся отдалась погоне за своим личным счастьем, а детей бросила на произвол судьбы. Ее замужество за бывшего губернатора ее детей, ныне высланного из России, г. Битмида, который моложе ее чуть не на 10 лет; ее дальнейшее поглощение своими новыми чувствами и предоставление детей воле судьбы; брошенное, неряшливое воспитание; полный разрыв чувственной женщины и иностранца-мужа с русской жизнью, с русской верой, с различными поверьями, дающими столько светлых, чарующих детство радостей; словом, семья жизни Прасковьи Качки было брошено не в плодоносный тук, а в гнилую почву. Каким-то чудом оно дало — и зачем дало? — росток, но к этому ростку не было приложено забот и любви: его вскормили и взлелеяли ветры буйные, суровые вьюги и беспорядочные смены стихий. В этом семействе, которое, собственно говоря, не было семейством, а механическим соединением нескольких отдельных лиц, полагали, что сходить в церковь, заставить пропеть над собой брачные молитвы, значит совершить брак. Нет, от первого поцелуя супругов до той минуты, когда наши дети, окрепшие духом и телом, нас оставляют для новых, самостоятельных союзов, брак не перестает быть священной тайной, высокой обязанностью мужа и жены, отца и матери, нравственно ответственных за рост души и тела, за направление и чистоту ума и воли тех, кого вызвала к жизни супружеская любовь.

Воспитание было действительно странное. Фундамента не было, а между тем в присутствии детей, и особенно в присутствии Паши, любимицы отчима, не стесняясь говорили о вещах выше ее понимания: осмеивали и осуждали существующие явления, а взамен ничего не давали. Таким образом, воспитание доразрушило то, чего не могло разрушить физическое нездоровье. О влиянии воспита-

ния нечего и говорить. Не все ли мы теперь плачемся, видя, как много бед у нас от нерадения семейств к этой величайшей обязанности отцов?

В дальнейшем ходе речи были изложены по фактам следствия события от 13 до 16 лет жизни Качки.

Стареющая мать, чувствуя охлаждение мужа, вступила в борьбу с этим обстоятельством. При постоянных переездах с места на место, из деревни то в Петербург, то в Москву, то в Тулу, ребенок нигде не может остаться, освоиться, а супруги между тем поминутно в перебранках из-за чувства. Сцены ревности начинают наполнять жизнь господ Битмидов. Мать доходит до подозрений к дочери и, бросив мужа, а с ним и всех детей от первого брака, уезжает в Варшаву. Проходят дни и годы, а она даже и не подумает о судьбе детей, не поинтересуется ими.

В одиночестве, около выросшей в девушку Паши, Битмид-отчим действительно стал мечтать о других отношениях. Но когда он стал высказывать их, в девушке заговорил нравственный инстинкт. Ей страшно стало от предложения и невозможно долее оставаться у отчима. Ласки, которые она считала за отцовские, оказались ласками мужчины-искателя; дом, который она принимала за родной, стал чужим. Нить порвалась. Мать далеко... Бездомная сирота ушла из дому. Но куда, к кому? Вот вопрос.

В Москве была подруга по школе. Она — к ней. Там ее приютили и ввели в кружок, доселе ею невиданный. Целая кучка молодежи живут не ссорясь; читают, учатся. Ни сцен ее бывшего очага, ни плотоядных инстинктов она не видит. Ее потянуло сюда. Здесь на нее ласково взглянул Байрашевский, выдававшийся над прочими знанием, обстоятельностью. Бездомное существо, зверек, у которого нет пристанища, дорого ценит привет. Она привязалась к нему со всем жаром первого увлечения. Но он выше ее: другие его понимают, а она нет.

Начинается догонка, бег; как и всякий бег — скачками.

На фундаменте недоделанного и превратного воспитания увлекающаяся юность, увидевшая в ней умную и развитую девушку, начинает строить беспорядочное здание: плохо владеющая, может быть, первыми началами арифметики садится за сложные формулы новейших социологов; девушка, не работавшая ни разу в жизни за вознаграждение, обсуживает по Марксу отношения труда и капитала; не умеющая перечислить городов родного края, не знающая порядком беглого очерка судеб прошлого человечества, читает мыслителей, мечтающих о новых межах для будущего. Понятно, что звуки доносились до уха, но мысль убегала. Да и читалось это не для цели знания: читать то, что он читает, понимать то, что его интересует, жить им — стало девизом девушки. Он едет в Питер. Она — туда. Здесь роман пошел к развязке. Юноша приласкал девушку, может быть, сам увлекаясь, сам себе веря, что она ему по душе пришлась. Началось счастье. Но оно было кратковременно. Легко загоревшаяся страсть легко и потухла у Байра-

шевского. Другая женщина приглянулась, другую стало жаль, другое состояние он смешал с любовью, и легко, без борьбы, он пошел на новое наслаждение.

Она почувствовала горе, она узнала его. В словах, которые воспроизвести мы теперь не можем, было изложено, каким ударом было для покинутой ее горе. Кратковременное счастье только большее, жгучее сделало для нее ее пустую, бесприютную, одинокую долю. Будущее с того шага, как захлопнется навсегда дверь в покой ее друга, представлялось темным, далеким, не озаренным ни на одну минуту, неизвестным. И она услышала первые приступы мысли об уничтожении. Кого? Себя или его — она сама не знала. Жить и не видеть его, знать, что он есть, и не мочь подойти к нему — это какой-то неестественный факт, невозможность. И вот, любя его и ненавидя, она борется с этими чувствами и не может дать преобладание одному над другим.

Он поехал в Москву, она, как ягненок за маткой, за ним, не размышляя, не ображая. Здесь ее не узнали. Все в ней было перерождено: привычки, характер. Она вела себя странно; непривычные к психиатрическим наблюдениям лица и те узнали в ней ненормальность, увидав в душе гнетущую ее против воли, свыше воли тоску. Она собирается убить себя. Ее берегут, остаются с ней, убирают у нее револьвер. Порыв убить себя сменяется порывом убить милого. В одной и той же душе идет трагическая борьба: одна и та же рука заряжает пистолет и пишет на саму себя донос в жандармское управление, прося арестовать опасную пропагандистку Прасковью Качку, очевидно, желая, чтобы посторонняя сила связала ее большую волю и помешала идее перейти в дело. Но доносу, как и следовало, не поверили.

Наступил последний день. К чему-то страшному она готовилась. Она отдала первой встречной все свои вещи. Видимо, мысль самоубийства охватила ее. Но ей еще раз захотелось взглянуть на Байрашевского. Она пошла. Точно злой дух шепнул ему новым ударом поразить грудь полурбенка, страдальцы: он сказал ей, что приехала та, которую он любит, что он встретил ее, был с ней; может быть, огнем горели его глаза, когда он говорил, не щадя чужой муки, о часах своей радости. И представилось ей вразрез с ее горем, ее покинутой и осмеянной любовью, молодое чужое счастье. Как в вине и разгуле пытается иной забыть горе, попыталась она в песнях размыкать свое, но песни или не давались ей, или будили в ней воспоминания прошлого утраченного счастья и надрывали душу. Она пела как никогда; голос ее был, по выражению юноши Малышева, страшен. В нем звучали такие ноты, что он — мужчина молодой, крепкий — волновался и плакал. На беду попросили запеть ее любимую песню из Некрасова: «Еду ли ночью по улице темной». Кто не знает могучих сил этого певца страданий, кто не находил в его звучных аккордах отражения своего собственного горя, своих собственных невзгод? И она запела... и каждая строка поднимала перед ней

ее прошлое со всем его безобразием и со всем гнетом, надломившим молодую жизнь. «Друг беззащитный, больной и бездомный, вдруг предо мной промелькнет твоя тень», — пелось в песне, а перед воображением бедняжки рисовалась сжимающая сердце картина одиночества. «С детства тебя невзлюбила судьба; суров был отец твой угрюмый», — лепетал язык, а память подымала из прошлого образы страшнее, чем говорилось в песне. «Да не на радость сошлась и со мной...» — попевала песня за новой волной представлений, воспроизводивших ее московскую жизнь, минутное счастье и безграничное горе, сменившее короткие минуты света. Душа ее надрывалась, а песня не щадила, рисуя и гроб, и падение, и проклятие толпы. И под финальные слова: «Или пошла ты дорогой обычной и роковая свершилась судьба» — преступление было сделано.

Сцена за убийством, поцелуй мертвого, плач и хохот, констатированное всеми свидетелями истерическое состояние, видение Байрашевского... все это свидетельствует, что здесь не было расчета, умысла, а было то, что на душу, одаренную силой в один талант, насело горе, какого не выдержит и пятиталантная сила, и она задавлена им, задавлена не легко, не без борьбы. Больная боролась, сама с собой боролась. В решительную минуту, судя по записке, переданной Малышеву для передачи будто бы Зине, она еще себя хотела покончить, но по какой-то неведомой для нас причине одна волна, что несла убийство, переиграла другую, несшую самоубийство, и разрешилась злом, унесшим сразу две жизни, ибо и в ней убито все, все надломлено, все сожжено упреками неумирающей совести и сознанием греха.

Я знаю, что преступление должно быть наказано и что злой должен быть уничтожен в своем зле силой карающего суда. Но присмотритесь к этой, тогда 18-летней женщине и скажите мне, что она? Зараза, которую нужно уничтожить, или зараженная, которую надо пощадить? Не вся ли жизнь ее отвечает, что она последняя? Нравственно гнили были те, кто дал ей жизнь. Росла она как будто бы между своими, но у нее были родственники, а не было родных, были производители, но не было родителей. Все, что ей дало бытие и форму, заразило то, что дано. На взгляд практических людей — она труп смердящий. Но правда людей, коли она хочет быть отражением правды Божьей, не должна так легко делать дело суда. Правда должна в душу ее войти и прислушаться, как велики были дары, унаследованные, и не переборола ли их демоническая сила среды, болезни и страданий? Не с ненавистью, а с любовью судите, если хотите правды. Пусть, по счастливому выражению псалмопевца, правда и милость встретятся в вашем решении, истина и любовь облобызуются. И если эти светлые свойства правды подскажут вам, что ее «я» не заражено злом, а отвертывается от него, содрогается и мучится, не бойтесь этому кажущемуся мертвецу сказать то же, что вопреки холодному расчету и юдольной правде книжников и фарисеев сказано было великой и любвеобильной Правдой четверодневному Лазарю: «гряди вон».

Пусть воскреснет она, пусть зло, навеянное на нее извне, как пелена гробовая, спадет с нее, пусть правда и ныне, как и прежде, живет и чудодействует! И она оживет. Сегодня для нее великий день. Бездомная скиталица, безродная, — ибо разве родная ее мать, не подумавшая, живя целые годы где-то, спросить: а что-то поделявает моя бедная девочка, — безродная скиталица впервые нашла свою мать-родину, Русь, сидящую перед ней в образе представителей общественной совести. Раскройте ваши объятия, я отдаю ее вам. Делайте, что совесть вам укажет. Если ваше отеческое чувство возмущено грехом детища, сожмите гневно объятия, пусть с криком отчаяния сокрушится это слабое создание и исчезнет. Но если ваше сердце подскажет вам, что в ней, изломанной другими, искалеченной без собственной вины, нет места тому злу, орудием которого она была; если ваше сердце поверит ей, что она, веруя в Бога и в совесть, мучениями и слезами омыла грех бессилия и помраченной болезнью воли, — воскресите ее, и пусть ваш приговор будет новым рождением ее на лучшую, страданиями умудренную жизнь.

Плевако Ф.Н.

«Речь по делу рабочих Коншинской фабрики»

Как старший по возрасту между говорившими в защиту подсудимых товарищами, я осторожнее всех. Моя недлинная речь будет посвящена просьбе о снисходительном отношении к обвиняемым, если вы не разделите доводов, оспаривающих правильность законной оценки предполагаемых событий. К этому прибавлю и просьбу, вызываемую особенными чертами этого дела.

Время, которое вы отдадите вниманию к моему слову, — это лучшее употребление его.

Когда на скамье сидят 40 человек, для которых сегодня поставлен роковой вопрос: быть ли и чувствовать себя завтра свободными, окруженными своими близкими, или утро встретит их картинами тюремной жизни, представлениями о безлюдных пустынях и, может быть, о зараженном миазмами воздухе отдаленных стран ссылки — лишний потраченный час судейского времени — ваш долг, даже если бы слово мое оказалось излишним и несодержательным.

Пусть, если не суждено им избавиться от тяжелых кар, они уйдут с сознанием, что здесь их считают не за зараженный гурт, с которым расправляются средствами, рекомендуемыми ветеринарией и санитарями, а за людей, во имя которых здесь собрано это почтенное судилище, в защиту которых здесь велением закона допущено и слушается представительство защиты.

Особенный состав присутствия, установленный законом для данных дел, внушает мне смелую мысль воспользоваться благами, из того истекающими.

Простите, что хочу я внести не мир, а меч в сердце коллегии в минуту, когда она должна будет обсуждать дело. Я хочу говорить о тех условиях, которым должны быть верны представители сословий, когда начинается высказывание мнений по делу.

У вас, господа коронные судьи, масса опыта, — не к вам слово мое: не напоминать вам, а учиться у вас должны мы, младшие служители правосудия. Вы выработали для себя строго установленные приемы, точно колеи на широкой дороге, по которой гладко и ровно идет к цели судейское мышление.

Но законодатель ввел в состав ваш общественный элемент, конечно, не для подсчета голосов и внешнего декорума.

Вносится слово живой действительности, не исключенной в отвлеченный термин. Вносится непосредственность бытовых отношений, составляющих самую душу изучаемого дела.

И вот я прошу носителей этого непосредственного миропонимания не выезжать колесами в соблазняющие своей прямолинейностью колеи судейского опыта, а всеми силами отстаивать житейское значение фактов дела.

Есть у настоящего дела громадный недочет, — люди жизни его понимают.

Совершенно деяние незаконное и нетерпимое, — преступником была толпа.

А судят не толпу, а несколько десятков лиц, замеченных в толпе.

Это тоже своего рода толпа, но уже другая, маленькая: ту образовали массовые инстинкты, эту — следователи, обвинители.

Заразительность толпы продолжает действовать. Помня, что проступки совершены толпой, мы и здесь мало говорим об отдельных лицах, а все сказуемые, наиболее хлестко вырисовывающие буйство и движения массы, — приписываем толпе, скопищу, а не отдельным лицам.

А судим отдельных лиц: толпа как толпа, — ушла. Подумайте над этим явлением.

Толпа — это фактически существующее юридическое лицо. Гражданские законы не дают ей никаких прав, но 14-й и 15-й томы делают ей честь, внося ее имя на свои страницы.

В первом — толпе советуется расходиться по приглашению городских и чинно, держась правой стороны, чтобы не мешать друг другу, идти к своим домам (ст. 113, т. 14 Свода Законов).

Второй — грозит толпе карами закона.

Толпа — стихия, ничего общего не имеющая с отдельными лицами, в нее вошедшими.

Толпа — здание, лица — кирпичи. Из одних и тех же кирпичей создается и храм Богу, и тюрьма — жилище отверженных. Пред первым вы склоняете колена, от второй бежите с ужасом.

Но разрушите тюрьму, и кирпичи, оставшиеся целыми от разрушения, могут пойти на храмоздательство, не отражая отталкивающих черт их прошлого назначения...

Как ни тяжело, но с толпой мыслимо одно правосудие — воздействие силой, пока она не рассеется. С толпой говорят залпами и любезничают штыком и нагайкой: против стихии нет другого средства.

Толпа — само чудовище. Она не говорит и не плачет, а галдит и мычит. Она страшна, даже когда одушевлена добром. Она задавит не останавливаясь, идет ли разрушать или спешит встретить святыню народного почитания.

Так живое страшилище, спасая, внушит страх, когда оно, по-своему нежничая, звуками и движениями сзывает к себе своих детенышей.

Быть в толпе еще не значит быть носителем ее инстинктов. В толпе богомольцев всегда ютятся и карманники. Применяя земные методы обвинения находящихся в толпе, вы выпустите в рай вместе с пилигримами воров по профессии.

Толпа заражает, лица, в нее входящие, заражаются. Бить их — это все равно, что бороться с эпидемией, бичуя больных.

Только рассмотрением улик, выясняющих намерения и поступки отдельных участников толпы, вы выполните требование закона, и кара ваша обрушится на лиц не за бытие в толпе, а за ношение в себе первичных, заразных миазм, превратившихся в эпидемию по законам, подмеченным изучающими психологию масс.

Здесь вам доказывали, что не было стачки.

А если была?

Тогда выступает вопрос о целях стачки.

Доказано, что часть требований была законна и удовлетворена. Доказывали, что и все требования были законны, в том числе и спорный вопрос о прекращении работ перед праздниками ко времени церковного богослужения.

Я же допускаю, что последнее требование не было законно. Я допускаю, что базарные инстинкты взяли верх над духовными, и уже давно заповедь о посвящении субботы Богу (хотя бы со всеобщего бдения) отменена другой, гласящей, что суббота — время чистки машин на фабриках.

Спорить не будем против законности господствующего инстинкта, но не откажем виноватым в снисхождении за увлечение святыми, но отживающими в сознании хозяев идеалами.

Скажем только, что они жестоко ошибаются, урывая время у осатаневшего от недельного труда рабочего.

Церковь — это место подъема духа у забитого жизнью, возрождение нравственных заповедей, самосознания и любви. Там он слышит, что и он человек, что перед Богом несть эллин или иудей, что перед ним царь и раб в равном достоин-

стве, что церковь не делит людей на ранги и сословия, а знает лишь сокрушенных и смиренных, алчущих и жаждущих правды, труждающихся и озлобленных, всех вкупе помощи Божьей требующих.

Входя туда озлобленным, труженик выходит освеженным умом и сердцем.

Хотите сделать из народа зверей — не напоминайте ему про Божью правду; хотите видеть работника-человека — не разлучайте его с великою школой Христовой.

Обвинение вменяет в вину избалованным подсудимым их тоску по церкви. В надежде, что вы в этой тоске найдете основание к снисхождению, я перехожу к другому моменту дела.

Отгоняемые от церкви, они, преданные страсти, разбивают кабаки. И за кабак их влекут к еще строжайшему ответу.

Остановимся.

Буйство было. Но относить это буйство к беспорядкам скопищем, направленным против порядка управления, — несогласно с требованием закона. Вам это доказывали, и я вычеркнул из моей памяти все, что хотел сказать по этому предмету.

Добавлю одно: закон, ст. 269 Уложения, — закон новый, но мотивы к нему выяснены весьма подробно. Закон этот целиком взят из нового Уложения.

Вам, вероятно, присланы, как высшему суду местности, для заключений работы комиссии по Уложению. Там, во 2-м томе, под ст. 82, 83 вы найдете исчерпывающую вопрос аргументацию за наказуемость скопищ особливими карами лишь в исключительных, статьей перечисленных случаях; там приведено ценное мнение светила французской юриспруденции Неи о границах общепасного и просто буйного массового беспорядка. Прочитайте эти страницы.

Вас поразит дерзость буянов, вторгающихся в чужие помещения, и хозяйничанье их за чужим вином.

Да, перед чужою дверью чувство деликатности и врожденное признание святости чужого очага сдерживают всякого человека с непроступно направленной или неиспорченной совестью. Но в том-то и беда, что здесь для этого чувства не было места.

Разбивались кабаки, ютящиеся около той же фабрики, где жили обвиняемые. А что такое кабак в жизни большинства наших фабричных?

Это его клуб, его кабинет. Здесь он оставляет весь свой заработок, остающийся от необходимых домашних затрат. Кабацкая выручка — это склад, где сложены и трудовые деньги, и здоровье, и свободное время рабочего.

Кабак построен около фабрики, чтобы своим видом, запахом смущать и напоминать о себе рабочему. Кабаку нужны не трезвые и сдержанные: его друзья — буйные и безвольные гуляки. Для этих последних он не чужой дом, а самое

настоящее пребывание, свой угол, свой правовой домицилий, где ищет рабочего, уклонившегося от работы, надзиратель, где сыщут его и власти, находящие нужным задержать его.

А если так, то не вмените в особый признак злостности буйство пьяного рабочего в кабаке, где все, от чайной чашки до последней капли одуряющего спирта, есть кристаллизация его беспросветного невежества и его непосильного труда.

Судя этих людей, вы должны, по требованию закона и справедливости, принять во внимание нравственные качества их, как ту силу, которая противостоит преступным соблазнам всякого рода.

Посмотрим же, какова эта сила и среди каких условий возникает и растет она.

Вечный визг махового колеса, адский шум машины и пыхтение паровика, передающего свою силу десятку тысяч станков, около которых ютятся как мало значащие винтики рабочие люди...

Титаническая сила — машина блестит чистотой и изяществом своих частей, к ней прикованы забота и любовь домовладыки; и только они, легко заменимые в случае порчи, винтики, чужды любви и внимания.

Это ли условие подъема личности?

Выйдем из фабрики...

Кое-где виднеется церковь, одна-две школы, а ближе и дальше — десятки кабаков и притонов разгула.

Это ли здоровое условие нравственного роста?

Есть кое-где шкаф с книгами, а фабрика окружена десятками подвалов с хмельным, все заботы утоляющим вином.

Это ли классический путь к душевному оздоровлению рабочего, надорванного всеми внутренностями от бесконечно однообразного служения машине?

Пожалеем его. Не будем прилагать к нему не ради правды, а ради соображений неправового свойства мерку, удобную для наших сил.

Нас воспитывают с пеленок в понятии добра, нас блюдут свободные от повседневного труда зоркие очи родителей, к нам приставлены пестуны. Вся наша жизненная дорога, несмотря на запас сил и умение различать вещи, обставлена барьерами за счет нашего достатка, благодаря которым мы и сонные не свалимся в пучину и рассеянные идем автоматически по прямой и торной дороге.

А у них не то.

Обессиленные физическим трудом, с обмершими от бездействия духовными силами, они, тем не менее, сами должны искать путь и находить признаки правового и неправового направления.

Справедливо ли требовать от них той выдержки, какую мы носим в наших грудях?...

Чудные часы предстоит пережить вам, господа судьи. Вы можете при свете милосердия и закона избавить от кар неповинного и ослабить узы несчастных, виноватых не столько злой волей, сколько нерадостными условиями своей жизни.

Будьте снисходительны!

Правда, не велика разница для рабочего между неволей по закону и неволей нужды, приковывающей всю его жизнь, все его духовные интересы к станку, бесстрастно трепещущему перед его глазами. Но все же эти люди, куда бы вы ни послали их, — к станку или в тюрьмы и ссылку, — услышав в вашем приговоре голос, осторожный в признании вины и свободный в приложении милости, исполнятся чувства нравственного удовлетворения.

Они увидят, что великое благо страны — суд равный для всех — коснулось и их, пасынков природы; что и им, воздавая по заслугам, судейская совесть сотворила написанное на роду милосердие, внушенное русскому правосудию с высоты первовластия.

И пусть из их груди, чуткой ко всякой правде, им дарованной, дорожащей всякою крупницей внимания со стороны вашей, вырвутся благодарные клики, обращенные к тому, чьим именем творится суд на Руси, клики, какие, правда, по иным побуждениям вырывались из груди гладиаторов Рима: «Ave, Caesar, morituri te salutant!»

Плевако Ф.Н.

«Речь в защиту люторических крестьян»

Господа судьи и господа сословные представители!

Документы прочитаны, свидетели заслушаны, обвинитель сказал свое слово — мягкое, гуманное, а потому и более опасное для дела; но глгучий и решающий задачу вопрос не затронут, не поставлен смело и отчетливо.

А между тем он просится, он рвется наружу: заткните уши, зажмурьте глаза, зажмите мои уста, — все равно, он пробьется насквозь; он в фактах нами изученного дела; его вещают те заведенные порядки в управлении владельца деревни Люторич, те порядки, которые я назову «картиной послереформенного хозяйства в одной из барских усадеб», где противоестественный союз именитого русского боярина с остзейским мажордомом из года в год, капля по капле, обессиливая свободу русского мужика и, обессилив, овладел ею в свою пользу.

Всякая чуткая душа, всякая пробужденная совесть слышит, требует его от меня, если я обойду его. И я призываю вас благосклонно выслушать мое слово в этом направлении.

Не думайте, что я уклоняюсь в сторону от целей правильно понятой защиты; не бойтесь, что увлекусь публицистическим интересом предложенного вашему суду дела, перейду пределы судебного диспута.

Чувство меры удержит меня. Оно внушает мне, что 34 подсудимых, — да и не 34, а один человек, — могут требовать, чтобы я не делал из их спины той площадки, на которой просторно можно разгуливать и декламировать темы из области общественных вопросов, оставив на произвол судьбы то, что должно всецело овладеть моими силами, — заботу о будущем подсудимых, заботу о том, чтобы отклонить или умалить удары, направленные на головы этих несчастных грозой карающего закона.

И я глубоко убежден, — и вы мое убеждение разделите, — что в настоящем деле история возникновения событий 3 и 5 мая имеет глубокие корни в прошлом; что бытовой очерк дела осветит его в настоящем свете, выведет наружу действительные, но в глубине скрывшиеся причины, мощные, неотвратимые, личность которых меняет точку зрения и на событие, и на доказательства, и на объяснения его.

Ведь можно счесть за твердо установленное положение, что крестьяне, заявившие 22 апреля, 3 и 5 мая, что они к описи не допустят, постоянно говорили, что они ничего не должны и никакого судебного решения о взыскании не знают.

Раз у них было такое убеждение, раз, по их словам, к ним, как снег на голову, свалился исполнительный лист, вручаемый им приставом, то для доказательства этого положения мы должны изучить отношения крестьян ко взыскателям, — к немцу-управляющему и к графу Бобринскому. Только там вскроются нам факты, которые убедят нас, что крестьяне могли себя считать не в долгу; там увидим данные, убеждающие нас, что крестьяне не могли знать ни договоров, ни решений, против них постановляемых, что они могли не верить сообщенному им приставом сведению о взыскании и думать, что их протест есть протест правды против вопиющего неправосудия.

Изучим бытовые факты дела.

В Епифании почти половина земель — вотчина графа Бобринского. Особенность этого имения, не встречающая себе соперничества в губернии, это — ничтожный надел, нищенский, как его обзывают в литературе, «кошачий» — по меткому выражению голодающего остроумия.

Крестьяне не могут жить наделом: работа на стороне и на полях помещика для них неизбежна, к ней они тяготеют, не как вольно договаривающиеся, а как невольно принуждаемые, — а в этом идея и смысл системы, практикуемой управляющим графских имений.

Конечно, наделы в имениях графа согласны с буквой закона; требовать от него большего во имя идеального права нельзя. Для тех людей, которые не знают

долга, выше предписанного законом, которые не чувствуют, что закон — это минимум правды, над которой высится иной идеал, иной долг, внятный только нравственному чувству, — для тех людей факт данного надела — факт безупречный, полная мера обязанностей графа к крестьянам, чуждая всякого захвата и вреда.

И мы не станем осуждать *de jure* графа Бобринского. Мы уясним пока, что же вышло из этой полуголодной свободы.

Родилась необходимость вечно одолажаться у помещика землей для обработки, вечно искать у него заработка, ссужаться семенами для обсеменения полей. Постоянные долги, благодаря приемам управления, росли и затягивали крестьян: кредитор властвовал над должником и закабалял его работой на себя, работой за неплатеж из года в год накапливавшейся неустойки.

В этом положении, где кредитор властвовал, а должник задыхался, уже не было и помину о добровольном соглашении. Чудовищные контракты и решения доказывают, что управление не соглашалось, а предписывало условия; вечно кабальные мужики тоже не соглашались, а молча надевали петлю, чем и завершались и вступали в силу свободные гражданские сделки крестьян с их бывшим владельцем.

Не хочется думать, чтобы текст договоров, нами оглашенных на следствии, измышлялся в кабинете графа, а не в конторе немца Фишера. Зная графа Бобринского как москвича, предводителя здешнего дворянства, тщетно защищал я мысль, что эти неустойки от 50 до 100 процентов на сумму долга, просроченного семь дней, эти условия на землю, отбирающие ее назад с семенами, урожаем и работой, если среди обыденного за это время безденежья не уплатит долга крестьянин-арендатор и прочее и прочее, — неведомы ему, чужды ему и без согласия его придуманы бессердечным управляющим.

Десять лет, из года в год, идут они — одинаковые, разорительные, бесчеловечные условия, и граф не знает их!...

Нет, защитить эту мысль — задача выше моих сил. Нельзя десять лет не знать, что за малейшую неисправность одного подвергают штрафу в мою пользу целую общину, нельзя не видеть, что в книги экономии ежегодно вносятся тысячи рублей неустоек, собранные из нищенских копеек, взысканные с крестьянства, — нельзя, нельзя...

Тут вина не кончается человеком, пишущим договоры и требующим по ним, каким является всегда Фишер. Нет, чувство, различающее добро и зло, ясно и вразумительно судит о тех, кто мог, но не хотел положить конец подобному злу.

Я не фразы говорю. Каждое слово мое документально основано. Редкая готовность епифанского съезда мировых судей, выдавшего мне сведения о деятельности мирового судьи Голикова, присуждавшего с 1866 по 1877 год Фишеру и экономии графа Бобринского долги и неустойки, — дала мне возможность представить вам описание дел — свыше 350.

Из этой описи вы видите, что количество дел в год достигало 54. Погодно и по суммам мы получаем такие итоги: в 1866 году Фишер предъявляет всего 2 дела — на 150 рублей; на следующий год уже 7 дел, и взыскано долгу и неустойки 1542 рубля; в 1869 году — 5 дел и 103 рубля; в 1870 году разыгрывается аппетит Фишера, и он учиняет 51 дело и получает 9937 рублей; в 1871—54 дела и 13032 рубля; в 1872—28 дел и 7858 рублей взыскания. В 1873 году настало затишье — рука бьющего устала и учинила только 5 дел и только 1309 рублей взыскано. Но мир был недолог. Со следующим годом вспыхнуло новое гонение; 20 дел и 6588 рублей в 1874 году; 12 090 рублей и 56 дел в 1875; в 1876 году — 50 дел и 14942 рубля; в 1877 году — 38 дел и 11026 рублей.

Я прошу вас перелистать предъявленный документ. Иски неустоек по 30 процентов, по 50 процентов, по 100 процентов за долг мелькают перед глазами. Неустойки в 300 и 500 рублей — целыми десятками. А прочтите договор: полная неустойка за неуплату малой доли долга. Прочтите дело № 143 за 1870 год — ищут долг и неустойку, крестьяне несут деньги судье. Деньги приняты, получены, а на неустойку в 50 процентов все-таки взят исполнительный лист. Прочтите дело № 158 — ужасный, отвратительный договор: в случае просрочки — изба, корова, лошадь и все, что сыщется в избе, поступает в неустойку. Присуждаются иски по удостоверениям волостного правления. Присуждено по удостоверению, данному волостным правлением!

Но довольно! Надо много терпения, чтобы читать эти ростовщические фантазии, которым давал значение и силу судья, живущий в наше время и творящий суд по уставам 20 ноября.

Стыдно за время, в которое живут и действуют подобные люди!

Пересмотрите, судьи; сами этот документ. Дайте значение этим прогрессивно увеличивающимся неустойкам от 100 до 500 рублей. Примите во внимание красноречивый факт, что неустойки взыскиваются, а новые долги все образуются. Значит, тяжелее житье крестьян в имениях, вверенных графом Бобринским немцу Фишеру. Значит, захлестнула их мертвая петля, если они видят, как с них тянут неустойку, которой позавидует любой закладчик, а они платят, должны и все-таки опять берут.

Представьте же себе эту печальную экономическую историю.

Не трудно увидеть, что постоянное нарастание неустоек сбило с толку крестьян. Не трудно понять, до чего они дошли, когда, по свидетельству Писарева, приняли условия на обработку полей целой деревней за присужденную неустойку. Не трудно понять, как росли эти неустойки неведомо для деревни, как в волостном правлении в 1877 году под № 17 вынесен приговор, уполномочивающий двух мужиков и впредь подписывать всякие условия о неустойках.

Думаю я, что в Люторичах жизнь после реформы была во сто крат тяжелее дореформенного рабства.

До 19 февраля управляющий берег мужика, как берег всякую хозяйскую вещь, внесенную в инвентарь. Эгоистический расчет имел личиной человеколюбие.

Но настал день воли, подорвались эгоистические основания беречь своего раба, и личина сброшена. Из мужика выбиралось все, что можно выбрать. А не вынесет, умрет, — что за дело. На пустое место найдется новый полуголодный, — лишь бы десница Фишера не уставала жать, где не сеяла.

Сбил с толку люторический мужик в этом омуте счетов и сборов, и не мудро, что заспорил.

Впрочем, спору его против исполнительного листа, подкрепленного заемными письмами, судебное следствие дало такие веские аргументы, что всякому сомнению в добросовестном убеждении, что долг уплачен, нет места.

Между заемными письмами есть одно в 1000 рублей, сроком по 1 октября 1877 г. В исполнительный лист письмо это вошло всецело с процентами: искали всю сумму. А вот на следствии мы предъявили две расписки: из них видно, что признаваемый Фишером за его кассира Карнеев принял в уплату по этому заемному письму, до подачи еще иска, свыше 500 рублей. Фишер искал вновь полную — 1000 рублей. Взыскание во второй раз именуется тяжким и гнусным поступком в нашем Уложении.

С беззастенчивостью, достойной удивления, немец-управляющий объяснил здесь, что эти расписки ошибочны, а поэтому он записал уплату, полученную Карнеевым, в 1876 году. Мало ли какие комментарии к русской записке приплетет его немецкое остроумие. Кто дал ему право своевольно игнорировать расписку, данную в уплату долга 1877 года? Я отрицаю этот комментарий, лишенный смысла, и смело, чтобы он слышал, говорю здесь: Фишер искал вторые деньги; он совершал противозаконное деяние против люторических крестьян.

Раз есть эти расписки, случайно уцелевшие у нас, раз Фишер, имея их, искал долг вполне, то есть скрыл уплату, публично искал не должного, — получают все хотя частью доказанные показания обвиняемых, что они долг весь уплатили, и лишаются веры слова Фишера, что ему были должны все искомое. Он обличен в неправде, ему верить нельзя. Ложность долга доказывается и таинственностью иска. Решение заочное. Крестьян на суде не было. Отзыва не подано. Старшина не мог объяснить, оповещали ли крестьян о поданном иске, оповещалась ли им копия решения. Между тем, если крестьяне решились сопротивляться описи, убежденные в правоте, то не естественным ли предположением было бы то, что они боролись бы с иском в форме более законной, на суде, предъявили бы там платежные расписки. Но этого не было, ибо о деле от них таили, а суд ввели в заблуждение распиской одного из крестьян, кажется, старшины...

Но не только мужик-простак, но и юрист найдет основание доказать, что долг в 5200 рублей по трем заемным письмам был погашен. Вы знаете, что Фишер

здесь сознался, что многие договоры, а в том числе и долг по заемным письмам, хотя были написаны на его имя, но были долгами самому владельцу. Он сознался, что его заемные письма на 5200 рублей и долг Бобринского в 5600 рублей, об отработке которого натурой составлен договор в 1878 году, — одно и то же.

В 1878 году составлен договор. Долг в 5200 рублей уже фигурирует в цифре 6600 рублей и раскладывается на шесть лет работ. Значит, в это время крестьяне, подписавшиеся здесь в получении денег, а на самом деле их не получившие, вступили в новый договор взамен прежнего долга. Это сделал и Фишер. Значит, заемные письма были уплачены путем *novatio obligationis* замены одного долга другим.

Вдруг вздумалось Фишеру, — и он оплаченные заемные письма предъявил ко взысканию. По ним едут взыскивать. Не мужик, а всякий юрист завопил бы, что его грабят, совершают преступление. А если его к тому же и на суд не вызывали, он подумает, что здесь мистификация, повторение рогожской истории со старовойрческой кассой.

Фишер ссылается, что последующий договор уничтожен. Но благоволите прочесть, когда он уничтожен. Сомнительно, чтобы с уничтожением без оговорки восстанавливалась сила им погашенных обязательств, а еще менее доказано, чтобы крестьяне знали об уничтожении этого условия, а потому понятно, что они роптали и волновались, видя, что с них берут не должное.

Сомнительность долга и его более чем сомнительная нравственная подкладка — ясны.

Посмотрите теперь, что же действительно сделали крестьяне деревни Люторич в борьбе с неправдой.

Первый день преступления — 22 апреля.

Сходу объявлено о взыскании. Сход говорит, что долга нет и потому к описи допускать не следует. Никакого сопротивления не сделано. Пристав уехал по заявлению Фишера. Тут, очевидно, преступления нет.

Частное лицо, получившее повестку о неправильном взыскании, имеет право думать само собой о незаконности иска и соображать: нельзя ли опротестовать опись.

Деревенская община — юридическое лицо. Она думает на сходке, и, по условиям юридического лица, она иначе не может думать, как вслух и речами. Сильные голоса того и другого на сходке, это — рельефные мысли думающей юридической личности; здесь пользование своим правом, здесь нет преступления.

Если же 22 апреля не было преступления, а было полное законное пользование своими правами, была сходка крестьянского мира, обсуждавшего свои дела, то те или другие мнения, высказанные здесь, те или другие громче и внятнее вы-

раженные мысли не могли сделаться преступными оттого только, что за 22 апреля последовали майские дни.

Суду вашему подлежат только эти последние, к изучению которых мы и переходим.

3 мая, по заявлению Фишера, прибыл вновь к описи имущества судебный пристав. Но он был уже не один. Его сопровождала полиция в количестве, внушающем уважение. Исправник, становой шли рядом, человек двадцать десятских, человек, десять урядников, — словом сказать, тут были представители полиции старой и новейшей формации.

Но мужики не вышли к ним навстречу. Где они? Всем миром, за исключением старых да малых, они до свету ушли в сельцо Бобрики, к графу, просить его о милости, о неразорении.

Детски наивные, простоватые, они надеялись слезами умиловить взыскателя.

Напрасное мечтание!

Им обещана одна милость: им сказано, что благодаря своему положению и влиянию к ним «пришлют подарок... в тысячу солдат».

И сдержано было джентльменское слово: не долго, всего два дня прошло, как деревня Люторичи дождалась барского пожалования!

Пока на пороге графского дома люторовцы ждали, когда примет их барин, к судебному приставу вышли одни бабы, да старые и малые мужики, оставшиеся в деревне.

Начались просьбы — понятно о чем: они просили подождать, пока придут сами мужья и братья, придут с милостью да с барским ласковым словом.

На просьбы их нет ответа: пристав идет без хозяев в дома начать опись.

Вдали показался скачущий всадник, — то посол от крестьян; прислали его сказать, что надо подождать с описью, пока они придут, а они сами — замешкались: барин еще спит и не выходит к ним выслушать их просьбу...

Тщетно, пристав идет делать свое дело.

В толпе начинается шум: одни плачут, другие просят. Все сливается в музыку скорби и ропота.

Но пристав, по словам его, лично к себе не видел ни одного оскорбления, ни одной брани.

Если же среди шумящего люда и раздавались бранные слова, то не судите за это строго: бранное слово — это междометие народного языка, без него не обходится не только ссора, но и веселые, задумчивые речи. Я думаю, что и первые любовные ласки деревенского парня со своей возлюбленной не обойдутся без крепкого словца.

Ваше внимание должно остановиться на утверждаемом здесь факте оскорбления старшины.

Прошу вас припомнить, что старшина — сельчанин той же деревни. Он одновременно и некоторая власть, а вместе и свой человек, родня, сосед обвиняемых. Как старшина, он мог принять за всех повестку, быть представителем юридического лица — деревни. В его показаниях есть места, из которых видно, что он, и никто, кроме него, повинен в том, что повестка о вызове в суд была принята, а крестьяне не знали ни о суде, ни о решении. Он один настаивал на том, что крестьяне должны; но вместе с тем в его доме, в ожидании возврата крестьян из села Бобрик, не в меру другим, опись не производилась.

Немудрено, что крестьяне смотрели на него, как на ренегата, продавшего и разорившего их, и боялись, что своими, в качестве представителя деревни, действиями он свяжет их и здесь, опять приняв повестку, сделает для них обязательными и непоправимыми все действия пристава.

Крестьяне мешали ему быть их представителем, когда они сами хотят вступить в спор со взыскателем. Вот смысл удерживания, хватания его за руки и т. п.

Обвинение было направлено к тому, чтобы признать старшину властью, совместно с приставом приводившей в исполнение судебное решение и в этой должности получившей оскорбление.

Я допрашивал, были ли приглашены старшина и староста приставом и исправником? Ответы даны отрицательные и уклончивые. Если же старшина или староста явились не по призыву, а случайно, по своей воле, и на них не было возложено никакой доли в исполнение решения, то вопрос меняется.

Представьте себе, что пристав суда взял с собой для исполнения решения десять курьеров. Оскорбление одного из них во время исполнения решения — преступное сопротивление.

Но если он взял девять, а десятый, мимо проходя, увидел товарищей, зашел самовольно, вступил в дело, начал хозяйничать и был бы оскорблен — здесь сопротивлению места нет: он не орудие исполнения, он не связан с приставом путем призыва или распоряжения в одно целое, в организм власти, приводящей решение в исполнение.

А старшина был в такой роли — случайно находившегося на месте человека, а не власти. Крестьяне, не знавшие ни пристава, ни полиции, боялись одного — что старшина продаст их, и не пускали его представлять деревню.

Замечательно, что и 5 мая, когда вошли войска, ни войско, ни пристав, ни полиция оскорблены не были, но крестьяне держали за руки кандидата на сельского старосту — одного из подсудимых, прося его не быть представителем.

Мне могут возразить, что старшина и староста и без приглашения судебного пристава имели официальное значение при приведении решения в исполнение, что они были нужны для указания имущества должников и решения вопроса о том, не скрыто ли что-нибудь.

Глубокая ошибка! Исполнялось решение гражданского суда, а по Уставу Гражданского судопроизводства при таком исполнении деле взыскателя указывать имущество: за властью присылается, когда двери заперты, сундуки замкнуты, а розыски скрытого вне селения не входят в обязанность ни пристава, ни полиции.

Итак, я думаю, что оскорбление старшины здесь не имело места в смысле сопротивления власти, исполняющей решение суда.

Перейду к другому преступному деянию — к склонению крестьян села Люторичи не допускать пристава до описи. Дело это приписывается нескольким подсудимым, громче всех об этом говорившим на деревенских сходах.

Согласитесь со мной, что мы должны считать только тогда возможным удостоверить существование факта, доказываемого не абсолютно верными доказательствами, когда природа факта не допускает или обстоятельства устранили лучшие и абсолютные доказательства. Но когда они, абсолютные доказательства, существовали, но их обошли и выдвинули только вероятные, тогда вера в факт падает.

Между тем в деревне Люторичи до 700 жителей; они все отказались допустить опись; они все, судя по ныне мной представленному приговору, считают себя незаконно разоренными Фишером. Вот кого или из числа которых и следовало бы спросить: кто вас подготовлял не допускать к описи? Они могли сказать, нуждались ли они в подстрекательстве или наболела у них эта мысль сама собой. А их не спросили, и на мимолетных плохо вяжущихся между собой впечатлениях урядников и полиций построили тяжелое обвинение.

Не верьте ему, господа судьи!

Но подстрекатели были. Я нашел их и с головой выдаю вашему правосудию: они — подстрекатели, они — зачинщики, они — причина всех причин...

Бедность безысходная, бедность — создание Фишера, одобряемое его властью, бесправие, беззастенчивая эксплуатация, всех и все доведшая до разорения, — вот они, подстрекатели!

Одновременно, потому что одинаково невыносимо всем становилось, вспыхнуло негодование люторовцев против бесцеремонного попирания божеских и человеческих законов, и начали думать они, как им отстоять себя.

И за эту драму сидят теперь они перед вами.

Вы скажете, что это невероятно. Войдите в зверинец, когда Настанет час бросать пищу оголодавшим зверям: войдите в детскую, где проснувшиеся дети не видят няни. Там — одновременное рычание, здесь — одновременный плач. Поищите между ними подстрекателя. И он найдется не в отдельном звере, не в старшем или младшем ребенке, а найдете его в голоде или страхе, охватившем всех одновременно...

Я дал вам массу материала, я вручил вам бездну условий и решений, достаточных свести с ума и спутать в расчетах разоренную деревню.

Вы прочтете — и физиономия подстрекателя сама восстанет в вашем воображении.

Сведем итоги.

22 апреля в селе Люторичах не было никакого преступления. Сход, раздавший об истре и описи, пользовался своим правом думать о делах. В этот день они не могли знать, что появится пристав 3 мая, а следовательно, и думать о форме сопротивления, о насилии над старшиной.

3 мая — день, подлежащий разбору с точки зрения Уложения. Оскорбление старшины не имеет связи с обвинением в сопротивлении. Его присутствие, случайное, не связанное в единстве действий с приставом, ставит оскорбление, ему нанесенное, в самостоятельный проступок, не подлежащий вашему суду в пределах нынешнего обвинения. На скамье подсудимых нет подстрекателей: подстрекательство — в прошлом отношении Фишера и графа Бобринского к крестьянам и в массе документов, нами оглашенных.

Но защита, господа судьи, не должна самоуверенно ограничить свое слово отрицанием вины. Она должна смирить себя и предположить, что ей не удастся перелить в вашу душу ее убеждения о невинности подсудимых. Она должна, на случай признания фактов: совершившимися и преступными, указать на такие данные, которые в глазах всякого судьи, у которого сердце бьется по-человечески и не зачерствела душа в пошлостях жизни, ведут к снисхождению и даже к чрезвычайному невменению при наличности вины.

Наш закон знает такие обстоятельства. Начертав в статье 134 Уложения причины смягчения кары, он не остановился на этом. Законодатель знает, что есть случаи, когда интересы высшей справедливости устраняют применение закона. Законодатель знает, что есть случаи, когда мерить мерой закона — значит смеяться над законом и совершать публично акт беззакония.

А обстоятельства именно таковы. Люторические крестьяне попали в такой омут, где обыкновенные меры были бы ужасны и бесчеловечны.

Не тысяча солдат, осадивших деревню и грозивших ей оружием и силой, ужасали их. Не страшен им был и сам начальник губернии, разбивший бивуак в четырех верстах от деревни. Нечего было, в свою очередь, бояться и ему войти в деревню обездоленных крестьян. Страшно и ужасно было долгое прошлое люторических мужиков, перепутавшее их взгляды и, кажется, сбившее их с толку.

Десятки лет сосал их силы управляющий, десятки лет с сатанинской хитростью опутывал их сетью условий, договоров и неустоек. С торной дороги свободы 19 февраля они зашли в болото... Лешего не было, но хитрый и злой, их всасывал в тину кабалы и неволи Фишер.

В этом тумане потерялось все: вера в возможность просвета жизни, чутье правды и неправды, вера в закон и заступничество перед ним.

Оставалось еще одно чувство — чувство надежды, что беззаконие, достигшее чудовищных пределов, может быть опротестовано, отдалено.

Мы, когда с нас взыскивают недолжное, волнуемся, теряем самообладание; волнуемся, теряя или малую долю наших достатков, или что-либо наживное, поправимое.

Но у мужика редок рубль и дорого ему достается. С отнятым кровным рублем у него уходят нередко счастье и будущность семьи, начинается вечное рабство, вечная зависимость перед мироедами и богачами. Раз разбитое хозяйство умирает, — и батрак осужден на всю жизнь искать, как благодеяния, работы у сильных и лобзать руку, дающую ему грош за труд, доставляющий другому выгоды на сотни рублей, лобзать, как руку благодетеля, и плакать, и просить нового благодеяния, нового кабального труда за крохи хлеба и жалкие лохмотья.

Среди обстоятельств, подобных настоящему, мутился разум целых народов. Как не спутаться забитому уму нашего крестьянина?!

Вы лучше меня знаете это и не забудьте дать ему место при постановке приговора.

Время вам ставить его.

Верю я, глубоко верю, что сегодняшней день в летописях русского правосудия не будет днем, за который покраснеет общество, разбитое в своей надежде на господство правды в русском суде. Верю я, что вы скажете сегодня: «Молчи, закон, настало время благодати!». Верю я, что те экономические лишения, те нравственные мучения, в которых протекли долгие годы жизни люторических крестьян, сегодня достигли своего предела... Они уйдут отсюда с приобретенным убеждением, что правда есть и действует.

Вы не вынесете жестокого решения, вы не увлечетесь мнением:

Не беда, что потерпит мужик:

Знать, ведущее нас Провидение

Указало; да он и привык...

Ведь сквозь зримый миру смех незримые миру слезы водили рукой поэта-сатирика, когда он пел эту скорбную песню.

Нет, вы не осудите их. Мученики терпения, страстотерпцы труда беспросветного найдут себе защиту под сенью суда и закона.

Вы пощадите их.

Но если слово защиты вас не трогает, если я, сытый, давно сытый человек, не умею понять и выразить муки голодного и отчаянного бесправия, пусть они сами говорят за себя и представительствуют перед вами.

О, судьбы, их тупые глаза умеют плакать и горько плакать; их загорелые груди вмещают в себе страдальческие сердца; их несвязные речи хотят, но не умеют ясно выражать своих просьб о правде, о милости.

Люди они, человеки!..

Судите же по-человечески!..

Плевако Ф.Н.

«Речь по делу Грузинского»

Как это обыкновенно делают защитники, я по настоящему делу прочитал бумаги, беседовал с подсудимым и вызвал его на искреннюю исповедь души, прислушался к доказательствам и составил себе программу, заметки, о чем, как, что и зачем говорить пред вами. Думалось и догадывалось, о чем будет говорить прокурор, на что будет особенно ударять, где в нашем деле будет место горячему спору, — и свои мысли держал я про запас, чтобы на его слово был ответ, на его удар — отражение.

Но вот теперь, когда прокурор свое дело сделал, вижу я, что мне мои заметки надо бросить, программу изорвать. Я такого содержания речи не ожидал.

Много можно было прокурору спорить, что поступок князя не может быть ему отпущен, что князь задумал, а не вдруг решился на дело, что никакого беспамятства не было, что думать о том, что Шмидт со своей стороны готовит кровавую встречу и под этой думой стреляет в Шмидта, — князю не приходилось. Все это — спорные места, сразу убедиться в них трудно, о них можно потягаться.

Но поднимать вопрос, что князь жены не любил, оскорбления не чувствовал, говорить, что дети тут ни при чем, что дело тут другое, воля ваша, — смело и вряд ли основательно. И уже совсем нехорошо, совсем непонятно объяснять историю со Шмидтом письмами к жене, строгостью князя с крестьянами и его презрением к меньшей братии — к крестьянам и людям, вроде немца Шмидта, потому что он светлейший потомок царственного грузинского дома.

Все это ново, неожиданно, и я, бросив задуманное слово, попытаюсь ответить прокурору так, как меня наталкивает сердце, возбужденное слышанным и боязнью за будущее моего детища — подсудимого.

Я очень рад, что судьбу князя решаете вы, по виду вашему, — пахари и промышленники, что судьбу человека из важного рода отдали в руки ваши. Равенство всех пред законом и вера в правосудие людей, не несущих с собой в суд ничего, кроме простоты и чистоты сердца, — сегодня явны в настоящем деле. Сегодня, в стороне от большого света, в уездном городке, где нет крупных интересов, где все бы заняты своим делом, не мечтая о великих делах и бессмертии имени, на скамью обвинением посажен человек, которого упрекают в презре-

нии к вам, упрекают в том, что он из стародавней, некогда властвовавшей над Грузией фамилии... и вам же предают его на суд!

Но мы этого не боимся и, не краснея за свое происхождение, не страшась за вашу власть, лучшего суда, чем Vanf, не желаем, вполне надеясь, что вы нас рассудите в правду и в милость, рассудите по-человечески, себя на его место поставите, а не по фарисейской правде, видящей у ближнего в глазу спичу, у себя не видящей и бревна, на людей возлагающей бремя закона, а себе оставляющей легкие ноши.

В старину приходящего гостя спрашивали про имя, про род, про племя. По имени тебе честь, по роду жалование. Подсудимому не страшно назвать себя, и краснеть за своих предков ему не приходится. Он из рода князей Грузинских, прямой внук последнего грузинского царя Григория, из древней династии Багратидов, занесенной в летописи с IV в. после Рождества Христова. При деде его Грузия слилась воедино с нашим отечеством, его дед принял подданство, и фамилия Грузинских верой и правдой служит своему царю и новому отечеству.

Несчастье привело одного из членов этого дома на суд ваш, я он пришел ждать вашего решения, не прибегая к тем попыткам, какие в ходу у сильных мира, к попыткам избежать суда преждевременными ходатайствами об исключении из общего правила, о беспримерной милости и т. п.

Дело его — страшное, тяжелое. Но вы, более чем какое-либо другое, можете рассудить его разумно и справедливо, по-божески. То, что с ним случилось, беда, которая над ним стряслась, — понятны всем нам; он был богат — его ограбили; он был честен — его обесчестили; он любил и был любим — его разлучили с женой, на склоне лет заставили искать ласки случайной знакомой, какой-то Фени; он был мужем — его ложе осквернили; он был отцом — у него силой отнимали детей и в глазах их порочили его, чтобы приучить их презирать того, кто дал им жизнь.

Ну, разве то, что чувствовал князь, вам непонятно, адские терзания души его — вам неизвестны.

Нет, я думаю, что вы — простые люди, лучше всех понимаете, что значит отцовская или мужнина честь, и грозно охраняете от врагов свое хозяйство, свой очаг, которым вы отдаете всю жизнь, не оставляя их для суеты мира и для барских затей богатых я знатных.

Посмотрим, как было дело и из-за чего все вышло.

Чтобы решить: дороги ли были князю жена и дети, припомним, как он обзавелся семьей и жил с ней.

20 лет тому назад, молодой человек, встречается он в Москве, на Кузнецком мосту у Трамблэ, кондитера, торговца сладостями, красавицу-продавщицу, Ольгу Николаевну Фролову. Пришлась она ему по душе, полюбил он ее. В кондитерской, где товар не то, что хлеб или дрова, без которых не обойдешься, а купить пой-

дешь хоть на грязный, постоянный двор, — в кондитерской нужна приманка. Вот и стоят там в залитых огнями и золотом палатах красавицы-продавщицы; и кому довольно бы фунта на неделю, глядишь — заходит каждый день полюбоваться, перекинуться словом, полюбезничать.

Конечно, не все девушки там не строги: больше хороших, строгих. Но, уж дело их такое, что на всякое лишнее слово, на лишний взгляд обижаться не приходится: им больно, да хозяину барыш, — ну и терпи!

А если девушка и хороша и не строга, отбоя нет: баричи и сыновья богачей начнут охотиться за добычей. Удача — пошлют до нового лакомого куска; шалют наперебой; но, шалая и играя, они смотрят на ту, с кем играют, легко. Они отдают ей излишки своего кошелька, дарят цветы и камни, но, если поддавшаяся им добыча заговорит о семье и браке, они расхохочутся и уйдут. Если добыча становится матерью, им какое дело: заботу о ребенке возьмет на себя воспитательный дом, бабка, есть рвы, куда подкидывают, есть зелья, которые выгоняют из утробы... Им какое дело!

Князь иначе отнесся к делу.

Полюбила, и ему стало тяжело от мысли, что она будет стоять на торгу, на бойком месте, где всякий, кто захочет, будет пялить на нее глаза, будет говорить малопристойные речи. Он уводит ее к себе в дом как подругу. Он бы сейчас же и женился на ней, да у него жива мать, еще более, чем он, близкая к старой своей славе: она и слышать не хочет о браке сына с приказчицей из магазина. Сын, горячо преданный матери, уступает. Между тем Ольга Николаевна понесла от него, родила сына-первенца. Князь не так отнесся к этому, как те гуляки, о которых я говорил. Для него это был его сын, его кровь. Он позвал лучших друзей: князь Имеретинский крестил его.

Ольга Николаевна забеременела вновь. Ожидая второго, привязавшись всей душой к первому сыну, князь теперь уже сам знал, что значит быть отцом любимого детища от любимой женщины, а не от случайной встречи с легкодоступной продавщицей своих ласк. Отец в нем пересилил сына. Он вступил в брак. Мало того, он бросился с просьбой о милости, просил государя усыновить первенца. Вы слышали про это из той бумаги, которую я подал суду. Само собой разумеется, что на полную любви просьбу последовал ответ, ее достойный.

Что ни год, то по ребенку приносила ему жена. Жили они счастливо. Муж берег добро для семьи, подарил жене 30 000 руб., а потом, чтобы родные не говорили, что жена не имеет ничего своего, купил имение на общее имя, заплатил за него все, что у него было.

Бывали у них вспышки. Но разве без вспышек проживешь. Может быть, жена его, нет, нет, да и вспомнит привычки бывшей жизни... А мужу хотелось, чтобы она вела себя с достоинством, приличнее... Вот и ссора.

С честью ли, с уважением ли к себе и к мужу несла свое имя и свое звание жены и матери княгиня Грузинская до встречи со Шмидтом — я не знаю; у нас про это ничего сегодня не говорили. Значит, перейдем прямо к этому случаю.

Дети подрастали. Князь жил в деревне. Надо было учителя. На место приехал Шмидт. Что это доктору, немецкому уроженцу, Шмидту, вздумалось ограничиться учительским местом, — не знаю. Студент, семинарист могли бы заменить его. Не с злой ли думой он прямо и пришел к ним, почуяв возможность обделать дело? В самом деле, за все хватался он: и практиковал, как лекарь, и каменный уголь копал, как горный промышленник. Что ему в учительстве!

Подрастал старший сын — Александр. Князь повез его в Питер, в школу. Там оставался с ним до весны. Весной заболел возвратной горячкой. Три раза возвращалась болезнь. Между двумя приступами он успел вернуться в Москву. Тут вновь заболевает. Доктора отчаиваются за жизнь. Нежно любящему отцу, мужу хочется видеть семью, и вот княгиня, дети и гувернер Шмидт едут. Князь видится, душа его приободрилась и приобрела энергию: болезнь пошла на исход, князь выздоравливал.

Тут-то князю, еще не покидавшему кровати, пришлось испытать страшное горе. Раз он слышит — больные так чутки — в соседней комнате разговор Шмидта и жены: они, по-видимому, перекоряются; но их ссора так странна: точно свои бранятся, а не чужие, то опять речи мирные... неудобные... Князь встает, собирает силы... идет, когда никто его не ожидал, когда думали, что он прикован к кровати... И что же. Милые бранятся — только тешатся: Шмидт и княгиня вместе, нехорошо вместе...

Князь упал в обморок и всю ночь пролежал на полу. Застигнутые разбежались, даже не догадавшись послать помощь больному. Убить врага, уничтожить его князь не мог, он был слаб... Он только принял в открытое сердце несчастье, чтобы никогда с ним не знать разлуки.

С этого дня князь не знал больше жены своей. Жить втроем, зная, что ласки жены делятся с соперником, он не мог. Немедленно уснуть женою он тоже был не в силах: она мать детей. Силою удалить от княгини Шмидта было уже поздно: княгиня теперь носила имя, дававшее ей силу, владела половиной состояния и могла отстоять своего друга.

Так и случилось.

Князь отказал Шмидту, а княгиня сделала его управляющим своей половины. В дом к князю при нем он не ходил, но жил в той же слободе, к которой прилегают земли Грузинских.

А когда князь уезжал, Шмидт не расставался с княгиней от 8 часов утра и до поздней ночи.

В это-то время он внушил княгине те мысли, которые обусловили раздел. Княгиня сумела заставить князя поспешить с разделом, причем все расходы на него были мужнины.

Чужая власть в руках, зная, что князь не прочь помириться с женой, лишь бы она бросила связь со своим управляющим, немцем Шмидтом, последний и княгиня не стеснялись: они гласно виделись в квартире Шмидта, гласно Шмидт позволял себе оскорблять князя; мало этого: княгиня в ожидании, когда кончится постройка приготавливаемого для нее в ее половине имения домика, съехала на квартиру в дом священника, из окон в окна с домом князя, от него саженой за 200, от Шмидта в двух шагах. Тут, на глазах всей дворни, всей слободы, всех соседей, на глазах детей, оставшихся у отца, они своим поведением не щадили ни чести князя, ни его терпения, ни его сердца.

Оттуда они переезжают в Овчарню, в тот домик, который выстроил Шмидт княгине. Там-то и случилось несчастье.

Но прежде чем голубки переберутся в свою Овчарню и заворкуют, вспоминая, как они ловко обманули князя, отняли у него его добро, надругались над его мягкостью и будут замышлять, как им захватить еще и еще, — посмотрим, как следует отнестись к одному делу, на которое так сильно напирает прокурор: к письмам князя к солдатской дочке — Фене. Уж очень эти письма ему нравятся: он ни за что не хотел, чтобы их не читать, наизусть их повторял в своей речи. Займемся и мы с вами, рассудим: какую они важность имеют в этом деле.

Князь пишет ласково, как к своей. Князь признается, что у него с Феней было дело. Но письма эти писаны в июле и августе 1882 года, а князь разошелся с женой, как с женой, еще в 1881 году, весной, когда узнал об измене. Свидетель, князь Мещерский, был у князя Грузинского за пять месяцев до несчастья, значит, в мае 1882 года; княгиня тогда жила уже не с князем, а в слободе, рядом со Шмидтом, а при визите, сделанном Мещерским княгине, Шмидт держал себя как хозяин в доме ее; в то же время, по свидетельству старика управляющего, немца же Карлсона, Шмидт, у которого гостил свидетель, ночью, не одетый ходил в спальню к княгине... Значит, во время отношений князя к Фене жена была ему чужой. Правда, она приходила в дом мужа, к детям, забирала вещи, но женой ему не была, потому что жила со Шмидтом. Что же. Как было быть князю? Он мужчина еще не старый, в поре, про которую сказано: «Не добро быть человеку едину...». Он имел и потребность, и право на женскую ласку. Тот муж и та жена, которые, будучи любимы, изменяют, конечно, грешат пред богом, но муж, брошенный, женой, но жена, покинутая мужем, — они не заслуживают осуждения: на преступную связь их толкают те, кто оставляет семью и ложе.

Письма князя свидетельствуют лишь то, что он не так распутен и развратен, какими бы были многие из нас на его месте. Он не подражает тем, кто свое одиночество развлекает легкими знакомствами на час, сегодня с Машей, завтра с Дашей, а там с Настей или Феней... Он привязывается к женщине, уважает ее.

Мало подумал прокурор, когда упрекнул в кощунстве князя за то, что в день именин своей жены он был в церкви и молился за Феню. Что же тут дурного. Княгиня бросила его и обесчестила дом и семью... Он мог отнестись к ней равнодушно... С Феней он близок, — он, женатый и неразведенный, под напором обычной страсти и ища ласки, губит жизнь доверившейся ему девушки... Это не добродетель, а слабость, порок... и с его и ее стороны. Князь верует в молитву и молится за ту, которая грешит. Ведь и молятся-то не за свои добродетели, а за грехи.

Князь ограничился легкой связью, а не женитьбой. Благодаря гласному нарушению супружеской верности со стороны княгини, он мог бы развестись. Но жениться — значит привести в дом мачеху к семи детям. Уж коли родная мать оказалась плохой, меньше надежды на чужую. В тайнике души князя, может быть, живет мысль о прощении, когда пройдет страсть жены; может быть, живет вера в возможность возвращения детям их матери, хоть далеко, после, потом... Он невольный грешник, он не вправе для своего личного счастья, для ласки и тепла семейного очага играть судьбой детей. Так он думает и так ломает жизнь свою для тех, кого любит...

Вернемся к делу.

Поселились в Овчарне. Скандал шел на всю губернию. Ведь всего верста с чем-нибудь отделяла усадьбу князя от домика княгини. Живя там, Шмидт и его подруга то и дело напоминали о себе оскорбленному мужу. Князю было странно, неловко чужих и своих. Когда к нему заходили гости, он мучился, мучились и гости: надо было не упоминать о княгине и делать это так, чтобы не выдать преднамеренности молчания. Выйдет князь к прислуге, к рабочим, а в глазах их точно сквозит улыбка, насмешка. Он отмалчивается, ему неловко посвятить их в суть своего горя, а жена и Шмидт этим пользуются: жена приходит без него в дом, не пустить ее не смеют — приказа не было, и хозяйничает, берет вещи, белье, серебро.

Князь боится встретиться с детскими глазами, так вопросительно смотрящими на него.

О, кто не был отцом, тому непонятны эти говорящие глазки!

Они ясны, светлы, чисты, но от них бежишь, когда чувствуешь неправду или стыд. Они чисты, а ты читаешь в них: зачем мама не с тобой, а с ним, с чужим. Зачем она спит не дома, обедает не с нами. Зачем при ней он бранит тебя, а мама не запретит ему. Он, должно быть, больше тебя, сильнее тебя.

От мысли, что дети подрастут, подрастут с ними и вопросы, которые они задают, кровь кидалась в мозг, сердце ныло, рука сжималась. Героическое терпение, смирение праведника нужно было, чтобы удержаться, связать свою волю.

Бывают несчастные истории: полюбит или привяжется человек к чужой жене, жена полюбит чужого человека, борются с своей страстью, но под конец падают. Это — грех, но грех, который переживают многие. За это я бы еще не осмелился

обвинять княгиню и Шмидта, обрекать их на жертву князя: это было бы лицемерием слова.

Но раз вы грешны, раз неправы перед мужем, зачем же кичиться этим, зачем на глазах мужа позволять себе оскорбляющие его поступки, зачем, отняв у него, как разбойник на большой дороге, его трудовую и от предков доставшуюся и им для детейбереженную копейку, тратить ее на цветы и венки своего гнезда. Зачем не уехали они далеко, чтобы не тревожить его каждый день своей встречей. Зачем не посоветовал Шмидт княгине, уходя из дома мужа, бросить все, на что она имела право, пока была женой, а грабительно присвоил себе отнятое, гордо заявляя князю, что это его дом. Зачем, наконец, он встал между отцом и детьми, оскорбляя первого в присутствии их, а их приучая к забвению отца. Не следовало ли бы, раз случился грех, остановиться перед святыней отцовского права на любовь детей, и, с мучением взирая на страшный поступок свой, не разбивать, а укреплять в детском сердце святое чувство любви к отцу и хоть этим платить процент за неоплатный долг.

Они, Шмидт и княгиня, не делали этого, и ошибка их вела роковым образом к развязке.

В октябре княгине удалось захватить двух дочерей, Лизу и Тамару, и увести к себе; князь и тут человечно отнесся к поступку матери, щадя, может быть, ее естественное желание побыть с детьми.

Но не того добивались там. Сейчас же из этого делают торг: не угодно ли, мол, присылать на содержание их 100 руб. в месяц. Князь отвечает: у тебя состояние, равное моему, а я содержу всех сыновей и дочерей; мне не к чему платить, когда дочери могут быть у меня.

Князь уезжает по делам в Питер. Без него можно взять и третью дочь, но раз князь в содержании отказал, то о Нине и не думают, а двух дочерей продолжают держать, намереваясь мучить князя, зная его безумную любовь к детям.

Князь возвращается домой и узнает, что княгиня уехала куда-то, но детей оставила у Шмидта. Это взорвало отца: как, он, отец, живет тут, рядом, у него все, что нужно детям, он — они знают — любит и хочет иметь детей у себя; он мог уступить их матери, а теперь мать, уезжая, оставляет их с чужим человеком, с разлучником.

Он шлет за детьми карету. Шмидт ломается, не пускает, но, вероятно, детская воля взяла перевес, — он разрешает повидаться им с отцом. Князь, само собой, оставляет детей, по крайней мере, до возврата матери.

Шмидт, раздосадованный переходом детей, вымещает свою злобу на пустой вещи, на белье; но это-то и стало каплей, переполнившей чашу скорби и терпения. В этой истории сила была не в белье, а в дерзости и злобной хитрости Шмидта.

Вы знаете, что вежливые просьбы и записки князя встретили отказ. Шмидт, пользуясь тем, что детское белье — в доме княгини, где живет он, с ругательством отвергает требование и шлет ответ, что без 300 руб. залогом не даст князю двух рубашек и двух штанишек для детей. Прихлебатель, наемный любовник становится между отцом и детьми и смеет обзывать его человеком, способным истратить детское белье, заботится о детях и требует с отца 300 руб. залогом. Не только у отца, которому это сказано, — у постороннего, который про это слышит, встают дыбом волосы!

Князь сдерживается; он пытается образумить Шмидта чрез посредника, станового, пишет новые записки и получает ответ — «пусть приедет»!

А Шмидт в это время обращает, как нам показали все свидетели, свое жилище в укрепление: заряжает револьвер, переменяет пистоны на ружье, взводит курки. Один из свидетелей, Цыбулин, по торговым делам заезжает из усадьбы княгини к князю и рассказывает виденное его прислуге.

Получает князь записку Шмидта, вероятно, такого же содержания, каковы были словесные ответы: ругательную, требующую залога или унижения. Вспыхнул князь, хотел ехать к Шмидту на расправу, но смирил себя словами: «не стоит!..»

Утром в воскресенье князь проснулся и пошел будить детей, чтобы ехать с ними к обедне.

Нина, беленькая, чистенькая, протянула к нему руки и приветливо улыбнулась. Потянулись и Тамара с Лизой; но, взглянув на их измятые, грязные рубашонки, князь побледнел, взволновался: они напомнили ему издевательство Шмидта, они дали детским глазкам иное выражение: отчего, папа, Нина опрятна, а мы — нет? Отчего ты не привезешь нам чистого? Разве ты боишься его?

Сжалось сердце у отца. Отвернулся он от этих говорящих глазок и — чего не сделает отцовская любовь — вышел в сени, сел в приготовленный ему для поездки экипаж и поехал... поехал просить у своего соперника, снося позор и унижение, рубашонку для детей своих.

При князе был пистолет. Но нам здесь доказано, что это было в обычае князя. Сам обвинитель напоминает вам, со слов молодого Карлсона, о привычке князя носить с собой револьвер.

Что ждет князя в усадьбе жены его, в укрепленной позиции Шмидта.

Я утверждаю, что его ждет там засада. Белье, отказ, залог, заряженные орудия большого и малого калибра — все говорит за мою мысль.

Если Шмидт заряжал ружье из трусости и боязни за свою целостность, то вероятнее, что он не стал бы рисковать собой из-за пары детского белья, он бы выдал его. А Шмидт отказал и, зарядив ружье и пистолет, взведя даже курки, с лампой всю ночь поджидал князя.

Если Шмидт не хотел этой встречи, но не хотел также выдавать и белья по личным своим соображениям, то он, не выдавая белья, ограничился бы ссылкой на волю княгини, на свое служебное положение, словом, на законные основания, а не оскорблял бы князя словами и запиской, возбуждая тем его на объяснение, на встречу.

Если Шмидт охранял только свою персону от князя, а не задумал расправы, он бы рад был, чтобы встреча произошла при народе, а он, едва увидел едущего князя, как выслал Лойку, говорившего с ним о делах, из дому и остался один с лакеем, которому поручил запереть крыльцо, чтобы помешать князю добровольно и открыто войти в комнату и чтобы заставить князя, раз он решится войти, прибегать к стуку, ломанью дверей, насилию.

А раз князь прибегнет к насилию, к нападению на помещение, в него можно будет стрелять, опираясь на закон необходимости. Если и не удастся покончить, а, напротив, бранью и оскорблениями из-за засады довести его до бешенства, до стрельбы, то самый безвредный выстрел может оказать услугу: обвиняя князя в покушении на убийство, можно будет отделаться от него на законном основании.

Все делается по этому плану. Оказалась ошибка в одном: слишком рассчитывал Шмидт на счастье.

Князя видели в довольно сносном состоянии духа, когда он выехал из дому. Конечно, душа его не могла не возмутиться, когда он завидел гнездо своих врагов и стал к нему приближаться. Вот оно — место, где, в часы его горя и страдания, они — враги его — смеются и радуются его несчастью. Вот оно — логовище, где в жертву животного сластолюбия пройдохи принесены и честь семьи, и честь его, к все интересы его детей. Вот оно — место, где мало того, что отняли у него настоящее, отняли и прошлое счастье, отравляя его подозрениями...

Не дай бог переживать такие минуты!

В таком настроении он едет, подходит к дому, стучится в дверь.

Его не пускают. Лакей говорят о приказании не принимать.

Князь передает, что ему, кроме белья, ничего не нужно.

Но вместо исполнения его законного требования, вместо, наконец, вежливой отказа, он слышит брань, брань из уст полюбовника своей жены, направленную к нему, не делающему с своей стороны никакого оскорбления.

Выслышали об этой ругани: «П_у_с_т_ь_п_о_д_л_е_ц_у_х_о_д_и_т;_н_е_с_м_е_й_с_т_у_ч_а_т_ь_э_т_о_м_о_й_д_о_м!_У_б_и_р_а_й_с_я_я_с_т_р_е_л_я_т_ь_б_у_д_у».

Все существо князя возмутилось. Враг стоял близко и так нагло смеялся. О том, что он вооружен, князь мог знать от домашних, слышавших от Цыбулина. А тому, что он способен на все злое, князь не мог не верить: когда наш враг нам

сделал много нехорошего, мы невольно верим сказанному о нем всему дурному, и, видя в его руке оружие, взятое, быть может, с самой миролюбивой целью, ожидаем всего того зла, какое возможно нанести им.

В этом состоянии он ломает стекло у окна и вслед за угрозой Шмидта стрелять стреляет со своей стороны и ранит Шмидта той раной, которую врач признает несмертельной.

Шмидт бежит: это видно в окно, сквозь стекло, — бежит к парадному крыльцу. Дым мешает рассмотреть — ранен он или нет, есть у него в руках оружие или нет. Князь бежит по двору к тому же крыльцу. Здесь дверь уже растворена испуганным Евченко; князь — туда и у дверей встречается со Шмидтом. Тот от боли припадает к земле, но сейчас же вскакивает и бежит в комнаты.

В это-то едва уловимое мгновение, когда гнев, ужас, выстрел, кровь опьянили сознание князя, он в том скоропреходящем умоисступлении, которое в такие минуты естественно, еще не помня себя, под влиянием тех же ощущений, которые вызвали первый выстрел, конвульсивно нажимает револьвер и производит следующие два выстрела: положение трупа навзничь, и не ничком, ногами к выходу, головой к гостиной, показывали, что Шмидт не бежал от князя, и он стрелял не в спасающегося врага. При этом припомните; что ружье и пистолет оказались не там, где лежали утром, то есть не в спальне княгини, а уже на столе в гостиной, — тогда будет не невероятно объяснение князя, что Шмидт выронил пистолет из рук, и уже после перенесения Шмидта в комнату, во избежание несчастного выстрела, ружье было освобождено от пистонов, а револьвер поднят с полу.

Сомневаются в состоянии духа князя, могущем преувеличить опасность и злобные намерения врага; их оспаривают. Оспаривают и законность того гнева, что поднялся в душе его.

Но, послушайте, господа: было ли место живое в душе его в эту ужасную минуту.

Не говорю об ужасном прошлом. Еще тяжелей было настоящее. Он на глазах любопытных, которые разнесут весть по всей окрестности, стоит посмешищем зазнавшегося приживалки и тщетно просит должного. На земле, его трудом приобретенной, у дома его жены и матери детей его, чужой человек, завладевший его добром и его честью, кочит его. В затылок его устремлены насмешливые взоры собравшихся, и жгут его, и не дают голове его силы повернуться назад. Куда идти? Домой? А там его спросят эти ужасные, милые, насмешливо-ласковые детские голоса: а где же белье? Что, папа, бука-то, знать, сильнее тебя, не смеешь взять у него наших рубашек! Плох же ты, папа! Уж лучше отпусти нас к нему! Мы его любить будем! Он нас будет чисто одевать! Мы тебя забудем, от тебя отвыкнем...

И кто же и за что же его ставит в такое положение?

Шмидт — орудие, но он был бы бессилен, если бы не слился воедино с женой его. А она? Что он ей сделал? За что? Не за то ли, что так горячо и беззаветно полюбил ее и пренебрег для нее и просьбой матери и своим положением? Не за то ли, что дал ей имя и власть? Не за то ли, что готов был прощать ей вины, простить которые из ста мужей не решатся девяносто девять?

А чем мстят? Отняли у него добро, — он молча уступил. Отняли честь, — он страдал про себя. Он уступил человеку жену, когда она, изменив ему, предпочла ему другого... Но детей-то, которых Шмидту не надо, которых мать, очевидно, не любит, ибо приносит в жертву своему другу, — зачем же их-то отрывать от него, зачем селить в них неуважение, может быть, презрение к своему бессильному отцу. Ведь он, по выражению Карлсона и Мещерского, — отец, каких мало, отец, давно заменивший детям своим мать их.

Справиться с этими чувствами князь не мог. Слишком уж они законны, эти им овладевшие чувства.

Часто извиняют преступления страстью, рассуждая, что душа, ею одержимая, не властна в себе.

Но если проступок был необходим, то самая страсть, когда она зарождалась в душе, вызывала осуждение нравственного чувства. Павший мог бы избежать зла, если бы своевременно обуздывал страсть. Отсюда — преступление страсти все-таки грех, все-таки нечто, обусловленное уступкой злу, пороку, слабости. Так, грех Каина — результат овладевшей им страсти — зависти. Он не неповинен, ибо совесть укоряла его, когда страсть, еще не решившаяся на братоубийство, изгоняла из души его любовь к брату.

Но есть иное состояние вещей: есть моменты, когда душа возмущается не правдой, чужими грехами, возмущается во имя нравственных правил, в которые верует, которыми живет, — и, возмущенная, поражает того, кем возмущена... Так, Петр поражает раба, оскорбляющего его учителя. Тут все-таки есть вина, несдержанность, недостаток любви к падшему, но вина извинительнее первой, ибо поступок обусловлен не слабостью, не самолюбием, а ревнивой любовью к правде и справедливости.

Есть состояние еще более извинительное. Это — когда поступок ближнего оскорбляет и нарушает священнейшие права, охранять которые, кроме меня, некому и святость которых мне яснее, чем всем другим.

Муж видит человека, готового осквернить чистоту брачного ложа; отец присутствует при сцене соблазна его дочери; первосвященник видит готовящееся кощунство, — и, кроме них, некому спасти право и святую. В душе их поднимается не порочное чувство злобы, а праведное чувство отмщения и защиты поругаемого права. Оно — законно, оно свято; не поднимись оно, они — презренные люди, сводники, святотатцы!

От поднявшегося чувства негодования до самовольной защиты поруганного права еще далеко. Но как поступить, когда нет сил и средств спасти поруганное, когда внешние, законные средства защиты недействительны. Тогда человек чувствует, что при бессилии закона и его органов идти к нему на действительную помощь, он — сам судья и мститель за поруганные права! Отсюда необходима оборона для прав, где спасение — в отражении удара; отсюда неодолимое влечение к самосуду, когда право незащитимо никакими внешними усилиями власти.

И вот такие-то интересы, как честь, как семья, как любовь детей, самые святейшие и самые дорогие, в то же время оказываются — раз они нарушены — самыми невознаграждаемыми. Опозорена дочь: что же, тюрьма обольстителя возвратит ли ей утраченную честь? Сворачивая с дороги долга жена: казнь соблазнителя возвратит ли ей семейную добродетель? Дети отлучаются от отца: исполнительные листы и судебные приставы сумеют ли наложить арест на исчезающее чувство любви в сыновьем сердце? Самые священные — в то же время самые беззащитные интересы!

Вот и поднимается под давлением сознания цены и беззащитности поруганного права рука мстителя, поднимается тем резче, чем резче, острее вызывающее оскорбление.

Если это оскорбление разнообразно, но постепенно, то оскорбленный еще может воздержаться от напора возмущающих душу впечатлений, побеждая каждое врозь от другого. Но если враг вызывает в душе своими поступками всю горечь вашей жизни, заставляет в одно мгновение все пережить, то ют мгновенного взрыва души, не выдержав его, лопнут все сдерживающие его пружины.

Так можно уберечь себя проходящему от постепенно падающих в течение века камней разрушающегося здания. Но если стена рухнет вдруг, она неминуемо задавит того, кто был около нее.

Вот что я хотел сказать вам.

Пораженный неожиданной постановкой обвинения, я растерялся. Вместо связанного слова я отдал себя во власть впечатлениям, которые сами собой возникли в душе при переживании всего, что видел, что выстрадал он...

Многое упущено, многое забыто мной. Но пусть не отразятся мои недостатки на судьбе его.

О, как бы я был счастлив, если бы, измерив и сравнив своим собственным разумением силу его терпения и борьбу с собой, и силу гнета над ним возмущающих душу картин его семейного несчастья, вы признали, что ему нельзя вменить в вину взводимое обвинение, а защитник его — кругом виноват в недостаточном умении выполнить принятую на себя задачу...

Плевако Ф.Н.

«Речь по делу Замятниных»

Шестнадцать лет — я адвокат.

Профессия дает нам известные привычки, которые идут от нашего труда. Как у кузнеца от работы остаются следы на его мозолистых руках, так и у нас, защитников, защитительная жилка всегда остается нашим свойством не потому, что мы хотим отрицать всякую правду и строгость, но потому, что мы видим в подсудимых по преимуществу людей, которым мы сострадаем, прощаем и о которых мы сожалеем.

Годы закалывают нас в этой привычке...

Рядом с ними к нам приходят и другие люди, которые жалуются на преступников, подсудимых и говорят: «Они нас обидели, защитите нас, просим вашего содействия; у нас нет других защитников, нам не к кому обратиться».

Кроме нас, защитников, для прямой защиты их от обидчиков, законом не создано иного класса. При нашей привычке защищать, при нашей привычке к снисхождению мы встречаемся с необходимостью требовать восстановления нарушенных прав, отнятия из их рук того, что они захватили.

Если ко мне является человек, у которого сняли с плеч кафтан, я действую таким образом, чтобы возвратить похищенное; но если этот же человек требует наказания преступника, то его заявление кажется мне еще недостаточным.

Как же примирить это?

Очень легко!

Нужно только уметь поставить пределы того чувства к подсудимому, о котором я говорил, и чувства справедливости к тому человеку, который страдает.

Заявляют иск разного рода люди: иные хлопчут о том только, чтобы выиграть свой иск, иногда даже несправедливый. Защита, готовая клеветать, явиться пособником такого человека, — позорна и нечестна.

Наоборот, — нет выше задачи, как защищать невинно потерпевшего...

Но есть противоположный класс потерпевших, где сила смеется над всем.

Когда приходят к нам обиженные люди и говорят, что у них силой отняли то, что им принадлежит, что им негде искать защиты, — тогда указываешь им на бога; но они отвечают, что там — пустое место, вот тут нужно уличить, покарать преступника, доказать ему, что насилие — презренно, потому что нарушает человеческие права...

Бывают еще третьего сорта дела, когда, под влиянием гнева, вражды и других житейских обстоятельств, человек порой совершит преступление, а потом сам не может додуматься, как он его совершил; дело поправлять поздно, и вот, из чувства самосохранения он начинает отпираться. Может быть, он не прочь возвратить несправедливо отнятое, но боится дать улики обвинению.

Тогда он начинает давать невероятные показания, говорить неправду; между тем потерпевший — страдает, интересы его — нарушены... Тут мы будем вполне правы, защищая эти интересы, но не будем правы, если захотим карать обвиняемого.

Для меня безразлично, останется ли обвиняемый в этом городе или будет сослан. Позор подсудимого для интересов Курбатова не имеет значения.

Вся наша просьба заключается в том, чтобы вы рассудили, законные ли те документы, которые находились в руках Замятина, — выданы ли они добровольно, как всякий честный акт, или же взяты силой из рук того, кому имущество принадлежало.

Задача поверенного гражданского истца заключается в удовлетворении его гражданского иска, и только в этих пределах я буду разъяснять перед вами настоящее дело.

Вопрос, как вы знаете, поставлен ребром. Приходит человек и говорит нам: «Меня обманули — заставили силой и угрозами подписать векселя... Прошу признать их недействительными».

Приходит также другой и говорит: «Документы — мои собственные; я получил их в обмен на старые документы».

Выступает жена и говорит: «Эти документы — законные, получив от Курбатова, я передала их мужу; правда, я денег ему не давала, не трудилась для него, но когда-то он оставил у меня документов на 100 тысяч в благодарность за то, что проводил у меня время, отдыхал от забот... Теперь я с ним рассталась и вышла замуж».

Вот задача, которую я должен объяснить вам и решить вопрос, который в глупости вашей совести, верно, уже явился.

Для разъяснения дела я прошу вашего внимания, прошу вас мысленно отправиться в тот дом, куда мы сегодня с вами ходили.

Я увидел этот дом в первый раз; увидел обстановку человека обеспеченного, достаток которого начался не сегодня, не вчера, а, вероятно, уже давно. Во всей этой обстановке видна женщина не нуждающаяся, имеющая в руках довольно средств, чтобы жить спокойно, не выпрашивая, не унижая себя до того, чтобы продавать кому-нибудь свою честь за более или менее значительное вознаграждение.

Без сомнения, на такую продажу Мария Алексеевна нравственно не была способна.

Как мы, видим из всей ее прежней жизни, она после смерти первого мужа вела торговые дела, пользовалась всеобщим уважением, считалась женщиной достаточной. Когда же она погрешила против известных правил нравственности, что говорит: «Я получила от Курбатова документов на 100 тысяч»?

Нам нужно рассмотреть, правда ли, что такой факт был.

Мария Алексеевна говорит, что она серьезно полюбила Курбатова, что между ними были отношения настолько короткие, что должны были перейти в брак; в ожидании его они не были слишком сдержаны и позволили себе отношения очень близкие. Мария Алексеевна говорит, что эти отношения не оглашались, но что Курбатов бывал у нее, что она появлялась с ним у знакомых, каталась на его лошадях, бывала в театре в его ложе.

Курбатов этих отношений не отрицает.

Но смотрел ли он на Марию Алексеевну как на будущую жену? Это обстоятельство нужно проверить.

Обращаю ваше внимание на один факт: люди этого романа, по крайней мере один из них, не были молоды в начале своего знакомства; если Мария Алексеевна была не старше 25 лет, то Курбатов приближался уже к 50-летнему возрасту.

Молодой человек, встретив женщину, которая ему понравилась, хотя бы эта женщина была и легкого, несколько, поведения, имеет достаточно мужества, чтобы не стать к ней в неловкие отношения.

Но этого возраста люди, встретясь с женщиной, не так легко поддаются впечатлению, не так легко забываются.

Поэтому, если Мария Алексеевна говорит, что она серьезно полюбила Курбатова, я все же думаю, что до замужества было далеко; он все-таки оставался для нее чужим человеком, который не решался бы ввести ее в свой семейный кружок.

Если бы отношения между ними не дошли до известной степени короткости, то в словах Марии Алексеевны было бы много правды; разбивать эту правду пришлось бы с большим трудом.

Но раз она говорит, что «спозналась с ним», то такой человек, как Курбатов, после этого нелегко изменяется. Женщина, которая имела полную свободу идти с ним к венцу и которая отдалась ему до свадьбы, — такая женщина, прежде чем он решится назвать ее своей женой, всегда заставит подумать: если она легко отдалась мне, то, почему знать, как жила до встречи со мной? Молодой человек, если полюбит женщину, то не задумывается жениться на ней, каково бы ни было ее прошлое, пожилой же — несомненно на это решится.

Раз Мария Алексеевна не отрицает своих близких отношений к Курбатову, — она сама себе произносит приговор, она созналась, что о будущем браке он с ней не говорил. И действительно в отношениях их мы подтверждения этому не находим.

Правда, он приглашал ее к себе, они вместе посещали общих знакомых...

Здесь были свидетели, которыми мы могли проверить эти слова.

Так, свидетель Четвергов показал, что Мария Алексеевна была у него на вечере в числе других знакомых. Но они бывали не вместе, не как жених с невестой.

той, — это две вещи разные. Другое дело, если бы Курбатов, приехав с Марией Алексеевной, прямо сказал, что это — его объявленная невеста, если бы он привозом ее оглашал их будущий брак; но мы знаем, что этого не было.

Из свидетельских показаний видно, что, судя по их обращению, никто не подозревал их близких отношений. Напротив, при известных отношениях приличие наружно соблюдается тем строже, чем свободнее оно внутри.

Объяснения Замятниной, что Курбатов хотел вступить с ней в брак, лишены всякого основания. Это подтверждается показаниями близких знакомых Курбатова, которые ничего об этом не слышали. То обстоятельство, что Мария Алексеевна бывала в ложе у Курбатова, посещение общих знакомых объясняются, в сущности, весьма просто: Мария Алексеевна вела свои торговые дела настолько крупно, настолько видно, была такой значительной негодичанткой известного торгового дела, что поэтому, конечно, входила в сношения со многими лицами купечества, которые смотрели на нее, как на одну из своих добрых знакомых.

Может быть, при этом Мария Алексеевна отличалась некоторой свободой, при которой женщину все-таки не стесняются принимать в обществе. Благодаря тому, что она часто бывала в обществе, где мог быть и Курбатов, последний легко мог пригласить ее бывать с ним в театре.

Итак, установив положение, что никакого вопроса о будущем браке не было, можно ли допустить факт подарка 100 тысяч?

На этот вопрос я отвечу отрицательно.

Здесь я встречаюсь с одним положением, для меня не совсем приятным: мне придется утверждать, что в этом важном вопросе Мария Алексеевна говорит неправду. Если бы она говорила правду, то не могло бы быть настоящего дела; если же допустить, что она говорит неправду здесь, то вы можете не поверить ей во всем остальном и вообще смотреть на нее другими глазами.

Здесь мы находим и объяснение, почему по поводу этого признания она позволяет себе говорить неправду.

Замятнин — ее муж; вряд ли прав прокурор, говоря, что Мария Алексеевна раскаивается в том, что вышла за него замуж; вероятно, он остался для нее самым дорогим человеком; дорогому человеку нужно подать руку, ему нужна помощь, его нужно выручить, а для этого следует не противоречить ему, и вот — самый близкий человек, жена, поет ему в унисон.

По моему мнению, этого нельзя ставить ей в вину. Если посторонний человек совершает преступление, закон обязывает нас заявить об этом, а если кто-нибудь докажет, что не заявили, то нас предают суду; но если брат, отец, жена позволят себе до известной степени укрывать близкого человека, то у закона рука не поднимается наказывать их за это: он знает, какая страшная мука видеть, как пропадает близкий человек.

Таким образом, Мария Алексеевна своим рассказом только прикрывает грех своего мужа. 100 тысяч рублей Курбатов ей дать не мог.

Прежде всего, не мог он сделать этого потому, что она лучше тех женщин, которым платят деньги. Плохую услугу оказывают те, которые уверяют, что Курбатов заплатил ей за их отношения. Я уж указал, что Замятнина стоит на такой высоте, которая не позволяет женщине падать до продажи своей любви и ласки. Я утверждаю, что довольная своим личным состоянием, она не могла дойти до такого положения, когда прежде, чем отдаться человеку, с ним условливаются о вознаграждении, заставляя его покупать любовь! К чести самой Марии Алексеевны, я не могу этого допустить!

Но если даже Курбатов и смотрел бы на свои отношения к Марии Алексеевне, как на подлежащие оплате, то даже и тогда он не мог бы дать за них такого чудовищного вознаграждения: за такие деньги покупаются женщины известного рода, любви которых добиваются многие, когда одни лица стараются перебить любовь у других, одним словом, такие деньги платят за модный товар. Это имеет известное значение тогда, когда мужчина во что бы то ни стало хочет сделать женщину своей, — тогда не жалеют денег, тогда действительно платят сотни тысяч...

Платят деньги еще и в других случаях: когда последствием отношений к женщине являются дети; тогда, чтобы не поставить женщину в трудное положение, чтобы дать ей возможность не зависеть от других, чтобы дать возможность воспитывать детей, порядочные люди платят большие деньги.

Но мы знаем, что Мария Алексеевна умела устроить свои отношения к Курбатову таким образом, что даже самые приближенные к ней люди отрицали существование этих отношений; знаем также, что никаких последствий этих отношений не осталось, и, следовательно, видим, что Курбатов не имел никакого основания выдать ей за прошлую связь 100 тысяч рублей.

Если допустить, что векселя на эту сумму были ей выданы несколько лет тому назад и потом, после ее брака с Замятниным, были переданы ее мужу, то, мне кажется, нашелся бы случай обнаружить эти векселя, когда отношения между Курбатовым и Замятниной прекратились, когда он, по ее словам, охладил к ней; она, оскорбленная холодностью, могла бы обнаружить векселя.

Между тем до 13 марта никто о них ничего не знает...

Получив их по бланковой надписи, Замятнин по наступлении срока мог ими воспользоваться. Раз ему показалось неловким обнаружить векселя раньше и предъявить их до истечения срока, когда никто не знал о существовании их, то почему он нашел возможным после 13 марта представить их к учету в банк? Ему легче было сделать это раньше, пока векселя не были еще просрочены, или же требовать, чтобы Курбатов уплатил ему по этим векселям деньги, если они самому ему были нужны.

Ничего этого сделано не было. Вот почему я думаю, что выдача документов на 100 тысяч рублей ничем не доказана.

Если векселя, как показывает Замятнин, уже несколько лет находились у них, то неужели бы не нашлось ни одного свидетеля, который бы об этом знал?

Мы видели, что между приказчиками у Замятнинных были такие, которым дела их были очень хорошо известны, — один из них даже высчитывал наизусть, сколько на какой пристани находится пятериков замятнинских дров. Неужели не нашлось никого, кто знал бы что-нибудь об этих документах? В какой-нибудь книге они были бы записаны! А между тем нигде о них не упоминается...

Таким образом, фактических доказательств, что эти документы существовали, нигде нет.

Обратите внимание на показание потерпевшего Курбатова, сравните его с показаниями Замятнина и решите: которому из этих показаний больше верить?

Неправду можно говорить и со скамьи свидетелей, и со скамьи подсудимых. Но когда слова потерпевшего находят себе подтверждение, а слова подсудимого не находят, когда характер показания первого таков, что ему можно верить, когда ему нет надобности кривить совестью, то очевидно, чьи слова заслуживают большего доверия.

Для Курбатова, получающего 250 тысяч ежегодного дохода, потерять 100 тысяч не значит лишиться состояния: ради чего же человек мог бы покривить душой?

Курбатов жертвует большие суммы на благотворительные учреждения. Понятное дело, что для человека с таким имущественным положением что-нибудь да значит его честное имя: он не стал бы им жертвовать для того, чтобы спасти крохи из своего состояния!

Если противоречия в фактах нет; если о документах нигде не заявлялось во все время, когда, по показанию Замятнина, они находились у его жены; если документы эти находились под спудом, — то будьте уверены, что они не существовали, и если на доске значилось, что тут находятся векселя, то под доской было пустое место!

Я объясняю показание Марии Алексеевны о векселях только желанием спасти мужа...

Перехожу к вопросу: доказана ли вынужденная выдача векселей 13 марта 1881 г.?

Перед этим числом, по обычаю предшествовавших лет, Курбатов, отправляясь из Нижнего в Ирбит, дорогой заехал в Козьмодемьянск к Замятниной. Посещение это не имело в себе ничего чрезвычайного, небывалого: он часто заезжал к ней и прежде, так как Козьмодемьянск находится на пути из Нижнего в Казань.

Курбатов приезжает поздно ночью, приходит в дом Замятнинных, прямо в контору, просит разбудить супругов Замятнинных; на ответ, что они спят и их видеть

нельзя, он пишет записку, что заедет на обратном пути из Ирбита и привезет деньги за покупку дров.

С этого времени Замятнинным делается известным, что торговые отношения с Курбатовым не прекращены и что на днях нужно ожидать его обратно.

Вернулся он 13 марта, так как несколько времени жил в Казани. Ирбитская ярмарка кончается в конце февраля, так что в первых числах марта можно было ожидать Курбатова в Козьмодемьянск. Так, в 1881 году он приехал туда 5 марта, — мог приехать и раньше.

В то время как он был в Ирбите, в последних числах января, в нижегородском казначействе совершается крупная покупка вексельных бланков, — на 250 тысяч, — покупка настолько необычная, особенно ввиду глухой поры, в феврале месяце, что продавец этих бумаг, свидетель Благосмыслов, запомнил эту покупку.

Кто был человек, купивший эти бланки, долгое время оставалось неизвестным, пока Благосмыслов не указал на Замятнина.

Вернувшись 13 марта из Ирбита, Курбатов, согласно обещанию, зашел к Замятнинным и на этот раз был бесспорно принят обычным порядком, — новостью было только то, что в этот свой приезд он в первый раз увидел супруга Марии Алексеевны; затем он дал ей задаток на дрова 3 тысячи рублей, и после этого муж ее вступает с ним в разговор весьма пикантного свойства, из которого видно, что он знает о прошлых отношениях Курбатова к жене...

Результатом этого разговора является подпись векселей. Векселя подписаны 13 марта, а текст же показывает — 2.

Что же это значит?

Замятнин говорит, что выставил это число по примеру прежних лет, и по его желанию Курбатов написал расписку, что векселя от 2 марта подписаны 13 марта.

Затем, обманутый таким образом, Курбатов распростился, вышел и тотчас же уехал в Нижний.

Замятнину, в тот же день уехавшему в Нижний, понадобились деньги, и он отправился в банк, чтобы учесть векселя.

Так как вы много раз слышали все эти подробности, то я прошу позволения не распространяться о них.

Из осмотра книги Никольских номеров в Казани видно, что Курбатов был 5 марта в Казани, следовательно, не мог быть 2 марта в Козьмодемьянске. Это подрывает веру к словам Замятнина, и то обстоятельство, что векселя, подписанные 13 марта, действительно помечены 2 марта, согласно и с показаниями Курбатова.

Экспертиза текста векселей доказала, что он отличается особенно тщательным и старательным письмом и написан орфографически правильно, без одной ошибки; между тем как при сравнении этих векселей с письмом, писанным рукой Замятнина, эксперты нашли, что он не умеет правильно писать и делает много

ошибок: чтобы писать безошибочно, нужно иметь в голове известные правила правописания, а человек, ничему не учившийся, не может писать грамотно. В полчаса научиться грамоте невозможно, следовательно, текст векселей не мог быть писан Замятниным без посторонней помощи или без того, чтобы он откуда-нибудь их списывал.

Но такого объяснения Замятин нам не давал. Быть может он дал бы его теперь, но это было бы слишком поздно: он не ждал выстрела с этой стороны и не приготовил ответа; мы замечаем, что на неожиданные вопросы Замятин не умеет отвечать.

Векселя были написаны на разные сроки и немедленно учтены.

Прошу обратить внимание на следующее обстоятельство: если на другой день по приезде в Нижний Замятнину настолько понадобились деньги, что он идет в банк учитывать векселя, то спрашивается, какое имел он основание ожидать от Курбатова уплаты по старым векселям? Если мне нет надобности в деньгах, я могу не оглашать неисправность должника и брать новый вексель; но раз мне самому деньги нужны и вексель просрочен, то это далеко не коммерческий расчет согласиться на отсрочку платежа и учитывать векселя в банке.

Притом мог ли Замятин войти в какую-нибудь сделку с Курбатовым? Припомните, что векселя были даны Замятнину, как талон за позор жены; следовательно, он решается торговать позором жены; раз этот человек напоминает ему ошибку жены, может подсмеяться над ней, вызвать краску стыда в ее лице, то с таким человеком сделки не заключают, такому человеку векселей не переписывают; раз мне самому деньги нужны, то я ждать не стану 13 марта, если вексель был от 2 марта, я попросту предъявляю просроченный вексель.

Ясно, что Замятин 2 марта векселей не имел, иначе он предъявил бы их в срок; между тем он до того времени никакому нотариусу об этих векселях не заявлял.

Отсюда я вывожу заключение о несправедливости его показания.

Раз вы признаете, что векселя были безденежные, для меня не важно, с pistolетом в руке или без него сделано принуждение: отягчение участи подсудимого не входит в интересы Курбатова.

Для меня также не важно проверять, хотел или нет Замятин лишить жизни Курбатова или это была одна угроза.

Я только утверждаю, что векселя — результат какого-то насилия, так как до 13 марта их у Замятина не было.

Насилие, которому подвергся Курбатов со стороны Замятина, меньше всего может быть объяснено ревностью. Ревность человеку свойственна. Человека, который был причиной измены жены, который опозорил семейный мир, поселил среди супругов вечный разлад, обыкновенные натуры встречают с ненави-

стью; ревность свойственна мужскому сердцу: я дорожу всякой лаской любимой женщины, я не хочу делиться ею, я всю, всю хотел бы взять ее себе!

В такой ревности, которая проявляется потемнением всех сил духовных, человек совершает страшные деяния: она появляется мгновенно и заглушает все другие чувства.

Но та ревность будет плохая, где, ревнуя соперника, мы в то же время заключаем сделки в свою пользу; та ревность будет плохая, которая замолчит, если ее прикрыть вексельным листом на более или менее значительную сумму: это уже будет не ревность — это хуже позора, который себе позволила жена!

Ревнивец не скажет жене: я за твой позор удовлетворен векселями... Он не будет ценить честь жены на деньги!..

Ошибка Замятина в его нравственной неразвитости, в том, что, примирив в душе своей противоположные чувства, он только огласил прошлое своей жены, и теперь это отражается не только на ней, но и на всей их семье, начиная с маленьких детей.

Без сомнения, Замятин теперь сознает свою ошибку и страдает в душе.

Я бы желал, чтобы это внутреннее страдание было для него единственным наказанием.

Из объяснений Курбатова я пришел к искреннему убеждению, что подарка в 100 тысяч рублей не было, что никаких векселей не было и что 13 марта они произошли насильственно. Этот вопрос вам будет предложен, и я попрошу вашего правдивого разрешения.

Думаю, что фактически вопрос этот доказан, что все вы убеждены в неправомерности векселей и что вопрос этот следует разрешить согласно с моим ходатайством.

Факты неопровержимы, и их отвергать бесполезно. Смею думать, что векселям этим произнесен смертный приговор, что деньги никогда не получатся из той могилы, откуда не могут извлечь их поверенные целого света.

В этом отношении я ничего не боюсь, но мне было бы больно, если бы, внутренне сознавая, что векселя неправильны, руководствуясь каким-нибудь посторонним побуждением, вы ответили на этот вопрос отрицательно, потому что суд есть самое светлое учреждение нашей страны: суд помогает человеку сознавать свою ошибку, не дает ему эту ошибку довести до конца; заставляя его ответить за те поступки, которые он уже совершил, не покровительствует ему, однако, в преступных деяниях и прощает человека, достойного милости.

Факты отвергать нельзя: снятой головы к плечам не приставишь.

В делах подлога, в делах насилия, если мы видим, что подсудимый действительно желает воспользоваться неправильными документами, — отвергая факт, присяжные как бы говорят: позволяем тебе подложные акты считать за настоя-

щие, благословляем на такие поступки, весь твой нравственный грех принимаем на свою совесть!

Дорожа судом, где я провожу свою жизнь, мне было бы больно встретиться с такими фактами.

Пределы нам даны, я их не касался: к великому моему счастью, я имел право не касаться уложения о наказаниях; я шел дальше — я указывал вам факты, значительно смягчающие вину подсудимого.

Если нет свидетелей преступления и если по вашему нравственному убеждению обвинять человека в подлоге документов нельзя, то никто не может лишать вас принадлежащего вам права помиловать его.

Если бы явилось сомнение относительно того, точно ли все так произошло, как нам говорят, то, я думаю, нужно поставить вопрос таким образом: если сомнительно, как произошли эти неправильные документы, то зачем отягощать свою совесть сомнением? Зачем не оказать милость такому человеку?

Председатель в своем последнем слове, вероятно, скажет вам, что всякое сомнение толкуется в пользу подсудимого. При таком положении дела вам легко быть справедливыми, не позволив только человеку взять то, что ему не принадлежит.

Документы эти можно рассматривать, как грех: смерть греху, но оставьте жизнь грешнику!

Простите человека, который обвиняется: пусть в его пользу говорит то положение, в котором он находился все это время, то страдание, которое ему пришлось вынести!

Оканчивая мое обвинительное слово, я жду вашего решения. Думаю, что вы сознаете, что дело правосудия есть дело великое. Надеюсь, что мне, как вашему собрату по стране, не придется краснеть за вас, что вы сознаете, что нужно давать руку помощи упавшему, поднять грешника кающегося, оказать милость страждущему. Но, милуя грешника, не давайте ему пользоваться плодами греха!

Спасович В.Д.

«Речь в защиту Дементьева»

Господа судьи! Хотя судьба, а может быть, и жизнь трех людей висит на конце пера, которым суд подпишет свой приговор, защита не станет обращаться к чувству судей, играть на нервах, как на струнах. Она считает себя не вправе прибегнуть к такого рода приему, потому что настоящее дело похоже на палку, которая имеет два конца. Один только конец рассматривается теперь, другой еще впереди. В этом деле так слились два элемента: то, что сделал солдат, и то, что сделал офицер, что разделить их можно только мысленно, а в действительнос-

ти оно и неразделимо: насколько смягчится участь солдата, настолько отягчится участь офицера, насколько палка опустится для одного, настолько она поднимется для другого. Подсудимый находится в очень трудном положении, вследствие особенностей военного судопроизводства, вследствие примечания к статье 769, в силу которого ввиду соображений высшего порядка поручик Дагаев не может быть вызван в суд. Его отсутствие чрезвычайно затрудняет работу разоблачения истины, разбирания, кто говорит правду, кто говорит неправду. Если бы Дагаев был на суде, если бы он мог живым словом передать подробности происшествия, то как человек молодой, образованный, может быть, он и изменил бы отчасти показания, данные им на предварительном следствии, и, может быть, участь подсудимого была бы смягчена. Но если даже он и не изменил своих показаний, то из слов его, из образа действий на суде сквозила бы та истина, до которой приходится теперь добираться путем весьма трудным, окольным путем соображений, сопоставлений, сравнений, заключений. Путь этот требует большого хладнокровия, нужно приступить к делу со скальпелем в руках, с весами, как для химического анализа, и только таким образом, сказав сердцу, чтобы оно молчало, обуздав чувство, установить факт. Раз установив факт, можно будет дать чувству разыграться против того, кто окажется виновным, дать место состраданию к тому и другому, потому, что обе стороны одинаково нуждаются в нем, потому что офицер, если не оклеветал, то ввел в искушение своим образом действий солдата и виновен в том, что ему грозит теперь тяжкое наказание. Тогда можно будет руководствоваться соображениями, почерпнутыми из сферы военного быта, из сознания глубокой необходимости строгой дисциплины. Но до установления самого факта нельзя руководствоваться этими соображениями; до установления факта для суда не существует офицера и нижнего чина, а существует только Дагаев и Дементьев.

Приступая к установлению факта, защита не может держаться того порядка, которого держалась обвинительная власть, которая начала с конца. Все дело развивалось весьма логически с первого шага; с первого шага события, логически развивавшиеся, довели до последнего результата.

Следует начать сначала с Даниловой и ее собаки.

На улице Малой Дворянской есть большой дом, занимаемый внизу просто-народьем; бельэтаж занимает Данилова и другие жильцы, затем в мезонине живет Дементьев с женой и дочерью. У Даниловой есть собака, большая и злая. Из приговора мирового судьи видно, что она бросалась на детей и пугала их. 5 апреля настоящего года эта собака ужаснейшим образом испугала малолетнюю дочь Дементьева, которую отец страстно любит, ради которой он променял свою свободу на военную дисциплину. Девочка шла с лестницы по поручению родителей; собака напала на нее, стала хватать ее за пятки. Малолетка испу-

гальса, закусил губу в кровь и с криком бросилась бежать. На крик дочери отец выбежал в чем был, в рубашке, в панталонах, в сапогах, не было только сюртука. Он простой человек, он нижний чин, ему часто случалось ходить таким образом и на дворе, и в лавочку. А тут рассуждать некогда, собака могла быть бешеная. Собаку втаскивают в квартиру, он идет за ней, входит в переднюю и заявляет: «Как вам не стыдно держать такую собаку». Чтобы он сказал что-нибудь оскорбительное, из дела не видно; Данилова на это не жаловалась. Все неприличие заключалось в том, что он вошел без сюртука, в рубашке и с палкой; Данилова говорит, что он ударил собаку, он говорит, что собака сама на него лаяла и бросилась. Насчет неприличия существуют понятия весьма различные. К человеку своего круга относишься иначе, чем к человеку низшего круга. Если человек своего круга войдет в гостиную без сюртука, на него можно обидеться. Но Дементьев, хотя и кандидат, нижний чин, он знал свое место в доме вдовы надворного советника и не пошел дальше передней. Данилова оскорбилась тем, что простой человек вошел в ее переднюю без сюртука, и это неудовольствие увеличилось до того, что из-за него ее пригласили к мировому судье. С дамами пожилыми, воспитанными в старых понятиях, чрезвычайно трудно бывает рассуждать об обстоятельствах, касающихся их лично. Дама, может быть, очень благородная, очень сердобольная, но ей трудно втолковать, что право, что не право, трудно заставить ее стать на объективную точку зрения по личному вопросу, трудно дать почувствовать, что то, что не больно ей, другим может быть больно. В семействе Даниловой сложились, вероятно, такого рода представления: собака нас не кусает, на нас не лает; невероятно, чтобы она могла кусаться и пугать кого-нибудь. Собака невинна, а люди, которые возводят все это на нее, кляузники. Данилова никого не зовет к мировому судье, почему же ее зовут? Это кровная обида. По всей вероятности, тут и образовалось такое представление, что не жильцы — жертвы собаки, а сама владелица ее — жертва людской злобы, она, надворная советница, страдает от какого-то нижнего чина, от солдата! Все эти соображения, конечно, были переданы Дагаеву, когда он пришел 7 числа с тещей, служанкой и женой. Жена передавала, что они страдают от нахала, жильца мезонина. По всей вероятности, тут явились внушения такого рода: «Ведь это солдат, ведь вы офицер, покажите, что вы офицер, проявите свою власть, призовите, распеките солдата, ему нужно дать острастку». Нужно известного рода мужество, известного рода твердость характера, чтобы противостоять этим внушениям, когда внушают люди весьма близкие, весьма любимые. Должно явиться сильное желание показаться героем. Вот почему Дагаев, не рассуждая, поверив вполне тому, что ему передавали, приказал позвать к себе солдата. Это была с его стороны чрезвычайно важная ошибка, которая положила основание всему делу. Он не имел ни малейшего права

звать к себе кандидата. Скорее, между Дементьевым и Даниловой был спор гражданский, который должен был разрешить мировой судья. Всякий офицер может требовать от нижнего чина почтения не только для себя, но и для своего семейства, когда солдат знает, что это семейство офицера, и образом своих действий относительно этого семейства сознательно оскорбляет офицера. Но Дементьев даже не знал о существовании Даниловой до 5 апреля; что в семье были офицеры, он узнал только 7 числа, когда его стали звать к офицеру. При таких обстоятельствах заявлять превосходство своего офицерского звания над человеком, который связан по рукам и по ногам военной дисциплиной, звать его по этому частному делу в квартиру Даниловой было действием совершенно неправильным. Дементьев не пошел, и вследствие этого его обвиняют по статье 113 за неисполнение приказа начальника. Применить эту статью к человеку в положении Дементьева, на взгляд защиты, чрезвычайно трудно. Было ли здесь приказание начальника? Нет, потому что Дагаев не командовал в той команде, в которой состоял подсудимый. По статье 110 оскорбление нижним чином всякого офицера приравнивается к оскорблению начальника. Но это дело совершенно другого рода, оно основано на других соображениях. В законе есть целый ряд преступлений: неповиновение, неисполнение требований и т.п. Кто бы ни был нижний чин и кто бы ни был офицер, если нижний чин оскорбил его, то он наказывается как оскорбивший начальника. Но статья 113 говорит только о неповиновении начальнику, о неисполнении приказа подчиненным. Давать ей более широкое толкование значило бы ставить всех солдат в такую страшную зависимость от всех офицеров, которая едва ли согласна с пользами и требованиями дисциплины. Затем самое слово приказание очень неопределенно в законе. При сравнении этой статьи закона с подобными же статьями в других законодательствах оказывается, что в прусском, например, употреблен термин «служебное приказание», и это весьма понятно. Точно так же и у нас нельзя понимать это слово в неограниченном смысле, подразумевать под ним всякое приказание. В самом законе есть постановление, что если нижний чин совершит по требованию начальника деяние явно преступное, то он все-таки отвечает. Следовательно, из общего понятия о приказании исключаются приказания явно преступные. То же самое можно сказать и о приказаниях явно безнравственных, как если бы, например, офицер, приказав солдату привести к себе его жену или дочь. Вообще законность или незаконность приказаний имеют гораздо более значения, чем предполагает представитель обвинительной власти. По прусскому кодексу, который считается лучшим, нижний чин, получивший незаконное приказание, может сделать представление начальнику, он должен исполнить приказание, но имеет право жаловаться, и во всяком случае эта незаконность приказания значительно ослабляет и смягча-

ет его вину. Поэтому никак нельзя подводить действие Дементьева, то, что он не отправился в квартиру Даниловой, под неповиновение. Если же суд, вопреки доводам защиты, признает подсудимого виновным в неповиновении, то он должен будет в весьма значительной степени смягчить размер ответственности Дементьева, потому что приказание было незаконное, и если бы оно было исполнено, бог знает, в каком положении был бы теперь подсудимый. Его зовут в дом, где против него вооружены и где нет ни одной души, которая могла бы свидетельствовать за него. Если на улице его чуть не зарубили, то то же могло произойти и в квартире. На улице, по крайней мере, нашлись свидетели, которые подтверждают, что и того и этого не было. Дементьев боялся столкновения с офицером, он предвидел сцену, в которой ему, человеку почти равному, который к пасхе, может быть, получит производство в офицеры, грозит, что его могут съездить по физиономии, он боялся этого и потому не пошел.

С двух часов квартира Дементьева была почти постоянно в осаде до шестого часу, когда произошла катастрофа. В продолжение трех часов Дагаев, решившись вызвать Дементьева и распечь, употребляет все меры, чтобы поставить на своем, причем каждая неудачная попытка увеличивает его раздражение, усиливает его гнев.

Напомнив показание самого Дагаева о посылке сначала кухарки, затем двух городских, наконец, дворника, принесшего ответ, что «если офицеру угодно выйти, то я готов с ним объясниться», ответ, вследствие которого, по словам Дагаева, у него явилась мысль жаловаться по начальству на солдата, почему он и вышел из квартиры Даниловой.

Чтобы жаловаться начальнику, нужно знать, кто этот начальник; Дагаев этого не знал; ему известно было только, что Дементьев кандидат; для того чтобы узнать, кому жаловаться, он послал дворника за домовою книгой; но дворник еще не возвращался, когда Дагаев вышел из квартиры Даниловой. Значит, офицер пошел совсем не для того, чтобы жаловаться начальнику Дементьева. Это можно доказать и другим путем. По словам самого Дагаева, прошло пять-шесть минут между тем временем, как он сошел, и тем временем, как вышел Дементьев; по показанию Даниловой, прошло четверть часа между его уходом и возвращением. Если принять, что все последующее совершилось чрезвычайно быстро, почти мгновенно, то следует предположить, что не менее двенадцати минут прошло между тем временем, когда Дагаев вышел от Даниловой, и тем временем, когда совершилась катастрофа. Что же он делал это время? Шел к начальнику Дементьева? Начальник Дементьева живет в крепости, и за это время можно было бы дойти почти до Троицкого моста. Итак, он не шел, он поджидал Дементьева, который, как ему было известно, часто выходит из дому. Можно себе представить, насколько разгорячило это ожидание его

гнев. Наконец, Дементьев вышел, катастрофа произошла. В этой катастрофе есть множество существенных вопросов, которых не выяснило следствие, как, например, вопрос о шинели, о ссадине на подбородке Дементьева, об отрывании его уса. Дементьев не помнит, когда он потерял этот ус, как быстро шли события. Но как ни быстро они шли, их можно разделить на два момента: один — до обнажения сабли офицером и другой — после обнажения. До обнажения сабли происходил только крупный разговор у подъезда на улице. Увидев офицера, Дементьев делает ему под козырек; при этом движении, так как шинель его была в накидку, Дагаев не мог не увидеть нашивок, которые находятся у него на рукаве и которые должны бы были установить некоторое отличие между Дементьевым и простым, нижним чином; он не мог не увидеть георгиевского креста, который так уважается всеми военными людьми. Но Дагаев говорит, что орденов не было. Откуда же взялись ордена, лежавшие на земле, которые видели в первую минуту схватки два свидетеля: мальчик Лопатин и Круглов? Не могли же они быть подброшены до события, когда неизвестно было, чем оно разрешится; не могли они быть подброшены и после, потому что в то время, когда катастрофа еще не была окончена, в коридор вошли люди и видели эти ордена лежащими.

Начинается разговор; по мнению представителя обвинительной власти, вопрос относительно этого разговора может быть разрешен только безусловным принятием одного из двух показаний: показания офицера или подсудимого.

Но защита полагает, что в этом деле весьма важно показание свидетеля, в котором не сомневается сам прокурор, мальчика Лопатина. Мальчик рассказал вещи весьма ценные: о шинели, о волосах и пр. Это все такие обстоятельства, которые приходилось слышать в первый раз. Из показаний мальчика видно, что офицеру не было нанесено оскорбление солдатом. Но если даже не дать веры показанию мальчика, то из простого сопоставления двух рассказов — рассказа офицера и рассказа солдата — для всякого непредупрежденного человека станет ясно, что правда находится не на стороне Дагаева.

Если принимать за достоверное показание офицерское только потому, что оно офицерское, независимо от всяких других причин, то защищать Дементьева невозможно. Но странно, что это офицерское показание находится в несомненном, решительном противоречии с тремя генеральскими отзывами, которые заслуживают внимания. Есть люди, о которых, не зная, как они поступили в данном случае, можно сказать наверное: «Я знаю этого человека, он честен; он не мог украсть». То же самое можно сказать относительно Дементьева: если по отзывам одного из генералов, Осипова, он характера тихого, смиренного, если по отзыву генерала Платова, он строго исполняет свои служебные обязанности, если по отзыву генерала Фриде — это такой человек, в котором военная дисциплина въелась

до мозга костей, то решительно невероятно, как такой человек мог совершить то, что ему приписывают. Это идет вразрез со всем его прошедшим.

Дементьев, сходя, держит руку под козырек; сам офицер признает это, он говорит только, что он то поднимал руку, то дерзко опускал. Если он решился явно грубить, то ему незачем было держать руку под козырек. Прокурор ставит в вину подсудимому, что после первого столкновения он бежал в дом, а не на улицу, где легче мог укрыться. Но Дементьев не знал, что его будут рубить, он знал только, что с ним грубо обращаются, что офицер его может ударить в лицо, и потому движение его назад весьма характерно; оно может быть объяснено только стыдливостью, нежеланием, чтобы люди видели, как с ним обращается офицер. Ввиду всех этих соображений защита считает совершенно доказанным, что рассказ солдата верен и что оскорбления словами офицера со стороны Дементьева не было.

Затем является обнажение сабли. Тут, в этой сцене в коридоре, есть два вопроса довольно загадочные: первый вопрос о шинели; была ли она застегнута или нет, и когда она была сброшена; второй — о ссадине на подбородке и об отсутствии правого уса. От сабли раны имеют форму линейную, а эта ссадина имеет вид кругловатый, следовательно, она произошла не от сабли; точно так же не саблей мог быть отрезан ус, она слишком тупа для этого. Чтобы вырвать ус, нужно было выдернуть его рукою. Чтобы объяснить факт исчезновения этого уса, нужно обратиться к тому порядку, в котором были нанесены раны, и по ним проследить ход событий. Первая рана, которую Дементьев получил еще на лестнице, была рана на правом глазу, пересекающая верхнее веко правого глаза, идущая через висок и теряющаяся в волосах. Если допустить, что эта рана была нанесена в то время, когда офицер с солдатом стояли лицом к лицу, то, значит, офицер держал свою правую руку наискосок, так что конец шпаги задел сначала веко правого глаза и, разрезав кожу, прошел через висок. Другая рана — на макушке головы, следующая к левому уху; это опять рана, которая должна была быть нанесена наискосок от половины головы и затем скользнула по голове. Затем есть две ссадины на внутренней поверхности левого предплечья у конца локтевой кости. По этим ссадинам можно заключить, что Дементьев защищал себя локтем, а не руками, как показывали свидетели. Вот порядок ран по рассказам свидетелей и даже по рассказу самого Дагаева.

Спрашивается, к какому же моменту следует отнести срывание погон, самый важный, самый существенный вопрос в деле. По словам Дагаева, он вынул шпагу еще на улице и на улице ударил Дементьева в спину. Удар по плечу в шинели мог быть не почувствован солдатом, но, вероятно, этот удар и согнул шпагу. Затем, говорит Дагаев, когда они уже были в коридоре, «я хотел нанести, а может быть, и нанес удар солдату, когда он вцепился в мои погоны и оторвал их». Значит,

по показанию самого Дагаева, срывание погон произошло после того, как он стегнул Дементьева шпагой по глазу и эта шпага произвела тот рубец, который проходил до волос. Если принять в соображение показание мальчика, который видел, как офицер сталкивал солдата с лестницы, то легко представить, что офицер сначала сбросил шинель и левой рукой схватился за ус, а правой нанес удар, после чего, по его словам, солдат вцепился в его погоны. Можно ли допустить нечто подобное со стороны Дементьева? Такой сильный удар по глазу, рассекающий веко, удар, от которого не могло не заболеть яблоко глаза, должен был на 30, 40 секунд совершенно лишить человека способности относиться сознательно к тому, что происходит вокруг него; у него движения могли быть только рефлекторные. Обыкновенно между получаемым впечатлением и движением человека становится целая область размышлений, соображений, привычек, то, что составляет характер человека. Но здесь этого быть не могло, здесь был такой беспромежуточный переход от удара к рефлексу, что если бы в ту минуту, как Дементьев получил этот удар, он раздробил офицеру голову, ударил его в лицо, он должен бы быть признан сделавшим это в бессознательном состоянии. Прокурор доказывал, что суд не вправе признать бессознательности, потому что не было экспертизы. Экспертиза нужна только для определения болезненного состояния; но, кроме болезни, есть еще целая громадная область того, что называется аффектами, сильными душевными волнениями, вызванными внезапным событием. Всякому известно, какое сильное впечатление производит испуг на организм не только людей, но и животных. Известно, что делается с медведем, когда он чего-нибудь испугается. Для такого рода явлений нет экспертов. Следовательно, есть основание допустить у Дементьева после полученного им удара такое бессознательное состояние, при котором ему не может быть вменено в вину, что бы он ни сделал.

Но если даже допустить, что он не лишился сознания, защита не понимает, почему прокурор отрицает, что было состояние необходимой обороны. При всей строгости воинского устава, ограничивающего необходимую оборону, он все-таки допускает ее в отношении начальника, если действия этого начальника угрожают подчиненному явной опасностью. А тут разве не было явной опасности? Ведь смертью могло угрожать нападение на человека безоружного, которому наносят удары в голову, а бежать некуда. Он хотел бежать к себе в квартиру, но его стащили вниз, мало того, оторвали ус. Опасность была неминуемая, неотвратимая.

Но, несмотря на такую возможность защищать подсудимого на основании состояния необходимой обороны, защита не прибегла к ней вследствие глубокого убеждения, что не Дементьев сорвал погоны с офицера. В каком бы положении человек ни был, у него не может быть двух идей в одно и то же время. Очевид-

но, что в ту минуту, когда Дементьеву нанесли удар по глазу, в нем прежде всего должно было заговорить чувство самосохранения и не было места другим размышлениям. Между тем предполагают, что в ту минуту, когда Дементьев получил удар, за которым грозили последовать другие, он совершил в уме следующий ряд силлогизмов: «Офицер меня обидел, надо отомстить офицеру. Как ему отомстить почувствительнее? Что у полка знамя, то у офицера эполет, погоны — символ чести. Сорвать погоны — самое чувствительное оскорбление; дай-ка я сорву с него погоны, а потом подумаю, как спастись, если до того времени меня не зарубит мой противник, который может искрошить меня, как кочан капусты». Вот какие соображения должны бы были быть у него, если бы он решился сорвать погоны и привел в исполнение свое намерение. Но это психологическая невозможность. Если бы элемент мести примешивался к чувству самосохранения, то он попытался бы ударить по той руке, которая наносила удары, вырвать шпагу, нанести удар в лицо, сделать, одним словом, что-нибудь, чтобы защититься. Между тем ничего этого не было. Мало того, есть еще другие обстоятельства, которые наводят на мысль, что обвинять Дементьева в срывании погонов с Дагаева невозможно. Одно из таких важных обстоятельств — это тот погон, с которым Дементьев пошел к начальству. Если бы Дементьев проделал в сознательном состоянии то, что ему приписывают, сорвал погоны, чтобы отомстить, то это движение должно было оставить след в его сознании и первым его делом, когда ему подсовывали этот погон, было бы отбросить его, чтобы не установить никакой связи между собой и этим погоном. Он же, напротив, берет его самым наивным образом и заявляет, что вот по этому погону можно узнать офицера, и в участке только узнаёт, что его обвиняют в срывании погонов.

Но, спрашивается, кто же сорвал эти погоны? Кто-нибудь должен же был их сорвать. Если не Дементьев, то необходимо предположить, что Дагаев. Защита могла бы не касаться этого предположения, с нее довольно, если суд будет внутренне убежден, что Дементьев не мог совершить этого срывания; но чтобы досказать свою мысль до конца, она должна сознаться, что выйти из дилеммы нельзя иначе, как предположив, что погоны сорваны офицером. Для этого нет необходимости делать обводного предположения, которое было высказано прокурором, что офицер, видя, что увлекся, понимая, что ему грозит большая ответственность, хотел подготовить средство к защите, хотя защита не может согласиться с опровержением, представленным на это предположение прокурором, а именно, что Дагаев был в состоянии сильного гнева, при котором невозможен такой холодный расчет. Нужно отличать гнев как аффект от гнева как страсти. Гнев, который разжигался в течение трех последовательных часов, был уже не аффектом, а страстью, под влиянием которой человек может действовать с полным сознанием последствий. Но во всяком случае нет надобности в этом

предположении, возможно и другое. Очень может быть, что Дагаев не был в таком хладнокровном состоянии, когда влетел со шпагой в руке в коридор. Он, кажется, из тифлиских дворян, он уроженец юга, где люди раздражаются скорее, чувствуют живее, чем люди северного климата, более сдержанные, более флегматичные. Очень может быть, что такой человек, придя в ярость, теряет сознание, готов сам себя бить, способен сам себя ранить. Он мог сорвать один погон, когда сбрасывал шинель, другой после и забыть об этом. Против этого приводят то, что он сейчас же заявил о срывании погона. Но в том-то и дело, что первый человек, которого он увидел после этого события, была Данилова, и ей он ничего об этом не сказал. Он заявил о срывании у него погонов в первый раз в участке, через четверть часа или двадцать минут после того, как виделся с Даниловой. Этого времени было совершенно достаточно, чтобы пораздумать, сообразить, не зная, как он потерял погоны, он мог прийти к заключению, что, вероятно, их сорвал солдат и занес об этом обстоятельстве в протокол, видя в нем средство защиты себя. Самое показание Дагаева подтверждает мысль, что он мог сорвать погоны с себя и не заметить этого. В этом показании Дагаев отрицает такие факты, которые были совершены при многочисленной публике. Так, он говорит, что не бил на улице Дементьева, когда люди видели, что он бил; говорит, что не вынимал шпаги, когда люди видели, что он вынимал ее. Поэтому можно утверждать, что он был в таком же разгоряченном состоянии, как Дементьев, хотя стал в него по доброй воле, и что он мог действительно многого не помнить.

Подводя итоги всему сказанному, я не могу прийти к другому заключению, как то, что Дементьев не виновен, и прошу его оправдать, оправдать вполне еще и потому, что это событие особого рода, это такая палка, которая действительно должна кого-нибудь поразить. Ею она поражает несправедливо. Она должна обратиться на кого-нибудь другого. Я полагаю, что к военной дисциплине совершенно применимо то, что говорили средневековые мыслители о справедливости: «*justitia regnorum fundamentum*» — основа царства есть правосудие. Я полагаю, что правосудие есть основание всякого устройства, будет ли то политическое общество, будет ли то строй военный. Дисциплина, если брать это слово в этимологическом значении, есть выправка, обучение начальников их правам, подчиненных — их обязанностям. Дисциплина нарушается одинаково, когда подчиненные бунтуют и волнуются, и совершенно в равной степени, когда начальник совершает то, что ему не подобает, когда человеку заслуженному приходится труднее в мирное время перед офицером своей же армии, нежели под выстрелами турок, когда георгиевскому кавалеру, который изъят по закону от телесного наказания, наносят оскорбление по лицу, отрывают ус, когда лицо его покрывается бесславными рубцами. Я вас прошу о правосудии.

Урусов А.И.

«Речь в защиту Волоховой»

Господа судьи! Господа присяжные! Вашего приговора ожидает подсудимая, обвиняемая в самом тяжком преступлении, которое только можно себе представить. Я в своем возражении пойду шаг за шагом вслед за товарищем прокурора. Мы, удостоверясь в существенном значении улик, взвесим их значение, как того требует интерес правды, и преимущественно остановимся не на предположении, а на доказательствах. Искусная в высшей степени речь товарища прокурора, основанная преимущественно на предположениях...

Председательствующий: Господин защитник, я прошу вас воздерживаться, по возможности, от всяких выражений одобрения или порицания противной стороны.

Защитник: Господин товарищ прокурора в своей речи сгруппировал факты таким образом, что все сомнения делаются как бы доказательствами. Он озарил таким кровавым отблеском все улики, что мне приходится сознаться, что вы, господа присяжные, должны были склониться несколько на его сторону. Вспомните, господа, что мы два дня находимся под довольно тяжелым впечатлением. Наслоение впечатлений, накопившихся в продолжение этих двух дней, не дает нам возможности сохранить ту долю самообладания, которая дала бы возможность строго взвесить все улики и скептически отнестись к тому, что не выдерживает строгого анализа. Господин товарищ прокурора опирается преимущественно на косвенные улики. Первой уликой он представляет народную молву. Господин товарищ прокурора говорит, что народный голос редко ошибается; я думаю наоборот. Народный голос есть воплощенное подозрение, которое нередко вредит крестьянину. Почему в настоящем деле народный голос является против подсудимой? Труп найден в погребке дома Волохова. Волохов жил несогласно со своей женой, после этого следует немедленное заключение — она виновна. Почему? Больше некому. Вот народная логика.

Для того чтобы нагляднее понять, что такое народный голос в настоящем случае, необходимо вспомнить существенные черты характера действующих лиц. Каков человек был Алексей Волохов? Он был пьяница, во хмелю буянил, бил стекла (по осмотру оказалось, что в его доме было разбито до 40 стекол); когда он возвращался пьяным домой, он шумел, но при этом, как показали все свидетели, он стоял крепко на ногах. Эта индивидуальная черта его имеет весьма важное значение. Замечательно, что никто из свидетелей не подтвердил главного обстоятельства, никто не сказал, вернулся ли Алексей Волохов 17 августа домой ночевать, тогда как в два или три часа его видели на улице пьяным. Мы знаем, что он был в этот день несколько раз в трактире. Никита Волохов видел, как он шел

по улице с каким-то мужиком пьяный, но он не сказал, что видел его, как он вошел в дом. Если бы было доказано, что он ночевал в этот день дома, то это было бы довольно сильной уликой против подсудимой, между тем почти положительно можно утверждать, что он не ночевал дома, так как его ближайшие соседи, Никита и Семен Волоховы, непременно должны были слышать его возвращение. Член суда, производивший осмотр, удостоверяет, что из половины Семена слышен был даже обыкновенный разговор в половине Алексея, а тем более должны были быть слышны шум и крики, без которых невозможно было совершить убийство. Господин товарищ прокурора делает предположение, что Волохов был убит сонным, но я полагаю, что делать предположения в таких важных делах мы не имеем никакого права. По мнению эксперта Доброва, подтеки на руках убитого могли произойти от сильного захвата рукой; если допускать предположение, то в этом случае возникает сильное сомнение о самом обстоятельстве дела. Относительно показания мальчика Григория я должен заметить, что оно носит на себе явный след искусственности. Вы слышали, господа присяжные, что мальчик признавался, что он действовал по научению дяди; если предположить, что мальчик действовал сознательно, то чем объяснить то обстоятельство, что он от 17 до 22 августа никому ничего не говорил, он бегаёт свободно по улицам, играет с мальчиками и мать его свободно отпускает.

Остановимся на минуту на предположении, что убийство совершено ею и мальчик видел это, то неужели бы она отпустила его на улицу, где каждый мог бы его спросить об отце? Впрочем, остановимся на его показании: он говорит, что видел, как мать его ручкой топора без железа била его отца; потом он говорит, что видел отца в погребке; ясно, что мальчик смешивает время, он легко мог видеть, как отец его пьяный спал и у него из носу текла кровь, после же он слышал, что отец его найден в погребке. Мальчик явно перемешал события; выдумкой в его рассказе является только показание его о топоре. Я не могу допустить мысли, чтобы мальчик до такой степени отдавал себе отчет о своих впечатлениях, чтобы так долго помнить о таком событии. Далее, в числе улик товарищ прокурора приводит то обстоятельство, что подсудимая 17 августа ходила ночевать к Прохоровым; он объясняет это ее боязнью оставаться ночевать в том доме, в котором она только что совершила убийство; но эта улика достаточно опровергнута следствием, так как свидетели показали, что она и прежде ночевала у соседей, когда муж ее возвращался домой пьяный. 17 августа, видя, что муж долго не возвращается, и думая, что он возвратится пьяный, она уходит ночевать к соседям. Господин товарищ прокурора не допускает того, чтобы она, уйдя из дома, не заперла ворот, но я должен заметить, во-первых, что ей незачем и нечего было запирасть, так как у нее в доме ничего не было; во-вторых, раз вышедши из ворот, запереть их изнутри невозможно. Вы слышали, что Мавра Егорова ушла ночевать к Прохоровым,

дом оставался пустой. Никита, бывший в то время ночным сторожем и живший рядом, не мог не знать этого. Никита говорит, что он не помнит, караулил ли он 17 августа. Он отрицает драку свою в тот день с Алексеем Волоховым, отрицает даже, что был в тот день в трактире, но мы должны в этом случае более доверять показанию трактирщика. Я считал излишним загромождать судебное следствие вызовом трактирщика и других, видевших Никиту в трактире. Я не имею права составлять новый обвинительный акт, но странным является отрицание Никиты о бытности его в трактире с Алексеем Волоховым.

Затем я должен остановиться на осмотре следов крови, найденной в верхней части дома. Пол в комнате был найден замытым на три квадратных аршина, в пазах пола были найдены небольшие сгустки крови. Я говорю «небольшие» на том основании, что если бы куски были большие, то они были бы перед вами в числе вещественных доказательств, вместо этих забрызганных кровью щепок, которые лежат перед вами. Из медицинского осмотра мы видим, что у Алексея Волохова вскрыта была полая вена, из которой должно было быть обильное кровотечение; кроме того, Алексей Волохов был человек с сырой, разжиженной кровью, следовательно, кровь должна была вытечь из его тела в огромном количестве; должны были быть крупные фунтовые сгустки крови и тогда незачем было бы соскабливать маленькие кровяные пятнышки, чтобы представлять их к судебному следствию; тогда нужно было бы представить эти большие сгустки. Между тем мы их не видим. Так как наука не в состоянии доказать, какая кровь найдена была в верхней комнате, то не было бы причины подозревать непременно, что это кровь человеческая, но, заметьте, что подсудимая сама не отрицает того, что это была кровь Алексея Волохова, и объясняет это кровотечением из носу.

Мы не имеем причины не доверять ей в этом случае, тем более, что фельдшер подтвердил, что он ставил банки Алексею Волохову, который жаловался на приливы крови в голове.

Правда, общественное мнение склоняется не в пользу подсудимой. Оно говорит, что подсудимая была злого и сердитого характера, но не надо забывать того, что это мнение было высказано тогда, когда в народе уже сложилось убеждение в виновности подсудимой, и потому доверять ему вполне нельзя.

Далее. И товарищ прокурора в числе улик выставляет нравственные качества подсудимой. Признаюсь, я не ожидал, чтобы нравственные качества человека можно было поставить ему в вину. Я должен прибавить, что эта женщина десять лет была замужем. Имея пьяного мужа, который пьяный буянил, она часто уходила ночевать к соседям. Мудрено ли было в этом случае молодой женщине увлечься, а между тем из показаний свидетелей и из повального обыска мы видим, что она никогда не нарушала долга жены. В доказательство ее нравственных качеств я должен прибавить, что она на повальном обыске никого

не отвела от свидетельства о ее поведении. Здесь, на судебном следствии, она требовала, чтобы все свидетели были спрошены под присягой, хотя я накануне заседания объяснял ей, что свидетелям, спрошенным без присяги, дается менее вероятия, но она отвечала мне: «Авось они оглянутся и покажут правду», так твердо она была уверена в своей невинности. Товарищ прокурора находит, что у Алексея Волохова не было врагов, не было причины враждовать против него, но судебное следствие показывает нам, что могли быть причины вражды: он нанимался не раз в рекруты и не исполнял обещания. Кроме того, я должен сказать, что жена Никиты судилась как-то с одним мужиком по вопросу об изнасиловании, что могло подать повод к насмешкам со стороны подсудимой и тем возбудить против нее вражду. Кроме того, для братьев покойного Алексея мог служить предметом зависти дом его. Я не хочу сказать, чтобы для братьев его мог быть интерес убить Алексея, этот интерес мог и не существовать, но зато мог быть интерес скрыть преступника. В числе других улик, выставленных господином товарищем прокурора, он указал на то, что Мавра Егорова часто ругала своего мужа, называла его жуликом, мошенником и каторжником. Но кому не известно, что в народе употребляются более резкие ругательства, и они не могут давать повода к подозрению совершения преступления. Да и могла ли Мавра Егорова равнодушно смотреть на развратный вид пьяного мужа, который действительно выглядел арестантом. Далее, товарищ прокурора говорит, что убийца всегда старается бежать от трупа. Совершенно соглашаясь в этом с товарищем прокурора, я должен заметить, что Мавра Егорова не страшилась быть на погребке, она солила там огурцы и лазила даже в погреб. Если допустить, что Мавра Егорова совершила преступление, то ее нужно признать за какое-то исключение из всех людей. Между тем, если допустить, что убийство совершено было посторонним лицом, то проще допустить, что убийца бросил труп в погреб Волохова. Дом был совершенно пустой, погреб от улицы был в семи шагах — все это очень хорошо мог знать ночной сторож.

Товарищ прокурора замечает, что трудно предположить, чтобы посторонний убийца сходил за мешком, в который положил Волохова. Я согласен, что это трудно, но еще труднее предположить, чтобы был отыскан мешок там, где его не было, а мы знаем, что Мавра Егорова не имела мешка, она даже брала мешок у соседней, когда ей нужно было солить огурцы. Если допустить, что подсудимая, совершив убийство, уничтожила все следы преступления, замыла кровь на полу в верхней конате, то почему же она не замыла пятен крови, оказавшихся на окнах и стенах?

Кроме того, из медицинского осмотра видно, что раны были нанесены тремя родами орудий. Не говоря уже о том, что одному человеку нужно было употребить три различных орудия для того, чтобы совершить убийство, я замечу, что

в доме Волоховых ни ножа, ни шила не было найдено. Что подозрения на подсудимую могли быть, об этом не может быть и спора, но закон говорит, что для того, чтобы преступление было наказано, оно должно быть несомненно, а всякое сомнение должно толковаться в пользу подсудимой и никак не во вред ей. В настоящем же случае я полагаю, что убеждение в виновности подсудимой ни в каком случае не могло у вас сложиться. Тому показанию свидетелей, что Мавра Егорова не часто ночевала у соседей, я ни в каком случае не могу доверять. Они показывают так потому, что боятся, чтобы не навлечь почему-либо в этом случае на себя подозрения, и показывают так для того, чтобы окончательно отстранить себя от всяких подозрений. Далее, товарищ прокурора говорит, что подсудимая постоянно клеветает на свидетелей; клеветает ли она, я предоставляю судить об этом вам, господа присяжные; я со своей стороны думаю, что большей искренности со стороны подсудимой и желать нельзя. Если вы недостаточно убедились моими доводами, то я должен заявить вам, что случаи судебных ошибок нередки в уголовной практике. Нужно надеяться, что эти ошибки будут реже и реже. Тем не менее, я не могу допустить, чтобы суд присяжных мог допускать такие ошибки. Вы, господа присяжные, должны постановить свой приговор, основывая его на убеждениях логических, а не формальных. Господа присяжные, настоящее преступление совершено было среди белого дня, между тем Семен Волохов говорит, что он, вернувшись вечером домой, никакого шума в квартире Алексея не слышал.

Показание Прохорова об ужасе подсудимой, когда она пришла к нему ночевать, ничем не подтвердилось. Я с изумлением замечая, что товарищ прокурора в числе улик признает слова ее, сказанные Никите, что если ее притянут к суду, то он будет стоять с ней на одной доске. Если придавать этим словам значение, то странно, почему же Никита не был привлечен к суду. Я объясняю слова ее так: она хотела этим выразить, что если ее, против которой нет никаких улик, привлекут к суду, то тем более должны привлечь к суду Никиту, который был сторожем в деревне и должен знать, кто совершил убийство.

В заключение я должен упомянуть о краже 150 рублей. Мавру Егорову постоянно попрекает сноха тем, что она нищая, что муж ее все у нее пропил. Она из досады похищает у снохи деньги, но совесть ее мучит, и она открывается в этом священнику. Она никогда не обвиняла мужа, она прямо говорит перед священником, что она, а не муж ее, украла деньги. Тот берет клятву с Семена и его жены в том, что те никому не расскажут о происшедшем. Что же происходит? Вот, господа присяжные, насколько нравственными личностями являются Семен Волохов и его жена. Только что поклявшись перед образом, они через полчаса нарушают эту клятву. Предоставляю вам судить, насколько можно доверять этим личностям в их показаниях.

Господа присяжные, я ожидаю от вас строгой правды, строгого анализа. Перед вами женщина, шесть месяцев томившаяся под тяжелым обвинением. Девять лет в горе прожила она с мужем, еще худший конец ожидает эту нравственную личность. Невольно преклоняешься перед таким горем.

Хартулари К. Ф.

«Речь в защиту Левенштейн»

Господа судьи и господа присяжные заседатели! Если только вы признаете за судом уголовным и его приговорами нравственно-педагогическое значение и не отрицаете того глубокого интереса, какой представляет собой настоящий процесс, затрагивающий одну из самых больных сторон нашего общественного организма, то, несомненно, должны будете отнестись к участи обвиняемой с тем особенным вниманием и осторожностью, которыми только и обуславливается справедливость человеческого суда вообще и вашего будущего приговора в особенности!

Правда, что переданная вам, господа присяжные заседатели, подсудимой история ее прошлой жизни, со времени знакомства с Линевичем и до совершения настоящего преступления, не нова — она так же стара и обыденна, как история десятка и сотни тысяч женщин, увлеченных, обманутых и покинутых теми, для которых пожертвовали всем, что дает право на звание честной женщины и на уважение общества! Но столь же устарелым следует признать, в свою очередь, и предположение, что суровостью судебных приговоров, которых требует от вас обвинительная власть, можно предотвратить в будущем подобные драматические эпизоды среди незаконной семьи.

Мне кажется, что сообщенные обвиняемой факты из жизни ее, как обольщенной девушки, незаконной жены и такой же незаконной матери будут повторяться, независимо от судебной кары, до тех пор, пока по справедливому замечанию одного из поборников женского вопроса, не будет закона, который защищал бы нравственный капитал женщин с такой же силой, с какой он защищает материальное достояние человека, и осуждал бы лиц, похищающих честь у женщины, с той же строгостью, с какой осуждает вора, похитившего имущество... Правда, мне могут возразить, что закон, ограждающий права и карающий их нарушителей, о необходимости которого я заявляю как о мере к устранению таких печальных явлений в судьбе обесчещенной женщины, свидетелями которых мы являемся в настоящую минуту, бессилен в деле предупреждения ее нравственного падения, так как по своему характеру — ограждает ли он или карает — ему приходится ведать только совершившиеся факты. Но никто и не ожидает от требуемого закона такого патронажа, всецело лежащего на обя-

занности самой семьи, к которой обыкновенно принадлежит женщина по своему рождению и воспитанию, точно так же, как никто не станет оспаривать, что лучшими средствами для борьбы с теми искушениями, с какими встречается девушка при вступлении в жизнь, должны служить исключительно правила, почерпнутые ей. из нравственного катехизиса своей же семьи, если только он выработан родительскою властью... Но я говорю об отсутствии такого закона, который охранял бы права женщины в ее внебрачных отношениях к мужчине и, что главнее всего, права прижитых ее детей, этих жертв чужой вины, чужого преступления, а между тем более всех наказываемых как бесправных и отвергнутых обществом!

Я согласен с представителями обвинения, что правосудие не может и не должно прощать человека, когда он протестует по поводу нарушения своих законных прав путем преступления, имея возможность восстановить их во всякое время при помощи судебной власти; но не мне судить о том положении, в какое может быть поставлено правосудие, когда на скамье обвиняемых, как в данном случае, оказывается лицо, поставленное законом вне всякого права на судебную защиту. Подумайте, господа присяжные заседатели, чего могла достигнуть подсудимая возбуждением судебного преследования против Линевиича? Отвечаю вам на этот вопрос словами положительного закона: единственного наказания в виде церковного покаяния и единственного права требовать от своего обольстителя скудной подачки на содержание и воспитание детей впредь до избрания ими рода жизни — подачки, охотно, обыкновенно, выбрасываемой великодушными развратниками из своего иногда громадного достатка.

Но для осуществления хотя бы и этого ничтожного права подумайте, что должна почувствовать и пережить несчастная женщина, начиная с добровольного оглашения своего позора, которым обуславливается возможность возбуждения самого судебного иска! Какую ужасную внутреннюю борьбу она должна перенести, чтобы унижить и подавить в себе не только врожденные иногда деликатность и стыд, но и общее чувство человеческого достоинства ради спасения детей от голодной смерти, детей, одинаково обязанных своею жизнью как ей, так и тому, кто ее совратил!

И потому не удивительно, если лишенная законной опоры и покровительства женщина, обесщеченная и покинутая с детьми, прибегает к такой грубой и не свойственной ей форме протеста против низкого поступка своего совратителя, в какой выразился протест и обвиняемой Левенштейн; не удивительно, если мы видим смертоносное оружие в руках такого существа, которое по своему природному назначению не отнимает, а дает жизнь, не удивительно потому, что в поступках ее сказывается мщение за поруганную честь и за безнаказанно отнятую будущность у нее и у ее детей!

Вот, присяжные заседатели, те условия, в какие была поставлена и подсудимая Левенштейн по отношению к Линевиичу, условия, дающие ей особенное право на ваше внимание к ее судьбе. В этих условиях, по мнению моему, и заключается та нравственная истина в настоящем процессе, которая должна служить для нас точкой отправления и главнейшим основанием для вполне беспристрастного и справедливого приговора.

Но возвратимся от этих общих соображений и доводов к кровавой расправе, при воспоминании о которой, правда, может содрогнуться сердце, но правосудие — никогда! Слишком привычному к волнениям и столкновениям страстей, ему всегда удается рассеять темноту, которой стараются прикрыть истину, и мы со своей стороны постараемся оказать ему в этом наше посильное содействие.

Краткий биографический очерк подсудимой, в связи с обстоятельствами дела, предшествовавшими преступлению, — насколько они выяснены судебным расследованием — вернее всего объяснит нам, что побудило обвиняемую Марию Левенштейн к покушению на жизнь Михневой.

В 1865 году в небольшой квартире бедного труженического семейства, состоявшего из престарелого мужа и жены и 19-летней дочери, поселился на правах квартиранта такой же бедный молодой человек, только что начинавший торговлю. Небольшая лавочка в Апраксином рынке, с товаром на несколько сотен рублей, послужила началом будущей его весьма обширной торговой деятельности. Описываемая семья была семья Левенштейнов; молодая девушка — Мария Левенштейн; а молодой человек — ныне петербургский 2-й гильдии купец Леон Линевиич, торгующий редкостями и совершающий довольно крупные торговые обороты. Благодаря практической изворотливости, свойственной людям, начавшим свое торговое поприще в качестве мальчишка в лавке, Линевиич, по словам знавших его, всегда лицемерно кроткий и услужливый, вскоре приобрел симпатию стариков Левенштейн и расположение дочери их Марии, на которую обратил свое внимание. Его постоянная заботливость об этой девушке, доходившая до предупреждения малейших ее желаний; рассказы о своей личности, о желании основать собственную семью с намеками, что первенствующая роль в этой семье будет принадлежать ей, Марии, в случае согласия ее соединить свою судьбу с его личной; наконец, сделанное им более категорическое предложение о вступлении в брак — все это не могло не возбудить в бедной молодой девушке, не имевшей притом никакой надежды на более лучшую будущность, первого и глубокого к нему чувства любви и привязанности; а постоянные уверения в честности своих намерений, о которых повторял он даже в сегодняшнем заседании, создали в обвиняемой безусловное к нему доверие.

Иного доверия, по словам подсудимой, она и не могла иметь к Линевиичу ввиду начавшихся даже приготовлений к свадьбе. И в самом деле, припомните,

присяжные заседатели, прочитанное на суде показание свидетельницы Манычаровой, принимавшей самое живейшее участие в семье Левенштейн. С какой радостью подсудимая объявила ей о сделанном Линевицем предложении, показав при этом свое подвенечное платье и упоминая о нанятой уже женихом квартире. Но Линевиц, видимо, преследовал иную цель, которую только прикрывал до известного момента, пока жертва окончательно попадет в искусно расставленные им сети.

Брак откладывался со дня на день под разными ничтожными предложениями: сначала вследствие мнимой необходимости совершить его по обряду римско-католического вероисповедания, чего обвиняемая не ждала, будучи православной, а затем это вымышленное препятствие заменилось другим, столь же нелепым — вроде ожидания каких-то необходимых для бракосочетания бумаг, при уверениях, однако, что брак рано или поздно, но состоится. Время уходило быстро, и отношения не изменялись.

Так прошел год, окончившийся, наконец, известным насилием со стороны Линевица и появлением на свет первого незаконного ребенка. Таким образом, петля, искусно наброшенная на Марию Левенштейн маленьким Фаустом из Апраксина рынка, была затянута, и цель его — сделать из подсудимой только наложницу — достигнута. Положение обвиняемой сделалось безвыходным. Ей предстояли: или дальнейшее тайное, незаконное сожительство с Линевицем, с надеждой на брак, хотя бы в отдаленном будущем, или разрыв, с вечным позором и с незаконным ребенком на руках, без всяких средств к существованию. Иного исхода для подсудимой не существовало, так как лиц, подобных Линевицу, только две вещи могут побудить к исполнению своего долга: деньги, которыми, к сожалению, Мария Левенштейн не располагала, или же угрозы наказания, разумеется, более строгого, нежели какое предусмотрено Уложением о наказаниях за незаконное сожительство неженатого с незамужней. И потому обвиняемая решила с покорностью судьбе и во имя своего ребенка не прекращать связи. Она приняла предложение Линевица и переехала к нему на квартиру. За первым ребенком последовало одиннадцать остальных, таких же незаконных, из коих умерло пятеро и состоит ныне в живых семь. Хотя в течение следующих 18 лет совместного сожительства подсудимая и не переставала настаивать на необходимости брака, но это настаивание имело уже в глазах торжествующего любовника характер последних усилий утопающего, значение последнего проблеска угасающей жизни; обвиняемая медленно и безропотно расставалась с тем, что когда-то давало ей право на честное положение в обществе.

Возможность брака ставилась уже Линевицем в зависимость от такого, растяжимого до бесконечности, события, как совершенное устройство его торговых дел, которые между тем шли прогрессивно благодаря участию и подсудимой. За

безграмотностью Линевица на подсудимую было возложено как счетоводство, так равно и вся переписка с иностранными торговыми фирмами, независимо от других обязанностей по дому, как матери, кормилицы и няньки своих детей. Как понимала она эти последние обязанности и какой была в действительности матерью, свидетельствует прочитанное на суде письмо к ее старшему сыну Михаилу от 10 января 1881 г. Письмо это, заключающее в себе последнюю волю Марии Левенштейн, без всякого при этом расчета, что когда-нибудь с содержанием его ознакомится судебная власть, так как оно написано обвиняемой еще в то время, когда, подавленная горем да незаслуженными упреками Линевица, решила лишиться себя жизни, заслуживает полного вашего внимания и доверия. А между тем одного этого письма достаточно для того, чтобы убедиться в прошлых страданиях подсудимой, а также в том, как угнетала ее совесть за собственное нравственное падение и как старалась она, чтобы все ею испытанное не повторялось в судьбе бедных детей.

Перейдем, однако, к дальнейшим похождениям того, на ком должна лежать вся ответственность перед совестью за прошедшие и настоящие мучения обвиняемой.

Погруженный исключительно в свои торговые операции и сдавши, как я уже заметил, тяжесть семейных обязанностей подсудимой, Линевиц после заграничного путешествия, предпринятого с целью установить, по его словам, торговые сношения с заграничными коммерсантами, пожелал почему-то в 1879 году заняться изучением французского языка. С этой целью и для соединения полезного с приятным он стал искать не преподавателя французского языка, а преподавательницу и вместе с тем приказчицу для своего магазина. Случай не замедлил представиться. В одной из газет явилась публикация с предложением личных услуг, вполне удовлетворявших требуемым условиям. Дочь генерал-майора Элеонора Михнева заявила о желании занять место продавщицы в магазине, присовокупляя при этом, что она свободно владеет французским языком. Линевиц поручил обвиняемой вызвать Михневу, которая после личных с ней переговоров вступила в отправление своих обязанностей.

Прошло с этого момента, господа присяжные заседатели, не более месяца. Линевиц совершенно изменился в обращении не только с обвиняемой, которую не переставал оскорблять незаслуженными упреками и на которую давно уже смотрел, как на существо, его тяготившее, о чем заявлял Михневой, но он изменился даже к детям, жестоко их наказывал за пустые шалости. Собственная квартира Линевица сделалась для него почему-то невыносимой, и он возвращался в нее только поздно ночью. Угадать причину в такой перемене Линевица не трудно, но предоставим ее объяснить Михневой, которая упоминает об этой причине в своем показании, данном у следователя и прочитанном на суде.

В феврале 1879 года, говорит свидетельница и вместе с тем потерпевшая от преступления, она поступила в магазин Линевича и через две или три недели сблизилась с ним настолько, что, заметив его грустное настроение, стала расспрашивать о причине и узнала, что уже пять лет, как жизнь его отравлена, что Левенштейн не жена его и, хотя он имеет от нее много детей, вступление с нею в брак не входит в его расчеты и, наконец, что, не живя с ней со дня рождения последнего ребенка, он ищет теперь друга. На такую исповедь Линевича Михнева рассказала ему и свое не менее романтическое прошлое, не утаивши при этом, что имеет также незаконного ребенка. Приведенных взаимных объяснений показалось, по-видимому, достаточно, чтобы Михнева, поступившая в магазин в феврале, уже в марте того же года вступила с Линевичем в связь, от которой в течение двух последующих лет Линевич подарил обществу еще двух новых незаконных детей.

Вникните, присяжные заседатели, в это показание Михневой, которое я изложил перед вами, сохраняя по возможности даже самую редакцию изложения; и вас, несомненно, должна будет поразить прежде всего необыкновенная, так сказать, шаблонность Линевича в приемах овладеть симпатией новой женщины, в которых повторилась сцена прошлого с обвиняемой. Тут играет роль и выражение лица, на котором необходимо было напечатать душевную грусть и отчаяние; тут — и любящее, нежное сердце, жаждущее сильных ощущений и любви; тут, наконец, и непреодолимые препятствия в виде постылой и неотвязчивой женщины и, в заключение, ложь и обман, хотя несколько иного свойства, нежели те, при помощи которых он оболостьил обвиняемую.

Совращая Марию Левенштейн, он не переставал напевать о браке, как о приманке, не упоминал о существующей связи и незаконных детях. И понятно: он имел дело с невинной девушкой. Что же касается до последней интриги, то она представляла благодатную почву, так как перед ним стояла женщина более опытная. И потому таиться и подавать какие-нибудь надежды на будущее не было оснований; нужно было только польстить самолюбию новой жертвы унижением в ее глазах старой, что и сделано было с успехом. Таким образом, новая чета провозгласила свободу любви без всякого брака и, по словам Михневой, без всякого интереса, в силу одного страстного влечения к Линевичу!

Правда, трудно верить в бескорыстие подобного чувства при взгляде на Линевича, который ни по внешнему своему виду, ни по уму и развитию, в чем вы, присяжные заседатели, могли лично убедиться, далеко не представляется нам таким Адонисом, воспитанным дриадами, перед красотой и умом которого, как гласит мифология, не устояла даже богиня красоты Венера... но, впрочем, о вкусах, говорят, не спорят вообще, а о женских в особенности...

Меня лично поражает в этой новой связи Линевича необыкновенная поспешность, с которой она установилась, а именно в течение трех или четырех недель, а также факт продолжения ее после того, как Михнева узнала, по ее собственному показанию, что Линевич, скрывая свои к ней отношения от обвиняемой Левенштейн, продолжал, вопреки своим уверениям, сожительствовать с подсудимой, вследствие чего она одновременно с Михневой разрешилась от бремени новым ребенком. Быть может, и этот факт не подлежит нравственной оценке, как и вопрос о вкусе? В таком случае я умалчиваю и обращаюсь к описанию душевного состояния подсудимой, от которой так ревниво скрывали свои отношения Линевич с Михневой в течение двух лет.

Уединенная с детьми в своей квартире, со страшными угнетавшими ее подозрениями и опасениями вследствие перемены к ней и детям Линевича, Мария Левенштейн проводила, по ее словам, много длинных и скучных часов и, желая скрыть свое горе от детей, предавалась ему только по ночам, в напрасном ожидании Линевича. В это время она припомнила первый период своего с ним знакомства, семейные радости, ей обещанные, до которых только прикоснулась; счастье, которое от нее убежало; опасения, от которых не могла защититься, и с сжатым сердцем и рыданиями молила Бога указать ей средство для выхода из ужасного и томительного положения. Мысль покончить жизнь самоубийством не покидала ее и к январю 1881 года настолько укрепились, что она решилась уже осуществить свое намерение и предварительно написала те два письма, — из них одно на имя старшего сына Михаила и другое на имя Линевича, с содержанием которых вы уже ознакомились. Но взгляд на несчастных детей, оставшихся сиротами, и притом без имени и без всяких прав, отдалял решимость обвиняемой, которая все еще не подозревала, чтобы между ней и Линевичем стояла другая женщина, и узнала об этом только случайно и вот по какому поводу. На второй день Пасхи 13 апреля 1881 г. опасно заболел ее ребенок, у изголовья которого подсудимая проводила целые дни и ночи, тогда как Линевич утро оставался в магазине, по вечерам уходил гулять, возвращался около полуночи и вообще безучастно относился к положению больного ребенка. Наконец, 28 апреля, за четыре дня до совершения преступления, когда никакие мольбы со стороны обвиняемой остаться при больном ребенке не могли удержать Линевича от намерения уйти из дома, у подсудимой явилось первое подозрение, что прогулки представлялись только предлогом для какого-нибудь свидания. Никем не замеченная, обвиняемая проследила Линевича и обнаружила, что он зашел по Гороховой улице в дом № 55, в котором проживала Михнева. С этой минуты обвиняемой объяснились все поступки Линевича и его полнейшее охлаждение к семье. На другой же день, то есть 29 апреля, в среду, она отправилась к нему в магазин и объявила, что при существовании у него новой семьи им необходимо, очевидно, расстаться, и пото-

му просила отпустить с нею детей. Напрасно Линеви́ч предлагал подсудимой все блага мира с тем, чтобы она оставила детей у него. Мария Левенштейн отклонила его предложения. Тогда последовала просьба отложить окончательное обсуждение и разрешение этого вопроса до субботы, так как ему, Линеви́чу, необходимо, неизвестно — с кем, предварительно посоветоваться. Таким образом, для подсудимой предстояли еще два дня томительного ожидания решения участи своей и своих детей. В каком душевном состоянии находилась в это время подсудимая, свидетельствует Манычарова, к которой обвиняемая явилась внезапно накануне преступления в одном платье и до того была взволнована, что свидетельница поспешила ее отправить на извозчике домой. Настал, наконец, обещанный день. Утром Мария Левенштейн отправилась предварительно с двумя сыновьями в церковь; там в усердной молитве искала она успокоения своим страданиям и просила внушения, как поступить в том случае, когда Линеви́ч не отдаст детей.

В это время в квартире ее обнаружилось событие, в существе ничтожное, но которое, тем не менее, сделалось завязкой будущей драмы. По возвращении домой прислуга сообщила обвиняемой, что железный шкаф Линеви́ча, стоящий в его кабинете, оказался почему-то незапертым, и первое, что бросилось в глаза Марии Левенштейн, был лежавший на видном месте заряженный револьвер. Поспешно спрятав револьвер в карман и накинув тальму, подсудимая отправилась в магазин Линеви́ча за обещанным ответом, с твердой решимостью, если ответ не будет благоприятен, лишиться себя жизни.

И что же! Как встретил ее Линеви́ч: словами ли утешения и любви, которыми когда-то умел так искусно играть и очаровывать и которые одни могли успокоить несчастную женщину, или, по крайней мере, он старался убедить ее разумными доводами в неосновательности ее намерения? Нет! Саркастически отнесся он к положению несчастной, объявивши, что она может идти на все четыре стороны без детей, которых он оставляет при себе.

Как вышла подсудимая из магазина, она не помнит... Чаша страданий переполнилась; нужна была еще одна и последняя капля, чтобы окончательно лишиться подсудимую, приниженную и подавленную горем, самообладания, и эту каплю суждено было влить Михневой.

При возвращении домой, чтобы в последний раз проститься с детьми и затем прекратить навсегда свое бесполезное существование, у обвиняемой, проходившей мимо дома, в котором проживала Михнева, блеснула последняя надежда. «Быть может, — думала она, — эта женщина так же увлечена Линеви́чем, как и я, и не знает о прижитых мною с ним детях, и, после моих с нею объяснений, прекратит всякую связь!» Но предположения и надежды обвиняемой были напрасны: Михнева встретила ее надменно и дальше передней не пустила, объявивши, что ставит себя слишком высоко и не желает, чтобы прислуга слышала их

объяснения. На предложенные ей затем подсудимой вопросы: действительно ли она сошлась с ее мужем и любит ли его, Михнева ответила положительно, присвокупивши, что называть Линеви́ча своим мужем Левенштейн не имеет никакого права, и далее, что любит Линеви́ча страстно и бескорыстно, не так, как она, Левенштейн. Какой ответ мог и действительно последовал со стороны обвиняемой на эти новые и неожиданные оскорбления, вам, присяжные заседатели, известно...

Жажда мщения моментально вспыхнула в подсудимой и слилась с самим исполнением. Тут не было никакой предумышленности, в которой обвиняют Марию Левенштейн, это был один внезапный умысел, в котором намерение, решимость и исполнение почти совпали. Преступная мысль блеснула, была тотчас же усвоена и мгновенно осуществлена.

Отсутствие, таким образом, как нравственных, так и юридических оснований к признанию действий обвиняемой предумышленными станет для вас еще более очевидным, если вы примете в соображение те условия, наличность которых требуется и действующими законами для подобного рода квалификации каждого отдельного преступления.

Упомянутые условия, при которых всякое запрещаемое законом деяние выходит из сферы неосторожных и становится преднамеренным, заключаются, с одной стороны, в доказанном умысле на это деяние, причем проявление такого умысла, согласно указаниям закона (статья 6–10 Уложения о наказаниях), может выразиться в письменных или словесных угрозах совершить известное преступление, а с другой — в сознательном желании или намерении достигнуть заранее определенных последствий, присущих задуманному преступлению, приисканием и приобретением средств, необходимых для совершения именно данного преступления.

Отсюда ясно, что точное определение намеренности всякого преступления обуславливается полнейшей гармонией во всех действиях обвиняемого, то есть необходимо, чтобы действия эти следовали одно за другим в том порядке, какой соответствует умыслу и намерению.

Постараемся пояснить нашу мысль примером. Если лицо А., желая из мести или по какой-либо иной причине, поджечь здание, принадлежащее лицу Б., сначала об этом ему угрожает словесно или письменно, а затем несколько времени спустя покупает паклю и керосин и совершает поджог, то правосудие, несомненно, будет иметь перед собой в таком деле предумышленное преступление, то есть деяние, заранее и сознательно обдуманное как по отношению к цели, так и его последствиям.

Однако простое сопоставление приведенных мною доводов и соображений, определяющих понятие предумышленности преступления, с действиями обвиня-

емой Левенштейн, которая, как выяснилось по делу, имела скорее намерение лишить жизни себя, а не Михневу, и с этой целью воспользовалась револьвером, найденным в шкафу Линевича и случайно оказавшимся при ней во время объяснений с Михневой, — все эти действия подсудимой, по моему личному убеждению, исключительно говорят в пользу бессознательного совершения ею известного преступления, вызванного жестокими и незаслуженными оскорблениями со стороны Линевича, а затем — самой Михневой, разбившей навсегда всю ее семейную жизнь...

Итак, господа присяжные заседатели, вам известны все обстоятельства дела, другими словами, вы ознакомились со средствами и целью защиты. Речь моя подходит к концу... Да позволено мне будет закончить ее вопросом: кого же вам приходится осуждать по настоящему делу, при условиях, только что мной описанных? Ту, которая из трех действующих лиц менее виновна и которую можно только упрекнуть в сильной и бескорыстной привязанности, в желании основать свою, хотя и незаконную, семью, свой домашний очаг, служить для детей, не признаваемых законом, примером, одним словом, — в желании всего того, что предписывается Божескими и человеческими законами?

Но я глубоко убежден, что между вами не найдется ни одного человека, который после всего слышанного и виденного здесь, на суде, решился бы бросить камнем в подсудимую: «Она много любила и многое простится ей!»

И в самом деле, обвиняемая достаточно наказана за свое увлечение, будучи лишена одновременно чести, надежды, а следовательно, и будущности! Но при такой утрате всего, что уже для нее невосвратимо, я полагаю, она вправе ожидать от вас, присяжные заседатели, хотя бы того, что еще во власти вашей, а именно — возвращения отсюда к своим детям, которые еще нуждаются в ее попечении...

Подобным приговором своим вы, несомненно, создадите принципиально такую нравственную силу, перед которой должны будут преклоняться все линевичи, признающие за собой право безнаказанно бесчестить и покидать на произвол судьбы увлекаемых ими женщин!

Упомянув о Линевиче, невольно приходит на память замечание одного знаменитого французского мыслителя XVII столетия (Фонтенеля): «Надо, — говорит он, — прежде всего исчерпать заблуждения, чтобы дойти до истины». Кто может отрицать, что ввиду вашего будущего, с нетерпением ожидаемого приговора эту истину постигнет и сам Линевич и что связь с Михневой будет его последним заблуждением, после которого он не замедлит огласить свой брак с подсудимой и тем, хотя отчасти, загладит прошлый поступок, которому, к сожалению, как уже я заметил, отведено в нашем Уложении о наказаниях слишком скромное место...

Холев Н.И.

«Речь в защиту Максименко»

Господа присяжные заседатели! Уголовное дело, о котором вы призваны сказать ваше авторитетное, решающее слово — на этот раз, вероятно, последнее, — бесспорно, представляется редким, исключительным и выдающимся в судебных летописях последнего десятилетия. Помимо свойства самого преступления и бытовой обстановки события, особенности этого дела — в процессуальной стороне его, во внешней судьбе дела.

Обойдя несколько судебных инстанций, оно стало предметом обсуждения и споров и в обществе, и в печати: появлялись газетные и журнальные статьи, фельетоны, драмы, до неузнаваемости искаженные отчеты. Нет ничего хуже для правосудия, когда судебному решению дела предшествует обсуждение его мнением общественным, которое, незаслуженно нося эту громкую кличку, сводится у нас обыкновенно к мнению отдельных лиц. Эти самозванные судьи, стоящие за тридевять земель от дела, не знающие его подробностей, а зачастую — и самой его сути, сплошь и рядом бывают крайне опрометчивы и ошибочны в своих поспешных заключениях, которые между тем нередко остаются, к сожалению, не без влияния и на настоящих судей. Первая моя просьба поэтому к вам — исключить всякую предвзятость, изгнать из вашей памяти все, что пришлось вам об этом деле читать или слышать, что узвано вами извне, и предстоящий приговор ваш основать, согласно закону и присяге, лишь на том, что сами вы видели и слышали здесь на суде.

Другая редкая черта этого дела — некоторая особенность его с процессуальной стороны. По общему закону всех государств и нашего, преступления судятся по месту их совершения.

Законодатель, устанавливая это правило в статье 208 Устава уголовного судопроизводства, имел в виду, во-первых, дать подсудимому его, так сказать, суд естественный — суд сограждан; во-вторых — близость жительства свидетелей, обеспечивающую личную явку их на суд. Закон местной подсудности служит краеугольным камнем, опорой принципа, положенного в основу нового процесса: устность и непосредственность производства. Кто хотя один раз был в суде, тому известны значение и преимущества этого начала устности. Судье оно дает непосредственное впечатление от свидетеля, поставленного с ним лицом к лицу и потому оцениваемого во всей его индивидуальности; самого свидетеля, допрашиваемого в торжественной обстановке гласного, публичного суда, после клятвенного обещания говорить правду, оно обязывает к большой добросовестности, обдуманности и точности показании, нередко облакаемых, по неумелости или пристрастию, в неправильную письменную форму; перекрестный допрос

сторонами завершает преимущества этого начала, устраняя и примиряя противоречия, если они только кажущиеся, обнажая и облегчая их, если источник их — неправда.

Наконец, значение устности отражается еще в следующем; если по законной причине не явились на суд уже допрошенные на следствии свидетели, показания их могут быть прочитаны, если же не явились свидетели новые, следователем не допрошенные, — материал этот, нередко весьма ценный, пропадает для дела безвозвратно.

Все невыгоды разбирательства настоящего дела в чужом суде целиком отразились на подсудимых, на их защите. Значительная часть свидетелей обвинения не явилась, и, покорно выслушивая их письменные показания, мы лишены могущественного средства критики и борьбы — непосредственного их допроса. Не явилось подавляющее большинство и свидетелей новых, показаний которых в следственном производстве не имеется вовсе. Ко всем этим невыгодам подсудимых присоединилось еще выступление в качестве обвинителя члена прокурорского надзора не окружного суда, а инстанции высшей — судебной палаты, и притом такого, который известен как один из сильнейших и искуснейших русских обвинителей.

Таково наше положение. Взвесьте все эти условия настоящего судебного разбирательства, отбросьте предубеждение, будьте снисходительны к слабости защиты и, когда нужно, сами придите на помощь подсудимым! Опрос, ожидающий вашего разрешения, состоит из двух частей: 1) доказан ли факт преступления и 2) доказано ли совершение этого преступления наличными подсудимыми.

Установление факта преступления — необходимое предположение обвинения, отправной его пункт. Как о подлоге не может быть речи, если документ или подпись подлинны; как неуместно рассуждать об убийстве, раз предполагаемая жертва находится в живых, так нельзя обвинять в отравлении, если причина смерти не отравка; поэтому вам предстоит все внимание ваше сосредоточить сначала на вопросе о причине смерти. И только тогда, если вы признаете доказанным, что смерть произошла от отравления, вы перейдете к разрешению вопросов последующих: о совершении этого признанного вами преступления подсудимыми, об их виновности. Вопрос о факте — вопрос безличный и вполне самостоятельный; поэтому к материалу для его разрешения должен быть особый, самостоятельный. Если позволено мне будет указать наиболее рациональный метод исследования, я просил бы вас совершенно разграничить эти два вопроса — о причине смерти и о виновности подсудимых в отравлении — и, обсуждая их отдельно, доказательства отравления не считать уликами виновности, не распространять на причину смерти. Глубоко забирающим плугом нужно провести

резкую борозду на нашем судебном поле. Смешение предметов, средств и способов исследования не должно быть допускаемо как угрожающее крупными и опасными ошибками. Положим, виновность лица кажется не возбуждающей никаких сомнений, но от нее нельзя, без особой тщательной проверки, переходить к признанию сомнительного еще факта преступления. Во всех судах сознание подсудимого всегда считалось главнейшим и наилучшим доказательством, но, как это ни странно, даже из сознания подсудимого заключать прямо о самом событии преступления было бы нередко крайне ошибочной поспешностью. Римский юрист Ульпиан повествует о рабе, который, изнемогая от жестокостей своего господина, вымышленно заявляет судье о совершении тяжкого преступления; случаи такого напрасного самообвинения крепостными крестьянами известны и русской рабовладельческой старине; осужденный каторжник взводит на себя обвинение в несуществующем преступлении с целью, продлив свое пребывание в тюрьме, отсрочить каторгу и т. п. Вот почему, сколь бы убедительными ни казались доказательства виновности, ум и совесть судьи не могут обойти первый, основной, прелиминарный вопрос: совершилось ли самое преступление? К этому предмету я теперь и перехожу.

В этой области нашего исследования только два совершенно бесспорных положения: что у Максименко был тиф и что Максименко умер. Вне этих положений — широкое поле разноречий и спора. Главнейший вопрос: выздоровел ли Максименко к 18 октября — разрешается различно даже в одном и том же обвинительном акте, в начале которого говорится, что «весь день 18 октября Н. Максименко имел вид совершенно здорового, веселого и бодрого человека», а в конце: «в день происшествия Максименко не мог еще действовать самостоятельно и находился на попечении окружающих его лиц; он, хотя и встал уже с постели, но передвигался только при помощи других...». Правда, Португалов категорически заявляет, что Максименко был совершенно здоров, но уже профессор Патенко остроумно отметил разницу между действительным выздоровлением и тем, что больной преждевременно был признан выздоровевшим. Чтобы окончательно разрешить вопрос о состоянии здоровья Максименко днем 18 октября, я представлю вам краткий, но точный скорбный лист его. Заболев в последних числах сентября брюшным тифом, Максименко был перевезен женой из Калача в Ростов 3 октября и с того же дня стал пользоваться медицинской помощью Португалова. Доктор Лешкевич, посетивший больного 7 октября, нашел у него сыпь, которая обыкновенно бывает в начале второй недели течения тифа, исчезающая на третьей, и потому подтверждает указанный мной момент начала болезни — после 25 сентября. По словам Португалова, около 10 октября температура тела Максименко была нормальна, и ему предписано было оставаться в постели три-четыре дня, после чего он будто уже расхаживал по комнате. Но нам извест-

но, что в числе симптомов брюшного тифа лихорадка занимает господствующее положение и что температура падает до нормы не ранее четвертой недели; 10 же числа истекла только вторая неделя. Это — априорное, научное опровержение указаний Португалова, но есть и фактическое: больного видели еще в постели Безклубов и Антонин Максименко 15 октября, Егор Дубровин — 16, Леонтьев — 18; прислуга же (Бурыкова и Гребенькова) с положительностью утверждает, что Максименко встал с постели в первый раз 18 октября, то есть в конце третьей недели течения брюшного тифа, то есть в периоде полного его развития, что подтверждает и вскрытие.

Это первое вскрытие вызвало к себе такое подозрительное отношение обвинительной власти, что я считаю долгом остановиться на двух вопросах, правильный ответ на которые должен возратить доверие к этому судебно-медицинскому акту: кем произведено это вскрытие и как оно произведено. Распоряжение о вскрытии трупа Максименко исходило от полицмейстера; врач тюремной больницы Красса, как и всегда, заменял собой городского врача Панова, оба почтенных и опытных врача — Лешкевич и Моргулис — присутствовали при этом вскрытии вместе с полицейским чиновником и понатыми. Итак, это был официально назначенный и официально исполненный акт, при котором Красса действовал по должности. Попытка аттестовать это вскрытие как крайне поверхностное, необстоятельное и потому не заслуживающее доверия оказывается неудачной при рассмотрении предписанных Уставом судебной медицины для производства вскрытия правил. Самый же протокол вскрытия, с достаточной подробностью описывающий состояние всех органов, и по содержанию своему и по форме представляется документом вполне достоверным. Как бессменный почти судебный врач Ростова, производящий ежегодно более 120 вскрытий и являющийся постоянным сотрудником судебного ведомства, Красса вряд ли заслуживает нарекания или недоверия по поводу отказа его исполнить желание Португалова — произвести выемку внутренностей. Крассу дано было специальное поручение — выяснить причину смерти Н. Максименко; все врачи единодушно признали ее последствием тифа — поэтому задача Крассы была исполнена. Распоряжаться трупом, вынуть внутренности, дать их Португалову Красса не имел ни права, ни основания: по закону (статья 1839 Устава судебной медицины) «...подозрение об отравлении быть может, когда здоровый человек по употреблении какой-либо пищи, питья... умрет». В настоящем случае скончался человек не здоровый, а три недели хворавший тифом; наконец, и сам Португалов не высказывал никаких подозрений, ограничиваясь замечанием, что ему «смерть не ясна». Но для трех врачей смерть была ясна, и причину ее в трупе они прочитали, как в книге, и если читатель отзывается о книге, что она темна, непонятна, то ведь большой еще вопрос: виновата ли в этом книга... А картина полного развития тифозного процес-

са была настолько разительна, что Лешкевич воскликнул: «Да это классический тиф!» И действительно — характеристика эта была вполне правильна: достаточно упомянуть об увеличенной в 2 1/2 раза селезенке, какой она бывает только на вершине болезни, и о сильном изъязвлении кишечника специально тифозного характера. Итак, в ночь на 19 октября в доме Дубровиной скончался не здоровый человек, а тифозно-больной.

Отчего же умер Максименко? Обвинение утверждает: Максименко был отравлен мышьяком. Посмотрим, находит ли гипотеза отравления подтверждение себе в прижизненных симптомах и в посмертных явлениях у Максименко.

Больному стало дурно в восьмом часу вечера; что же наблюдал явившийся около восьми часов доктор Португалов? Рвоту, боль в животе, частый, напряженный, до 120 ударов, пульс, слабость, холодный пот. Да разве это картина отравления мышьяком? Ведь и сам Португалов не заподозрил отравления, иначе он дал бы должное противоядие, не ограничиваясь такими невинными средствами, как касторовое масло и миндальная эмульсия, иначе он не покинул бы больного. По учению медицинской науки, острое отравление мышьяком выражается при жизни упорной рвотой, неутолимой жаждой, чувством жжения в зеве и пищеводе, сильнейшими болями в животе, поносом с испражнениями кровянистыми или похожими на рисовый отвар (как при холере), судорогами, чувством ползания мурашек и т. д. По закону предсмертные припадки, указывающие на отравление острыми ядами: мышьяком, сулемой и т. п., суть следующие: жжение и стягивание во рту, на языке, в пищеводе, в желудке и кишках, чрезвычайно сильные боли в органах пищеварения, непрерывная тошнота, рвота, нередко кровавая, кровавый понос, почти незаметный пульс, неутолимая жажда, конвульсии и прочее. Оказывается, что признаков отравления мышьяком у Максименко не было. В самом деле, из всех перечисленных симптомов Португалов наблюдал одну только рвоту с болью в желудке; но рвота, почти всегда сопровождаемая болями в желудке, случается очень часто от самых разнообразных причин и сама по себе не служит признаком отравления. При этом не следует забывать показаний некоторых свидетелей и особенно ценное между ними — Лешкевича, по словам которого 7 октября больной жаловался ему на постоянную и упорную рвоту, вызываемую даже приемом лекарства или глотком воды, и что, по утверждению клиницистов, рвота при брюшном тифе есть спутник высокого поражения кишечника. Холодный пот, бледность — обыкновенный результат слабости, вызванной тошнотой и рвотными движениями. Жажда должна быть сильная, неутолимая; известно, как в поисках воды для утоления жажды отравленные крысы бегут из подполья к реке, к воде — сравнение не изысканное, но верно дающее представление о силе жажды. А кто нам говорит о жажде больного? Пульс, который при отравлении должен быть слабым, нитевидным (Гофман), незаметным, почти

неощутимым (Тардые), Португаловым был найден частым, напряженным, свыше 120 в минуту, какой, напротив, служит явно угрожающим признаком опасного осложнения тифа (Нимейер, Штрюмпель, Цимсен). Правда, эксперт Португалов обращал особое ваше внимание на какую-то «тоску», которую будто бы заметил на лице больного Португалов и о которой эксперт принимался говорить два раза. Сколько помню, в показании Португалова об этой пресловутой «тоске» не говорится ни слова. Но что же, спрашивается, могло выражать лицо больного, мучимого рвотой, что ожидал увидеть на нем почтенный эксперт, страдание или удовольствие, радость?

Наиболее характерные посмертные явления при отравлении мышьяком таковы: слизистая оболочка желудка показывает признаки сильнейшего воспаления, выражаемого пятнистой или полосатой темной краснотой; кишечник наполнен жидкостью, похожей на рисовый отвар; рот, зев, пищевода, желудок воспалены; печень желтоватая, матово-бронзовая; кровь густая, черная; острое жировое перерождение печени и почек и т. д. Ничего подобного при вскрытии трупа Максимиенко не найдено. Не останавливаясь на подробностях, коснусь признаков наиболее существенных. Как удостоверяют врачи Красса и Лешкевич, слизистая оболочка желудка была совершенно бледная и чистая, без капли слизи; в кишках найдено было «свойственное им содержимое», как гласит акт вскрытия, поясненный здесь врачами в том смысле, что кал был темно-желтый, полугустой и вовсе не похожий на рисовый отвар. Кровь была жидкая, не свернувшаяся. Остается еще сказать два слова о большой круглой язве у выхода желудка, которой на предварительном следствии придавалось такое большое значение. По словам врачей Лешкевича и Крассы, язва эта, сухая, с крепко приставшим к ней свертком, была происхождения давнего и свойства тифозного, какие изредка наблюдаются в двенадцатиперстной кишке и, даже в выходе желудка (Гризингер, Нимейер, Жакку); «кровотечением из этой большой язвы и должны быть объяснены явления рвоты у Максимиенко, как во все время его болезни, так и в ночь смерти». Правда, здесь, на суде, мнения экспертов о свойстве этой язвы разделились: Беллин признал ее за круглую язву желудка как самостоятельное болезненное явление; профессор же Патенко считает ее, безусловно, тифозной, но усиленно развившейся вследствие продолжительного нарушения диеты. Может быть, ученый спор этот и очень интересен, но для наших судебных целей важно одно: каково бы ни было происхождение и свойство этой язвы, она, по согласному заключению экспертов, — не результат отравления и никакого сродства с мышьяком не имеет.

Экспертизой по настоящему делу высказано три мнения: профессор Лагермарк, обсуждая химические анализы, признал поступление мышьяка в тело прижизненным. Помня, что Лагермарк — профессор химии, приглашенный для экс-

пертизы только судебно-химической, я считаю себя вправе совершенно игнорировать заключения его, выходящие за пределы и его специальности, и его роли в этом процессе. Беллин заявил нам, что абсолютных, вполне точных данных для признания по ним отравления мышьяком следствие не дало; что он не может отвергать отравления, как весьма вероятного, но что равным образом он не может также исключить возможности смерти от тифа, так как, не будь разительных результатов химического анализа, при наличии обнаруженных у Максимиенко прижизненных припадков и анатомических данных пришлось бы констатировать смерть от тифа. При этом Беллин упомянул о такой форме отравления мышьяком, которая не оставляет ровно никаких патологоанатомических изменений. Я полагаю, что в различных случаях отравления те или другие признаки могут присутствовать или отсутствовать, но чтобы отсутствовали решительно все признаки и не осталось бы ни единого — вряд ли науке известна такая удивительная форма! О такой форме нельзя говорить в настоящем случае тем более, что мышьяк, введенный в желудок уже истощенного тифом организма, вдобавок — в громадной дозе, произвел бы там страшное разрушительное действие: он равносителен был бы маслу, влитому в огонь. Раздражение ядом больной уже слизистой оболочки было бы страшное, а потому и признаки отравления неминуемо выступили бы резче и рельефнее.

Экспертиза профессора Патенко бросила новый и яркий свет на это злополучное дело. Она сводится к следующим ясным и категорическим положениям: 1) Максимиенко умер от паралича сердца в самом начале выздоровления от брюшного тифа; 2) паралич сердца произошел вторично, вследствие грубого нарушения диетических правил как во время болезни, так и в день мнимого выздоровления; 3) никаких признаков отравления нет и 4) найденный в трупе мышьяк попал в него после смерти.

Итак, 18 октября Н. Максимиенко был еще в самом начале выздоровления, и смерть его произошла от грубого нарушения диеты. А период выздоровления ограничивается не несколькими днями. «После тяжелых тифов, — говорит Цимсен, — надо дать пройти промежутку в три-четыре недели, прежде чем позволить встать». Другая черта реконвалесценции, кроме ее продолжительности, — крайняя ее обманчивость. «Период выздоровления есть в то же время и период последовательных болезней, которые убивают многих больных, отделавшихся от настоящей болезни» (Либермейстер). Брюшной тиф — болезнь, более всех других издевающаяся над пророчеством врача, что создало даже известный медицинский парадокс: «Полагайся на безнадежных, бойся благоприятных». Болезнь окончилась, но организм действием яда и тяжелой, продолжительной лихорадкой потрясен и расстроен во всех своих частях. Ослабленная мускулатура сердца не восстанавливается еще и через месяц. Весь организм как бы обновляется,

перерождается; выздоравливающий, как выразился один из наших экспертов, как бы ребенок, только что начинающий жить. Вот на страже этой возрождающейся жизни и должна стоять самая строгая, самая педантичная диета — не диета в одной только пище, а диета, охватывающая весь режим больного, распространяющаяся на все его время, все его действия. И преждевременное вставание, и раннее принятие твердой пищи, и хождение, чтение и вообще телесные и умственные напряжения — все составляет серьезную опасность для выздоравливающего. Необходимы строгая осторожность, полный покой тела и души. А нарушение диеты тем легче, что субъективное чувство благосостояния у больного находится в это время в решительном несоответствии с размерами его мускульной и нервной силы: он меньше может, чем хочет; он в меньшем нуждается, чем полагает.

Если вообще нарушение выздоравливающими диеты встречается сплошь и рядом, то в среде, к которой принадлежал покойный, которой всякие медико-гигиенические сведения совершенно чужды, оно представляется явлением совершенно заурядным. Самочувствие больного — там единственный указатель; «душа меру знает» — единственное правило. По мнению профессора Патенко, диета не соблюдалась во все время течения болезни. В день же выздоровления появляются чай с вареньем, икра со сладким пирогом, кофе с халвой и т. п. — и все это, вероятно, не в меру, ибо известно, что у перенесших брюшной тиф появляется аппетит почти ненасытный. Вдобавок, в первый раз только встав с постели, Максименко одевается и идет к соседу в гости, откуда его приводят под руки и снова укладывают в постель. В этот же день больной жалуется Дмитрию, что у него отекают ноги, а это — один из признаков сердечной слабости, резко обозначившейся вечером в частом, напряженном, свыше 120 ударов, пульсе.

Погрешность в диете общей обусловила ослабление сердца; погрешность в диете пищевой — вызвала кровоизлияние из большей язвы желудка; кровотечение — тошноту и рвоту; а продолжительными рвотными движениями были раздражены окончательные ветви симпатического и блуждающего нервов, и таким путем произошла окончательная остановка больного, расслабленного сердца.

Однако в трупе Максименко найден в значительной дозе мышьяк! Когда и как он попал туда? Профессор Патенко утверждает, что после смерти; защита еще на судебном следствии пыталась разъяснить, почему и как мышьяк оказался в трупе, тщетно ожидая ответа: Куда же девалась сулема? Профессор Патенко все это назвал «странным фактом», а прокурор — даже мифом. Будем, однако, терпеливы, и, быть может, факт перестанет казаться «странным», а «мифу» мы найдем и реальное обоснование. Здесь мы сталкиваемся с химической экспертизой, о значении которой я скажу несколько слов.

Химическое исследование в арсенале обвинения служит центром, откуда все исходит и куда все возвращается. На него опираются и от него получают силу все улики; под его давлением находятся свидетели; от него не могла вполне отрешиться даже экспертиза медицинская. Химические анализы Роллера считаются здесь всеми самым точным и серьезным материалом. Мне все-таки кажется, что их чересчур уже расхвалили; мне кажется, что при этих похвалах искусству провизора Роллера забыто было одно маленькое обстоятельство: что при проверке составленных им актов химического исследования поневоле приходилось исходить из полного доверия к фармацевту, из предположения, что его протоколы — точнее изложение всего последовательного хода исследования. Контроль, таким образом, оказывается только бумажным, узкоформальным. Неужели уже одно простое соображение, что далеко не всегда протоколы отвечают требованиям точности и правильности, не должно охладить этого слепого доверия к актам Роллера? Каковы же эти три акта химического исследования, обнаружившего присутствие мышьяка во внутренностях Максименко, какова степень их достоверности и убедительности?

Провизор Роллер, являющийся автором этих трёх актов, удостоверяет в них, что при производстве анализа он руководствовался «Наставлением для судебно-химического исследования ядов» профессора Траппа. Посмотрим, в какой мере это Наставление удостоено было внимания Роллера. Профессор Трапп, составивший свое Наставление по поручению медицинского совета, согласно статье 1850 Устава судебной медицины, для руководства фармацевтам при судебно-химических исследованиях, прежде всего требует, чтобы «протокол был составлен совершенно согласно с ходом самого исследования и с полученными результатами, отчетливо, последовательно, ясно и удобопонятно. В протоколе не следует ограничиваться только упоминанием о каком-либо известном способе, по которому производилось исследование, а необходимо непременно описывать предпринятый экспертом способ исследования, подробно указывая на употребленные им реактивы, которые доказывают или отрицают присутствие ядовитого вещества в данном случае». Такое требование совершенно понятно: протокол — это, так сказать, фотография события или исследования; читая его, вы как бы лично присутствуете при исследовании и следите за последовательным его ходом.

Каков же первый составленный Роллером акт 31 октября 1888 г.? В нем содержится удостоверение, что при химическом исследовании внутренностей Максименко открыт в значительном количестве сильнодействующий минеральный яд — мышьяк — и только. Как производилось исследование, какие употреблялись приборы и реактивы, из каких органов добыт мышьяк, каково его количество — ответа на эти вопросы у Роллера не ищите.

Что такое «значительное количество» — для нас непонятно. Понятия: «мало», «много», «значительное количество» — весьма относительны, и ими нередко злоупотребляют; подобные выражения неуместны в науке, требующей цифр, определений количественных. Присутствию же зеркального налета в восстановительной трубочке нельзя придавать значения потому, что он часто получается при употреблении Маршева прибора, по той причине, что служащие для получения водорода серная кислота и цинк, находящиеся в торговле под названием «химически чистых», всегда содержат в себе более или менее приметное количество мышьяка. Далее, из этого акта не видно, сколько времени продолжалось исследование: в нем имеется лишь одна дата 31 октября 1888 г.

Перехожу ко второму химическому анализу, в актах которого также нет указаний на продолжительность его производства. Почему и для чего он был принят? По требованию подсудимой, для проверки первого анализа, который она признавала неправильным. При этом Максименко проезда о поручении исследования другому фармацевту и об отсылке внутренностей для нового анализа в медицинский департамент. Была ли законна такая просьба? По статье 334 Устава уголовного судопроизводства, в случае сомнения в правильности заключения сведущих людей, требуется заключение от других сведущих людей или же самый предмет исследования отправляется в высшее специальное установление. Итак, требование подсудимой опиралось на ясный, буквальный смысл закона. Что же предприняла следственная власть? Поверочная экспертиза поручена была тому же Роллеру, который, таким образом, проверял самого себя, собственные свои действия, и с самим собой оказался в трогательном согласии. Вот какова была проверка! Правда, новые акты исследования также подписаны членами врачебного отделения и аптекарем. Но мы знаем, что на практике такой надзор и такая ассистенция совершенно фиктивны; поэтому и скрепление их подписями составленных Роллером актов не усиливает нашего к ним доверия. Далее, насколько тщательно и точно производилось взвешивание внутренностей, подвергнутых исследованию? Из сопоставления протоколов 31 октября 1888 г. и 21 марта 1889 г. оказывается, что из 13 1/2 унции внутренностей, герметически закупоренных в стеклянных банках, неизвестно, куда исчезло 6 драхм, то есть почти 15 процентов. А так как столь значительной убыли произойти в 4 1/2 месяца не могло, то ее остается объяснить лишь крайней небрежностью взвешивания.

Если к критическим замечаниям этим прибавить, что требование прокурорского надзора, в свою очередь вызванное настойчивыми просьбами обвиняемой о производстве обстоятельного поверочного химического исследования, заключало в себе косвенное осуждение незаконно составленного первого акта, то станет совершенно попятным, что при составлении протоколов последую-

щих анализов провизор с буквальной уже точностью выполнил установленную форму...

Теперь обратимся к «мифу» — к сулеме. Показаниями Крассы, Лешкевича и Моргулиса, помощника пристава Англиченкова и Пузанова установлено, что при вскрытии трупа употреблялась как обеззараживающее средство сулема в растворе 10 гранов на 2 1/2 стакана воды; отпуск этой дозы сулемы удостоверяет и приобщенный к делу рецепт. Красса, боясь заражения тифозным ядом, брал внутренности руками, смоченными раствором сулемы, смывал над трупом вырезанный кусок кишки и даже мыл над трупом же руки и инструменты, поливая прямо из склянки. При этом употреблен был почти весь раствор без остатка; вся эта жидкость попала в труп. Однако ни в одном из трех актов химического исследования мы не находим никакого указания на сулему. Фармацевт Роллер объяснил нам, что сулема осаждается из кислых растворов при насыщении сернистым водородом в виде черного осадка, состоящего из сернистой ртути. «Если бы сулема содержалась во внутренностях Максименко, то она должна была бы выделиться при насыщении в виде черного осадка, но этого в данном случае не получилось, и если бы в полученном налете была сулема, то она бы осталась не растворенной на фильтре в виде черного осадка сернистой ртути». Отрицать присутствие ртути категоричнее, кажется, невозможно.

Препараты ртути, к числу которых принадлежит и сулема, относятся к числу химических реагентов, которые можно найти в органах и тканях в самом ничтожном количестве. Такая особенность ртутных препаратов послужила даже причиной употребления их при некоторых экспериментах, произведенных с научной целью. Так, с целью выяснить переход составных частей из крови матери в кровь плода, в кровь матери (кролик) вводились ртутные препараты — и в органах плода ртуть отыскивалась химическим путем (этот опыт впервые произведен был в Медицинской академии профессором Бородиным). Предел чувствительности реакции при отыскании мышьяка, по словам профессора Патенко, — 1 миллиграмм, по утверждению профессора Лагермарка, — 1/60 грана. Беру последний предел: значит, присутствие уже 1/60 грана может быть обнаружено химическим анализом. В нашем случае количество ртути (10 гран) превышало этот предел чувствительности реакции в 600 раз, и все-таки присутствие в трупе сулемы ни разу не открыто.

Что же это значит?

Прокурор, пытаясь парализовать этот неотразимый довод о сулеме, выставил три положения, должностящие объяснить причину необнаружения сулемы: 1) жидкость не всасывается трупом, 2) раствор сулемы мог вылиться и 3) если бы мышьяк поступил не в живой еще организм, а в труп, его присутствие обнаружилось бы только в брюшной полости. Но шаткость этих положений

ний очевидна. Тело, состоящее из клеточек и пор, есть своего рода губка, хотя и с микроскопической ноздреватостью. Если вооружиться увеличительным стеклом — не тем фигуральным, о котором говорил прокурор, а настоящим, оптическим, — то не трудно убедиться, что ткань нашего тела представляется не непроницаемой, а скваживной. Даже твердые тела (дерево, камень) могут проникаться жидкостью. Тем легче впитывание, просачивание жидкости в ткань трупа, вдобавок истощенного недугом и подвергшегося уже гниению. Для такого явления пропитывания тканей мертвого тела наука знает даже особый термин — имбибиция. Еще Орфила указал, что некоторые яды способны пропитывать все органы. Реэзе подтвердил это положение относительно всех без исключения ядов, признав, что оно делает очень трудным определение того, когда введен яд — при жизни или по смерти. На этом пропитывании основано приготовление консервов. Этот же закон выражается и в искусстве бальзамирования, сохранившем трупы умерших 2000 с лишком лет назад (египетские мумии). При бальзамировании яд впрыскивается только в крупные сосуды — казалось бы, что должна сохраниться только их оболочка; однако не гниет весь труп, потому что из крупных сосудов яд проникает всюду. Выемка же органов Максименко последовала не ранее, как через два часа после первого вскрытия, когда в труп влита была жидкость, которая за это время и могла пропитать взятые для первого анализа органы.

Могла ли сулема вылиться из трупа? По показанию Крассы, Пузанова и Бесклубова, труп при одевании не поворачивали на грудь. Жидкости было влито не более 2 1/2 стаканов — количество, которое могло разместиться внутри брюшной и грудной полостей самым тонким слоем; притом разрезанные части органов, имеющие форму трубок, карманов (вскрытые кишки, бронхи, желудок, кровеносные сосуды), могли поглотить жидкость в свои полости; наконец, не выбирались из трупа губкой ни кровь, ни жидкость.

Итак, жидкость раствора оставалась в трупе: она не могла оттуда вылиться. Этот вывод подкрепляется еще законами химическими и физическими. По началам химии, ртуть при соединении с белковым веществом тела образует химическое соединение — альбуминат, и уже в этом виде, выделившись из водного раствора, исчезнуть или вытечь не может: по тяжести, она плотно прилегает к органам. Закон физический — фильтрация: если налить жидкость на пропускающую воду ткань, вода, освобожденная от плавающих в ней мелких частиц, проходит чистой, а твердые частицы остаются поверх фильтрующего слоя. Таким фильтром для раствора сулемы были бы органы трупа.

Наконец, третье выражение, по-видимому, самое сильное: почему же мышьяк, если он введен в тело Максименко после смерти, обнаружен не только в органах, куда он был влит (желудок, кишки), но и в органах, куда он мог быть

принесен только кровью (то есть при жизни)? Во-первых, Красса вынимал руками, смоченными раствором, все органы; во-вторых, с разрезом грудобрюшной преграды жидкость должна была перелиться из брюшной полости и в грудную; в-третьих, химический анализ, во все три раза, произведен таким образом, что вопрос: откуда, из какого же именно органа извлечен яд остается совершенно не разрешимым. В самом деле при первом и втором (поверочном) анализах все органы (желудок, кишки, печень и селезенка) были смешаны и исследовались совместно. При третьем анализе органы, куда яд, поступает через желудок (тонкие и толстые кишки), были исследованы отдельно от органов, в которые яд поступает через кровь (легкие, сердце, печень, почки и селезенка). Прием исследования здесь был употреблен более точный и совершенный, чем при первых двух, когда все органы исследовались вместе; но, к сожалению, и этот третий анализ не имеет никакой научной ценности. И вот почему: были смешаны органы двух различных полостей — органы брюшной полости (печень, селезенка, почка) подвергались химическому исследованию совместно с органами полости грудной (легкие, сердце). А в брюшную полость, несомненно, налит был раствор сулемы. Спрашивается: есть ли какая-нибудь разумная возможность определить, из каких же именно органов извлечен яд, раз органы были смешаны, причем некоторых из них коснулась подозрительная жидкость? Вот каковы хваленые анализы фармацевта Роллера. И если мы их совершенно выбросим за борт, наука, думаю, от этого ничего не потеряет, а правосудие — только выиграет.

Есть ли надобность доказывать еще, что это была за подозрительная жидкость? Сулема была отпущена Крассе сонным аптекарским учеником в шесть часов утра, в полумраке, при свете лампы. Сулема и мышьяк хранятся в одном отделении шкафа под рубрикою «Venena» (яды). Сулема и мышьяк в растворе представляют тождественную по виду, бесцветную жидкость. Чувствительность реакции, свободно обнаруживающей присутствие ртути, доходит до определения миллиграмма. Сулема попала в труп в количестве 10 гран, почти в 700 раз превышающем минимум чувствительности. Профессор Лагермарк сказал здесь, что раствор сулемы мог вытечь из трупа. Неужели же почтенный эксперт не хочет оставить нам даже 1/700 части этого раствора?!

В тело Максименко введено было два яда: при жизни, говорит прокурор, мышьяк (чего никто не видел); по смерти, утверждает вместе с десятью свидетелями-очевидцами, защита, — сулема. Невидимо введенный яд обнаружен; явно влитый яд — не найден. Из двух ядов один пропал бесследно! Где же яд второй, посмертный? Где сулема? Сулемы не нашли потому, что ее и не было: вместо 10 гранов сулемы Крассу ошибочно отпустили столько же мышьяка, и доктор влил мышьяк в труп!

Профессор Патенко назвал этот факт «странным»; думаю, что его можно назвать только печальным, глубоко прискорбным...

Да, антисептическим раствором, вместо сулемы, к несчастью, был мышьяк, попавший, таким образом, уже в труп, — и вот новое этому подтверждение. По Гиртлю, вес внутренностей человека — от 20 до 25 фунтов; у больного, в особенности истощенного тяжелой, продолжительной болезнью, каков тиф, вес этот падает до 15 фунтов. Из 6 3/4 фунтов, взятых для исследования внутренностей, добыто 4 8/10 грана мышьяка; во всех, следовательно, внутренностях Максименко (15 ф.) было около 10 гранов мышьяка, то есть то самое количество, которое влило в труп под видом сулемы.

Вам, присяжные заседатели, говорилось здесь о фальсификации пищевых продуктов и о фальсификации даже знания. Действительно, мы живем в век фальсификации — повальной, всеобщей: подделываются женская красота, любовь, искренность, убеждения; подделываются пищевые продукты и, быть может, даже знание. Но несомненно одно: прокурору настоящий процесс не дает повода говорить о какой-либо фальсификации; ее мы не видим в нашем деле. Мы слышали здесь честных убежденных ученых, но не фальсификаторов знания. Но есть более опасный и прискорбный вид фальсификации: это — ф_а_л_ь_с_и_ф_и_к_а_ц_и_я п_р_е_с_т_у_п_л_е_н_и_я!

Говорить о виновности или невиновности кого-либо в преступлении можно, разумеется, только при условии, что событие этого преступления, несомненно, совершилось. Оспаривать обвинение в отравлении возможно лишь тогда, когда смерть предполагаемой жертвы от яда представляется доказанной. Поэтому вы, господа присяжные заседатели, поймете затруднительность моего положения: мне приходится оспаривать виновность подсудимой в преступлении, которое, по глубокому моему убеждению, никем и никогда не было вовсе совершено. Мне приходится для этого совершить над собой некоторое умственное насилие — допустить отвергаемое мной отравление — не как факт, а как логическую посылку, как необходимое условие настоящего судебного состязания.

Сделать такую временную, условную уступку обвинению для защиты представляется вполне безопасным. Конечно, для защиты существенно отвергнуть отравление: достигнув этого результата, она может считать задачу свою благоприятно разрешенной. Нет смерти от яда, нет преступления отравления, не может быть речи и о чьей-либо виновности. Иное положение обвинителя: для него установление смерти от яда является лишь необходимым предположением обвинения, отправным его пунктом. И тогда как, доказав отсутствие отравления, защита сделала все; установив его, прокурор для обвинения не доказал еще ровно ничего, ибо с этого только момента и возможно говорить о виновности, здесь только истинная задача обвинителя и начинается. Не отказываясь ни от

одного слова из того, что мной сказано о причине смерти, переходя ко второму вопросу — о виновности подсудимой, я должен временно допустить, что спорное отравление доказано.

У предверия моей чисто юридической работы — проверки оснований обвинения подсудимых — я позволяю себе обратиться к вам с просьбой: не смешивать Максименко и Резникова в одну собирательную личность «подсудимого», не допускать смешения и перепутанности улики и неправильных обобщений, не объединять, а разделить этих двух лиц. Каждый, по закону и совести, отвечает за им содеянное, каждый должен сохранять за собой индивидуальность и в процессе; поэтому и улики против одного из подсудимых не должны быть распространяемы на другого.

Кто же в тяжком преступлении мужеубийства обвиняется, кого я защищаю?

Личность подсудимого в процессе, обстоятельства которого темны и запутаны, всегда представляется центром, привлекающим к себе особое внимание. Ее тщательно и всесторонне изучают. К сожалению, с некоторых пор в наши судебные нравы внедрилась пагубная и зловредная манера — под видом «изучения личности», «характеристики подсудимого» так чернить обвиняемых, что нередко эти пресловутые «характеристики» оказываются нестерпимо обиднее и тяжелее самого обвинения. Границы этим «характеристикам», этим экскурсиям в область прошлой жизни подсудимых, этим мнимобиографическим «этюдам» нигде еще не намечены и зависят единственно от произвола и такта обвинителя — «биографа»... Здесь я должен оговориться, что все высказанное мной по этому поводу всецело относится к предварительному следствию и к обвинительному акту, так как, хотя весь позорящий подсудимую материал предварительного следствия и был оглашен здесь, по требованию прокурора, полностью, мой почтенный противник, однако, нашел возможным в своей обвинительной речи обойти его деликатным молчанием.

Изображая личность подсудимой Максименко, автор обвинительного акта не удовольствовался последними страницами ее жизни, а пожелал перелистать всю ее биографию, не давая пощады никому и ничему. Не были пощажены даже родственники по восходящей линии. Так, обвинительный акт повествует, что отец подсудимой был чернорабочий, впоследствии «случайно» разбогатевший, и что мать ее весьма пристрастна к крепким напиткам... Подсудимая характеризуется как легкомысленная, ветреная, чуть не ежедневно меняющая свои привязанности, со «странным по природе и невоздержанным по части половых влечений характером...». Я не стану уже говорить о том, что обвинителем-биографом упущен был из виду основной принцип изучения личности подсудимого, в силу которого характер человека должен отвечать свойству приписываемого ему преступления, совпадая с его побуждениями, что сведения так тщательно разработанной

биографии далеко не соответствуют характеру отравительницы, стремящейся избавиться от мужа во имя преступной, слепой, подавляющей страсти. Или легкомысленный разврат, или сильная страсть — что-нибудь одно: элементы эти несовместимы... Но посмотрим, каким материалом пользовалась для таких «характеристик» прокуратура, какова его достоверность, «с кого они портреты пишут? Где разговоры эти слышат?» Схож ли этот портрет с оригиналом, не по чужим ли приметам составлен этот обвинительный паспорт — вот вопросы, на которых — и в интересах судебной правды, и ради нравственной реабилитации столь незаслуженно униженной и опозоренной женщины — защита считает своим долгом остановиться с необходимой подробностью.

Материалом для «биографии» и «характеристики» подсудимой послужили свидетельские показания пяти лиц: Елизаветы Максименко, Левицкого, супругов Дмитриевых и Португалова. Каждый, полагаю, согласится со мной, что все показания эти заключают в себе не фактические какие-либо данные, а самые нелепые, грязные, «обывательские» сплетни. И по аналогии с делением истории на древнюю, среднюю и новую сплетни эти можно разделить также на три периода: древний — отношения Александры Егоровны к Н. Максименко; средний — связь с полицейским чиновником П-вым и новый — интрига с Резниковым. Рассмотрим их последовательно.

Период первый. По словам родной сестры покойного Максименко, Елизаветы, брат ее еще до брака был в любовной связи с Александрой Егоровной, которая была настолько испорченная и развращенная девушка, что «сама бросилась ему на шею, ловила его как мужа, купила себе мужа». Прежде всего, совершенно неправдоподобно, чтобы тайну своих отношений Н. Максименко передал с циничными подробностями сестре, скрыв ее притом от родного брата. А затем, похоже ли это на ту нравственную, строго воспитанную 16-летнюю девушку, какой рисует нам Александру Егоровну целый ряд свидетелей? Она, молоденькая, миловидная, богатая наследница, была желанной невестой, руки которой одновременно добивались 40 женихов, способна ли она была проявить приписываемую ей распущенность? Разве не вымысел этот совет, как пройти в ее спальню, в которой с ней безотлучно ночевали или мать или Марья Васильевна? Но если даже и допустить добрачную связь, то инициатором ее, конечно, мог быть только Н. Максименко и как взрослый опытный мужчина, и как человек, заинтересованный женитьбой на дочери своей богатой хозяйки: пожалуй, он мог воспользоваться временной отлучкой матери, чтобы, как говорят в «свете», скомпрометировать ее, создать для родственников «безвыходное положение», и, таким образом, закрепить ее за собой на виду у всех четырех десятков конкурентов-женихов. И все, что можно видеть в этом эпизоде, это доказательство ее любви, но не распущенности...

Но главным свидетелем-диффаматором является в этом деле Левицкий, муж сестры покойного Максименко, мелкий полицейский чиновник, покинувший свою службу вследствие какого-то неприятного «недоразумения», беспробудный пьяница и весьма плохой семьянин. Оригинально его появление у судебного следователя. Проживая вдали от Ростова, где он не был более двух лет, он без вызова является к допросу и по делу об отравлении собственноручно излагает пространнейшее показание, в котором нагромождаются целые ворохи небылиц, и нет только одного — обстоятельств, имеющих хотя бы малое отношение к факту преступления. Показание Левицкого, относящееся к 1888 году, так как в начале 1887 года из Ростова он уже уехал, представляется неправдоподобным по самому своему содержанию. Прежде всего, вам не могла не броситься в глаза та необыкновенная случайность, которая его одного — и никого больше — постоянно наталкивала на сцены крайне нецензурного свойства. То он насканивает на Панфилова, стоящего перед Александрой Егоровной на коленях на крыльце (это на улице-то), то он любит неприличными «вольностями» Панфилова в обращении с Александрой Егоровной в ее доме и в присутствии мужа, то, наконец, случайно делается свидетелем нежной амурной сценки в его доме, где Александра Егоровна будто бы устраивала тайные свидания с Панфиловым, в крошечной квартирке, битком набитой детьми Левицкого. Пусть даже пока все это правда. Но скажите, может ли быть речь о доверии к свидетелю, когда он утверждает, будто подсудимая сама показывала ему голое плечо, укушенное «сумасшедшим» Панфиловым, — ему, родственнику своего обманываемого мужа?! Далее, Левицкий приводит ту бурную сцену семейной ссоры, во время которой Николай Федорович, вынув из письменного стола какой-то документ, разорвал его и бросил жене в лицо. Что же это мог быть за документ? Мы знаем, духовного завещания Александра Егоровна не оставляла, купчей или закладной крепости не выдавала, потому, что дом принадлежит ее матери, что же, спрашивается, это мог быть за документ? Остается только продажный акт, которым она передала мужу все свое состояние. Но этот акт цел и неприкосновенен и приобщен к настоящему делу. «Дарила, — говорит Левицкий, — брильянтовые вещи и выигранные билеты». Но допросом Варвары Дубровиной удостоверено, что все ценности всегда находились в распоряжении матери в комодке под ключом, и даже кольца, серьги каждый раз выдавались матерью и что все осталось цело. Обвинительный акт замечает, будто показание Левицкого о золотых вещах подтверждается свидетелем Саржинским. Но из прочитанного показания этого свидетеля оказывается только, что Панфилов обращался к нему с просьбой продать какие-то золотые вещи, но говорил при этом, что вещи эти — его собственные. «Кольца эти, — говорит Левицкий, — я видел впоследствии у Максименко». Но правдоподобно ли, чтобы Панфилов стал показывать эти кольца родственнику мужа своей любовницы,

правдоподобно ли, далее, чтобы полицейский чиновник, вольнопрактикующий, на досуге от служебных занятий по части альфонсизма возвратил раз попавшие в его руки драгоценные вещи возлюбленной купчихе? Показание Левицкого завершается, наконец, еще одной крупной неправдой: будто горничная А. Оладова говорила ему об интимных отношениях барыни с Панфиловым, о «вступлении ее во второй брак». Обвинительный акт снова прибавляет, что показание Левицкого «подтверждается» Оладовой. Свидетельница Оладова — и на следствии и дважды на суде — прямо и категорически это отвергла. В чем же это «подтверждение»? Доля правды заключается в том, что Панфилов был знаком с Максименко, которая у него, по просьбе того же Левицкого, крестила ребенка, и что Панфилов три-четыре раза за все знакомство был у Максименко и всегда со своей женой... Есть, господа, фотографии, которые по заказу милых шутников к обнаженному туловищу распутницы приставляют лицо честной женщины... Показание Левицкого все, целиком, — такая же искусная фотография, и о таких свидетелях нельзя не говорить без самого глубоко возмущенного, негодующего чувства.

«История новая» — сплетни о Резникове. Вы уже знаете его отношения к семье Максименко и роль в доме Дубровиной. Когда-то пригретый семьей Резникова, давшей ему кров и приют, Н. Максименко, встретив, через десяток почти лет, своих старых друзей в Ростове, пожелал за добро заплатить им добром и поместил Аристарха в контору торгового дома Дубровиных. Это было в 1887 году. Семья Резниковых сближается с семьей Максименко, друг у друга бывают, а Александра Егоровна так подружилась со своей сверстницей Софьей Резниковой, что они начинают даже одинаково одеваться. Но в мае 1887 года, как видно из письма Александры Егоровны к мужу, Аристарх Резников именуется пока только «братом Софьи Даниловны». Действительно, «своим человеком» в доме Варвары Дубровиной А. Резников становится только с зимы, с начала 1888 года. Николай Федорович вступает с ним в дружбу; они сходятся на «ты»; Резникову поручается Дубровиными ведение всех домашних книг; его услужливость, ловкость, веселость делают его необходимым в этом доме; наконец, летом 1888 года, когда Максименко был в Калаче, Варвара Дубровина поручает ему полное управление домом, куда он почти и переселяется. Во время болезни Максименко Резников часто навещает больного, ухаживает за ним, ходит в аптеку, за докторами. Вот положение А. Резникова в доме Максименко: это — не слуга, не приказчик, а сын старого знакомого, приятель, друг, которому Н. Максименко протезировал, которого любил как человека близкого, почти родного. Такая роль Резникова и могла подать повод к подозрению, что близок-то он был, но не к мужу, а к жене. Из массы свидетелей материал для такого предположения дают только трое: Дмитриевы и Португалов, но и этот материал оказывается, безусловно, негодным и недостоверным.

Критика каждого свидетельского показания рассматривает его с трех сторон: может ли свидетель говорить правду, желает ли он быть правдивым, и самое показание его представляется ли правдоподобным? Полагаю, что в отношении свидетелей Португалова и Дмитриевых три вопроса эти могут быть разрешены только отрицательно. Свидетели эти озлоблены, предубеждены против подсудимой, и потому пристрастное отношение их к делу слишком явно. Положение Дмитриевых, действительно, было несколько щекотливо: незадолго до смерти Н. Максименко они угостили его стаканом чаю. На рассвете, когда Максименко уже скончался, Александра Егоровна громко и упрекала их в том, что они напоили его крепким чаем, от которого он умер; во время вскрытия Португалов говорил об этом стакане чая приставу Пушкареву в присутствии Дмитриева, который, по словам Пузанова, с сердцем сказал доктору: «Что вы и меня путаете!». Нет сомнения, что об этом злополучном и, по моему убеждению, невинном стакане чая говорили уже весь дом и соседи. Весьма естественно, что спокойно и равнодушно отнестись к этому Дмитриевы не могли, — и в этом источник их раздражения, подозрительности и злобы против Александры Егоровны, которая первая оскорбила и лишила их спокойствия своим неосновательным упреком. Недаром Дмитриева «возненавидела» ее, как сама она проговаривается в своем показании. Почувствовав необходимость защищаться от самозащиты, как это нередко бывает, они перешли в нападение. А подозрительность полицейского чиновника и фантазия провинциальной кумушки придали показаниям их излишнюю решительность. Но и по содержанию своему показания Дмитриевых не могут иметь на суде ровно никакой цены. Все, что в них существенного, передается ими по слуху. К счастью, они указывают нам и источник. Так, о ссоре Максименко с мужем, во время которой муж будто бы упрекал ее в том, что она «променяла его на мальчишку» (Резникова), Дмитриевы говорят со слов свидетельниц Кривенковой и Маловаткиной. Вы сами слышали этих свидетельниц — и что же? Как и на следствии, и на суде в Ростове, они и здесь уличают Дмитриеву во лжи: свидетельницами такой ссоры они не были и ничего подобного Дмитриевой не говорили. Дмитриева, со слов дворника Жироза, передает, будто бы однажды он видел такую сцену в коридоре, что «ему даже стыдно говорить о молодой барыне». А вот что говорит об этом сам Клим Жиров: «Вечером, часов в семь-восемь Александра Егоровна в коридоре тихо разговаривала с Резниковым; я в это время сидел у парадного крыльца и им меня не видно было; они не долго «шептались» в коридоре, вскоре отперли дверь и вышли; Резников пошел к себе на квартиру, а она вернулась в дом...». И только. О чем же тут «стыдно-то» говорить? Вообще, в настоящем деле всем свидетелям обвинения, показавшим с чужих слов, по слуху, страшно не повезло: по справке, при сопоставлении с первоисточником, все эти показания оказывались вымышленными. Левицкий, например, ссылается

на Оладову, но она его же уличает во лжи; Дмитриевы говорят со слов Маловаткиной, Кривенковой и Жирова, но эти трое их опровергают; Дьяконов уличает сославшуюся на него Елизавету Максименко и т. д. Очень жаль, что прокурор, занявшись группировкой свидетелей, не выделил названных мной лиц в особую группу... Таково содержание свидетельских показаний Дмитриевых. Я упустил, впрочем, ту балетно-мимическую «сцену у воды», которая для Дмитриевой не могла, разумеется, остаться незамеченной: Александра Егоровна как-то брала во дворе воду, в это время проходил Резников, и «они обменялись такими взглядами, какие бывают между людьми близкими, — они улыбались друг другу». Не считая себя экспертом по части улыбок и взглядов, в особенности расточаемых у воды, я не могу, однако, за этой драгоценной подробностью показания не признать особенно серьезного значения, ибо она с истинно-комической важностью занесена на страницы обвинительного акта...

Если показания Дмитриевых представляются крайне сомнительным судебным материалом, то при оценке показания Португалова — этого главнейшего и надежнейшего свидетеля обвинения — ваша судейская осторожность должна быть утроена. Вы, конечно, будете помнить его положение в этом деле; вы не забудете печального эпизода с 300 рублями, когда он вечером 19 октября формально был допрошен полицией по обвинению его в вымогательстве. Я охотно обхожу вопрос о том, справедлива или нет была жалоба Дубровиных; но для меня весьма важен самый факт такой жалобы и существование такого слуха, быстро облетевшего весь город и сильно помрачившего имя Португалова. Он был скомпрометирован и как врач, и как человек; репутация его была поставлена на карту, и восстановление ее в значительной мере стало в зависимость от исхода возникшего об отравлении Максименко дела. Была ли жалоба Дубровиных справедлива или лжива — оскорбление, досада и гнев Португалова нам одинаково понятны. Ослепленный обидой и местью, он начинает, так сказать, бить не по коню, а по оглоблям: он затевает уголовный процесс о клевете против незнакомого ему Леонтьева, хорошо зная, что Леонтьев тут ровно ни при чем, что он — только исполнитель поручения своих хозяев. Затем появляются пространнейшие показания Португалова, в которых невольно чувствуется не правда, не жажда разоблачения, а оскорбленное самолюбие, злоба и месть... Отсюда вымысел и преувеличения в его свидетельстве — вольные и невольные.

Слушая показания Португалова, крайне дивисься его необыкновенной наблюдательности. Приезжая к больному на несколько минут, Португалов все видел, все замечал, все наматывал на ус, ни одна подробность домашней обстановки Максименко не ускользнула от его пытливого внимания. И все в этом доме ему казалось в высшей степени странным. Станным, казалось ему, что больной Н. Максименко, прикованный к постели тяжкой болезнью, сгорающий от 40-гра-

дусного внутреннего жара, страдающий постоянной рвотой, не проявляет никакой самостоятельности, не показывает любопытному доктору своей «правящей руки», а остается пассивным. Странно было и поведение Резникова, который говорил с доктором о больном вместо озабоченной и встревоженной болезнью жены, ездил за докторами, бегал за лекарством. Казались странными свидетелю и обращенные к нему вопросы, продиктованные каждому понятными беспокойством и тревогой любящей жены: «Выздоровеет ли или умрет больной?» — странными, как будто в смертельном «сходе» болезни не могло уже быть и сомнений, раз для лечения приглашен был доктор Португалов... Все домашние, все навещавшие больного говорят нам, что уход за больным был безукоризненный, прекрасный, что жена три недели безотлучно просидела дома; а Португалов недоволен и уходом, и заброшенностью больного, около которого он не всегда заставлял жену, забывая при этом, что сам же он, опытный врач, предостерегал Леонтьева не оставаться более пяти минут в комнате больного заразной болезнью. Или жене эта зараза не угрожала? Португалов утверждает, что в течение всей болезни Максименко ему казались странными и в высшей степени подозрительными отношения Резникова и Александры Максименко между собой и к больному. Так ли это? Не подозрительность ли это задним числом? Если поведение домашних и окружающая больного обстановка давали повод к серьезным подозрениям, то почему же подозрения эти не пробудились в Португалове в вечер 18 октября, когда он обнаружил несомненные, по его мнению, признаки отравления? Почему он не остался у Максименко? Как мог он покинуть своего пациента в такой обстановке, в таком беспомощном, безнадежном положении? Почему, узнав о внезапной смерти своего «выздоровевшего» и «поставленного на ноги» пациента, он не поднял тотчас же тревогу? Почему ни приставу Пушкареву, производившему дознание о причинах смерти Максименко, ни помощнику его Англиченкову, ни трем производившим вскрытие врачам он ничего не говорит о своих подозрениях? Почему он решается, наконец, заявить судебной власти о своих «недоумениях» только тогда, когда уже два дня назад самого его потребовали к ответу по жалобе на вымогательство? Нет, «наблюдательность» Португалова весьма странного свойства...

Понимая всю ничтожную ценность своих «наблюдений» и показаний, Португалов придумывает весьма сложную историю с двумя секретными болезнями, бывшими будто бы у Резникова и у А. Максименко и из которых одна, по его заключению, была причиной другой... Господа присяжные заседатели! Когда французское правительство потребовало у Дюпюитрана указать инсургентов, лечившихся у него после июньских дней 1832 года, он с достоинством ответил: «Я лечил не инсургентов — я лечил раненых!» Французский медицинский корпус со справедливой гордостью вспоминает эти благородные слова! Когда молодых

врачей выпускают из наших университетов, с них берут факультетское обещание «...свято хранить вверяемые мне семейные тайны и не употреблять во зло оказываемого мне доверия». Как нравственный завет, как напутствие, факультетское обещание это украшает собой диплом каждого русского врача... Я не стану распространяться здесь о врачебной тайне, как элементе профессиональной медицинской морали; я допускаю, что при коллизии обязанностей гражданина и врача первые могут взять иногда верх над последними. Но я смею думать, что раз врач решается высказать публично такую позорящую вещь, он должен прежде много и долго подумать, достаточны ли основания для сложившегося у него мнения и не могут ли слова его показаться непростительно опрометчивым легкомыслием или даже клеветой, как постыдным орудием злобы и мести. Здесь мы вправе требовать от врача самого строгого и ясного ответа!

Посмотрим же, проверим правильность столь решительного диагноза Португалова и те основания которые дали ему право заявлять об однородных зависимых болезнях у подсудимых, обесславливая молодую, порядочную женщину, стараясь связать обоих, как цепью, этой новой уликой.

Извиняюсь перед аудиторией, но я должен остановиться на этом вопросе. По учению гинекологии, бели есть выделения катарального свойства из родовых путей, как явление катара шейки матки. Они представляют несколько разновидностей, бывают: белые, гнойвидные, обладающие раздражающими свойствами, острые, хронические. Но внешняя сторона белей почти одинакова, диагноз их весьма затруднителен, и чаще всего хронические бели принимаются за гонорейные. До и после менструации слизистые выделения принимают свойство болезненных белей. Далее, бели могут развиваться под влиянием массы раздражающих причин: танцев, верховой езды, быстрой ходьбы, полового возбуждения, менструации, родов, выкидыша и т. п. Бленнорею страдает добрая половина наших женщин. Нередко причина, их вызвавшая, самого невинного свойства, ибо, как удостоверено экспертом Патенко, они встречаются даже у маленьких девочек. Сообразно продолжительности и интенсивности болезненного процесса бели могут разнообразиться как в количестве, так и в свойствах. А «после недостаточной инволюции матки и последовавшего выкидыша, — говорит проф. Добронравов, — хронический эндометрит тянется иногда много лет». И чаще всего хронические бели принимаются за гонорейные, заразные.

В правильном и безошибочном распознавании этой болезни наука гинекология затруднялась еще десять лет назад. Но в 1879 году профессор Нейссер, открыв микроорганизм бленнореи, дал в руки медицины верный и надежный способ исследования: с этих пор единственным признаком для определения заразного происхождения белей является присутствие в выделениях гонококка. «Диагностика влагалищной бленнореи, — говорит французский ученый Марти-

но, — представляет затруднения. В самом деле, каков бы вагинит ни был — произвольный, травматический, конституциональный, диатезический, первичный, вторичный, последовательный или гнойный, — болезненные симптомы и повреждения будут все одни и те же: боль, краснота, серозно-гнойная, белая, желтая, желтовато-зеленая течь, грануляция, эрозии от мацераций, эпителия слизистой оболочки. Во всей этой симптоматологии нет ни одного признака, позволяющего поставить дифференциальный диагноз...». Единственно верным признаком трипперного свойства белей Мартино, а за ним и лейпцигский профессор Зенгер признают обнаружение гонококков, требующее весьма сложного исследования.

Каково же было происхождение бленнореи у А. Максименко?

Здесь соединилось несколько вызвавших ее причин: малокровие и плохое физическое развитие, ранняя беременность, выкидыш, после которого она два месяца провела в постели, и, наконец, поднятием тяжести (случай с бочонком, которым она «надорвалась», после чего на целый месяц слегла в постель), а поднятие тяжести, смещая матку, вызывает прилив или застой крови, обуславливающий катаральные выделения. Врач тюремной больницы Красса, неоднократно лечивший подсудимую в тюрьме, удостоверяет, что бели иногда появлялись у нее перед менструацией — обыкновенно неправильной, от нескольких смазываний проходили и вообще были податливы лечению и свойства незлокачественного. На вопросы Португалову в Таганрогском суде о признаках, по которым он определил заразный характер белей, он, по свидетельству докторов Лешкевича и Крассы, дал ответ весьма неудовлетворительный; а когда защита возбудила ходатайство об истребовании рецептурных книг всех местных аптек, так как Резников прямо заявил, что болен он не был и у Португалова никогда не лечился, — Португалов поспешил предупредить это разоблачение соображением, что, может быть, рецепты им писаны были и на другое имя...

Итак, не производя требуемого наукой микроскопического исследования, присочинив попутно историю болезни Резникова, Португалов решается заявлять о заражном характере болезни? Такие смелые гипотезы не позволительны даже в клинике, тем менее терпимы они на суде, и я думаю, что это показание Португалова не много прибавило к уликам против обвиняемых, а к доброй славе самого свидетеля — и того меньше.

Мною разобрано все самое существенное из многосложного материала следствия, на чем обвинительной властью строилось предположение об интимных отношениях А. Максименко с Резниковым. А следствие не гнушалось в этом отношении даже самыми сомнительными источниками, заноса, например, в показание Жирова даже пьяные слова неизвестной прохожей бабы: «Не успела похоронить мужа, а уже завела другого!». Все было пригодно, все хорошо: и сплетни, и слухи, и даже улыбки и взгляды! Создает ли, однако, все это — не убежде-

ние, нет! — хотя бы одну тень его, хотя бы сколько-нибудь разумное подозрение в существовании между ними любовной связи?

Но, быть может, рассмотрение супружеских отношений Максименко прольет слабый свет на этот вопрос? Какова же была супружеская жизнь Максименко?

Самая история замужества Александры Дубровиной, предпочтение, оказанное ею, завидной невестой, бедному приказчику перед целым отрядом искателей ее руки, несмотря на общее недовольство этим браком со стороны ее родственников, тайная свадьба, с романтическим бегством в посаде Азове — все это ясно указывает, какими чувствами одушевлена была Александра Егоровна, выходя за Н. Максименко. Весь первый год их супружества — это признают все без исключения, даже враждебные нам, свидетели — был, так сказать, праздником счастья, непрерывным торжеством молодой любви. Но, быть может, чувства эти отцвели и поблекли, и для молодых супругов наступила затем, как выразился прокурор, «осень любви»? Так ли это? Отбросив постыдно сочиненный Левицким эпизод с Панфиловым, мы видим, что в отношениях супругов и после никакой перемены не последовало. Напротив, второй год супружества представил нам новые крупные доказательства сильной привязанности Александры Егоровны к ее мужу. По словам двух свидетелей, она очень любила мужа и — на удивление им, не понимавшим такой безграничной преданности богатой жены к бедняку-мужу, — слушалась его больше, чем матери. Она выдает ему полную уверенность на участие в делах торгового дома. Происходит у зятя крупная ссора с тещей, сильно его недолюбливавшей, — чью сторону принимает Александра Егоровна? Нападает ли и она на своего мужа, как об этом свидетельствует ее золовка? Нет, она покидает мать, оставляет все удобства полного, как чаша, богатого родительского дома и идет за мужем в гостиницу, где и остается с ним целую неделю, до самой мировой. Но вот Александра Егоровна беременна; она — молодая, слабая, хрупкая; акушерки опасаются за благополучный исход первых родов. И тут первая мысль ее — о муже: она умрет, и, с ее смертью, его выгонят на улицу... Нет, она должна его обеспечить — пусть все ее богатство будет его.

Она желает составить духовное завещание, но ей только 18 лет, и вот, по указанию брата, Антонина Максименко, 16 июля 1886 г. совершается известный уже нотариальный акт о продаже ею своему мужу товарищеского пая ее в торговом доме Дубровиных ценностью до 100 тысяч рублей, другими словами, — всего ее состояния. Оправившись от болезни, она два лета подряд, с мая по октябрь, проводит с мужем в Калаче. Здесь шла речь о ее приезде в Ростов, но, кажется, нами доказано, что приезд ее среди лета в Ростов относится не к последнему году, когда она безотлучно была с мужем, а к 1887; а, по утверждению самого обвинительного акта, зарождение связи с Резниковым относится к концу этого года. Целое лето 1888 года она не видится с Резниковым, не ведет с ним пере-

писки. В Калаче отношения супругов те же, прежние — теплые, сердечные. Она заботится о здоровье мужа, и когда он собирается на охоту в дурную погоду, она упрашивает его остаться. Эта последняя охота была роковой — опасения жены сбылись: Николай Федорович простудился и заболел тяжелым тифом. Встревоженная его болезнью, она телеграммой выписывает из Царицына лучшего доктора, спешит перевезти больного на чужом пассажирском пароходе в Россию, где немедленно приглашаются Португалов, потом Лешкевич. И здесь, по общему отзыву, уход за больным был заботливый, образцовый; долгие часы просиживая у его постели, она три недели не знала, что такое улица. Муж никогда, как и до болезни, не высказал ни одного упрека, ни одной жалобы на жену, а больные ведь так раздражительны, так капризны и несправедливы!

Длинный ряд лиц, знавших семейную жизнь Максименко в различные периоды, в разные моменты и при менявшейся обстановке, все дружным хором, все согласно, как один человек, засвидетельствовали перед вами, что Александра Егоровна была добрая, любящая и преданная жена, что супруги Максименко жили счастливо, согласно: одни свидетели «любовались на их согласие», другие — «желали того же и своим детям». Вам говорил прокурор, что все те свидетели люди подчиненные, служащие, что «семья — тайник», а они будто видели одну официальную сторону. Но сюда явилось немало свидетелей, которые более уже не служат у Дубровиных; здесь была допрошена и прежняя прислуга — а кому, как не прислуге, известны все самые заветные домашние тайны? И все они говорят одно и то же, хотя показания их относятся к различному времени. Припомните, например, дышавшее здесь такой правдой показание свидетеля Войцеховского, этого честнейшего и совестливейшего человека, который, забыв старую неприязнь, старое недовольство против хозяев, которых оставил еще три года назад, и даже против самой подсудимой, помнил здесь только одно: что он — свидетель, целовавший крест и евангелие, от которого суд ждет одной только правды. Этот свидетель жил до самого отъезда Максименко из Калача под одной с ним кровлей, и семейная жизнь подсудимой за последние месяцы была перед ним, как на ладони — и что же, сказал ли он хоть одно недоброе о ней слово?

Свидетель Леонтьев, которого высоко ценит и прокурор, удостоверил перед нами, что покойный Николай Федорович был счастлив в семейной жизни и на жену никогда не жаловался: он любил и ценил ее. А регент Сухоруков передал нам печальную сцену крупной ссоры Н. Максименко с его сестрой в Калаче, во время которой он упрекал сестру в распутстве, говорил, что родные его срамят, позорят, что он стыдится их родства, горячился, даже плакал, а когда сестра Елизавета дурно отозвалась об Александре Егоровне, он с кулаками бросился на родную сестру, осмелившуюся оскорбить его жену.

Но пусть показания многочисленных свидетелей наших кажутся прокурору материалом «недоброкачественным», пусть «доброкачественны» одни лишь Португалов, Левицкий, Е. Максименко; пусть не стоят вашего доверия все эти родственники, горничные, приказчики, капитаны, сторожа, по пристрастию ли, по зависимости ли от подсудимой. Мы не безоружны: у нас есть свидетель лучший, нелюбимый и неподкупный, свидетель мертвый, которому неведомы ни злоба, ни пристрастие — это письма жены к мужу. Вы помните содержание этой супружеской переписки. Главнейшее значение имеют для нас два последних письма подсудимой от 26 марта и 1 апреля 1888 г., то есть всего за пять месяцев до его смерти и за несколько дней до ее приезда в Калач, им же отсроченного вследствие ремонта квартиры. В этих письмах, обремененных поцелуями и объяснениями, — целым «миллионом» поцелуев, из этих неровных, торопливых строчек так и брызжет искреннее, горячее чувство, не остуженное еще трехлетним супружеством. Она скучает, она тоскует, она упрекает, что редко пишет ей, что целует его всего — его «ручки и ножки», она «всю ночь проплакала», она рвется к любимому мужу... Господа, одних этих писем, с их поистине трогательной нежностью, достаточно было бы, чтобы сказать: Левицкий и К°, неправду говорите вы — она своего мужа любила...

Да, несомненно, что Александра Егоровна любила своего мужа, и в этом новое опровержение обвинения в любовной связи с Резниковым. Но допустим даже на минуту, что наши свидетели допустили некоторую утрировку и что эта воображаемая связь существовала. Объясняет ли она чем-нибудь мужеубийство, доказан ли мотив преступления, на котором построен весь обвинительный акт? Раз эта связь имела уже годовую давность, что же мешало ее продолжению? Ведь муж не замечал ее, нисколько ей не мешал; он до последнего дня был дружен с Резниковым. Почему ей не пребывать в приятном и безопасном адюльтере? Ведь от связи с любовником до мужеубийства — целая пропасть. К чему лицемерие? Взгляните окрест себя: соблюдаются ли брачные обеты, где эта чистота нравов, где верность долгу? И если бы рука волшебника нежданно с домов сорвала кровли, сколько бы альковных тайн открылось перед нами, сколько прелюбодейных связей оказалось бы там, где так мягко сияла вывеска благочестия и строгой нравственности. Сотни тысяч супругов живут без любви, без привязанности, в полном нравственной отчуждении, связанные лишь цепями брака, а часты ли подобные страшные преступления?

Для такого страшного преступления рычагом должна быть и сильная страсть. Мало одной безумной страсти к любовнику — необходима еще такая же ненависть к мужу. Только эти две душевные силы могут подвинуть на такое безумно ужасное дело. Доказало ли, спрашиваю я, обвинение естественность проявления у подсудимой такой сильной страсти, которая заставила бы ее пренебречь

и положением, и состоянием, самой жизнью своей, рисковать каторгой, для того только, чтобы связать судьбу свою с 18-летним мальчиком, который, по мнению прокурора, и без того был ее любовником? Откуда такие африканские страсти? Они, пожалуй, бывают, но только в романах, да и то плохого, рыночного изделия. Когда перед вами проходит тяжелая народная драма, изображенная автором «Власти тьмы», страшная развязка имеет правдивое, жизненное объяснение: старый, больной, ворчливый муж и красавец-парень — не конкуренты: ненависть к первому и страсть ко второму, переплетаясь и взаимно усиливаясь, создают преступление мужеубийства и оно там объяснимо, понятно... Но есть ли что-либо похожее в нашем деле?

Положение Резникова в этом деле несколько иное; он мог желать променять шаткое положение любовника-слуги на прочное — мужа-хозяина. Но здесь интересы подсудимых совершенно противоположны: что выгодно Резникову, то невыгодно А. Максименко; для него преступление — карьера, для нее — гибель. Оставаясь в супружестве с Максименко, Александра Егоровна сохраняла бы завидное положение богатой женщины; выходя за Резникова, она, со смертью Максименко, теряет почти все свое состояние, которое ею формально передано в полную собственность мужу и которое теперь возвратится к ней лишь в размере «указной», «вдовьей», то есть 1/4 части! Она даже не обеспечила себя духовным завещанием мужа — а чего проще было позаботиться об этом во время его болезни! — и, таким образом, совершает тяжкое уголовное преступление исключительно ради обогащения родственников мужа, к которым все ее состояние и переходит, как наследство по закону. Вот что давал подсудимой брак с Резниковым, достигаемый кровавым устранением препятствия к нему в виде законного мужа!

Здесь уместно остановиться на затронутом прокурором вопросе о значении нотариального продажного акта 16 июля 1886 г. Документ этот возбуждает два вопроса: о юридической силе самой сделки и о доказательствах ее существования. Прокурор утверждал, во-первых, что самая сила этого акта весьма спорна и, во-вторых, что, по свойству сделки, с утратой документа теряется и самое право, из этой сделки вытекающее. Смею думать, что мой почтенный противник-криминалист весьма заблуждается и, позволю себе представить по этому поводу следующие соображения. О юридической силе самого акта я говорить не стану, так как чем разрешится спорное дело в сенате — не знаю. Но я знаю, что Таганрогский коммерческий суд, признав этот договор правильным актом имущественной передачи, признал вместе с тем и наследника умершего Максименко, брата его Антонина, полноправным пайщиком торгового дома, заместителем Александры Максименко; я знаю, кроме того, что в тяжбе Дубровиных о силе этого продажного акта подсудимая никакого участия не принимает. Второй вопрос — о способах

удостоверения сделки в случае утраты письменного договора — представляется несколько сложнее. По закону договор может быть уничтожен только по взаимному согласию контрагентов. Утрата документа, служащего внешней оболочкой договора, конечно, создает утратившей его стороне известные затруднения, но чисто процессуального свойства, и отнюдь не лишает приобретенных по договору прав. Утраченный документ может быть восстановлен или заменен. Так, например, выдаются дубликаты исполнительных листов. Если возможно восстановление даже исполнительного листа, то тем легче может быть доказан факт существования договора, для заключения которого письменная форма не обязательна. Пай в предприятии есть вид имущества движимого; продажа движимости может быть совершаема и словесно, без письменного договора. Существование же словесного договора и все возникающие из него споры могут быть доказываемы свидетельскими показаниями, причем закон в некоторых случаях допускает этот вид доказательств и в удостоверение событий, для которых предустановлены доказательства письменные, формальные.

Поэтому стоило только Антонину Максименко выставить свидетелями нотариуса Фоллендорфа и писцов его конторы, и совершение продажного акта было бы на суде установлено. Но в данном случае прибегать к этому способу не было никакой надобности, ибо договор 16 июля 1886 г. занесен был в нотариальный реестр и потому оставил неизгладимый след в официальных актах. Хотя он внесен в реестр и недословно, но все существенные подробности акта были прописаны полностью; там обозначены договаривающиеся стороны и попечитель над одной из них, точно указаны продаваемое имущество, цена и т. п. Словом, в этом реестре — экстракт договора 16 июля. Стоило взять засвидетельствованную выписку из этого реестра — и утраченный акт для суда вполне восстановлен. Антонин Максименко так и поступил: в основание его иска и представлена такая именно выписка из нотариального реестра, и суд, признав ее доказательством вполне достаточным, удовлетворил его иск.

Говорят, далее, что этот акт был скрыт. Но «скрывать» подобный документ было бы совершенной бессмыслицей: скрывают то, чем можно впоследствии воспользоваться (деньги, процентные бумаги и т. п.). В сокрытии же документа, не дающего скрывающему никаких прав, нет, разумеется, ровно никакого интереса. Такой документ, на котором основаны не мои, а противника моего права, я в корыстных целях не скрою, а уничтожу. Однако договор 16 июля не только не был уничтожен, но нами же был представлен в Таганрогском суде, как только об этой сделке зашла на суде речь.

Итак, продажный акт существует; он — в силе; на нем основано решение коммерческого суда; и перед вами не богатая когда-то дочь купца Дубровина, а лишенная всего, почти нищая, вдова Максименко.

Таков «любовный мотив» преступления, выставленный обвинительным актом и вполне, надеюсь, опровергнутый доводами защиты. Но мотив этот оказывается не единственным: здесь, на суде, произошла сегодня небывалая еще «перемена фронта» обвинения. Сознывая всю шаткость обвинения, построенного на опровергнутом следствием любовном мотиве, прокурор ставит новую подпорку к этому готовому рухнуть и рассыпаться во прах зданию. В обвинительной речи любовный мотив отходит на второй план, и на его место выступает мотив корыстный. Но если первая мотивировка обвинения страдала явной негодностью материала и произвольностью выводов, то мотивировка вторая, сегодняшняя, представляет собой ряд совершенно не считающихся с фактами экскурсий в область житейской философии. «Долой факты!» и «Да здравствует психология!» — таков девиз обвинителя, совсем, по-видимому, позабывшего, что «психология ведь — палка о двух концах...»

Схема этого нового психологического этюда такова: Максименко — человек себе на уме, женившийся на деньгах, эгоист, думающий только о себе и своих удовольствиях, забросивший жену, прибравший к рукам и ее, и ее состояние, «окоротивший» ее на столько, что она без его разрешения не может купить себе башмаков; бездетная, ничем не занятая жена начинает чувствовать и свое одиночество, и свою зависимость, которая ее тяготит, и чтобы сбросить с себя иго, она, вместе с молодым любовником, посягает на жизнь мужа... Пожалуй, стройно и гладко, но верно ли это рассуждение фактически? В чем сказались этот «эгоизм» мужа, это мнимое рабство жены? Мы, прежде всего, не должны забывать, из какой среды вышла Александра Егоровна. Ведь это была не барышня, до переутомления изведавшая прелести оперы, балов, заграничных курортов, прошедшая, словом, полный курс светской жизни и затем вдруг посаженная мужем под замок. Это — не эмансипированная курсистка, начитавшаяся Боклей и Джон-Стюартов Миллей и воспринявшая благодать женской свободы. Для них — скучная, однообразная жизнь купеческого склада, конечно, была бы душной тюрьмой. Александра Дубровина принадлежала к богатой, по простой, мужиковатой купеческой семье, очень молодой еще своей генеалогией: еще отец ее был крестьянином и только упорным трудом и неусыпной энергией выбился на дорогу, создав и новый купеческий род, и крупное торговое предприятие. Но культурность семьи осталась прежняя, нравы и семейные отношения были архаические, домостройные. Дом Дубровиных был терем. Ранним утром начиналась в нем жизнь; с петухами вставал старик Дубровин, отправляясь в контору пароходства и поднимая домашних; ранним вечером жизнь эта засыпала. Что видела здесь 15-летняя девочка, кроме четырех, — правда, как удостоверяет судебный следователь, расписанных — стен? Чем разнообразилась ее замкнутая жизнь? В субботу и в воскре-

сенье набожные родители водили ее в церковь, изредка — к дядям — и только. Но вот отец умирает — власть дома переходит к женатому брату; а еще через год, вскоре по смерти брата, 16 лет она выходит замуж. Когда же она могла познать и свободу, и цену своим деньгам? Сравните жизнь ее девичью с супружеской, и вы согласитесь со мной, что с замужеством объем свободы и прав ее не сузился, а расширился, что она стала вести более веселую, менее затворническую жизнь: с мужем она посещает театр, они заводят знакомство, летом уезжают из душного Ростова в Калач. Говорят: «Жизнь ее ничем не была наполнена», но забывают ее умственное развитие, примиряющее с самой ординарной обстановкой. Какие могли пробудиться у нее запросы, какие требования, какие могли быть высшие интересы? В ее письмах видят доказательство ее материальной зависимости, тогда как они доказывают лишь нежелание сделать что-нибудь без ведома любимого мужа, с которым она охотно делится мыслью о самых ничтожных пустяках обихода. Есть ли в ее письмах хоть тень упрека, хоть нота недовольства? Нет, не могла рабой чувствовать себя Александра Егоровна: муж ни в чем ее не стеснял, она была полной хозяйкой, и за мужем ей жилось куда веселее и привольнее, чем прежде.

Доказав отсутствие всякого мотива к преступлению — нравственного и материального, — я однако счел бы мою задачу неисполненной, если бы обошел молчанием целую цепь косвенных улик, которою обвинение пыталось сковать подсудимых и между собой, и с актом смерти Н. Максименко. Одним из крупных звеньев той цепи является обстоятельство, которому на следствии придавалось значение «приготовления к преступлению», но которое на суде обрисовалось самым невыгодным для обвинения образом. Вопрос об орудии преступления в уголовном процессе имеет, как улика, громадное, нередко решающее значение. Если убийство совершено орудием режущим, ножом; если у заподозренного найден нож, размеры которого совпадают с размерами ран у жертвы, или если установлено, что незадолго до убийства обвиняемый приобрел или только приискивал свойствующее способу совершения преступления орудие, — этим создается улика такой убедительной силы, что нередко ею одной решается бесповоротно вопрос о виновности. С такими уликами необходимо поэтому, считаться даже тогда, когда их прямо не выставляют. В настоящем процессе этот прием умолчания в обвинительной речи об обстоятельствах, по требованию самого же прокурора на судебном следствии проверявшихся, практикуется моим почтенным противником в довольно неумеренных размерах. Но, по опыту, я опасаясь этих скрытых, в кучу сваленных и неразработанных улик более, чем улик, выставленных категорически ясно и прямо. О том или ином обстоятельстве умолчал прокурор, не возражает поэтому и защита, а между тем одному из вас придет в совещательной комнате на память это именно затерявшееся в прениях обстоятельство — и бог

ведь, как еще оно будет истолковано! Наряду с некоторыми другими обстоятельствами затерялся как-то рассказ Елизаветы Максименко о приобретении подсудимой мышьяка. Эта свидетельница была допрошена на предварительном следствии дважды: 21 декабря 1888 г. (то есть через два месяца после смерти ее брата) и вторично еще через два месяца — 27 февраля 1889 г. На первом допросе она ограничилась жалобами на дурное обращение с ее братом и с ней, на дурной стол, от которого у нее — избалованной посетительницы гостиниц — делался даже катар желудка и т. п. Брата отравили, а она докладывает следователю о своем катаре! Но прошло два месяца, и, снова появившись у следователя, она дает менее пространное, но уже более серьезное показание, будто летом 1888 года Александра Егоровна неоднократно приказывала в Калаче Федору Дьякову купить мышьяку для травли крыс. Я очень признателен Елизавете Максименко, как и остальным свидетелям по слуху, что они поименно называли нам тех, с чьих слов они говорят: вы, конечно, хорошо помните, что ни одна такая ссылка «доброкачественных» свидетелей обвинения при проверке не подтвердилась. Та же злая доля постигла и это «дополнительное» показание Е. Максименко. Свидетель Дьяков, как и на следствии, и на суде в Ростове, опроверг здесь этот измышленный рассказ: об этом мышьяке, об этих крысах он впервые услышал только на допросе.

Я подошел к главной крепости обвинения — к «преступному моменту» — и должен сказать, что эта мнимая «твердыня» совершенно неосновательно возбуждает слишком большие упования обвинительной власти. Конечно, отмежевывая ограниченное время и небольшое место и поименовав действующих лиц, легче разрешить загадку дела, но не следует забывать, что по прошествии трех лет нельзя установить с точностью, кто и в какое время был в доме. А мы знаем, что больного постоянно навещали родные и знакомые; нам, кроме того, известно, что симптомы отравления наступают иногда и через несколько часов после введения в организм яда.

Прокурор, указав, что к «преступному моменту» в доме Дубровиной, кроме больного, находилось только четыре лица, и устранив подозрение от Бурьковой и Гребеньковой, останавливает свое обвинение на остальных двух — на подсудимых. Но оправдывается ли такая постановка, обвинения какими-либо дополнительными, вспомогательными уликами? Каким образом совершено было преступление, в чем же дана была покойному отравка? В обвинительном акте было два предположения: в сельтерской воде или в стакане чаю. По обвинительной речи — в стакане чаю, который Александра Егоровна отнесла в спальню мужа около семи часов вечера.

По вопросу об этом стакане чаю показания свидетельниц Бурьковой и Гребеньковой на суде, в Ростове и здесь, существенно разошлись с тем, что они го-

ворили на предварительном следствии. «Стакан был немного отпитый» — значит в протоколе судебного следствия. По требованию прокурора, эти письменные показания были оглашены, причем внимание ваше и было обращено на это разноречие. Не останавливаясь на объяснении свидетельниц, что следователю они говорили не об отпите, а о полном стакане, я принципиально такой способ проверки свидетельских показаний считаю совершенно неправильным: ведь судебное следствие имеет своим назначением проверку данных, собранных на следствии предварительном, а не наоборот, и, конечно, показанию, данному свидетелем сознательно, обдуманно после клятвенного обещания, в торжественной обстановке суда, при перекрестном допросе сторон, должно быть отдано предпочтение перед показанием, отобранным в камере судебного следователя, единолично, с глазу на глаз, часто спешным и необдуманным и, как в настоящем случае, по неграмотности свидетельниц, или непроверенным и неподписанным.

На суде обе свидетельницы после весьма утомительного и привязчивого допроса твердо стояли на том, что стакан был принесен из спальни больного неотпитем, полным. Но, вдумываясь в прежнее показание о «немного отпитем стакане» и соображая, что больной лежал в четвертой от столовой комнате и что промежуточные комнаты не были освещены, легко допустить, что стакан или не был долит до краев, или же немного расплескался, когда его несли туда и обратно Александра Егоровна. И вот недолитый или расплескавшийся стакан мог показаться «немного отпитем». Прокурор находил, что план преступления был подробно обдуман подсудимыми; поэтому, если бы в стакане чаю была отравка, то ведь можно бы было в другой комнате долить его водой и тогда никаких уже подозрений не могло бы возникнуть.

Но пусть стакан был принесен в столовую отпитем — охотно делаю обвинению и эту уступку. Важно не это, важно, что он был оставлен там. Александра Егоровна, оставив его на столе, перед Бурыковой и Гребенковой, сама тотчас же опять уходит к мужу, и только через 1/2 часа, убирая посуду, Гребенкова вылила в полоскательную чашку чай из его стакана. Чай сладкий, внакладку, а прислуга, приученная к «прикуске», так падка ведь до всего с хозяйского стола, ведь одна из них — или девочка Дуня, или старуха Гребенкова — могла соблазниться сладким чаем и с жадностью его выпить! Ведь оставляя отравленный чай, подсудимая подвергала опасности еще две человеческие жизни! Пусть это злодейка, для которой две лишние жизни не в счет, но ведь тут являлась опасность для нее самой: отравление прислуги неминуемо обнаружило бы и приписываемое ей теперь отравление мужа! Значит, в стакане чаю не было отравы, иначе она не оставила бы его с таким неистощимым спокойствием в столовой; значит, единственный указанный обвинением способ совершения преступления должен быть отвергнут как противоречащий всей обстановке события.

Когда вечером больному стало дурно, жена немедленно посылает за Португаловым, который ровно в восемь часов уже был около больного. Что же свидетельствует это приглашение доктора, как не желание помочь больному, как не полнейшую невинность подсудимой? Португалов прописал несоответствующее лекарство, но причем же тут она? Важно то, что, приглашая врача, она спасает больного или по меньшей мере, обнаруживает причину внезапной его болезни, и таким образом, сама разрушает преступный свой план и уличает в тяжком преступлении, губит себя. И разве в расчеты отравительницы, приглашающей для отвода подозрения к больному врача, может входить невежество врача, не умеющего распознать характерных симптомов отравления? Обвинительная власть, усматривая в этих действиях подсудимой маскирующую преступление декорацию, полагает, что помощь все равно была уже несвоевременна. Но Португалов приехал через пол, много — через три четверти часа после предполагаемого отравления, а выкачиванием желудка отравленный может быть спасен еще гораздо позже. Нет, не отвод здесь глаз, не такими рискованными средствами маскируется действительное преступление! Во всяком случае, чтобы утверждать, что, приглашая врачей, подсудимая хорошо знала о бесполезности этой меры для спасения отравленного мужа, нужно предполагать, что с медицинской наукой, с действием мышьяка на организм она была знакома не менее, чем, например, наши, так резко несогласные между собой эксперты.

«Мало того, что доктор приглашен был тогда, когда медицинская помощь была уже бессильна, — продолжает прокурор, — но и затем больному не дали лекарства из опасения, что оно парализует действие яда». Было ли дано больному прописанное Португаловым лекарство? Подсудимая говорит, что муж ее принял ложку микстуры. «Наблюдательный» Португалов, видевший склянку со снятой с пробки бумажкой, утверждает, что лекарство было не тронуто. Но ведь, как видно из рецепта, в склянке было 12 ложек микстуры, и неужели Португалов глазомером мог заметить отсутствие одной ложки, то есть 1/2 части жидкости? Рребенькова теперь не помнит, принимал ли больной лекарство, но на следующий после смерти Максименко день она показала производившему дознание приставу Пушкареву, что больному дали ложку микстуры.

Может быть, скажут: отчего так мало? Но ведь прием назначен был врачом, и нельзя же было влить больному все 12 ложек сразу. К тому же после десяти часов вечера больному стало лучше — он успокоился, засыпал, а когда ночью его дважды навестила жена, он отослал ее спать. Да и оставление больного врачом, ограничившимся касторкой и миндальной эмульсией, разве не должно было внушить подсудимой мысль об отсутствии опасности? Наконец, если бы лекарство не давалось больному сознательно и злонамеренно, то ничего не было бы легче, как отлить из склянки еще несколько ложек.

Здесь мы вступаем в область «сокрытия следов преступления».

Под этой рубрикой обвинителем сгруппированы следующие факты: позднее вторичное приглашение доктора, настойчивое требование свидетельства о смерти, боязнь вскрытия, ускорение похорон и заявление о вымышленном вымогательстве 300 рублей.

Все улики этой группы, быть может, и очень сильны и неотразимо убедительны, но только они страдают одним крошечным недостатком: к подсудимой Максименко они ровно никакого отношения не имеют. В самом деле: за доктором был послан Резников, как только больному на рассвете стало хуже, если же Португалов и нашел его уже мертвым, то вовсе не потому, что «доктора звали уже к мертвому пациенту», а потому, что прошло не менее часа, пока Португалов был разбужен и привезен. Сомнительный эпизод с извозчиком, будто бы отпущенным Резниковым с целью затянуть время, к подсудимой отношения не имеет и, вероятно, будет разобран защитой Резникова. Далее, просьба о выдаче свидетельства исходила не от подсудимой, а от ее дяди и тетки, — Е. и Л. Дубровиных — и вызвана была замечанием самого же Португалова, что без свидетельства хоронить нельзя.

Услышав о предстоящем вскрытии тела покойного мужа, Александра Егоровна, по словам Дубровина и Бесклубова, не обнаружила ни малейшего страха; если же она заплакала, то это объясняется религиозностью подсудимой, а главное — тем естественным чувством негодования, которое овладевает каждым из нас, когда останки близкого ему человека потрошатся и изрезаются в куски. Словами Португалова: «Пожалуй, придется резать», все родственники были крайне возмущены, обижены и огорчены...

Ускорение похорон несколько не зависело от желания подсудимой, и она о нем не обмолвилась ни одним словом. Об том хлопотал исключительно Бесклубов, как человек, знакомый с правилами церковного распорядка. По просьбе Казанской церкви 22 октября был храмовой праздник, а потому с похоронами следовало поторопиться. Да и самое вскрытие ускорено было с этой целью на какие-нибудь два часа, и, разумеется, не в эти два часа можно было рассчитывать скрыть следы преступления.

Остается, наконец, заявление о вымогательстве доктором 300 рублей. Если это вымысел, то он может составить улику лишь против одного Резникова, потому что как подсудимая, так и Дубровин, Леонтьев и другие говорили об этом со слов Резникова; хотя, говоря откровенно, смысл этой улики для меня все еще довольно темен. Какую цель мог преследовать этот вымысел? Побудить Португалова выдать необходимое свидетельство? Но ведь избранный Резниковым способ мог привести только к противоположному результату, так как, озлобляя Португалова, вместе с тем он неизбежно вызывал вскрытие трупа при участии уже полиции.

Затем, следуют так называемые «улики поведения». Подсудимая, говорят нам, несколько не была опечалена смертью мужа и проявила полное равнодушие, проводя все время с Резниковым, за которого собиралась выйти замуж.

К сожалению, не изобретено еще контрольного снаряда для измерения степени горя. Чувство горя у разных людей выражается различно: одни ему предаются всецело, другие умеют обуздать себя, третьи, по легкомыслию, скоро о нем забывают. И далеко не всегда истинное горе облекается в креп и плерезы — иногда оно украдкой долгие годы таится под яркими и пестрыми одеждами. Нет, нам нужна вывеска, нужны внешние символы скорби. Но и тут мы не вправе упрекнуть подсудимую. Кто, кроме Е. Максименко, говорит о ее равнодушии, об уликах, о поцелуях с Резниковым? После смерти — и на похоронах и несколько недель спустя — какой видели ее свидетели? По общему отзыву, она была убита горем, плакала, «убивалась», «журилась», хотя, правда, «без причиту», как выразилась здесь ее мать. По словам пристава Пушкарева, вдова была «как бы в состоянии столбняка»; другие говорят о совершенной ее душевной подавленности, а Гансусова засвидетельствовала перед нами крайне расстроенное — и телесно и душевно — состояние Александры Егоровны, с которой и через месяц делались еще обмороки. И в то время, как сотне наблюдавших глаз видно было глубокое, искреннее горе, одной Елизавете Максименко мерещатся только объятия и поцелуи!

Почему Александра Егоровна несколько ночей провела у Резниковых? А кто ее привел туда, кто просил Резниковых присмотреть за ней, как не брат покойного, Антонин Федорович? А затем всякой подозрительности должны же быть разумные пределы. Вспомните, что многочисленная семья Резниковых помещалась в пяти комнатах, что А. Резников спал с младшим братом, а Александра Егоровна с Софьей Даниловной — этой милой, интеллигентной девушкой, домашней учительницей, с которой так дружна была подсудимая.

Резников кому-то говорил о своем намерении жениться, а отсюда уж и вывод, что она собиралась за него замуж. Но слышал ли кто-нибудь от нее самой хоть слово об этом замужестве с 18-летним мальчиком, с солдатчиной в перспективе? Быть может, Резников, соблазненный примером Максименко, и имел виды на его вдову; быть может, с целью ограждения себя от конкурентов-женихов и говорил о своей свадьбе как о деле решенном, тем более, что женихи уже засуетились: явилась и сваха — Кривенкова, предлагавшая «хорошего, богатого жениха». «У мужа и ноги не остыли, а мне замуж выходить? Раньше года и слушать об этом не стану!», — вот что услышала сваха от Александры Егоровны. Итак, в деле есть намек лишь на намерение Резникова, совпадавшее — если верить свидетелю Куколевскому — и с желаниями его матери, но причем же тут подсудимая, которой мысль эта была совершенно чужда?

Разобрав все существенные улики обвинения, не могу умолчать в двух фактах, значение которых, как контрулики, представляется мне поистине громадным.

Первый из них — приглашение подсудимой двух посторонних, пользующихся в Ростове заслуженным уважением врачей — Лешкевича и Моргулиса — присутствовать при вскрытии тела ее мужа. Она не могла не знать, что цель вскрытия — определение причины смерти, не могла, конечно, не понимать, что если два глаза Крассы еще могут просмотреть преступную причину смерти, то шесть глаз трех врачей обнаружат ее с большей, с утроенной вероятностью. А между тем она сама, по собственному почину, приглашает врачей-ассистентов, как бы желая увеличить шансы раскрытия ее преступления!

В связи с этим стоит другой факт, настолько тяжеловесный, что его нельзя потрясти никакими усилиями. Я говорю о вторичном вскрытии трупа и о проверочном химическом исследовании, произведенных уже в марте 1889 года, после того как первоначально законченное 31 декабря 1888 г. предварительное следствие возвращено было к дополнению. Инициатива этих следственных действий, вопреки неправильному указанию обвинительного акта, чего не отрицает теперь и прокурор, всецело принадлежала подсудимой, которая умоляла своих родственников ходатайствовать о новом вскрытии. По словам Дубровиных, Леонтьева и Галкина, они старались отговорить ее от этого ходатайства, так как, вполне уверенные в невинности Александры Егоровны они боялись и тех сюрпризов, которые иногда оказываются на вскрытии, и замедления процесса. Подсудимой говорили: «Ты невинна — в этом мы не сомневаемся, но разве можно поручиться за остальных окружающих, за самого покойного?» При этом ей указывали, что, по мнению компетентных лиц, химический акт 31 октября — незаконно составленный, недостоверный, и потому серьезного значения иметь на суде не будет. Но А. Максименко продолжала, без колебаний, настаивать на проверочном исследовании, убежденная в том, что муж ее умер не от отравы, что первый анализ ошибочен. Если же все это так, если почин поверочного анализа принадлежал подсудимой, притом вопреки настойчивым отговорам близких ей людей, то позволительно спросить, сказался ли в этом человек невинный, ищущий спасения от напрасного обвинения, или же, напротив, преступница, сама обогащающая обвинение новыми против себя уликами? Над этим неотразимым фактом в вашей совещательной комнате вы, конечно, призадумаетесь не менее меня.

Защита моя приходит к концу. Я представил вам баланс улик и оправданий и, доказав явный пассив обвинения, установил полный актив подсудимой. Приближается роковой момент постановления вашего приговора; но, убедившись доводами защиты, вы, быть может, все-таки в раздумье встанете перед вопросом: кто же, кто отравил Н. Максименко? Существует старинное классическое правило, что наиболее вероятный преступник тот, кто в преступлении этом более

заинтересован. В чем интересе было преступление, разумея интерес в широком смысле — материальном или нравственном.

Я старался доказать перед вами отсутствие всякого мотива к этому преступлению у А. Максименко, у которой в прошлой жизни не было повода ни к ненависти, ни к страстному желанию избавиться от мужа, для которой смерть мужа была несчастьем.

Как бы сознавая, в каком страшном противоречии стоят подсудимые с приписываемым им преступлением, насколько невероятен мотив его, прокурор сделал попытку примирить это противоречие, назвав подсудимых «преступными детьми», продуктом развращенной современности. Попытку прокурора нельзя признать удачной, а употребленный им термин правильным. Действительно, современная позитивная школа уголовного права в Италии, при изучении человеческой преступности и ее факторов, антропологических и социальных, выделила целую категорию «преступных детей», как разновидность современного «преступного человека». Их преступность — продукт наследственности, воспитания и социальных условий. Дети профессиональных воров и пьяниц, подкидыши, незаконнорожденные, ютящиеся под мостами, в трущобах и вертепах, они создают собой контингент, обильно комплекующий ряды будущих преступников. Сначала попрошайки, нищие, затем — мелкие карманные воришки, еще дальше — постоянные рецидивисты, они, ступень за ступенью, быстро спускаются по лестнице человеческого падения, вытравив в душе последние проблески нравственного чувства, обращаются в нравственных безразличников, способных, в конце концов, на самое чудовищное и вместе нередко бессмысленное злодеяние... Вот что такое «преступные дети»... Объясняет что-либо этот термин в нашем деле, приложим ли он к подсудимым, выросшим в патриархальной семье, в коротком прошлом которой ни одного пятна, ни одного проступка? Да, это дети, но не преступные — несчастные, замученные дети!

Но кто же другой мог иметь интерес в смерти Н. Максименко? Бурыкова, Гребенькова? Конечно, нет. Но есть два лица, для которых смерть Н. Максименко могла представлять известный интерес. Одно из этих лиц — родной брат умершего, Антонин, который знал о приобретении Николаем всего состояния, который так поспешно утвердился в правах наследства к этому стотысячному состоянию и предъявил даже иск к товариществу Дубровиных об отчете и дивиденде. Другое лицо — Варвара Дубровина — теща, одна из типичнейших и несноснейших в мире тещ. О неприятных чувствах ее к зятю шла уже речь. Не по сердцу был теще зять, и постоянное глухое недовольство ее прорывалось иногда бурными сценами; а когда Варвара Матвеевна почувствовала, что она, вдова первой гильдии ростовского купца Дубровина, в этом доме ничто и что новым хозяином стал — кто же? — ее вчерашний приказчик, конечно, не примирению ее с зятем

это могло способствовать. Мне возразят: да ведь ни Антонина Максименко, ни Варвары Дубровиной 18 октября в доме не было! Да, их действительно там не было. Варвара Матвеевна даже слишком долго отсутствовала, уйдя еще 17 вечером и возвратившись 19 днем, когда зять ее был уже на столе... Но, господа, кроме виновников физических, непосредственно преступление совершающих, закону известны и виновники интеллектуальные — подговорщики, подстрекатели... И, если вспомнить отношения лиц, остававшихся в квартире Максименко в ночь на 19 октября, то разве немисливо предположение, что руки истинного убийцы, которому был интерес в этой смерти, могли быть удлинены другими, преданными руками? Я далек от мысли обвинять кого-либо в убийстве Максименко, но я хотел только высказать, что если следственная и обвинительная власти в поисках за виновными указателем избрали соображение «интереса», то нельзя не сознаться, что в этом отношении следственный розыск не был исчерпан и следствие ухватилось прямо за готовый шаблон: отравлен муж, значит — женой.

Но остается еще Резников... Есть, господа, теория, нечто вроде адвокатской заповеди: защищая одного подсудимого, не обвинять, не набрасывать тени на другого. Этой ложносентиментальной теории я не сторонник; я думаю, что истина имеет свои права, что истина — дороже и, прежде всего, что ее нельзя топтать ногат ми из ложного чувства сожаления. И если бы я видел в этом деле сколько-нибудь серьезные улики против Резникова, я первый бы стал говорить здесь о его виновности. Но сделать это я по совести не могу: таких улик против Резникова я не усматриваю.

Я не ответил на естественно возникающий вопрос: кто же отравил Н. Максименко — потому что не в силах на него ответить. Но это не должно смущать вас, господа присяжные, как судей. Помните, что на обязанности вашей не лежит вовсе разыскание преступника, это функции других органов государства, задача ваша более узкая? Суд коронный вас спросит: если преступление совершено, то виновны ли в нем преданные суду, заподозренные люди? За рамки этой задачи вы не должны, вы не вправе выступать.

Итак, духовно сосредоточившись на всем виденном и слышанном, спросите ваш ум и вашу совесть: достаточно ли тех мелочных, ничтожных, данных, с которыми выступила обвинительная власть, для осуждения обвиняемых в этом тяжком преступлении?

Старый, дореформенный суд, разрешая уголовные дела, мог постановлять тройкие приговоры: обвинительный, оправдательный или, наконец, при недостаточности улик, оставляющий подсудимого в подозрении. Новый наш суд не признает этой третьей формы приговора, он не знает середины между невинностью и виновностью. И когда присяжные говорят «виновен», этот ответ должен выражать полное их убеждение в вине подсудимого; когда они отвечают «нет»,

такой ответ включает как убеждение в невинности, так и сомнение в виновности. И если вы не убедились в естественной смерти Н. Максименко, то неужели путь к обвинению не будет заслонен перед вами целым лесом, целым бором дремучих сомнений? А сомнение нельзя обходить стороной, проселком: «нужно или победить его, или ему подчиниться».

Вы — не оракулы, вы судьи — разумные оценщики, решители важнейшего жизненного вопроса по правилам логики, указаниям житейского опыта и голосу совести. Не гадать отгадывать призваны вы сюда, а творить великое, ответственное дело — суд творить его сознательно и с полным, непоколебимым убеждением.

Деятельность судьи один выдающийся современный мыслитель русский сравнивает с деятельностью историка. Как историку для крупных выводов и заключений нужны крупные, веские факты, так и для судьи в его решении необходимы твердые, бесспорные данные. Разница между судьей и историком не в целях — раскрытие истины — и не в средствах — факты и логические мышления. Разница только в результатах убеждения. Ошибись историк, заклеми он едким упреком или клеветой позорной память великого человека — беда невелика. На такой приговор всегда допускается бессрочная апелляция к потомству: другой историк, «пыль веков от хартий отряхнув», может исправить ошибку. Но от приговора судейского прямо зависят честь, свобода, жизнь подсудимого. За ошибку, за опрометчивость судьи невинный может поплатиться слезами, страданиями, кровью!

Довольно и так было и слез, и страданий! Три года назад она была счастлива, любима, богата, здорова, цветуща... Взгляните же, что случилось с ней теперь: несчастна, одинока, разорена, обесславлена, заточена в тюрьму, где стала жертвой неумолимого недуга, и, пережив уже однажды невыразимые муки ожидания судебного приговора, с немым, окаменелым ужасом снова ждет решения своей горькой доли!

Господа! Один римский император, подписывая смертный приговор, воскликнул: «О, как я несчастлив, что умею писать!» Я уверен, что старшина ваш, подписывая приговор оправдательный, будет чувствовать иное — он скажет: «Как счастлив я, что умею писать!». Такого приговора я прошу, я ожидаю от вас как защитник, как человек, как гражданин!

Судебные речи советского периода

В многочисленных речах юристов советского периода главное внимание уделялось раскрытию правовых и процессуальных вопросов.

Судебная речь советского периода была более конкретна, чем дореволюционного. Моральные, общие вопросы затрагивались только в общих чертах и не занимали большого места в тексте речи. Характеристика личности подсудимого чаще всего давалась ораторами без глубоких психологических подробностей.

Руденко Р.А.

«Речь на Нюрнбергском процессе»

Господин Председатель!

Господа Судьи!

Мы подводим итоги судебного следствия в отношении главных немецких военных преступников. В течение девяти месяцев самому тщательному, детальному исследованию были подвергнуты все обстоятельства дела, все доказательства, представленные Суду обвинением и защитой. Ни одно деяние, вменявшееся в вину подсудимым, не осталось без проверки, ни одно обстоятельство, имевшее значение, не было упущено при рассмотрении данного дела. Впервые в истории преступники против человечества несут ответственность за свои преступления перед Международным Уголовным Судом, впервые народы судят тех, кто обильно залил кровью обширнейшие пространства земли, кто уничтожил миллионы невинных людей, разрушал культурные ценности, ввел в систему убийства, истязания, истребление стариков, женщин и детей, кто заявлял дикую претензию на господство над миром и вверг мир в пучину невиданных бедствий. Да, такой судебный процесс впервые проводится в истории правосудия. Судит Суд, созданный миролюбивыми и свободолюбивыми странами, выражающими волю и защищающими интересы всего прогрессивного человечества, которое не хочет повторения бедствий, которое не допустит, чтобы шайка преступников безнаказанно готовила порабощение народов и истребление людей, а потом осуществляла свой изуверский план.

Человечество призывает к ответу преступников, и от его лица мы, обвинители, обвиняем в этом процессе. И как жалки попытки оспорить право человечества судить врагов человечества, как несостоятельны попытки лишить народы права карать тех, кто сделал своей целью порабощение и истребление народов и эту преступную цель много лет подряд осуществлял преступными средствами. Настоящий процесс проводится таким образом, что подсудимым, обвиняемым в тяжчайших преступлениях, были предоставлены все возможности защиты, все необходимые законные гарантии. В своей стране, стоя у руля правления, подсудимые уничтожили все законные формы правосудия, отбросили все усвоенные культурным человечеством принципы судопроизводства. Но их самих судит Меж-

дународный Суд с соблюдением всех правовых гарантий, с обеспечением подсудимым всех законных возможностей для защиты.

Мы подводим сейчас итоги судебного следствия, делаем выводы из рассмотренных на Суде доказательств, взвешиваем все данные, на которых основано обвинение. Мы спрашиваем: подтвердилось ли на Суде предъявленное подсудимым обвинение, доказана ли их вина? На этот вопрос можно дать только один ответ: судебное следствие полностью подтвердило обвинение. Мы вменяем подсудимым в вину только то, что на Суде доказано с полной несомненностью и достоверностью, а доказаны все чудовищные преступления, которые в течение многих лет готовила банда оголтелых преступников, захвативших в Германии государственную власть, и в течение многих лет их осуществляла, не считаясь ни с принципами права, ни с элементарными нормами человеческой морали.

Эти преступления доказаны, их опровергнуть не могли ни показания подсудимых, ни доводы защиты, их опровергнуть и нельзя потому, что нельзя опровергнуть истину, а именно истина является прочным результатом настоящего процесса, надежным итогом наших длительных и упорных усилий. Обвинение доказано во всех его элементах. Доказано, что существовал общий план, или заговор, в котором принимали участие подсудимые для подготовки агрессивных войн, нарушающих нормы международного права, для порабощения и истребления народов. Наличие такого плана, или заговора, является несомненным, как несомненной является руководящая роль в нем подсудимых по этому делу. В этой части обвинение подтверждено всеми данными судебного следствия, бесспорными документами, показаниями свидетелей и самих подсудимых. Вся деятельность подсудимых была направлена к подготовке и развязыванию агрессивных войн.

Вся их так называемая «идеологическая работа» заключалась в культивировании зверских инстинктов, во внедрении в сознание немецкого народа нелепой идеи расового превосходства и практических задач уничтожения и порабощения людей «неполноценных рас», представлявших якобы лишь удобрением для произрастания «расы господ». Их «идеологическая работа» заключалась в призывах к убийствам, грабежам, разрушению культуры, истреблению людей.

Подсудимые готовились к этим преступлениям давно, а затем их осуществляли, нападая на другие страны, захватывая чужие территории, истребляя людей.

Когда же возник этот план, или заговор?

Конечно, установить точную дату, день и час, когда подсудимые договорились совершить свои преступления, вряд ли возможно.

Мы не можем и не будем основывать свои выводы и утверждения на догадках и предположениях. Но полной несомненностью следует считать установленным, что с того момента, когда фашисты захватили в Германии государственную

власть, они приступили к реализации своих преступных планов, они использовали власть для подготовки агрессивной войны.

Вся деятельность подсудимых была направлена к подготовке Германии к войне.

Факт вооружений и перестройки экономики для целей войны совершенно бесспорен, он установлен документально, его признают подсудимые.

Спрашивается, в какой же войне подсудимые стали готовиться сразу после захвата власти? Неужели к оборонительной войне?

Ведь никто не собирался на Германию нападать, ни у кого не было такой цели, по-моему, и не могло ее быть.

Если Германия готовилась не к оборонительной войне, то, поскольку факт подготовки к войне установлен, ясно, что она готовилась к войне агрессивной. Такова логика фактов, и таковы факты. Германия начала и развязала ту самую войну, которую она подготавливала, и в 1937—1939 гг. произошло то, что подготавливалось с 1933 года.

Отсюда вывод: план, или заговор, существовал, по крайней мере, с 1933 года, т. е. с того момента, когда фашисты захватили государственную власть и использовали ее для своих преступных целей.

Это факты, а слова подсудимых, произнесенные ими тогда, когда они не предполагали, что будут подсудимыми, только подтверждают эти факты.

Достаточно указать на выступления Шахта, Круппа и других о том, как готовилось фашистское правительство к войне и как этой цели подчинили все области политической и экономической жизни.

Я считаю доказанным обвинение подсудимых в том, что в 1933 году, когда гитлеровцы захватили власть в Германии, они разработали план, или заговор, включающий совершение преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечности.

Судебным следствием полностью доказано совершение преступлений подсудимыми против мира, заключающихся в планировании, подготовке, развязывании и ведении агрессивных войн, в нарушении международных договоров, соглашений и обязательств.

Здесь сами факты говорят за себя: это — те войны, которые повлекли невиданные жертвы и опустошения и агрессивный характер которых установлен с несомненностью.

Вина подсудимых в совершении преступлений против мира полностью доказана.

Доказано полностью обвинение в совершении военных преступлений, заключающихся в ведении войн методами, противоречащими законам и обычаям войны.

Ни подсудимые, ни их защитники ничего не могли возразить против самих фактов совершения таких преступлений.

Все, что они могли сказать по этому поводу, — это то, что подсудимые сами непосредственно не совершали этих зверств-уничтожение людей в «душегубках» и концентрационных лагерях; своими руками не истребляли евреев и даже не знали отдельных подобных фактов, а что факты эти были, — против этого не спорят и подсудимые. Подсудимые признают эти факты.

Бесплодный способ защиты!

Конечно, подсудимым, занимавшим высшие руководящие посты в гитлеровской Германии, не было никакой нужды самим своими руками расстреливать, вешать, душить, замораживать живых людей в виде эксперимента. Это делали по их указаниям их подчиненные, палачи, выполнявшие, так сказать, черную работу, а подсудимым нужно было только давать приказания, исполнявшиеся беспрекословно.

Поэтому безнадежна попытка подсудимых разорвать свою связь с этими палачами, отгородиться от них.

Эта связь несомненна и бесспорна. И если комендант Освенцима Рудольф Гесс вырывал золотые зубы у мертвецов, то имперский министр Вальтер Функ открывал для хранения этих золотых зубов специальные сейфы в подвалах имперского банка.

Если подчиненные Кальтенбруннера умерщвляли людей в душегубках, то строились эти газенвагены на заводах Зауэра, Даймлера и Бенца, подчиненных подсудимому Шпееру.

Если военнопленных уничтожали профессиональные палачи из соединения «Тотен Копф» («Мертвая голова») и лагерная охрана, то приказы об уничтожении подписывались фельдмаршалом германской армии Кейтелем; именно подсудимые намечали сроки уничтожения, отдавали приказы о создании специальной техники умерщвления, идеологически обосновывали «право высших рас» на уничтожение, истребление «неполноценных народов».

Это они спокойно и безжалостно наблюдали за замученными жертвами и, как Ганс Франк, произносили парадные речи «о еще новом шаге», пройденном германским фашизмом по пути очищения «жизненного пространства» от «низших рас».

За каждое убийство, за каждую каплю невинной крови, пролитой гитлеровскими палачами, несут ответственность подсудимые, ибо между ними и непосредственными исполнителями преступлений, убийств, истязаний — разница только в ранге и масштабе деятельности: те непосредственные палачи, а они главные палачи, начальники палачей, палачи высшей марки. Они во много раз опаснее, чем те, которых они воспитывали в духе человеконенавистничества и изуверства и от которых, спасая себя, теперь отрекаются.

Полностью доказана вина подсудимых в совершении военных преступлений, в том, что они организовали систему уничтожения военнопленных, мирного населения, женщин, стариков и детей; в том, что по их вине всюду, где ступала нога немецкого солдата, оставались горы убитых и замученных людей, развалины и пожарища, опустошенные города и села, оскверненная и залитая кровью земля.

Доказаны полностью преступления против человечности, совершенные подсудимыми.

Мы не можем пройти мимо тех преступлений, которые подсудимые совершали в самой Германии за время своего господства в ней: массовое уничтожение всех тех, кто в какой-то мере выражал недовольство нацистским режимом; рабский труд и истребление людей в концентрационных лагерях; массовое истребление евреев, а затем тот же рабский труд и то же уничтожение людей в оккупированных странах — все это доказано, и обвинение не поколеблено. Какие же средства защиты были использованы подсудимыми и их защитниками, какие доказательства и аргументы они могли противопоставить обвинению?

Средства защиты подсудимых можно разделить на две основные группы. Это, во-первых, ряд свидетелей, вызванных защитниками. Эти свидетели должны были своими показаниями смягчить вину подсудимых, умалить их действительную роль в совершении злодеяний, обелив их во что бы то ни стало. Эти свидетели в подавляющем большинстве случаев являлись обвиняемыми по другим делам.

О какой объективности и достоверности показаний таких свидетелей защиты можно говорить, если невиновность подсудимого Функа должен был подтвердить его заместитель и соучастник, член СС с 1931 года, Хойлер, имеющий чин группенфюрера СС; если в пользу Зейсс-Инкварта был призван свидетельствовать преступник Рейнер — член фашистской партии с 1930 года, гаулейтер Зальцбург-а, а затем Каринтии.

Эти так называемые «свидетели», такие, как, например, Бюлер — правая рука подсудимого Франка и соучастник его во всех преступлениях — или Боле — один из основных руководителей шпионско-диверсионной деятельности гитлеровцев за границей и заведующий заграничным отделом фашистской партии, — приходили сюда для того, чтобы, совершив клятвopреступление, попытаться выгородить своих бывших хозяев и сохранить свою собственную жизнь.

И все же большинство «свидетелей защиты» во время их допроса неизбежно превращалось в свидетелей обвинения. Их самих изобличали «немые свидетели» — документы, причем преимущественно немецкие, и они сами принуждены были изобличать тех, кого они хотели оправдывать.

Другая группа средств защиты — это доводы и соображения юридического порядка.

Обвинение в данном процессе, опирающееся на огромный и бесспорный фактический материал, прочно стоит на позициях права и законности. Поэтому уже в первых вступительных речах обвинителей было уделено много внимания уголовно-правовому обоснованию ответственности подсудимых.

Защита в своих выступлениях перед Трибуналом вновь поставила ряд правовых вопросов:

- а) о значении принципа «нуллум кримен сине леге»,
- б) о значении приказа,
- в) об ответственности государства и отдельных лиц,
- г) о понятии заговора и др.

В связи с этим считаю необходимым вновь вернуться к некоторым правовым вопросам в ответ на попытки защиты запутать простые и ясные положения и превратить юридическую аргументацию в дымовую завесу, призванную скрыть от суда кровавую боль фашистских преступлений.

Принцип «нуллум кримен сине леге»

Защита пыталась отвергнуть обвинение, доказывая, что в момент совершения подсудимыми инкриминируемых им деяний, последние не были предусмотрены действовавшими законами, а потому подсудимые не могут нести за них уголовную ответственность.

Я мог бы просто отвести все ссылки на принцип «нуллум кримен сине леге», так как Устав Международного Военного Трибунала, являющийся непреложным законом, подлежащим обязательному исполнению, устанавливает, что этот Трибунал «имеет право судить и наказывать лиц, которые, действуя в интересах европейских стран оси, индивидуально или в качестве членов организаций», совершили любое из преступлений, перечисленных в статье 6 Устава.

Следовательно, юридически для вынесения приговора и применения наказания не требуется, чтобы совершенные подсудимыми преступления были предусмотрены уголовными законами в момент их совершения. Однако не подлежит сомнению, что действия подсудимых являлись преступными с точки зрения законов, действовавших в момент, когда эти преступления имели место.

Нормы уголовного права, содержащиеся в Уставе Международного Трибунала, представляют собой выражение принципов, содержащихся в ряде международных договоров, перечисленных в моей вступительной речи 8 февраля 1946 г., и в уголовном законодательстве всех цивилизованных государств. Законодательство всех цивилизованных народов предусматривает уголовную ответственность за убийства, истязания, насилия, грабежи и т. д.

То обстоятельство, что эти преступления были организованы подсудимыми в превосходящих человеческое воображение размерах и в неслыханных по сво-

ей садистской жестокости формах, конечно, не исключает, а лишь многократно усиливает ответственность преступника. Если бы подсудимые совершили преступления на территории и в отношении граждан какой-либо одной страны, то они согласно Декларации глав правительств СССР, Великобритании и США, опубликованной 2 ноября 1943 г., в полном соответствии с общепринятыми началами уголовного и уголовно-процессуального права были бы судимы в этой стране и по ее законам.

Эта Декларация гласила, что «германские офицеры и солдаты и члены нацистской партии, которые были ответственны за вышеупомянутые зверства, убийства и казни или добровольно принимали в них участие, будут отсланы в страны, в которых были совершены их отвратительные преступления, для того чтобы они могли быть судимы и наказаны в соответствии с законами этих освобожденных стран и свободных правительств, которые будут там созданы».

Однако подсудимые являются военными преступниками, «преступления которых не связаны с определенным географическим местом» (ст. I Соглашения четырех держав от 8 августа 1945 г.), и потому их преступления подсудны Международному Военному Трибуналу, действующему на основании Устава.

Защитник подсудимого Гесса позволил себе утверждать: «Не может быть никакого сомнения в том, что преступления против мира, как изложено в статье 6, абзац 2 Устава, не существует».

Нет нужды здесь делать ссылки на международные договоры (я их называл в своей вступительной речи 8 февраля), в которых агрессивная война была признана международным преступлением.

Они обвиняются в действиях, которые цивилизованное человечество и ранее признавало преступлениями.

Исполнение приказа

Некоторые подсудимые в своих показаниях Трибуналу пытались представить себя убогими карликами, слепыми и покорными исполнителями чужой воли — воли Гитлера.

В поисках правовой базы для этой позиции защитник Яройсс много говорил о значении приказов Гитлера. По мнению защитника Яройсса, приказ Гитлера «был чем-то совершенно иным», чем приказ любого другого руководителя, что приказ Гитлера являлся актом «неприкосновенным в правовом отношении». Поэтому защитник Яройсс утверждает: «что бы ни понимал Устав Трибунала под приказами, которые он отрицает как основание, исключющее уголовное преследование, можно ли все-таки под этим подразумевать приказ Гитлера? Может ли этот приказ подойти под понятие приказа, предусмотренное Уставом?»

Право толкования закона — неоспоримое право каждого судебного работника, в том числе, конечно, и защитников. Представляется, однако, совершенно непостижимым, какими логическими или иными методами руководствовался защитник, утверждая, что положение Устава, специально разработанного для Суда над главными военными преступниками фашистской Германии, именно условий деятельности этих преступников не имело в виду?

О каких же приказах, кем изданных, в какой стране, говорит Устав Трибунала?

Бесспорно, разумеется противоположное: авторы Устава были в полной мере ориентированы в специфической обстановке гитлеровской Германии, были в полной мере ориентированы (по материалам Харьковского и иных процессов) в попытках подсудимых прятаться за приказы Гитлера, и именно потому они специально оговорили, что исполнение явно преступного приказа не освобождает от уголовной ответственности.

Ответственность государства и отдельных лиц

В известной мере, надо полагать, сами авторы этой попытки скрыть большую группу министров, гаулейтеров и военных начальников за спину Гитлера усомнились в убедительности подобного защитительного маневра, ибо на помощь этому маневру выдвигается новая линия обороны.

«Если германская империя начала наступление вопреки еще действовавшему договору о ненападении, — говорил защитник Яройсс, — то она совершила международный деликт и должна отвечать за него по нормам международного права..., только империя, но не отдельное лицо».

Нельзя, прежде всего, не отметить, что приведенная точка зрения не блещет новизной: до выступления официальной защиты на настоящем процессе некоторые неофициальные защитники военных преступников охотно пропагандировали версию, что не физические лица, а Германское государство и германский народ должны нести ответственность за преступную агрессию и военные преступления.

Нарушение субъектом международного права — государством норм международного права влечет те или иные последствия международного характера, во всяком случае, не уголовную ответственность государства.

Те или иные действия государства в сфере международных отношений совершаются физическими лицами, должностными лицами и агентами государства.

При выполнении этих действий эти лица могут совершать самые разнообразные нарушения как гражданско-правового, так и уголовно-правового характера.

За последние, т. е. содержащие состав преступления, они несут в подлежащих случаях уголовную ответственность по законам и перед судом как своего, так и чужого государства, в зависимости от обстоятельств.

В данном случае не только гитлеровское государство нарушило нормы международного права, последствием чего являются меры, принятые в отношении государства, но и отдельные физические лица, совершая эти акты нарушений, персонально совершили уголовные преступления, за которые они в соответствии с Уставом Трибунала подлежат уголовной ответственности перед Международным Военным Трибуналом.

О понятии заговора

Защита единодушно, хотя и в разных формах и вариантах, пытается оспаривать обвинение подсудимых в преступном заговоре. Вытаскивая из различных источников односторонние и тенденциозно подобранные определения заговора, защитники стремятся доказать, что Геринг, Гесс, Риббентроп и др. не могут рассматриваться в качестве участников заговора.

Я хотел бы привести несколько аргументов в доказательство несостоятельности положения защиты.

Заговор предполагает наличие преступного сообщества, созданного и действующего для достижения общих преступных целей. Такое сообщество бесспорно имелось. Разумеется, в настоящем случае, поскольку заговорщиками было захвачено управление государством, нити и рычаги, связывающие членов заговорщического преступного сообщества, весьма сложны.

В любом преступном сообществе, а в особенности в разветвленном и многочисленном, отдельные участники выполняют такие преступные акты, которые охватываются общим планом заговора, но конкретно могут оставаться неизвестными ряду членов сообщества. Тем не менее, поскольку эти преступления вытекают из единого преступного плана, общего для всего сообщества, за них несут ответственность и те участники, которые лично не совершали этих отдельных преступных деяний и конкретно о них не были осведомлены.

В настоящем деле наличие заговора не исключается тем обстоятельством, что, например, Ширах мог не знать об отдельных мероприятиях работоторговца Заукеля или погромщика Штрейхера.

Наличие заговора не исключается и разногласиями по частным вопросам, существовавшими между отдельными участниками заговора (интриги Геринга против Бормана и т. п.).

Такие столкновения могут иметь место в любой шайке разбойников и воров, но от этого шайка или банда не перестает быть таковой.

Почти в каждом сообществе существует определенная иерархия среди его участников. Весьма часто атаманы преступной шайки присваивают себе неограниченную власть над другими членами шайки, вплоть до права жизни и смерти.

Однако ни одному юристу в мире, кажется, не приходило в голову отрицать наличие преступного сообщества на том лишь основании, что участники его не были равны, а один имел власть над другими.

По меньшей мере странно отрицать наличие заговора в настоящем случае на основании того бесспорного факта, что в руках главаря — Гитлера была сосредоточена огромная личная власть. Равным образом, наличие заговора не исключает, а предполагает определенное распределение ролей между участниками преступной группы в достижении общей преступной цели (один координирует всю преступную деятельность, второй ведает вопросами идеологической подготовки, третий готовит армию, четвертый организует работу военной промышленности, пятый ведет дипломатическую подготовку и т. д.). Поэтому фашистский заговор не перестает быть заговором, но и является заговором особо опасным, ибо в руках заговорщиков находятся государственный аппарат и огромные людские и материальные ресурсы.

В руках международных преступников, в руках Геринга, Кейтеля и других подсудимых огромные армии людей становятся орудием тяжчайших преступлений.

Вот почему те специфические черты, которые отличают заговорщиков фашистской Германии от любой иной банды, не меняя правовой природы заговора, лишь придают ему особо опасный характер.

На этом я заканчиваю краткий анализ юридических аргументов защиты, на которых подробно останавливались мои уважаемые коллеги.

Как вы видели, господа Судьи, аргументы защиты оказались несостоятельными и неспособными поколебать обвинение.

<...>

Господа судьи!

Перед вами прошли все подсудимые — люди, лишенные чести и совести, ввергшие мир в бездну несчастий и страданий, причинившие огромные бедствия собственному народу.

Политические авантюристы, не останавливавшиеся ни перед какими злодеяниями для достижения своих преступных целей, низкие демагоги, прикрывавшие свои разбойничьи планы лживыми идеями, палачи, убившие миллионы невинных, — они объединились в клику заговорщиков, захватили власть и превратили аппарат германского государства в орудие своих преступлений.

Ныне наступил час расплаты.

В течение девяти месяцев мы наблюдали бывших правителей фашистской Германии.

Перед лицом Суда, на скамье подсудимых, они притихли и присмирели. Некоторые из них даже осуждали Гитлера. Но они корят сейчас Гитлера не за провокацию войны, не за убийство народов и ограбление государств, единственно чего не могут они ему простить — это поражения.

Вместе с Гитлером они были готовы истребить миллионы людей, поработить все передовое человечество для достижения преступных целей мирового господства.

Но иначе судила история: победа не пришла по следам злодеяний. Победили свободолюбивые народы, победила правда, и мы горды тем, что Суд Международного Военного Трибунала — это Суд победившего правого дела миролюбивых народов.

Защитники подсудимых говорили о гуманности. Мы знаем, что цивилизация и гуманность, демократия и гуманность, мир и гуманность — нераздельны.

Но борцы за цивилизацию, демократию и мир, — мы решительно отвергаем бесчеловечный гуманизм, внимательный к палачам и безразличный к их жертвам. Защитник Кальтенбруннера тоже говорил здесь о человеколюбии. В сочетании с именем и делами Кальтенбруннера слова о любви к человеку звучат кощунственно.

Господин председатель! Господа!

Моей речью заканчиваются выступления обвинителей.

Выступая на этом Суде от имени народов Союза Советских Социалистических Республик, я считаю полностью доказанными все обвинения, предъявленные подсудимым. И во имя подлинной любви к человечеству, которой исполнены народы, принесшие величайшие жертвы для спасения мира, свободы и культуры, во имя памяти миллионов невинных людей, загубленных бандой преступников, представших перед судом передового человечества, во имя счастья и мирного труда будущих поколений — я призываю Суд вынести всем без исключения подсудимым высшую меру наказания — смертную казнь.

Такой приговор будет встречен с удовлетворением всем передовым человечеством.

Дервиз О.В.

«Речь в защиту Васильевой»

Товарищи судьи!

Моей подзащитной Васильевой предъявлено обвинение в совершении весьма тяжкого преступления — причинении тяжких телесных повреждений, повлекших смерть. Закон предусматривает наказание за совершение таких действий в виде лишения свободы на срок до 12 лет. Если добавить к этому, что покойный Волков — отец подсудимой, то обвинение Васильевой становится еще более страшным.

Именно поэтому задача защиты по данному делу трудна и ответственна, ибо ни в законе, ни в нашем нравственном чувстве нет и не может быть оправдания для отцеубийцы.

Однако я исполняю сегодня свой профессиональный долг с глубоким убеждением в правильности моей правовой и моральной оценки действий Васильевой. Защита не согласна с предложенной обвинением юридической квалификацией совершенного ею преступления.

Чтобы вы, товарищи судьи, могли правильно оценить действия моей подзащитной и назначить справедливое наказание, необходимо тщательно и непредвзято проанализировать все обстоятельства дела, проследить развитие событий в семье Васильевой, приведших 11 февраля к трагической развязке. Материалы дела дают нам возможность сделать это с достаточной полнотой.

Мы с вами выслушали показания подсудимой, рассмотрели заключения экспертов, характеристики и другие документы. Сухое и лаконичное изложение событий в обвинительном заключении дополнилось живыми и непосредственными впечатлениями очевидцев, людей, повседневно соприкасавшихся с семьей Волкова. Перед нами возникла чрезвычайно яркая картина происшедшего.

Зоя Васильева — молодая тридцатилетняя женщина — была брошена мужем и год тому назад приехала с трехлетним сыном в дом к отцу. Она поступила на работу санитаркой в больницу, помогала мачехе вести хозяйство, воспитывала сына. Свой заработок Зоя вкладывала в общий семейный бюджет.

Мачеха хорошо относилась к ней, жалела ее. Все было бы нормально в их жизни, если бы не отношение отца. Он был недоволен пребыванием дочери в его доме, считал ее нахлебницей. Часто он упрекал Зою в том, что она не сумела «удержать» мужа. Не радовался Волков и внуку, никогда не ласкал его, был с ним хмур и неприветлив.

Волков злоупотреблял спиртным, часто являлся домой пьяный и затевал скандалы с женой и дочерью. Он придирался к любому пустяку, требовал полного подчинения себе как «хозяину».

Вы хорошо знаете, товарищи судьи, какое огромное социальное зло алкоголизм. Большинство уголовных дел, которые вы здесь рассматриваете, так или иначе возникли на почве пьянства. Многие разводы, выселения из-за невозможного поведения в квартирах, прогулы и другие нарушения трудовой дисциплины на работе, мелкое хулиганство — вот что порождает алкоголь.

Из скольких семей ушло счастье, сколько детей лишились отцов, сколько людей потеряли человеческий облик из-за неумеренного употребления спиртного.

Я берусь утверждать, что и сегодняшнее дело возникло на той же ядовитой почве, только подсудимая и потерпевший поменялись местами. Именно поведение покойного Волкова создало ненормальную обстановку в семье, породило то психологическое напряжение, в состоянии которого ежедневно находились Васильева и ее мачеха. Они жили в постоянном страхе, ожидании того, что должно случиться что-то непоправимое. Часто бывало, что, желая оградить

себя от пьяных выходок Волкова, женщины с ребенком уходили из дома, ночевали у соседней. Им было хорошо известно, что лучше не попадаться Волкову под горячую руку. Не раз и не два им приходилось стыдливо скрывать от сослуживцев и соседней полученные синяки. А ведь иногда дело доходило и до более серьезных вещей — Волков брался за топор и лопату... Женщины терпели — все-таки Волков — муж, все-таки отец. Но в них росло чувство отчаяния, а это чувство опасное — оно не всегда бессильно, иногда оно заставляет братья за оружие!

Трагедия, происшедшая 11 февраля, была подготовлена поведением Волкова в течение длительного времени. Если бы он вел себя по-другому, вероятно, реакция Васильевой была бы не такой острой. Она боялась отца, знала, что от него можно ждать чего угодно, была психологически подготовлена к насилию. Насилие породило насилие!

Вечером в этот день Волков пришел домой в состоянии сильного опьянения. Он затеял скандал с женой и дочерью, занимавшимися на кухне хозяйственными делами. Он высказал недовольство тем, что жена готовила корм для скотины, а на него не обращала внимания. Криком и руганью он сам взвинчивал себя, стал бросать на пол разные предметы. Жена сказала Волкову, что он пьян, мешает им заниматься делом, пусть идет в комнату и ложится. Ах, он, хозяин, мешает, ну, тогда держись... Волков схватил с плиты ведерный бидон с кипятком. К счастью, жене удалось отскочить, и на ее лицо и руки попали только брызги кипятка. От боли она закричала. Бидон остался в руках у Волкова.

Васильева не знала, осталась ли еще вода в бидоне, не знала, войдет ли на кухню привлеченный шумом и криком ее маленький сын. Она видела бидон в руках отца, она слышала крик ошпаренной мачехи, она знала, что отец может продолжать буйствовать. Ее охватил страх за своих близких, за себя. Она должна была защищаться, защищать других. Она, по ее собственным словам, не помнила себя.

Вот в каком состоянии находилась Васильева, когда схватила стоявшую у плиты кочергу и нанесла ей отцу два удара по голове.

По существу, товарищи судьи, все рассказанное мною сейчас о событиях, приведших Васильеву к совершению преступления, не отрицает и представитель государственного обвинения. Вы помните, что, обосновывая свою просьбу об определении подсудимой минимального наказания по части второй ст. 108-й УК РСФСР — пять лет лишения свободы, говоря о смягчающих ответственность обстоятельствах, прокурор ссылается на эти же факты.

Обвинение считает, говорил вам прокурор, что своим поведением покойный Волков убил в дочери естественное чувство любви и лишился ее уважения. Но эти чувства, полагает обвинитель, вытеснила ненависть, которая только ждала

удобного момента, чтобы открыто проявиться, которая, по его образному выражению, «шла рука об руку с местью».

Из этого делается вывод, что Васильева подняла руку на отца с радостью, что представился случай. Не было якобы реальной угрозы жизни и здоровью подсудимой, ее близким, поскольку Волков сразу выплеснул весь кипяток и стал после этого вполне безопасен. Его не бить надо было, а успокаивать, уговаривать.

Во всяком случае, утверждает обвинитель, если еще можно как-то объяснить нанесение первого удара кочергой, то уж во втором не было никакой необходимости. Именно этот второй удар свидетельствует об умысле Васильевой.

Я уверен, товарищи судьи, что говорить так — значит не понимать психологического состояния подсудимой в момент нанесения ударов, более того, значит не понимать психологического механизма внезапного возникновения сильного душевного волнения, вызванного насилием или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего.

Да, вопрос о возникновении такого состояния, именуемого медицинской наукой физиологическим аффектом, один из сложнейших в теории и практике уголовного права, здесь возможны ошибки. И я полагаю, что прокурор призывает вас совершить ошибку, закрыть глаза на явные признаки аффективного состояния Васильевой.

Обвинение утверждает, что Волков сразу выплеснул весь кипяток и не представлял поэтому больше опасности для находившихся на кухне женщин. Этим обосновывается вывод, что Васильева действовала из мести, что необходимости в защите не было. С этим невозможно согласиться. Я допускаю, что, испугавшись содеянного им, испугавшись крика жены, покойный прекратил бы буйство. Сейчас трудно ответить на этот вопрос. Но могло быть и по-другому, он вполне мог продолжать свои действия, как неоднократно это делал во время пьяных дебошей. Для этого были все возможности — на кухне находилось много предметов, подходящих вполне для учинения расправы над женщинами. В руках у него был горячий бидон — тоже достаточно грозное оружие, а то, что он уже успел сделать, давало основания считать, что пьяному буйству нет предела. Именно так думала Васильева, и ее нельзя не понять. Не могла она в то время знать, что в бидоне не осталось больше кипятка.

Перед вами, товарищи судьи, столкнулись две точки зрения на события 11 февраля, две оценки их. От того, какую из этих оценок вы признаете правильной, зависит юридическая квалификация совершенного Васильевой преступления. Если вы согласитесь с обвинением, что Васильева действовала умышленно, значит, предложенная органами предварительного следствия квалификация содеянного по части второй ст. 108-й УК РСФСР правильна.

Я же убежден в истинности своей точки зрения и прошу вас согласиться с ней. Я считаю, что поведение Волкова на протяжении всех последних месяцев, его

издевательства и насилия над домочадцами подготовили психику Зои Васильевой к происшедшему вечером 11-го февраля взрыву. Испытанные ею в тот день страх, гнев и возмущение действиями отца вызвали сильнейший психологический «разряд» — аффект.

Нельзя, как это делает обвинение, искусственно разрывать действия, следовавшие одно за другим практически мгновенно; нельзя объяснять нанесение первого удара страхом и волнением, а второй объявлять умышленным. Находясь в состоянии сильного душевного волнения, человек не может точно соразмерить свои поступки с объективной необходимостью. Именно поэтому наш закон выделяет преступления, совершенные в состоянии аффекта, и предусматривает за них значительно более мягкие наказания, чем за совершенные умышленно. Содеянное Васильевой подлежит квалификации по ст. 110-й УК РСФСР, устанавливающей ответственность за нанесение тяжкого телесного повреждения в состоянии сильного душевного волнения, внезапно возникшего и вызванного насилием или оскорблением со стороны потерпевшего.

Наш уголовный закон, товарищи судьи, будучи выражением социалистического гуманизма, требует от вас учета всех смягчающих обстоятельств. В этом деле я вижу целый ряд таких обстоятельств.

Статья 38-я УК РСФСР предусматривает в качестве одного из наиболее существенных смягчающих ответственность виновного обстоятельств совершение преступления при защите от общественно опасного посягательства, хотя и с превышением пределов необходимой обороны. Нет сомнения, что в данном случае налицо это смягчающее обстоятельство. Действия Волкова были общественно опасны, защищаться было необходимо.

Огромное значение для определения степени общественной опасности лица, совершившего преступление, имеет его поведение во время следствия и суда, его отношение к содеянному. Изворачивается человек, лжет, пытается уйти от наказания — одно, раскаивается, правдиво обо всем рассказывает — совсем другое. Это всегда учитывается судом.

Я хочу обратить внимание на предельную искренность моей подзащитной, ее чистосердечное раскаяние и готовность понести наказание за совершенное преступление. Вы, конечно, помните, что мачеха Васильевой, желая спасти ее от ответственности, показала на первом допросе неправду. Она рассказала, что муж ее в пьяном виде упал на плиту и разбил голову об ее угол. Васильева не пыталась воспользоваться этой ложью — она с самого начала говорила только правду, не пыталась ничего скрыть. Подсудимая тяжело переживает случившееся, глубоко подавлена совершенным ею преступлением. Ей очень жалко отца, но на вопрос, могла бы она вновь поступить так же, если бы все повторилось, она откровенно отвечает, что, вероятно, могла бы. Такая правдивость подкупа-

ет. Остается только пожелать, чтобы жизнь не ставила больше мою подзащитную в такое тяжелое положение.

Вы тщательно исследовали сегодня, товарищи судьи, жизненный путь Васильевой. Мало было в нем радостных событий, жизнь не баловала ее. Она выросла в трудных условиях военных и первых послевоенных лет, не получила достаточного образования, обманулась в муже, не видела сочувствия со стороны единственного близкого человека — отца. Но она не озлобилась, осталась простой и скромной женщиной, о которой никто не мог сказать ни одного худого слова. Васильева никогда в жизни не преступала закон. В характеристике из больницы отмечается, что работала Васильева исключительно добросовестно, ровно и ласково относилась к больным. Соседи говорят о ней как о труженице, приветливой и спокойной женщине, хорошей матери. Какое потрясение должна была испытать она, как должна была бояться отца, чтобы осмелиться поднять на него руку!

Есть в событиях этого дела еще одно обстоятельство, о котором я не имею права умолчать. Тягостное, неправдоподобное, но, увы, имевшее место. Я имею в виду отношение медицинских работников станции «скорой помощи» к выполнению своего профессионального долга.

Вечером 11 февраля к Волкову вызвали «скорую помощь». Приезжала машина, врач осмотрел раненого. Да, он был пьян, да, он ругал медиков и мешал им исследовать повреждения, утверждая, что ничего с ним особенного не случилось. Все это так... но проглядеть проникающую рану костей черепа врач не имел права. Не имел права оставлять без помощи тяжело раненого человека, не имел права предлагать ему самому явиться утром на осмотр. Врач ввел в заблуждение родственников Волкова, создав у них впечатление, что потерпевший действительно никаких опасных повреждений не получил.

Судебно-медицинская экспертиза, отвечая на вопрос о шансах на жизнь Волкова при условии оказания ему своевременной помощи, ответила, что, хотя благополучный исход при травмах такого типа гарантировать нельзя, были все основания надеяться на выздоровление потерпевшего.

Таким образом, ответственность за трагический исход ложится в определенной степени и на представителя самой гуманной в мире профессии! Я считаю, что необходимо вынести частное определение по этому вопросу, мимо этого пройти нельзя.

Заканчивая свою речь, я хочу выразить уверенность в справедливости того приговора, который вы вынесете моей подзащитной. Она должна быть на свободе, она должна заботиться о своем малолетнем сыне, воспитывать его. Мера ее вины не столь значительна, чтобы была необходимость направлять ее в исправительную колонию. Я прошу вас, товарищи судьи, определить Васильевой по ст. 110-й УК РСФСР наказание, не связанное с лишением свободы.

Киселев Я.С.

«Речь в защиту Бердникова»

Товарищи судьи!

Я должен покаяться — слишком много мы, стороны, вносили горячности в допрос подсудимого и потерпевшей. Временами в судебном заседании бушевали страсти. Барометр показывал бурю.

Но в этом повинны не столько мы, сколько само дело. По нему невозможно вынести приговор, который в какой-то степени удовлетворял бы обе стороны, нельзя прийти к выводу: в чем-то право обвинение, а кое в чем права защита. Нет, одно из двух: или подсудимый — человек без совести и чести, он цинично преследовал потерпевшую, а теперь также цинично клеветает на нее, или потерпевшая, которая отнюдь не потерпевшая, цинично обманывала честного и прямодушного человека, а когда обман должен был раскрыться, она, чтобы помешать этому, возводит ложное обвинение. Или — или! Третьего не дано.

Приступая к судебному следствию, каждая из сторон не только считала свою точку зрения единственно возможной, но любую иную рассматривала едва ли не как посягательство на истину. Но вот закончено судебное следствие. Все доказательства рассмотрены, исследованы, проверены. Не осталось ничего невыясненного или сомнительного. Все стало на свои места. А позиции сторон? Кое-что изменилось, но в главном они остались прежними. Спор продолжается. Но теперь уже нет места для страстей. В действие должен вступить точный, беспристрастный, выверенный анализ.

Наше дело должно было пройти сложный и трудный путь. Да и как могло быть иначе? Следствие еще не было закончено, не были получены последние объяснения обвиняемого, шел еще допрос свидетелей и никто, разумеется, не знал, что они покажут, а обвинение против Сергея Тимофеевича Бердникова было уже признано установленным и доказанным. Признано путем, для которого в законе нет основания, путем несправедливым, вызывающим острое чувство протеста. За неделю до окончания следствия появился в газете тот самый фельетон «Чубаровец в конторке мастера», который приобщен к делу. В фельетоне как о чем-то совершенно достоверном доводится до общего сведения о преступлении Бердникова: 54-летний селадон понуждал к сожительству молодую, светящуюся нежным розовым светом невинности Наталию Туркину, попавшую на свою беду в зависимость от Бердникова.

Выступление печати! Оно, естественно, воспринимается как выражение общественного мнения. С вниманием и уважением мы относимся к нему. Тысячами читателей фельетон был воспринят как полное и верное отражение действительности. Вина Бердникова считалась доказанной еще до того, как дело пришло в суд.

Да, суд независим. Фельетон не может предрешить приговор. Все это самоочевидно. Но ведь не существует такого барьера, да и не нужен он, который отгораживал бы суд от общественного мнения, выраженного в печати. Не обинуясь, можно сказать, что появление фельетона потребовало от суда дополнительных усилий для того, чтобы подойти к делу непредвзято, чтобы освободиться от воздействия навязываемой точки зрения. Не сомневаюсь, суд с этим справился и справится. Но это не значит, что работа суда не была затруднена. В гораздо большей степени фельетон затруднил работу следователя. Следователь поторопился, надеюсь, теперь это уже очевидно, передавая материалы фельетонисту. Фельетонист поторопился с опубликованием своего опуса. И вот началось то, что психологи называют индукцией: сначала следователь вдохновил фельетониста, а затем фельетонист стал вдохновлять следователя. В самом деле, допустим, что после появления фельетона Бердников представил следствию убедительные доказательства своей невинности. В какое положение поставил себя следователь? Что ему делать? Прекратить дело? Казалось бы, единственное, что нужно сделать! А как быть с фельетоном? Материал-то давал он, следователь. Значит, нужно признать, что ввел в заблуждение общественное мнение, зря очернил честного человека. Нужно! Но... сколько «но» расставил на своем пути следователь. Впрочем, от этих «но» можно и избавиться. Для этого надобно только одно: верить! Верить, несмотря ни на что, верить вопреки всему, верить, пренебрегая доказательствами, что Бердников виноват. Ведь если с ходу отвергнуть все доводы Бердникова, как бы они ни были убедительны, то тогда окажется, что фельетон, хотя и ставит в трудное положение, но только Бердникова, а не следователя.

Я не случайно начал с покаяния в горячности. Если страсти и разгорались, то не в малой степени повинен в этом злополучный фельетон. Фельетон приобщен следователем к делу. Зачем? Как доказательство? Фельетон им служить не может. Приобщен как мнение сведущего лица? И это невозможно, если следовать закону. Для чего же приобщен фельетон? Неужели для эдакого деликатного предупреждения судьям: «Вы, конечно, свободны вынести любой приговор, но учтите, общественное мнение уже выражено»? Нет, не могу я допустить, что обвинительная власть пыталась таким путем воздействовать на суд. Так для чего же приобщен фельетон? Неизвестно. Хорошо было бы, объясни нам это прокурор в реплике. Справедливости ради нужно отметить, что в обвинительной речи ни слова не было о фельетоне. Светлый облик Наталии Федоровны Туркиной, так любовно выписанный фельетонистом, настолько потускнел, что о фельетоне было неловко и вспоминать. Хотя облик Туркиной и претерпел изменения, все же ее показания по-прежнему, по мнению прокурора, остаются основой обвинения.

Что же, попытаемся проверить эти показания.

Суд их помнит, и если я позволю что-то повторить, то только потому, что теперь, когда все материалы дела проверены, легко обнаружить в показаниях Туркиной то, что раньше ускользало от внимания.

Наталия Федоровна Туркина, только что предупрежденная об ответственности за дачу ложных показаний, начала с заявления: «Я буду показывать только правду». Никто еще в этом не усомнился, а Туркина торопится рассеять сомнения. Но не будем к этому придирааться, отнесем это за счет того, что, как только речь заходит об ее правдивости, Наталия Федоровна становится особо чувствительной и щепетильной.

Но вот уже следующая фраза, дополнившая декларацию о правдивости, заслуживает особого внимания. Туркина возвестила: «Я не питаю никакого зла к Бердникову». Это звучит как едва прикрытая просьба о доверии — не питает зла, значит, не станет возводить ложное обвинение. И я, как защитник Бердникова, готов повторить вслед за Туркиной — верно, не питает она зла к подсудимому.

Стоит призадуматься, как могло случиться, что жертва не питает зла к обидчику? Бердников, если верить Туркиной, посягал на ее женскую честь, преследовал ее, ставил в невыносимое положение, позорил ее и клеветал на нее, словом, причинил ей из самых гнусных побуждений столько зла. Как же могло все это не возмутить ее? Вчуже пылаешь гневом против Бердникова, когда слышишь, как он издевался над беззащитной Туркиной. Как же ей, униженной и оскорбленной, не питать зла к нему?

Нет, если правда то, что Туркина показывала о Бердникове, то она говорит неправду, заявляя, что не питает к нему зла. Или, если говорит правду, что не имеет против него зла, то неправда все то, что она наговорила на Бердникова.

Не будем излишне строги к Туркиной. Может быть, первые неудачные фразы в ее показаниях объясняются волнением, таким понятным. Проверим, какова суть ее показаний.

Наталия Федоровна, сообщив суду, что она правдива и очищена от злых чувств, перешла к изложению фактов. Она показала, что была принята на завод по рекомендации и настоянию Бердникова. Эти показания ее верны. Она показывала, что Бердников, мастер, начальник смены, сам обучал ее токарному делу. И эти показания ее верны. Она показала, что бывали случаи, когда Бердников, хотя небольшую, но часть работы за нее делал, чтобы она выполнила норму. И эти показания ее верны.

Итак, ее показания о том, что Бердников внимательно и заботливо относился к ней несколько первых месяцев ее работы на заводе, полностью соответствуют действительности.

Туркина старательно работала, и это подтверждается. Следовательно, не было никаких деловых причин к тому, чтобы мастер изменил к худшему отношение к добросовестной работнице. А отношения изменились. И очень резко. Бердников не то что стал безразличен к той, к кому он был так заботлив, он стал враждебен, открыто, не скрываясь, враждебен. Туркина показывала: Бердников придирчиво выискивал брак в ее работе. И это подтвердилось. Туркина показывала: Бердников выживал ее с завода. И это подтвердилось. Начальник цеха, свидетель Свиридов, припомнил: когда он пытался образумить Бердникова и убедить его быть справедливым к Туркиной, Бердников раскрыл свой замысел: «Гнать ее нужно с завода, гнать!»

Но почему «нужно гнать», не сказал.

Сами эти факты, о которых говорит Туркина, достаточно впечатляющи. И легко может показаться, что то объяснение, которое она дает этим фактам, похоже на правду. Наталия Федоровна, видя заботу и внимание мастера, была убеждена, что он все это делает, так сказать, по зову совести. Но как она ошиблась! Оказывается, Бердников расставлял силки, он надеялся склонить ее к сожительству. Действовал он осторожно, ничем не возбуждая ее подозрений. По простоте душевной она поделилась с Бердниковым своей радостью: муж, который свыше года был в отсутствии, приехал к ней. И тут-то Бердников, сообразив, что рухнет все то, что он так коварно и так тщательно готовил, потребовал грубо и цинично: «Сожительствуй со мной!» Потребовал угрожая и запугивая. И только тогда открылись глаза у Наталии Федоровны. Это было для нее катастрофой. Так гибнет вера в человека. А когда возмущенная до глубины души Наталия Федоровна отвергла циничное предложение Бердникова, он стал выживать ее с завода.

И чтобы подтвердить и эту часть своих показаний, Наталия Федоровна еще на следствии предъявила записку Бердникова. Ярость лишила его осторожности, он, разоблачая себя, написал: «В последний раз говорю, не хочешь добром, заставлю».

Все в показаниях Туркиной как будто убеждает, все как будто свидетельствует о вине Бердникова. И все же... В суде нет ничего опаснее полуправды. Ложь полная и законченная, ее нетрудно обнаружить. Полуправда неизмеримо труднее разоблачается. В полуправду вкраплены фактик, другой, а то и третий, каждый из них чем-то подтвержден, — вот и возникает нечто вроде психологической экстраполяции. Часть фактов верна, значит, и другая верна. А это вовсе не так.

Судебное следствие, проведенное так, что в значительной мере была выполнена работа, которую надлежало проделать следователю, дает нам право утверждать: показания Туркиной есть та полуправда, что на самом деле является только оболочкой для лжи. Для оценки показаний Туркиной самым важным, как это

нередко бывает, оказывается не то, что в них есть, а то, чего в них нет, то, о чем предпочла умолчать Туркина.

В апреле этого года вернулся к Туркиной ее законный супруг, Александр Туркин. До его приезда чистая и наивная Наталия Федоровна и не подозревала о злом умысле Бердникова. Запомним это. А запомнив, постараемся разобраться, почему Туркина рассказ о своих отношениях с Бердниковым начинает с октября прошлого года, то есть с того времени, когда она пришла на завод. Почему начинает с октября? Разве задолго до начала ее работы на заводе не возникли, развились и окрепли ее отношения с Бердниковым? Об этих своих отношениях не только в трех своих показаниях на следствии, но и здесь, в суде, Туркина не промолвила ни слова до тех пор, пока в результате допроса у нее не была отнята возможность их отрицать. Что же было в этих отношениях такого, что побуждало Наталию Федоровну так старательно скрывать их?

Спрашивая так, не ставлю ли я, по известному присловью, телегу впереди коня? Не доказав еще, что были какие-то особые отношения, связывающие Бердникова и Туркину, я позволяю себе утверждать, что она их скрывает. Есть ли к тому доказательства?

Можно ли считать таким доказательством показания Бердникова? Он утверждал и утверждает, что Туркина с ним сожительствовала задолго до ее поступления на завод, когда не могло быть и речи о какой бы то ни было служебной зависимости. Но Бердников — подсудимый и, конечно, понимает, что для его оправдания необходимо вызвать недоверие к показаниям Туркиной.

Есть еще одно обстоятельство, которое, на первый взгляд, ослабляет доказательственное значение показаний Бердникова. На вопрос следователя Бердников показал, что никаких доказательств, подтверждающих его заявление о близости с Туркиной, он представить не может.

Следователь счел его заявление клеветой, вызванной стремлением снять с себя ответственность.

Следователя можно было бы понять, если бы он, прежде чем решить вопрос, кому верить, Бердникову или Туркиной, сделал бы все необходимое, чтобы разбраться в подлинном облике их обоих. Но даже намек на такую попытку в деле не найдешь. Поэтому и пришлось нам в суде так много заниматься тем, что надлежало сделать на предварительном следствии.

Клеветец ли Бердников? Чтобы обоснованно ответить на это, нужно присмотреться, и внимательно, к Наталии Федоровне Туркиной.

По показаниям Туркиной, она немногим более года назад приехала из Пскова к своей матери. Что делала, где и как трудилась Наталия Федоровна в Пскове? На следствии она об этом умолчала. Но в суде Туркина все же была спрошена, на какие средства она жила в Пскове? Товарищи судьи, вы помните ее ответ:

«Жила на средства мужа». Отвечая, Наталия Федоровна не знала или не помнила, что по запросу суда получена копия приговора, которым осужден ее муж. Не буду упрекать ее за то, что она говорила неправду о муже. Свидетельница Варкушева показала, что Туркина ей жаловалась: муж ее, электромонтер, погиб на трудовом посту, в аварии. Так Туркина рассказывала пригорюнясь и свидетелю Прохорову. Наталию Федоровну можно по-человечески понять: не очень приятно разглашать, что муж отбывает наказание. Но есть одно обстоятельство, характеризующее Туркину значительно острее, чем ложь о муже. Когда Туркину спросили, зачем она живого мужа записывала в покойники, она без тени смущения, мгновенно найдясь, парировала обвинение во лжи: «Что из того, что он жив? Для меня он был мертв». Стыдно лгать, но проявлять такую «находчивость», когда уличена во лжи, пожалуй, еще стыднее!

Итак, выяснилось, в Пскове супруги Туркины жили на средства главы семьи — Александра Туркина. Из приговора видно, что Туркин в течение полутора лет совершил 14 краж. Совершал он их аккуратно, осмотрительно, долго не попадаясь, и совершал их вроде как по расписанию, примерно по одной краже в месяц. И любящие супруги, Наталия и Александр Туркины, жили на уворованное. Все это и называла Наталия Федоровна «жить на средства мужа». Жила, расходовала украденные деньги так, чтобы их хватило до следующей кражи, и ничего — не возражала.

Позволю себе выразить уверенность, что если бы следователь знал то, что узнано на суде, то Наталии Федоровне не было бы оказано столь широкое доверие, и при решении вопроса, кто из двоих говорит правду, она или Сергей Тимофеевич Бердников, вопрос не был бы столь категорически решен в пользу Туркиной.

Но, может быть, в Пскове Наталия Федоровна была под тлетворным влиянием своего супруга, а приехав в Ленинград, она сбросила груз прошлого и обновилась душой? Проверим, что же она делала в Ленинграде.

Следователю она сообщила, не вдаваясь в излишние подробности: сначала работала на конфетной фабрике, а затем перешла работать на завод, где трудился Бердников. Никакой проверкой показаний Туркиной следователь и не стал заниматься, разве можно оскорблять ее недоверием?! А судом была запрошена справка с конфетной фабрики, и выяснилось: снова сказала неправду Наталия Федоровна. Между ее работой на фабрике и поступлением на завод был перерыв в восемь месяцев, и эти восемь месяцев нигде не работала. На какие же средства жила она?

Теперь мы это уже знаем. Наталия Федоровна рассказала, что на кондитерской фабрике ее зарплата была невелика. Это Туркину не устраивало. Мать Наталии Федоровны, вспомнив, что знала жену Бердникова, умершую несколько лет назад, и надоумила дочь: Бердников живет один в двухкомнатной квартире, по-

рядка ему, разумеется, в ней не навести, пусть Наталия сходит к нему, предложит убирать квартиру. Хоть небольшой, все же приработок. Как сказала старушка-мать, так и сделала послушная дочка. Бердников сначала отказался от ее услуг, но затем согласился. Так стала Наталия Федоровна убирать квартиру одинокого Бердникова. Ничего больше!

Только убирать. Работодатель и работница — все отношения. «И пусть будет стыдно тому, кто плохо думает», как говорят французы. И так убирала все те восемь месяцев, которые не работала, и платы за уборку квартиры хватало на жизнь Наталии Федоровне. Честным трудом зарабатывала на жизнь. Похвально. Почему же стала это скрывать?

Да, Бердников ответил на следствии, что он не может представить доказательств близости, возникшей между ним и Туркиной, но едва ли нужно было следователю удовольствоваться этим ответом. Сергей Тимофеевич Бердников — пожилой человек, совершенно не искушенный в вопросах права, потрясенный позорным обвинением, на него возведенным, растерянный и вместе с тем полный понятной ярости, разве мог он без посторонней помощи разобраться в том, что может или не может служить доказательством? Ведь он и слухом не слыхивал, что существуют прямые и косвенные доказательства и что значение последних может быть не меньше, чем прямых.

Разве мог он знать, какие обстоятельства могут стать косвенными доказательствами? Разве не было обязанностью следователя, стремящегося к отысканию правды, помочь Бердникову в спокойной и неторопливой, не омраченной недоверчивостью беседе, именно беседе, а не допросе, выяснить, нет ли чего-либо такого, что Бердникову и не кажется доказательством, а в самом деле доказывает правдивость заявления Бердникова о его отношениях с Туркиной? Выполни правильно свой долг следователь, и доказательства выявились бы, как выявились они в суде!

Выявились с такой убедительностью, что прокурор в обвинительной речи признал: да, в этой части Наталия Федоровна солгать изволила, она действительно была в интимных отношениях с Бердниковым задолго до ее поступления на завод. Прокурор признал доказанным, что Туркина оставила работу на конфетной фабрике, предпочитая жить, ничего не делая, за счет Бердникова. Не признать интимных связей между Бердниковым и Туркиной, сколько бы она это ни отрицала, было невозможно после показаний свидетельницы Екатерининской, допрошенной впервые только в суде. Свидетельница владеет домом в Ольгино, это у нее в доме в августе прошлого года снимали на месяц комнату Бердников и Туркина. Жили они в одной комнате, рекомендовались как муж и жена, вели общее хозяйство.

Ложь Туркиной, отрицавшей близкие отношения с Бердниковым, была разоблачена.

Эти близкие отношения прокурор считал аморальными и в них в первую очередь винил Бердникова. Эти отношения действительно аморальны, но по чьей вине, к кому следует обратиться упрек?

Да, верно, между Бердниковым и Туркиной большая разница в возрасте: 54 года и 31. И нет в Бердникове ничего такого, что могло бы привлечь к нему молодую и миловидную женщину. Угрюм и мрачноват Сергей Тимофеевич. Да и как ему быть другим? Безрадостными были последние, перед встречей с Туркиной, годы его жизни. Еще семь лет тому назад все хорошо было у Бердникова. С женой жил душа в душу. Двумя своими сыновьями гордился. И внезапно, когда ничего не предвещало грозы, врачи обнаружили у жены Сергея Тимофеевича неизлечимую и быстро развивающуюся опухоль в мозгу. Операция и смерть на операционном столе. Вскоре старший сын ушел в армию и остался на сверхсрочной. А младший сын женился и перешел в семью жены. И стал дом Бердникова домом Бердникова, опустевшим, затихшим и бесприютным. Остался Бердников один, и это в 47 лет. Сил еще много, а они только тяготят. Одни люди борются с горем, не дают ему взять верх над собой. А другие без борьбы смиряются с ним. И горе хозяином расселяется в доме. И жизнь становится хмурой и тягостной. И чем дальше, тем все более хмурой и тягостной. Бердников, человек по натуре сильный, оказался немощным перед горем.

Вы слышали отзывы свидетелей Варкушевой, Сергеенко, Прохорова. Если где и жил Бердников, то только на работе. Но и там замечали, что он становится все более угрюмым, ушедшим в себя. Ровен, справедлив, но людей вроде как сторонился: не то не хотел их омрачить своим горем, не то опасался, как бы не начали они проявлять к нему жалость.

Трудно так жить из года в год. Но ничего не делал Сергей Тимофеевич, чтобы изменить свою жизнь. Тащились медленно и безрадостно дни. И привык к этому, но и тяготился. Таким застала его Туркина.

В первых же своих показаниях она, верная своей манере оспаривать обвинение, которое еще никто не выдвигал, стала заверять: «Завлекать Бердникова — не завлекала».

Так ли это? Вспомним еще раз выдумку Наталии Федоровны о смерти своего мужа. Не спорю, не так уж пронзительна и тонка Туркина, чтобы разобраться сразу же в душевном состоянии Бердникова, но в житейской хватке и смекалке супруге Александра Туркина не откажешь. Она сообразила, что если чем и можно пронять Бердникова, то только одним: сочувствием к горю. Горю, схожему с тем, что выпало на его долю. Бердников всенепременно посочувствует, так сказать, «сестре по несчастью». И, не затрудняя себя разными моральными запретами, «открылась» Бердникову: горе у нее горькое, молодого мужа схоронила, вдовствует, бедняжка!

«Завлекать — не завлекала», избави боже, но выдумать, что она вдова и во вдовстве своем в утешении нуждается, — выдумала!

Но разве это единственная, говоря мягко, выдумка Наталии Федоровны, сочиненная для того, чтобы растрогать Бердникова? А насквозь лживый рассказ о том, что ее мать больна, за ней нужен уход, и мечется бедная Наталия Федоровна: на фабрику пойдет — мать нельзя одну оставить, дома останется — кормить мать не на что будет. А в судебном следствии установлено: мать здорова и непрерывно работала на «Красном треугольнике».

Неплохо придумала Наталия Федоровна! И не только потому, что выдумка открывала для нее кошелек Бердникова. Неплохо придумала и потому, что женским чутьем своим угадала: крепче всего привяжет к себе Бердникова, если он почувствует себя нужным ей. Закостеневшему в своем одиночестве Сергею Тимофеевичу было так внове и вместе с тем так радостно чувствовать себя кому-то нужным, сознавать, что может кого-то радовать, облегчать жизнь. Быть нужным Туркиной стало для Бердникова потребностью, которая росла с каждым днем. Он-то считал, что необходим ей, а на самом деле мало-помалу Туркина делалась необходимой ему, как бы снова обретшему жизнь.

Говоря так, не забываю ли я, что Бердников почти вдвое старше Туркиной, что за его плечами большая жизнь? Неужели можно допустить, что Туркина водила его вокруг пальца, а он так ничего и не замечал?

Ошибочно было бы думать, что существует прямая пропорция между возрастом и умением разбираться в людях, между возрастом и способностью распознать ложь и лицемерие, во что бы они ни рядились. Бердникова жизнь не баловала, но от встреч с дурными людьми долго оберегала. Он остался прямодушным и бесхитростным. А такие всегда доверчивы. Боюсь, что это прозвучит сентиментально, но ничего не поделаешь, такова правда: в пожилом, много пережившем Бердникове осталось немало наивного. Достаточно, чтобы поддаться обману.

Вот как случилось, что он поверил Туркиной. И больно, и горько, и унижительно было Бердникову здесь в суде рассказывать, в какое нелепое и смешное положение попал он: на пороге старости он, как мальчишка, поверил в то, во что нельзя было поверить. Туркина, лукавая и хитря, плела небылицы, и он сочувствовал ей и от всего сердца стремился помочь. Она «поверяла» ему, как тяжело она переносит смерть мужа, и он верил ей. Она «поверяла» ему, что ей в ее состоянии больше всего нужна верная и надежная мужская рука, которая защитила бы от бед и напастей, и Бердников верил ей. Туркина стыдливо «призналась», что она стосковалась по покою, по уверенности в завтрашнем дне, по всему тому, что ей может дать только он один, Бердников, ее единственный друг и покровитель. Бердников и в это поверил.

Так постепенно вкралась Наталия Федоровна в доверие, а затем и в сердце Бердникова. И когда они стали близки, то для Туркиной это была, как бы помягче сказать, деловая сделка, а для Бердникова вновь обретенная семейная жизнь.

Нет, не было оснований у прокурора упрекать Бердникова в аморальности. Сергей Тимофеевич не «брал на содержание» Туркину. Сергей Тимофеевич не из тех людей, которые легко привязываются. Он из тех, кто, почувствовав привязанность и тепло к человеку, распахнет сердце настежь. Иначе не умеет.

В какой-то мере это признается и в обвинительной речи. Но делается из этого неожиданный вывод: Бердников действительно испытывал привязанность к Туркиной. А когда она после приезда мужа прервала отношения с Бердниковым, то он, не желая с этим смириться, стал понуждать ее к сожительству, используя служебную от него зависимость.

Как видите, обвинение значительно изменилось. Но и в изменившемся виде оно образует тот же состав преступления.

Но, проверяя обоснованность этого обвинения, мы не можем не признать, что значительно изменилось и наше отношение к источникам доказательств. Если раньше показания Туркиной воспринимались обвинением как незыблемый оплот истины, как трубный глас правды, то сейчас основывать свои выводы на них было бы по меньшей мере неосторожно.

Мы можем и вправе, в полном соответствии с требованиями закона, придать доказательственное значение объяснениям Бердникова. И не в том только дело, что все то, что он показывал, нашло, как мы убедились, объективное подтверждение. Важно, крайне важно для Сергея Тимофеевича, чтобы он почувствовал, что ему верят, вопреки показаниям Туркиной, верят, отвергая ее показания, верят ему, не доверяя ей. Такое доверие значит сейчас для Бердникова больше, чем даже вопрос о том, как решится его судьба. Зло, которое причинила ему Туркина, вовсе не исчерпывается тем, что она возвела на него ложное обвинение. Нет, самое большое зло, самую большую обиду принесла ему Туркина до того, как возникло дело, когда о возведении обвинения она еще и не помышляла. И об этом зле, которое причинила Туркина, причинила расчетливо, сознавая размер зла и нисколько этим не смущаясь, я не имею права не сказать.

С октября прошлого года по апрель нынешнего были светлыми месяцы в жизни Бердникова: Наталия Туркина уступила настояниям Бердникова и стала работать. Он не понимал, как может молодая, крепкая женщина нигде не работать. Это было для Сергея Тимофеевича тем более неприятно, что Туркина, уже уверенная в своей власти над Бердниковым, перестала лгать о болезни матери. Туркина пошла навстречу желаниям Бердникова и начала работать на заводе, значит, они будут почти неразлучны.

Туркина оказалась способной к работе и действительно, к чести Наталии Федоровны нужно сказать, увлеклась ею. Не нарадоваться Бердникову на Туркину. Все чаще заходит речь о том, что им нужно съехаться, и Туркина никак не возражает, только то по одной, то по другой причине откладывает переезд. Словом, все безоблачно. 14 апреля приезжает Александр Туркин. Приезд его был неожиданностью. Я не имею никаких оснований брать под сомнение привязанность Туркиной к своему мужу, как нет у меня оснований отвергать его любовь к своей жене. Ведь явно неверно представлять себе, что если Туркин совершал кражи, то он неспособен на подлинное человеческое чувство. И естественно, что, любя свою жену, он не потерпел бы, чтобы она длила связь с Бердниковым. Это было ясно и Туркиной. И она заметалась. Порвать нужно и сейчас же! Но как это сделать, никак не подготовив Бердникова? Трудное положение: нельзя правду открыть, но и скрывать ее невозможно. Очевидно, в самооправдание она и солгала мужу, что Бердников понуждал ее к сожительству. Солгала, убежденная, что дальше мужа это не пойдет. И, ломая голову, как уладить то, что она своей ложью так усложнила, Туркина решила несколько дней не ходить на работу, авось, что-нибудь за эти дни и придумается. Это было худшим из решений. Бердников, ничего не зная, обеспокоенный ее отсутствием и тем, что никаких вестей о себе не подает, пришел к Туркиной.

Мы видели поведение Туркина на суде, как часто приходилось призывать его к порядку. Можно без труда понять, как вел он себя дома, чувствуя себя оскорбленным в лучших чувствах и видя перед собой оскорбителя.

Даже Туркина вынуждена была признать: «Сергей Тимофеевич ничего мужу не отвечал, стоял и молчал, будто его мешком по голове стукнули». Нет, для Бердникова это было куда чудовищнее и страшнее. Внезапно, когда он менее всего этого ожидал, раскрылось: Туркина лгала, лгала все время, лгала про все. Лгала про мужа, лгала, что хочет связать свою жизнь с Бердниковым, лгала про свои чувства. Но не только бесстыдно его обманывала. Она отдала его добрые чувства, его привязанность к ней, его доверчивость на посмеяние, на поругание. Было от чего Бердникову прийти в отчаяние, и, словно для того, чтобы уже полностью залить душу Бердникова горечью, Туркина согласилась, только подумать, согласилась исполнить то, что говорил Александр Туркин: «Гони его, гони, чтобы я слышал», — требовал Туркин. И Туркина это сделала!

Рассказывать об этом и то очень тягостно. Что же должен был переживать Сергей Тимофеевич! Какая боль, мука и стыд жгли его! И ни с кого не спросишь. Только с себя. И горькой, все обостряющейся мукой стали для него каждодневные встречи на заводе с Туркиной.

Уйти самому с завода? На нем он проработал всю жизнь. Работа — единственное, что у него осталось. Уйти с завода — на это у него не хватит сил. И он

потребовал, да, потребовал, чтобы Туркина ушла с завода. И когда она не захотела уйти (не могу разобраться, почему Туркина держалась за работу на заводе, но держалась), Бердников стал, нарушая в какой-то мере служебные права, выживать ее с завода. Тут есть нарушение служебных обязанностей, и если у кого хватит сердца поставить ему это в вину, пусть поставит.

Но прокурор видит в резком изменении отношения Бердникова к Туркиной, видит в снижении ее заработка и ухудшении условий ее труда только одно: понуждение к сожительству.

Да, все было: и снижение заработка, и ухудшение условий работы. Но ведь это не все, что можно выдвинуть против Бердникова. Прокурору следовало бы сказать и о том, что бесспорно установлено: Бердников выживал Туркину с завода, делал все, что мог и на что не имел права, чтобы она ушла с работы. Почему об этом умолчал прокурор? Ведь это должно было вызвать наибольший гнев обвинителя: старательную работницу выживают с завода! Громите! Клеймите! Обрушайте обвинение со всей силой! А обвинитель молчит. Впрочем, молчание это не столь уж загадочно. Чем отчетливее выявляется стремление Бердникова к тому, чтобы Туркина ушла с завода, тем меньше остается оснований обвинять его в понуждении к сожительству, используя ее служебную зависимость. Ведь с уходом Туркиной с завода исчезает ее служебная зависимость, Бердников теряет единственный способ воздействия на нее.

Признав, что Бердников выживает Туркину с завода — а не признать это невозможно, прокурор понимает, что это означает признать установленным, что Бердников сознательно лишал себя средств понуждения.

А теперь становится понятным и смысл той записки, которую пыталась выдать Туркина за способ понуждения.

Туркина оставалась на заводе, оставалась, зная, какую муку причиняет Бердникову. Боясь за себя, боясь, что, встретившись с Туркиной с глазу на глаз, он не совладеет с собой, Бердников и написал:

«В последний раз говорю, не хочешь добром, заставлю». Он не дописал: «уходи с завода». Из записки, в самом деле, не видно, что он требует ее ухода с завода. Он-то считал, что дьявольски хитро и осторожно написал свою записку, а она едва не превратилась в опасную улику. Думается, теперь можно сказать: обвинение против Сергея Тимофеевича Бердникова не выдержало судебной проверки.

Но остается ответить еще на последний вопрос: что же толкнуло Наталию Федоровну Туркину на возведение ложного обвинения?

Не хочу быть несправедливым к Туркиной. Думается: заявляя начальнику цеха о притеснениях, которым ее подвергал Бердников, о его домогательствах близости с ней, она и не предполагала, что это ее заявление поведет к возбу-

ждению уголовного дела против Бердникова. Верю, что Туркина не хотела зла Бердникову. Могло быть и так: Туркина опасалась, что Бердников, возмущенный тем, что она сотворила, с кем-нибудь поделится, и пойдет о ней худая слава, а вот если она заявит о том, что Бердников склоняет ее к сожительству, а она не соглашается, то веры Бердникову не будет. У Туркиной могли быть разные мотивы: она, возможно, заявила и для того, чтобы начальник цеха помешал Бердникову притеснять ее.

Неожиданно для Туркиной начальник цеха дал официальное движение ее заявлению, и она попала в плен собственной лжи. Когда ее вызвали на первый допрос, Туркина оказалась перед выбором: или признать, что она оклеветала Бердникова, не понуждал он ее к сожительству, и тогда ей, Туркиной, надлежит нести ответ за возведение ложного обвинения, или же подтвердить обвинение. Недолго колебалась Туркина. Так и возникло обвинение против Бердникова.

В суде, возможно, Туркина была бы и рада рассказать правду, но, сказав правду, она понесет ответственность за возведение ложного обвинения. И не решилась Туркина на правду.

Верю, что Наталия Федоровна в глубине души хочет, чтобы вы ей не поверили, хотя прокурор ей и поверил, но, очевидно, с какими-то оговорками, если просил об условном наказании для Бердникова.

Но разве наказание страшит Бердникова!

Самым страшным и самым тяжким было бы для него, если бы вы поверили Туркиной. Лгать и оставаться неразоблаченной, обмануть доверие и быть признанной правдивой, надругаться над человеком и добиться, чтобы его признали виновным, что может быть страшнее!

Туркина сделала все, что могла, чтобы убить в Бердникове веру в правду, в справедливость, в чистоту и ясность чувств и отношений. Нужно исправить то зло, что причинила Туркина. А это можно сделать только оправдательным приговором. Приговор вернет веру Бердникова в то, что ложь рано или поздно, но обязательно разоблачается, а хитрость посрамляется.

Россельс В.Л.

«Речь в защиту Семеновых»

Товарищи судьи!

Старый рабочий, слесарь Семенов никогда не забудет тот холодный декабрьский день, когда он встретил давнишнего знакомого, почтенного, уважаемого и занимающего, с его точки зрения, высокое положение главного бухгалтера главка Любомудрова.

Знакомство с Виктором Ивановичем Семеновым ценил, оно казалось ему даже лестным.

Встречи этой ему не забыть.

Навсегда сохранится в памяти Семенова и просьба, с которой обратился к нему Любомудров. «Гавриил Борисович, — сказал он, — машинистка наша перепечатала для учреждения не входящую в ее обязанности работу, а оплатить ей, штатной машинистке, сверх заработной платы тысячу рублей как-то неудобно. Не поможете ли? Да в чем сомневаетесь? Ведь это же совсем просто. Я выпишу по счету вашей жене деньги на ее имя, вы с ее доверенностью их получите, передадите мне, а я — машинистке. Вот как приходится обходить бюрократические формальности», — вздохнул он.

Екнуло, сильнее забилося сердце у Семенова: «Хорошо ли?» Но тут же одумался.

«В чем дело, в конце концов? Тысячу рублей получу, полностью отдам, и машинистка своего не потеряет. Что же тут плохого? Да и не кто-нибудь просит, а Виктор Иванович...»

Согласился...

Разговор этот, как на камне высеченный, из памяти его не изгладится.

Как обещал, так и сделал.

Полина Александровна по просьбе мужа написала счет и доверенность, а он, получив по изготовленной Любомудровым на имя его жены доверенности тысячу рублей, передал их Любомудрову.

«Спасибо, Гавриил Борисович». — «Да что вы, не за что, Виктор Иванович».

И только значительно позже, у следователя, Семенов узнал, что не было никакой работы, никакой машинистки, что старый знакомый, почтенный, уважаемый главный бухгалтер главка Виктор Иванович Любомудров обманул его и жену.

«Поверить не мог. Потемнело в глазах, подкосились ноги, стали как ватные», — вспоминал здесь об этом Семенов.

Все так, как было, рассказали Семеновы следователю, и он поверил и тому, что они обмануты Любомудровым, и их бескорыстию.

Да и как было не поверить Семеновым, которым проще было бы утверждать, что Полина Александровна действительно работала и за работу получила законно причитавшееся ей вознаграждение.

Но Семеновы говорят правду — никакой работы Полина Александровна не выполняла, да и не в состоянии была по объему своих знаний и компетенции выполнить работу, о которой она и представления не имела.

Легко было проверить Семеновых еще и потому, что в аналогичном положении оказались и другие простые душой люди, бескорыстие которых было выгодно

использовать Любомудрову и которых он, как и Семеновых, убеждал, что они делают хотя по форме неправильное, но по существу доброе дело.

Поверил Семеновым следователь и, несмотря на это, внес их в список тех, кому суждено было разделить скамью подсудимых с Любомудровым.

И вот они перед вами.

Такова горькая судьба этих неискушенных, слишком доверчивых людей, прошедших весь свой долгий путь по прямым и светлым дорогам жизни, не ведая о кривых и темных ее переулках, о звериных ее тропах, по которым бродят хищники.

Мы слышали здесь прокурора.

И он поверил Семеновым, но... тем не менее предлагает осудить их как соучастников Любомудрова, обвиняемого в хищении.

И вот Семеновы, всю жизнь прожившие рука об руку и здесь сидящие рядом, поникшие и растерянные, с тоской внимают речи прокурора, искусно доказывающего, что обманувший Любомудров и обманутые им Семеновы связаны одним общим умыслом, направленным на хищение тысячи рублей, как будто у рыбака и трепещущей в его хитро сплетенной сети рыбы возможен общий умысел.

Можно ли согласиться с прокурором, утверждающим «виновны и должны быть осуждены», или прав защитник, говорящий «невиновны, должны быть оправданы!»

Вам придется решить, кто из нас прав.

Вы помните, товарищи судьи, что Семенов на вопрос, признает ли он себя виновным, ответил: «Тысячу рублей получил и отдал их Любомудрову, в этом каюсь, но у меня и в помыслах не было содействовать ему в хищении».

В этих простых, бесхитростных словах заключено содержание, имеющее серьезное правовое значение. «И в помыслах не было» — это значит на языке права «не было умысла».

Хищение — преступление умышленное, и само собой разумеется, что Семеновы могли бы быть осуждены за участие в этом преступлении только в том случае, если была бы установлена их умышленная вина.

Однако наличие умышленной вины предполагает раньше всего сознание лицом фактических обстоятельств, образующих соответствующий состав преступления.

Но ведь прокурор согласен, что здесь именно те фактические обстоятельства, которые образуют состав хищения, и были скрыты от Семеновых.

Ведь в их представлении, в противоречии с действительностью, существовали и машинистка, и работа, за выполнение которой ей законно причиталось получить тысячу рублей.

Но если в сознании Семеновых не создалось представления о готовящемся Любомудровым хищении, то не может быть и речи об умышленной их вине.

Далее, у участников хищения должен быть общий, направленный на совершение этого преступления умысел.

Однако и этого не отрицает прокурор, прямой умысел Любомудрова был направлен на хищение тысячи рублей, а умысел Семенова — на уплату этой суммы машинистке за произведенную ею работу.

И, наконец, эти соображения, устанавливающие отсутствие умышленной вины у Семеновых, подкрепляются и тем имеющим самое серьезное значение обстоятельством, против которого также не спорит прокурор, что Семеновы никакой корыстной или иной заинтересованности не имели.

Этот факт делает предположение о соучастии Семеновых в хищении государственного имущества совершенно необоснованным, предположение это повисает в воздухе, лишенное почвы, на которой могло бы вырасти соучастие в тяжком, касающемся экономической основы государства преступлении, грозящем преступнику суровым наказанием.

Вот почему полагаю, что в споре с прокурором я прав.

Обманутые Семеновы не могут быть осуждены за соучастие с Любомудровым в хищении государственного имущества.

Однако остается еще серьезный уголовно-правовой вопрос. Семеновы без умысла, направленного на хищение, бескорыстно передали Любомудрову тысячу рублей, но деньги эти они получили из кассы главка подложно, за работу, которую они не делали.

Можно ли считать их действия безразличными с точки зрения закона?

Ответ находим в законе.

Подлог предусмотрен ст. 72 и 120 УК нашей республики. Обе эти статьи не предусматривают подлогов, бескорыстно совершенных частными лицами. Такой подлог не является преступлением и уголовно не наказуем.

Стало быть, Семеновы не участвовали ни в хищении, ни в совершении уголовного наказуемого подлога и должны быть судом оправданы.

Этим, казалось бы, я исчерпал свою непосредственную задачу защитника.

Но я не могу и не хочу уйти при оценке поведения Семеновых от общественного долга защитника, обязывающего меня ответить еще на один, настоятельно требующий разрешения вопрос.

Можно ли считать соответствующим интересам государства и общества, справедливым, честным, заслуживающим уважения и одобрения поведение Семеновых, получивших подложно из государственного учреждения не причитающиеся им деньги, хотя бы переданные впоследствии тому, кому, по их убеждению, они причитались? Конечно, нет.

Такие действия наше общество никогда не сочтет соответствующими нормам поведения советского человека. Семеновы не нарушили норм права, воплощенных в уголовном законе, но нарушили нормы морали, которые хотя и не поддерживаются силой государственного аппарата, но поддерживаются силой общественного мнения относительно того, что является правильным или неправильным, справедливым или несправедливым, хорошим или дурным.

Нормы социалистического права и нормы социалистической нравственности, отличаясь друг от друга источником силы, принуждающей к их исполнению, связаны, как два ствола одного корня, общим происхождением, проникают друг в друга и, находясь между собой в неразрывном взаимодействии, служат одной и той же цели — построению коммунизма.

Эта их общность и тесная связь вытекают из самой природы нашего социалистического права и социалистической нравственности, между которыми нет пропасти и которые, наоборот, покоясь на одних и тех же принципах, граничат друг с другом.

Семеновы, несомненно, нарушили нормы нравственности. Может ли защитник, «добру и злу внимая равнодушно», пройти мимо такого рода нарушения и не высказать слов морального осуждения?

Конечно, нет. Не может этого сделать и суд... Судебный зал — лаборатория, в которой формируется общественное сознание граждан, поэтому здесь громко должны прозвучать слова осуждения неправильных, недопустимых действий Семеновых. Но нарушение норм морали влечет моральное, а не уголовно-правовое осуждение.

Моральную недопустимость своего поведения сейчас понимают и Семеновы.

Семенов сказал: «Виновным себя не признаю, но каюсь в том, что я сделал». Это значит: «Я не нарушал норм уголовного закона, а нарушил нормы социалистической морали и в этом раскаиваюсь».

Он и на этот раз, как всю жизнь, сказал правду.

В правде, в труде, в уважении, в любви друг к другу, к людям, к своему государству, не омраченная столкновениями с законом, протекала спокойная жизнь рабочего Гавриила Борисовича Семенова и его жены, скромной служащей Полины Александровны.

И вдруг...

Нет, никогда не забыть им Любомудрова, никогда не изжить им постигшего их на склоне лет разочарования, никогда не погаснут в их памяти эти тяжкие дни...

Они совершили, и они сознают это, противообщественный проступок, но они не совершали преступления. Морального осуждения они заслуживают, и они его уже получили. Но для их осуждения в уголовном порядке и применения к ним уголовного наказания нет законного основания. Я прошу их оправдать.

Царев В.И.

«Обвинительная речь по делу братьев Кондраковых»

Товарищи судьи!

Никто из жителей поселка Великодворье и близлежащих деревень не мог знать о том, что в ночь на 4 апреля того года кому-то из них угрожала опасность, кто-то мог стать жертвой разбойного нападения, хотя такая опасность и существовала.

Два брата — Виктор и Николай Кондраковы ночным поездом приехали из поселка Курловского в Великодворье с намерением «добыть денег и одежду». Но на рассвете возвратились домой. А утренним поездом 4 апреля вновь приехали в Великодворье.

Для совершения преступления они стали подыскивать более удаленное от поселка место, расспрашивая местных жителей об окружающих деревнях и, наконец, попали на малышкинскую дорогу. Многие проходившие здесь в тот день граждане видели двух незнакомых мужчин, которые внешне бесцельно бродили по краю леса. Некоторым они показались подозрительными, например, Панфиловой Марии, но мысль о нападении среди белого дня в довольно оживленном месте казалась маловероятной.

Не думали об этом и молодожены Панфиловы, возвращавшиеся по малышкинской дороге домой, в деревню Маевку.

А ведь Кондраковы их вначале наметили в качестве жертв и шли за ними, но не решились осуществить своего намерения, боясь получить отпор со стороны молодых людей. Около 14 часов Кондраковы увидели подходивших к лесу Кривошеевых. Ничего не подозревавшие женщины спокойно прошли мимо, обменявшись с Кондраковыми несколькими фразами относительно поезда, на который они спешили. И вот тут разыгралась страшная трагедия.

Избивая женщин, Кондраковы загнали их в глубь леса, обыскали и отобрали деньги в сумме тридцати рублей. Затем В. Кондраков приказал брату «покараулить» одну из жертв, а сам потащил Кривошееву А.С. в сторону и в присутствии односельчанки изнасиловал ее. Совершив надругательство над первой жертвой, Кондраков В. изнасиловал и Кривошееву А.Р., после чего нанес ей множество ударов молотком по голове. Совершив это злодеяние, В. Кондраков передал молоток своему соучастнику и приказал «разделиться» с Кривошеевой А.С. С рвением исполнил роль убийцы Н. Кондраков, остервенело бил он беззащитную женщину по голове молотком, пока она не затихла.

Товарищи судьи! Дело Кондраковых представляет определенную сложность и прежде всего потому, что на скамье подсудимых — два брата, один из которых полностью признает себя виновным и уличает другого, второй категорически все отрицает.

Основная задача суда — установить объективную истину по делу и постановить законный и обоснованный приговор.

Наши выводы об обстоятельствах преступления, о виновности подсудимых должны покоиться на точно установленных фактах, на бесспорных доказательствах.

Мы не можем делать выводы на предположениях, как бы они ни были приблизительно верными, и на доказательствах, хотя бы и свидетельствующих о достаточно высокой степени вероятности вины.

Мы должны строго руководствоваться указаниями В.И. Ленина, что точные факты, бесспорные факты — вот что особенно необходимо, если хотеть серьезно разобраться в сложном и трудном вопросе.

Исходя из такой единственно правильной, основополагающей установки советского доказательственного права, я заявляю, что объективная истина по разбираемому нами делу установлена конкретно и точно: разбойное нападение на Кривошееву А.С. и Кривошееву А.Р., их изнасилование и убийство совершены братьями Кондраковыми.

Я не могу сослаться на показания хотя бы одного свидетеля — очевидца преступления. Свидетелей не было. Жертвы оказались с глазу на глаз с преступниками. Но об обстановке преступления рассказал непосредственный его участник — Н. Кондраков. Есть все основания считать, что он дал правдивые показания, объективно подтвержденные иными доказательствами, полученными в ходе расследования дела и тщательно проверенными в суде.

Кондраков Николай подробно рассказал о мотивах преступления, распределении ролей при его совершении, орудий убийства, и все это нашло подтверждение в ходе предварительного и судебного следствия.

Процессуальное положение подсудимого как лица, заинтересованного в благоприятном для него исходе дела, требует осторожного, но не предвзятого отношения к его показаниям, не должно порождать недоверия к ним.

Сложнее обстоит вопрос с показаниями другого подсудимого — Кондракова Виктора.

Сложность не в том, что он отрицает свою вину, а в конкретных действиях этого человека. С первого дня ареста он стремился убедить следствие в своей психической неполноценности. Почему это делалось, станет понятным, если мы обратимся к данным, характеризующим личность Кондракова Виктора.

Ранее дважды судимый, причем в последний раз за разбойное нападение, он, вследствие симуляции душевной болезни, сумел избежать полного отбывания наказания. Длительное пребывание в психиатрических лечебницах на исследованиях помогло ему позаимствовать характерные отклонения от норм в поведении, свойственные лицам, страдающим психическими расстройствами. И поскольку

симуляция сумасшествия помогла Кондракову освободиться от наказания, то почему бы не прибегнуть к этому испытанному приему вновь? Будучи арестованным, он сразу же начинает играть роль душевнобольного: на вопросы следователя дает нарочито неправильные ответы, демонстративно чешется, закатывает глаза, плюется, бесконечно строит отвратительные гримасы.

Но совершенно иначе В. Кондраков ведет себя вне следственного кабинета. С первых же дней пребывания в камере предварительного заключения, как о том показали свидетели — сотрудники милиции Иванов и Дятлов, он активно старается воздействовать на своего младшего брата, кричит ему через стенку: «Не признавайся, я все взял на себя, пускай меня считают умалишенным. Самое большое — три года в белом доме и выпустят, не таких проводил». То же самое он писал брату в записках, которые пытался тайно передать ему в следственном изоляторе. Эти записки приобщены к делу и были зачитаны в ходе судебного следствия.

Позвольте, товарищи судьи, перейти к анализу показаний В. Кондракова.

Суть их сводится к тому, что 4 апреля он якобы в Великодворье не был, а ездил в Туму наниматься в пастухи. Стремясь убедить суд в правдивости своих показаний, В. Кондраков детально рисует эту поездку. Кого только он не встретил тогда в Туме! Здесь и женщина с рассадой, и девушка в красном пальто, и пассажиры с поросятами в корзинах, и играющие в футбол ребята, и милиционер, подозрительно посмотревший на него.

Если рассматривать эти показания просто по-житейски, то как раз такая детализация и убеждает в их неправдоподобности. Трудно себе представить, чтобы человек во время поездки по своим делам стал фиксировать внимание на подобных фактах, а главное — помнить о них. Но тогда зачем это навязчивое перечисление? Расчет прямой: придать достоверность своим показаниям относительно поездки 4 апреля в Туму. Ведь факты проверить невозможно. Но в деле имеются веские доказательства, свидетельствующие о том, что Кондраков 4 апреля в Туму не ездил. Я имею в виду записки, которые он пытался передать брату. Вот текст записок: «Говори, встречал одного мужика на вокзале в Великодворье, он предложил все это сделать. В воскресенье говори, что ты поехал в Великодворье к Томке, я буду говорить — поехал в Туму наниматься в пастухи. В Курлове садились вместе. В Великодворье ты сошел, я поехал в Туму. Коля, что будет, не знаю. Напиши мне записку, положи там, где возможно. Коля, свидетели показывают на тебя. <...> Коля, если знал бы я, что ты, гад, так продал своего брата, зачем ты все рассказал про меня. Меня никто не опознал, на меня никто не показывает. Я пока в сознанку не иду».

В письме к матери он умоляет ее найти подставных свидетелей, которые могли бы подтвердить факт его пребывания в Туме 4 апреля. Содержание этого

письма таково: «Здравствуй, мама, прошу тебя найти мне свидетелей человека два. Это будет достаточно, чтобы меня освободили. Чтобы эти люди, когда вызовут в милицию, могли подтвердить, что меня видели 4 апреля, в воскресенье, в Туме на вокзале в 3 часа дня. Уговори Саньку Марьину и еще сходи поговори с Нинкой — тети Дуниной, и ее мужем, пусть они подтвердят, что я ехал вместе с ними в одном вагоне до Тумы 4 апреля, в воскресенье, чтобы они так показывали, как я пишу. Мама, съезди в деревню, уговори тети Матрены дочку, пусть она подтвердит, что тоже меня видела на вокзале в Туме 4 апреля, в воскресенье. Мама, все силы приложи: найди свидетелей и уговори их. Мама, на меня никто не показывает. На брата Колю показывают три человека, что видели его с каким-то мужиком».

Лица, на которых Кондраков ссылается в письме, установлены и допрошены. Они не подтвердили его алиби и заявили, что в Туму 4 апреля не ездили.

Здесь, на суде, Кондраков заявил, что хотел спасти брата Николая, как он выразился, «взять убийство на себя», а потому писал записки и письмо с расчетом, что следствие «клюнет на мякину». Но из текста записок и письма это вовсе не вытекает. Наоборот, в записках он просит брата выгородить его самого. Какие дополнительные доказательства дают мне основание утверждать, что Кондраков Виктор приезжал 4 апреля в Великодворье?

Кондраков Николай сообщил, что в пути следования к поселку Великодворье в поезде 4 апреля его брат Виктор был оштрафован ревизором за безбилетный проезд. Добытые в результате проверки этого факта доказательства — показания ревизора Кузнецова, постановление о наложении штрафа на В. Кондракова, квитанция об уплате штрафа Кондраковой Матреной — матерью подсудимых — явились серьезными уликами против Кондракова.

Из показаний Н. Кондракова и Т. Быковой известно, что 4 апреля на В. Кондракове была черная тужурка с коричневым меховым воротником, дерматиновые сапоги и светлая фуражка.

Свидетель Жалин, знавший и ранее Н. Кондракова, подтвердил, что 4 апреля он видел его в Великодворье вместе с мужчиной, одетым в черную тужурку, «на голове — черная фуражка, на ногах — сапоги кирзовые или резиновые, точно не заметил».

Свидетели Алексеев, Тряпкин, Лобанова, Лебедева заявили на предварительном и судебном следствии, что они видели 4 апреля на малышкинской дороге молодого парня, одетого в серый плащ, и впоследствии опознали в нем Н. Кондракова, однако опознать находившегося вместе с ним мужчину, одетого «во что-то черное», не смогли, так как этот мужчина при встрече с ними либо закрывал лицо воротником, либо находился сзади первого, и лица не было видно. В. Кондраков был опознан только двумя свидетелями: Панфиловой, видевшей его

на малышкинской дороге вместе с Н. Кондраковым, и буфетчицей Великодворской чайной Качулькиной, которая продала ему в 16 часов 4 апреля пирожки.

Слушая показания свидетелей, вы, товарищи судьи, конечно, не могли не отметить того, что некоторые из них вовсе не обратили внимания на одежду преступников, либо говорят об этом неопределенно: «был в чем-то черном», либо путают отдельные виды обуви (сапоги кирзовые или резиновые). Но это не противоречия в показаниях свидетелей. Это, если хотите, несовершенство человеческой памяти. Известно, что одни и те же явления запоминаются людьми по-разному. И объясняется это индивидуальными особенностями восприятия увиденного, а иногда и просто забывчивостью. Так и в данном случае. Свидетели видели преступников впервые, непродолжительное время. Правильнее было бы сказать, что свидетели не видели в них преступников. Двое незнакомых мужчин на малышкинской дороге ничем примечательным не отличались от других граждан.

На предварительном следствии Н. Кондраков сообщил, что сапоги, в которые были обуты в момент совершения преступления он и его брат Виктор, спрятаны последним во дворе дома, в поленницах. У Кондраковых провели повторный обыск. В поленнице, находящейся в сарае, были обнаружены кирзовые сапоги, а другие, дерматиновые, завернутые в головной платок, оказались спрятанными в поленнице, уложенной около сарая. Предъявленный сестре обвиняемых головной платок опознан ею как принадлежащий матери.

На предварительном следствии 27 апреля В. Кондраков объяснил: «Были у меня дерматиновые сапоги, которые я отдавал в починку в мастерскую, когда приехал из заключения. После починки сапоги мне стали малы, и я их продал на рынке». На допросе 28 мая, то есть после обнаружения сапог, он уже давал другие показания: «Мне мать давала дерматиновые сапоги с хромовыми головками. Я их вымыл и отнес в мастерскую ремонтировать. Мне набили на сапоги подметки, я примерил их, и они оказались мне малы, поэтому я носить их не стал. Когда мать давала мне сапоги, она сказала, что это мои сапоги, но их носил Колька... Куда делись эти сапоги, я не знаю».

В заявлении на имя прокурора области от 7 июня В. Кондраков писал: «4 апреля я встретил брата в Курлове. У брата в руках были сапоги, брат сказал мне, что дал ему их мужик. Эти сапоги я подшил, но они мне оказались малы, никак не лезли на простую ногу. Брат эти сапоги спрятал куда-то».

Итак, вначале починенные дерматиновые сапоги были проданы, затем они неизвестно куда пропали, и, наконец, их спрятал куда-то брат Николай.

На суде В. Кондраков говорил иное. Оказывается, он уже и не носил чинить сапоги.

Эти противоречия в его показаниях доказывают, что ему всячески хотелось бы отмежеваться от сапог, найденных при обыске. Однако мать подсудимых по-

казала, что сапоги в починку сдавал ее сын — Виктор. Признал свою работу и мастер Крестов.

К делу приобщена квитанция от 7 апреля о сдаче обуви в ремонт, выписанная на имя В. Кондракова. Правда, эта же квитанция была в свое время переписана на фамилию Шестакова, что поначалу вызвало у следствия недоумение. На проверку все оказалось очень просто. Деньги, уплаченные за ремонт сапог Кондраковым, миновали государственную кассу и попали непосредственно в руки мастера, а квитанция, как бланк строгой отчетности, была переписана на другое лицо. Нет, видимо, еще порядка в комбинате бытового обслуживания?! Но квитанция все же неумолимо свидетельствует о том, что сапоги в починку сдавал В. Кондраков. Это было спустя три дня после убийства.

Остается еще привести заключение эксперта-криминалиста, данное здесь, на суде. Из заключения следует, что дерматиновые сапоги по своему размеру вполне подходят для В. Кондракова, хотя вчера он демонстрировал уродливо, что они якобы детского размера.

Из показаний матери подсудимого, Кондраковой Матрены, видно, что в день обнаружения в лесу трупов женщин сын Николай дал ей 5 рублей, а 20 рублей она обнаружила спрятанными в подкладке тужурки Виктора.

После очных ставок с матерью В. Кондраков вынужден был признать этот факт, но тут же заявил, что деньги привез из заключения, где приобрел их, сдавая в ларек стеклянные банки.

Эта версия тщательно проверялась следствием. Утверждение подсудимого о способе приобретения денег опровергается показаниями свидетелей и официальными документами. Работники мест заключения, где Кондраков отбывал наказание, пояснили, что стеклянная тара от заключенных в торговые ларьки не принималась, товарные операции совершались по безналичному расчету.

Свидетель Отрекалин, который, по заявлению Кондракова, мог бы подтвердить, что у него были в больнице деньги, ни на следствии, ни в суде этого не сделал. Из приобщенных к делу документов (лицевые счета по обеспечению заключенных, накладная Владимирской психиатрической больницы) усматривается, что при освобождении из лагеря и выписке из больницы Кондраков Виктор денег и ценностей при себе не имел.

Но, зная быт заключенных, я могу допустить мысль, что у Кондракова могли быть деньги, даже если бы он и не занимался сбором банок. И все же, несмотря на это, я утверждаю, что 20 рублей, о которых идет речь, добыты им в результате совершенного в Великодворье преступления. Эти деньги были обнаружены при весьма необычных обстоятельствах: при осмотре матерью одежды сыновей, чтобы замыть на ней кровь, так как она подозревала их в убийстве двух женщин. Деньги оказались спрятанными под подкладку тужурки. Согласитесь, что та-

кой способ хранения денег довольно странный. Спрашивается, от кого и почему Кондраков прятал деньги? Мне бы не хотелось еще раз сослаться на показания матери Кондраковых, но все же напомним, что ранее об указанных деньгах она ничего не знала и, обнаружив, не взяла их у сына, так как предположила, что это деньги убитых женщин.

И наконец, найденные у Кондракова деньги были пятирублевыми купюрами. Такими же купюрами и в такой же сумме были деньги у потерпевшей Кривошеевой А.Р., что подтвердил в суде ее свекор — Кривошеев И.М. Совпадение не случайное.

При обыске в доме Кондраковых, кроме сапог, были обнаружены и изъяты два молотка.

При предъявлении их Кондракову Николаю он пояснил, что один из молотков, слесарный, на короткой ручке, они брали с братом, собираясь совершить преступление, и на обратном пути выбросили его на железнодорожное полотно. Как молоток оказался вновь дома, Н. Кондраков объяснить не смог.

При биологическом исследовании на ручке этого молотка обнаружена кровь человека. Судебно-медицинской экспертизой дано заключение, что потерпевшим нанесены повреждения предметом с прямоугольной ударяющей поверхностью. Таким предметом мог быть молоток, изъятый в доме Кондраковых.

Возникает вопрос: как попало в дом Кондраковых орудие убийства?

На суде Кондраков В. заявил, что якобы в его присутствии следователь Т.М. Целиковская сказала своему помощнику: «Надо съездить в Курлово и подбросить молоток в дом Кондраковых». Вот, оказывается, как он возвратился в дом преступников. Эта нелепость понадобилась подсудимому не случайно. Мы знаем, с какой тревогой он относился к возможности оставления отпечатков пальцев на металлических и стеклянных предметах, а поэтому молоток не давал ему покоя. Более того, выяснено, что Кондракова Матрена, подозревая сыновей в убийстве, обнаружила исчезновение молотка из дома и на этот счет вела разговоры в семье. Это непредвиденное обстоятельство не могло не обеспокоить В. Кондракова. Молоток встал ему поперек горла. И я утверждаю: это он отыскал его и вновь принес домой. В этом меня убеждает и тот факт, что 6 апреля В. Кондракова видели у железнодорожной ветки вблизи станции Великодворье. Свидетель Калинин показал в суде, что он спросил тогда В. Кондракова: «Чем занимаешься?», и он ответил: «Собираю красивые камешки».

Вспомните показания Н. Кондракова о том, что на месте убийства брат его предупреждал не оставлять отпечатков пальцев на железных пряжках рюкзака и на графине. По указанию Виктора Николай разбил графин и осколки затоптал в снег, что подтверждается данными осмотра места происшествия. И все-таки следы оставлены, и оставил их не кто иной, как сам В. Кондраков. Они зафиксиро-

рованы, изъяты с места убийства и исследованы экспертизой. Я говорю о крови и сперме.

Биологическая экспертиза сделала вывод, что на одежде потерпевших, в мазках их влагалищ обнаружена сперма такой же группы, что и у Кондракова.

Н. Кондраков показал, что А.Р. Кривошеева оказывала В. Кондракову физическое сопротивление, наносила ему удары в лицо.

На снегу, действительно, обнаружена кровь, сходная по группе с кровью В. Кондракова.

Кровь и сперма — это серьезные улики. Правда, здесь, в суде, В. Кондраков громогласно заявил, что людей с такой группой крови в стране много. С этим нельзя не согласиться. Но эти улики рассматриваются нами вкуче с другими доказательствами, в их неразрывной связи. А при этом условии вывод единственный: Виктор Кондраков — убийца и насильник.

Товарищи судьи! Рассмотрим вопрос о юридической квалификации состава преступлений, совершенных подсудимыми.

Кондраковы преданы суду по обвинению в том, что они в 130-м квартале Великодворского лесничества на дороге между поселком Великодворье и деревней Малышкино 4 апреля того года совершили разбойное нападение на Кривошееву А.Р. и Кривошееву А.С., угрожая им убийством и нанося побои, отобрали 30 рублей, изнасиловали, а затем с особой жестокостью убили потерпевших.

Разбойное нападение на Кривошеевых с целью завладения их имуществом совершено Кондраковыми по предварительному сговору между собой и с применением молотка в качестве оружия, что подпадает под п. «а» и «б» части второй ст. 146 УК РСФСР.

Учитывая, что В. Кондраков ранее был судим по п. «а» и «б» части второй ст. 91 УК РСФСР, его действия дополнительно квалифицированы также по п. «д» части второй ст. 146 УК РСФСР.

В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 3 июля 1963 г. № 9 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике по делам об умышленном убийстве» лишение жизни потерпевшего, совершенное при разбойном нападении, должно квалифицироваться по совокупности, то есть по п. «а» ст. 102 и ст. 146 УК РСФСР. В этом же постановлении указано, что убийство следует признавать совершенным с особой жестокостью в тех случаях, когда потерпевшему непосредственно перед лишением жизни или в процессе совершения убийства заведомо для виновного причинялись особые мучения или страдания путем пытки, истязания, нанесения большого количества ран. Особая жестокость может выражаться и в причинении заведомо для виновного особых страданий близким потерпевшему лицам, присутствующим на месте преступления.

Нанесение Кривошеевой А.Р. 14 ран, Кривошеевой А.С. 9 ран, не совместимых с жизнью, дает все основания считать способ совершения убийства особо жестоким.

Об особо жестоком отношении подсудимых к своим жертвам свидетельствует и сама обстановка совершения преступления. Можно представить психическое состояние Кривошеевой А.С. когда в непосредственной близости от нее преступник надругался над ее односельчанкой, а затем учинил над ней жестокую расправу. Поэтому действия подсудимых прямо подпадают под пункт «г» ст. 102 УК.

В упомянутом постановлении Пленума сказано, что умышленное убийство, сопряженное с изнасилованием, подлежит квалификации по п. «е» ст. 102 УК РСФСР. Содержится ли в действиях Кондракова Николая такой квалифицирующий признак, как убийство, сопряженное с изнасилованием? Ведь он лично не совершал насильственные половые акты.

Здесь я хотел бы сослаться на постановление Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 г. «О судебной практике по делам об изнасиловании». В этом постановлении говорится, что как групповое изнасилование должны квалифицироваться не только действия лиц, совершивших насильственный половой акт, но и действия тех, кто содействовал им путем применения насилия к потерпевшей, причем они должны признаваться соисполнителями, а не пособниками.

Как установлено на следствии и в суде, насильственные половые акты совершал Кондраков Виктор, а Кондраков Николай содействовал ему в этом и таким образом выполнял роль соисполнителя этого преступления. Считаю, что его действия в этой части правильно квалифицированы по п. «е» ст. 102 УК РСФСР.

Кондраковы совершили умышленное убийство двух лиц, что прямо предусмотрено п. «з» ст. 102 УК РСФСР. Такова юридическая квалификация преступных действий Кондраковых.

В. Кондраков ранее дважды судим: в 1956 году к двум годам лишения свободы за хищение; в 1958 году к 10 годам лишения свободы за разбойное нападение на магазин при отягчающих обстоятельствах. Вторая судимость не погашена. Он вновь совершил убийство и разбойное нападение при отягчающих обстоятельствах. Исходя из этого, а также личности виновного, степени общественной опасности совершенного преступления и в соответствии со ст. 24 УК РСФСР В. Кондраков должен быть признан по суду особо опасным рецидивистом.

Судебная практика воочию подтверждает, что преступники-рецидивисты оказывают тлетворное влияние на неустойчивых молодых людей. Они окружают себя ореолом мнимого героизма и бывалости, похваляются стремлением к легкой жизни за счет общества. Яд, которым отравляют рецидивисты психологию окружающей молодежи, опасен. «Различие между ядами вещественными и умственными, — писал Л.Н. Толстой, — в том, что большинство ядов вещественных

противны на вкус, яды же умственные... к несчастью, часто привлекательны». Надо оберегать сознание нашей молодежи от вредного влияния рецидивистов.

И в данном случае совершенно очевидно, что рецидивист В. Кондраков вовлек своего брата в совершение тяжких преступлений. Однако я хотел бы подчеркнуть: у Н. Кондракова своя голова на плечах, не под силой оружия он пошел на разбой, на убийство, и хотя его роль меньше, чем у В. Кондракова, но и он должен нести всю полноту ответственности за совершенные злодеяния.

Перед тем как перейти к изложению соображений о мерах наказания, я должен, товарищи судьи, обратить ваше внимание на характеризующие личности подсудимых обстоятельства, о которых не говорилось при анализе доказательственного материала.

Можно без преувеличения сказать, что первопричина преступлений братьев Кондраковых — их паразитизм и неизменно сопутствующая ему алчность.

Типично для жизни этих братьев — тунеядство. В. Кондраков постоянно уклонялся от общественно полезного труда, стремился жить за счет общества, ничего ему не давая. Даже попав в места лишения свободы, он не работал, упорно симулирует психическую болезнь не только в целях досрочного освобождения, но и с тем, чтобы не участвовать в физическом труде. Это обстоятельство еще раз подтверждает, что В. Кондраков не простачок-простофиля, каким он желает показать себя здесь, на суде, а весьма изворотливый, хитрый и опасный уголовный преступник, умело использующий ложь, обман, симуляцию.

Освободившись из психиатрической больницы, В. Кондраков прочно сел на шею матери. Он не торопился с устройством на работу, хотя возможности к этому в поселке Курловском самые благоприятные. Работать Кондраков не желает, труд презирает. Он, в сущности, лишь для видимости пытается наняться пастухом. Но в доме нет достатка: мать получает небольшую зарплату. А этот тунеядец совсем не склонен к аскетизму. Он всем своим существом ратует за материально обеспеченную жизнь, но без общественно полезного труда. И выход из создавшегося положения он видит в преступлении. Паразитизм натягивает струны алчности Виктора Кондракова и толкает его на разбой.

Нельзя не привести один факт, лишний раз подчеркивающий жестокий характер В. Кондракова.

В приговоре народного суда, осудившего В. Кондракова к 10 годам лишения свободы за разбой в Ногинском районе Московской области, указано, что после завершения разбойного нападения Кондраков пытался изнасиловать продавщицу магазина и отказался от этого намерения только тогда, когда потерпевшая показала ему больничный лист, из которого было видно, что она страдает тяжелой женской болезнью. Он предлагал своему соучастнику убить продавщицу, чтобы она не разоблачила их, но тот, возражая против этого, предложил просто

заткнуть ей рот кляпом и завалить мешками с сахаром (сама задохнется!), что и было сделано.

По счастливой случайности потерпевшая тогда осталась жива и впоследствии опознала преступников. Разве этот эпизод не свидетельствует о жестокости В. Кондракова? Разве это преступление не переключается по своему почерку с преступлением, совершенным в Великодворье?

По образу жизни недалеко ушел от своего брата и Кондраков Николай — молодой, но уже оформившийся лентяй и бездельник. А ведь давно сказано: «Безделье — мать всех пороков».

Вот характеристика, данная Н. Кондракову администрацией промкомбината, где он последнее время работал: «Показал себя крайне недисциплинированным, в феврале прогулял четыре дня, в марте дважды являлся на работу пьяным», и очень образное, верное заключение: «Лентяй высшей марки». По этой же причине он в свои 20 лет не получил даже начального образования.

Надо сказать, что администрация и общественность Курловского промкомбината, где Н. Кондраков работал, зная о его недисциплинированности, не принимали мер общественного характера к этому лентяю и прогульщику.

Известно, что каждый случай нарушения дисциплины не должен оставаться без внимания трудового коллектива, общественных организаций. Почему так не делают в промкомбинате? Судя по всему, там полагают, что для укрепления дисциплины достаточно выговора, объявленного приказом директора. Но это далеко не так. Надо создавать в коллективе обстановку нетерпимости к прогульщикам и пьяницам, дать им почувствовать общественное осуждение. Это, как показывает практика, наиболее эффективное и результативное средство укрепления дисциплины труда. Ранее к судебной ответственности Кондраков Николай не привлекался. Но поведение его и в этом отношении было далеко не безупречным.

В октябре 1968 года против него было возбуждено уголовное дело за кражу сумки в вагоне поезда, но следственные органы тогда сочли возможным не привлекать его к уголовной ответственности, а применить к нему лишь меры общественного воздействия.

Проявленная гуманность не дала должных результатов. Через несколько месяцев Н. Кондраков был арестован на 15 суток за мелкое хулиганство. Но и это он вскоре забыл. А ведь недаром говорят: «Тем, кто не умеет помнить плохое, суждено повторить его».

Вскоре он был вновь задержан в вагоне поезда, где совершил кражу, при обыске у него обнаружили самодельный пистолет.

Не слишком ли долго нянчилась Курловская милиция с этим злостным нарушителем правопорядка?

Несколько слов о психическом состоянии подсудимых.

Из заключения экспертной комиссии научно-исследовательского института им. проф. Сербского, подтвержденного экспертами-психиатрами в суде, видно, что у Кондраковых Виктора и Николая психического расстройства не имеется; они являются вменяемыми; поведение В. Кондракова на следствии и на исследовании в институте носило симулятивный характер.

В совещательной комнате, товарищи судьи, вы вновь и вновь вспомните о погибших женщинах. Анна Романовна Кривошеева — мать пятерых малолетних детей. Анна Савельевна Кривошеева одна воспитывала ребенка, имела на иждивении престарелую мать.

Не дрогнули предельно черствые сердца подсудимых даже тогда, когда измученные женщины умоляли их о сохранении жизни во имя малолетних детей. Правильно сказано: «Нет сокровища дороже жизни». Но... женщина-мать даже в минуты жестоких страданий думает не о себе, все ее мысли устремлены к детям, которых она призвала к жизни, отдала им все лучшее, на что только была способна.

Товарищи судьи! Охрана личности, неустанная забота о жизни и здоровье советских людей является важнейшей задачей социалистического государства.

Советский закон, ставя под особую защиту от преступных посягательств жизнь человека, допускает за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах, в виде исключительной меры наказания, применение смертной казни — расстрела.

Гуманность закона состоит в его непримиримости к бесчеловечным преступлениям. Смертная казнь — не только кара за особо опасное преступление, но и средство предупреждения новых преступлений, ибо преступник обезвреживается, а иным лицам суд делает грозное предупреждение.

Товарищи судьи! Общественность Великодворья, коллектив Тумского лесопункта, от имени которых выступал здесь общественный обвинитель Н.В. Остроумов, дети погибших и их родственники — все они требуют самого сурового наказания подсудимым.

Работники Великодворской средней школы в своем письме указали: «Коллектив школы крайне возмущен дикой расправой над ни в чем не повинными женщинами. Оставшиеся дети, ученики нашей школы, лишились материнской ласки и оказались в очень трудном материальном положении. В настоящее время они находятся на полном государственном обеспечении в интернате школы. Собрание работников школы просит вынести убийцам Кондраковым высшую меру наказания».

Позиция государственного обвинения по вопросу определения подсудимым мер уголовного наказания за убийство двух женщин при отягчающих обстоятельствах и по совокупности совершенных преступлений ясна и понятна. Пусть в вашем, товарищи судьи, приговоре будет начертано одинаково относящееся к каждому подсудимому грозное и беспощадное слово: расстрел!

ЧАСТЬ 3. Общественно-политические речи

Королева Елизавета I

«У меня сердце и дух короля»

Мой возлюбленный народ! Над нами нависло нечто угрожающее нашей безопасности. И теперь мы должны все вооружиться, чтобы противостоять вероломному, наводящему ужас вторжению. Но я уверяю вас, что никогда в жизни не стала бы сомневаться в верности моего возлюбленного народа.

Пусть тираны боятся! Я всегда вела себя так, что по воле Бога вверяла свое достоинство и безопасность верности и воле своих подданных. Поэтому в это время, как видите, я нахожусь среди вас не для забав и развлечений. Я решила находиться в самом сердце битвы, чтобы с вами жить или умереть, отдать своему Богу, своему королевству и своему народу мою честь и кровь, даже если мне суждено превратиться в прах. Я знаю, что у меня тело слабой женщины, но у меня сердце и дух короля, короля Англии. Я считаю грязным бесчестьем для Пармы, или Испании, или любого владетеля Европы осмелиться вторгнуться в пределы моего государства. И, не желая допустить этого бесчестья, я сама возьму в руки оружие. Я сама буду вашим генералом, судьей и тем, кто вознаградит каждого из вас за заслуги на поле боя. Я знаю, что уже сейчас вы заслуживаете наград и почестей. И даю вам слово государя, что вы получите то, что заслуживаете. Пока же мое место займет мой генерал-лейтенант, и никогда еще государь не вверял его командованию более достойных подданных. Не сомневаюсь, что своим послушанием моему генералу, согласованными действиями в лагере и храбростью на поле битвы вы вскоре поможете мне одержать великую победу над врагами моего Бога, моего королевства и моего народа.

Елизавета I (1533–1603) — королева Англии и Ирландии, последняя из династии Тюдоров, младшая дочь короля Англии Генриха VIII и его второй жены Анны Болейн. 45 лет правления Елизаветы иногда называют «золо-

тым веком Англии» в связи с расцветом культуры и с возросшим значением Британии на мировой арене.

Представленная в данной хрестоматии речь была обращена к войску перед Гравелинским сражением (1588 г.), в котором испанская Велика Армада была разбита английским флотом.

Король Карл I

«Я ухожу от мирского венца к венцу терновому»

Обо мне будут вспоминать лишь некоторые из присутствующих здесь... Воистину я вполне мог бы хранить молчание, если бы не боялся, что кое-кто решит, что я молчу, потому что признал свою вину и смирился с казнью, но я считаю, что моя обязанность честного человека, хорошего короля и христианина прежде всего перед Господом, а затем перед моей страной высказаться и объясниться.

Начну со своей невиновности. По правде, думаю, мне нет особой потребности настаивать на этом, так как весь мир знает, что не я развязывал войну с обеими палатами парламента и, клянусь Богом (с которым мне вскоре суждено встретиться), не посягал на их привилегии; это они начали борьбу со мной, это они собрали ополчение; они заявляют, что ополчение было моим, но это они сочли целесообразным отобрать его у меня.

Не дай Бог мне быть плохим христианином; но это не означает, что суд Божий справедлив ко мне: часто он воздаст по заслугам с помощью несправедливого приговора, это обычная вещь; скажу лишь, что за несправедливое решение, ради выполнения которого я столько вытерпел, я наказан теперь несправедливым приговором относительно себя самого; сказанного довольно, чтобы показать вам, что я невиновен.

Теперь докажу вам, что я хороший христианин. Надеюсь, найдется добрый человек, который засвидетельствует, что я простил весь мир и даже тех, кто выступал в роли главных виновников моей смерти: Господь знает, кто они, я же знать не желаю, лишь молюсь, чтобы Бог простил их.

Но это еще не все. Мое великодушие не ограничивается этим; я жалею, что они не раскаиваются за то, что они совершили воистину великий грех: я молю

Бога и святого Стефана, чтобы он им не зачелся, нет, даже больше, чтобы они нашли правильный путь к спокойствию в королевстве, так как мое великодушие вынуждает меня до последнего вздоха бороться за мир в стране...

Что касается народа, я от всей души желаю ему воли и свободы, равно как и любому отдельно взятому человеку, но должен заявить, что их воля и свобода состоят в том, чтобы иметь правительство и законы, которые как раз гарантируют сохранения их жизни и имущества.

И дело не в том, чтобы быть членом правительства, к которому они не имеют никакого отношения. Подданный и государь — совсем разные понятия, и поэтому, если дать обычным людям волю и свободу, они никогда не будут довольны и счастливы.

Господа, именно поэтому я здесь: если бы я правил деспотически и пренебрегал всеми законами, опираясь на силу оружия, мне не пришлось бы стоять здесь. И потому я говорю (и молюсь Господу, чтобы он не зачел вам этот грех), что я мученик своего народа.

На самом деле, господа, я не стану дольше вас задерживать, скажу лишь, что хотел бы иметь немного больше времени, и тогда моя речь была бы более гладкой и продуманной, чем теперь. Надеюсь, вы извините мне.

Моя совесть чиста. Дай Бог, чтобы вы избрали тот путь, который ведет к благополучию королевства и спасению ваших собственных душ...

На самом деле, господа, искренность моей веры известна всему миру, а потому заявляю перед всеми вами, что умираю христианином, согласно учению англиканской церкви, которую завещал мне мой отец, и этот честный человек будет тому свидетелем.

...Мое дело правое, и милостивый Господь на моей стороне... Я иду от мирского венца к венцу терновому, туда, где властвует покой, где меня не затронут уже никакие тревоги этого мира.

Карл I (1600–1649) — король Англии, Шотландии и Ирландии из династии Стюартов. Его политика абсолютизма и церковные реформы вызвали восстания в Шотландии и Ирландии и Английскую революцию. В ходе гражданских войн Карл I потерпел поражение, был предан суду парламента и обезглавлен 30 января 1649 года в Лондоне.

Предложенная для анализа речь была произнесена на эшафоте перед казнью.

Оливер Кромвель

«Именем Бога, вон!»

... Мне давно пора положить конец вашему присутствию в этом месте, которое вы осквернили нарушением всех мыслимых законов морали и запятнали проявлением всех существующих пороков. Вы, сборище раскольников и враги любого благонамеренного правителя, вы, стая наемных разбойников, которые мечтают, чтобы Исава продал вашу страну за миску похлебки, а Иуда предал вашего Бога за горсть монет, осталась ли у вас хоть капля добродетели?

Есть ли в мире хоть один порок, который не был бы вам близок? У вас не больше веры, чем у моего коня; ваш бог — золото; есть ли среди вас хоть один, кто не продал свою совесть за взятки?

Тяжело выбрать из вас того, кто меньше всего проявляет заботу о благе Содружества! Вы, грязные проститутки, разве вы не осквернили это святое место, не превратили храм Божий в логово воров своими аморальными принципами и гадкими поступками?

Вы стали невыносимо отвратительны всему народу; люди вас избрали сюда для того, чтобы вы облегчали их жизнь, а вы стали для них тягчайшим из всех бедствий. Итак, ваша страна уполномочила меня вычистить эту авгиеву конюшню, пресекши ужасные вещи, которые творятся в этом здании, что с Божьей помощью и властью, данной мне Им, я и собираюсь сейчас сделать.

Так вот, приказываю вам под страхом вашей собственной смерти немедленно убираться отсюда; прочь, идите прочь! Поторопитесь! Вы, продажные твари, идите! Вон! И заберите эту блестящую игрушку, и дверь закройте. Именем Бога, вон!

Оливер Кромвель (1599–1658) — английский государственный деятель и полководец, руководитель Английской революции, в 1643–1650 годах — генерал-лейтенант парламентской армии, в 1650–1653 годах — лорд-генерал, в 1653–1658 годах — лорд-протектор Англии, Шотландии и Ирландии.

Его борьба с остатками так называемого Долгого парламента, получившего в народе презрительное прозвище «охвостье», завершилась 12 апреля 1653 года произнесением данной речи и роспуском не способного к реформам парламента.

Джордж Вашингтон

«Горячая привязанность одной нации к другой чревата самыми разными дурными последствиями»

Друзья и сограждане!

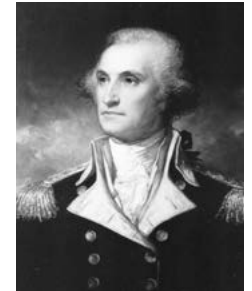
Учитывая то, что приближаются новые выборы гражданина, которому придется возглавить администрацию Соединенных Штатов, и фактически наступило время, когда ваши помыслы должны быть посвящены выбору лица, наделенного этим ответственным доверием, мне кажется своевременным, особенно учитывая то, что это может помочь более четкому выявлению общественной позиции, довести до вашего сведения мое решение отказать от того, чтобы фигурировать в списке тех лиц, из числа которых будет делаться выбор.

То, что я соглашался до этого служить на должности, на которую дважды призывал меня ваш выбор, было жертвой, которую мои намерения принесли представлению о долге, и уважением к тому, что мне казалось вашим желанием. Я постоянно надеялся, что мне удастся намного раньше, учитывая соображения, которые я не мог игнорировать, вернуться в отставку, из которой я, вопреки желанию, был отозван.

Моя решимость поступить так до последних выборов даже подтолкнула меня к мысли о подготовке обращения к вам; однако трезвые соображения по поводу того затруднительного и угрожающего положения наших дел в отношениях с иностранными государствами и единодушный совет лиц, пользующихся моим доверием, заставили меня отказаться от этой идеи.

Я рад, что ваша обеспокоенность по поводу как внешних, так и внутренних проблем уже не порождается намерениями, которые противоречат чувству долга или порядочности, и я убежден, что независимо от ваших пристрастий относительно моих услуг, при нынешнем положении, в котором находится наша страна, вы не отнесетесь с осуждением моего решения подать в отставку.

Здесь, возможно, мне следует остановиться. Но забота о вашем благосостоянии, которая сохранится, пока я жив, и понимание опасности вполне естественно вызванное этой обеспокоенностью, заставляют меня в моменты, подобные нынешнему, предложить на ваше законное обсуждение и рекомендовать на ваше рассмотрение некоторые мысли, которые стали результатом длительных размышлений и фундаментальных наблюдений, кажущихся мне очень важными для вашего счастья как народа.

Они будут предложены вашему вниманию, и вы имеете в своем распоряжении полнейшее право видеть в них беспристрастные предостережения друга, который уходит и, возможно, не имеет личных мотивов давать предубежденные советы. Не могу я забыть и об одобрительном отношении, проявленном вами к моим взглядам в аналогичных случаях в прошлом.

Граждане единой страны по рождению или по выбору, эта страна имеет право рассчитывать на вашу любовь. Звание американца, принадлежащее вам по признаку национальной идентичности, должно неизменно вызывать законную гордость и патриотизм в большей степени, чем любое другое звание, происходящее от местных пристрастий.

При наличии незначительных расхождений у всех вас одни обычаи, привычки, религия и политические принципы. У вас есть общее дело, за которое вы боролись и вместе одержали победу. Независимость и свобода, которыми вы обладаете, стали результатами общих решений, общих усилий, общих опасностей, страданий и успехов.

Но эти соображения, как бы убедительно не зывали они к вашим чувствам, значительно уступают соображениям, которые непосредственным образом касаются ваших интересов. В этом смысле каждая составная часть нашей страны обретает самые актуальные поводы к тому, чтобы заботливо беречь и защищать общий союз.

Поэтому все части нашей страны, осознавая таким образом прямую и особую заинтересованность в союзе, вместе не могут не найти в единой массе средств и усилий более убедительную силу, более убедительные возможности и, соответственно, более надежные гарантии защиты от внешней опасности, менее частые нарушения мира иностранными государствами и, что неизмеримо ценнее, должны получить со стороны союза гарантию от тех междоусобных распрей и войн, которые так часто поражают соседние страны, не объединенные общим правительством, и вызвать которые могло бы именно соперничество между ними, подогреваемое и ожесточаемое иностранными альянсами, привязанностями и интригами.

Следовательно, подобным же образом они будут избегать необходимости увеличения количества военных учреждений, которые при любой форме правления не способствуют свободе и которые следует рассматривать как особо противоречащие принципам республиканской свободы.

В этом смысле ваш союз следует считать главной опорой вашей свободы, и любовь к первому должна увеличить для вас ценность второй. Эти соображения убеждают каждый мыслящий и добродетельный ум и свидетельствуют о необходимости сохранения союза как основной цели патриотического устремления.

Общее правительство абсолютно необходимо для обеспечения эффективности и прочности вашего союза. Никакие альянсы между составными частями союза, как бы строго они ни соблюдались, не могут заменить такого правительства.

Неизбежно возникнут нарушения и препятствия, которые во все времена переживали все альянсы. Осознавая эту важную истину, вы усовершенствовали свою первую попытку принятием формы правления, более рассчитанной на тесный союз и на эффективное руководство вашими общими интересами, чем предшествующая.

Нынешняя форма правления, плод вашего собственного выбора, независима и не вызывает опасений, она принята в результате досконального изучения и зрелого обдумывания, абсолютно свободна с точки зрения своих принципов и распределения властных полномочий, объединяет безопасность с энергией и содержит возможности внесения поправок, справедливо имеет право претендовать на ваше доверие и вашу поддержку.

Уважение к ее авторитету, соблюдению ее законов, подчинение ее установлениям является обязанностью, предписанной основополагающими принципами настоящей свободы.

Основой нашей политической системы признаётся право народа создавать и изменять свои формы правления. Но существующая Конституция до тех пор, пока она не изменена в результате четкого и достоверного решения народа, священна и обязательна для всех. Сама идея полномочий и права народа на создание правительства предусматривает обязанность каждой личности подчиняться учрежденному правительству.

Любые преграды на пути выполнения законов, любые союзы и ассоциации, созданные под любым уважительным предлогом, имеющие намерение осуществлять руководство конституционным правительством или контроль над ним, препятствовать ему или запугивать его в ходе принятия им решений и выполнения обязанностей, наносят ущерб этому основному принципу и имеют губительный характер.

Они оказывают содействие возникновению фракционной борьбы, представлению ей чрезвычайной роли, замене делегированной воли нации волей партии — чаще всего небольшого, но энергичного меньшинства общества — и, принимая во внимание поочередные триумфы партий, преобразованию государственных органов власти в зеркало, которое отображает непродуманные и бессмысленные прожекты фракций, а не в орган реализации разумных планов, поддерживаемых общественным мнением, отвечающих общественным интересам.

Поочередное доминирование одной фракции над другой, обостренное естественным для партийных расколов чувством мести, которое в разные времена и в

разных странах служило причиной самых страшных преступлений, само по себе уже является ужасным деспотизмом. Но это ведет, в конце концов, к еще более прочному деспотизму.

Нарастающие разлад и бедность подталкивали людей к мысли искать покровительства и стабильности у отдельной личности, наделенной абсолютной властью, и рано или поздно глава фракции, которая победила, более способный или более удачливый, чем его соперники, извращает эту ситуацию в пользу своего собственного подъема на руинах общественной свободы.

Хотя подобной крайности ожидать не следует (но ее, тем не менее, не следует целиком исключать), бесконечные искажения партийного духа вполне способны привлечь внимание умных людей и обязать их предотвращать и сдерживать эти искажения.

Отвлечение общественного внимания и ослабление государственной власти всегда приносят плоды. Это пробуждает в обществе необоснованную зависть и фальшивые тревоги, разжигает вражду между отдельными слоями общества, временами приводит к бунтам и восстаниям.

Все это открывает доступ иностранному влиянию и коррупции, которые под прикрытием партийных расхождений легко находят доступ в правительство. Таким образом, политика и воля одной страны оказываются подчиненными политике и воле другой.

Существует мысль, что в свободных странах партии представляют собой полезный инструмент надзора за работой властей и оказывают содействие сохранению духа свободы.

В каком-то смысле это, возможно, справедливо, и в правительствах монархического направления патриоты могут рассматривать партийный дух со снисходительностью, если не с одобрением. Но в правительствах народного направления, в избранных правительствах такого рода духу не следует делать авансы.

Можно с уверенностью утверждать, что в каждой партии, естественно, всегда будет хватать такого духа; но в условиях постоянной опасности проявления крайностей общественная мысль должна использовать свое влияние для того, чтобы смягчить и сдержать его.

При поддержании огня необходима общая бдительность для предотвращения того, что он разгорится в пламя, иначе огонь не согреет, а поглотит.

Важно также, чтобы привычка мыслить предупредила тех, кому поручено руководить свободной страной, что не следует превышать полномочий, определенных им Конституцией, и избегать покушения одного подразделения власти на прерогативы другого.

Дух покусительства оказывает содействие консолидации прерогатив всех властных подразделений в одних руках и, таким образом, создает, независимо

от формы государственного правления, настоящий деспотизм... Если, по мнению народа, распределение или смена властных полномочий в какой-нибудь их части несправедливы, пусть они будут изменены поправкой, предусмотренной Конституцией.

Но нельзя допускать изменений путем узурпации власти, поскольку, даже если в конкретном случае это будет служить добру, таким оружием обычно свергаются свободные правительства. Такой прецедент всегда намного перевесит с точки зрения причиненного вреда любую частичную или временную пользу.

Проявляйте добрую волю и соблюдайте справедливость относительно всех государств. Поддерживайте мир и согласие со всеми. Религия и мораль поощряют такое поведение...

В поддержании такого направления ничто не является более важным, чем отказ от постоянной, глубоко укорененной вражды с одними государствами и горячей благосклонности к другим; вместо этого следует развивать честные и дружеские отношения со всеми.

Государство, ощущающее относительно другого ненависть, которая стала обычной, или симпатию, которая вошла в привычку, в какой-то мере становится рабом.

Оно — раб своей вражды или благосклонности, и каждого из этих чувств достаточно, чтобы сбить такое государство с пути, который отвечает его долгу и интересам.

Антипатия, которая имеет место в одном государстве относительно другого, легко склоняет обе стороны к нанесению оскорбления или вреда, нетерпимого отношения к мельчайшей причиненной несправедливости, а также к заносчивости и несговорчивости при возникновении непринципиальных или незначительных споров.

Отсюда частые коллизии, упорные, опасные и кровавые стычки. Нация, движимая недоброй волей и негодованием, вопреки трезвым политическим расчетам, иногда принуждает правительство к войне.

Аналогичным образом расположение одного государства к другому приводит ко многим нежелательным последствиям. Симпатия к государству-фавориту, содействуя иллюзии надуманного взаимного интереса в случаях, когда взаимные интересы на самом деле отсутствуют, и внушение одной стороне враждебных чувств относительно другой втягивают первую к участию в спорах и войнах второй без достаточных на то оснований или оправданий.

Она также ведет к предоставлению государству-фавориту привилегий, в которых отказано другим, что вполне может нанести большой ущерб государству, идущему на уступки и безосновательно теряющему то, что следовало бы сохранить, и провоцирует ревность, нехорошие чувства и намерение отплатить стори-

цей у тех, кто лишен аналогичных привилегий; и тщеславным, продажным или введенным в заблуждение гражданам (которые посвятили себя государству-фавориту) предоставляется возможность жертвовать интересами своей собственной страны или предавать ее и, не накликая на себя позора, а иногда даже и приобретая популярность, скрывать истинные основания безрассудных уступок тщеславию, коррупции или увлечению под личиной благородного чувства долга, достойного похвалы и уважения общественного сознания или похвального стремления к общему благу.

Свободному народу следует постоянно быть настороже из-за опасности предательских уловок иностранного влияния (заклинаю вас верить мне, сограждане), поскольку история и опыт свидетельствуют, что иностранное влияние является одним из злейших врагов республиканского правительства.

Но для того чтобы эта настороженность приносила пользу, она должна быть непредубежденной, иначе она станет инструментом того самого влияния, которого следует избегать, вместо того, чтобы служить защитой от него. Чрезмерная доброжелательность к одному иностранному государству и чрезмерная враждебность к другому приводят к тому, что те, по отношению к кому выказываются эти чувства, видят опасность лишь с одной стороны и не замечают коварного влияния с другой.

Истинные патриоты, способные устоять перед интригами фаворита, вызывают подозрение и ненависть, тогда как жертвы обмана удастаиваются аплодисментов и доверия народа, предавая его интересы.

Основным правилом поведения для нас во взаимоотношениях с иностранными государствами является развитие наших торговых отношений с ними при минимально возможном количестве политических связей. Поскольку у нас уже есть обязательства, давайте будем их выполнять, проявляя добрую волю в полной мере. Но здесь и остановимся.

Европа определила для себя ряд первостепенных интересов, которые или не касаются нас, или имеют к нам очень отдаленное отношение. Поэтому ей приходится вступать в частые конфликты, причины которых, в сущности, далеки от наших забот.

Так вот, неразумно для нас связывать себя искусственными узами с повседневными прихотями ее политики или со столь же повседневными коллизиями ее дружеских или вражеских отношений.

Наше географически отдаленное положение позволяет нам придерживаться другого курса.

Если мы останемся народом, который полагается исключительно на себя, руководимым эффективным правительством, то уже недалеко то время, когда мы сможем пренебречь материальными потерями от неприятностей, которые

проистекают извне; когда мы сможем занять позицию, которая обеспечивает тщательное соблюдение нейтралитета, который мы решим объявить в любой момент; когда враждующие государства, осознавая невозможность получить выгоду за наш счет, не смогут легко спровоцировать нас; когда мы сможем выбирать между миром и войной, учитывая собственные интересы, продиктованные справедливостью.

Почему же не воспользоваться преимуществами такого особенного положения? Для чего оставлять нашу собственную почву и переходить на чужую? Для чего делать нашу судьбу зависимой от судьбы какой-либо части Европы и связывать наш мир и процветание с проявлениями честолюбия, соперничества, интересов, расположения духа или прихотей Европы?

Нашим правильным политическим курсом являются воздержание от постоянных союзов с какой-либо частью остального мира, поскольку, по-моему, мы можем так поступать уже сейчас; и, прошу понять меня правильно, это не означает, что мы способны на несоблюдение уже имеющихся обязательств.

Я придерживаюсь принципа, в одинаковой степени применимого как к государственным, так и к личным делам: честность — лучшая политика. Поэтому я повторяю: пусть эти обязательства соблюдаются в их первоначальном смысле, но, по-моему, нет необходимости и неразумно расширять их.

Политика, гуманность и наши интересы диктуют необходимость установления гармоничных отношений со всеми государствами. Но даже наша торговая политика должна основываться на принципах равенства и беспристрастности, не стремясь получить и не предоставляя исключительных привилегий или льгот; считаясь с естественным состоянием вещей; разумно распределяя и варьируя торговые потоки, но ничего не навязывая...

Нельзя сделать большей ошибки, чем ожидать предоставления существенных привилегий одним государством другому. Это иллюзия, которую должен излечить опыт и которую должна отвергнуть врожденная гордость.

Предлагая вам, мои соотечественники, эти советы старого и любящего вас друга, я не осмеливаюсь надеяться на то, что они произведут, как мне бы того хотелось, сильное впечатление и запомнятся надолго.

Я могу лишь пожелать, чтобы они контролировали обычное проявление эмоций и предостерегли нашу страну от того курса, который до этого времени определял судьбы государств. Но я тешу себя надеждой, что они окажутся в какой-то мере полезными хотя бы в отдельных случаях, что они смогут иногда смягчить злость партийного духа, предостеречь от вреда заграничных интриг, защитить от фальшивого патриотизма. Эта надежда будет достойной наградой за обеспокоенность вашим благополучием, которой мои советы и были продиктованы.

Джордж Вашингтон (1732–1799) — американский государственный деятель, первый всенародно избранный президент Соединённых Штатов Америки (1789–1797), один из отцов-основателей США.

В сентябре 1796 г., уходя в отставку, Вашингтон обратился к правительству и народу США с посланием, вошедшим в историю как «Прощальное обращение». Его мы и предлагаем для анализа.

Томас Джефферсон

«Все мы республиканцы, все мы федералисты»

Друзья и сограждане!

Призванный к выполнению обязанностей главы исполнительной власти нашей страны, я хочу воспользоваться возможностью и в присутствии той части моих сограждан, которые здесь собрались, выразить им большую благодарность за то, что именно на меня пал их доброжелательный взгляд, а также заявить о своем искреннем осознании того, что задача, которая стоит передо мной, выше, чем мои таланты, и что я берусь ее выполнять с беспокойными и тревожными

предчувствиями, которые справедливо волнуют меня из-за величия обязанности и слабости моих способностей.

Страна, которая быстро поднимается, страна, которая раскинулась на огромных просторах плодородной земли, страна, которая бороздит моря и океаны, перевоза изделия своей промышленности, страна, которая торгует с государствами, чувствующими свою мощь и при этом забывающими о справедливости, страна, которая быстро идет к предначертанной судьбой цели, лежащей вне границ глаза простого смертного, — когда я размышляю над этими удивительными, прекрасными вещами и вижу славу, счастье и ожидания моей любимой страны, преданной своему делу, вижу нынешние хорошие признаки, то от этих мыслей у меня перехватывает дыхание, и я смиренно замираю перед величием задач.

Однако я не впадаю в отчаяние, поскольку присутствие многих из тех, кого я здесь сегодня вижу, напоминает мне, что среди других органов верховной власти, предусмотренных нашей Конституцией, я найду кладези мудрости, добропорядочности и упорства, на которые смогу положиться в любых затруднительных обстоятельствах.

Итак, на вас, господа, тех, кто выполняет суверенные функции законодательства, а также на тех, кто вам помогает, я смотрю с надеждой на поддержку и наставничество, которые дадут нам возможность безопасно провести через бушующие стихии нашего тревожного мира тот корабль, на борт которого мы все поднялись.

Во время состязания мыслей, через которое мы прошли, пыл и упорство дискуссий иногда принимали вид, способный поразить чужеземцев, не привыкших свободно думать, свободно высказываться и свободно писать то, что они думают; но теперь, когда эти споры были разрешены волеизъявлением народа, а их результат провозглашен согласно положениям Конституции, все граждане, бесспорно, подчинятся воле закона и объединят свои усилия ради общего блага.

И все также будут держать в голове тот священный принцип, что, хотя воля большинства и должна побеждать во всех случаях, эта воля должна быть справедливой, умной и рассудительной, и меньшинство имеет равные права, защищенные законами, которые это равенство обеспечивают, а нарушение этих прав и законов будет означать угнетение. Итак, объединимся, сограждане, сердцем и умом.

Вернемся к тем общественным отношениям, основой которых являются согласие и милосердие, поскольку без них тяжело представить свободу и даже саму жизнь. Не будем забывать о том, что, изгнав из нашей земли ту религиозную нетерпимость, от которой человечество так долго страдало и истекало кровью, мы почти ничего не получим, если проявим такую же неистовую деспотическую нетерпимость в сфере политики, способную к не менее злобным и кровавым преследованиям.

Когда от болезненных мучений и конвульсий страдает старый мир, когда в дорогах мучается обозленный человек, кровью и убийством приобретая себе свободу, не удивительно, что волны возбуждения и смятения докатываются и до этих далеких и мирных берегов; не удивительно, что это возбуждение и смятение одни люди воспринимают с большим осознанием и страхом, чем другие, и вносят раскол в мысли, достигая опасной черты.

Но любое разногласие мыслей не является разногласием принципов. Мы называли разными именами братьев наших, которые исповедовали один и тот же принцип. Все мы — республиканцы, все мы — федералисты. А если среди нас появятся те, кто захочет распушить наш Союз или же изменить его республиканскую форму, то пусть они застынут как памятники рассудительности, которая толерантно относится к ошибочной мысли, но не сдерживает здравого смысла в борьбе с ней.

Я действительно знаю, что кое-кто из честных людей боится, что республиканская форма правления не может быть крепкой, что наше правительство недоста-

точно сильное, но разве честный патриот в самый разгар удачного эксперимента откажется от формы управления, которая до сих пор обеспечивала нам свободу и силу лишь на основании чисто теоретических и умозрительных опасений, что такому управлению может потенциально не хватить энергии и воли к самосохранению? Я так не думаю. Наоборот, я придерживаюсь той мысли, что это — самое сильное правительство в мире.

Я считаю его единственным, при котором каждый человек по призыву закона сломя голову бросится под штандарт этого закона, поскольку будет считать защиту общественного порядка от посягательств на него своей личной обязанностью.

Иногда говорят, что такому человеку нельзя доверять право руководить собой. Но разве тогда можно доверять ему управление другими людьми? Или, может, где-то с Небес снизошли непорочные ангелы в виде королей, которые этим человеком будут править? Пусть на этот вопрос ответит история.

Итак, давайте с мужеством и твердой уверенностью придерживаться наших федеральных и республиканских принципов, нашей преданности Союзу и представительскому правительству.

По воле самой природы отделенные широким океаном от убийственного хаоса, который властвует на четверти земного шара; слишком высокодумны, чтобы терпеть упадок и деградацию других; имея благословенную землю, где хватит места нашим потомкам на тысячи и тысячи поколений; осознавая наше право реализовать свои способности, достижения нашего упорства и предприимчивости, осознавая честь и доверие со стороны наших сограждан — не из-за привилегии от рождения, а вследствие наших действий и их осмысления; озаренные светом милосердной религии, которую хотя и исповедуют в разных формах, но все эти формы тем не менее прививают людям честность, правдивость, сдержанность, милосердие и любовь к человеку; признавая и уважая Всевышнее Провидение, которое, вопреки всем скитаниям, доказывает, что его цель — счастье человека в этом мире и еще большее счастье в мире потустороннем, — со всеми этими благословенными дарами что еще нужно нам, чтобы стать людьми счастливыми и обеспеченными?

Нам нужно еще одно, сограждане: мудрое и экономное правительство, которое будет удерживать людей от причинения вреда друг другу, а во всем остальном обеспечит им свободу самим выбирать способы реализации сил и способностей для улучшения своей жизни и не будет забирать изо рта труженика заработанный хлеб. Именно это и есть хорошее правление и именно в таком правлении мы нуждаемся, чтобы завершить круг вышеупомянутых счастливых достояний.

Сограждане! Готовясь взяться за исполнение обязанностей, которые охватывают все, что вы цените, и все, что дорого вашему сердцу, я считаю нужным

изложить вам свое видение главных принципов нашего правительства и — соответственно — принципов, согласно которым должна формироваться правительственная администрация.

Я объясню их в максимально кратких рамках — насколько это возможно в отношении основополагающих вещей — и изложу лишь основные принципы, без возможных возражений.

Одинаковое и справедливое судопроизводство для всех людей, безотносительно состояния и религиозных или политических убеждений; мир, торговля и честные доброжелательные отношения со всеми странами без вступления в альянс с кем-либо из них; поддержка правительств штатов во всех их правах как наиболее компетентных администраций для решения наших внутренних вопросов и как крепчайшего оплота против антиреспубликанских тенденций; всяческая поддержка центрального правительства и всех его конституционных полномочий как основного гаранта мира внутри страны и безопасности за ее пределами; ревностное обеспечение избирательного права народа как рассудительного и ненасильственного средства исправления злоупотреблений, которые по обыкновению отсекаются мечом революции там, где нет мирных средств их устранения; абсолютное согласие с решениями, которые принимает большинство, — основной принцип республиканизма, антиподом которого является сила, — основной принцип и родная мать деспотизма; хорошо дисциплинированное ополчение — наша наилучшая надежда в мирные времена и в первые дни войны, пока на помощь ему не подтянутся регулярные войска; верховенство гражданской власти над военной; сбережение общественных затрат — рабочие должны платить лишь небольшие налоги; честная выплата наших долгов и неуклонная поддержка общественного доверия; содействие сельскому хозяйству и торговле как его служанке; распространение информации о злоупотреблениях и привлечении нарушителей к суду; свобода вероисповедания; свобода печати, свобода индивидуума под защитой закона о неприкосновенности личности, а также суд избранных без предубеждения присяжных.

Эти принципы образуют яркое созвездие, которое двигалось впереди и направляло наш прогресс сквозь эпоху революции и реформации. Их воплощению оказывали содействие мудрость наших мудрецов и кровь, пролитая нашими героями.

Эти принципы должны стать кредо нашей политической веры, основой гражданского права, краеугольным камнем, которым будет проверяться служба тех, кому мы вверили высокие должности; а если нам когда-либо будет суждено угодить во времена смуты и тревоги, то мы должны немедленно вернуться на тот единственный путь, который ведет к миру, свободе и безопасности.

Итак, сограждане, я вступаю в должность, которую вы мне доверили. Приобретя достаточный опыт на подчиненных должностях и увидев все трудности пребывания на высочайшем посту, я убедился, что несовершенному человеку редко удастся уйти со своей должности, сохранив ту же репутацию и благосклонность, которые в свое время позволили ему эту должность занять.

Не надеясь на высокое доверие, высказанное вами нашему самому первому и самому величественному революционному деятелю, чьи выдающиеся заслуги обеспечили ему всенародную любовь и ярчайшие страницы в книге правдивой истории, я прошу у вас ровно столько доверия, сколько мне понадобится для того, чтобы я с твердостью и сноровкой осуществлял правовое руководство вашими делами. Часто я буду заблуждаться из-за ошибочности суждений.

А когда я буду прав, то те, чья позиция не будет позволять им видеть весь вопрос в целом, будут считать, что я ошибаюсь. Я прошу у вас снисходительности к моим ошибкам, которые никогда не будут намеренными, а также вашей поддержки против ошибок тех, кто будет осуждать меня, не видя за деревьями леса.

Одобрение, которое вы высказали мне своим голосованием, является для меня большим утешением за прошлое, а моей заботой в будущем будет стремление сохранить добрую мысль о себе у тех, кто поверил мне заведомо, и завоевать благосклонность других, делая им все то добро, которое будет в моих силах и пределах моих полномочий, а также содействуя общему счастью и свободе.

Итак, полагаясь на покровительство вашей доброй воли, я послушно берусь за работу, будучи в любой момент готовым ее оставить, если вы придете к выводу о возможности сделать значительно лучший выбор. И пусть же та бесконечная сила, которая правит судьбой Вселенной, ведет наше правительство к тому, что является наилучшим, и обеспечивает благоприятный результат его усилий ради вашего мира и процветания.

Томас Джефферсон (1743–1826) — видный деятель Войны за независимость США, один из авторов Декларации независимости (1776 г.), 3-й президент США (1801–1809), один из отцов-основателей этого государства, выдающийся политический деятель, дипломат и философ эпохи Просвещения.

Заступая в 1801 году на президентский пост, Джефферсон произнес фразу «все мы республиканцы, все мы федералисты», которая стала хрестоматийной. Ее автор — один из основоположников двухпартийной системы.

Наполеон Бонапарт

«Солдаты моей старой гвардии! Я прощаюсь с вами»

Солдаты моей старой гвардии! Я прощаюсь с вами. Двадцать лет я вел вас дорогой чести и славы. В эти последние дни, как и в наши счастливые времена, вы не переставали служить примером верности и отваги.

С такими людьми, как вы, наше дело не пропало бы, но война сменяется другой, бесконечной, гражданской; для Франции это было бы огромным бедствием.

Я пожертвовал нашими с вами интересами во имя родины. Я ухожу, вы же, друзья мои, продолжайте служить Франции; ее счастье — единственное, что меня беспокоит, это все, о чем я думаю. Не огорчайтесь из-за меня; если я готов жить дальше, то только для того, чтобы служить вашей славе.

Я опишу весь путь, пройденный вместе с вами. Прощайте, дети мои! Я хотел бы каждого из вас прижать к своей груди. Я поцелую ваш флаг.

Наполеон I Бонапарт (1769–1821) — французский император (1804–1815), великий полководец и государственный деятель, заложивший основы современного французского государства.

Предложенная для анализа речь — это прощание Наполеона со своей гвардией 20 апреля 1820 г. перед отправкой в ссылку на остров Эльба.

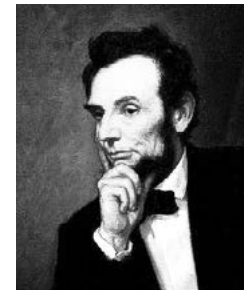
Авраам Линкольн

«Восемь десятков и семь лет назад наши отцы создали на этом континенте новую нацию...»

Восемь десятков и семь лет тому назад наши отцы создали на этом континенте новую нацию, зачатую в свободе и верящую в то, что все люди родились равными.

Теперь мы ведем великую гражданскую войну, которая подвергает нашу нацию или любую другую нацию, зачатую таким же образом и исповедующую те же идеалы, испытанию на способность выстоять.

Мы встречаемся сегодня на большом поле битвы этой войны. Встречаемся, чтобы посвятить его часть тем,

для кого оно стало последним пристанищем, тем, кто отдал свою жизнь во имя того, чтобы наша нация смогла выжить. Со всех точек зрения это уместный и целиком правильный шаг.

Но в более широком понимании мы не можем посвящать, мы не можем освящать, мы не можем сделать святой эту землю. Отважные люди, живые и мертвые, которые бились здесь, уже совершили обряд такого посвящения, и не в наших слабых силах что-либо добавить или отнять.

Мир вряд ли заметит или запомнит надолго то, что мы здесь говорим, но он не сможет забыть того, что они сделали здесь. Скорее, это нам, живым, следует посвятить себя завершению начатого ими дела, над которым трудились до нас с таким благородством те, кто бился тут.

Скорее, это нам, живым, следует посвятить себя великой задаче, которая все еще стоит перед нами, — перенять у этих покрытых славой мертвецов еще большую преданность тому делу, которому они в полной мере и до конца сохраняли верность, исполниться убежденностью, что они погибли не напрасно, что наша нация с Божьей помощью возродится в свободе и что власть народа, созданная волей народа и для народа, не исчезнет с лица земли.

Авраам Линкольн (1809–1865) — американский государственный деятель, 16-й президент США (1861–1865) и первый от Республиканской партии, освободитель американских рабов, национальный герой американского народа.

Произнесенная 19 ноября 1863 г. Линкольном на открытии Геттисбергского кладбища речь, несмотря на свою краткость, до сих пор остается эталоном ораторского мастерства.

Мари Кюри

«Научная история радия прекрасна»

Я могла бы многое рассказать вам о радиации и радиоактивности, отняв у вас немало времени. Но поскольку мы не можем себе этого позволить, кратко расскажу о первых годах своей работы над радием. Радий — уже не ребенок, ему больше 20 лет. Открыт он был в очень нестандартных условиях, о чем всегда интересно вспоминать и рассказывать.

Возвратимся в 1897 год. Мы с Пьером Кюри к тому времени работали в лаборатории при физико-химической школе, где мой муж читал лекции. Я принимала

участие в исследованиях уранового излучения, открытого двумя годами ранее профессором Беккерелем.

Некоторое время я исследовала способы точного измерения уранового излучения, а потом мне захотелось узнать, существуют ли другие элементы, обладающие подобным излучением. Поэтому я начала работать со всеми известными элементами и их соединениями и выяснила, что активность проявляют все урановые соединения, а также все соединения тория. Другие элементы и их соединения оказались неактивными.

Потом я занялась измерением минералов и выяснила, что активными являются те, которые содержат уран или торий или же оба этих элемента. Эта активность была выше, чем я ожидала. Намного выше, чем активность таких соединений урана или тория, как оксиды, которые практически полностью состоят из них.

Тогда я подумала: в этих минералах, наверное, есть какой-то неизвестный элемент, который имеет намного более высокую активность, чем уран или торий. И мне захотелось найти и выделить его. Я взялась за выполнение этой задачи вместе с Пьером Кюри.

Мы были уверены, что с ней можно справиться за несколько недель или месяцев, но это оказалось не так. Понадобилось много лет кропотливого труда, прежде чем мы добились успеха. Оказалось, элементов не один, а несколько. И важнейший из них — радий, который можно было получить в чистом виде.

Особый интерес представляет интенсивность излучения радия: она в миллионы раз превышает интенсивность излучения урана. Именно эффект этих лучей делает радий таким важным. С практической точки зрения главное свойство радия заключается в том, что он физиологически влияет на клетки человеческого организма и может быть использован для лечения некоторых заболеваний. Особенно важным является лечение рака.

Медицинское применение радия подразумевает необходимость добывать этот элемент в достаточных количествах. Поэтому был создан завод по производству радия, сначала во Франции, а со временем в США, где достаточно руды под названием карнотит. США каждый год вырабатывают много граммов радия, но цена его все еще очень высока, так как радия в руде чрезвычайно мало. Радий более чем в 100 тысяч раз дороже золота.

Вместе с тем мы не должны забывать следующего: когда радий был открыт, никто не знал, что он окажется полезным в медицине. Велись сугубо научные исследования. Этот случай может стать доказательством того, что научную работу нельзя оценивать только с точки зрения ее прикладного значения. Исследования должны проводиться ради красоты науки, но всегда остается вероятность того, что научное открытие даст человечеству пользу подобно открытию радия.

Научная история радия прекрасна. Свойства лучей весьма подробно изучены. Мы знаем, что частицы выталкиваются из радия с огромной скоростью, близкой к скорости света. Известно также, что атомы радия, разрушаясь выталкиванием этих частиц, превращаются в атомы гелия.

Таким образом, доказано, что радиоактивные элементы постоянно изменяют свою структуру и, в конце концов, образуют обычные элементы, в основном гелий и свинец. Это, как видите, теория трансмутации атомов, которые не стабильны, как мы думали ранее, а способны испытывать спонтанные изменения.

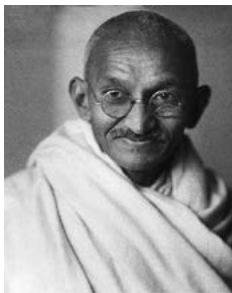
...Всегда есть место экспериментам, и я надеюсь, что в ближайшие годы мы значительно продвинемся вперед. Я искренне хочу, чтобы кто-то из вас продолжил исследования в этой области и поставил перед собой цель сделать значительный вклад в науку.

Мария Склодовская-Кюри (1867–1934) — французский (польский) физик и химик, педагог, общественный деятель. Удостоена Нобелевской премии: по физике (1903) и по химии (1911), первый дважды нобелевский лауреат в истории. Вместе с мужем Пьером Кюри занималась исследованием радиоактивности (открыли радий и полоний).

Во время своего визита в США в 1921 году она выступила в Вассарском колледже Нью-Йорка с речью, в которой рассказала историю собственной жизни, неотделимую от научной истории радия.

Махатма Ганди

«Индии нет спасенья»

...Для всех нас чрезвычайно унизителен тот факт, что в этот вечер, под сенью этого большого университета, в этом священном городе я вынужден обращаться к своим соплеменникам не на родном языке.

...В декабре я побывал на сессиях конгресса. В зале было намного больше людей, чем здесь, поверьте ли вы, если я скажу вам, что их сердца тронули только те речи, которые произносились на языке хиндустани? Так было в Бомбее, а не в Варанаси, где хинди владеют все.

Но между хинди и диалектами президентства Бомбей нет такого большого различия, как между хинди и английским, и присутствующие на заседании кон-

гресса вполне понимали тех, кто говорил на языке Индии. Я надеюсь, что университет позаботится о том, чтобы молодежи, которая придет сюда, преподносили знания ее родным языком.

Наши языки — это отображение нас самих, и, если вы говорите мне, что наш язык слишком беден, чтобы точно передать лучшие мысли, тогда уж скажите: чем скорее мы исчезнем с лица земли, тем лучше.

Есть ли среди нас хоть один человек, который мечтает о том, чтобы английский стал национальным языком Индии? Зачем нашему народу такая преграда? Задумайтесь хоть на миг, в равных ли условиях находятся наша молодежь и английское юношество.

...Нас обвиняют в том, что мы непредприимчивы. Но как же нам быть предприимчивыми, когда мы вынуждены отдавать драгоценные годы жизни на овладение чуждым нам языком?

...Мы получаем исключительно английское образование. Естественно, это дает о себе знать. И представьте себе, что последние пятьдесят лет мы учились бы на своем родном наречии. Чего бы мы тогда достигли?

Сегодня у нас была бы свободная Индия, люди были бы просвещены, но не выглядели бы так, будто они иностранцы в собственной стране, а обращались бы к самому сердцу народа. Они трудились бы среди беднейших из бедных, и все, чего они достигли бы за эти пятьдесят лет, стало бы достоянием наций. Однако сейчас даже наши жены неспособны разделить наши лучшие, передовые идеи...

...Я нарисовал картину в целом и, если уж вы предоставили мне почетное право обратиться к вам, буду с вами откровенен. Конечно, мы должны разобраться с этими вопросами, встав на путь к получению автономии.

Нарисую вам другую картину. Его величество магараджа, руководивший вчера нашей дискуссией, говорил о бедности индийского народа. Это подчеркивали и другие ораторы. Но чему мы стали свидетелями в пандале, где вице-король заложил первый камень университета?

Бесспорно, зрелище было замечательное: выставка драгоценностей, роскошный банкет взгляду величайшего из ювелиров, что соизволил бы прибыть из Парижа. Я же сравниваю пышно разодетых аристократов и миллионы бедняков, и мне хочется сказать знати: «Индии нет спасения, пока вы не сорвете с себя эти драгоценности и не отдадите их, чтобы улучшить положение ваших соотечественников».

Убеден, что ни королю, ни лорду Гардингу не нужно, чтобы в знак глубочайшего уважения к ним мы опустошали свои шкапулки и обвешивались драгоценностями с головы до ног. Возьму на себя смелость донести до вас мысль самого короля Георга: ему не нужно подобное проявление верноподданнических чувств.

Когда я слышу, что в одном из больших индийских городов возводится огромный дворец — неважно, где, в Британской Индии или в Индии, управляемой нашими знатными вождями, — мне становится досадно, и я думаю: «Вот на что тратятся деньги, добытые работой земледельцев».

Но ведь земледельцы — это свыше трех четвертей населения нашей страны, и вчера господин Хиггинботам сказал нам на своем замечательном родном языке, что это те люди, которые «вместо одного колоска выращивают два».

И если мы отбираем у них или же разрешаем кому-то отбирать почти все плоды их трудов, то жив ли у нас дух независимости? Наше спасение — в крестьянах. Его не дадут нам ни юристы, ни врачи, ни богатые помещики.

Мохандас Карамчанд «Махатма» Ганди (1869–1948) — индийский политический и общественный деятель, один из руководителей и идеологов движения за независимость Индии от Великобритании. Его философия ненасильственной борьбы (сатьяграха) сыграла огромную роль не только в освобождении Индии от колониального гнета, но и оказала огромное влияние на борьбу за права человека во всем мире.

Принципы философии сатьяграха, осуждение Махатмой Ганди действий своих соплеменников изложены в речи, произнесенной на собрании граждан Ахмедабада, проходившем в его резиденции в Сабармати 14 апреля 1919 года.

Ленин В.И.

«Что такое Советская власть?»

Что такое Советская власть? В чем заключается сущность этой новой власти, которой не хотят или не могут понять еще в большинстве стран? Сущность ее, привлекающая к себе рабочих каждой страны все больше и больше, состоит в том, что прежде государством управляли так или иначе богатые или капиталисты, а теперь в первый раз управляют государством, притом в массовом числе, как раз те классы, которых капитализм угнетал. Даже в самой демократической, даже в самой свободной республике, пока остается господство капитала, пока земля остается в частной собственности, государством всегда управляет небольшое

меньшинство, взятое на девять десятых из капиталистов или из богатых.

Первый раз в мире власть государства построена у нас в России таким образом, что только рабочие, только трудящиеся крестьяне, исключая эксплуататоров, составляют массовые организации — Советы, и этим Советам передается вся государственная власть. Вот почему, как ни клеветают на Россию представители буржуазии во всех странах, а везде в мире слово «Совет» стало не только понятным, стало популярным, стало любимым для рабочих, для всех трудящихся. И вот почему Советская власть, каковы бы ни были преследования сторонников коммунизма в разных странах, Советская власть неминуемо, неизбежно и в недалеком будущем победит во всем мире.

Мы хорошо знаем, что у нас еще много недостатков в организации Советской власти. Советская власть — не чудесный талисман. Она не излечивает сразу от недостатков прошлого, от безграмотности, от некультурности, от наследия дикой войны, от наследия грабительского капитализма. Но зато она дает возможность переходить к социализму. Она дает возможность подняться тем, кого угнетали, и самим брать все больше и больше в свои руки все управление государством, все управление хозяйством, все управление производством.

Советская власть есть путь к социализму, найденный массами трудящихся и потому — верный, и потому — непобедимый.

Владимир Ильич Ульянов (Ленин) (1870–1924) — российский революционер, советский политический и государственный деятель, создатель Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков), один из главных организаторов и руководителей Октябрьской революции 1917 года в России, первый председатель Совета Народных Комиссаров (правительства) РСФСР, создатель первого в мировой истории социалистического государства.

Предложенная для анализа речь была произнесена 25 мая 1919 года на параде войск всеобуча в Москве. Одна из самых известных речей В.И. Ленина.

Троцкий Л.Д.

«Братский союз советских республик»

Товарищи!

Старая царская Россия была скована воедино железным обручем насилия и произвола. Во время последней мировой жестокой войны этот обруч сломился и распался. И вместе с тем распалась на части старая царская Россия.

И многим казалось, что больше не собратся народам России воедино никогда. Но вот на наших глазах совершается великое историческое чудо: Советская власть объединяет народы старой царской России воедино.

Советские войска освободили Харьков и Киев. И что же? Народ украинский — хочет ли он жить особой жизнью от остальной Советской России?! Нет, он хочет дружного братского союза и неразрывной связи.

Красные полки освободили Ригу и Вильно. И что же? Народ латышский, народ литовский, народ белорусский, — стремятся ли они отмежеваться от нас каменной стеной?! Нет, они хотят братского тесного союза.

И то же самое произойдет завтра с Эстляндией, Кавказом, Сибирью, со всеми ныне еще разрозненными частями старой царской империи.

Это значит, что в сердцах трудовых народов живет непреодолимое стремление к соединению своих сил.

Там, где была железом и кровью скованная царская империя, там было вместе с тем в глубинах народного сознания стремление к братской свободной жизни, без вражды, борьбы и свары одной нации с другой нацией. Ныне трудящиеся люди, получившие при посредстве Советской власти в свои руки управление государством, — они строят новую Советскую Федеративную Россию.

И эта новая Советская Россия протягивает свои руки рождающейся Германии, и будет во всем мире единая советская республика всех народов!

Лев Давидович Троцкий (Лейба Давидович Бронштейн; 1879–1940) — революционный деятель XX века, идеолог троцкизма. Один из организаторов Октябрьской революции 1917 года, один из создателей Красной армии. Один из основателей и идеологов Коминтерна, член его Исполкома. В первом советском правительстве — нарком по иностранным делам, затем в 1918–1925 — нарком по военным и морским делам и председатель Реввоенсовета РСФСР, затем СССР. С 1923 года — лидер внутривластной левой оппозиции.

Член Политбюро ВКП(б) в 1919–1926 годах. В 1927 году снят со всех постов, отправлен в ссылку. В 1929 году выслан за пределы СССР. В 1932 году лишён советского гражданства. Был смертельно ранен 20 августа 1940 года в Мексике. Записанная речь Л.Д. Троцкого относится к апрелю 1919 года, и посвящается она теме объединения разрозненных частей развалившейся Российской империи в единый братский союз советских республик.

Киров С.М.

«Речь о шариате»

Товарищи! Я немного времени отниму у вас только для того, чтобы дать некоторый отвод не совсем точному толкованию отношения Советской власти к вопросу, который долго и слишком горячо дебатировался здесь сегодня.

Дело в том, что горячность эта совершенно понятна потому, что между нами, носителями рабоче-крестьянского красного знамени, и многомиллионным Востоком наши противники стараются вбить клин, часто спекулируя именно на этом вопросе — на вопросе о шариате.

Как мыслим мы это дело?

С первого дня мы заявили, как мы относимся к религии. Во что каждый верует, этого мы ни с какой стороны не касаемся. Можно молиться, верить и надеяться на что хочешь; это первое положение установлено нами давно.

Что такое шариат — все вы знаете. Если бы весь вопрос сводился только к религиозной стороне дела, все было бы просто. Но тут затрагивается другая область — область общего управления.

И вот маленькие справки из той области, как Советская власть смотрит на этот вопрос.

Что такое Советская власть? Это такая власть, которая должна быть в полном смысле слова властью рабочих и крестьян. Управлять может крестьянин и рабочий и каждый выбранный ими, лишь бы эта власть была такой властью, которая народу, рабочим и крестьянам, была понятна и близка от начала до конца, и все то, что наполняет Советскую власть, было бы целиком и полностью воспринимлемо и непосредственно было бы годным для этих широких трудящихся масс.

Отсюда вывод. Раз это так, — а это несомненно так, — то нельзя придумать власти рабочих и крестьян, которая была бы по методам своей работы одинаковой для всех народов.

Если мы будем по одному шаблону строить наши суды, — о чем говорилось здесь, — естественно, из этого решительно ничего не выйдет. Это совершенно определено и понятно. Отсюда, с этой трибуны, ответственные представители Советской власти вам не раз говорили: "Если вы желаете судиться по шариату — судитесь по шариату: это дело ваше" — в том смысле, что, очевидно, только такая форма суда в данном случае понятна народу. Только на основании такого судопроизводства для известных групп национальностей, живущих здесь, Советская власть будет понятна, доступна и может быть ими воспринята.

Вот как просто стоит для нас этот вопрос. И только то, что в старое время сплошь и рядом этот вопрос принимал здесь совершенно неправильную, уродливую форму, привело к тому, что здесь товарищи из отдельных национальностей подходили к нему несколько сгоряча.

Никоим образом наша коммунистическая партия никогда не собиралась устанавливать какого-либо контроля над вашим шариатом. Это дело ваше. Коммунистическая партия не касается этого вопроса ни с какой стороны.

Те новые формы вашей внутренней жизни, которые намечаются здесь, должны отвечать двум требованиям: чтобы власть трудящихся, бедноты была глубоко понятна народным массам — это раз, с другой стороны — чтобы все ваше устройство и какие угодно учреждения и новые суды служили на пользу и для укрепления рабоче-крестьянской власти. Вот два требования, которым и должна отвечать Советская власть, где бы она ни была — в Москве, в Назрани или Константинополе. Только при этих условиях мы сумеем осуществить те общие идеалы, которые нами здесь развивались так долго, в течение всего съезда.

Мы вовсе не стараемся вести какой-то экзамен религии. Это ваш мир. Еще повторяю, это дело не касается нас. В этом смысле я мог бы привести целый ряд фактов из советской практики, и все их так или иначе знают.

Здесь один из делегатов заявил: тут как будто все предлагается, что нужно нам, но чувствуется определенное недоверие к нам и какая-то, как он сказал, дипломатия. Это буквально его выражение.

Этот человек не может понять самого простого. Я скажу, что никакой дипломатии нет. Пусть он присмотрится, что делается среди его единоверцев в Турции. Мы видим, что турецкий народ раскололся пополам. Получилось константинопольское правительство, которое продалось Антанте, — там существует свой шариат, и знаем другое правительство, анатолийское, где во главе стоит Мустафа Кемаль, — там тоже шариат. Очевидно, шариат служит народам или группам людей, но не наоборот.

Основное требование к форме судопроизводства, которая интересует вас и которая здесь устанавливается, мною уже изложено.

Мы заявляем: устраивайте это дело как угодно, ибо это дело ваше, только не должно быть отступлений от работы на пользу укрепления рабоче-крестьянского государства.

Больше решительно ничего не нужно, и вся наша "дипломатия", о которой говорил здесь т. Измайлов, сводится именно к этому.

Он говорил: "Если дадите шариат, то дайте целиком и полностью".

Но что такое "целиком и полностью"? Вот здесь-то мы и видим самую форменную, настоящую дипломатию. У нас в смысле устройства рабоче-крестьянской власти на местах нет ни малейшей дипломатии. Вся дипломатия сводится к тому, что независимо от племени, языка и верования нужно создать прочные советские основы жизни. Если под сенью шариата или чего другого разовьют агитацию, враждебную Советской власти, — верно с этим мы будем бороться, антисоветские группы разгоним, будем и впредь всегда разгонять.

Это наша задача. Я не знаю, может быть, многие принадлежащие к разным верованиям нас не понимают, но мы такими уже родились и не умрем, а будем жить и развиваться в дальнейшем. Берите нас, какие мы есть. Я думаю, что всякий, на какой бы точке зрения он ни стоял, нас поймет в конце концов.

Те резолюции, которые завтра предложат здесь в окончательной форме, должны быть поняты так, что единственная дипломатия, которую мы преследуем, — это освобождение всех угнетенных национально и экономически в пределах Горской республики. Если эту заповедь принимаете, то мы говорим дальше: в области религиозной делайте что хотите. Это не касается нас.

И дальше мы говорим: создавайте свои школы на вашем родном языке, на каком языке хотите — это ваше дело. Если хотите устраивать суды на своих основаниях, — делайте это как вам угодно. Никакого контроля коммунистическая партия не может и не должна наводить в этом отношении. Но помните, что все эти формы жизни, и школы и все организуемые нами институты, должны стремиться к одному — чтобы укрепить здесь власть рабочих и крестьян.

Приведу такой пример: предположим, завтра волею Христа или Магомета поднимется генерал Деникин и пойдет в суд шариата и отдаст себя на волю революционного правосудия. И этот шариатский суд (я, правда, этого не допускаю), вместо того чтобы сделать усекновение генеральской головы Деникина, окружит его ореолом мученика, — такого суда ни один рабочий и крестьянин, преданный настоящей власти, не допустит.

Однажды ингуши, обсуждая вопрос о грабежах и разбоях, в своем постановлении сказали так: судите грабителей судом шариата, но по закону Военно-революционного трибунала. Это то самое, что действительно нужно для укрепления рабоче-крестьянской власти.

Напрасно упрекали нас, что здесь какая-нибудь дипломатия. Единственная дипломатия наша заключается в том, чтобы возможно больше дать средств для укрепления власти вашей, трудящейся бедноты. Но переворачивать советский аппарат для того, чтобы он служил прикрытием черных воронов, врагов наших, этого мы не потерпим. В Москве была такая обстановка, когда в Кремле часы на башне играли "Коль славен наш господь", а теперь часы играют наш коммунистический "Интернационал". Мы не знаем и не хотим знать, как мыслят сидящие под куполами этих башен, но "Коль славен..." играть им не позволим. А религия — их дело. Это — собственное их дело, и только.

Пусть в душе какой-нибудь архиепископ и не стоит за Советскую власть и пусть мысленно поет контрреволюционные мотивы, но когда это выльется наружу, когда получится угроза государству, тогда мы будем никуда негодными людьми, если не предупредим это зло.

Если благодаря автономии, шариатскому суду и прочему попытается развязать руки контрреволюция, мы тогда скажем: этот шариат не годится. Если шариат потребует, чтобы сегодня взяли меня за глотку, меня как представителя рабоче-крестьянской власти, — я, как и Советская власть, умирать не хочу, защищаться буду, и уже тогда разрешите взять за горло того, кто собирается душить Советскую власть. Как видите, философия очень простая.

Вы знаете, что мы допускаем шариат для укрепления власти трудящихся. Как вы это сделаете — этот вопрос ни с какой стороны нас не интересует. Это ваше дело. Пройдет время — будет подлинный коммунистический рай. Но все же это не значит, что все на земном шаре во всех отношениях будут острижены под одну гребенку. Возможно, что человечество очень и очень нескоро заговорит на одном общем для всех языке.

Если такая точка зрения кое-кем считается неудобной и кое-кто думает, будто бы мы вам не доверяем, а разыгрываем дипломатию, то это говорит о том, что есть среди вас такие элементы, которые хотят воспользоваться вопросом о шариате, чтобы поспорить собравшихся здесь. Могут сказать: "Мы просили шариат, но с нами разыграли дипломатию". Это говорит о том, что есть элементы, которые недовольны Советской властью вообще.

Здесь утверждается рабоче-крестьянская власть бедноты. Тут нужно прямо и твердо сказать, а не кивать на какую-то дипломатию, если кто недоволен, что Советская власть идет в защиту рабочих и крестьян и решительным образом требует создавать такие органы, которые укрепили бы ее как в центре, так и на окраине.

Совершенно неправильно говорили, что Советская власть пошла на уступки и прочее. Здесь никаких уступок нет. Здесь просто союз отдельных национальностей. И мы вовсе не такие дураки, извините за грубость, что, придя в совершенно новый для нас мир, стали бы навязывать вам то-то и то-то. Скажем, если бы мы

приехали в Чечню и сказали бы: "Разговаривай только по-русски", это покажется смешным. Также смешно показалось бы, если бы мы пришли и сказали: "У вас есть шариат, а у нас в Москве никакого шариата нет. Бросьте ваш шариат и берите нашу московскую форму суда, а свою бросьте".

Чеченский язык плох или неплох, я не знаю: язык как язык, каких много; и если вам угодно устраивать ваши судебные учреждения — устраивайте как хотите, но помните одно: не пойте на чеченском языке "Боже, царя храни", хотя бы на чеченском или другом языке — мы этого не допустим.

То же самое надо сказать и о шариатском судопроизводстве. Если будут восстановлены в ваших судебных руководствах старые законы и старые положения и если вместо портрета товарища Ленина в помещении суда будет висеть портрет Николая II, извините, такое помещение должно быть запечатано при всем нашем уважении к шариату.

Вопрос о шариате — тот же самый, как и вопрос об языке. Нам все же было бы приятно, если бы, проходя в школах все науки на чеченском языке, для укрепления власти рабочих и крестьян ученики интересовались бы тем, что написано в нашей рабоче-крестьянской азбуке, интересовались бы рабочей и крестьянской мудростью и — в лучшем случае — мудростью коммунистической.

Когда ингуши в Назрани задали мне вопрос, как мы смотрим на религию, я им сказал: "Эти мечети кто разрушил? Найдите хоть одну мечеть, которая разрушена была бы представителями рабоче-крестьянской власти или нашей Красной Армией. Этого вы не укажете".

И после этого здесь говорят о каком-то недоверии, о каком-то политическом подвохе. Это вздор, это форменная ерунда. Рабочие и крестьяне, будь то татарин или русский, кто угодно, они не могут подходить дипломатически к рабочим и крестьянам других народов.

Мы идем в этом вопросе совершенно открыто. Никакого тайного замысла здесь нет. Если кто путает и нас и вас, — это безусловно наши общие враги, которым выгодно воспользоваться религиозным моментом и начать сеять рознь, затормозив съезд, чтобы он разделился, и тем попытаться сорвать рабоче-крестьянскую власть.

Это вздор. Между рабочими и крестьянами всех национальностей и всех горских народностей никакой дипломатии не существует. Если мы ловкие дипломаты в отношении контрреволюции, то обманывать бедноту — чеченцев, ингушей, осетин — рабочих и крестьян — это значит обманывать самих себя.

В тех резолюциях, которые здесь будут предложены шариатистами и коммунистами, особой разницы не будет — мы договоримся; а всех остальных, которые хотят нас запугать, без всяких сомнений выгоняйте и продолжайте дело укрепления власти рабочих и крестьян.

Давайте создавать более близкие вам формы рабоче-крестьянского общежития, и, надеюсь, вы сделаете это здесь подавляющим большинством съезда.

Мы умышленно просили открыть по этому вопросу прения, чтобы сказать не только о нашем понимании шариата, а сказать также: когда приедете на места, то скажите, что все было сделано соответственно вашим чаяниям и нуждам трудящихся.

Приступайте к окончательной постройке такой рабоче-крестьянской власти, в прочности которой не сомневался бы ни один из делегатов, хотя бы он был сторонником шариата.

Сергей Миронович Киров (Костриков; 1886–1934) — российский революционер, советский государственный и политический деятель. В 1920–25 г.г. Киров — член Кавказского бюро ЦК РКП(б), а с 1921 года он становится Первым секретарем ЦК компартии Азербайджана. Речь, предложенная для анализа, произнесена на Учредительном съезде Советов Горской ССР 21 апреля 1921 года.

Луначарский А.В.

«Речь на торжественном открытии памятника Л.Н. Толстому»

Товарищи и граждане, в дни, которые посвящены чествованию одного из величайших писателей и мыслителей мира, представители Советского правительства и Коммунистической партии во всех своих высказываниях, печатных и устных, подчеркивали в достаточной мере, что некоторые черты учения Л.Н. Толстого расходятся радикально с учением Коммунистической партии, с принципами, положенными в основу нашего строительства, и я не хочу больше этого здесь повторять.

Я хочу подчеркнуть здесь, у подножия этой статуи, то, что нас глубоко объединяет с великаном совести, каким являлся Толстой.

Если принять во внимание, что Толстой принадлежал к правящему дворянскому классу, к богатым людям, что ему, кроме того, дано было судьбой огромное художественное дарование, которое могло его превратить в многомиллионера и сделать его гордой личностью, готовой свысока смотреть на каждого, кто менее

даровит, — тогда станет ясно, какую гигантскую силу совести должен был иметь этот человек, чтобы уйти от всякой человеческой гордыни и провозгласить с неслыханной силой принцип равенства и любви между людьми.

Конечно, мы знаем, что покинуть лагерь дворянства ему помогло то обстоятельство, что наступавший капитализм не только нес новые дикие формы угнетения мелкого люда, но бил также и по дворянству. Однако целый ряд других дворян вследствие этого только ожесточились, превратились в зубров, ненавидя всякий прогресс, и технический и моральный, превратились в закоренелых кашеев, которые хотели обеспечить за собой свое паразитарное состояние и бессмертие и быть тем мертвым, которое держит живых.

Надо было быть тем гением совести, каким был Толстой, чтобы проделать этот исключительный путь. Он не останавливался ни на каких полустанках, и в этом смысле был великим революционером. Он не сдавался на обещания немного улучшить или немного подлатать, приукрасить то здание неправды, которое воздвигалось на его глазах и которое имело за собой тысячелетнее прошлое, — он требовал в буквальном смысле всего. Он хотел полного равенства, он хотел торжества труда на земле, он хотел действительного братства, которое разрушило бы все границы между отдельными государствами, которое уничтожило бы всякую разницу классов, так чтобы на земле были только люди — братья и над ними единая человеческая правда.

Для этого нужно было произвести гигантские разрушения, и Толстой фактически звал к этим разрушениям — к разрушению государства, которого, по его мнению, быть не должно, к отказу от узкого патриотизма, к разрушению церкви, которая сделалась утверждением господства правящего класса, к разрушению семьи в той форме, в которой она имеется в буржуазном обществе, к разрушению частной собственности.

В этом смысле проповедь Толстого была поистине разрушительной. Когда ложная цивилизация старалась спрятаться за достижения науки или искусства, он не останавливался перед тем, чтобы разбивать и их: правда, равенство, любовь выше всего, и там, где этого начала нет, никакие завоевания науки, никакие прелести искусства не подкупят меня и не заставят меня перед ними преклониться.

Разрушительная сила, метод разрушения, который приветствовал и который хотел провести Толстой, он полагал в слове и личном примере. На наш взгляд, он очень сильно преувеличивал значение этого оружия. Мы не думаем, что путем слова и примера, без всякой борьбы с насильниками, можно было бы что-нибудь сделать. Предоставим времени, которое в значительной степени уже сейчас разрешило этот спор, разрешить его окончательно. Но когда мы спрашиваем себя, к каким идеалам были направлены чувства Толстого, то мы сейчас же ощущаем глубокую родственность и глубокую близость Толстого.

И вот, несмотря на то многое, что нас разделяет, несмотря на все наши оговорки, мы с гордостью чувствуем себя гораздо более близкими к этому великому человеку, чем очень многие дряблые люди, любовь которых не двигает их ни на какие подвиги, ни на какую борьбу, и которые устами говорят: «Толстой наш великий учитель», но которые в гораздо меньшей степени всей кровью своего сердца, всей энергией своей жизни способствуют наступлению той истины и той любви, для которых жил и которые проповедовал Толстой.

Против одной и той же неправды, к одной и той же цели, пока разными путями — вот формула, объединяющая нас с Толстым. Поэтому с уважением, с гордостью, что среди нас жил такой человек, мы сейчас и открываем этот памятник.

Мы знаем, что Толстому не были дороги памятники, которые стоят на площадях и возвышаются в тоге, в сюртуке или в блузе — все равно — между проезжающими автомобилями и прохожими. Правительство, с другой стороны, получило некоторые упрекающие нас письма, основанные на недоразумении: почему сотни тысяч рублей идут на юбилей Толстого, когда в стране столько нужды? Нам легко было ответить на это: все эти небольшие, в конце концов, деньги (если сравнить со значительностью этого чествования), которые правительством были ассигнованы, действительно вернулись к народу в самой лучшей форме — в форме больницы, школы, которые созданы здесь, в форме музеев, которые являются культурными очагами.

Все решительно использовано полностью на благо народа, как это одобрил бы сам Лев Николаевич, если бы он жил. И я думаю, что он не рассердился бы на нас за то, что здесь, в этой школе, мы откроем изображающую его статую.

У тех из нас, которые вчера смогли осмотреть выставку в Музее изящных искусств в Москве, где подобрана вся иконография, все изображения Льва Толстого, не могло не вырасти в душе убеждение, что самая наружность Льва Николаевича теснейшим образом связана и великолепно передает его крестьянскую общественную человечность, простоту и величие таящихся в нем духовных сил.

Я надеюсь, что эти основные черты, которые запечатлены в лучших изображениях Толстого, в достаточной мере уловлены художником Королевым, автором той статуи, которую мы сейчас перед вами откроем.

Пусть, как печать, которую прикладывают к каким-нибудь важным документам, наружность Толстого запечатлевать дело его жизни, и пусть, как одна из таких печатей, здесь, в месте могучего влияния толстовского гения, будет выситься эта статуя.

Анатолий Васильевич Луначарский (1875–1933) — российский революционер, советский государственный деятель, писатель, переводчик,

публицист, критик, искусствовед. С октября 1917 по сентябрь 1929 года Луначарский — первый нарком просвещения РСФСР. Публикуемая речь Луначарского относится к 1928 г., когда в стране отмечалось столетие со дня рождения Л. Толстого. Луначарский был инициатором юбилейных торжеств и возглавлял Юбилейный комитет, включавший видных деятелей советской культуры.

Уинстон Черчилль

«Мне нечего предложить, кроме своей крови, тяжкого труда, слез и пота»

Прошу разрешения начать...

Палата общин приветствует формирование правительства, которое олицетворяет единое и непоколебимое решение нации вести войну с Германией до победного конца. В пятницу вечером я получил от Его Величества задание сформировать новую администрацию. Очевидно, воля парламента и народа требовала, чтобы правительство было создано на как можно более широкой основе и включало все партии. Я уже выполнил самую важную часть этого задания.

Военный кабинет состоит из пяти членов, представляющих единство нации: туда вошли и лейбористы, и оппозиция, и либералы. Необходимость диктовала создание кабинета всего за один день ввиду чрезвычайной и тяжелой ситуации. Ключевые посты были распределены вчера. Сегодня вечером я подам королю список кандидатов на остальные должности. Надеюсь в течение завтрашнего дня закончить назначение основных министров. Назначение остальных министров обычно отнимает немного больше времени. Полагаю, когда парламент соберется в следующий раз, администрация будет окончательно сформирована. Я посчитал, исходя из общественных интересов, что уместно предложить спикеру созвать палату сегодня. В конце этого рабочего дня будет предложено отложить следующее собрание палаты до вторника 21 мая при условии, что, если потребуется, ее созовут раньше. О необходимости досрочного созыва членам парламента сообщат как можно раньше.

Теперь я прошу палату зафиксировать в резолюции свое одобрение принятых мер и объявить о доверии нынешнему правительству. Резолюция такова: «Палата приветствует формирование правительства, выражающего единодуш-

ное и твердое намерение всей нации довести войну с Германией до победного конца».

Формирование администрации подобных масштабов и столь разнообразной уже само по себе серьезное предприятие. Но мы в преддверии одной из величайших битв в истории. Мы участвуем в боях на многих территориях — Средиземноморье. Продолжаются воздушные бои. Необходимо также подготовиться к тому, чтобы отразить удары врага здесь, в своей стране.

В условиях подобного кризиса, думаю, меня простят, если я не буду сегодня обращаться к палате по всей форме. Надеюсь, все мои друзья и коллеги или бывшие коллеги, кого затрагивает это политическое преобразование, позволят мне отклоняться от обычных в таких случаях церемоний.

Говорю членам палаты, как уже сказал министрам, которые вошли в новое правительство: мне нечего предложить вам, кроме своей крови, тяжкого труда, слез и пота.

Впереди у нас суровейшее испытание. Впереди у нас многие, многие месяцы борьбы и страданий.

Вы спросите: какова наша политика? Отвечаю: вести войну на земле, на море и в воздухе. Вести войну на пределе своих возможностей и сил, дарованных нам Господом, против чудовищного тирана, равного которому не было среди самых жутких и гнусных преступников в истории человечества. Такова наша политика.

Вы спросите: какова наша цель? Отвечу всего одним словом: это победа. Победа любой ценой, победа вопреки всем ужасам, победа, как бы ни был долог и труден путь к ней, ибо без победы нас больше не будет.

Поймите это. Не будет Британской империи, не будет всего того, что значит для нас Британская империя, не будет больше надежды, что человечество сможет идти вперед к своей цели и достигнет ее.

Я приступаю к исполнению своей миссии с оптимизмом и надеждой. Убежден, наш народ не допустит, чтобы эта война была проиграна. Считаю себя вправе в сложившихся обстоятельствах воззвать к помощи всех людей и сказать: «Давайте пойдем вперед все вместе, объединив свои силы!»

Уинстон Леонард Спенсер-Черчилль (1874–1965) — британский государственный и политический деятель, премьер-министр Великобритании в 1940–1945 и 1951–1955 годах. Предложенная для анализа речь была произнесена У. Черчиллем в Палате общин 13 мая 1940 года и посвящена формированию коалиционного правительства. Великобритании было необходимо сплочение нации перед лицом нацистской угрозы.

Уинстон Черчилль

«Это был час их величайшей доблести»

Мы пока не знаем, что произойдет во Франции и будет ли продолжаться сопротивление как в самой Франции, так и на территории Французской империи. Правительство Франции утратит замечательные возможности и пустит на самоотек свое будущее, если не будет продолжать и в дальнейшем войну в соответствии с обязательствами по договору, от которых мы не можем его освободить.

Палата уже ознакомилась с историческим заявлением, где, соответственно желанию многих французов и наших собственных сердец, мы сообщаем о своей готовности в мрачайший час истории Франции сформировать союз общего гражданства в этой борьбе.

Что бы ни происходило во Франции, с нынешним французским правительством или с другими французскими правительствами, мы на этом острове и в Британской империи никогда не оставим товарищеских чувств к французам.

Если нам сейчас придется пережить то, что уже выпало на их долю, мы будем подражать примеру их храбрости, и, если наши усилия увенчаются победой, они разделят с нами ее плоды, да-да, и свобода будет восстановлена для всех.

Мы не отступим ни на шаг от своих справедливых требований. Чехи, поляки, норвежцы, голландцы, бельгийцы — все они теперь делают с нами общее дело. Независимость всех этих народов будет восстановлена.

То, что генерал Вейган назвал битвой за Францию, закончилось. Я ожидаю, что вот-вот начнется битва за Британию. От результата этой битвы зависит существование христианской цивилизации.

От него зависит жизнь нас самих, британцев, и долголетие наших институтов и империи. Вся злость и могущество врага в скором времени обрушатся на нас.

Гитлер знает, что ему придется или сломить нас на этом острове, или проиграть войну. Если мы сумеем ему противостоять, вся Европа станет свободной и жизнь всего мира снова потечет вперед, в просторные и светлые дали.

Но если мы падем, тогда весь мир, и в том числе Соединенные Штаты, и в том числе всё, что нам знакомо и дорого, утонет в бездне нового мрачного Средневековья, на этот раз еще более зловещего и долгого благодаря бесславной науке.

Что ж, соберемся с духом и исполним свой долг так, чтобы, если Британской империи и ее Содружеству суждено просуществовать еще тысячу лет, люди и тогда сказали бы: «Это был час их величайшей доблести».

Речь У. Черчилля в Палате общин 18 июня 1940 года была произнесена в те дни, когда немецкие самолеты бомбили Лондон и другие города

днем и ночью. Но было ясно, что боевой дух британцев не сломлен и блицкриг не удался. Естественно, что главная заслуга в этом и одновременно самые тяжелые испытания выпали на долю британских летчиков, смелость и самоотверженность которых была особо отмечена премьером в его речи.

Уинстон Черчилль

«Никогда еще в истории человеческих конфликтов столь многие не были обязаны столь немногим»

Прошел почти год с начала войны, и, я думаю, для нас будет разумным сделать остановку в нашем путешествии и хорошенько осмотреться на темном широком поле. Также было бы полезно сравнить первый год этой, второй войны против немецкой агрессии с первым годом предыдущей, которая происходила почти четверть столетия назад.

Хоть эта война — всего лишь продолжение прошлой, заметны большие отличия в ее характере. В прошлой войне миллионы людей боролись, бросая друг в друга огромное количество стали. «Люди и снаряды» — таков был девиз, и ужасная резня стала его результатом.

В этой войне пока ничего такого не произошло. Это противостояние стратегии, организации, технического аппарата, науки, механики и морали. Британские потери за первые 12 месяцев в прошлой Великой Войне составили 365 000.

В этой войне, я рад объявить, что британские потери убитыми, ранеными, пленными и пропавшими без вести, включая гражданское население, не превышают 92 000, и большая часть из них живы, являясь военнопленными.

Вообще можно отметить, что по всей Европе на одного убитого или раненого в первый год войны приходится, возможно, пять убитых или раненых за 1914–1915 годы.

Однако резня — это лишь небольшой аспект настоящей войны, а последствия для воюющих на самом деле куда более страшные. Мы видели, как большие страны с могущественной армией были повержены за несколько недель.

Мы видели Французскую республику и знаменитую французскую армию, побежденную до полного, абсолютного подчинения с меньшими потерями, если сравнить с каждой из полдюжины битв 1914–1918 годов.

Плоть Франции — хотя иногда кажется, что даже ее душа — не выдержала не сравненно менее мощного нажима, чем тот, который она перенесла 25 лет назад благодаря силе духа и непоколебимой силе воли.

Хотя до этого времени потери человеческих жизней были, к счастью, меньшими, изменения в судьбах наций, которые возникли в ходе борьбы, оказываются намного более значительными, чем любые изменения, произошедшие с ними со времен варварства.

В области науки и стратегии свершились большие изменения, развитие техники дало огромные преимущества, в результате чего миллионы людей становятся неспособны к дальнейшему сопротивлению или считают себя неспособными к дальнейшему сопротивлению, и страшная игра в шахматы, из которой игроки уже не могут выйти, продолжается от шаха до мата.

Есть и другое, более очевидное отличие от 1914 года. Воюющие нации полностью втянуты в действия, не только солдаты, а весь народ, мужчины, женщины и дети. Фронт распространился повсюду. Рвы вырыты в городах, на улицах. Каждое село укреплено. Каждая дорога перекрыта.

Линия фронта проходит через заводы. Рабочие — это те же солдаты, хоть и с другим оружием, но с тем же мужеством. Таковы большие и очевидные отличия от того, что многие из нас видели в борьбе четверть столетия назад.

Есть все основания думать, что эта война нового характера хорошо подходит для выдающихся способностей и неисчерпаемых ресурсов британского народа и Британской империи и что, поскольку мы довольно хорошо вооружены, она будет выгоднее для нас, чем ужасная массовая резня на Сомме и при Пашендейле.

Если нам, нашей нации выпало вместе бороться и страдать, то нам это по силам, потому что мы — наиболее сплоченная нация, потому что мы вступили в войну по воле народа и с раскрытыми глазами и потому что мы выросли с осознанием свободы и индивидуальной ответственности, мы — результат не тоталитарной однообразности, а терпимости и разнообразия.

Если все эти наши качества будут использованы для войны, как сейчас, то мы будем способны продемонстрировать врагу многое такое, что станет для него неожиданностью.

С тех пор как немцы изгнали евреев и перестали быть образцом технического прогресса, наша наука безусловно опережает их. Географическое положение, верховенство на морских просторах, дружба с Соединенными Штатами позволяют нам привлекать средства со всего мира и производить оружие любого рода, особенно технически сложное оружие, которое раньше могла производить лишь нацистская Германия.

Гитлер сейчас в Европе везде. Наши попытки наступления постепенно блокируются, и мы должны методически и решительно готовиться к кампаниям 1941 и 1942 годов. Два или три года — небольшой срок, даже для наших жизней, преисполненных опасностей.

Это ничто для истории наций, и, делая благороднейшее дело в мире, будучи единственным борцом за свободу всей Европы, мы не должны жалеть эти годы или обессиливать от тяжелой работы и борьбы на протяжении этого времени. Наша энергия в будущие годы не будет ограничена только защитой себя и своего имущества.

Много возможностей, заключенных в наземных и морских силах, могут открыться для нас, и мы должны быть готовы воспользоваться выгодами этих моментов. Один из способов ускорить конец этой войны — это убедить врага, не словами, а делом, что у нас есть и желание, и средства не только на то, чтобы не оставиваясь идти вперед, но и чтобы наносить серьезные и неожиданные удары.

Путь к победе может оказаться не таким долгим, как мы ожидаем. Но мы не имеем права на это рассчитывать. Пусть он будет долг или короток, труден или легок, мы должны пройти его до конца.

Мы намерены поддерживать и усиливать жесткую блокаду не только Германии, но и Италии, Франции и всех тех стран, которые пали перед германской властью. Я читал в газетах, что господин Гитлер также объявил блокаду Британии. И никто не может на это жаловаться. Я помню, гайзер поступал также во время прошлой войны.

На самом деле предметом для общего недовольства стало бы наше содействие продолжению страданий всей Европы, если бы мы допустили поставки продовольствия нацистам и таким образом помогали бы их военным действиям, или допустили бы поставки продовольствия, которое нацистские завоеватели наверняка бы присвоили, подчиненным народам.

Из наилучших побуждений было внесено множество предложений о том, что надо разрешить продовольственные поставки для помощи этим народам. Я сожалею, что мы должны отказать. Нацисты заявляют, что они создали новую экономику в Европе.

Они неоднократно утверждали, что имеют большой запас продовольствия и что смогут накормить захваченные народы. 27 июня по немецкому радио было сказано, что к тому времени, когда план мистера Гувера по предоставлению помощи Франции, Бельгии и Голландии будет одобрен, немецкие силы уже осуществят нужные мероприятия.

Мы знаем, что в Норвегии, когда немецкие войска вступили на ее землю, были продовольственные запасы, которых хватило бы на год. Также мы знаем, что Польша, хоть и не богатая страна, обычно производит достаточное количество продуктов питания для своего народа.

Более того, другие страны, оккупированные Гитлером, имели значительные запасы во время захвата и, в большинстве случаев, сами являются весьма успешными производителями продовольствия.

Если всех этих запасов теперь нет, это могло случиться только потому, что Германия использовала их, чтобы накормить и даже предоставить для разнообразия усиленное питание своему народу на протяжении последних нескольких месяцев.

В это время года, даже если увеличить этот период на несколько месяцев, существует очень малая вероятность недостатка продовольствия, поскольку урожай только что был собран. Единственное, что сейчас или во время приближающейся зимы может привести к голоду в любой части Европы, так это немецкие поборы или их неумение распределить запасы, которые они имеют.

Есть и другой аспект. Многие из наиболее ценных пищевых продуктов необходимы для производства важных для войны материалов. Жир используется при создании взрывчатки.

Спирт для автомобильных моторов изготавливается из картофеля. Пластиковые материалы, которые сейчас широко применяются в строительстве самолетов, вырабатываются из молока.

Если немцы используют эти товары, чтобы бросать бомбы на наших женщин и детей, вместо того чтобы кормить народы, которые их производят, мы можем быть уверены в том, что импортированные продукты будут применяться так же, прямо или косвенно будут использоваться, освобождая врага от ответственности, к которой он так своевольно относится.

Пусть Гитлер полностью несет свою ответственность, а европейские народы, которые страдают от его ярма, любыми методами оказывают содействие приближению дня освобождения. Тем не менее, мы можем и будем оказывать содействие быстрому предоставлению продовольственной помощи любому поработавшему району, который будет полностью освобожден от немецких сил и снова завоюет свою свободу.

Мы сделаем все, что в наших силах, для формирования продовольственных запасов по всему миру, чтобы европейские народы — я говорю, подразумевая также немецкий и австрийский народы, — всегда были уверены, что свержение нацистской власти немедленно принесет им пищу, свободу и мир.

Прошло уже больше четверти года с того момента, как в Британии начало работу новое правительство.

Какой поток несчастий обрушился на нас с тех пор! Доверчивые голландцы разбиты, их любимый и почитаемый монарх изгнан; мирный город Роттердам стал местом такой же ужасной и кровавой резни, как это было во время Тридцатилетней войны; Бельгия оккупирована; наши собственные экспедиционные войска, которые бельгийский король Леопольд вызвал на помощь, серьезно пострадали, были почти захвачены в плен и, казалось, спаслись только чудом, утратив все снаряжение; наш союзник, Франция, отрезана; Италия стала нашим

противником; вся Франция под властью врага, все ее арсеналы и огромное количество разного рода военных материалов используются или могут быть использованы врагом, в Виши действует марионеточное правительство, которое в любой момент могут заставить стать нашим противником; вся западноевропейская морская граница от мыса Нордкап до испанской границы — в руках Германии; все порты, все воздушные пространства огромного фронта задействованы против нас, как потенциальные базы для нападения.

Более того, немецкие воздушные силы, которые значительно превосходят нас по численности, находятся так близко к нашему Острову, что то, чего мы так боялись, началось: не только вражеские бомбардировщики теперь могут долететь до нас за считанные минуты с любой стороны, но их могут сопровождать истребители.

Так почему же, когда еще в начале мая можно было предполагать подобные перспективы, это могло показаться невероятным, что после того, как этот ужас и несчастья кончатся, или даже в период ужаса и несчастий, мы поднимемся, уверенные в себе, хозяева собственной судьбы, и неизменная уверенность в победе будет гореть в наших сердцах.

Кое-кто мог поверить, что мы выживем; но никто не мог поверить, что сегодня мы не только будем чувствовать себя сильнее, но и в самом деле будем сильнее, чем когда-либо.

Давайте разберемся, что же на другой чаше весов. Британская нация и империя, оказавшись в одиночестве, не склоняясь, стояли перед лицом несчастья.

Никто не вздрогнул, не покачнулся; нет, даже те, кто раньше думал о мире, теперь думают только о войне. Наш народ сплочен и решителен, как никогда. Смерть и разруха стали мелочью в сравнении с позором от поражения или невыполнения долга. Мы не можем предвидеть, что будет впереди. Может случиться так, что нас ждут еще более суровые испытания. Но мы должны смело смотреть в лицо будущему. Мы уверены в себе и в нашем правом деле, и на протяжении месяцев испытаний это стало высочайшей истиной.

Тем временем, мы закалили не только наши сердца, но и наш Остров. Мы перевооружили и перестроили наши войска так, как казалось невозможным несколько месяцев назад.

В июле мы переправили через Атлантический океан, благодаря нашим океанским друзьям, огромное количество военного снаряжения разного рода: пушек, винтовок, пулеметов, снарядов и патронов, все доставлено в полной целостности, не утеряно ни одной винтовки или патрона.

Продукция наших собственных заводов, которые работают так, как никогда раньше, направлена на нужды войск. Вся британская армия — дома. Сегодня более чем у двух миллионов людей, преисполненных решимости, есть винтовки

и штыки, и из них три четверти находятся в регулярных войсках. Никогда ранее у нас на Острове не было такой армии во время войны.

Вся наша страна встала против завоевателей, откуда бы они ни пришли: с моря или с воздуха. Как я уже говорил перед Палатой в середине июня, чем сильнее наши войска дома, тем сильнее должны быть десантные силы врага, а следовательно, тем легче нашему Военно-морскому флоту будет засечь их сосредоточение и легче будет их перехватить и уничтожить; и если они все-таки высадятся, тем сложнее для врага будет обеспечить захватчиков продовольствием и снаряжением, находясь под постоянными атаками с моря и с воздуха.

Все это давняя, классическая доктрина. Во времена Нельсона правило гласило: «Наша первая линия обороны — это порты врага». А теперь воздушная разведка и фотографии снова доказывают его справедливость. Наш Военно-морской флот теперь намного сильнее, чем в начале войны.

Хлынул огромный поток технических нововведений, которые уже начинают применяться. Мы надеемся, наши друзья за океаном своевременно пришлют нам подкрепление, чтобы преодолеть различия между нашими мирными флотилиями 1939 года и военными флотилиями 1941 года.

Послать такую помощь не трудно. Моря и океаны открыты. Деятельность вражеских подводных лодок контролируется. С магнитными минами до сих пор успешно справлялись. После года подводной войны и восьми месяцев напряженных минных атак торговые перевозки британского флота увеличились.

Плюс к тому, под нашим контролем здесь и в гаванях империи находятся суда тоннажем свыше четырех миллионов тонн, которые принадлежали захваченным государствам. Наши запасы продовольствия разного рода значительно богаче, чем в мирные дни, и сейчас действует программа по увеличению производства продуктов питания.

Зачем я все это говорю? Конечно, не для того, чтобы похвастаться, и, естественно, не с целью выразить удовлетворение. Перед нами огромная опасность, но столь же велики наши преимущества и ресурсы.

Я перечислял их, потому что народ имеет право знать, что у нас есть надежные основания для уверенности, которую мы чувствуем, и есть причины верить, что мы способны, как я сказал в один мрачный день два месяца назад, вести затяжную войну, «если необходимо, одни и, если нужно, на протяжении многих лет».

Я это говорю и потому, что осознание того, что Британская империя — незыблема и что сопротивление нацизму возрастает, должно зажечь искру надежды в груди сотен миллионов угнетенных и разочарованных мужчин и женщин по всей Европе и далеко за ее пределами, и из этих искр сложится очистительное и поглощающее пламя.

Суровые воздушные бои, продолжавшиеся над этим Островом на протяжении нескольких последних недель, достигли высочайшего напряжения. Сейчас рано пытаться определить возможные масштабы и продолжительность этих боев.

Естественно, мы должны ожидать более мощных ударов, чем те, что уже нанес враг. Враг строит аэродромы повсюду во Франции и в странах Центральной Европы, движение вражеских эскадрилий и арсеналов в нашу сторону продолжается и дальше. Вполне понятно, что, не испытав серьезных потерь, господин Гитлер не оставит попыток воздушных атак Великобритании.

Если после всей его похвальбы и угроз, от которых кровь стынет в жилах, и мрачных достижений, о которых он трубит по всему миру, о разрушении и огромном количестве сбитых самолетов, что, как он утверждает, было достигнуто без особых потерь с его стороны, если после всех рассказней об угнетенных британцах, которые, охваченные паникой, проклинают «плутократический» Парламент, приведший их ко всему этому, если через некоторое время после всего этого ярость его воздушных атак исчерпалась, правдивость этих заявлений может быть поставлена под сомнение.

Мы можем быть уверены, что он будет продолжать свои действия до тех пор, пока у него будут силы для этого, и до тех пор, пока в нем не возьмет верх обеспокоенность по поводу российских воздушных сил.

С другой стороны, условия и ход борьбы были до нынешнего момента благоприятны для нас.

Я говорил в Палате два месяца назад, что во Франции наши истребители постоянно наносили немцам потери порядка двух-трех самолетов к одному, в битве при Дюнкерке, а эта земля считалась ничьей, потери составляли приблизительно три-четыре к одному, и мы думали, что должны достичь куда большего соотношения в борьбе за наш Остров.

И наши надежды оправдались. Нужно также помнить, что все вражеские машины и летчики, которые были подбиты над этим Островом или морем, которое его окружает, были или уничтожены, или захвачены; в то время как большая часть наших машин, а также пилотов, в безопасности и в скором времени еще не раз вылетят на задание.

Обширная и отлаженная система восстановления техники, управляемая министерством авиационной промышленности, а также расчетливое и быстрое использование всех запасных частей и материалов гарантируют скорое возвращение в строй поврежденных машин.

В то же время великолепный — нет, поразительный — рост производства и восстановления британских самолетов и моторов, который, как по волшебству, был достигнут гениальной организацией и руководством лорда Бивербрука, дало

нам огромный резерв самолетов всех типов, при постоянно возрастающем количестве и качестве продукции.

Конечно, враг намного многочисленней нас. Но, как мне сообщили, уже сейчас наше производство значительно превышает его, и, кроме того, мы начинаем получать поставки продукции из Америки.

Очевидным фактом, и подтверждения этого я вижу в ежедневных докладах, сейчас является то, что даже после всех битв мощность нашей бомбардировочной и истребительной авиации возросла как никогда.

Мы верим, что сможем и дальше бороться с врагом в воздухе столько, сколько он захочет, и чем дольше будет борьба, тем быстрее мы будем приближаться сначала к равенству с противником, а затем и к преимуществу над ним в воздушных боях, которые являются одним из решающих факторов исхода войны.

Каждый дом на нашем Острове, в нашей империи и во всем мире, за исключением домов преступников, признателен британским пилотам, бесстрашным и неутомимым перед постоянными сложными задачами и смертельной опасностью, которые своей доблестью и преданностью руководят ходом мировой войны.

Никогда ранее в истории человеческих конфликтов такое большое число людей не было столь многим обязано такому малому.

Каждое сердце обращено к пилотам, которые бьются [с врагом], чьи блестящие дела мы видим собственными глазами каждый день; но также мы не должны забывать, что все это время, ночь за ночью, месяц за месяцем, эскадрильи наших бомбардировщиков пробираются в глубь Германии, и с помощью высочайшего навигационного мастерства находят свои цели во тьме и наносят сокрушительные удары с выборочной точностью по всей машине нацистского технического и военного производства, часто выполняя свои задачи под неистовым огнем и с тяжелыми потерями.

Ни для кого бремя войны не тяжелее, чем для дневных бомбардировщиков, которые, в случае вторжения, будут выполнять неопределимые задачи и чье неистовое упорство пока что не раз приходилось сдерживать.

Мы можем проверять результаты бомбардировок военных целей в Германии не только по сообщениям, которые мы получаем из разных источников, но и, конечно, с помощью фотографий.

Я, не колеблясь, могу сказать, что процесс бомбардировки военной промышленности и путей сообщения Германии, составов и баз воздушных сил, с которых нас атакуют, будет продолжаться и дальше, все развиваясь, и до конца войны, и к следующему году может достичь таких масштабов, о которых раньше даже не помышляли; это один из наиболее надежных путей, если не кратчайший путь, к достижению победы.

И даже если бы нацистские легионы одержали победу на Черном море, тем более на Каспийском, и если бы Гитлер добрался до Индии, это ничего не дало бы ему, если тем временем в самой Германии вся экономика и научный аппарат военных сил были бы разбиты и стерты в порошок.

Тот факт, что осуществить крупномасштабное вторжение на этот Остров с каждой неделей, которая прошла с момента спасения нашей армии из Дюнкерка, становится все сложнее, а также наш подавляющий перевес на море позволяют нам постепенно переводить внимание и силы на Средиземное море, против еще одного врага, который без малейшего повода, с равнодушным расчетом, из жадности и корыстолюбия, напал на Францию со спины, в трудное для нее время, и который теперь действует против нас в Африке.

Конечно, неудача Франции серьезно повредила нашим позициям на Среднем Востоке, как его сейчас немного странно называют. Например, при защите Сомали мы рассчитывали на помощь французских войск для проведения атак на итальянцев из Джибути.

Также мы полагались на французские морские и воздушные военные базы в Средиземном море, и особенно на побережье Северной Африки. Мы рассчитывали на французский флот.

Несмотря на то, что Французская метрополия сейчас захвачена, нет никаких причин, по которым французские военно-морские силы, крупные части французской армии, воздушных сил и Французской империи за морем не могут вести дальше борьбу на нашей стороне.

Франция, защищенная огромной силой моря, имея бесценные стратегические базы и достаточные финансовые средства, могла бы остаться одной из мощных участниц битвы. Действуя таким образом, Франция могла бы сохранить свою жизнеспособность, и Французская империя, вместе с Британской, имела бы возможность продвинуться вперед в деле освобождения и объединения французских территорий.

В случае, если бы мы оказались в ужасном положении Франции (ситуация, которая теперь, к счастью, невозможна), несмотря на то что долг всего военного командования бороться до конца здесь, на Острове, но также их долг, как я уже отмечал в речи 4 июня, заключался бы в том, чтобы принять меры для защиты флота Канады и других наших доминионов до тех пор, пока это было бы возможно, и сделать все для того, чтобы борьба была продолжена из-за океана.

Большинство из захваченных немцами стран к этому моменту преисполнены веры и храбро продолжают начатое. Народы Чехии, Польши, Норвегии, Нидерландов, Бельгии — все еще в бою с мечом в руке, эти народы Великобритания и Соединенные Штаты Америки считают единственными представителями законного правительства в каждом из этих уважаемых государств.

То, что сейчас только одна Франция лежит поверженной — преступление, но не великой и благородной нации, а тех, кто называет себя «людьми Виши». Мы глубоко симпатизируем французскому народу. Наша давняя дружба с Францией не умерла.

И эта дружба ярко воплощается в генерале де Голле и его храбром отряде. Эти свободные французы были приговорены Виши к смерти, но, бесспорно, как то, что завтра взойдет солнце и настанет день, что честь станет частью их имен, их имена будут высечены в камне на улицах, в селах Франции, возвращенной в свободную Европу, к своей полнейшей независимости и к своей древней славе.

Но это убеждение, которое я питаю относительно будущего, не может повлиять на проблемы, которые стоят перед нами в Средиземном море и в Африке. До начала войны было принято решение не защищать протекторат Сомали. Эта политика была изменена в первые месяцы войны.

Когда же французы сдались и когда наши небольшие войска, которые находятся там, а именно несколько батальонов, были атакованы всеми итальянскими войсками в составе почти двух дивизий и с которыми раньше встретились французы под Джибути, было принято правильное решение отозвать наши войска, фактически нетронутыми, для ведения военных действий в других местах.

Бесспорно, куда большие операции ожидаются на Среднем Востоке, и я не буду пытаться обсуждать или прогнозировать их возможные задачи.

У нас есть большие армии и большие резервы. Мы полностью владеем ситуацией в восточной части Средиземного моря. Мы намереваемся сделать все возможное, чтобы хорошо себя зарекомендовать, правильно и решительно выполнить свои обязательства и долг в этой части мира. Более того, я думаю, что Палата не хотела бы, чтобы я сказал больше.

Многие в письмах просили меня сделать сегодня более подробное заявление о наших целях в войне и в мире, к которому мы стремимся после войны, чем информация, которая содержится в большой декларации, опубликованной в начале осени.

С того времени мы объединили наши усилия с Норвегией, Голландией и Бельгией. Мы признали чешское правительство доктора Бенеша и мы уверили генерала де Голля в том, что в наши задачи входит освобождение Франции.

Я не считаю, что в эту минуту было бы правильным вдаваться в глубокие соображения о будущем Европы или о мерах, которые нужно будет принять, чтобы избавить человечество от страданий Третьей мировой войны, в то время как сейчас бурлит битва и, возможно, война все еще на начальной стадии.

Эти соображения новы, о таком устройстве мира говорят, думают и спорят многие люди. Но прежде чем мы приступим к построению этого нового мира, нам

нужно убедить, и не только себя, но и все другие страны, в том, что нацистская тирания будет в конце концов повержена.

Ход мировой истории — это благороднейшая награда за победу. Мы все еще поднимаемся, прилагая большие усилия, вверх; мы еще не достигли намеченной вершины; мы не можем взглянуть на виды [которые откроются с нее] или хотя бы представить, как они будут выглядеть, когда настанет время. Задача, которая стоит перед нами сегодня, более насущна, проста и более сурова.

Я надеюсь, на самом деле — молюсь, чтобы мы не оказались недостойными нашей победы, если после тяжелого труда и бед она все-таки будет нам дарована. Ради всего остального мы должны добиться победы. Такова наша задача.

Тем не менее, в одном направлении мы можем видеть немного дальше. Мы должны думать не только о себе, а и о долгосрочной безопасности нашего дела и принципов, за которые мы боремся, и о будущем Британского содружества наций.

Несколько месяцев назад мы пришли к выводу, что интересы Соединенных Штатов и Британской империи требуют, чтобы США имели средства и морской, и воздушной защиты Западного полушария от атак нацистской военной машины, которая завоевала временный, но, возможно, продолжительный контроль над большей частью Западной Европы и ее богатыми ресурсами.

Таким образом, мы решили, без каких-либо просьб со стороны США, сообщить правительству Соединенных Штатов о том, что мы были бы рады предоставить им в пользование военные базы и аэродромы в наших Трансатлантических владениях, в местах, которые они будут считать для себя нужными.

Принцип объединения интересов в общих целях между Великобританией и Соединенными Штатами начал развиваться еще до войны. Были достигнуты различные соглашения о некоторых небольших островах в Тихом океане, которые стали важными пунктами заправки самолетов. В этих вопросах мы оказались очень близки с правительством Канады.

Теперь мы знаем, что США также были встревожены вопросами воздушной и морской обороны своего Атлантического побережья, и президент Рузвельт недавно заявил, что он хотел бы поговорить с нами, с доминионами Канадой и Ньюфаундлендом о развитии американских морских и воздушных баз на Ньюфаундленде и на островах Вест-Индии.

Конечно, речь идет не о передаче суверенитета — это никогда не предлагалось — или о каких-либо иных действиях без предварительного соглашения или против желания различных заинтересованных колоний; но, что касается нас, правительство Его Величества единодушно согласилось предоставить военные базы Соединенным Штатам на основании 99-летнего соглашения арендного пользования, и мы испытываем уверенность, что это послужит нашим интересам не меньше, чем их, и интересам самих колоний — и Канады, и Ньюфаундленда.

Это важные шаги. Без сомнения, этот процесс означает, что два англоязычных демократических государства, Британская империя и Соединенные Штаты Америки, должны объединяться для общих действий, и тогда никто не сможет нас остановить. Этот процесс течет, как Миссисипи.

Пусть так продолжается и в дальнейшем. Пусть он течет бушующим потоком. Даже если бы я захотел, я не смог бы его остановить; и никто не может этого сделать. Как Миссисипи, течет этот процесс. И пусть будет так. Пусть движется бушующим, неумолимым, неотвратимым и добрым потоком — к лучшим землям и лучшим дням.

Речь в Палате общин 20 августа 1940 года позволила У. Черчиллю еще раз выразить осуждение гитлеровской агрессии, поддержку британской армии, а также сказать о необходимости объединения в коалицию перед лицом фашистского нашествия.

Вячеслав Молотов

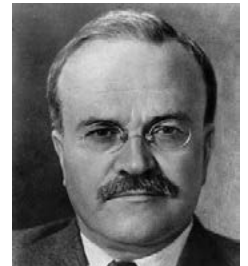
«Беспримерное в истории цивилизованных народов вероломство»

Граждане и гражданки Советского Союза!

Советское правительство и его глава тов. Сталин поручили мне сделать следующее заявление.

Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города — Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причем убито и ранено более двухсот человек. Налеты вражеских самолетов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территории.

Это неслыханное нападение на нашу страну является беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством. Нападение на нашу страну произведено, несмотря на то, что между СССР и Германией заключен договор о ненападении, и Советское правительство со всей добросовестностью выполняло все условия этого договора. Нападение на нашу страну совершено, несмотря на то, что за все время действия этого договора германское правительство ни разу не могло предъявить ни одной претензии к СССР по выполнению договора. Вся от-

ветственность за это разбойничье нападение на Советский Союз целиком и полностью падает на германских фашистских правителей.

Уже после совершившегося нападения германский посол в Москве Шуленбург в 5 часов 30 минут утра сделал мне, как народному комиссару иностранных дел, заявление от имени своего правительства о том, что Германское правительство решило выступить с войной против СССР в связи с сосредоточением частей Красной Армии у восточной германской границы.

В ответ на это мною от имени Советского правительства было заявлено, что до последней минуты Германское правительство не предъявляло никаких претензий к Советскому правительству, что Германия совершила нападение на СССР, несмотря на миролюбивую позицию Советского Союза, и что тем самым фашистская Германия является нападающей стороной.

По поручению Правительства Советского Союза я должен также заявить, что ни в одном пункте наши войска и наша авиация не допустили нарушения границы, и поэтому сделанное сегодня утром заявление румынского радио, что якобы советская авиация обстреляла румынские аэродромы, является сплошной ложью и провокацией. Такой же ложью и провокацией является вся сегодняшняя декларация Гитлера, пытающегося задним числом состряпать обвинительный материал насчет несоблюдения Советским Союзом советско-германского пакта.

Теперь, когда нападение на Советский Союз уже свершилось, Советским правительством дан нашим войскам приказ — отбить разбойничье нападение и изгнать германские войска с территории нашей родины.

Эта война навязана нам не германским народом, не германскими рабочими, крестьянами и интеллигенцией, страдания которых мы хорошо понимаем, а кликой кровожадных фашистских правителей Германии, поработивших французов, чехов, поляков, сербов, Норвегию, Бельгию, Данию, Голландию, Грецию и другие народы.

Правительство Советского Союза выражает непоколебимую уверенность в том, что наши доблестные армия и флот и смелые соколы Советской авиации с честью выполняют долг перед родиной, перед советским народом и нанесут сокрушительный удар агрессору.

Не первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим зазнавшимся врагом. В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил отечественной войной и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху. То же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную отечественную войну за Родину, за честь, за свободу.

Правительство Советского Союза выражает твердую уверенность в том, что все население нашей страны, все рабочие, крестьяне и интеллигенция, мужчины

и женщины отнесутся с должным сознанием к своим обязанностям, к своему труду. Весь наш народ теперь должен быть сплочен и един, как никогда. Каждый из нас должен требовать от себя и от других дисциплины, организованности, самоотверженности, достойной настоящего советского патриота, чтобы обеспечить все нужды Красной Армии, флота и авиации, чтобы обеспечить победу над врагом.

Правительство призывает вас, граждане и гражданки Советского Союза, ещё теснее сплотить свои ряды вокруг нашей славной большевистской партии, вокруг нашего Советского правительства, вокруг нашего великого вождя тов. Сталина.

Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами.

Вячеслав Михайлович Молотов (настоящая фамилия Скрябин) (1890–1986) — российский революционер, советский политический и государственный деятель. Председатель Совета народных комиссаров СССР в 1930–1941 годах, народный комиссар, министр иностранных дел СССР в 1939–1949, 1953–1956 годах.

Произнес данную речь 22 июня 1941 года по радио как обращение к гражданам СССР в связи с началом Великой Отечественной войны.

Франклин Д. Рузвельт

«Единственное, чего мы должны бояться, — это страх»

Я уверен, что мои дорогие соотечественники-американцы ждут, что, вступая в должность президента, я обращусь к ним с прямотой и решимостью, как того требует нынешнее положение нашей страны. Сейчас самое время говорить правду, всю правду, открыто и смело. И нам нет нужды уклоняться от честного взгляда на сегодняшнюю ситуацию в нашей стране.

Эта великая страна выстоит, как это бывало и прежде, возродится и расцветет. Поэтому первым делом разрешите мне высказать твердое убеждение, что единственное, чего нам следует бояться, это страха — отчаянного, безрассудного, неоправданного ужаса, который парализует усилия, необходимые для превращения отступления в наступление. Всякий раз в мрачный час нашей национальной жизни откровенное и энергичное руководство встречало то самое понимание и ту поддержку народа, которые требуются для победы. Я убежден, что в эти критические дни вы вновь окажете руководству такую поддержку.

С таким настроением мы с вами встречаем наши общие трудности. Слава Богу, они касаются только материальных вещей. Текущие показатели снизились до фантастического уровня, налоги выросли, наша платежеспособность упала, власти всех уровней сталкиваются с серьезным сокращением дохода, средства обмена заморожены в торговых потоках, повсеместно замирают промышленные предприятия, фермеры не находят рынков для своей продукции, пропали многолетние сбережения тысяч семей.

Что еще важнее, перед множеством безработных граждан встала жестокая проблема выживания, при этом не меньшее число людей трудятся в поте лица своего, мало что получая взамен. Только неразумный оптимист может отрицать мрачную реальность момента.

Но все-таки беды пришли к нам не от материального недостатка. Нас не покорило нашествие саранчи. Наши беды несравнимы с испытаниями, которые наши предки одолели, ибо верили и не боялись, за что мы должны быть им весьма благодарны. Природа по-прежнему приносит щедрые дары, а человеческие усилия их преумножают. Изобилие у самого нашего порога, но мы не можем воспользоваться его щедрыми дарами в силу их недоступности. Происходит это главным образом потому, что те, кто отвечал за обмен плодами рук человеческих, потерпели провал из-за собственного упрямства и собственной некомпетентности, признали свое поражение и вышли из игры. Деятельность бесчестных менял осуждается судом общественного мнения, люди не принимают ее ни умом, ни сердцем.

Правда, они пытались, но действовали отжившими свой век традиционными методами. Потерпев неудачу с кредитом, они лишь предложили ссужать больше денег. Лишившись возможности прельщать людей прибылью, они прибегли к слезным просьбам и мольбам вернуть им утраченное доверие. Им известны лишь правила поколения корыстолюбцев. Это недалёковидные люди, а недалёковидные люди обречены на гибель.

Спасаясь бегством, менялы покинули храм нашей цивилизации. Теперь мы можем вернуть этот храм к древним истинам. Мерой этого возвращения служит степень нашего обращения к общественным ценностям, более благородным, нежели простая денежная прибыль.

Счастье заключается не просто в обладании деньгами, — оно в радости свершений, в творческом волнении. В безумной погоне за мимолетной прибылью больше нельзя забывать об этой радости и о моральном стимулировании труда. Эти мрачные времена будут оправданы, если научат нас, что наше истинное предназначение не прислуживать кому-то, а жить самим себе и нашим собратьям.

Признание ложным такого мерила успеха, как материальное богатство, идет рука об руку с отказом от ложного убеждения, что государственная должность и высокое политическое положение измеряются лишь мерилом поста и личной

выгоды. Надо покончить с тем образом действий в банковском деле и в бизнесе, который слишком часто превращал священный долг в подобие бессердечного и своекорыстного проступка. Неудивительно, что доверие тает, ибо оно зиждется только на честности, чести, на нерушимости обязательств, на ревностной защите, на бескорыстной деятельности, а без всего этого оно существовать не может.

Однако восстановление требует не только нравственных перемен. Страна просит действий, и действий немедленных.

Наша величайшая первоочередная задача — вернуть людям работу. Эта проблема окажется вполне разрешимой, если мы подойдем к ней разумно и смело. Частично ее может решить прямая мобилизация силами самой власти, взявшейся за эту задачу так, как мы действуем в чрезвычайных военных условиях, но в то же время направив рабочую силу на осуществление в высшей степени необходимых проектов по стимулированию и реорганизации использования наших природных ресурсов.

Вместе с тем мы должны откровенно сказать о перенаселенности наших промышленных центров и, занявшись перераспределением в национальном масштабе, постараться наделить землей тех, кто лучше всех готов ее использовать. Справиться с этой задачей могут помочь решительные действия по повышению цен на сельскохозяйственную продукцию, а одновременно и покупательной способности по отношению к продукции, производимой в городах. Этому может помочь эффективное предупреждение нарастающей трагедии разорения в результате лишения права выкупа закладной на наши небольшие дома и фермы. Этому может помочь требование к федеральной власти, властям штатов и местным властям немедленно и резко сократить свои расходы. Этому может помочь унификация выплат пособий, сегодня нередко раздробленных, неэкономичных и неравных. Этому может помочь государственное планирование и контроль над всеми видами транспорта, связи и прочих услуг явно общественной характера. Этому можно помочь многими способами, но никогда не поможешь одними разговорами. Мы должны действовать, и действовать быстро.

Наконец, вновь берясь за работу, мы нуждаемся в двух гарантиях защиты от старых зол. Должен быть установлен строгий контроль над всей банковской, кредитной и инвестиционной деятельностью. Должен быть положен конец спекуляциям с чужими деньгами и обеспечена адекватная требованиям, но здоровая валюта.

Таковы направления атаки. Теперь я изложу перед новым конгрессом на специальном заседании детальные меры для ее проведения и попрошу немедленно содействия нескольких штатов.

Этой программой действий мы призываем самих себя навести порядок в общественном национальном доме и сбалансировать доходы с расходами. Хотя наши международные торговые связи крайне важны, в данный момент и при данных

потребностях они отходят на второй план перед лицом создания здоровой национальной экономики. В практической политике я предпочитаю ставить перво-степенные вещи на первое место. Я не пожалею сил для возрождения мировой торговли путем международной экономической реорганизации, но критическая ситуация у себя дома не может ждать завершения решения этой задачи. Главная идея, задающая направление этим особым способам национального возрождения, не является узконациональной. Она в первую очередь подчеркивает взаимозависимость разнообразных факторов во всех частях Соединенных Штатов, напоминая о старом и вечно важном проявлении американского пионерского духа. Это путь к возрождению. Это самый прямой путь. Это крепчайшая гарантия прочности возрождения.

В области мировой политики мне хотелось бы, чтобы наша страна проводила политику доброго соседа — соседа, который решительно уважает себя и поэтому уважает права других; соседа, который уважает свои обязательства и уважает святость своих соглашений с соседями во всем мире. Если я правильно понимаю характер нашего народа, мы сегодня сильнее, чем когда-либо прежде, сознаем нашу взаимозависимость друг от друга; сознаем, что нельзя только брать, надо также и отдавать, что вперед надо двигаться дисциплинированной, верноподданной армией, готовой на жертвы ради общей дисциплины, ибо без такой дисциплины невозможно движение вперед, невозможно эффективное руководство. Я знаю. Мы готовы и согласны подчинить свою жизнь и свое достояние такой дисциплине, открывая возможность для руководства, нацеленного на большое благо. Это я и хочу предложить, заверяя, что большие цели пробудили в нас священное чувство долга, подобное тому, которое пробуждается во время вооруженной борьбы.

Получив такое обещание, я без колебаний возьму на себя руководство великой армией нашего народа, направляя ее на целеустремленное решение наших общих проблем.

При форме власти, унаследованной нами от предков, вполне возможно действовать таким образом и с такой целью. Наша Конституция столь проста и практична, что всегда можно ответить на чрезвычайные требования, переставляя акценты и меняя порядок слов, не утратив сути. Именно поэтому наша конституционная система зарекомендовала себя как самый надежный по прочности политический механизм, существующий в современном мире. Она выдержала все потрясения широкой территориальной экспансии, зарубежных войн, острых внутренних раздоров, мировых отношений. Будем надеяться, что нормального баланса исполнительной и законодательной власти окажется вполне достаточно для решения стоящей перед нами беспрецедентной задачи. Но, возможно, какое-то беспрецедентное требование жизни и необходимость неотложных дейст-

вий заставят нас временно отойти от нормально сбалансированного государственного процесса.

По своей конституционной обязанности я готов рекомендовать меры, которые могут потребоваться раненой стране в раненом мире. В пределах своих конституционных полномочий я постараюсь добиться быстрого принятия этих или иных подобных мер, которые может разработать конгресс с его опытом и мудростью.

Однако в том случае, если конгресс не сумеет принять один из этих двух курсов, и в том случае, если страна по-прежнему останется в чрезвычайном критическом положении, я не уклонюсь от ясного, предначертанного долгом курса. Я буду просить у конгресса единственный оставшийся инструмент решения кризиса — широких властных полномочий для борьбы с чрезвычайной ситуацией, столь же неограниченных, как полномочия, которые мне были бы даны в случае фактического вторжения иноземного врага.

За оказанное мне доверие я расплачусь соответствующей моменту отвагой и преданностью. Это минимум того, что я обязан сделать.

Мы смотрим в грядущие трудные дни, согретые теплом национального единства, с осознанным стремлением вернуться к старым и дорогим моральным ценностям, с светлым удовлетворением, которое приносит строгое исполнение долга как стариками, так и молодежью. Наша цель — гарантировать полноценную и стабильную жизнь страны.

Мы не разуверились в будущем основ демократии. Народ Соединенных Штатов не потерпел неудачу. Когда возникла нужда, он на выборах дал наказ, объявив, что желает прямых энергичных действий. Он просит дисциплины направляющего руководства. Инструментом своей воли он сделал сегодня меня. В таком смысле я этот дар принимаю.

Преданные своей стране, мы смиренно просим Божьего благословения. Да хранит Он всех и каждого из нас. Да руководит Он мной в грядущие дни.

Франклин Делано Рузвельт (1882–1945) — 32-й президент США, одна из центральных фигур мировых событий первой половины XX века, возглавлял США во время мирового экономического кризиса и Второй мировой войны. Единственный американский президент, избиравшийся более чем на два срока.

В своей первой речи (1933 г.) НАРУШЕН ПОРЯДОК ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РЕЧЕЙ? президент изложил программу решительных мер по борьбе с Великой депрессией — экономическим кризисом, охватившим США. Эти меры были реализованы практически в первые же 100 дней президентства Рузвельта и принесли блестящий результат: страна вышла на рельсы устойчивого развития, а ее социально-экономическая система приобрела современный облик.

Шарль де Голль

«Пламя французского Сопротивления не должно угаснуть — и не угаснет»

Руководители, многие годы возглавляющие французских вооруженные силы, создали правительство. Это правительство заявило о поражении наших армий и вступило в переговоры с врагом о прекращении военных действий.

Да, действительно, механизированные вражеские части, как на земле, так и в воздухе, подавили наше сопротивление. Танки, самолеты и тактика немцев в значительно большей степени, чем их численное превосходство, заставили нас отступить.

Именно немецкие танки, самолеты и тактика с элементами внезапности привели к нынешнему положению наших руководителей.

Но сказано ли последнее слово? Действительно ли мы должны отказаться от всякой надежды? Окончательно ли наше поражение? Нет!

Я прекрасно знаю истинное положение вещей, и поэтому я прошу вас верить мне, когда говорю, что дело Франции не проиграно. Именно факторы, ставшие причиной нашего поражения, могут в свое время стать залогом нашей победы! Ибо, и об этом нужно помнить всегда, Франция не одинока.

Она не одинока! Она не одинока! За ее спиной — ее огромная империя, Франция может заключить союз с Британской империей, которая держит под своим контролем море и продолжает борьбу. Она, как и Англия, может без ограничений использовать огромный промышленный потенциал Соединенных Штатов.

Эта война разворачивается не только на территории нашей несчастной страны. Исход этой войны не предрешен тем, проиграет Франция или нет. Это — мировая война. Да, были допущены ошибки, промедления, нам пришлось пройти через лишения и потери. Но в мире есть все необходимое, чтобы рано или поздно сокрушить врага.

Сегодня мы подавлены механизированной силой, которую враг бросил против нас, но впоследствии еще большая механизированная сила позволит нам победить. Ведь на кону — судьба всего мира.

Я, генерал де Голль, отсюда, из Лондона, призываю всех французских офицеров и солдат, находящихся на земле Британии или собирающихся прибыть сюда в недалеком будущем, с оружием или без такового, я обращаюсь ко всем специ-

алистам и квалифицированным рабочим, которые сейчас находятся на британской земле или придут сюда в будущем.

Я призываю вас всех — дайте мне знать о себе.

Что бы ни произошло, пламя французского Сопротивления не должно угаснуть — и оно не угаснет.

Шарль Андре Жозеф Мари де Голль (1890–1970) — французский военный и государственный деятель, генерал. Во время Второй мировой войны стал символом французского Сопротивления.

Его радиообращение из Лондона 18 июня 1940 г. дало начало движению французского Сопротивления.

Джордж Паттон-младший

«Я собственноручно пристрелю этого сукина сына оклейщика обоев Гитлера»

...Вы сегодня находитесь здесь по трем причинам. Первое — вы пришли защищать свои дома и жизни своих близких. Второе — вы не смогли бы себя уважать, если бы были где-либо в другом месте. Третье — вы здесь потому, что вы настоящие мужчины, а любой настоящий мужчина должен драться.

Когда вы были детьми, у вас вызывали восхищение и уважение те, кто лучше всех играл в шары, быстрее всех бегал, лучше всех боксировал, а также вы восхищались нашими лучшими бейсболистами и футболистами.

Американцы любят победителей. И американцы не уважают неудачников и презирают трусов. Американцы играют для того, чтобы выиграть. Мне нечего сказать тому, кто, проиграв, смеется.

Именно поэтому американцы никогда не проигрывали и никогда не проиграют войну, ведь американцы ненавидят саму мысль о поражении.

Смерть рано или поздно приходит к каждому. Но сегодня вы не все умрете. Только два процента из вас встретят в бою свою смерть. Смерти не нужно бояться. Конечно, всем бывает страшно, особенно в первом бою.

Когда кто-то говорит вам, что ему не страшно, не верьте ему, этот человек — лжец. Бывают и среди нас трусы. Но и они становятся храбрецами, когда видят, как дерутся их товарищи, которым так же страшно, как и им.

Настоящий герой не тот, кто говорит, что ничего не боится, настоящий герой тот, кто дерется, несмотря на свой страх. Кому-то удастся побороть свой страх через минуту после того, как мимо него пролетела первая пуля, кому-то для этого нужен час, а кому-то — несколько дней.

Но настоящий мужчина это тот, кто не допустит, чтобы страх умереть на поле боя возобладал над его честью и чувством долга перед родиной.

Война — это самое увлекательное соревнование из всех, в каких доводится участвовать человеку. Она проявляет все лучшие его качества и заставляет уйти все низменное.

Мы гордимся тем, что мы настоящие мужчины, и мы действительно настоящие мужчины. А еще хочу сказать вам: враг боится, ему страшно так же, как и вам, а может, и еще больше. Ваши враги — не супермены, помните об этом.

...Каждый из вас, каждый солдат в нашей армии играет свою жизненно важную роль. Не позволяйте сомнениям победить вас, не допускайте мысли, что ваша работа не важна. У каждого есть работа, и он должен ее выполнять.

Каждый из нас — это важное звено одной огромной цепи. Что, если водитель грузовика, везущий подкрепление, вдруг решит, что ему не нравятся пролетающие над его головой снаряды, и сбежит? Эта трусливая мразь может подумать: а ведь я всего лишь один из многих тысяч, они и не заметят, что меня нет.

Но представьте, что случится, если бы все вдруг подумали точно так же. Где были бы мы, что случилось бы с нашей страной, нашими близкими, нашими домами и со всем миром? Нет, черт возьми, настоящие американцы никогда так не подумают.

Каждый должен заниматься своим делом, каждый отдельный человек должен служить единой цели. Каждый взвод, каждая рота имеет свое, определенное значение для исхода этой войны в целом.

...Мы хотим вернуться домой и хотим привезти домой победу в войне. Самый лучший способ сделать это — взять и достать этих сволочей, которые ее начали. Чем быстрее мы их достанем, тем быстрее вернемся домой.

Самый быстрый путь домой для нас проходит через Берлин и Токио. А когда мы дойдем до Берлина, я собственными руками прикончу этого сукина сына оклейщика обоев Гитлера! Так, как я бы прикончил ядовитую змею!

...Есть одна замечательная вещь, о которой вы будете говорить, когда война закончится и вы вернетесь домой. Через два десятка лет, когда ваш внук будет сидеть у вас на коленях и спросит вас, что вы делали во время Второй мировой войны, вам не придется, краснея и покашливая, сказать: «Ну, твой дедушка валял дурака в Луизиане».

Нет, парни, вы сможете, глядя ему прямо в глаза, ответить: «Твой дедушка, малыш, честно воевал вместе с великой Третьей армией США и этим сукиным сыном Джорджи Паттоном!..»

Джордж Смит Паттон, младший (1885–1945) — один из главных генералов американского штаба, действующего в период Второй мировой войны. Как главнокомандующий танкового корпуса принимал участие в военных действиях во Франции, а также в ходе проведения кампаний в Северной Африке, на Сицилии, во Франции и Германии в 1943–1945 гг.

Его речь перед Третьей армией 5 июня 1944 года, накануне начала операции «Оверлорд», стала отражением его сущности — прямой, без лишних сантиментов и пафоса, изобиловавшей крепкими выражениями и при этом проникновенной, доходившей до самого сердца солдат, которым на следующий день предстояло идти в бой.

Император Хирохито

«Враг применил новую, самую разрушительную бомбу»

Нашим хорошим и верным подданным.

После тщательного размышления об основных тенденциях в мире и о текущих условиях, сложившихся в нашей империи сегодня, мы приняли решение повлиять на существующую ситуацию, прибегнув к чрезвычайным мерам.

Мы приказали нашему Правительству сообщить Правительству Соединенных Штатов, Великобритании, Китая и Советского Союза о том, что наша империя принимает условия их совместной декларации.

Борьба за общее процветание и счастье всех наций, а также за безопасность и благосостояние наших подданных — это важная обязанность, которая завещана нам нашими императорскими предками и которую мы принимаем близко к сердцу.

Действительно, мы объявили войну Америке и Британии из нашего искреннего желания обеспечить самосохранение Японии и стабилизацию Восточной Азии, и мы были далеки даже от мысли о нарушении суверенитета других наций или о собственной территориальной экспансии.

Но теперь война длится около четырех лет. Несмотря на усилия, предпринятые всеми нами — доблестные действия нашей армии и флота, трудолюбие и усердие наших государственных служащих и объединенные усилия нашего стомиллионного населения — военная ситуация сложилась не в пользу Японии, в то время как основные события в мире целиком повернулись против ее интересов.

Более того, противник применил новую и самую тяжелую бомбу, невиданной разрушительной силы, унесшей много ни в чем не повинных жизней. Если мы продолжим войну, это будет означать не только ужасную гибель и уничтожение японского народа, но также приведет к гибели всей человеческой цивилизации.

Сложилась такая ситуация. Как нам спасти миллионы наших подданных и не унижить себя перед священными духами наших императорских предков? Это причина почему мы приказали принять условия совместной декларации победителей.

Мы не можем, но выражаем глубочайшее чувство благодарности нашим союзникам в Восточной Азии, которые объединили свои усилия с Империей за освобождение Восточной Азии.

Мысли о тех офицерах и солдатах и всех тех, кто пал на полях сражений, тех, кто умер на своих постах, или тех, кто встретил смерть иначе, и всех их покинутых семьях, ранит наше сердце днем и ночью.

Состояние раненых и пострадавших от войны и всех тех, кто потерял свои дома и средства к существованию, является объектом нашей глубокой озабоченности.

Мы тонко создаем сокровенные чувства всех вас, наши подданные. Однако это есть относительно велений времени и судьбы, что мы разрешили мостить путь к всеобщему миру для всех будущих поколений, покоряясь неизбежному и вынося невыносимое. Имея возможность сохранить и поддерживать строй Империи, мы всегда с вами, наши хорошие и верные подданные, полагаясь на вашу искренность и честность.

Опасаемся больше всего любых взрывов эмоций, которые могут породить ненужные осложнения, любых братских обид и ссор, создающих беспорядок, который может ввести вас в заблуждение и заставит вас потерять доверие всего мира.

Пусть весь народ продолжит как одна семья, от поколения к поколению, всегда твердо придерживаясь традиций нерушимости их божественной страны и выносить то тяжелое бремя ответственности, которое легло на плечи страны, предстоит проделать большой путь. Объедините всю вашу силу для созидания, для будущего. Соблюдайте пути справедливости, благородства духа и работайте с тем решением, что вы можете превознести вечную славу Империи и идти в ногу с мировым прогрессом.

Хирохито, император Сёва (1901–1989) — 124-й император Японии, генералиссимус японских войск.

Выступление императора по радио 15 августа 1945 г. было признанием капитуляции Японии и положило конец Второй мировой войне.

Джавахарлал Неру

«Когда пробьет полночный час и весь мир будет спокойно спать, Индия проснется, чтобы жить и быть свободной»

Много лет назад мы назначили свидание судьбе, и сейчас пришло время нам выполнить свое обещание, может быть, не сполна, но в большой степени. В тот момент, когда пробьет полночный час и весь мир будет спокойно спать, Индия проснется, чтобы жить и быть свободной.

Наступает момент, достаточно редкий в истории, когда мы переходим из старого в новое, когда заканчивается эпоха, когда душа народа, так долго угнетаемого, становится свободной. И в эту торжественную минуту мы, как и подобает, даем обет преданного служения Индии, ее народу и еще большей цели — всему человечеству.

Индия начала свой бесконечный путь на заре истории; многие и многие века являются свидетелями ее устремлений, величия успехов и горечи поражений.

И в горе, и в счастье наша страна никогда не отступала от своего пути и не забывала об идеалах, что придавало ей сил. Сегодня завершается период бедствий, и Индия открывает себя заново.

Событие, которое мы отмечаем сегодня, — всего лишь один шаг, открытие новой возможности для еще более значимых побед и достижений, ожидающих нас впереди. Хватит ли у нас храбрости и мудрости, чтобы не упустить эту возможность и принять вызов будущего?

Свобода и власть подразумевают ответственность. Ответственность лежит на этой ассамблее, суверенном органе, представляющем суверенный народ Индии.

Перед тем как получить свободу, мы вынесли все возможные страдания, и наши сердца отягощены памятью об этом скорбном времени. Не закончились страдания и теперь. Однако с прошлым покончено, и нас ждет будущее.

Это будущее — не праздный отдых, но непрерывная работа, направленная на исполнение тех обетов, что мы давали так часто, а также того, что дадим сейчас. Служение Индии означает служение миллионам страждущих.

Оно означает конец бедности, невежества и неравных возможностей. Величайший человек нашей эпохи стремился вытереть слезы со всех щек. Возможно, это выше наших сил, но пока существуют слезы и страдания, мы не сможем сидеть сложа руки.

И поэтому мы должны трудиться день и ночь, чтобы сделать наши мечты реальностью. Эти мечты об Индии, но они касаются и всего мира, всех стран и народов, столь тесным образом связанных друг с другом, что никто не способен жить сам по себе.

Говорят, мир неделим, как неделимы и свобода, и процветание, и бедствия в этом едином мире, который нельзя больше делить на отдельные сегменты.

Мы обращаемся к народу Индии, чьими представителями являемся, с призывом присоединиться к нам с решительностью и верой в это замечательное событие. Сейчас не время для мелкой и деструктивной критики, не время для вражды и взаимных обвинений. Мы должны выстроить величественный дом свободной Индии, в котором найдется место всем ее детям.

Джавахарлал Неру (1889–1964) — один из самых видных политических деятелей мира, был лидером левого крыла индийского национально-освободительного движения. Под наставничеством Махатмы Ганди стал председателем Индийского национального конгресса, а в дальнейшем, после обретения страной независимости 15 августа 1947 года, первым премьер-министром Индии. Для анализа как раз и предложена речь Неру по случаю провозглашения независимости Индии.

Джулиус Роберт Оппенгеймер

«Мы сделали эту работу, потому что она была органически необходима»

Сегодня я хотел бы говорить с вами... как ваш коллега-ученый и человек, так же, как и вы, озабоченный той неприятной ситуацией, в которой мы оказались.

...Если посмотреть на нынешнее положение в науке, то следует задуматься о том, чем руководствовались люди, приходившие сюда работать...

Прежде всего была огромная тревога, что враг может разработать это оружие раньше нас, и сильное чувство, по крайней мере, поначалу, что без ядерного оружия победу одержать будет очень трудно или она отодвинется на невозможно, неимоверно долгое время.

Эта тревога немного уменьшилась, когда стало ясно, что война будет выиграна в любом случае. Кем-то, как мне кажется, руководило любопытство, и это вполне понятно; других привлекал дух приключений, и это тоже абсолютно правильно.

У третьих были политические аргументы: «Мы знаем, что ядерное оружие в принципе возможно, и несправедливо, если оно останется неоправданной возможностью. Мир должен знать, что можно сделать в этой сфере, и должен сделать это».

И наконец (и это тоже вполне справедливо), было чувство, что кроме Соединенных Штатов в мире нет другого места, где задания по разработке ядерного оружия с большей вероятностью были бы решены и было бы меньше шансов на поражение.

Уверен, что все доводы, приводимые этими людьми, правда, и в тот или иной момент жизни я и сам все это говорил.

Но если говорить о непосредственной причине — мы сделали эту работу потому, что она была органически необходима...

Если вы ученый, вы верите, что открывать принципы мироустройства — благо, выяснять свойства реальности — благо, и благо обратить на пользу всего человечества величайшую силу из всех возможных, чтобы контролировать мир и руководить им в соответствии с человеческими идеалами и ценностями.

...Нельзя быть ученым, если не верить, что познавать новое — это хорошо. Нельзя и невозможно быть ученым, если не считать высшей ценностью возможность делиться своими знаниями с каждым, кого они интересуют.

Невозможно быть ученым, если не думать, что знания о мире и сила, которую они дают, — это неотъемлемое достояние цивилизации, и что вы используете их, чтобы помочь распространению знаний, и готовы принять все последствия.

...Думаю, будет справедливо сказать, что атомное оружие — угроза каждому человеку, и в этом смысле это общая проблема, такая же общая, как проблема разгрома нацистов, стоявшая перед союзническими войсками.

Думаю, для того, чтобы справиться с этой проблемой, необходимо полное ощущение общей ответственности. Не думаю, что люди начнут принимать участие в решении проблемы, если они не осознают способности сделать свой вклад.

Думаю, это область, в которой осуществление совместной ответственности имеет определенные и бесспорные преимущества. Это новая область, где сами по себе новизна и специфические характеристики технических операций дают возможность установить общность интересов, которую можно практически считать экспериментальным образцом международного сотрудничества.

Я говорю об этом как об экспериментальном образце, поскольку полностью очевидно: контроль за ядерным оружием не может быть единственной конечной целью подобной операции. Единственной конечной целью может быть объединенный мир, где нет места войне...

Подобной цели нелегко достичь, и хочу разъяснить, какую это обещает огромную смену настроений. Есть вещи, которые мы ценим очень высоко и вполне

справедливо; я бы сказал, что слово «демократия» среди них не на последнем месте. Много есть мест в мире, где нет демократии.

Но есть и другие ценности. И когда я говорю о новом настроении в международных отношениях, я имею в виду, что даже при всей важности этих дорогих нам вещей, за которые американцы готовы отдать жизни, — при всей важности этих вещей мы осознаем, что есть что-то более глубокое, а именно: общая связь с другими людьми во всем мире.

...Мы не только ученые, мы еще и люди. Мы не можем забыть о том, что зависим от таких же людей, как мы... Это самые сильные связи в мире, более сильные, чем те, которые связывают нас друг с другом. Самые глубокие связи — те, которые связывают нас с такими же людьми, как мы.

Джулиус Роберт Оппенгеймер (1904–1967) — американский физик-теоретик, профессор физики Калифорнийского университета. Широко известен как научный руководитель Манхэттенского проекта, в рамках которого в годы Второй мировой войны разрабатывались первые образцы ядерного оружия; из-за этого Оппенгеймера часто называют «отцом атомной бомбы».

В произнесенной 3 ноября 1945 года в Лос-Аламосе, на «родине» атомной бомбы, речи Оппенгеймер, с одной стороны, говорил, что создание ядерного оружия было «органически необходимо», а с другой — предупреждал об опасностях, которые оно несёт человечеству.

Хрущев Н.С.

«Речь на XX съезде партии»

Товарищи!

В Отчетном докладе Центрального Комитета партии XX съезду, в ряде выступлений делегатов съезда, а также и раньше на Пленумах ЦК КПСС, немало говорилось о культе личности и его вредных последствиях.

После смерти Сталина Центральный Комитет партии стал строго и последовательно проводить курс на разъяснение недопустимости чуждого духу марксизма-ленинизма возвеличивания одной личности, превращения ее в какого-то сверхчеловека, обладающего сверхъестественными качествами, наподобие бога. Этот человек будто бы все знает, все видит, за всех думает, все может сделать; он непогрешим в своих поступках.

Такое понятие о человеке, и, говоря конкретно, о Сталине, культивировалось у нас много лет.

В настоящем докладе не ставится задача дать всестороннюю оценку жизни и деятельности Сталина. О заслугах Сталина еще при его жизни написано вполне достаточное количество книг, брошюр, исследований. Общеизвестна роль Сталина в подготовке и проведении социалистической революции, в гражданской войне, в борьбе за построение социализма в нашей стране. Это всем хорошо известно. Сейчас речь идет о вопросе, имеющем огромное значение и для настоящего и для будущего партии, — речь идет о том, как постепенно складывался культ личности Сталина, который превратился на определенном этапе в источник целого ряда крупнейших и весьма тяжелых извращений партийных принципов, партийной демократии, революционной законности.

В связи с тем, что не все еще представляют себе, к чему на практике приводил культ личности, какой огромный ущерб был причинен нарушением принципа коллективного руководства в партии и сосредоточением необъятной, неограниченной власти в руках одного лица, Центральный Комитет партии считает необходимым доложить XX съезду Коммунистической партии Советского Союза материалы по этому вопросу.

Разрешите, прежде всего, напомнить вам, как сурово осуждали классики марксизма-ленинизма всякое проявление культа личности. В письме к немецкому политическому деятелю Вильгельму Блосу Маркс заявлял:

«...Из неприязни ко всякому культу личности я во время существования Интернационала никогда не допускал до огласки многочисленные обращения, в которых признавались мои заслуги и которыми мне надоедали из разных стран, — я даже никогда не отвечал на них, разве только изредка за них отчитывал. Первое вступление Энгельса и мое в тайное общество коммунистов произошло под тем условием, что из устава будет выброшено все, что содействует суеверному преклонению перед авторитетами (Лассаль впоследствии поступал как раз наоборот)».

Несколько позже Энгельс писал:

«И Маркс, и я, мы всегда были против всяких публичных демонстраций по отношению к отдельным лицам, за исключением только тех случаев, когда это имело какую-либо значительную цель; а больше всего мы были против таких демонстраций, которые при нашей жизни касались бы лично нас».

Известна величайшая скромность гения революции Владимира Ильича Ленина. Ленин всегда подчеркивал роль народа, как творца истории, руководящую и организующую роль партии, как живого, самостоятельного организма, роль Центрального Комитета.

Марксизм не отрицает роли лидеров рабочего класса в руководстве революционно-освободительным движением.

Придавая большое значение роли вожаков и организаторов масс, Ленин, вместе с тем, беспощадно бичевал всякие проявления культа личности, вел непримиримую борьбу против чуждых марксизму эсеровских взглядов "героя" и "толпы", против попыток противопоставить "героя" массам, народу.

Ленин учил, что сила партии состоит в неразрывной связи с массами, в том, что за партией идет народ — рабочие, крестьяне, интеллигенция. "Только тот победит и удержит власть, — говорил Ленин, — кто верит в народ, кто окунется в родник живого народного творчества").

Ленин с гордостью говорил о большевистской, коммунистической партии, как вожде и учителе народа, он призывал выносить на суд сознательных рабочих, на суд своей партии все важнейшие вопросы; он заявлял: «ей мы верим, в ней мы видим ум, честь и совесть нашей эпохи»

Ленин решительно выступал против всяких попыток умалить или ослабить руководящую роль партии в системе Советского государства. Он выработал большевистские принципы партийного руководства и нормы партийной жизни, подчеркнув, что высшим принципом партийного руководства является его коллективность. Еще в дореволюционные годы Ленин называл Центральный Комитет партии коллективом руководителей, хранителем и истолкователем принципов партии. «Принципы партии, — указывал Ленин, — блюдет от съезда до съезда и истолковывает их Центральный Комитет».

Подчеркивая роль Центрального Комитета партии, его авторитет, Владимир Ильич указывал: «Наш ЦК сложился в группу строго централизованную и высоко авторитетную...»

При жизни Ленина Центральный Комитет партии был подлинным выражением коллективного руководства партией и страной. Будучи воинствующим марксистом-революционером, всегда непримиримым в принципиальных вопросах, Ленин никогда не навязывал силой своих взглядов товарищам по работе. Он убеждал, терпеливо разъяснял свое мнение другим. Ленин всегда строго следил за тем, чтобы осуществлялись нормы партийной жизни, соблюдался Устав партии, своевременно созывались съезды партии, пленумы Центрального Комитета.

Помимо всего великого, что сделал В.И. Ленин для победы рабочего класса и трудового крестьянства, для победы нашей партии и претворения в жизнь идей научного коммунизма, его пронизательность проявилась и в том, что он своевременно подметил в Сталине именно те отрицательные качества, которые привели позднее к тяжелым последствиям. Озабоченный дальнейшими судьбами партии и Советского государства, В.И. Ленин дал совершенно правильную характеристику Сталину, указав при этом, что надо рассмотреть вопрос о перемещении Сталина с должности генерального секретаря в связи с тем, что Сталин слишком груб, недостаточно внимателен к товарищам, капризен и злоупотребляет властью.

В декабре 1922 года в своем письме к очередному съезду партии Владимир Ильич писал:

"Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью".

Это письмо — важнейший политический документ, известный в истории партии как "завещание" Ленина, — роздано делегатам XX съезда партии. Вы его читали и будете, вероятно, читать еще не раз. Вдумайтесь в простые ленинские слова, в которых выражена забота Владимира Ильича о партии, о народе, о государстве, о дальнейшем направлении политики партии.

Владимир Ильич говорил:

«Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д.».

Этот ленинский документ был оглашен по делегациям XIII съезда партии, которые обсуждали вопрос о перемещении Сталина с поста генерального секретаря. Делегации высказались за оставление Сталина на этом посту, имея в виду, что он учтет критические замечания Владимира Ильича и сумеет исправить свои недостатки, которые внушали серьезные опасения Ленину.

Товарищи! Необходимо доложить съезду партии о двух новых документах, дополняющих ленинскую характеристику Сталина, данную Владимиром Ильичом в его "завещании".

Эти документы — письмо Надежды Константиновны Крупской председателюствовавшему в то время в Политбюро Каменеву и личное письмо Владимира Ильича Ленину Сталину.

Зачитываю эти документы:

1. Письмо Н.К. Крупской:

"Лев Борисыч, по поводу коротенького письма, написанного мною под диктовку Влад. Ильича с разрешения врачей, Сталин позволил вчера по отношению ко мне грубейшую выходку. Я в партии не один день. За все 30 лет я не слышала ни от одного товарища ни одного грубого слова, интересы партии и Ильича мне не менее дороги, чем Сталину. Сейчас мне нужен максимум самообладания. О чем можно и о чем нельзя говорить с Ильичем, я знаю лучше всякого врача, т. к. знаю, что его волнует, что нет, и во всяком случае лучше Сталина. Я обращаюсь к Вам и к Григорию, как более близким товарищам В. И., и прошу оградить меня

от грубого вмешательства в личную жизнь, недостойной брани и угроз. В единогласном решении контрольной комиссии, которой позволяет себе грозить Сталин, я не сомневаюсь, но у меня нет ни сил, ни времени, которые я могла бы тратить на эту глупую склоку. Я тоже живая и нервы напряжены у меня до крайности. Н. Крупская".

Это письмо было написано Надеждой Константиновной 23 декабря 1922 года. Через два с половиной месяца, в марте 1923 года, Владимир Ильич Ленин направил Сталину следующее письмо:

2. Письмо В.И. Ленина.

"Товарищу СТАЛИНУ. Копия: Каменеву и Зиновьеву.

Уважаемый т. Сталин, Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Хотя она Вам и выразила согласие забыть сказанное, но тем не менее этот факт стал известен через нее же Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения. (Движение в зале.)

С уважением: Ленин.

5-го марта 1923 года".

Товарищи! Я не буду комментировать эти документы. Они красноречиво говорят сами за себя. Если Сталин мог так вести себя при жизни Ленина, мог так относиться к Надежде Константиновне Крупской, которую партия хорошо знает и высоко ценит как верного друга Ленина и активного борца за дело нашей партии с момента ее зарождения, то можно представить себе, как обращался Сталин с другими работниками. Эти его отрицательные качества все более развивались и за последние годы приобрели совершенно нетерпимый характер.

Как показали последующие события, тревога Ленина не была напрасной: Сталин первое время после кончины Ленина еще считался с его указаниями, а затем стал пренебрегать серьезными предупреждениями Владимира Ильича.

Если проанализировать практику руководства партией и страной со стороны Сталина, вдуматься во все то, что было допущено Сталиным, убеждаешься в справедливости опасений Ленина. Те отрицательные черты Сталина, которые при Ленине проступали только в зародышевом виде, развились в последние годы в тяжкие злоупотребления властью со стороны Сталина, что причинило неисчислимый ущерб нашей партии.

Мы должны серьезно разобрать и правильно проанализировать этот вопрос для того, чтобы исключить всякую возможность повторения даже какого-либо подобия того, что имело место при жизни Сталина, который проявлял полную нетерпимость к коллективности в руководстве и работе, допускал грубое насилие

над всем, что не только противоречило ему, но что казалось ему, при его капризности и деспотичности, противоречащим его установкам. Он действовал не путем убеждения, разъяснения, кропотливой работы с людьми, а путем навязывания своих установок, путем требования безоговорочного подчинения его мнению. Тот, кто сопротивлялся этому или старался доказывать свою точку зрения, свою правоту, тот был обречен на исключение из руководящего коллектива с последующим моральным и физическим уничтожением. Это особенно проявилось в период после XVII съезда партии, когда жертвами деспотизма Сталина оказались многие честные, преданные делу коммунизма, выдающиеся деятели партии и рядовые работники партии.

Следует сказать, что партия провела большую борьбу против троцкистов, правых, буржуазных националистов, идейно разгромила всех врагов ленинизма. Эта идейная борьба была проведена успешно, в ходе ее партия еще более окрепла и закалилась. И здесь Сталин сыграл свою положительную роль.

Партия провела большую идейную политическую борьбу против тех людей в своих рядах, которые выступали с антиленинскими положениями, с враждебной партией и делу социализма политической линией. Это была упорная, тяжелая, но необходимая борьба, потому что политическая линия и троцкистско-зиновьевского блока и бухаринцев по существу вела к реставрации капитализма, к капитуляции перед мировой буржуазией. Представим себе на минуту, что бы получилось, если бы у нас в партии в 1928–1929 годах победила политическая линия правого уклона, ставка на "ситцевую индустриализацию", ставка на кулака и тому подобное. У нас не было бы тогда мощной тяжелой индустрии, не было бы колхозов, мы оказались бы обезоруженными и бессильными перед капиталистическим окружением.

Вот почему партия вела непримиримую борьбу с идейных позиций, разъясняла всем членам партии и беспартийным массам, в чем вред и опасность антиленинских выступлений троцкистской оппозиции и правых оппортунистов. И эта огромная работа по разъяснению линии партии дала свои плоды: и троцкисты, и правые оппортунисты были политически изолированы, подавляющее большинство партии поддержало ленинскую линию, и партия сумела вдохновить и организовать трудящихся на проведение в жизнь ленинской линии партии, на построение социализма.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что даже в разгар ожесточенной идейной борьбы против троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев и других — к ним не применялись крайние репрессивные меры. Борьба велась на идейной основе. Но через несколько лет, когда социализм был уже в основном построен в нашей стране, когда были в основном ликвидированы эксплуататорские классы, когда коренным образом изменилась социальная структура советского об-

щества, резко сократилась социальная база для враждебных партий, политических течений и групп, когда идейные противники партии были политически давно уже разгромлены, против них начались репрессии.

И именно в этот период (1935–1937–1938 гг.) сложилась практика массовых репрессий по государственной линии сначала против противников ленинизма — троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев, давно уже политически разбитых партией, а затем и против многих честных коммунистов, против тех кадров партии, которые вынесли на своих плечах гражданскую войну, первые, самые трудные годы индустриализации и коллективизации, которые активно боролись против троцкистов и правых, за ленинскую линию партии.

Сталин ввел понятие "враг народа". Этот термин сразу освобождал от необходимости всяких доказательств идейной неправоты человека или людей, с которыми ты ведешь полемику: он давал возможность всякого, кто в чем-то не согласен со Сталиным, кто был только заподозрен во враждебных намерениях, всякого, кто был просто оклеветан, подвергнуть самым жестоким репрессиям, с нарушением всяких норм революционной законности. Это понятие "враг народа" по существу уже снимало, исключало возможность какой-либо идейной борьбы или выражения своего мнения по тем или иным вопросам даже практического значения. Основным и, по сути дела, единственным доказательством вины делалось, вопреки всем нормам современной юридической науки, "признание" самого обвиняемого, причем это "признание", как показала затем проверка, получалось путем физических мер воздействия на обвиняемого.

Это привело к вопиющим нарушениям революционной законности, к тому, что пострадали многие совершенно ни в чем не виновные люди, которые в прошлом выступали за линию партии.

Следует сказать, что и в отношении людей, которые в свое время выступали против линии партии, часто не было достаточно серьезных оснований, чтобы их физически уничтожить. Для обоснования физического уничтожения таких людей и была введена формула "враг народа".

Ведь многие лица, которых впоследствии уничтожили, объявив их врагами партии и народа, при жизни В.И. Ленина работали вместе с Лениным. Некоторые из них и при Ленине делали ошибки, но, несмотря на это, Ленин использовал их на работе, поправлял, стремился к тому, чтобы они оставались в рамках партийности, вел их за собой.

В этой связи следует ознакомить делегатов съезда партии с неопубликованной запиской В.И. Ленина в Политбюро ЦК в октябре 1920 года. Определяя задачи Контрольной Комиссии, Ленин писал, что эту Комиссию необходимо сделать настоящим "органом партийной и пролетарской совести".

"К[а]к особое задание Ко[нтрольной] К[омиссии], рекомендовать внимательное-индивидуализирующее отношение, часто даже прямое своего рода лечение по отношению к представителям т[ак] н[азываемой] оппозиции, потерпевшим психол[огический] кризис в связи с неудачами в их советской или партийной карьере. Надо постараться успокоить их, объяснить им дело товарищески, подыскать им (без способа показывания) подходящую к их психологическ[им] особенностям работу, дать в этом пункте советы и указания Оргбюро цеха и т. п."

Всем хорошо известно, как непримирим был Ленин к идейным противникам марксизма, к тем, кто уклонялся от правильной партийной линии. В то же время Ленин, как это видно из зачитанного документа, из всей практики его руководства партией, требовал самого внимательного партийного подхода к людям, которые проявляли колебания, имели отступления от партийной линии, но которых можно было вернуть на путь партийности. Ленин советовал терпеливо воспитывать таких людей, не прибегая к крайним мерам.

В этом проявлялась мудрость Ленина в подходе к людям, в работе с кадрами.

Совсем иной подход был характерен для Сталина. Сталину были совершенно чужды ленинские черты — проводить терпеливую работу с людьми, упорно и кропотливо воспитывать их, уметь повести за собой людей не путем принуждения, а оказывая на них воздействие всем коллективом с идейных позиций. Он отбрасывал ленинский метод убеждения и воспитания, переходил с позиций идейной борьбы на путь административного подавления, на путь массовых репрессий, на путь террора. Он действовал все шире и настойчивее через карательные органы, часто нарушая при этом все существующие нормы морали и советские законы.

Произвол одного лица поощрял и допускал произвол других лиц. Массовые аресты и ссылки тысяч и тысяч людей, казни без суда и нормального следствия порождали неуверенность в людях, вызывали страх и даже озлобление.

Это, конечно, не способствовало сплочению рядов партии, всех слоев трудового народа, а, наоборот, приводило к уничтожению, отсечению от партии честных, но неугодных Сталину работников.

Наша партия вела борьбу за претворение в жизнь ленинских планов построения социализма. Это была идейная борьба. Если бы в этой борьбе был проявлен ленинский подход, умелое сочетание партийной принципиальности с чутким и внимательным отношением к людям, желание не оттолкнуть, не потерять людей, а привлечь их на свою сторону, то мы, вероятно, не имели бы такого грубого нарушения революционной законности, применения методов террора в отношении многих тысяч людей. Исключительные меры были бы применены только к тем лицам, которые совершили действительные преступления против советского строя.

Обратимся к некоторым фактам истории.

В дни, предшествовавшие Октябрьской революции, два члена ЦК партии большевиков — Каменев и Зиновьев выступили против ленинского плана вооруженного восстания. Более того, 18 октября в меньшевистской газете "Новая жизнь" они опубликовали свое заявление о подготовке большевиками восстания и о том, что они считают восстание авантюрой. Каменев и Зиновьев раскрыли тем самым перед врагами решение ЦК о восстании, об организации этого восстания в ближайшее время.

Это было изменой делу партии, делу революции. В.И. Ленин в связи с этим писал: "Каменев и Зиновьев выдали Родзянке и Керенскому решение ЦК своей партии о вооруженном восстании..." Он поставил перед ЦК вопрос об исключении Зиновьева и Каменева из партии.

Но после свершения Великой Октябрьской социалистической революции, как известно, Зиновьев и Каменев были выдвинуты на руководящие посты. Ленин привлекал их к выполнению ответственных поручений партии, к активной работе в руководящих партийных и советских органах. Известно, что Зиновьев и Каменев при жизни В.И. Ленина совершили немало других крупных ошибок. В своем "завещании" Ленин предупреждал, что "октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не являлся случайностью". Но Ленин не ставил вопроса об их аресте и, тем более, о их расстреле.

Или возьмем, к примеру, троцкистов. Сейчас, когда прошел достаточный исторический срок, мы можем говорить о борьбе с троцкистами вполне спокойно и довольно объективно разобраться в этом деле. Ведь вокруг Троцкого были люди, которые отнюдь не являлись выходцами из среды буржуазии. Часть из них была партийной интеллигенцией, а некоторая часть — из рабочих. Можно было бы назвать целый ряд людей, которые в свое время примыкали к троцкистам, но они же принимали и активное участие в рабочем движении до революции и в ходе самой Октябрьской социалистической революции, и в укреплении завоеваний этой величайшей революции. Многие из них порвали с троцкизмом и перешли на ленинские позиции. Разве была необходимость физического уничтожения таких людей? Мы глубоко уверены, что если бы жив был Ленин, то такой крайней меры в отношении многих из них не было бы принято.

Таковы лишь некоторые факты истории. А разве можно сказать, что Ленин не решался применять к врагам революции, когда это действительно требовалось, самые жестокие меры? Нет, этого никто сказать не может. Владимир Ильич требовал жестокой расправы с врагами революции и рабочего класса и, когда возникала необходимость, пользовался этими мерами со всей беспощадностью. Вспомните хотя бы борьбу В.И. Ленина против эсеровских организаторов антисоветских восстаний, против контрреволюционного кулачества в 1918 году и других, когда Ленин, без колебания, принимал самые решительные меры по отно-

шению к врагам. Но Ленин пользовался такими мерами против действительно классовых врагов, а не против тех, которые ошибаются, которые заблуждаются, которых можно путем идейного воздействия на них повести за собой и даже сохранить в руководстве.

Ленин применял суровые меры в самых необходимых случаях, когда в наличии были эксплуататорские классы, бешено сопротивлявшиеся революции, когда борьба по принципу "кто — кого" неизбежно принимала самые острые формы, вплоть до гражданской войны. Сталин же применял самые крайние меры, массовые репрессии уже тогда, когда революция победила, когда укрепилось Советское государство, когда эксплуататорские классы были уже ликвидированы и социалистические отношения утвердились во всех сферах народного хозяйства, когда наша партия политически окрепла и закалилась как количественно, так и идейно. Ясное дело, что здесь были проявлены со стороны Сталина в целом ряде случаев нетерпимость, грубость, злоупотребление властью. Вместо доказательств своей политической правоты и мобилизации масс, он нередко шел по линии репрессий и физического уничтожения не только действительных врагов, но и людей, которые не совершали преступлений против партии и Советской власти. В этом никакой мудрости нет, кроме проявления грубой силы, что так беспокоило В.И. Ленина.

Центральный Комитет партии за последнее время, особенно после разоблачения банды Берия, рассмотрел ряд дел, сфабрикованных этой бандой. При этом обнаружилась весьма неприглядная картина грубого произвола, связанного с неправильными действиями Сталина. Как показывают факты, Сталин, воспользовавшись неограниченной властью, допускал немало злоупотреблений, действуя от имени ЦК, не спрашивая мнения членов ЦК и даже членов Политбюро ЦК, зачастую не ставя их в известность о единолично принимаемых Сталиным решениях по очень важным партийным и государственным вопросам.

Рассматривая вопрос о культе личности, нам необходимо прежде всего выяснить, какой ущерб это нанесло интересам нашей партии.

Владимир Ильич Ленин всегда подчеркивал роль и значение партии в руководстве социалистическим государством рабочих и крестьян, видя в этом главное условие успешного строительства социализма в нашей стране. Указывая на огромную ответственность большевистской партии, как правящей партии Советского государства, Ленин призывал к строжайшему соблюдению всех норм партийной жизни, к осуществлению принципов коллективности руководства партией и страной.

Коллективность руководства вытекает из самой природы нашей партии, построенной на началах демократического централизма. "Это значит, — говорил Ленин, — что все дела партии ведут, прямо или через представителей, все члены

партии, на равных правах и без всякого исключения; причем все должностные лица, все руководящие коллегии, все учреждения партии — выборные, подотчетные, сменяемые".

Известно, что сам Ленин показывал пример строжайшего соблюдения этих принципов. Не было такого важного вопроса, по которому Ленин принимал бы решение единолично, не посоветовавшись и не получив одобрения большинства членов ЦК или членов Политбюро ЦК.

В самые трудные для нашей партии и страны периоды Ленин считал необходимым регулярно проводить съезды, конференции партии, пленумы ее Центрального Комитета, на которых обсуждались все важнейшие вопросы и принимались всесторонне разработанные коллективом руководителей решения.

Вспомним, например, 1918 год, когда над страной нависла угроза нашествия империалистических интервентов. В этих условиях был созван VII съезд партии для обсуждения жизненно важного и неотложного вопроса — о мире. В 1919 году, в разгар гражданской войны, созывается VIII съезд партии, на котором была принята новая программа партии, решены такие важные вопросы, как вопрос об отношении к основным массам крестьянства, о строительстве Красной Армии, о руководящей роли партии в работе Советов, об улучшении социального состава партии и другие. В 1920 году созывается IX съезд партии, определивший задачи партии и страны в области хозяйственного строительства. В 1921 году на X съезде партии были приняты разработанная Лениным новая экономическая политика и историческое решение "О единстве партии".

При жизни Ленина съезды партии проводились регулярно, на каждом крутом повороте в развитии партии и страны Ленин считал прежде всего необходимым широкое обсуждение партией коренных вопросов внутренней и внешней политики, партийного и государственного строительства.

Весьма характерно, что свои последние статьи, письма и заметки Ленин адресовал именно партийному съезду, как высшему органу партии. От съезда к съезду Центральный Комитет партии выступал как высокоавторитетный коллектив руководителей, строго соблюдающий принципы партии и проводящий в жизнь ее политику.

Так было при жизни Ленина.

Соблюдались ли эти священные для нашей партии ленинские принципы после кончины Владимира Ильича?

Если в первые годы после смерти Ленина съезды партии и пленумы ЦК проводились более или менее регулярно, то позднее, когда Сталин начал все более злоупотреблять властью, эти принципы стали грубо нарушаться. Особенно это проявилось за последние полтора десятка лет его жизни. Разве можно считать нормальным тот факт, что между XVIII и XIX съездами партии прошло более тридцати лет, в течение которых наша партия и страна пережили столько событий?

Эти события настоятельно требовали принятия партией решений по вопросам обороны страны в условиях Отечественной войны и по вопросам мирного строительства в послевоенные годы. Даже после окончания войны съезд не собирался более семи лет.

Почти не созывались пленумы Центрального Комитета. Достаточно сказать, что за все годы Великой Отечественной войны фактически не было проведено ни одного Пленума ЦК. Правда, была попытка созвать Пленум ЦК в октябре 1941 года, когда в Москву со всей страны были специально вызваны члены ЦК. Два дня они ждали открытия Пленума, но так и не дождались. Сталин даже не захотел встретиться и побеседовать с членами Центрального Комитета. Этот факт говорит о том, насколько был деморализован Сталин в первые месяцы войны и как высокомерно и пренебрежительно относился он к членам ЦК.

В этой практике нашло свое выражение игнорирование со стороны Сталина норм партийной жизни, попрание им ленинского принципа коллективности партийного руководства.

Произвол Сталина по отношению к партии, к ее Центральному Комитету особенно проявился после XVII съезда партии, состоявшегося в 1934 году.

Центральный Комитет, располагая многочисленными фактами, свидетельствующими о грубом произволе в отношении партийных кадров, выделил партийную комиссию Президиума ЦК, которой поручил тщательно разобраться в вопросе о том, каким образом оказались возможными массовые репрессии против большинства состава членов и кандидатов Центрального Комитета партии, избранного XVII съездом ВКП(б).

Комиссия ознакомилась с большим количеством материалов в архивах НКВД, с другими документами и установила многочисленные факты фальсифицированных дел против коммунистов, ложных обвинений, вопиющих нарушений социалистической законности, в результате чего погибли невинные люди. Выясняется, что многие партийные, советские, хозяйственные работники, которых объявили в 1937–1938 годах "врагами", в действительности никогда врагами, шпионами, вредителями и т. п. не являлись, что они, по существу, всегда оставались честными коммунистами, но были оклеветаны, а иногда, не выдержав зверских истязаний, сами на себя наговаривали (под диктовку следователей-фальсификаторов) всевозможные тяжкие и невероятные обвинения. Комиссия представила в Президиум ЦК большой документальный материал о массовых репрессиях против делегатов XVII партийного съезда и членов Центрального Комитета, избранного этим съездом. Этот материал был рассмотрен Президиумом Центрального Комитета.

Установлено, что из 139 членов и кандидатов в члены Центрального Комитета партии, избранных на XVII съезде партии, было арестовано и расстреляно (главным образом в 1937–1938 гг.) 98 человек, то есть 70 процентов.

Что собой представлял состав делегатов XVII съезда? Известно, что 80 процентов состава участников XVII съезда с правом решающего голоса вступили в партию в годы революционного подполья и гражданской войны, то есть до 1920 года включительно. По социальному положению основную массу делегатов съезда составляли рабочие (60 процентов делегатов с правом решающего голоса).

Поэтому совершенно немыслимо было, чтобы съезд такого состава избрал Центральный Комитет, в котором большинство оказалось бы врагами партии. Только в результате того, что честные коммунисты были оклеветаны и обвинения к ним были фальсифицированы, что были допущены чудовищные нарушения революционной законности, 70 процентов членов и кандидатов ЦК, избранных XVII съездом, были объявлены врагами партии и народа.

Такая судьба постигла не только членов ЦК, но и большинство делегатов XVII съезда партии. Из 1966 делегатов съезда с решающим и совещательным голосом было арестовано по обвинению в контрреволюционных преступлениях значительно больше половины — 1108 человек. Уже один этот факт говорит, насколько нелепыми, дикими, противоречащими здравому смыслу были обвинения в контрреволюционных преступлениях, предъявленные, как теперь выясняется, большинству участников XVII съезда партии.

Нужно напомнить, что XVII съезд партии вошел в историю как съезд победителей. Делегатами съезда были избраны активные участники строительства нашего социалистического государства, многие из них вели самоотверженную борьбу за дело партии в дореволюционные годы в подполье и на фронтах гражданской войны, они храбро дрались с врагами, не раз смотрели в глаза смерти и не дрогнули. Как же можно поверить, чтобы такие люди в период после политического разгрома зиновьевцев, троцкистов и правых, после великих побед социалистического строительства оказались "двурушниками", перешли в лагерь врагов социализма?

Это произошло в результате злоупотребления властью со стороны Сталина, который начал применять массовый террор против кадров партии.

Почему массовые репрессии против актива все больше усиливались после XVII съезда партии? Потому, что Сталин к этому времени настолько возвысился над партией и над народом, что он уже совершенно не считался ни с Центральным Комитетом, ни с партией. Если до XVII съезда он еще признавал мнение коллектива, то после полного политического разгрома троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев, когда в результате этой борьбы и побед социализма было достигнуто сплочение партии, сплочение народа, Сталин все больше и больше перестал считаться с членами ЦК партии и даже с членами Политбюро. Сталин полагал, что он может теперь сам вершить все дела, а остальные нужны ему как статисты, всех других он держал в таком положении, что они должны были только слушать и восхвалять его.

После злодейского убийства С.М. Кирова начались массовые репрессии и грубые нарушения социалистической законности. Вечером 1 декабря 1934 года по инициативе Сталина (без решения Политбюро — это было оформлено опросом только через 2 дня) было подписано секретарем Президиума ЦИК Енукидзе следующее постановление:

"1) Следственным властям — вести дела обвиняемых в подготовке или совершении террористических актов ускоренным порядком;

2) Судебным органам — не задерживать исполнения приговоров о высшей мере наказания из-за ходатайств преступников данной категории о помиловании, так как Президиум ЦИК Союза ССР не считает возможным принимать подобные ходатайства к рассмотрению;

3) Органам Наркомавнудела — приводить в исполнение приговора о высшей мере наказания в отношении преступников названных выше категорий немедленно по вынесении судебных приговоров".

Это постановление послужило основанием для массовых нарушений социалистической законности. Во многих фальсифицированных следственных делах обвиняемым приписывалась "подготовка" террористических актов, и это лишало обвиняемых какой-либо возможности проверки их дел даже тогда, когда они на суде отказывались от вынужденных своих "признаний" и убедительно опровергали предъявленные им обвинения.

Следует сказать, что обстоятельства, связанные с убийством т. Кирова, до сих пор таят в себе много непонятого и загадочного и требуют самого тщательного расследования. Есть основания думать, что убийце Кирова — Николаеву кто-то помогал из людей, обязанных охранять Кирова. За полтора месяца до убийства Николаев был арестован за подозрительное поведение, но был выпущен и даже не обыскан. Крайне подозрительным является то обстоятельство, что, когда прикрепленного к Кирову чекиста 2 декабря 1934 года везли на допрос, он оказался убитым при "аварии" автомашины, причем никто из сопровождающих его лиц при этом не пострадал. После убийства Кирова руководящие работники Ленинградского НКВД были сняты с работы и подвергнуты очень мягким наказаниям, но в 1937 году были расстреляны. Можно думать, что их расстреляли затем, чтобы замести следы организаторов убийства Кирова.

Массовые репрессии резко усилились с конца 1936 года после телеграммы Сталина и Жданова из Сочи от 25 сентября 1936 года, адресованной Кагановичу, Молотову и другим членам Политбюро, в которой говорилось следующее:

"Считаем абсолютно необходимым и срочным делом назначение т. Ежова на пост наркомвнудела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздал в этом деле на 4 года. Об этом говорят все парработники и большинство областных

представителей НКВД". Следует кстати заметить, что с парторботниками Сталин не встречался и поэтому мнение их знать не мог.

Эта сталинская установка о том, что "НКВД опоздал на 4 года" с применением массовых репрессий, что надо быстро "наверстать" упущенное, прямо толкала работников НКВД на массовые аресты и расстрелы.

Приходится отметить, что эта установка была навязана и февральско-мартовскому Пленуму ЦК ВКП(б) 1937 года. В резолюции Пленума по докладу Ежова "Уроки вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов" говорилось:

"Пленум ЦК ВКП(б) считает, что все факты, выявленные в ходе следствия по делам антисоветского троцкистского центра и его сторонников на местах, показывают, что с разоблачением этих злейших врагов народа Наркомвнудел запоздал, по крайней мере, на 4 года".

Массовые репрессии проводились в то время под флагом борьбы с троцкистами. Представляли ли в действительности в это время троцкисты такую опасность для нашей партии и Советского государства? Следует напомнить, что в 1927 году, накануне XV съезда партии, за троцкистско-зиновьевскую оппозицию голосовало всего лишь 4 тыс. человек, тогда как за линию партии голосовало 724 тысячи. За 10 лет, которые прошли с XV съезда партии до февральско-мартовского Пленума ЦК, троцкизм был полностью разгромлен, многие бывшие троцкисты отказались от своих прежних взглядов и работали на различных участках социалистического строительства. Ясно, что оснований для массового террора в стране в условиях победы социализма не было.

В докладе Сталина на февральско-мартовском Пленуме ЦК 1937 года "О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников" была сделана попытка теоретически обосновать политику массовых репрессий под тем предлогом, что по мере нашего продвижения вперед к социализму классовая борьба должна якобы все более и более обостряться. При этом Сталин утверждал, что так учит история, так учит Ленин.

На самом же деле Ленин указывал, что применение революционного насилия вызывается необходимостью подавить сопротивление эксплуататорских классов, и эти указания Ленина относились к тому периоду, когда существовали и были сильны эксплуататорские классы. Как только политическая обстановка в стране улучшилась, как только в январе 1920 года был взят Ростов Красной Армией и была одержана главная победа над Деникиным, Ленин дал указание Дзержинскому об отмене массового террора и об отмене смертной казни. Ленин следующим образом обосновал это важное политическое мероприятие советской власти в своем докладе на сессии ВЦИК 2 февраля 1920 года:

"Террор был нам навязан терроризмом Антанты, когда всемирно-могущественные державы обрушились на нас своими полчищами, не останавливаясь ни перед чем. Мы не могли бы продержаться и двух дней, если бы на эти попытки офицеров и белогвардейцев не ответили беспощадным образом, и это означало террор, но это было навязано нам террористическими приемами Антанты. И как только мы одержали решительную победу, еще до окончания войны, тотчас же после взятия Ростова, мы отказались от применения смертной казни и этим показали, что к своей собственной программе мы относимся так, как обещали. Мы говорим, что применение насилия вызывается задачей подавить эксплуататоров, подавить помещиков и капиталистов; когда это будет разрешено, мы от всяких исключительных мер отказываемся. Мы доказали это на деле".

Сталин отступил от этих прямых и ясных программных указаний Ленина. После того, как были уже ликвидированы все эксплуататорские классы в нашей стране и не было никаких сколько-нибудь серьезных оснований для массового применения исключительных мер, для массового террора, Сталин ориентировал партию, ориентировал органы НКВД на массовый террор.

Этот террор оказался фактически направленным не против остатков разбитых эксплуататорских классов, а против честных кадров партии и Советского государства, которым предъявлялись ложные, клеветнические, бессмысленные обвинения в "двурушничестве", "шпионаже", "вредительстве", подготовке каких-либо выдуманных "покушений" и т. п.

На февральско-мартовском Пленуме ЦК (1937 г.) в выступлениях ряда членов ЦК по существу высказывались сомнения в правильности намечавшегося курса на массовые репрессии под предлогом борьбы с "двурушниками".

Наиболее ярко эти сомнения были выражены в выступлении тов. Постышева. Он говорил:

"Я рассуждал: прошли такие крутые годы борьбы, гнилые члены партии ломались или уходили к врагам, здоровые дрались за дело партии. Это — годы индустриализации, коллективизации. Я никак не предполагал, что, пройдя этот крутой период, Карпов и ему подобные попадут в лагерь врага. (Карпов — это работник ЦК партии Украины, которого хорошо знал Постышев). А вот по показаниям якобы Карпов с 1934 года был завербован троцкистами. Я лично думаю, что в 1934 году здоровому члену партии, который прошел длительный путь ожесточенной борьбы с врагами за дело партии, за социализм, попасть в стан врагов невероятно. Я этому не верю... Я себе не представляю, как можно пройти тяжелые годы с партией и потом в 1934 году пойти к троцкистам. Странно это..."

Используя установку Сталина о том, что чем ближе к социализму, тем больше будет и врагов, используя резолюцию февральско-мартовского Пленума ЦК по докладу Ежова, провокаторы, пробравшиеся в органы государственной безопас-

ности, а также бессовестные карьеристы стали прикрывать именем партии массовый террор против кадров партии и Советского государства, против рядовых советских граждан. Достаточно сказать, что количество арестованных по обвинению в контрреволюционных преступлениях увеличилось в 1937 году по сравнению с 1936 годом более чем в десять раз!

Известно, какой грубый произвол допускался также в отношении руководящих работников партии. Устав партии, принятый XVII съездом, исходил из ленинских указаний периода X съезда партии и говорил, что условием применения к членам ЦК, кандидатам в члены ЦК и членам Комиссии партийного контроля такой крайней меры, как исключение из партии, "должен быть созыв Пленума ЦК с приглашением всех кандидатов в члены ЦК и всех членов Комиссии партийного контроля", что только при условии, если такое общее собрание ответственных руководителей партии двумя третями голосов признает это необходимым, могло состояться исключение из партии члена или кандидата ЦК.

Большинство членов и кандидатов ЦК, избранных XVII съездом и подвергшихся арестам в 1937–1938 годах, были исключены из партии незаконно, с грубым нарушением Устава партии, поскольку вопрос об их исключении не ставился на обсуждение Пленума ЦК.

Теперь, когда расследованы дела в отношении некоторых из этих мнимых "шпионов" и "вредителей", установлено, что эти дела являются фальсифицированными. Признания многих арестованных людей, обвиненных во вражеской деятельности, были получены путем жестоких, бесчеловечных истязаний.

В то же время Сталин, как сообщают члены Политбюро того времени, не рассылал им заявлений ряда оклеветанных политических деятелей, когда те отказывались от своих показаний на суде Военной коллегии и просили объективно расследовать их дело. А таких заявлений было немало, и Сталин, несомненно, был ознакомлен с ними.

Центральный Комитет считает необходимым доложить съезду о ряде фальсифицированных "дел" против членов Центрального Комитета партии, избранных на XVII партийном съезде.

Примером гнусной провокации, злостной фальсификации и преступных нарушений революционной законности является дело бывшего кандидата в члены Политбюро ЦК, одного из видных деятелей партии и Советского государства т. Эйхе, члена партии с 1905 года.

Тов. Эйхе был арестован 29 апреля 1938 года по клеветническим материалам без санкции прокурора СССР, которая была получена лишь через 15 месяцев после ареста.

Следствие по делу Эйхе проводилось в обстановке грубейших извращений советской законности, произвола и фальсификации.

Эйхе под пытками понуждали подписывать заранее составленные следователями протоколы допросов, в которых возводились обвинения в антисоветской деятельности против него самого и ряда видных партийных и советских работников.

1 октября 1939 года Эйхе обратился с заявлением на имя Сталина, в котором категорически отрицал свою виновность и просил разобраться с его делом. В заявлении он писал:

"Нет более горькой муки, как сидеть в тюрьме при строе, за который всегда боролся".

Сохранилось второе заявление Эйхе, посланное им Сталину 27 октября 1939 года, в котором он убедительно, опираясь на факты, опровергает предъявленные ему клеветнические обвинения, показывает, что эти провокационные обвинения являются, с одной стороны, делом действительных троцкистов, санкцию на арест которых он, как первый секретарь Западно-Сибирского крайкома партии, давал, и которые сговорились отомстить ему, а с другой стороны, результатом грязной фальсификации вымышленных материалов следователями.

Эйхе писал в своем заявлении:

"25 октября с. г. мне объявили об окончании следствия по моему делу и дали возможность ознакомиться со следственным материалом. Если бы я был виноват хотя бы в сотой доле хотя одного из предъявленных мне преступлений, я не посмел бы к Вам обратиться с этим предсмертным заявлением, но я не совершил ни одного из инкриминируемых мне преступлений и никогда у меня не было ни тени подлости на душе. Я Вам никогда в жизни не говорил ни полслова неправды и теперь, находясь обеими ногами в могиле, я Вам тоже не вру. Все мое дело — это образец провокации, клеветы и нарушения элементарных основ революционной законности...

...Имеющиеся в следственном моем деле обличающие меня показания не только нелепы, но содержат по ряду моментов клевету на ЦК ВКП(б) и СНК, так как принятые не по моей инициативе и без моего участия правильные решения ЦК ВКП(б) и СНК изображаются вредительскими актами контрреволюционной организации, проведенными по моему предложению...

Теперь я перехожу к самой позорной странице своей жизни и к моей действительно тяжелой вине перед партией и перед Вами. Это о моих признаниях в контрреволюционной деятельности... Дело обстояло так: не выдержав истязаний, которые применили ко мне Ушаков и Николаев, особенно первый, который ловко пользовался тем, что у меня после перелома еще плохо заросли позвоночники и причинял мне невыносимую боль, заставили меня оклеветать себя и других людей.

Большинство моих показаний подсказаны или продиктованы Ушаковым и остальные я по памяти переписывал материалы НКВД по Западной Сибири,

приписывая все эти приведенные в материалах НКВД факты себе. Если в твормой Ушаковым и мною подписанной легенде что-нибудь не клеилось, то меня заставляли подписывать другой вариант. Так было с Рухимовичем, которого сперва записали в запасной центр, а потом, даже не говоря мне ничего, вычеркнули, так же было с председателем запасного центра, созданного якобы Бухариным в 1935 году. Сперва я записал себя, но потом мне предложили записать Межлаука, и многие другие моменты...

...Я Вас прошу и умоляю поручить доследовать мое дело, и это не ради того, чтобы меня щадили, а ради того, чтобы разоблачить гнусную провокацию, которая, как змея, опутала многих людей, в частности и из-за моего малодушия и преступной клеветы. Вам и партии я никогда не изменял. Я знаю, что погибаю из-за гнусной, подлой работы врагов партии и народа, которые создали провокацию против меня".

Казалось бы, такое важное заявление должно было быть обязательно обсуждено в ЦК. Но этого не произошло, заявление было направлено Берия, и жестокая расправа над оклеветанным кандидатом в члены Политбюро тов. Эйхе продолжалась.

2 февраля 1940 года Эйхе был предан суду. В суде Эйхе виновным себя не признал и заявил следующее:

"Во всех якобы моих показаниях нет ни одной названной мною буквы, за исключением подписей внизу протоколов, которые подписаны вынужденно. Показания даны под давлением следователя, который с самого начала моего ареста начал меня избивать. После этого я и начал писать всякую чушь... Главное для меня — это сказать суду, партии и Сталину о том, что я не виновен. Никогда участником заговора не был. Я умру так же с верой в правильность политики партии, как верил в нее на протяжении всей своей работы".

4 февраля Эйхе был расстрелян. В настоящее время бесспорно установлено, что дело Эйхе было сфальсифицировано, и он посмертно реабилитирован.

Полностью отказался на суде от своих вынужденных показаний кандидат в члены Политбюро тов. Рудзутак, член партии с 1905 года, пробывший 10 лет на царской каторге. В протоколе судебного заседания Военной коллегии Верховного суда записано следующее заявление Рудзутака:

"...Его единственная просьба к суду — это довести до сведения ЦК ВКП(б) о том, что в органах НКВД имеется еще не выкорчеванный гнойник, который искусственно создает дела, принуждая ни в чем не повинных людей признавать себя виновными. Что проверка обстоятельств обвинения отсутствует и не дается никакой возможности доказать свою непричастность к тем преступлениям, которые выдвинуты теми или иными показаниями разных лиц. Методы следствия таковы, что заставляют выдумывать и оговаривать ни в чем не повинных людей,

не говоря уже о самом подследственном. Просит суд дать ему возможность все это написать для ЦК ВКП(б). Заверяет суд, что лично у него никогда не было никакой плохой мысли против политики нашей партии, так как он всегда полностью разделял всю ту политику партии, которая проводилась во всех областях хозяйственного и культурного строительства".

Это заявление Рудзутака было оставлено без внимания, хотя Рудзутак, как известно, являлся в свое время председателем Центральной Контрольной Комиссии, которая была создана по мысли Ленина для борьбы за единство партии. Председатель же этого высокоавторитетного партийного органа стал жертвой грубого произвола: его даже не вызвали в Политбюро ЦК, Сталин не пожелал с ним разговаривать. Он был осужден в течение 20 минут и расстрелян.

Тщательной проверкой, произведенной в 1955 году, установлено, что дело по обвинению Рудзутака было сфальсифицировано и он был осужден на основании клеветнических материалов. Рудзутак посмертно реабилитирован.

Каким образом искусственно — провокационными методами — создавались бывшими работниками НКВД различные "антисоветские центры" и "блоки", видно из показаний т. Розенблюма, члена партии с 1906 года, подвергавшегося аресту Ленинградским управлением НКВД в 1937 году.

При проверке в 1955 году дела Комарова Розенблом сообщил следующий факт: когда он, Розенблом, был арестован в 1937 году, то был подвергнут жестоким истязаниям, в процессе которых у него вымогали ложные показания как на него самого, так и на других лиц. Затем его привели в кабинет Заковского, который предложил ему освобождение при условии, если он даст в суде ложные показания по фабриковавшемуся в 1937 году НКВД "делу о Ленинградском вредительском, шпионском, диверсионном, террористическом центре". (Движение в зале.) С невероятным цинизмом раскрывал Заковский подлую "механику" искусственного создания липовых "антисоветских заговоров".

"Для наглядности, — заявил Розенблом, — Заковский развернул передо мной несколько вариантов предполагаемых схем этого центра и его ответвлений...

Ознакомив меня с этими схемами, Заковский сказал, что НКВД готовит дело об этом центре, причем процесс будет открытый.

Будет предана суду головка центра, 4–5 человек: Чудов, Угаров, Смородин, Позерн, Шапошникова (это жена Чудова) и др. и от каждого филиала по 2–3 чел...
...Дело о Ленинградском центре должно быть поставлено солидно. А здесь решающее значение имеют свидетели. Тут играет немаловажную роль и общественное положение (в прошлом, конечно), и партийный стаж свидетеля.

Самому тебе, — говорил Заковский, — ничего не придется выдумывать. НКВД составит для тебя готовый конспект по каждому филиалу в отдельности, твое дело его заучить, хорошо запомнить все вопросы и ответы, которые могут задавать на

суде. Дело это будет готовиться 4–5 месяцев, а то и полгода. Все это время будешь готовиться, чтобы не подвести следствие и себя. От хода и исхода суда будет зависеть дальнейшая твоя участь. Сдрейфишь и начнешь фальшивить — пеняй на себя. Выдержишь — сохранишь кочан (голову), кормить и одевать будем до смерти на казенный счет".

Вот какие подлые дела творились в то время!

Еще более широко практиковалась фальсификация следственных дел в областях. Управление НКВД по Свердловской области "вскрыло" так называемый "Уральский повстанческий штаб — орган блока правых, троцкистов, эсеров, церковников", руководимый якобы секретарем Свердловского обкома партии и членом ЦК ВКП(б) Кабаковым, членом партии с 1914 года. По материалам следственных дел того времени получается, что почти во всех краях, областях и республиках существовали якобы широко разветвленные "право-троцкистские шпионско-террористические, диверсионно-вредительские организации и центры" и, как правило, эти "организации" и "центры" почему-то возглавлялись первыми секретарями обкомов, крайкомов или ЦК нацкомпартий.

В результате этой чудовищной фальсификации подобных "дел", в результате того, что верили различным клеветническим "показаниям" и вынужденным оговорам себя и других, погибли многие тысячи честных, ни в чем не повинных коммунистов. Таким же образом были сфабрикованы "дела" на видных партийных и государственных деятелей — Косиора, Чубаря, Постышева, Косарева и других.

В те годы необоснованные репрессии проводились в массовых масштабах, в результате чего партия понесла большие потери в кадрах.

Сложилась порочная практика, когда в НКВД составлялись списки лиц, дела которых подлежали рассмотрению на Военной Коллегии, и им заранее определялась мера наказания. Эти списки направлялись Ежовым лично Сталину для санкционирования предлагаемых мер наказания. В 1937–1938 годах Сталину было направлено 383 таких списка на многие тысячи партийных, советских, комсомольских, военных и хозяйственных работников и была получена его санкция.

Значительная часть этих дел сейчас пересматривается и большое количество их прекращается как необоснованные и фальсифицированные. Достаточно сказать, что с 1954 года по настоящее время Военной коллегией Верховного Суда уже реабилитировано 7679 человек, причем многие из них реабилитированы посмертно.

Массовые аресты партийных, советских, хозяйственных, военных работников нанесли огромный ущерб нашей стране, делу социалистического строительства.

Массовые репрессии отрицательно влияли на морально-политическое состояние партии, порождали неуверенность, способствовали распространению

болезненной подозрительности, сеяли взаимное недоверие среди коммунистов. Активизировались всевозможные клеветники и карьеристы.

Известное оздоровление в партийные организации внесли решения январского Пленума ЦК ВКП(б) 1938 года. Но широкие репрессии продолжались и в 1938 году.

И только потому, что наша партия обладает великой морально-политической силой, она сумела справиться с тяжелыми событиями 1937–1938 годов, пережить эти события, вырастить новые кадры. Но нет сомнения, что наше продвижение вперед к социализму и подготовка к обороне страны осуществлялись бы более успешно, если бы не огромные потери в кадрах, которые мы понесли в результате массовых, необоснованных и несправедливых репрессий в 1937–1938 годах.

Мы обвиняем Ежова в извращениях 1937 года и правильно обвиняем. Но надо ответить на такие вопросы: разве мог Ежов сам, без ведома Сталина, арестовать, например, Косиора? Был ли обмен мнениями или решение Политбюро по этому вопросу? Нет, не было, как не было этого и в отношении других подобных дел. Разве мог Ежов решать такие важные вопросы, как вопрос о судьбе видных деятелей партии? Нет, было бы наивным считать это делом рук только Ежова. Ясно, что такие дела решал Сталин, без его указаний, без его санкции Ежов ничего не мог делать.

Мы сейчас разобрались и реабилитировали Косиора, Рудзутака, Постышева, Косарева и других. На каком же основании они были арестованы и осуждены? Изучение материалов показало, что никаких оснований к этому не было. Арестовывали их, как и многих других, без санкций прокурора. Да в тех условиях никакой санкции и не требовалось; какая еще может быть санкция, когда все разрешал Сталин. Он был главным прокурором в этих вопросах. Сталин давал не только разрешения, но и указания об арестах по своей инициативе. Об этом следует сказать, чтобы была полная ясность для делегатов съезда, чтобы вы могли дать правильную оценку и сделать соответствующие выводы.

Факты показывают, что многие злоупотребления были сделаны по указанию Сталина, не считаясь с какими-либо нормами партийной и советской законности. Сталин был человек очень мнительный, с болезненной подозрительностью, в чем мы убедились, работая вместе с ним. Он мог посмотреть на человека и сказать: "что-то у вас сегодня глаза бегают", или: "почему вы сегодня часто отворачиваетесь, не смотрите прямо в глаза". Болезненная подозрительность привела его к огульному недоверию, в том числе и по отношению к выдающимся деятелям партии, которых он знал много лет. Везде и всюду он видел "врагов", "двурушников", "шпионов".

Имея неограниченную власть, он допускал жестокий произвол, подавлял человека морально и физически. Создалась такая обстановка, при которой человек не мог проявить свою волю.

Когда Сталин говорил, что такого-то надо арестовать, то следовало принимать на веру, что это "враг народа". А банда Берия, хозяйничавшая в органах госбезопасности, из кожи лезла вон, чтобы доказать виновность арестованных лиц, правильность сфабрикованных ими материалов. А какие доказательства пускались в ход? Признания арестованных. И следователи добывали эти "признания". Но как можно получить от человека признание в преступлениях, которых он никогда не совершал? Только одним способом — применением физических методов воздействия, путем истязаний, лишения сознания, лишения рассудка, лишения человеческого достоинства. Так добывались мнимые "признания".

Когда волна массовых репрессий в 1939 году начала ослабевать, когда руководители местных партийных организаций начал ставить в вину работникам НКВД применение физического воздействия к арестованным, Сталин направил 10 января 1939 года шифрованную телеграмму секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, наркомам внутренних дел, начальникам Управлений НКВД. В этой телеграмме говорилось:

"ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП(б)... Известно, что все буржуазные разведки применяют физическое воздействие в отношении представителей социалистического пролетариата и притом применяют его в самых безобразных формах. Спрашивается, почему социалистическая разведка должна быть более гуманна в отношении заядлых агентов буржуазии, заклятых врагов рабочего класса и колхозников. ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружающихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод".

Таким образом, самые грубые нарушения социалистической законности, пытки и истязания, приводившие, как это было показано выше, к оговорам и самооговорам невинных людей, были санкционированы Сталиным от имени ЦК ВКП(б).

Недавно, всего за несколько дней до настоящего съезда, мы вызвали на заседание Президиума ЦК и допросили следователя Родоса, который в свое время вел следствие и допрашивал Косиора, Чубаря и Косарева. Это — никчемный человек, с куриным кругозором, в моральном отношении буквально выродок. И вот такой человек определял судьбу известных деятелей партии, определял и политику в этих вопросах, потому что, доказывая их "преступность", он тем самым давал материал для крупных политических выводов.

Спрашивается, разве мог такой человек сам, своим разумом повести следствие так, чтобы доказать виновность таких людей, как Косиор и другие. Нет, он не мог много сделать без соответствующих указаний. На заседании Президиума ЦК он нам так заявил: "Мне сказали, что Косиор и Чубарь являются врагами на-

рода, поэтому я, как следователь, должен был вытащить из них признание, что они враги".

Этого он мог добиться только путем длительных истязаний, что он и делал, получая подробный инструктаж от Берия. Следует сказать, что на заседании Президиума ЦК Родос цинично заявил: "Я считал, что выполняю поручение партии". Вот как выполнялось на практике указание Сталина о применении к заключенным методов физического воздействия.

Эти и многие подобные факты свидетельствуют о том, что всякие нормы правильного партийного решения вопросов были ликвидированы, все было подчинено произволу одного лица.

Если взять многие наши романы, кинофильмы и исторические "исследования", то в них совершенно неправдоподобно изображается вопрос о роли Сталина в Отечественной войне. Обычно рисуется такая схема. Сталин все и вся предвидел. Советская Армия чуть ли не по заранее начертанным Сталиным стратегическим планам проводила тактику так называемой "активной обороны", то есть ту тактику, которая, как известно, допустила немцев до Москвы и Сталинграда. Применив такую тактику, Советская Армия только-де благодаря гению Сталина перешла в наступление и разгромила врага. Всемирно-историческая победа, одержанная Вооруженными Силами Советской страны, нашим героическим народом, приписывается в такого рода романах, кинофильмах и "исследованиях" всецело полководческому гению Сталина.

Надо внимательно разобраться в этом вопросе, так как это имеет огромное, не только историческое, но прежде всего политическое, воспитательное, практическое значение.

Каковы факты в этом вопросе?

До войны в нашей печати и во всей воспитательной работе преобладал хвастливый тон: если враг нападет на священную советскую землю, то мы ответим на удар врага тройным ударом, войну будем вести на территории противника и выиграем ее малой кровью. Однако эти декларативные заявления далеко не во всем подкреплялись практическими делами, чтобы обеспечить действительную неприступность наших границ.

В ходе войны и после нее Сталин выдвинул такой тезис, что трагедия, которую пережил наш народ в начальный период войны, является якобы результатом "внезапности" нападения немцев на Советский Союз. Но ведь это, товарищи, совершенно не соответствует действительности. Как только Гитлер пришел к власти в Германии, он сразу же поставил перед собой задачу разгромить коммунизм. Об этом фашисты говорили прямо, не скрывая своих планов. Для осуществления этих агрессивных планов заключались всевозможные пакты, блоки, оси, вроде пресловутой оси Берлин — Рим — Токио. Многочисленные факты предвоенного периода

красноречиво доказывали, что Гитлер направляет все свои усилия для того, чтобы развязать войну против Советского государства, и сконцентрировал большие войсковые соединения, в том числе танковые, поблизости от советских границ.

Из опубликованных теперь документов видно, что еще 3 апреля 1941 года Черчилль через английского посла в СССР Криппса сделал личное предупреждение Сталину о том, что германские войска начали совершать передислокацию, подготавливая нападение на Советский Союз. Само собой разумеется, что Черчилль делал это отнюдь не из-за добрых чувств к советскому народу. Он преследовал здесь свои империалистические интересы — стравить Германию и СССР в кровопролитной войне и укрепить позиции Британской империи. Тем не менее Черчилль указывал в своем послании, что он просит "предостеречь Сталина с тем, чтобы обратить его внимание на угрожающую ему опасность". Черчилль настойчиво подчеркивал это и в телеграммах от 18 апреля и в последующие дни. Однако эти предостережения Сталиным не принимались во внимание. Больше того, от Сталина шли указания не доверять информации подобного рода с тем, чтобы-де не спровоцировать начало военных действий.

Следует сказать, что такого рода информация о нависающей угрозе вторжения немецких войск на территорию Советского Союза шла и от наших армейских и дипломатических источников, но в силу сложившегося предвзятого отношения к такого рода информации в руководстве она каждый раз направлялась с опаской и обставлялась оговорками.

Так, например, в донесении из Берлина от 6 мая 1941 года военно-морской атташе в Берлине капитан 1-го ранга Воронцов доносил: "Советский подданный Бозер... сообщил помощнику нашего морского атташе, что, со слов одного германского офицера из ставки Гитлера, немцы готовят к 14 мая вторжение в СССР через Финляндию, Прибалтику и Латвию. Одновременно намечены мощные налеты авиации на Москву и Ленинград и высадка парашютных десантов в приграничных центрах..."

В своем донесении от 22 мая 1941 года помощник военного атташе в Берлине Хлопов докладывал, что "...наступление немецких войск назначено якобы на 15.VI, а возможно, начнется и в первых числах июня..."

В телеграмме нашего посольства из Лондона от 18 июня 1941 года докладывалось: "Что касается текущего момента, то Криппс твердо убежден в неизбежности военного столкновения Германии и СССР, — и притом не позже середины июня. По словам Криппса, на сегодня немцы сконцентрировали на советских границах (включая воздушные силы и вспомогательные силы частей) 147 дивизий..."

Несмотря на все эти чрезвычайно важные сигналы, не были приняты достаточные меры, чтобы хорошо подготовить страну к обороне и исключить момент внезапности нападения.

Были ли у нас время и возможности для такой подготовки? Да, и время, и возможности были. Наша промышленность находилась на таком уровне развития, что она была в состоянии полностью обеспечить Советскую Армию всем необходимым. Это подтверждается хотя бы тем, что, когда в ходе войны была потеряна почти половина всей нашей промышленности, в результате занятия врагом Украины, Северного Кавказа, западных районов страны, важных промышленных и хлебных районов, советский народ сумел организовать производство военных материалов в восточных районах страны, пустить там в ход вывезенное из западных промышленных районов оборудование и обеспечить наши Вооруженные Силы всем необходимым для разгрома врага.

Если бы наша промышленность была вовремя и по-настоящему мобилизована для обеспечения армии вооружением и необходимым снаряжением, то мы понесли бы неизмеримо меньше жертв в этой тяжелой войне. Однако такой мобилизации своевременно проведено не было. И с первых же дней войны обнаружилось, что наша армия вооружена плохо, что мы не имели достаточного количества артиллерии, танков и самолетов для отпора врагу.

Советская наука и техника дали перед войной великолепные образцы танков и артиллерии. Но массовое производство всего этого не было налажено, и мы начали перевооружение армии по существу в самый канун войны. В результате этого в момент нападения врага на советскую землю у нас не оказалось в нужных количествах ни старой техники, которую мы снимали с вооружения, ни новой техники, которую собирались вводить. Очень плохо было с зенитной артиллерией, не налажено было производство бронебойных снарядов для борьбы с танками. Многие укрепленные районы оказались к моменту нападения беспомощными, так как старое вооружение с них было снято, а новое еще не введено.

Да дело, к сожалению, не только в танках, артиллерии и самолетах. К моменту войны мы не имели даже достаточного количества винтовок для вооружения людей, призываемых в действующую армию. Помню, как в те дни я позвонил из Киева тов. Маленкову и сказал ему:

— Народ пришел в армию и требует оружие. Пришлите нам оружие.

На это мне Маленков ответил:

— Оружие прислать не можем. Все винтовки передаем в Ленинград, а вы вооружайтесь сами.

Так обстояло дело с вооружением.

Нельзя не вспомнить в этой связи и такой, например, факт. Незадолго до нападения гитлеровских армий на Советский Союз Кирпонос, будучи командующим Киевского Особого военного округа (он впоследствии погиб на фронте), написал Сталину, что немецкие армии подошли к Бугу, усиленно готовят все к наступлению и в ближайшее время, видимо, перейдут в наступление. Учитывая все

это, Кирпонос предлагал создать надежную оборону, вывести тысяч 300 населения из пограничных районов и создать там несколько мощных укрепленных полос: вырыть противотанковые рвы, создать укрытия для бойцов и так далее.

На эти предложения из Москвы был дан такой ответ, что это провокация, что никаких подготовительных работ на границе делать не следует, что не нужно давать немцам повода открыть против нас военные действия. И наши границы не были по-настоящему подготовлены для отпора врагу.

Когда фашистские войска уже вторглись на советскую землю и начали военные действия, из Москвы последовал приказ — на выстрелы не отвечать. Почему? Да потому, что Сталин вопреки очевидным фактам считал, что это еще не война, а провокация отдельных недисциплинированных частей немецкой армии и что если мы ответим немцам, то это послужит поводом для начала войны.

Известен и такой факт. Накануне самого вторжения гитлеровских армий на территорию Советского Союза нашу границу перебежал немец и сообщил, что немецкие войска получили приказ — 22 июня, в 3 часа ночи, начать наступление против Советского Союза. Об этом немедленно было сообщено Сталину, но и этот сигнал остался без внимания.

Как видите, игнорировалось все: и предупреждения отдельных военачальников, и показания перебежчиков, и даже явные действия врага. Какая же это прозорливость руководителя партии и страны в такой ответственный момент истории?

А к чему привела такая беспечность, такое игнорирование очевидных фактов? Это привело к тому, что в первые же часы и дни противник истребил в наших пограничных районах огромное количество авиации, артиллерии, другой военной техники, уничтожил большое количество наших военных кадров, дезорганизовал управление войсками, и мы оказались не в состоянии преградить ему путь в глубь страны.

Весьма тяжкие последствия, особенно для начального периода войны, имело также то обстоятельство, что на протяжении 1937–1941 годов, в результате подозрительности Сталина, по клеветническим обвинениям, истреблены были многочисленные кадры армейских командиров и политработников. На протяжении этих лет репрессировано было несколько слоев командных кадров, начиная буквально от роты и батальона и до высших армейских центров, в том числе почти полностью были уничтожены те командные кадры, которые получили какой-то опыт ведения войны в Испании и на Дальнем Востоке.

Политика широких репрессий против армейских кадров имела еще и те тяжкие последствия, что она подрывала основу воинской дисциплины, так как на протяжении нескольких лет командиров всех степеней и даже солдат в партийных и комсомольских ячейках приучали к тому, чтобы "разоблачать" своих стар-

ших командиров, как замаскировавшихся врагов. Естественно, что это отрицательно сказалось в первый период войны на состоянии воинской дисциплины.

А ведь до войны у нас были превосходные военные кадры, беспредельно преданные партии и Родине. Достаточно сказать, что те из них, кто сохранился, я имею в виду таких товарищей, как Рокоссовский (а он сидел), Горбатов, Мерецков (он присутствует на съезде), Подлас (а это замечательный командир, он погиб на фронте) и многие, многие другие, несмотря на тяжелые муки, которые они перенесли в тюрьмах, с первых же дней войны показали себя настоящими патриотами и беззаветно дрались во славу Родины. Но ведь многие из таких командиров погибли в лагерях и тюрьмах, и армия их не увидела.

Все это вместе взятое и привело к тому положению, которое создалось в начале войны для нашей страны и которое угрожало величайшей опасностью для судеб нашей Родины.

Было бы неправильным не сказать о том, что после первых тяжелых неудач и поражений на фронтах Сталин считал, что наступил конец. В одной из бесед в эти дни он заявил:

— То, что создал Ленин, все это мы безвозвратно растеряли.

После этого он долгое время фактически не руководил военными операциями и вообще не приступал к делам и вернулся к руководству только тогда, когда к нему пришли некоторые члены Политбюро и сказали, что нужно безотлагательно принимать такие-то меры для того, чтобы поправить положение дел на фронте.

Таким образом, грозная опасность, которая нависла над нашей Родиной в первый период войны, явилась во многом результатом порочных методов руководства страной и партией со стороны самого Сталина.

Но дело не только в самом моменте начала войны, который серьезно дезорганизовал нашу армию и причинил нам тяжкий урон. Уже после начала войны та нервозность и истеричность, которую проявлял Сталин при своем вмешательстве в ход военных операций, наносили нашей армии серьезный ущерб.

Сталин был очень далек от понимания той реальной обстановки, которая складывалась на фронтах. И это естественно, так как за всю Отечественную войну он не был ни на одном участке фронта, ни в одном из освобожденных городов, если не считать молниеносного выезда на Можайское шоссе при стабильном состоянии фронта, о чем написано столько литературных произведений со всякого рода вымыслами и столько красочных полотен. Вместе с тем Сталин непосредственно вмешивался в ход операций и отдавал приказы, которые нередко не учитывали реальной обстановки на данном участке фронта и которые не могли не вести к колоссальным потерям человеческих жизней.

Я позволю себе привести в этой связи один характерный факт, показывающий, как Сталин руководил фронтами. Здесь на съезде присутствует маршал Баг-

рамян, который в свое время был начальником оперативного отдела штаба Юго-Западного фронта и который может подтвердить то, что я расскажу вам сейчас.

Когда в 1942 году в районе Харькова для наших войск сложились исключительно тяжелые условия, нами было принято правильное решение о прекращении операции по окружению Харькова, так как в реальной обстановке того времени дальнейшее выполнение операции такого рода грозило для наших войск роковыми последствиями.

Мы доложили об этом Сталину, заявив, что обстановка требует изменить план действий, чтобы не дать врагу уничтожить крупные группировки наших войск.

Вопреки здравому смыслу Сталин отклонил наше предложение и приказал продолжать выполнять операцию по окружению Харькова, хотя к этому времени над нашими многочисленными военными группировками уже нависла вполне реальная угроза окружения и уничтожения.

Я звоню Василевскому и умоляю его:

— Возьмите, — говорю, — карту, Александр Михайлович (т. Василевский здесь присутствует), покажите товарищу Сталину, какая сложилась обстановка. А надо сказать, что Сталин операции планировал по глобусу. Да, товарищи, возьмет глобус и показывает на нем линию фронта. Так вот я и говорю т. Василевскому, покажите на карте обстановку, ведь нельзя при этих условиях продолжать намеченную ранее операцию. Для пользы дела надо изменить старое решение.

Василевский мне на это ответил, что Сталин рассмотрел уже этот вопрос и что он, Василевский, больше не пойдет Сталину докладывать, так как тот не хочет слушать никаких его доводов по этой операции.

После разговора с Василевским я позвонил Сталину на дачу. Но Сталин не подошел к телефону, а взял трубку Маленков. Я говорю тов. Маленкову, что звоню с фронта и хочу лично переговорить с тов. Сталиным. Сталин передает через Маленкова, чтобы я говорил с Маленковым. Я вторично заявляю, что хочу лично доложить Сталину о тяжелом положении, создавшемся у нас на фронте. Но Сталин не счел нужным взять трубку, а еще раз подтвердил, чтобы я говорил с ним через Маленкова, хотя до телефона пройти несколько шагов.

"Выслушав" таким образом нашу просьбу, Сталин сказал:

— Оставить все по-прежнему!

Что же из этого получилось? А получилось самое худшее из того, что мы предполагали. Немцам удалось окружить наши воинские группировки, в результате чего мы потеряли сотни тысяч наших войск. Вот вам военный "гений" Сталина, вот чего он нам стоил.

Однажды после войны при встрече Сталина с членами Политбюро Анастас Иванович Микоян как-то сказал, что вот, мол, Хрущев тогда был прав, когда звонил по поводу харьковской операции, что напрасно его тогда не поддержали.

Надо было видеть, как рассердился Сталин! Как это так признать, что он, Сталин, был тогда не прав! Ведь он "гений", а гений не может быть неправым. Все, кто угодно, могут ошибаться, а Сталин считал, что он никогда не ошибается, что он всегда прав. И он никому и никогда не признавался ни в одной большой или малой своей ошибке, хотя он совершал немало ошибок и в теоретических вопросах, и в своей практической деятельности. После съезда партии нам, видимо, необходимо будет пересмотреть оценку многих военных операций и дать им правильное объяснение.

Большой крови стоила нам и та тактика, на которой настаивал Сталин, не зная природы ведения боевых операций, после того, как удалось остановить противника и перейти в наступление.

Военные знают, что уже с конца 1941 года вместо ведения крупных маневренных операций с обходами противника с флангов, с заходами в его тылы Сталин требовал непрерывных лобовых атак, с тем чтобы брать село за селом. И мы несли на этом огромные потери до тех пор, пока нашему генералитету, который выносил на своих плечах всю тяжесть ведения войны, не удалось изменить положение дел и перейти к ведению гибких маневренных операций, что сразу дало серьезное изменение положения на фронтах в нашу пользу.

Тем более позорным и недостойным явился факт, когда после нашей великой победы над врагом, давшей нам очень тяжелой ценой, Сталин начал громить многих из тех полководцев, которые внесли свой немалый вклад в дело победы над врагом, так как Сталин исключал всякую возможность, чтобы заслуги, одержанные на фронтах, были приписаны кому бы то ни было, кроме его самого. Сталин проявлял большой интерес к оценке тов. Жукова, как военного полководца. Он не раз спрашивал мое мнение о Жукове, и я ему говорил:

— Жукова знаю давно, он хороший генерал, хороший командующий.

После войны Сталин стал рассказывать о Жукове всякие небылицы, в частности, он говорил мне:

— Вот вы свалили Жукова, а ведь он этого не заслуживает. Говорят, что Жуков на фронте перед какой-либо операцией поступал так: возьмет горсть земли, понюхает ее и потом говорит: можно, мол, начинать наступление или, наоборот, нельзя, дескать, проводить намеченной операции.

Я на это ответил тогда:

— Не знаю, тов. Сталин, кто это выдумал, но это неправда.

Видимо, сам Сталин выдумывал такие вещи, чтобы принизить роль и военные способности маршала Жукова.

В этой связи сам Сталин очень усиленно популяризировал себя, как великого полководца, всеми способами внедрял в сознание людей ту версию, что все по-

беды, одержанные советским народом в Великой Отечественной войне, являются результатом мужества, доблести, гения Сталина и никого больше. Как Кузьма Крючков — сразу на пику 7 человек поднимал.

В самом деле, возьмите наши исторические и военные кинокартины или некоторые произведения литературы, которые читать тошно. Ведь все они предназначены для пропаганды именно этой версии для прославления Сталина, как гениального полководца. Вспомним хотя бы картину "Падение Берлина". Там действует один Сталин: он дает указания в зале с пустыми стульями, и только один человек приходит к нему и что-то доносит — это Поскребышев, неизменный его оруженосец.

А где же военное руководство? Где же Политбюро? Где Правительство? Что они делают и чем занимаются? Этого в картине нет. Сталин один действует за всех, не считаясь и не советуясь ни с кем. В таком извращенном виде все это показано народу. Для чего? Для того, чтобы возвеличить Сталина и все это — вопреки фактам, вопреки исторической правде.

Спрашивается, а где же наши военные, которые на своих плечах вынесли всю тяжесть войны? Их в фильме нет, для них после Сталина не осталось никакого места.

Не Сталин, а партия в целом, Советское правительство, наша героическая армия, ее талантливые полководцы и доблестные воины, весь советский народ — вот кто обеспечил победу в Великой Отечественной войне.

Члены ЦК партии, министры, наши хозяйственники, деятели советской культуры, руководители местных партийных и советских организаций, инженеры и техники — каждый находился на своем посту и самоотверженно отдавал свои силы и знания для обеспечения победы над врагом.

Исключительный героизм проявил наш тыл — славный рабочий класс, наше колхозное крестьянство, советская интеллигенция, которые под руководством партийных организаций, преодолевая невероятные трудности и лишения военного времени, отдавали все свои силы делу защиты Родины.

Величайший подвиг совершили в войне наши советские женщины, которые вынесли на своих плечах огромную тяжесть производственной работы на фабриках и в колхозах, на различных участках хозяйства и культуры, многие женщины принимали непосредственное участие на фронтах Великой Отечественной войны, наша мужественная молодежь, которая на всех участках фронта и тыла внесла свой неоценимый вклад в дело защиты Советской Отчизны, в дело разгрома врага.

Бессмертны заслуги советских воинов, наших военных командиров и политработников всех степеней, которые в первые же месяцы войны, лишившись значительной части армии, не растерялись, а сумели перестроиться на ходу, со-

здать и закалить в ходе войны могучую и героическую армию и не только отразить натиск сильного и коварного врага, но и разгромить его.

Величайший подвиг советского народа в Великой Отечественной войне, спасшего сотни миллионов людей Востока и Запада от нависшей над ними угрозы фашистского порабощения, будет жить в памяти благодарного человечества века и тысячелетия.

Главная роль и главная заслуга в победоносном завершении войны принадлежит нашей Коммунистической партии, Вооруженным Силам Советского Союза, миллионам и миллионам советских людей, воспитанных партией.

Товарищи! Обратимся к некоторым другим фактам. Советский Союз по праву считается образцом многонационального государства, ибо у нас на деле обеспечены равноправие и дружба всех народов, населяющих нашу великую Родину.

Тем более вопиющими являются действия, инициатором которых был Сталин и которые представляют собой грубое попрание основных ленинских принципов национальной политики Советского государства. Речь идет о массовом выселении со своих родных мест целых народов, в том числе всех коммунистов и комсомольцев без каких бы то ни было исключений. Причем такого рода выселение никак не диктовалось военными соображениями.

Так, уже в конце 1943 года, когда на фронтах Великой Отечественной войны определился прочный перелом в ходе войны в пользу Советского Союза, принято было и осуществлено решение о выселении с занимаемой территории всех карачаевцев. В этот же период, в конце декабря 1943 года, точно такая же участь постигла все население Калмыцкой автономной республики. В марте 1944 года выселены были со своих родных мест все чеченцы и ингуши, а Чечено-Ингушская автономная республика ликвидирована. В апреле 1944 года с территории Кабардино-Балкарской автономной республики выселены были в отдаленные места все балкарцы, а сама республика переименована в Кабардинскую автономную республику. Украинцы избежали этой участи потому, что их слишком много и некуда было выслать. А то он бы и их выселил.

В сознании не только марксиста-ленинца, но и всякого здравомыслящего человека не укладывается такое положение — как можно возлагать ответственность за враждебные действия отдельных лиц или групп на целые народы, включая женщин, детей, стариков, коммунистов и комсомольцев, и подвергать их массовым репрессиям, лишениям и страданиям.

После окончания Отечественной войны советский народ с гордостью отмечал славные победы, достигнутые ценой больших жертв и невероятных усилий. Страна переживала политический подъем. Партия вышла из войны еще более сплоченной, в огне войны закалились кадры партии. В этих условиях ни у кого даже мысль не могла возникнуть о возможности какого-либо заговора в партии.

И вот в этот период вдруг возникает так называемое "ленинградское дело". Как теперь уже доказано, это дело было сфальсифицировано. Невинно погибли тт. Вознесенский, Кузнецов, Родионов, Попков и другие.

Известно, что Вознесенский и Кузнецов были видные и способные работники. В свое время они были близки к Сталину. Достаточно сказать, что Сталин выдвинул Вознесенского первым заместителем Председателя Совета Министров, а Кузнецов был избран секретарем Центрального Комитета. Уже одно то, что Сталин поручил Кузнецову наблюдение за органами госбезопасности, говорит о том, каким доверием он пользовался.

Как же случилось, что эти люди были объявлены врагами народа и уничтожены?

Факты показывают, что и "ленинградское дело" — это результат произвола, который допускал Сталин по отношению к кадрам партии.

Если бы в Центральном Комитете партии, в Политбюро ЦК существовала нормальная обстановка, при которой подобные вопросы обсуждались бы, как это положено в партии, и взвешивались бы все факты, то этого дела не возникло бы, как не возникли бы и другие подобные дела.

Надо сказать, что в послевоенный период положение еще больше усложнилось. Сталин стал более капризным, раздражительным, грубым, особенно развилась его подозрительность. До невероятных размеров увеличилась мания преследования. Многие работники становились в его глазах врагами. После войны Сталин еще больше отгородился от коллектива, действовал исключительно единолично, не считаясь ни с кем и ни с чем.

Невероятной подозрительностью Сталина ловко пользовался гнусный провокатор, подлый враг Берия, который истребил тысячи коммунистов, честных советских людей. Выдвижение Вознесенского и Кузнецова пугало Берия. Как теперь установлено, именно Берия "подбрасывал" Сталину состряпанные им и его подручными материалы в виде заявлений, анонимных писем, в виде разных слухов и разговоров.

Центральный Комитет партии проверил так называемое "ленинградское дело", невинно пострадавшие люди теперь реабилитированы, восстановлена честь славной Ленинградской партийной организации. Фальсификаторы этого дела — Абакумов и другие — были преданы суду, их судили в Ленинграде, и они получили по заслугам.

Возникает вопрос: почему же мы теперь смогли разобраться в этом деле, а не сделали этого раньше, при жизни Сталина, чтобы не допустить гибели невинных людей? Потому, что Сталин сам давал направление "ленинградскому делу" и большинство членов Политбюро того периода не знало всех обстоятельств дела и, конечно, не могло вмешаться.

Как только Сталин получил от Берия и Абакумова некоторые материалы, он, не разобравшись по существу в этих фальшивках, дал указание расследовать "дело" Вознесенского и Кузнецова. И этим уже была предreshена их судьба.

Поучительным в этом отношении является также дело о якобы существовавшей в Грузии мингрельской националистической организации. По этому вопросу, как известно, были приняты в ноябре 1951 года и в марте 1952 года решения ЦК КПСС. Эти решения принимались без обсуждения в Политбюро, Сталин сам диктовал эти решения. В них возводились тяжкие обвинения против многих честных коммунистов. На основании подложных материалов утверждалось, что в Грузии якобы существует националистическая организация, которая ставит своей целью ликвидацию Советской власти в этой республике с помощью империалистических государств.

В связи с этим был арестован ряд ответственных партийных и советских работников Грузии. Как потом установлено, это была клевета на Грузинскую партийную организацию.

Мы знаем, что в Грузии, как и в некоторых других республиках, в свое время были проявления местного буржуазного национализма. Возникает вопрос, может быть, действительно в период, когда принимались упомянутые выше решения, националистические тенденции разрослись до таких размеров, что была угроза выхода Грузии из состава Советского Союза и перехода ее в состав турецкого государства?

Это, конечно, чепуха. Трудно даже себе представить, как могли прийти в голову подобные предположения. Всем известно, как поднялась Грузия в своем экономическом и культурном развитии за годы Советской власти.

Промышленная продукция Грузинской республики в 27 раз превышает производство дореволюционной Грузии. В республике заново созданы многие отрасли промышленности, которых не было там до революции: черная металлургия, нефтяная промышленность, машиностроение и другие. Уже давно ликвидирована неграмотность населения, тогда как в дореволюционной Грузии неграмотных насчитывалось 78 процентов.

Сравнивая положение в своей республике с тяжелым положением трудящихся в Турции, могли ли грузины стремиться присоединиться к Турции? В Турции в 1955 году выплавлено стали на душу населения в 18 раз меньше, чем в Грузии. В Грузии производится электроэнергия на душу населения в 9 раз больше, чем в Турции. По данным переписи 1950 года, было 65 процентов населения Турции неграмотным, а среди женщин — около 80 процентов. В Грузии имеется 19 высших учебных заведений, в которых обучается около 39 тысяч студентов, что в 8 раз больше, чем в Турции (на тысячу человек населения). В Грузии за годы Советской власти неизмеримо поднялось материальное благосостояние трудящихся.

Ясно, что в Грузии по мере развития экономики и культуры, роста социалистической сознательности трудящихся все больше исчезает почва, которой питается буржуазный национализм.

И как оказалось на самом деле, никакой националистической организации в Грузии не было. Тысячи ни в чем не повинных советских людей стали жертвами произвола и беззакония. И все это делалось под "гениальным" руководством Сталина — "великого сына грузинского народа", как любили называть грузины своего земляка.

Произвол Сталина давал себя знать не только при решении вопросов внутренней жизни страны, но и в области международных отношений Советского Союза.

На июльском Пленуме ЦК подробно обсуждались причины возникновения конфликта с Югославией. При этом отмечалась весьма неблагоприятная роль Сталина. Ведь в "югославском деле" не было таких вопросов, которые нельзя было бы разрешить путем товарищеского партийного обсуждения. Для возникновения этого "дела" не было серьезных оснований, вполне возможно было не допустить разрыва с этой страной. Это не значит, однако, что у югославских руководителей не было ошибок или недостатков. Но эти ошибки и недостатки были чудовищно преувеличены Сталиным, что привело к разрыву отношений с дружественной нам страной.

Мне вспоминаются первые дни, когда искусственно стал раздуваться конфликт между Советским Союзом и Югославией.

Однажды, когда я приехал из Киева в Москву, меня пригласил к себе Сталин и, указывая на копию письма, незадолго перед тем направленного к Тито, спросил:

— Читал?

И, не дожидаясь ответа, сказал:

— Вот шевельну мизинцем — и не будет Тито. Он слетит...

Дорого нам обошлось это "шевеление мизинцем". Такое заявление отражало манию величия Сталина, ведь он так и действовал: шевельну мизинцем — и нет Косиора, шевельну еще раз мизинцем — и нет уже Постышева, Чубаря, шевельну опять мизинцем — и исчезают Вознесенский, Кузнецов и многие другие.

Но с Тито так не получилось. Сколько ни шевелил Сталин не только мизинцем, но и всем, чем мог, Тито не слетел. Почему? Да потому, что в споре с югославскими товарищами за Тито стояло государство, стоял народ, прошедший суровую школу борьбы за свою свободу и независимость, народ, который оказывал поддержку своим руководителям.

Вот к чему приводила маниа величия Сталина. Он полностью утрачивал чувство реальности, проявлял подозрительность, высокомерие в отношении не только отдельных лиц внутри страны, но и в отношении целых партий и стран.

Теперь мы внимательно разобрались в вопросе с Югославией и нашли правильное решение, которое одобряется народами и Советского Союза, и Югославии, как и всеми трудящимися стран народной демократии, всем прогрессивным человечеством. Ликвидация ненормальных отношений с Югославией осуществлена в интересах всего лагеря социализма, в интересах укрепления мира во всем мире.

Следует также напомнить о "деле врачей-вредителей". Собственно, никакого "дела" не было, кроме заявления врача Тимашук, которая, может быть под влиянием кого-нибудь или по указанию (ведь она была негласным сотрудником органов госбезопасности), написала Сталину письмо, в котором заявляла, что врачи якобы применяют неправильные методы лечения.

Достаточно было такого письма к Сталину, как он сразу сделал выводы, что в Советском Союзе имеются врачи-вредители, и дал указание — арестовать группу крупных специалистов советской медицины. Он сам давал указания, как вести следствие, как допрашивать арестованных. Он сказал: на академика Виноградова надеть кандалы, такого-то бить. Здесь присутствует делегат съезда, бывший министр госбезопасности т. Игнатъев. Сталин ему прямо заявил:

— Если не добьетесь признания врачей, то с вас будет снята голова.

Сталин сам вызывал следователя, инструктировал его, указывал методы следствия, а методы были единственные — бить, бить и бить.

Через некоторое время после ареста врачей мы, члены Политбюро, получили протоколы с признаниями врачей. После рассылки этих протоколов Сталин говорил нам:

— Вы слепцы, котятка, что же будет без меня — погибнет страна, потому что вы не можете распознать врагов.

Дело было поставлено так, что никто не имел возможности проверить факты, на основе которых ведется следствие. Не было возможности проверить факты путем контакта с людьми, которые давали эти признания.

Но мы чувствовали, что дело с арестом врачей — это нечистое дело. Многих из этих людей мы лично знали, они лечили нас. И когда после смерти Сталина мы посмотрели, как создавалось это "дело", то увидели, что оно от начала до конца ложное.

Это позорное "дело" было создано Сталиным, но он не успел его довести до конца (в своем понимании), и поэтому врачи остались живыми. Теперь все они реабилитированы, работают на тех же постах, что и раньше, лечат руководящих работников, включая и членов Правительства. Мы им оказываем полное доверие, и они добросовестно исполняют, как и раньше, свой служебный долг.

В организации различных грязных и позорных дел гнусную роль играл махровый враг нашей партии, агент иностранной разведки Берия, втершийся в до-

верие к Сталину. Как этот провокатор смог добиться такого положения в партии и государстве, что стал первым заместителем Председателя Совета Министров Советского Союза и членом Политбюро ЦК? Теперь установлено, что этот мерзавец шел вверх по государственной лестнице через множество трупов на каждой ступеньке.

Были ли сигналы о том, что Берия враждебный партии человек? Да, были. Еще в 1937 году на Пленуме ЦК бывший нарком здравоохранения Каминский говорил, что Берия работал в муссаватистской разведке. Не успел закончиться Пленум ЦК, как Каминский был арестован и затем расстрелян. Проверил ли Сталин заявление Каминского? Нет, потому что Сталин верил Берия, и этого было для него достаточно. А если Сталин верил, то никто не мог уже сказать что-либо противоречащее его мнению; кто бы вздумал возразить, того постигла бы такая же судьба, как и Каминского.

Были и другие сигналы. Представляет интерес заявление т. Снегова в Центральном Комитете партии (кстати сказать, недавно реабилитированного после 17-летнего пребывания в лагерях). В своем заявлении он пишет:

"В связи с постановкой вопроса о реабилитации бывшего члена ЦК Картвелишвили-Лаврентьева мною даны представителю КГБ подробные показания о роли Берия в расправе с Картвелишвили и преступных мотивах, которыми Берия руководствовался.

Считаю необходимым восстановить важный факт в этом вопросе и сообщить о нем в ЦК, поскольку я считал неудобным помещать его в следственных документах.

30.X.1931 г. на заседании Оргбюро ЦК ВКП состоялся доклад секретаря Закрайкома Картвелишвили. Присутствовали все члены бюро крайкома, из которых я один — живой. На этом заседании И.В. Сталин в конце своего выступления внес предложение сформировать секретариат Закрайкома в составе: 1-м секретарем Картвелишвили, 2-м — Берия (это впервые в истории партии фамилия Берия была названа, как кандидат на партийный пост), тут же Картвелишвили репликой заявил, что знает хорошо Берия и поэтому категорически отказывается с ним работать. Тогда И.В. Сталин предложил вопрос оставить открытым и решить его в рабочем порядке. Через 2 дня было решено о выдвижении Берия на партийную работу и об уходе Картвелишвили из Закавказья.

Подтвердить это могут тт. Микоян А.И. и Каганович Л.М., присутствовавшие на этом заседании.

Многолетние враждебные отношения между Картвелишвили и Берия широко были известны; истоки их идут со времени работы тов. Серго в Закавказье, поскольку Картвелишвили был ближайшим помощником Серго. Они и послужили для Берия основанием, чтобы сфальсифицировать "дело" против Картвелишвили.

Характерно, что Картвелишвили по этому "делу" обвиняется в террористическом акте против Берия".

В обвинительном заключении по делу Берия подробно изложены его преступления. Но кое-что стоит напомнить, тем более, что, возможно, не все делегаты съезда читали этот документ. Здесь я хочу напомнить о зверской расправе Берия над Кедровым, Голубевым и приемной матерью Голубева — Батуриной, которые пытались довести до сведения ЦК о предательской деятельности Берия. Они были расстреляны без суда, а приговор был оформлен после расстрела задним числом. Вот что писал в Центральный Комитет партии тов. Андрееву (тов. Андреев был тогда секретарем ЦК) старый коммунист т. Кедров:

"Из мрачной камеры Лефортовской тюрьмы взываю к вам о помощи. Услышите крик ужаса, не пройдите мимо, заступитесь, помогите уничтожить кошмар допросов, вскрыть ошибку.

Я невинно страдаю. Поверьте. Время покажет. Я не агент-провокатор царской охранки, не шпион, не член антисоветской организации, в чем меня обвиняют, основываясь на клеветнических заявлениях. И никаких других преступлений в отношении Партии и Родины я никогда не совершал. Я незапятнанный ничем старый большевик, честно боровшийся (без малого) 40 лет в рядах Партии на благо и счастье народа...

...Теперь мне, 62-летнему старику, следователи угрожают еще более тяжкими и жестокими и унижительными мерами физического воздействия. Они уже не в состоянии осознать своей ошибки и признать незаконность и недопустимость своих поступков в отношении меня. Они ищут оправдания им в изображении меня злейшим, неразружающимся врагом, и настаивая на усилении репрессии. Но пусть знает Партия, что я невиновен и никакими мерами не удастся верного сына Партии, преданного ей до гроба жизни, превратить во врага.

Но у меня нет выхода. Я бессилён отвести от себя надвигающиеся новые, тяжкие удары.

Всеми, однако, есть предел. Я измотан вконец. Здоровье подорвано, силы и энергия иссякают, развязка приближается. Умереть в советской тюрьме с клеймом презренного предателя и изменника Родины — что может быть страшнее для честного человека. Какой ужас! Беспредельная горечь и боль сжимают судорогой сердце. Нет, нет! Это не случится, не должно случиться, кричу я. И Партия, и Советское правительство, и нарком Л.П. Берия не допустят свершиться той жестокой непоправимой несправедливости.

Убежден, что при спокойном, беспристрастном расследовании, без отвратительной ругани, без злобы, без жутких издевательств, необоснованность обвинений будет легко установлена. Я глубоко верю, что правда и справедливость восторжествуют. Я верю, верю".

Старого большевика т. Кедрова Военная коллегия оправдала. Но, несмотря на это, он был расстрелян по распоряжению Берия.

Берия учинил также жестокую расправу над семьей товарища Орджоникидзе. Почему? Потому что Орджоникидзе мешал Берия в осуществлении его коварных замыслов. Берия расчищал себе путь, избавляясь от всех людей, которые могли ему мешать. Орджоникидзе всегда был против Берия, о чем он говорил Сталину. Вместо того, чтобы разобраться и принять необходимые меры, Сталин допустил уничтожение брата Орджоникидзе, а самого Орджоникидзе довел до такого состояния, что последний вынужден был застрелиться. Вот что представлял из себя Берия.

Центральным Комитетом партии Берия был разоблачен вскоре после смерти Сталина. В результате тщательного судебного разбирательства были установлены чудовищные злодеяния Берия, и он был расстрелян.

Спрашивается, почему же Берия, который уничтожил десятки тысяч партийных и советских работников, не был разоблачен при жизни Сталина? Он не был раньше разоблачен потому, что умело использовал слабости Сталина, разжигая в нем чувство подозрительности, во всем угождал Сталину, действовал при его поддержке.

Товарищи!

Куль личности приобрел такие чудовищные размеры главным образом потому, что сам Сталин всячески поощрял и поддерживал возвеличивание его персоны. Об этом свидетельствуют многочисленные факты. Одним из наиболее характерных проявлений самовосхваления и отсутствия элементарной скромности у Сталина является издание его "Краткой биографии", вышедшей в свет в 1948 году.

Эта книга представляет собой выражение самой безудержной лести, образец обожествления человека, превращения его в непогрешимого мудреца, самого "великого вождя" и "непревзойденного полководца всех времен и народов". Не было уже других слов, чтобы еще больше восхвалять роль Сталина.

Нет необходимости цитировать тошнотворно-льстивые характеристики, нагроможденные в этой книге одна на другую. Следует только подчеркнуть, что все они одобрены и отредактированы лично Сталиным, а некоторые из них собственноручно вписаны им в макет книги.

Что же Сталин счел необходимым вписать в эту книгу? Может быть, он стремился умерить пыл лести составителей его "Краткой биографии"? Нет. Он усиливал именно те места, где восхваление его заслуг казалось ему недостаточным.

Вот некоторые характеристики деятельности Сталина, вписанные рукою самого Сталина:

"В этой борьбе с маловеерами и капитулянтами, троцкистами и зиновьевцами, бухаринными и каменевыми окончательно сложилось после выхода Ленина из строя то руководящее ядро нашей партии..., которое отстояло великое знамя

Ленина, сплотило партию вокруг заветов Ленина и вывело советский народ на широкую дорогу индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства. Руководителем этого ядра и ведущей силой партии и государства был тов. Сталин".

И это пишет сам Сталин! Далее он добавляет:

"Мастерски выполняя задачи вождя партии и народа, имея полную поддержку всего советского народа, Сталин, однако, не допускал в своей деятельности и тени самомнения, зазнайства, самолюбования".

Где и когда мог какой-либо деятель так прославлять самого себя? Разве это достойно деятеля марксистско-ленинского типа? Нет. Именно против этого так решительно выступали Маркс и Энгельс. Именно это всегда резко осуждал Владимир Ильич Ленин.

В макете книги была такая фраза: "Сталин — это Ленин сегодня". Эта фраза показалась ему явно недостаточной, и Сталин собственноручно переделывает ее следующим образом:

"Сталин — достойный продолжатель дела Ленина, или, как говорят у нас в партии, Сталин — это Ленин сегодня". Вот как сильно сказано, но не народом, а самим Сталиным.

Можно привести множество подобных самовосхваляющих характеристик, внесенных в макет книги рукою Сталина. Особенно усердно он расточал похвалы в свой адрес по поводу своего военного гения, своих полководческих талантов.

Позволю себе привести еще одну вставку, сделанную Сталиным в отношении сталинского военного гения:

"Товарищ Сталин, — пишет он, — развил дальше передовую советскую военную науку. Товарищ Сталин разработал положение о постоянно действующих факторах, решающих судьбу войны, об активной обороне и законах контрнаступления и наступления, о взаимодействии родов войск и боевой техники в современных условиях войны, о роли больших масс танков и авиации в современной войне, об артиллерии, как самом могучем роде войск. На разных этапах войны сталинский гений находил правильные решения, полностью учитывающие особенности обстановки".

Далее сам же Сталин пишет:

"Сталинское военное искусство проявилось как в обороне, так и в наступлении. С гениальной проницательностью разгадывал товарищ Сталин планы врага и отражал их. В сражениях, в которых товарищ Сталин руководил советскими войсками, воплощены выдающиеся образцы военного оперативного искусства".

Так прославлялся Сталин как полководец. Но кем же? Самим же Сталиным, но выступающим уже не в роли полководца, а в роли автора — редактора, одного из главных составителей своей хвалебной биографии.

Таковы, товарищи, факты. Надо прямо сказать, что это позорные факты.

И еще один факт из той же "Краткой биографии" Сталина. Известно, что над созданием "Краткого курса истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)" работала комиссия Центрального Комитета партии. Этот, к слову говоря, также весьма пропитанный культом личности труд составлялся определенным коллективом авторов. И это положение было отражено в макете "Краткой биографии" Сталина в следующей формулировке:

"Комиссия Центрального Комитета ВКП(б) под руководством товарища Сталина, при его личном активнейшем участии, создает "Краткий курс истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)".

Однако эта формулировка не могла уже удовлетворить Сталина, и в изданной "Краткой биографии" это место заменено следующим положением:

"В 1938 году вышла в свет книга "История ВКП(б). Краткий курс", написанная товарищем Сталиным и одобренная Комиссией ЦК ВКП(б)". Что же тут еще больше скажешь!

Как видите, произошло поразительное превращение труда, созданного коллективом, в книгу, написанную Сталиным. Нет нужды говорить о том, как и почему произошло подобное превращение.

Возникает законный вопрос: если Сталин является автором этой книги, то зачем ему нужно было так прославлять личность Сталина, и, по существу, весь послеоктябрьский период истории нашей славной Коммунистической партии делать лишь фоном деяний "сталинского гения"?

Разве нашли в этой книге достойное отражение усилия партии по социалистическому преобразованию страны, построению социалистического общества, индустриализации и коллективизации страны и другие мероприятия, осуществленные партией, твердо идущей по пути, начертанному Лениным? Там главным образом говорится о Сталине, его выступлениях, его докладах. Все, без какого бы то ни было исключения, связано с его именем.

И когда сам же Сталин заявляет, что именно он написал "Краткий курс истории ВКП(б)", то это не может не вызывать по меньшей мере удивления и недоумения. Разве может марксист-ленинец так писать о самом себе, возводя до небес культ своей личности?

Или возьмем вопрос о Сталинских премиях. Даже цари не учреждали таких премий, которые называли бы своим именем.

Сам Сталин признал лучшим тот текст Государственного гимна Советского Союза, в котором ни слова нет о Коммунистической партии, но зато есть следующее беспримерное славословие Сталину: "Нас вырастил Сталин — на верность народу, на труд и на подвиги нас вдохновил".

В этих строчках гимна вся огромная воспитательная, руководящая и вдохновляющая деятельность великой ленинской партии приписана одному Сталину.

Это, конечно, явное отступление от марксизма-ленинизма, явное принижение и умаление роли партии. К вашему сведению следует сказать, что Президиум ЦК уже принял решение о создании нового текста гимна, который отражал бы роль народа, роль партии.

А разве без ведома Сталина его имя присваивалось многим крупнейшим предприятиям и городам, разве без его ведома по всей стране устанавливались монументы Сталина — эти "памятники при жизни"? Ведь это же факт, что сам Сталин 2 июля 1951 года подписал постановление Совета Министров СССР, в котором предусматривалось сооружение на Волга-Донском канале монументальной скульптуры Сталина, а 4 сентября того же года издал распоряжение об отпуске на сооружение этого монумента 33 тонн меди. Кто был вблизи Сталинграда, тот видел, какая там статуя высится, причем в таком месте, где людей мало бывает. А на ее сооружение затрачено много средств, и это в то время, когда наши люди в этих районах после войны еще жили в землянках. Судите сами, правильно ли писал Сталин в своей биографии о том, что он "не допускал в своей деятельности и тени самомнения, зазнайства, самолюбования"?

Вместе с тем Сталин проявлял неуважение к памяти Ленина. Не случайно Дворец Советов, как памятник Владимиру Ильичу, решение о строительстве которого было принято свыше 30 лет тому назад, не был построен, и вопрос о его сооружении постоянно откладывался и предавался забвению. Надо исправить это положение и памятник Владимиру Ильичу Ленину соорудить.

Нельзя не вспомнить и о решении Советского правительства от 14 августа 1925 года "Об учреждении премий В.И. Ленина за научные работы". Это постановление было обнародовано в печати, но до сих пор Ленинских премий нет. Это также нужно исправить.

При жизни Сталина, благодаря известным методам, о которых я уже говорил, приводя факты, как писалась хотя бы "Краткая биография Сталина", все события освещались так, что Ленин как будто играл второстепенную роль даже при совершении Октябрьской социалистической революции. Во многих кинокартинах, в произведениях художественной литературы образ Ленина освещается неправильно, недопустимо принижается.

Сталин очень любил смотреть фильм "Незабываемый 1919-й год", где он изображен едущим на подножке бронепоезда и чуть ли не саблей поражающим врагов. Пусть Климент Ефремович, наш дорогой друг, наберется храбрости и напишет правду о Сталине, ведь он знает, как Сталин воевал. Тов. Ворошилову, конечно, тяжело это дело начинать, но хорошо бы ему это сделать. Это будет одобрено всеми — и народом, и партией. И внуки за это будут благодарить.

При освещении событий, связанных с Октябрьской революцией и гражданской войной, в ряде случаев дело изображалось так, что главная роль везде как

бы принадлежит Сталину, что всюду и везде он подсказывает Ленину, как и что надо делать. Но ведь это же клевета на Ленина!

Я, вероятно, не согрешу против истины, если скажу, что 99 процентов из присутствующих здесь мало что знали и слышали о Сталине до 1924 года, а Ленина в стране все знали; вся партия знала, весь народ знал, от мала до велика. (Бурные, продолжительные аплодисменты.)

Все это надо решительно пересмотреть, чтобы нашли свое правильное отражение в истории, литературе, произведениях искусства роль В.И. Ленина, великие деяния нашей Коммунистической партии и советского народа — народа-творца, народа-созидателя.

Товарищи! Культ личности способствовал распространению в партийном строительстве и хозяйственной работе порочных методов, порождает грубые нарушения внутрипартийной и советской демократии, голое администрирование, разного рода извращения, замазывание недостатков, лакировку действительности. У нас развелось немало подхалимов, аллилуйщиков, очковтирателей.

Нельзя не видеть и того, что в результате многочисленных арестов партийных, советских и хозяйственных работников многие наши кадры стали работать неуверенно, с оглядкой, бояться нового, остерегаться и собственной тени, меньше стали проявлять инициативы в работе.

А возьмите решения партийных и советских органов. Они стали составляться по шаблону, зачастую без учета конкретной обстановки. Дело дошло до того, что выступления партийных и других работников даже на самых небольших заседаниях, совещаниях по любым вопросам произносились по шпаргалке. Все это порождало опасность оказывания партийной и советской работы, бюрократизации аппарата.

Отрыв Сталина от жизни, незнание им действительного положения дел на местах можно наглядно показать на примере руководства сельским хозяйством.

Все, кто хоть мало-мальски интересовался положением в стране, видели тяжелое состояние сельского хозяйства, а Сталин этого не замечал. Говорили ли мы об этом Сталину? Да, говорили, но он нас не поддерживал. Почему же так получилось? Потому, что Сталин никуда не выезжал, с рабочими и колхозниками не встречался и не знал действительного положения на местах.

Он страну и сельское хозяйство изучал только по кинофильмам. А кинофильмы приукрашивали, лакировали положение дел в сельском хозяйстве. Колхозная жизнь во многих кинофильмах изображалась так, что столы трещали от обилия индеек и гусей. Видимо, Сталин думал, что в действительности так оно и есть.

Владимир Ильич Ленин по-другому смотрел на жизнь, он все время был тесно связан с народом; принимал крестьян-ходоков, часто выступал на фабриках и заводах, ездил в деревни, беседовал с крестьянами.

Сталин отгородился от народа, он никуда не выезжал. И так продолжалось десятки лет. Последняя его поездка на село была в январе 1928 года, когда он ездил в Сибирь по вопросам хлебозаготовок. Откуда же он мог знать положение в деревне?

И когда Сталину в одной из бесед было сказано, что положение в сельском хозяйстве у нас тяжелое, особенно плохо обстоит дело в стране с производством мяса и других продуктов животноводства, была создана комиссия, которой было поручено подготовить проект постановления "О мерах по дальнейшему развитию животноводства в колхозах и совхозах". Мы разработали такой проект.

Конечно, наши тогдашние предложения не охватывали всех возможностей, но были намечены пути подъема общественного животноводства. Предлагалось тогда поднять заготовительные цены на продукты животноводства, чтобы повысить материальную заинтересованность у колхозников, работников МТС и совхозов в развитии животноводства. Но проект, разработанный нами, не был принят, в феврале 1953 года он был отложен.

Более того, при рассмотрении этого проекта Сталин внес предложение повысить налог на колхозы и колхозников еще на 40 миллиардов рублей, так как, по его мнению, крестьяне живут богато, и, продав только одну курицу, колхозник может полностью расплатиться по государственному налогу.

Вы только подумайте, что это означало? Ведь 40 миллиардов рублей — это такая сумма, которую крестьяне не получали за все сдаваемые ими продукты. В 1952 году, например, колхозы и колхозники получили за всю сданную и проданную ими государству продукцию 26 миллиардов 280 миллионов рублей.

Разве такое предложение Сталина основывалось на каких-то данных? Конечно, нет. Факты и цифры в таких случаях его не интересовали. Если что сказал Сталин, значит, это так и есть — ведь он "гений", а гению не нужно считать, ему достаточно посмотреть, чтобы сразу все определить, как должно быть. Он сказал свое слово, а потом все должны повторять за ним сказанное и восторгаться его мудростью.

Но что было мудрого в предложении увеличить сельскохозяйственный налог на 40 миллиардов рублей? Ровным счетом ничего, так как это предложение исходило не из реальной оценки действительности, а из фантастических измышлений оторванного от жизни человека.

Сейчас в сельском хозяйстве мы стали понемногу выкарабкиваться из тяжелого положения. Выступления делегатов XX съезда партии радуют каждого из нас, когда многие делегаты говорят, что есть все условия выполнить задания шестой пятилетки по производству основных продуктов животноводства не за пять лет, а за 2–3 года. Мы уверены в успешном выполнении заданий новой пятилетки.

Товарищи!

Когда мы сейчас резко выступаем против культа личности, получившего при жизни Сталина широкое распространение, и говорим о многих отрицательных явлениях, порожденных этим чуждым духу марксизма-ленинизма культом, у отдельных людей может возникнуть вопрос: как же так, ведь Сталин стоял во главе партии и страны 30 лет, при нем были достигнуты крупные победы, разве можно отрицать это? Я считаю, что так ставить вопрос могут только ослепленные и безнадежно загипнотизированные культом личности люди, которые не понимают сущности революции и Советского государства, не понимают по-настоящему, по-ленински роли партии и народа в развитии советского общества.

Социалистическую революцию совершил рабочий класс в союзе с беднейшим крестьянством, при поддержке среднего крестьянства, совершил народ, руководимый большевистской партией. Великая заслуга Ленина состоит в том, что он создал боевую партию рабочего класса, вооружил ее марксистским пониманием законов общественного развития, учением о победе пролетариата в борьбе с капитализмом, он закалил партию в огне революционных битв народных масс. В ходе этой борьбы партия последовательно отстаивала интересы народа, стала его испытанным вождем, привела трудящихся к власти, к созданию первого в мире социалистического государства.

Вы хорошо помните мудрые ленинские слова о том, что Советское государство сильно сознательностью масс, о том, что историю теперь творят миллионы и десятки миллионов людей.

Организаторской работе партии, ее многочисленных местных организаций, самоотверженному труду нашего великого народа обязаны мы своими историческими победами. Эти победы — результат огромной по своему размаху деятельности народа и партии в целом, они вовсе не являются плодом руководства одного лишь Сталина, как это пытались представить в период процветания культа личности.

Если по-марксистски, по-ленински подойти к существу этого вопроса, то надо со всей прямотой заявить, что практика руководства, сложившаяся в последние годы жизни Сталина, стала серьезным тормозом на пути развития советского общества.

Сталин долгими месяцами не рассматривал многие важнейшие и неотложные вопросы жизни партии и страны. При руководстве Сталина наши мирные отношения с другими странами нередко ставились под угрозу, так как единоличные решения могли вызвать и иногда вызывали большие осложнения.

За последние годы, когда мы освободились от порочной практики культа личности и наметили ряд мер в области внутренней и внешней политики, все видят, как буквально на глазах растет активность, развивается творческая инициатива

широких масс трудящихся, как благотворно начинает сказываться это на результатах нашего хозяйственного и культурного строительства.

Некоторые товарищи могут задать вопрос: куда же смотрели члены Политбюро ЦК, почему они своевременно не выступили против культа личности и делают это лишь в последнее время?

Прежде всего надо иметь в виду, что члены Политбюро смотрели на эти вопросы по-разному в разные периоды. В первое время многие из них активно поддерживали Сталина, потому что Сталин является одним из сильнейших марксистов и его логика, сила и воля оказывали большое воздействие на кадры, на работу партии.

Известно, что Сталин после смерти В.И. Ленина, особенно в первые годы, активно боролся за ленинизм, против извратителей и врагов ленинского учения. Исходя из ленинского учения, партия во главе со своим Центральным Комитетом развернула большую работу по социалистической индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства, осуществлению культурной революции. В то время Сталин завоевал популярность, симпатии и поддержку. Партии пришлось вести борьбу с теми, кто пытался сбить страну с единственно правильного, ленинского пути, — с троцкистами, зиновьевцами и правыми, буржуазными националистами. Эта борьба была необходима. Но затем Сталин, все более злоупотребляя властью, стал расправляться с видными деятелями партии и государства, применять против честных советских людей террористические методы. Как уже говорилось, именно так Сталин поступил с видными деятелями нашей партии и государства — Косиором, Рудзутаком, Эйхе, Постышевым и многими другими.

Попытки выступить против необоснованных подозрений и обвинений приводили к тому, что протестовавший подвергался репрессиям. В этом отношении характерна история с т. Постышевым.

В одной из бесед, когда Сталин проявил недовольство по адресу Постышева и задал ему вопрос:

— Кто вы такой?

Постышев твердо заявил с присущим ему окающим акцентом:

— Большевик я, товарищ Сталин, большевик!

И это заявление было расценено сначала как неуважение к Сталину, а потом как вредный акт и впоследствии привело к уничтожению Постышева, объявленного без всяких к тому оснований "врагом народа".

Об обстановке, сложившейся в то время, мы нередко беседовали с Николаем Александровичем Булганиным. Однажды, когда мы вдвоем ехали в машине, он мне сказал:

— Вот иной раз едешь к Сталину, вызывают тебя к нему, как друга. А сидишь у Сталина и не знаешь, куда тебя от него повезут: или домой, или в тюрьму.

Ясно, что такая обстановка ставила любого из членов Политбюро в крайне тяжелое положение. Если к тому же учесть, что за последние годы Пленумы ЦК партии фактически не созывались, а заседания Политбюро проводились от случая к случаю, то станет понятным, как трудно было кому-либо из членов Политбюро высказаться против той или иной несправедливой или неправильной меры, против очевидных ошибок и недостатков в практике руководства.

Как уже отмечалось, многие решения принимались единолично или опросом, без коллективного обсуждения.

Всем известна печальная судьба члена Политбюро т. Вознесенского, ставшего жертвой репрессий Сталина. Характерно отметить, что решение о выводе его из состава Политбюро нигде не обсуждалось, а было проведено опросом. Также опросом были проведены решения об освобождении с занимаемых постов тт. Кузнецова и Родионова.

Серьезно принижалась роль Политбюро ЦК, дезорганизовывалась его работа созданием различных комиссий внутри Политбюро, образованием так называемых "пятерок", "шестерок", "семерок", "девяток". Вот, например, решение Политбюро от 3 октября 1946 года:

"Предложение тов. Сталина.

1. Поручить Комиссии по внешним делам при Политбюро (шестерке) заниматься впредь наряду с вопросами внешнеполитического характера также вопросами внутреннего строительства и внутренней политики.

2. Пополнить состав шестерки председателем Госплана СССР тов. Вознесенским и впредь шестерку именовать семеркой.

Секретарь ЦК — И. Сталин".

Что это за терминология картежника? Ясно, что создание подобных комиссий — "пятерок", "шестерок", "семерок" и "девяток" внутри Политбюро подрывало принцип коллективного руководства. Получалось, что некоторые члены Политбюро отстранялись таким образом от решения важнейших вопросов.

В невыносимые условия был поставлен один из старейших членов нашей партии — Климент Ефремович Ворошилов. На протяжении ряда лет он фактически был лишен права принимать участие в работе Политбюро. Сталин запретил ему появляться на заседания Политбюро и посылать ему документы. Когда заседали Политбюро и тов. Ворошилов об этом узнавал, то каждый раз он звонил и спрашивал разрешения, можно ли ему прийти на это заседание. Сталин иногда разрешал, но всегда выражал недовольство. В результате своей крайней мнительности и подозрительности Сталин дошел до такого нелепого и смехотворного подозрения, будто Ворошилов является английским агентом. Да, английским агентом. И к нему дома был подставлен специальный аппарат для подслушивания его разговоров.

Сталин единолично отстранил также от участия в работе Политбюро и другого члена Политбюро, Андрея Андреевича Андреева.

Это был самый разнузданный произвол.

А возьмите первый Пленум ЦК после XIX съезда партии, когда выступил Сталин и на Пленуме давал характеристику Вячеславу Михайловичу Молотову и Анастасу Ивановичу Микояну, предъявив этим старейшим деятелям нашей партии ничем не обоснованные обвинения.

Не исключено, что если бы Сталин еще несколько месяцев находился у руководства, то на этом съезде партии товарищи Молотов и Микоян, возможно, не выступали бы.

Сталин, видимо, имел свои планы расправы со старыми членами Политбюро. Он не раз говорил, что надо менять членов Политбюро. Его предложение после XIX съезда избрать в Президиум Центрального Комитета 25 человек преследовало цель устранить старых членов Политбюро, ввести менее опытных, чтобы те всячески восхваляли его. Можно даже предполагать, что это было задумано для того, чтобы потом уничтожить старых членов Политбюро и спрятать концы в воду по поводу тех неблагоприятных поступков Сталина, о которых мы сейчас докладываем.

Товарищи! Чтобы не повторить ошибок прошлого, Центральный Комитет решительно выступает против культа личности. Мы считаем, что Сталина чрезмерно возвеличили. Бесспорно, что в прошлом Сталин имел большие заслуги перед партией, рабочим классом и перед международным рабочим движением.

Вопрос осложняется тем, что все то, о чем говорилось выше, было совершено при Сталине, под его руководством, с его согласия, причем он был убежден, что это необходимо для защиты интересов трудящихся от происков врагов и нападок империалистического лагеря. Все это рассматривалось им с позиций защиты интересов рабочего класса, интересов трудового народа, интересов победы социализма и коммунизма. Нельзя сказать, что это действия самодура. Он считал, что так нужно делать в интересах партии, трудящихся, в интересах защиты завоеваний революции. В этом истинная трагедия!

Товарищи! Ленин не раз подчеркивал, что скромность является неотъемлемым качеством подлинного большевика. И сам Ленин был живым олицетворением величайшей скромности. Нельзя сказать, что в этом деле мы во всем следуем ленинскому примеру. Достаточно хотя бы сказать, что многочисленным городам, фабрикам и заводам, колхозам и совхозам, советским, культурным учреждениям розданы у нас на правах, если можно так выразиться, частной собственности имена тех или иных государственных и партийных деятелей, еще здравствующих и процветающих. В деле присвоения своих имен различным городам, рай-

онам, предприятиям, колхозам многие из нас соучастники. Это надо исправить. (Аплодисменты.)

Но делать это надо с умом, без торопливости. Центральный Комитет обсудит это дело и хорошенько разберется, чтобы не допустить здесь каких-либо ошибок и перегибов. Я помню, как на Украине узнали об аресте Косиора. Киевская радиостанция обычно начинала свои радиопередачи так: "Говорит радиостанция имени Косиора". В один из дней радиопередачи начались без упоминания имени Косиора. И все догадались, что с Косиором что-то случилось, что он, наверное, арестован.

Так что если мы всюду начнем снимать вывески и проводить переименования, то люди могут подумать, что с теми товарищами, чьи имена носят предприятия, колхозы или города, что-то произошло, что, наверное, и они арестованы.

Чем у нас иной раз измеряется авторитет и значение того или иного руководителя? Да тем, что его именем названо столько-то городов, заводов и фабрик, столько-то колхозов и совхозов. Не пора ли нам покончить с этой "частной собственностью" и провести "национализацию" фабрик и заводов, колхозов и совхозов. Это будет на пользу нашему делу. Культ личности сказывается ведь и в такого рода фактах.

Мы должны со всей серьезностью отнестись к вопросу о культе личности. Этот вопрос мы не можем вынести за пределы партии, а тем более в печать. Именно поэтому мы докладываем его на закрытом заседании съезда. Надо знать меру, не питать врагов, не обнажать перед ними наших язв. Я думаю, что делегаты съезда правильно поймут и оценят все эти мероприятия.

Товарищи! Нам нужно решительно, раз и навсегда развенчать культ личности, сделать надлежащие выводы как в области идейно-теоретической, так и в области практической работы.

Для этого необходимо:

Во-первых, по-большевистски осудить и искоренить как чуждый духу марксизма-ленинизма и несовместимый с принципами партийного руководства и нормами партийной жизни культ личности, вести беспощадную борьбу против всех и всяческих попыток возродить его в той или иной форме.

Восстановить и последовательно проводить во всей нашей идеологической работе важнейшие положения учения марксизма-ленинизма о народе, как творце истории, создателе всех материальных и духовных богатств человечества, о решающей роли марксистской партии в революционной борьбе за преобразование общества, за победу коммунизма.

В связи с этим нам предстоит провести большую работу над тем, чтобы с позиций марксизма-ленинизма критически рассмотреть и поправить получившие

широкое хождение ошибочные взгляды, связанные с культом личности, в области исторической, философской, экономической и других наук, а также в области литературы и искусства. В частности, необходимо в ближайшее время провести работу по созданию полноценного, составленного с научной объективностью марксистского учебника по истории нашей партии, учебников по истории советского общества, книг по истории гражданской войны и Великой Отечественной войны.

Во-вторых, последовательно и настойчиво продолжать проводимую в последние годы Центральным Комитетом партии работу по строжайшему соблюдению во всех партийных организациях, сверху донизу, ленинских принципов партийного руководства и прежде всего высшего принципа — коллективности руководства, по соблюдению норм партийной жизни, закрепленных Уставом нашей партии, по развертыванию критики и самокритики.

В-третьих, полностью восстановить ленинские принципы советского социалистического демократизма, выраженные в Конституции Советского Союза, вести борьбу против произвола лиц, злоупотребляющих властью. Необходимо до конца исправить нарушения революционной социалистической законности, которые накопились за длительный период в результате отрицательных последствий культа личности.

Товарищи!

XX съезд Коммунистической партии Советского Союза с новой силой продемонстрировал нерушимое единство нашей партии, ее сплоченность вокруг своего Центрального Комитета, ее решимость выполнить великие задачи коммунистического строительства. И тот факт, что мы сейчас во всей широте ставим принципиальные вопросы о преодолении чуждого марксизму-ленинизму культа личности и о ликвидации причиненных им тяжелых последствий, говорит о великой моральной и политической силе нашей партии.

У нас есть полная уверенность в том, что наша партия, вооруженная историческими решениями своего XX съезда, поведет советский народ по ленинскому пути к новым успехам, к новым победам.

Да здравствует победоносное знамя нашей партии — ленинизм!

Никита Сергеевич Хрущёв (1894–1971) — советский государственный деятель. Первый секретарь ЦК КПСС с 1953 по 1964 годы, Председатель Совета Министров СССР с 1958 по 1964 годы. 25 февраля 1956 года на XX съезде КПСС произнес речь, в которой разоблачил «культ личности» И.В. Сталина. Речь положила начало краткому историческому периоду, получившему название «оттепель».

Нельсон Мандела

«Я — первый обвиняемый»

Я первый из обвиняемых.

Я получил степень бакалавра искусств; на протяжении нескольких лет я занимался адвокатской практикой в Йоханнесбурге вместе с Оливером Тамбо. Я осужден и отбываю пятилетний срок за выезд из страны без разрешения и за подготовку забастовки в конце мая 1961 года.

Прежде всего я хочу сказать, что сделанное во время открытия процесса обвинением заявление о том, что борьба народа в Южной Африке находится под влиянием иностранцев или коммунистов, абсолютно не соответствует действительности.

Все то, что я совершил как человек и лидер, я совершил, руководствуясь только личным опытом и моим африканским происхождением, которым горжусь; никто другой никоим образом не влиял на меня.

В молодости в Транскее я слушал, как старики моего племени рассказывали о прошлом. Среди этих историй были истории о войнах, которые вели наши предки, защищая родину...

Я решил тогда, что буду служить моему народу и сделаю посильный вклад в его борьбу за свободу. Это и определяло все мои действия, которые дали повод для обвинений, выдвинутых против меня на этом процессе...

...Я всегда считал себя в первую очередь африканским патриотом. Ведь 46 лет назад я родился в Умтата. Моим опекуном был мой двоюродный брат — верховный вождь Тембуленда, а моими родственниками являются как нынешний верховный вождь Сабата Далиньебо, так и Кайзер Матанзима, главное духовное лицо Транскея.

Сейчас я являюсь приверженцем идеи бесклассового общества; это стремление вызвано отчасти благодаря чтению марксистских работ и отчасти моим восхищением структурой и организацией раннего африканского общества.

Земля, в то время — главное средство производства, принадлежала племенам. Не было богатых и бедных, не было эксплуатации.

Верно то, как я уже говорил, что на меня повлияли марксистские идеи. Но это справедливо также для многих глав новых независимых государств. Такие разные личности, как Ганди, Неру, Нкрума и Насер, признавали этот факт.

Все мы признаем необходимость некоей формы социализма для того, чтобы наш народ мог догнать развитые страны мира и преодолеть доставшуюся нам в наследство невероятную нищету. Но это не значит, что мы марксисты.

На самом деле, что касается меня, то я считаю спорным вопрос о том, должна ли коммунистическая партия играть особую роль в нашей политической борьбе на данном этапе.

Основной задачей сейчас является устранение расовой дискриминации и борьба за демократические права на основе Хартии свободы. В той мере, в которой коммунистическая партия добивается этого, я приветствую ее помощь. Я считаю это одним из средств, с помощью которых народы всех рас будут привлечены к нашей борьбе.

Из чтения марксистской литературы и бесед с марксистами у меня сложилось впечатление, что коммунисты считают парламентскую систему Запада недемократичной и реакционной. Я же, наоборот, являюсь сторонником такой системы...

...Американский Конгресс, доктрина разделения власти, равно как и независимость системы правосудия США, вызывают у меня те же чувства.

Мои взгляды формировались под влиянием как Запада, так и Востока. Все это привело меня к мысли, что в определении своего политического кредо я должен быть абсолютно беспристрастным и объективным.

Я не могу связывать себя ни с какой другой общественной системой, кроме социализма. Я должен обеспечить себе свободу брать то лучшее, что есть как на Западе, так и на Востоке...

...Южная Африка — богатейшая из стран Африки и могла бы быть одной из богатейших стран мира. Но это страна крайностей и удивительных контрастов. Белым обеспечен, вероятно, высочайший в мире уровень жизни, тогда как африканцы живут в бедности и нищете...

...Правительство часто отвечало на критику тем, что, якобы, африканцы в Южной Африке находятся в лучшем материальном положении, чем жители других стран Африки. Я не знаю, насколько соответствует истине это утверждение, и сомневаюсь, можно ли делать такое сопоставление, не беря в расчет индекс стоимости жизни в этих странах.

Но даже если оно и верное, то оно все равно неуместно относительно африканского народа. Мы жалуемся не на то, что мы нищие по сравнению с народами других стран, а на то, что мы нищие по сравнению с белыми в нашей собственной стране и что законодательство препятствует изменению этого несоответствия.

Игнорирование человеческого достоинства африканцев — это непосредственный результат господства белых. Превосходство белых допускает неполноценность черных. Законодательство, призванное сохранить превосходство

белых, закрепляет это положение. Работа прислуги в Южной Африке является делом исключительно африканцев.

Когда нужно что-нибудь перенести или вычистить, белый человек ищет африканца, который бы за него это сделал, причем независимо от того, служит ли у него этот африканец или нет. В результате белые рассматривают африканца как существо иной породы.

Они не видят в них людей, имеющих собственную семью; они не считают, что у них есть чувства, что они могут любить так же, как и белые, что они хотят быть вместе со своими женами и детьми так же, как белые; что они хотят зарабатывать достаточно денег, чтобы должным образом содержать свои семьи, кормить, одевать их и посылать детей в школу.

Но может домашний слуга, садовник или сельскохозяйственный рабочий хотя бы мечтать об этом?

Законы о пропусках, которые являются одними из самых ненавистных для африканцев актов нашего законодательства, обрекают африканца на полицейский надзор, который может быть осуществлен когда угодно и где угодно.

Думаю, что вряд ли найдется хотя бы один мужчина-африканец, у которого не возникало неприятностей с полицией по этому поводу. Сотни и тысячи африканцев ежегодно оказываются в тюрьмах из-за закона о пропусках. Но еще хуже то, что законы о пропусках разлучают мужей и жен, что приводит к повсеместному развалу семей.

Нищета и разрушенные семьи имеют свои последствия. Дети болтаются на улицах гетто, так как для них либо нет школы, либо нет денег, чтобы отправить их в школу, либо некому проследить за тем, чтобы дети ходили в школу, так как и мать и отец (если их двое) должны работать, чтобы не дать семье умереть с голоду.

Это ведет к падению морального уровня, к угрожающему росту преступности и к росту насилия не только в области политики, но и в других областях. Жизнь в гетто связана с опасностью. Не проходит и дня без убийства или нападения на кого-нибудь. Акты насилия сейчас случаются не только в гетто, но и распространяются на районы, где живут белые.

После наступления темноты люди боятся ходить в одиночку по улицам. Растет число краж со взломом и грабежей, и это несмотря на то, что сейчас подобные преступления могут караться смертным приговором. Смертной казнью не залечишь эту гнойную рану...

Африканцы хотят, чтобы им платили заработную плату, которая обеспечивает прожиточный минимум. Африканцы хотят делать ту работу, которую они способны делать, а не ту, которую правительство считает соответствующей их способностям.

Африканцы хотят жить там, где они могут получить работу, а не быть высланными из того или иного района только на том основании, что они там не роди-

лись. Африканцы хотят иметь собственную землю там, где они работают, а не быть вынужденными снимать жилье, которое они никоим образом не могут назвать собственным.

Африканцы хотят представлять равноправную часть всего населения, а не быть обреченными на жизнь в собственных гетто. Африканцы-мужчины хотят жить вместе со своими женами и детьми там, где они работают, а не жить, как их заставляют и что противоестественно, в мужских общежитиях.

Африканские женщины хотят жить вместе со своими мужьями, а не быть обреченными на постоянное вдовство в резерватах. Африканцы хотят иметь право выходить на улицу после одиннадцати часов вечера, а не быть вынужденными оставаться в своих домах.

Африканцы хотят, чтобы им разрешили передвигаться по своей собственной стране и искать работу там, где они хотят, а не там, где им прикажет Бюро труда. Африканцы требуют надежного существования и должного положения в обществе.

Более всего мы хотим равных политических прав, так как без них наша неспособность останется перманентной. Я понимаю, что для белых это звучит слишком революционно, так как большинство избирателей в этом случае составят африканцы. Именно поэтому белый человек боится демократии.

Но нельзя позволить, чтобы этот страх преградил путь единственному решению, позволяющему гарантировать расовую гармонию и свободу для всех.

Неверно, что предоставление всем избирательного права приведет к расовому господству. Политическое деление, основанное на цвете кожи, имеет абсолютно искусственный характер, и если оно исчезнет, то исчезнет господство одной расовой группы над другой.

Африканский национальный конгресс полвека борется против расизма. Когда он добьется победы, он останется верным этой политике.

Вот за что борется Африканский национальный конгресс. Его борьба действительно имеет национальный характер. К этой борьбе африканский народ ждут его страдания и его опыт, это борьба за право жить.

Всю свою жизнь я посвятил борьбе за африканский народ. Я боролся против господства белых и боролся против господства черных. Мой идеал — демократическое, свободное общество, где все люди будут жить в согласии и будут пользоваться равными возможностями.

Я надеюсь дожить до того момента, когда мой идеал станет реальностью. Но если понадобится, я готов отдать за него свою жизнь...

Нельсон Ролилахла Мандела (1918–2013) — 8-й Президент ЮАР (первый темнокожий президент) с 10 мая 1994 года по 14 июня 1999 года, один из самых известных активистов в борьбе за права человека в период суще-

ствования апартеида, за что 27 лет сидел в тюрьме. С 1944 года становится членом Африканского национального конгресса (АНК).

Речь на Ривонийском процессе 20 апреля 1964 года посвящена изложению принципов АНК.

Нельсон Мандела

«Наконец-то мы свободны!»

Мои сограждане — люди Южной Африки! Это воистину праздничный вечер. Хотя у нас еще нет окончательных результатов выборов, мы располагаем предварительными, и то, что Африканский национальный конгресс получил поддержку большинства избирателей, без сомнения, очень радует нас.

Я благодарю и отношусь с большим почтением к тем членам АНК и демократического движения, кто день и ночь трудился, как в последние несколько дней, так и многие десятилетия.

Народ Южной Африки и люди всего мира, смотрящие на нас сейчас, — это радостный вечер для человеческого духа. Это не только наша, но и ваша победа. Вы помогли победить апартеид, вы были с нами на протяжении переходного периода.

Я, как и все вы, был свидетелем того, как тысячи людей по много часов терпеливо ждали в длинных очередях. Кто-то спал прямо на земле всю ночь, чтобы иметь возможность высказать свою волю.

Герои Южной Африки стали легендой для многих поколений. Но именно вы, народ страны, и являетесь нашими подлинными героями.

Сегодняшний день знаменует собой один из самых важных моментов в жизни нашей страны. Я стою здесь, перед вами, и я преисполнен гордостью и радостью: гордостью за простых, скромных людей этой страны...

И радостью, о которой мы можем возвестить с самой высокой крыши — наконец-то мы свободны!

Я стою здесь перед вами, восхищаясь вашим мужеством, сердце мое переполнено любовью ко всем вам. Я считаю высочайшей честью быть руководителем Африканского национального конгресса именно в этот момент нашей истории, и благодарен за то, что именно мы были избраны, чтобы вести страну в новый век.

Клянусь отдать все свои силы и способности, чтобы оправдать ваши ожидания, возлагаемые как на меня лично, так и на АНК.

Я хочу поблагодарить и отдать должное величайшим лидерам Южной Африки: Джону Дьюбу, Джосае Гумеде, Джи-Эм Нейкеру, доктору Абдурахману, вождю Лутули, Лили Нгойи, Хелен Джозеф, Юсуфу Дади, Мозесу Котане, Крису Хани и Оли-

веру Тамбо. Они должны были бы отмечать эту победу сегодня с нами, ибо это и их победа.

Завтра я, как и все руководство АНК, вернусь на свое рабочее место. Мы засучим рукава, чтобы решить проблемы, стоящие перед нашей страной. Просим всех вас присоединиться к нам и утром вернуться на свои рабочие места.

Пришло время Южной Африке взяться за работу, поскольку мы должны вместе и немедленно начать строить лучшую жизнь для всех жителей нашей страны. Это означает предоставление рабочих мест, строительство домов, обеспечение достойного образования и мира и спокойствия для всех.

Атмосфера спокойствия и терпимости, царившая во время выборов, иллюстрация того, какую Южную Африку мы хотим построить.

Это позволяет нам уверенно смотреть в будущее. У нас, возможно, есть различия, но мы — единый народ с общей судьбой и богатым разнообразием культур, рас и традиций.

Люди проголосовали, они сделали свой выбор, и мы уважаем его. Ведь это и есть демократия.

Я хочу протянуть руку дружбы лидерам всех партий и их членам и прошу всех их быть вместе с нами в деле решения проблем, стоящих перед нашей нацией. Правительство АНК будет служить всем людям Южной Африки, а не только членам Конгресса.

Мы также благодарны силам правопорядка за их безупречную работу. Это должно стать надежным фундаментом для действительно профессиональных сил безопасности, которые при любых обстоятельствах будут преданы служению народу и новой конституции.

Теперь же настало время праздника. Я хочу, чтобы все южноафриканцы собрались вместе, чтобы отметить рождение демократии. Я поднимаю бокал за всех вас, тех, кто так много сделал для этого.

И пусть наши торжества будут соответствовать настроению, заданному во время выборов, — пусть они пройдут в атмосфере мира, уважения друг к другу и правопорядку. Это должно наглядно продемонстрировать, что мы — народ, готовый взять на себя ответственность за управление своей страной.

Клянусь, что сделаю все, что в моих силах, чтобы оправдать доверие, оказанное вами мне и Африканскому национальному конгрессу. Давайте строить наше будущее вместе — и провозгласим тост за лучшую жизнь для всех жителей Южной Африки.

Речь, произнесенная Нельсоном Манделой 2 мая 1994 года, сразу же после прошедших в ЮАР первых свободных выборов, очень характерна для него. Эта была речь победителя, стремящегося к миру и согласию в стране, к объединению всех, независимо от цвета кожи, во имя демократии и процветания.

Джон Кеннеди

«Не спрашивайте, что ваша страна может сделать для вас; спросите, что вы можете сделать для своей страны»

Вице-президент Джонсон, господин спикер, господин глава Верховного суда, президент Эйзенхауэр, президент Трумэн, преподобные отцы, сограждане!

Сегодня мы являемся свидетелями не победы партии, а торжества свободы, символизирующей конец — и одновременно начало — знаменательного обновления и перемен. Потому что ныне я принес перед вами и Всемогущим Богом ту самую торжественную присягу, которую завещали нам отцы-основатели сто семьдесят пять лет назад.

Сейчас мир стал совсем другим. Человек держит в своих слабых руках силу, способную уничтожить все виды человеческой нищеты, но и все виды человеческой жизни.

Однако на всем земном шаре, как и раньше, актуальна революционная по своей сути вера, за которую сражались наши предки, — вера в то, что права даруются человеку не щедротами государства, а рукой Господа.

Сегодня нам не следует забывать, что мы — наследники той самой первой революции.

Пусть с этого места, в это мгновение до друга и до врага долетит весть о том, что факел передан новому поколению американцев, рожденных в этом столетии, закаленных войной, дисциплинированных трудностями жизни, людям, гордящимся своим древним наследием и не желающим видеть или допустить постепенного уничтожения прав человека, которым всегда был предан наш народ и которым мы преданы и поныне — как на родине, так и во всем мире.

Пусть каждая страна — желает ли она нам добра или зла — знает, что мы заплатим любую цену, вынесем любую тяжесть, пройдем через любые испытания, поддержим любого друга, остановим любого врага, утверждая жизнь и достижения свободы.

Мы торжественно обещаем это, и не только это.

Старым союзникам, с которыми у нас общие культурные и духовные начала, мы обещаем верность настоящим друзьям. Объединившись, мы осуществим любое из множества общих дел. Разъединенные, мы не сможем сделать ничего,

поскольку не решимся принять могучий вызов, оставаясь в одиночестве и без согласия друг с другом.

Тем новым государствам, которые мы с радостью приветствуем в рядах свободных, мы даем слово, что колониальная форма правления уйдет в прошлое не для того, чтобы смениться гораздо более жестокой тиранией.

Мы не надеемся, что эти государства всегда будут поддерживать нашу точку зрения. Но мы всегда будем надеяться на то, что они твердо поддерживают собственную свободу и помнят, как в прошлом глупцы, стремящиеся показать силу, сев верхом на тигра, в конце концов оказывались у него в желудке.

Тем народам, которые по всей Земле, в домах и селах, борются, разрывая пути всеобщей нищеты, мы обещаем всеми силами помощь в том, чтобы они могли сами обеспечивать себя, сколько бы времени на это не понадобилось, и будем делать это не потому, что вместо нас это могут сделать коммунисты, и не потому, что мы ищем их расположения, а ради справедливости.

Если свободное общество не способно помочь множеству бедняков, оно не уберет и немногочисленных зажиточных граждан.

Братским республикам к югу от наших границ мы даем особое обещание — воплотить добрые слова в добрые дела, объединиться в новый союз во имя прогресса, чтобы помочь свободным людям и свободной власти сбросить путы бедности.

Но эта мирная обнадеживающая революция не должна стать добычей неприятельских сил. Пусть все наши соседи знают, что мы придем им на помощь для отпора агрессии и пресечения подрывной деятельности в любом месте обеих Америк. И пусть каждое государство знает, что наше полушарие намерено оставаться хозяином в собственном доме.

Всемирной ассамблее суверенных государств, Организации Объединенных Наций, последней надежде на лучшее в нашем веке, когда орудия войны значительно совершеннее орудий мира, мы снова обещаем поддержку, чтобы эта организация не превратилась в форум для взаимных обвинений и распрей, чтобы она укрепила свой щит, ограждая молодые и слабые государства, чтобы она расширила сферу действия своих предписаний.

И наконец, к тем странам, которые пожелают стать нашим противником, мы обращаемся не с обещанием, а с предложением: обеим сторонам следует заново начать поиски мира, прежде чем темные разрушительные силы, высвобожденные наукой, поглотят человечество в намеренном или случайном самоуничтожении.

Мы не рискуем провоцировать их слабостью. Ведь только имея в своем распоряжении, без сомнений, достаточное вооружение, мы сможем быть полностью уверены, что оно никогда не будет использовано.

Но две большие и могущественные группы стран не смогут также удовлетвориться и нынешним курсом, когда обе стороны чрезмерно отягощены расхо-

дами на современное вооружение, обе справедливо обеспокоены неуклонным распространением смертоносного атома, но при этом обе стремятся нарушить это страшное неустойчивое равновесие, которое сдерживает наступление того момента, когда начнется последняя война в истории человечества.

Так давайте начнем заново — слабости, а искренность всегда подлежит проверке. Не стоит договариваться из страха. Но не будем бояться и переговоров.

Пусть обе стороны выяснят, какие проблемы нас объединяют, вместо того чтобы распространяться о тех, которые нас разъединяют.

Пусть обе стороны сначала сформулируют серьезные и конкретные предложения по инспектированию и контролю над вооружениями, чтобы эту силу, которая направлена на уничтожение других стран, поставить под полный контроль всех стран.

Пусть обе стороны стремятся творить не ужасы науки, а ее чудеса. Давайте же будем вместе исследовать звезды, покорять пустыни, искоренять болезни, измерять океанские глубины, поощрять искусство и торговлю.

Пусть обе стороны объединятся, чтобы донести до всех уголков Земли заповедь Исаяи — «развяжи узлы ярма, и поработанных отпусти на свободу».

И если передовой отряд взаимодействия сумеет пробиться сквозь дебри подозрительности, пусть обе стороны объединятся и попытаются создать не новый баланс сил, а новый мир, где царит закон, где сильные — справедливы, а слабые — защищены, где сохраняется мир.

Всего этого не завершить за первые сто дней. Не завершить этого ни за первую тысячу дней, ни за срок этой администрации, а может быть — и за всю нашу жизнь на этой планете. Но давайте начнем.

Окончательный успех или провал нашего курса будет не столько в моих руках, сколько в ваших, мои сограждане.

С момента основания нашей страны каждому поколению американцев приходилось свидетельствовать о своей верности государству. Могилы тех молодых американцев, которые откликнулись на призыв служить, раскинулись по всему земному шару.

Ныне труба снова зовет нас. Но она зовет не к оружию, хотя оружие нам необходимо, не зовет к бою, хотя мы к нему готовы, а призывает год за годом, «радуясь надежде и претерпевая невзгоды», нести бремя долгой серьезной борьбы — борьбы против общих врагов человека: тирании, бедности, болезней и войны.

Сможем ли мы сплотиться и противопоставить этим врагам великий всемирный союз Севера и Юга, Востока и Запада, способный обеспечить всему человечеству лучшую жизнь? Присоединитесь ли вы к этой исторической попытке?

В долгой мировой истории только немногим поколениям в минуту наибольшей опасности выпадала роль защитников свободы. Я не уклоняюсь от такой ответственности — я ее приветствую.

Я не верю, что кто-нибудь из нас согласился бы поменяться местами с каким-нибудь другим народом, с каким-нибудь другим поколением. Энергия, вера, преданность, с которыми мы беремся за эту попытку, озаряют нашу страну, всех, кто служит ей, — отблеск этого пламени воистину может озарить весь мир.

Поэтому, дорогие американцы, не спрашивайте, что Америка сделает для вас, — спрашивайте, что вы можете сделать для своей страны.

Дорогие сограждане мира, не спрашивайте, что страна может сделать для вас, — спрашивайте, что все мы можем вместе сделать для свободы человека.

В конце концов, кем бы вы ни были — гражданами Америки или гражданами мира, — требуйте от нас таких же высоких образцов силы и жертвенности, каких мы ждем от вас.

С чистой совестью, нашей единственной безоговорочной наградой после окончательного суда истории над нашими поступками, мы будем идти вперед, направляя нашу любимую страну, прося Его благословения и Его помощи, но зная, что тут, на Земле, дело Божье воистину должно быть нашим делом.

Джон Фицджеральд Кеннеди (1917–1963) — американский политический деятель, 35-й президент США (1961–1963).

Для анализа предложена инаугурационная речь Кеннеди, произнесенная 20 января 1961 года.

Джон Кеннеди

«Ich bin ein Berliner»

Я горжусь возможностью прибыть в этот город в качестве гостя вашего главоуважаемого мэра, который символизирует во всем мире борющийся дух Западного Берлина.

Я горжусь возможностью посетить Федеративную Республику и вашего главоуважаемого канцлера, который посвятил столько лет Германии мира, демократии и прогресса.

Я рад прибыть сюда в сопровождении моего соотечественника, генерала Клея, который находился в этом городе в острые моменты кризиса и будет здесь опять, если когда-нибудь возникнет в этом необходимость.

Две тысячи лет назад высшей гордостью было «civis Romanus sum» («Я гражданин Рима» (лат)). Сегодня, в мире свободы высшей гордостью является «Ich bin ein Berliner» («Я берлинец» (нем.)).

Я благодарю переводчика за перевод моего немецкого!

В мире есть много людей, которые или действительно не понимают, или говорят, что не понимают существенную разницу между миром свободы и миром коммунизма. Пусть они приедут в Берлин.

Есть такие, которые говорят, что коммунизм — это волна из будущего. Пусть они приедут в Берлин.

Есть такие, которые говорят, что мы можем работать с коммунистами в Европе и везде. Пусть они приедут в Берлин.

Находятся даже такие, их мало, кто говорит, что коммунизм — это зло, но он дает нам возможность экономического прогресса. *Lasst sie nach Berlin kommen. (Пусть они приедут в Берлин (нем.))*

У свободы есть много трудностей и демократия несовершенна, но мы никогда не стали бы возводить стену, чтобы удерживать наших людей и не давать им возможности уйти от нас. Я хочу сказать от имени моих соотечественников, которые живут очень далеко, за много километров от вас, на другой стороне Атлантического океана, что мы испытываем величайшую гордость в том, что мы можем разделять с вами, даже на расстоянии, историю последних 18 лет. Я не знаю ни одного посёлка или города, который был бы заблокирован на протяжении 18 лет и всё ещё жил бы с такой жизненной силой, надеждой и настойчивостью, как живет город Западный Берлин. При том, что эта стена является наиболее очевидной и зримой демонстрацией неудач коммунистической системы, весь мир видит, что мы не рады тому, что это происходит. Как сказал ваш мэр, это не только преступление против истории, но и преступление против человечности: разделение семей, мужей и жен, братьев и сестер, разделение людей, которые хотели бы быть вместе.

Что верно для этого города, то верно и для Германии — действительный, вечный мир в Европе не может быть никогда гарантирован, пока одной из четырёх частей Германии отказано в элементарном праве свободного человека. И это право — право свободного выбора. Живя 18 лет в мире и честности, это поколение немцев заработало право быть свободными, включая право объединять свои семьи и нацию в вечном мире и с доброй волей ко всем людям. Вы живёте на защищённом островке свободы, но ваша жизнь есть часть общей жизни. Поэтому, поскольку я заканчиваю, позвольте мне попросить вас поднять ваши глаза за пределы опасностей сегодняшнего дня к надеждам дня завтрашнего, за пределы свободы только города Берлина или вашей страны Германии к свободе везде, за пределы этой стены ко дню, когда настанет справедливый мир, за пределы ваши и наши — ко всему человечеству.

Свобода неделима, и когда один человек в рабстве — все несвободны. Когда все будут свободны, мы сможем увидеть тот день, когда этот город объединится.

И этот город, и эта страна, и великий континент Европа объединятся на мирной и полной надежд Земле. Когда этот день придёт — а это так и будет — народ Западного Берлина будет иметь основания для гордости: вы были на переднем крае почти 2 десятилетия.

Все свободные люди, где бы они ни жили — сейчас граждане Берлина, и поэтому, как свободный человек, я горжусь словами «Ich bin ein Berliner».

Американский президент Джон Кеннеди в своей исторической речи 26 июня 1963 г. перед Шёнебергской ратушей в тогдашнем Западном Берлине выразил солидарность и поддержку западным берлинцам после возведения коммунистическим режимом ГДР Берлинской стены.

Мартин Лютер Кинг

«У меня есть мечта»

Пять десятков лет назад великий американец, под чьей символической сенью мы сегодня собрались, написал Прокламацию об освобождении негров. Этот важный указ стал величественным маяком света надежды для миллионов черных рабов, опаленных пламенем испепеляющей несправедливости. Он стал радостным рассветом, завершившим долгую ночь пленения.

Но по прошествии ста лет мы вынуждены признать трагический факт, что негр все еще не свободен. Спустя сто лет жизнь негра, к сожалению, по-прежнему калечится кандалами сегрегации и оковами дискриминации. Спустя сто лет негр живет на пустынном острове бедности посреди огромного океана материального процветания. Спустя сто лет негр по-прежнему томится на задворках американского общества и оказывается в ссылке на своей собственной земле. Вот мы и пришли сегодня сюда, чтобы подчеркнуть драматизм плачевной ситуации.

В каком-то смысле мы прибыли в столицу нашего государства, чтобы получить наличные по чеку. Когда архитекторы нашей республики писали прекрасные слова Конституции и Декларации независимости, они подписывали тем самым вексель, который предстояло унаследовать каждому американцу. Согласно этому векселю, всем людям гарантировались неотъемлемые права на жизнь, свободу и стремление к счастью.

Сегодня стало очевидным, что Америка оказалась не в состоянии выплатить по этому векселю то, что положено ее цветным гражданам. Вместо того, чтобы выплатить этот святой долг, Америка выдала негритянскому народу фальшивый чек, который вернулся с пометкой «нехватка средств». Но мы отказываемся верить, что банк справедливости обанкротился. Мы отказываемся верить, что в огромных хранилищах возможностей нашего государства недостает средств. И мы пришли, чтобы получить по этому чеку — чеку, по которому нам будут выданы сокровища свободы и гарантии справедливости. Мы прибыли сюда, в это священное место, также для того, чтобы напомнить Америке о настоятельном требовании сегодняшнего дня. Сейчас не время удовлетворяться умиротворяющими мерами или принимать успокоительное лекарство постепенных решений. Настало время выйти из темной долины сегрегации и вступить на залитый солнцем путь расовой справедливости. Настало время открыть двери возможностей всем Божьим детям. Настало время вывести нашу нацию из зыбучих песков расовой несправедливости к твердой скале братства.

Для нашего государства было бы смертельно опасным проигнорировать особую важность данного момента и недооценить решимость негров. Знойное лето законного недовольства негров не закончится, пока не настанет бодрящая осень свободы и равенства. 1963 год — это не конец, а начало. Тем, кто надеется, что негру нужно было выпустить пар и что теперь он успокоится, предстоит суровое пробуждение, если наша нация возвратится к привычной повседневности. До тех пор пока негру не будут предоставлены его гражданские права, Америке не видать ни безмятежности, ни покоя. Революционные бури будут продолжать сотрясать основы нашего государства до той поры, пока не настанет светлый день справедливости.

Но есть еще кое-что, что я должен сказать моему народу, стоящему на благодатном пороге у входа во дворец справедливости. В процессе завоевания при надлежащего нам по праву места мы не должны давать оснований для обвинений в неблагоприятных поступках. Давайте не будем стремиться утолить нашу жажду свободы, вкушая из чаши горечи и ненависти.

Мы должны всегда вести нашу борьбу с благородных позиций достоинства и дисциплины. Мы не должны позволить, чтобы наш созидательный протест выродился в физическое насилие. Мы должны стремиться достичь величественных высот, отвечая на физическую силу силой духа. Замечательная воинственность, которая овладела негритянским обществом, не должна привести нас к недоверию со стороны всех белых людей, поскольку многие из наших белых братьев осознали, о чем свидетельствует их присутствие здесь сегодня, что их судьба тесно связана с нашей судь-

бой и их свобода неизбежно связана с нашей свободой. Мы не можем идти в одиночестве.

И начав движение, мы должны поклясться, что будем идти вперед. Мы не можем повернуть назад. Есть такие, которые спрашивают тех, кто предан делу защиты гражданских прав: «Когда вы успокоитесь?» Мы никогда не успокоимся, пока наши тела, отяжелевшие от усталости, вызванной долгими путешествиями, не смогут получить ночлег в придорожных мотелях и городских гостиницах. Мы не успокоимся, пока основным видом передвижений негра остается переезд из маленького гетто в большое. Мы не успокоимся, пока негр в Миссисипи не может голосовать, а негр в Нью-Йорке считает, что ему не за что голосовать. Нет, нет у нас оснований для успокоения, и мы никогда не успокоимся, пока справедливость не начнет струиться, подобно водам, а праведность не уподобится мощному потоку.

Я не забываю, что многие из вас прибыли сюда, пройдя через великие испытания и страдания. Некоторые из вас прибыли сюда прямо из тесных тюремных камер. Некоторые из вас прибыли из районов, в которых за ваше стремление к свободе на вас обрушились бури преследований и штормы полицейской жестокости. Вы стали ветеранами созидательного страдания. Продолжайте работать, веруя в то, что незаслуженное страдание искупается.

Возвращайтесь в Миссисипи, возвращайтесь в Алабаму, возвращайтесь в Луизиану, возвращайтесь в трущобы и гетто наших северных городов, зная, что так или иначе эта ситуация может измениться и изменится. Давайте не будем страдать в долине отчаяния.

Я говорю вам сегодня, друзья мои, что, несмотря на трудности и разочарования, у меня есть мечта.

Это мечта, глубоко укоренившаяся в американской мечте.

У меня есть мечта, что настанет день, когда наша нация воспрянет и доживет до истинного смысла своего девиза: «Мы считаем самоочевидным, что все люди созданы равными».

У меня есть мечта, что на красных холмах Джорджии настанет день, когда сыновья бывших рабов и сыновья бывших рабовладельцев смогут усесться вместе за столом братства.

У меня есть мечта, что настанет день, когда даже штат Миссисипи, пустынный штат, изнемогающий от накала несправедливости и угнетения, будет превращен в оазис свободы и справедливости.

У меня есть мечта, что настанет день, когда четверо моих детей будут жить в стране, где о них будут судить не по цвету их кожи, а по тому, что они собой представляют. У меня есть мечта сегодня.

У меня есть мечта, что настанет день, когда в штате Алабама, губернатор которого ныне заявляет о вмешательстве во внутренние дела штата и непризнании действия принятых конгрессом законов, будет создана ситуация, в которой маленькие черные мальчики и девочки смогут взяться за руки с маленькими белыми мальчиками и девочками и идти вместе, подобно братьям и сестрам. У меня есть мечта сегодня.

У меня есть мечта, что настанет день, когда все низины поднимутся, все холмы и горы опустятся, неровные местности будут превращены в равнины, искривленные места станут прямыми, величие Господа предстанет перед нами и все смертные вместе удостоверятся в этом.

Такова наша надежда. Это вера, с которой я возвращаюсь на Юг.

С этой верой мы сможем вырубить камень надежды из горы отчаяния. С этой верой мы сможем превратить нестройные голоса нашего народа в прекрасную симфонию братства. С этой верой мы сможем вместе трудиться, вместе молиться, вместе бороться, вместе идти в тюрьмы, вместе защищать свободу, зная, что однажды мы будем свободными.

Это будет день, когда все Божьи дети смогут петь, вкладывая в эти слова новый смысл: «Страна моя, это я тебя, сладкая земля свободы, это я тебя воспеваю. Земля, где умерли мои отцы, земля гордости пилигримов, пусть свобода звенит со всех горных склонов».

И если Америке предстоит стать великой страной, это должно произойти.

Пусть свобода звенит с вершин изумительных холмов Нью-Хэмпшира!

Пусть свобода звенит с могучих гор Нью-Йорка!

Пусть свобода звенит с высоких Аллегенских гор Пенсильвании!

Пусть свобода звенит с заснеженных Скалистых гор Колорадо!

Пусть свобода звенит с изогнутых горных вершин Калифорнии!

Пусть свобода звенит с горы Лукаут в Теннесси!

Пусть свобода звенит с каждого холма и каждого бугорка Миссисипи!

С каждого горного склона пусть звенит свобода!

Когда мы позволим свободе звенеть, когда мы позволим ей звенеть из каждого села и каждой деревушки, из каждого штата и каждого города, мы сможем ускорить наступление того дня, когда все Божьи дети, черные и белые, евреи и язычники, протестанты и католики, смогут взяться за руки и запеть слова старого негритянского духовного гимна: «Свободны наконец! Свободны наконец! Спасибо всемогущему Господу, мы свободны наконец!»

Мартин Лютер Кинг (1929–1968) — самый известный афроамериканский баптистский проповедник, яркий оратор, лидер Движения за гражданские права чернокожих в США. Мартин Лютер Кинг стал первым активным

деятелем чёрного движения и первым ярким борцом за гражданские права чернокожих в США, борясь с дискриминацией, расизмом и сегрегацией.

Речь «У меня есть мечта» была произнесена Кингом 28 августа 1963 года со ступеней Мемориала Линкольна во время Марша на Вашингтон за рабочие места и свободу. Это был важнейший момент Американского движения за гражданские права 1955–1968 гг.

Мартин Лютер Кинг

«Я видел землю обетованную»

Знаете, несколько лет тому назад я ездил в Нью-Йорк, где подписывал экземпляры моей книги, которая только-только вышла из печати. И вот когда я сидел и раздавал автографы, ко мне подошла чернокожая женщина, и я понял, что она явно не в себе. Единственное, что я от нее услышал, было: «Вы Мартин Лютер Кинг?»

Не поднимая глаз и продолжая писать, я утвердительно кивнул. И следующую секунду почувствовал удар в грудь — эта сумасшедшая всадила в меня нож. Меня быстро отвезли в госпиталь в Гарлеме.

Был пасмурный субботний день. Лезвие вошло глубоко, и на рентгеновском снимке было видно, что оно едва-едва не достало до аорты — главной артерии. Если ее проколоть, то можно утонуть в крови — спасения не будет.

На следующее утро «Нью-Йорк тайме» написала, что если бы я чихнул, то умер бы в тот же миг. Через четыре дня после того, как мне разрешили грудь и вытащили лезвие, мне разрешили передвигаться по госпиталю в кресле-каталке.

Мне разрешили читать часть писем, которые я получал со всех штатов и со всего мира, хороших писем. Я прочитал много, но больше всего мне запомнилось одно письмо. Были телеграммы от президента и вице-президента.

Я уже забыл, что в них говорилось. Было письмо от мэра Нью-Йорка, который приезжал ко мне, но я уже и не помнил, что он написал в письме. И было письмо от одной девочки, ученицы школы Уайт-Плейн. Я никогда его не забуду.

В этом письме были простые слова: «Уважаемый доктор Кинг! Я учусь в девятом классе. Хотя это не имеет значения, у меня белая кожа. Я узнала из газет о том, что случилось с Вами, узнала о Ваших страданиях.

Там было написано, что если бы Вы чихнули, то Вы бы умерли. А я хочу Вам сказать, что очень счастлива, что Вы не чихнули».

Сегодня я хочу сказать, что тоже счастлив, что не чихнул тогда. Ведь если бы я чихнул, то не дожил бы до 1960 года, когда студенты Юга начали бастовать на

стойках буфетных. И я знаю, что, когда они сидели там, они на самом деле стояли — они встали на защиту величайшей американской мечты.

И возвращали страну к благам демократии, которые были заложены отцами-основателями в Декларации независимости и Конституции. Если бы я чихнул, то не дожил бы до 1962 года, когда чернокожие в Олбани, штат Джорджия, решили разогнуть спины.

А когда мужчины и женщины разгибают спины, это очень важно, — ведь если ты разогнул спину, то на тебе уже невозможно ездить. Если бы я чихнул, я не дожил бы до 1963-го, когда результатом действий чернокожих Бирмингема, штат Алабама, стало принятие закона о гражданских правах.

Если бы я чихнул, у меня не было бы ни единого шанса позже, в августе того же года, рассказать Америке о своей мечте. Если бы я чихнул, я бы не попал в город Сельма, штат Алабама, и не был бы свидетелем мощного движения там.

Если бы я чихнул, то не приехал бы в Мемфис и не увидел, как люди объединяются, чтобы поддержать своих страждущих братьев и сестер. Я так счастлив, что не чихнул.

А что они мне говорили, сейчас уже не важно. То, что происходит сейчас, не имеет никакого значения. Я выехал из Алабамы сегодня утром, и как только самолет взлетел, командир сделал объявление: «Мы просим прощения за опоздание, но с нами летит доктор Мартин Лютер Кинг».

И мы должны были все проверить, все ли в порядке с багажом и не случится ли какой-нибудь аварии. И всю ночь возле самолета была охрана».

А потом я приехал в Мемфис. И кто-то начал угрожать или пересказывать чьи-то угрозы. Но что может мне сделать кучка наших сумасшедших белых братьев?

Что ж, я не знаю, что сейчас произойдет. У нас впереди трудные дни. Но меня это не тревожит. Ведь я достиг вершины горы. Поэтому меня не волнуют угрозы. Как и все мы, я хотел бы жить долго.

У долгой жизни есть свои преимущества. Но сейчас меня это не волнует. Я просто хочу исполнить волю Господа. И Он разрешил мне достичь вершины горы. И я посмотрел вокруг. И увидел землю обетованную. Возможно, мне не суждено дойти до нее вместе с вами.

Но хочу, чтобы вы знали сегодня, что наш народ достигнет этой земли. И я счастлив сегодня. Меня ничего не тревожит. Я никого не боюсь. Мои глаза уже видели величие Господа.

Речь Мартина Лютера Кинга в Мемфисе была произнесена 3 апреля 1968 года. Это была проповедь в церкви. Последняя проповедь. На следующий день Мартин Лютер Кинг был убит на балконе 2 этажа мемфисской гостиницы.

Голда Меир

«Остановите кровопролитие!»

В последние месяцы и особенно в последние недели обстановка в регионе заметно ухудшилась, в частности, на нашем южном фронте, а негативные последствия этого сказываются и на других фронтах.

Главным фактором роста напряженности является значительная и циничная поддержка Египта Советским Союзом, которая оказывается египетским агрессорам, несмотря на заключенный ранее договор о прекращении огня.

Это советское вмешательство, не имеющее прецедентов в истории вмешательства СССР в дела на Ближнем Востоке, является стимулом для Египта в дальнейшей эскалации планов по возобновлению войны на истощение и намерении в конце концов победить Израиль.

...ЦАХАЛ уже наказал Египет за эту тщеславную агрессивность. Я не хочу говорить здесь о фактах, свидетельствующих об отваге и находчивости нашей армии, об умении возводить надежные укрепления, о наших храбрых ВВС, о мощи танковых и других войск.

ЦАХАЛ отразил попытки нападений, не позволил врагу выиграть время и, чтобы облегчить положение наших укреплений, нанес удары по узловым военным объектам врага на линии фронта и дальше, что нарушило его планы подготовки к большой войне.

К сожалению, мы понесли потери, но наша активная оборона расстроила планы Египта изнурить нас и сокрушить наш южный фронт.

Потерпев поражение, египетское правительство оказалось перед выбором: либо согласиться с неустанными призывами нашей страны вернуться к обоюдному соблюдению договора о прекращении огня, что подчеркивает наше стремление к миру, либо еще более опереться на Советский Союз, вплоть до его прямого участия в военных операциях, чтобы продолжать войну на истощение, несмотря на негативные для него последствия подобного участия. Египетское правительство выбрало второй путь.

...Мы проинформировали правительства о ситуации и последствиях, связанных с новой фазой советского вмешательства.

Мы объяснили, что создалось положение, которое должно тревожить не только Израиль, но и все государства свободного мира. Мы все должны помнить урок Чехословакии.

Если свободный мир, и прежде всего Соединенные Штаты, его лидер, останутся равнодушны и не предпримут попыток удержать Советский Союз от вмешательства в конфликт, к которому он не имеет никакого отношения, тогда опасности такого вмешательства подвергнется не только Израиль; ни одно малое или среднее государство не сможет жить в безопасности в своих границах.

...Спустя три года после Шестидневной войны мы можем однозначно говорить о том, что наша политика, и это признано всем свободным миром, зиждется на двух фундаментальных принципах: праве Израиля оставаться в границах прекращения огня, не отступая ни на шаг до тех пор, пока не будет заключен мирный договор, устанавливающий безопасные и общепризнанные границы государства, и его право защищать себя и получать всю необходимую помощь для обороны и безопасности.

...Стремление к миру является не только основой нашей политики, оно является основой всей нашей жизни и деятельности по восстановлению государственности на своей земле.

Вернувшись в свою страну, чтобы создавать новые поселения и созидать новую жизнь, мы основывались на следующем фундаментальном принципе: мы пришли сюда не для того, чтобы изгонять арабов, живущих здесь, а для того, чтобы жить и работать вместе с ними в мире ради всеобщего блага и процветания.

...Мы неустанно изо дня в день повторяем о нашей готовности добиваться мира: у нас по-прежнему есть надежда найти путь к сердцам наших соседей, хотя они продолжают отклонять наши призывы и делают это с нескрываемой враждебностью.

Сегодня, когда грохочут пушки, я снова обращаюсь с этой трибуны к нашим соседям: остановите бойню, прекратите огонь и кровопролитие, несущие горе и страдания всем народам региона!

Перестаньте нарушать договор о прекращении огня, остановите бомбардировки и налеты, прекратите террор и диверсии!

Ради достижения мира я в любое время готова отправиться в любое место, встретиться с любым руководителем любого арабского государства, чтобы начать переговоры в духе взаимного уважения и равенства, без каких-либо предварительных условий и с ясным пониманием того, что решение спорных вопросов можно найти, что на Ближнем Востоке достаточно места, чтобы удовлетворить потребности и надежды как всех арабских государств, так и Израиля, и что вместо напрасного кровопролития и бесконечной войны можно идти по пути прогресса, развития и сотрудничества между всеми народами нашего региона.

Голда Меир (1898–1978) — израильский политический и государственный деятель, 5-й премьер-министр Израиля, министр внутренних дел и министр иностранных дел Израиля.

Выступая 26 мая 1970 года в Кнессете, Голда Меир подчеркнула, что, с одной стороны, израильское государство готово отразить любые нападения и жестоко покарать агрессора, а с другой — желает добиться мира для себя не военным путем, а путем переговоров с соседними государствами.

Ричард Никсон

«Белый дом не станет себя обелять»

Добрый вечер, мои соотечественники!

Сегодня я хочу поговорить с вами о вопросе, серьезном волнующем всех американцев и многих людей в различных частях света, — о войне во Вьетнаме.

Я считаю, что одной из причин глубокого раздора относительно Вьетнама является то, что многие американцы утратили веру в слова правительства о нашей политике.

Американский народ нельзя и не следует просить поддержать политику, касающуюся важных вопросов войны и мира, если от них скрывается правда об этой политике.

Поэтому сегодня вечером я хотел бы ответить на некоторые вопросы, которые, я знаю, беспокоят многих из вас, тех, кто сейчас слушает меня.

Как и почему Америка оказалась втянутой в войну во Вьетнаме? Как наша администрация изменила политику предыдущей администрации?

Что на самом деле произошло в ходе переговоров в Париже и на фронтах боевых действий во Вьетнаме?

Какие альтернативы стоят перед нами, если мы собираемся закончить войну? Каковы перспективы мира?

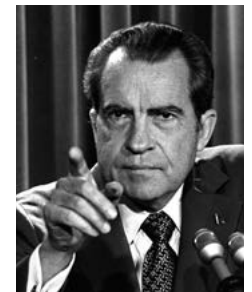
А сейчас разрешите мне очертить контуры ситуации, сложившейся в тот момент, когда я приступил к исполнению президентских обязанностей 20 января.

Война шла уже четыре года.

31 тысяча американцев погибли в боевых действиях.

График программы обучения южных вьетнамцев не соблюдался.

Во Вьетнаме находились 540 тысяч американцев, и не было никаких планов относительно сокращения их численности.

Не было достигнуто никакого прогресса на переговорах в Париже, и Соединенные Штаты не выдвинули никакого всеобъемлющего мирного предложения.

Война привела к глубокому расколу в стране и критике со стороны многих наших друзей, а также врагов за границей.

Учитывая все эти обстоятельства, кое-кто настаивал на том, чтобы я сейчас же закончил войну и отдал приказ о немедленном выводе всех американских войск.

С политической точки зрения это был бы самый популярный и самый простой путь выхода из ситуации. Ведь мы оказались втянутыми в войну, когда президентскую должность занимал мой предшественник, и я мог бы свалить на него вину за поражение, ставшее результатом моих действий, что позволило бы мне прослыть миротворцем. Кое-кто говорил мне абсолютно откровенно, что это единственный путь избежать превращения войны Джонсона в войну Никсона.

Но я чувствовал гораздо большую ответственность, чем просто мысли о сроке, отпущенном моей администрации, и о следующих выборах. Я должен был думать о том, каким образом мое решение повлияет на грядущее поколение и на будущее мира и свободы в Америке и на всей планете.

Нам необходимо понять, что суть вопроса, стоящего перед нами, заключается не в том, сколько американцев выступает за мир и сколько американцев против мира. Вопрос не в том, станет ли война Джонсона войной Никсона.

Вопрос заключается в том, как мы можем выиграть мир для Америки.

А теперь обратимся к основополагающим вопросам. Почему и как Соединенные Штаты изначально оказались втянутыми в войну во Вьетнаме?

Пятнадцать лет назад Северный Вьетнам при финансовой и технической поддержке коммунистического Китая и Советского Союза начал кампанию по навязыванию Южному Вьетнаму коммунистического правительства, спровоцировав и поддержав революцию.

В ответ по просьбе правительства Южного Вьетнама президент Эйзенхауэр направил экономическую помощь и военное снаряжение, чтобы помочь народу Южного Вьетнама в его усилиях по предотвращению захвата власти коммунистами.

Семь лет назад президент Кеннеди направил во Вьетнам в качестве военных советников 16 тысяч военнослужащих. Четыре года назад президент Джонсон направил в Южный Вьетнам боевые части.

Сейчас многие считают, что решение президента Джонсона направить в Южный Вьетнам боевые части было ошибкой. Многие — и я был в их числе — подвергали жесткой критике его за то, как эта война велась.

Но сегодня, в условиях, когда мы уже находимся в состоянии войны, перед нами стоит вопрос: как лучше всего ее закончить?

В январе я мог лишь прийти к заключению, что быстрый вывод американских войск из Вьетнама станет бедствием не только для Южного Вьетнама, но и для Соединенных Штатов и дела мира.

Наш скоропалительный выход из войны неизбежно привел бы к возобновлению коммунистами резни на Юге, что имело место после захвата ими власти на Севере пятнадцатью годами раньше.

Тогда они убили свыше 50 тысяч человек, а еще сотни тысяч погибли в лагерях от рабского труда.

Когда в прошлом году коммунисты захватили город Хьеу, мы стали свидетелями прелюдии того, что могло произойти в Южном Вьетнаме.

На протяжении их непродолжительного правления в городе свирепствовал кровавый режим террора, в результате чего были забиты до смерти, расстреляны и похоронены в массовых захоронениях 3000 гражданских лиц.

Если мы внезапно прекратим нашу помощь, то зверства, совершенные в Хьеу, станут кошмаром всей нации, и особенно для полутора миллиона беженцев-католиков, нашедших приют в Южном Вьетнаме после того, как коммунисты захватили власть на Севере.

Для Соединенных Штатов это первое поражение в истории нашего государства приведет к потере доверия к американскому лидерству не только в Азии, но и во всем мире.

Три американских президента признали важность того, что было поставлено на карту во Вьетнаме, и понимали, как необходимо поступить.

В 1963 году президент Кеннеди с присущим ему красноречием и четкостью сказал: «Мы хотим видеть там стабильное правительство, ведущее борьбу за сохранение своей национальной независимости. Мы твердо верим в это.

Мы не собираемся отказываться от реализации этих усилий. С моей точки зрения, отказ от этого будет означать для нас крах не только Южного Вьетнама, а и всей Юго-Восточной Азии. Именно поэтому мы собираемся оставаться там».

Президенты Эйзенхауэр и Джонсон в годы своего пребывания на должности высказывали аналогичную точку зрения.

Стремительный вывод наших войск станет бедствием огромного масштаба для будущего мира.

Нация не может оставаться великой, если она предаст своих союзников и своих друзей. Наше поражение и унижение в Южном Вьетнаме, без сомнения, привели бы к безрассудным действиям правительств тех сверхдержав, которые еще не отказались от своих идей о мировом господстве.

Это приведет к насилию везде, где мы согласно нашим обязательствам поддерживаем мир: на Среднем Востоке, в Берлине, со временем даже в Западном полушарии.

В конце концов, это привело бы к еще большим человеческим жертвам. Это не принесло бы мира. Это принесло бы новые войны.

По этим причинам я отверг рекомендации закончить войну быстрым выводом всех наших войск. Вместо этого я выбрал изменение американской политики как на переговорах, так и на фронте боевых действий.

С целью окончания войны, ведущейся на многих фронтах, я выдвинул инициативу достижения мира по многим направлениям.

В переданной 5 марта по телевидению речи перед сессией Организации Объединенных Наций и в ряде других случаев я выдвинул наши детально сформулированные мирные предложения.

Мы предложили полный вывод наших зарубежных вооруженных сил на протяжении одного года.

Мы предложили перемирие под международным контролем.

Мы предложили провести под международным надзором свободные выборы при участии коммунистов, которые как организованная политическая сила приняли бы участие в их организации и проведении. И сайгонское правительство обещало принять результаты этих выборов.

Мы не выдвигали наши предложения как безальтернативные.

Мы указали, что готовы к обсуждению предложений другой стороны. Мы заявили, что готовы обсуждать все, за исключением права народа Южного Вьетнама определять свое собственное будущее.

На Парижской мирной конференции посол Лодж продемонстрировал нашу гибкость и добрую волю в ходе сорока различных общественных мероприятий.

Ханой отказался даже обсуждать наши предложения. Он потребовал безоговорочного принятия его условий, состоящих в том, чтобы мы немедленно и безоговорочно вывели все американские вооруженные силы и одновременно свергли правительство Южного Вьетнама.

Мы не ограничили наши мирные инициативы проведением общественных форумов и публичными заявлениями. Я признал в январе, что продолжительная и жестокая война, подобная той, что ведется сейчас, вряд ли может быть закончена проведением общественных форумов.

По этой причине, кроме публичных заявлений и переговоров, я изучил все возможные неофициальные пути, которые могли бы принести желаемое урегулирование.

Сегодня вечером я пошел на беспрецедентный шаг, раскрывая перед вами некоторые из наших мирных инициатив — инициатив, сделанных частным обра-

зом и секретно, поскольку мы считаем, что таким способом можем попробовать открыть официально закрытую дверь.

Я не дожидался моей инаугурации, чтобы начать свои поиски мира.

Вскоре после моего избрания, пользуясь услугами лица, поддерживающего личный контакт с лидерами Северного Вьетнама, я выдвинул два частных предложения быстрого, всеобъемлющего урегулирования. Ответы Ханоя предусматривали, по сути дела, исключительно нашу капитуляцию до начала переговоров.

Поскольку Советский Союз поставляет Северному Вьетнаму большую часть военного снаряжения, государственный секретарь Роджерс, мой помощник по вопросам национальной безопасности доктор Киссинджер, посол Лодж и я встречались несколько раз с представителями советского правительства, чтобы заручиться их помощью в содействии началу содержательных переговоров.

Кроме того, мы имели продолжительные беседы, посвященные тем же темам, с представителями других правительств, поддерживающих дипломатические отношения с Северным Вьетнамом. Ни одна из этих инициатив не принесла до настоящего времени каких-либо ощутимых результатов.

В середине июля я убедился в необходимости пойти на решительный шаг, чтобы выбраться из глухого угла, в котором мы все оказались на Парижских переговорах. В этом кабинете, где я сейчас сижу, я говорил с одним человеком, лично знакомым с Хо Ши Мином на протяжении двадцати пяти лет.

Через него я направил письмо Хо Ши Мину. Я сделал это в обход официальных дипломатических каналов, надеясь на то, что отсутствие потребности выступать с пропагандистскими заявлениями может помочь сделать конструктивный шаг в направлении окончания войны. Разрешите мне зачитать сейчас выдержки из этого письма.

«Уважаемый господин Президент!

Я отдаю себе отчет в том, насколько сложно вести содержательное общение в ситуации, когда мы оказались на краю пропасти, образовавшейся в результате четырехлетней войны.

Но именно из-за этой пропасти я хочу воспользоваться предоставленной возможностью со всей торжественностью подтвердить мое желание поработать ради справедливого мира.

Я искренне верю, что война во Вьетнаме длится слишком долго и промедление в ее завершении не принесет никому пользы, и прежде всего от этого будет страдать народ Вьетнама.

Настало время идти вперед за столом переговоров к достижению быстрее-го завершения этой трагической войны. Вы увидите, что мы проявим готовность и беспристрастность в нашем общем стремлении добиться благословенного мира для отважного народа Вьетнама.

Пусть история зафиксирует, что в этот критический момент обе стороны обратили свое лицо к миру, а не к конфликту и войне».

Я получил ответ Хо Ши Мина 30 августа, за три дня до его смерти. Он просто повторил официальную позицию Северного Вьетнама, высказанную в Париже, и отверг мои инициативы. Полные тексты обоих писем мы передали прессе.

Кроме официальных встреч, о которых я упоминал, посол Лодж провел с главным представителем Вьетнама на переговорах в Париже одиннадцать частных встреч.

Мы предприняли целый ряд других важных инициатив, суть которых пока должна храниться в секрете, чтобы оставались открытыми некоторые каналы общения, которые еще могут принести пользу.

Но результаты всех этих официальных, частных и секретных переговоров, проведенных после прекращения бомбардировок полгода тому назад и после того, как наша администрация пришла к власти 20 января, можно свести к одному предложению: не достигнуто абсолютно никакого прогресса, за исключением договоренности о форме стола, за которым должны вестись переговоры.

И кому же следует предъявлять обвинение за это?

Очевидно, что не Президент Соединенных Штатов является препятствием на пути переговоров об окончании войны. И это не южновьетнамское правительство.

Препятствием является категоричный отказ другой стороны продемонстрировать хотя бы готовность к объединению усилий в достижении справедливого мира. И она не пойдет на это, пока будет уверена в том, что единственное, что ей остается, — это ждать нашей очередной уступки и потом еще и еще одной, пока она не получит всего, чего добивается.

Сейчас не может быть никаких сомнений в том, что прогресс на переговорах зависит лишь от желания Ханоя вести переговоры, серьезные переговоры.

Я понимаю, что этот доклад о наших усилиях на дипломатическом фронте разочарует американский народ, но американский народ должен знать правду — как плохую, так и красивую, — когда речь идет о жизнях наших молодых людей.

А теперь разрешите сообщить вам более обнадеживающие сведения, касающиеся другой стороны проблемы.

Когда мы начали наш поход за мир, я признал, что, возможно, нам не удастся добиться завершения войны путем переговоров. Поэтому я ввел в действие другой план достижения мира — план, который завершит войну независимо от того, что будет происходить на переговорном фронте.

Он отвечает серьезным изменениям во внешней политике США, о которых я говорил на пресс-конференции на Гуаме 26 июля. Разрешите мне вкратце изложить то, что было названо «Доктриной Никсона», — политику, которая не только

может помочь нам закончить войну во Вьетнаме, но и является важным элементом нашей программы по предотвращению будущих вьетнамов.

Мы, американцы, являемся народом, сделавшим самое себя. Мы беспокойный народ. Вместо того чтобы учить других, как сделать работу, мы хотим сделать ее сами. И эта привычка была перенесена в нашу внешнюю политику.

Соединенные Штаты выделили значительные финансовые средства, значительные вооружения и живую силу, для того, чтобы в недавнем прошлом помочь Корею, а сейчас Вьетнаму защитить свою свободу от коммунистической агрессии.

Еще до того, как американские войска были направлены во Вьетнам, во время моей поездки в Азию в качестве частного лица лидер одной азиатской страны сказал мне: «Когда вы хотите помочь другой стране защитить ее свободу, политикой США должно быть предоставление помощи в ведении этой страной войны своими силами, а не в ведении войны за нее».

Итак, в соответствии с этим мудрым советом я изложил на Гуаме три принципа, которые должны стать основными направлениями будущей американской политики в Азии.

Первое. Соединенные Штаты выполняют все свои обязательства относительно ранее заключенных договоров.

Второе. Мы предоставим защиту, если государство, обладающее ядерным оружием, станет угрожать свободе государства, которое находится в союзе с нами, или стране, выживание которой мы считаем жизненно важным для нашей безопасности.

Третье. В случаях, касающихся других типов агрессии, мы предоставим военную и экономическую помощь, если к нам обратятся с просьбой, которая будет отвечать нашим договорным обязательствам.

Но мы будем ожидать от государства, подвергающегося подобной угрозе, что оно возьмет на себя основные обязательства в том, что касается выделения живой силы, необходимой для своей обороны.

После того как я провозгласил эти принципы нашей новой политики, лидеры Филиппин, Таиланда, Вьетнама, Южной Кореи и других государств, которым может угрожать опасность коммунистической агрессии, приветствовали этот новый курс американской внешней политики.

Защита свободы является делом каждого народа, а не только делом Америки.

И прежде всего это должно быть долгом народа, чья свобода подвергается опасности. При предыдущей администрации мы «американизовали» войну во Вьетнаме. При нашей администрации мы «вьетнамизируем» поиски мира.

Политика предыдущей администрации привела к тому, что мы не только взяли на себя основную ответственность за ведение войны, но и, что важнее, недоста-

точно четко подчеркнули задачу помощи южным вьетнамцам для того, чтобы они могли защитить себя после нашего выхода из войны.

План «вьетнамизации» был введен в действие после завершения в марте визита во Вьетнам министра Лейрда. В соответствии с этим планом я предписал существенным образом увеличить помощь в обучении и техническом оснащении южновьетнамских вооруженных сил.

В июле, в ходе моего визита во Вьетнам, я внес изменения в приказы генерала Абрамса для того, чтобы привести их в соответствие с нашей новой политикой.

Согласно новым приказам основная миссия наших войск будет заключаться в содействии южновьетнамским вооруженным силам, чтобы они могли взять на себя всю ответственность за безопасность Южного Вьетнама.

Мы сократили более чем на 20 процентов наши военно-воздушные операции. И сейчас мы являемся свидетелями результатов этого долгожданного изменения американской политики во Вьетнаме.

Через пять лет после ввода американской армии во Вьетнам мы наконец возвращаем наших парней домой. До 15 декабря из Южного Вьетнама будут выведены свыше 60 тысяч человек, включая 20 процентов всех наших боевых частей.

Южные вьетнамцы продолжают наращивать свою мощь. В результате они смогли взять на себя ответственность за выполнение боевых задач вместо наших частей.

Со времени прихода к власти нынешней администрации произошли еще два важных события. Количество вражеских вылазок в Южном Вьетнаме, что имеет важное значение, если они предшествуют серьезному наступлению противника, сократилось за последние три месяца на 80 процентов в сравнении с тем же периодом прошлого года.

И наконец, самое главное — за последние два месяца потери Соединенных Штатов сократились до наиболее низкого за три года уровня.

Теперь я перейду к нашей программе, касающейся будущего.

Мы приняли решение, согласно которому мы выводим из Южного Вьетнама все американские сухопутные войска и их полностью заменяют южновьетнамские силы исходя из запланированного графика. Это будет свидетельством силы, а не от слабости. Поскольку южновьетнамская армия все более и более усиливается, сроки вывода американских войск могут быть сокращены.

Однако я не намереваюсь сейчас объявлять конкретные сроки вывода наших войск, и на то есть очевидные причины, которые, я уверен, вы поймете, поскольку, как я уже несколько раз упомянул, сроки вывода будут, зависеть от событий на трех фронтах.

Один из них — Парижские мирные переговоры. Объявление графика вывода наших войск лишило бы стимула для врага к подписанию соглашения. Они просто дождались бы ухода наших войск и затем продолжили бы войну.

Другие два фактора, которые мы также должны учитывать, — уровень вражеской активности и уровень готовности южновьетнамской армии. И я рад сообщить сегодня вечером, что мы сейчас достигли здесь намного больших успехов, на что могли рассчитывать, когда только начали проводить в жизнь нашу программу.

Наряду с такими оптимистичными оценками, я должен, чтобы быть достаточно искренним, сделать одно немаловажное примечание. Если уровень вражеской активности значительно увеличится, нам, возможно, придется изменить наш план. Мы отмечаем сейчас уменьшение количества вражеских вылазок и сокращение наших потерь и наше решение по поводу частичного вывода войск базируется исходя из этих факторов. Если уровень активности врага или наших потерь увеличится, в то время как мы постараемся начать сокращение численности наших войск во Вьетнаме, то это будет результат сознательного решения врага.

Ханой не мог сделать никакой большей ошибки, чем предположить, что увеличение насилия приведет к его победе. Если я приду к заключению, что нарастание напряженности со стороны противника подвергает опасности наши войска, продолжающие оставаться во Вьетнаме, то я не остановлюсь перед принятием сильных и эффективных мер, чтобы исправить такую ситуацию.

Это не угроза. Это — моя обязанность как политика, согласно которой я, главнокомандующий наших вооруженных сил, ответственен за жизни американских солдат, где бы они ни находились.

Мои сограждане, я уверен, что и вы тоже признаете мои слова, что мы действительно имеем только два варианта прекращения этой войны. Первый — это немедленный вывод всех американских войск из Вьетнама с дальнейшими непредсказуемыми последствиями. Или же мы будем продолжать поиски справедливого мира посредством мирного урегулирования конфликта или с помощью выполнения нашего плана относительно вьетнамизации войны — плана, по которому мы выведем все наши войска из Вьетнама после того, как южновьетнамская армия станет достаточно сильной, чтобы защитить свободу своей страны.

Я выбрал второй путь. Это не легкий путь. Это — правильный путь.

Это — план, который поможет закончить войну и будет служить делу мира — не только во Вьетнаме, но и во всем Тихоокеанском регионе, во всем мире.

Говоря о последствиях ускоренного вывода, я упоминал, что наши союзники потеряют веру в Америку. Однако намного более опасно было бы

то, что мы потеряли бы веру непосредственно в самих себя. Да, первая реакция была бы радостной, поскольку наши солдаты вернулись бы домой. Но как только мы увидели бы последствия нашего ухода, неизбежное раскаяние, упреки и взаимные обвинения неизбежно поколеблют дух нашей нации.

Мы оказывались перед другими кризисами в нашей истории и стали более сильными, отклоняя легкий выход из них и выбирая правильный, исходя из наших интересов. Наше величие как нации стало следствием нашей решительности делать то, что должно было быть сделано, когда мы знали, что наш курс был правилен.

Я признаю, что некоторые из моих сограждан не соглашались с планом относительно мирного урегулирования конфликта, который я выбрал. Честные и патриотически настроенные американцы имеют свои, отличные от моей, точки зрения относительно того, каким путем должен быть достигнут мир.

В Сан-Франциско несколько недель назад я видел, что демонстранты скандировали такие слова: «Проиграйте во Вьетнаме, верните домой мальчиков».

Хорошо, одно из достоинств нашего свободного общества — то, что любой американец имеет право сделать тот или иной вывод и защищать ту или иную точку зрения. Но как президент Соединенных Штатов, я оказался бы несоответствующим своей должности, если бы я выполнял условия меньшинства и проводил бы их в своей политике.

В течение почти 200 лет политика этой нации определялась согласно нашей Конституции лидерами в Конгрессе и Белом доме, избранными всеми людьми. Если громкоговорящее меньшинство начнет подавлять желания большинства, то эта страна не будет иметь никакого будущего как свободное государство.

И теперь я хотел бы обратиться к тем молодым людям нашей страны, которые особенно заинтересованы, и я понимаю, почему они заинтересованы, по поводу этой войны.

Я уважаю ваш идеализм.

Я разделяю ваше беспокойство относительно мира.

Я хочу мира так же, как и вы.

Есть определенные личные причины, по которым я хочу положить конец этой войне. На этой неделе я буду подписывать похоронные письма 83 матерям, отцам, женам их любимых мужчин, которые погибли во Вьетнаме. И я отнюдь не удовлетворен тем фактом, что это только одна треть от того количества писем, которые я подписал в первую неделю после начала исполнения своих служебных обязанностей. И самая большая моя мечта сейчас — это что когда-нибудь настанет день, когда я не буду подписывать такие письма. Многие хотят закончить войну, чтобы спасти жизни храбрых молодых людей во Вьетнаме. Но я хочу

закончить ее таким образом, что младшие братья и сыновья нынешних солдат не будут сражаться в некотором отдаленном будущем во Вьетнаме или где-нибудь еще в мире.

Я выбрал план по достижению мира. Я полагаю, что он выполним.

Я знаю, что, возможно, не модно говорить о патриотизме или национальной гордости в эти дни. Но я чувствую, что в этом случае это необходимо.

Двести лет назад эта страна была слаба и бедна. Но даже тогда Америка была символом надежды для миллионов людей в мире. Сегодня мы стали самой сильной и самой богатой нацией в мире. И колесо судьбы повернулось сейчас так, что надежды относительно мира и свободы люди во всем мире связывают именно с Америкой, поэтому самая большая проблема сейчас — имеют ли американцы достаточную моральную стойкость и храбрость, чтобы продолжить нести бремя лидерства свободного мира?

Позвольте историкам не писать в будущем о том, что, когда Америка была самой мощной нацией в мире, мы свернули с нашего пути и позволили силам тоталитаризма задушить последние надежды на мир и свободу для миллионов людей во всем мире.

Я обязался в моей предвыборной кампании положить конец войне. Я начал проводить в жизнь план, который позволит мне сдержать свои обещания.

Чем больше поддержки я получу от граждан Америки, тем скорее случится, что мой план будет реализован, чем более мы расколоты, тем менее вероятно, что враг будет продолжать вести переговоры в Париже.

Позвольте нам объединиться во имя мира. Позвольте нам также объединиться против поражения. Поскольку все мы должны понимать: Северный Вьетнам не может победить Соединенные Штаты. Только мы сами можем проиграть эту войну.

Пятьдесят лет назад, в этой комнате и за этим самым столом, президент Вудро Вильсон произнес слова: «Это — война, чтобы закончить войну». Его мечта о мире после Первой мировой войны не воплотилась в жизнь, и Вудро Вильсон умер сломленным человеком. Сегодня вечером я не говорю вам, что война во Вьетнаме является войной, чтобы закончить все войны. Но план, который я сейчас воплощаю в жизнь, который поможет закончить эту войну и приблизит нас, я надеюсь, к той большой цели, к которой стремились Вудро Вильсон и каждый американский президент — то есть длительному миру.

Как президент, я несу ответственность за то, чтобы выбрать лучший путь для достижения этой цели и затем вести Nation по нему.

Я заверяю вас сейчас, что я принял эту ответственность, руководствуясь прежде всего силой и разумом, помня ваши проблемы, просьбы и надежды. Благодарю вас и доброй вам ночи.

Ричард Милхауз Никсон (1913–1994) — американский государственный и политический деятель, 37-й президент (1969–1974) и 36-й вице-президент США (1953–1961). Ричард Никсон стал первым (и пока единственным) главой государства в истории США, которому из-за так называемого «Уотергейтского скандала» пришлось досрочно покинуть свой пост.

25 июля 1969 года по пути в Румынию Ричард Никсон остановился на острове Гуам. Здесь он провел пресс-конференцию, в ходе которой выдвинул новую внешнеполитическую доктрину, вошедшую в историю под названием «Гуамская доктрина», или «Доктрина Никсона».

Мать Тереза

«Любовь начинается с дома»

Сегодня величайшим злом, величайшим разрушителем в мире является аборт. Мы — те, кто находится сегодня здесь, — были желанными детьми. И нас не было бы, если бы наши родители решили поступить с нами подобным образом.

Наши дети тоже желанны, мы любим их. Но зададим себе вопрос: что происходит с миллионами других детей? Людей по всему миру очень тревожит положение дел в Индии, странах Африки, где дети умирают от плохого питания, голода и других лишений.

Меж тем миллионы гибнут только по той причине, что такова была воля их матерей. И именно это сегодня вредит миру более всего. Ведь если мать способна убить собственного ребенка, что тогда мешает мне убить вас, а вам — меня? Ничего.

Я призываю людей в Индии и во всем мире: давайте вспомним о детях! А в этом году, который объявлен Годом ребенка, что мы сделали для них?

В начале года я говорила: давайте сделаем так, чтобы каждый новорожденный и еще не рожденный ребенок был желанным. Год подошел к концу, но сделали ли мы их желанными?

...Я думаю, что это не верно — считать, что мы занимаемся исключительно социальной работой. Возможно, по мнению людей, мы — социальные работники, но на самом деле мы размышляем о сути мироздания. Ибо Христос с нами 24 часа в сутки.

Все мы 24 часа находимся в его присутствии — и вы, и я. Все мы должны стараться привнести Бога в свои семьи, ведь семья, которая молится вместе, не может разрушиться.

И я уверена, что такой семье не нужны бомбы и оружие, такой семье не нужно ничего разрушать, чтобы нести мир: просто будьте вместе, любите друг друга, несите ближним мир, радость, черпая силы в любви своих домашних. И тогда мы сможем победить любое из существующих зол.

В мире столько страданий, столько ненависти, столько несчастий. Мы, с помощью наших молитв, наших жертв должны начать творить мир со своего дома. Любовь рождается дома, и главное не в том, что и сколько мы делаем, а в том, сколько любви вкладываем в свое дело.

Мы служим Богу всемогущему. Сколько нами сделано, не имеет значения, ибо Он бесконечен, но главное то, с какой любовью, сколько мы делаем для Него в лице человека, которому служим.

...На деньги, полученные мною в качестве премии мира, я хочу построить приют для бездомных. Потому что я верю: любовь начинается с дома, и если мы создадим дом для бедных, то тогда в мире будет больше любви.

И мы сможем с полным правом нести мир, стать доброй вестью для бедных. Мы должны сначала сделать это для бедных в нашей семье, затем в стране, а после и во всем мире.

Чтобы сделать все это, жизни наших сестер должны быть преисполнены молитвами. Они должны быть преисполнены Христом, чтобы мы научились понимать и делиться.

Ведь в мире сегодня столько страданий, и потому я чувствую, что страсти Христовы снова облегчены. Для того ли мы пришли в этот мир, чтобы разделить человеческие страдания?

В мире, не только в бедных странах, я увидела, что труднее всего победить нищету в западных странах. Когда я привожу голодного человека с улицы, то он получает тарелку риса, кусок хлеба — и утоляет свой голод.

Но человек, который изолирован, чувствует себя ненужным, нелюбимым, напуганным, человек, который был отвергнут обществом, чувствует бедность намного болезненней, и помочь ему гораздо труднее.

Наши сестры работают с такими людьми на Западе. Вы должны молиться вместе с нами, чтобы стать доброй вестью, но нам нужна ваша помощь. В своих странах вы должны поступать точно так же, постараться лучше понять нужды бедных.

Возможно, люди на Западе обеспечены материальными благами, имеют все, что нужно для жизни, но, думаю, если мы посмотрим вокруг, то поймем, что забываем иногда улыбнуться друг другу, а улыбка — предвестник любви.

...Я никогда не забуду, как некоторое время назад к нам приехали четырнадцать американских профессоров, представляющих разные университеты.

Они пришли в наш приют, и мы беседовали о любви и сострадании, а после этого один из них спросил меня: «Матушка, поведайте нам что-нибудь, что мы запомним до конца наших дней». И я ответила ему: «Улыбайтесь друг другу, находите время для своих близких. Улыбайтесь друг другу». А затем второй спросил: «А вы замужем?» И я сказала: «Да, и мне иногда очень трудно улыбаться Иисусу, ведь он бывает очень требовательным».

Это действительно так, и в этом как раз и проявляется любовь — она требовательна, но, несмотря на это, мы воздаем ее Ему с радостью.

Как я уже говорила сегодня, если я не попаду на небеса по другой причине, то все равно окажусь там из-за всей этой рекламы и шумихи вокруг меня, ибо она очистила меня, сделала жертвой и приготовила к уходу на небеса.

Мне кажется, что наша жизнь должна быть прекрасной, ибо с нами Иисус, и он любит нас. Если бы мы всегда помнили, что Бог любит нас, а у нас самих есть возможность любить других так же, как

Он любит нас, не в делах больших, а в незначительных проявлениях любит великой любовью, тогда здесь, в Норвегии, сосредоточилась бы вся любовь мира. Было бы прекрасно, если бы здесь образовался центр, откуда исходил бы мир, исходила радость от жизни еще не рожденного ребенка.

Если вы будете горящим факелом мира на планете, тогда Нобелевская премия мира будет великим даром, данным нам норвежцами.

Благослови вас Господь!

Святая Тереза Калькуттская, Мать Тереза (настоящее имя Агнес Гондже Бояджиу) (1910–1997) — католическая монахиня, основательница женской монашеской конгрегации «Сёстры миссионерки любви», занимающейся служением бедным и больным. Лауреат Нобелевской премии мира (1979). Канонизирована Католической Церковью 4 сентября 2016 года. Цель и смысл своей жизни она видела в служении людям и Богу. Об этом Мать Тереза и говорила в своей речи, произнесенной 11 декабря 1979 года в Осло по случаю присуждения ей Нобелевской премии мира. Все деньги, полученные от Нобелевского комитета, она вложила в создание новых приютов для бедных.

Папа Иоанн Павел II

«Свобода нашей Польши обходится нам так дорого»

Очень важно, чтобы в молодости — в то время, когда пробуждаются новые чувства любви, чувства, которые на всем пути нашей жизни не раз определяют нашу судьбу, — люди жили с чувством любви внутри себя.

Отвечая на любовь, через века изливаемую на нас через Отца во Христе, отвечая на нее и одновременно на материнскую любовь Богородицы, мы сами берем уроки любви.

Наша Богоматерь Ясногорская учит нас прекрасной любви ко всем. И это особенно важно для вас, молодых.

Ведь именно у вас в душе зарождается та любовь, которая определит всю вашу жизнь, а через вас — и жизнь всех людей на земле Польши: жизнь супружескую, жизнь семейную, жизнь члена общества и патриота, жизнь священника, верующего и миссионера.

Жизнь каждого человека определяется и оценивается свойственным ему качеством любви. Скажи мне, как ты любишь, и я скажу, кто ты.

Я бодрствую! Это чудесно, что именно это слово содержится в призыве Ясной Горы. В нем заключена великая евангелическая предыстория, ведь Христос не один раз говорит: бодрствуйте! Возможно, Евангелие и есть тот чудесный источник традиции духовного поиска.

В призыве Ясной Горы отчасти заключен ответ, который мы хотим дать на любовь, исходящую от святой иконы и окружающую нас.

Ответ на эту любовь должен быть именно таким: я бодрствую! Но что означают эти слова: «я бодрствую»?

Это значит, что я стараюсь быть человеком совести. Я не усмиряю свою совесть и не деформирую ее; я называю добро добром, а зло — злом и не пытаюсь их скрыть; я развиваю в себе хорошее и стремлюсь исправить плохое, преодолевая его в себе.

Это огромный труд, который нельзя ни ослабить, ни отодвинуть на второй план. Нет! Он перед нами повсюду и является первостепенным для нас. Он становится тем важнее, чем труднее обстоятельства, при которых мы становимся терпимее ко злу и легко прощаем его себе. Особенно если так делают и другие.

Друзья мои! Вам предстоит поставить надежный щит аморальности, щит, который преградит путь тем социальным порокам, которые я не буду здесь назы-

вать, но о которых вы и сами прекрасно знаете. Вы сами должны сделать это, даже если от вас этого не требуют.

Опыт напоминает нам, как дорого обходилась аморальность, захлестывавшая всю нацию в те или иные периоды истории. Сегодня, когда мы боремся за жизнь нашего общества в будущем, помните, что это зависит от того, какими будут сами люди. Следовательно, я говорю: бодрствуйте!

... «Я бодрствую» также значит «я вижу других». Я не замыкаюсь на себе, на личных интересах, на личных суждениях. «Я бодрствую» означает любовь к ближним, означает основополагающую человеческую солидарность.

Перед ликом Богородицы Ясногорской я хотел бы высказать признательность за те свидетельства солидарности, которые я ощутил сегодня здесь, среди моих соотечественников, в том числе и польской молодежи, в трудный период, выпавший нам несколько месяцев назад.

Мне было бы трудно перечислить здесь все формы солидарности, которыми были окружены арестованные, уволенные с работы, а также члены их семей. Вы знаете об этом лучше меня. Я всего лишь получал информацию об этом время от времени.

... «Я бодрствую» также значит чувство ответственности за то великое общее наследие, название которому — Польша. Это название определяет жизнь всех нас. Оно обязывает всех нас. Оно требует от нас жертв.

Возможно, иногда мы испытываем чувство зависти к французам, немцам или американцам, потому что их история не связана с такими историческими жертвами и потому что им их свобода достается легко, а наша польская свобода обходится нам так дорого.

Мои дорогие, я не хочу прибегать здесь к каким-либо сравнениям. Скажу только, что ценность определяет уплаченная цена. Невозможно стать по-настоящему свободным без честного и пропущенного через душу отношения к ценностям.

Мы не хотим Польши, которая бы ничего нам не стоила. Напротив, мы бодрствуем над наследием поколений, всем, и стремимся обогатить это наследие. Богатство нации — это прежде всего ее люди.

Люди зрелого возраста. Молодые люди. Каждый человек, бодрствующий на страже правды, ибо именно правда определяет качество любви.

Я не имею возможности быть с вами каждый день, как это было много лет назад, на мне лежит огромная забота, и я ношу ее в глубине своей души. Огромную, великую заботу о вас. Потому что именно от вас зависит завтрашний день.

Я молюсь за вас.

Святой Иоанн Павел II (1920–2005) — Папа Римский, предстоятель Римско-католической церкви с 16 октября 1978 по 2 апреля 2005 года. Иоанн

Павел II — первый в истории папа-поляк. В 1983 году он приезжает на родину с пастырским визитом. Польша стоит на пороге крушения социализма, и Иоанн Павел II осознает, что в такой ситуации любые громкие призывы только осложняют ситуацию.

Его речь, произнесенная перед собравшимися 18 июня 1983 года в Ясногорском монастыре недалеко от Ченстохова, стала одним из шедевров «ораторской дипломатии».

Рональд Рейган

«Господин Горбачев, снесите эту стену!»

Канцлер Коль, мэр Дипген, леди и джентльмены!

Двадцать четыре года назад президент Джон Кеннеди посетил Берлин и выступил перед жителями этого города и перед всем миром в здании муниципалитета. С того времени еще два наших президента побывали поочередно здесь, в Берлине.

И сегодня я сам уже во второй раз посещаю ваш город. Мы, американские президенты, приезжаем в Берлин потому, что считаем своим долгом говорить здесь о свободе.

Но я должен признаться, что нас призвало сюда и нечто иное — ощущение истории в этом городе, который более чем на пятьсот лет старше нашей страны, виды Грюнвальда и Тиргартена, а более всего — ваша храбрость и решительность.

Понимаете, как и многие президенты до меня, я приехал к вам, поскольку куда бы я ни поехал, что бы я ни делал, — Ich hab noch einen Koffer in Berlin.

Наша сегодняшняя встреча транслируется на всю Западную Европу и Северную Америку. Я понимаю то, что ее сейчас видят и слышат и на Востоке. Я особенно обращаю свои слова тем, кто слушает нас в Восточной Европе: хотя я не могу быть с вами, я адресую мои слова вам так же, как и тем, кто стоит передо мною. Я присоединяюсь к вам, как я присоединился к вашим соотечественникам на Западе, в твердой и непоколебимой вере в то, что Es gibt nur ein Berlin.

За мной стоит стена, которая окружает свободные секторы этого города, часть огромной системы барьеров, разделяющих весь европейский континент. От Балтийского моря на юг эти барьеры разрезают Германию глубокими ранами колючей проволоки, цементных стен, собачьих выгулов и сторожевых вышек.

Далее на юг, возможно, нет видимых глазу, осязаемых стен. Но там остаются, тем не менее, вооруженные охранники и контрольные пункты — такие же препоны на пути свободных поездок, такой же инструмент подчинения мужчин и женщин воле тоталитарного государства.

Но именно здесь, в Берлине, стену видно четче всего; здесь она разрезает ваш город, и фотографии агентств новостей и телеэкраны запечатлели в сознании мира эта жестокое разделение континента.

Стоя перед Бранденбургскими воротами, каждый человек ощущает себя немцем, разделенным со своими соотечественниками. Каждый человек ощущает себя берлинцем, когда вынужден лицезреть этот шрам.

Президент Вайцзеккер сказал: «Немецкий вопрос остается открытым до тех пор, пока заперты Бранденбургские ворота». Сегодня я говорю: до тех пор, пока заперты ворота, пока этому шраму — стене — позволяют стоять на месте, остается единственно открытым отнюдь не немецкий вопрос, а вопрос свободы всего человечества.

Но я приехал сюда не для того, чтобы сокрушаться, поскольку я вижу в Берлине луч надежды, даже в тени этой стены — луч триумфа.

Весенней порой 1945 года жители Берлина вышли из своих бомбоубежищ и увидели, что город представляет собой руины. За тысячи миль отсюда народ Соединенных Штатов протянул им руку помощи.

И в 1947 году, как вы знаете, государственный секретарь Джордж Маршалл объявил о создании того, что вошло в историю как «план Маршалла». В этом месяце исполняется ровно сорок лет с того дня, когда он сказал: «Наша политика направлена не против какой-нибудь страны или доктрины, а против голода, нищеты, отчаяния и хаоса».

Некоторое время назад в Рейхстаге я посетил выставку, посвященную сороковой годовщине «плана Маршалла». Меня поразила надпись на обгорелом, разбитом сооружении, которое сейчас восстанавливается.

Я знаю, что многие берлинцы моего поколения могут вспомнить такие надписи, разбросанные по всем западным секторам города. Надпись просто гласила: «План Маршалла помогает усилить свободный мир».

Сильный, свободный мир на Западе — эта надежда осуществилась. Япония восстала из пепла и стала экономическим гигантом. Италия, Франция, Бельгия — практически все государства Западной Европы политически и экономически возродились; было основано Европейское сообщество.

В Западной Германии и здесь, в Берлине, мы стали свидетелем экономического чуда. Аденауэр, Эрхард, Рейтер и другие лидеры поняли практическое значение свободы — то, что, подобно тому как истина может процветать лишь тогда, когда журналисту дана свобода слова, процветание может настать только тогда, когда фермеру и бизнесмену дана экономическая свобода.

Немецкие лидеры понизили таможенные тарифы, расширили свободную торговлю, сократили налоги. Всего лишь за период с 1950 по 1960 год уровень жизни в Западной Германии и Берлине вырос вдвое.

Там, где четыре десятилетия назад были руины, сегодня в Западном Берлине зафиксировано наибольшее промышленное производство среди всех городов Германии: деловые кварталы, красивые дома и квартиры, замечательные улицы и бескрайние лужайки парков.

Там, где, казалось, была разрушена городская культура, сегодня функционируют два больших университета, оркестр и оперный театр, бесчисленное количество театров и музеев. Там, где царила нужда, сегодня изобилие пищи, одежды, автомобилей, качественных товаров.

Из руин, из полнейшей разрухи вы, берлинцы, восстановили в условиях свободы город, который снова считается одним из крупнейших на Земле. У Советов, возможно, были другие планы. Но, друзья мои, существовали такие вещи, на которые Советы не рассчитывали: Berliner Herz, Berliner Нимог, ja, und Berliner Schnauze.

В 1950 году Хрущев пообещал: «Мы вас похороним». Но сегодня на Западе мы видим свободный мир, достигший такого уровня процветания и благосостояния, которое не имеет прецедентов в истории человечества.

В коммунистическом мире мы видим провалы, техническую отсталость, ухудшающееся с каждым днем состояние здоровья населения, нужду даже в самом главном — недостаток продовольствия.

Даже сегодня Советский Союз все еще не может прокормить сам себя. В результате спустя эти четыре десятилетия весь мир сделал один важнейший и неизбежный вывод: свобода ведет к процветанию. Свобода заменяет давнюю ненависть между государствами взаимоуважением и миром. Свобода победила.

А сейчас и сами Советы, возможно, приходят, пусть и с некоторыми ограничениями, к пониманию важности свободы. Мы слышим из Москвы немало о новой политике реформ и открытости.

Освобождены некоторые политзаключенные. Больше не глушатся многие зарубежные радиопередачи. Части предприятий разрешено работать в условиях большей свободы, выйдя из-под государственного контроля.

Что это — начало глубоких перемен в Советском государстве? Или это показательные жесты, предназначенные для того, чтобы вызвать ложные ожидания на Западе? Или это делается для того, чтобы укрепить советскую систему, ничего в ней не меняя по сути?

Мы приветствуем перемены и открытость, поскольку мы верим, что свобода и безопасность идут рука об руку, что прогресс человеческой свободы может

лишь укрепить дело мира во всем мире. Советы могут сделать единственный безошибочный шаг, который будет расценен как ведущий по пути к свободе и миру.

Генеральный секретарь Горбачев, если Вы стремитесь к миру, если Вы хотите процветания для Советского Союза и Восточной Европы, если Вы стремитесь к либерализации, приезжайте сюда, к этим воротам! Господин Горбачев, отприйте эти ворота! Господин Горбачев, снесите эту стену!

Я осознаю страх перед войной и боль от раскола, поразивших этот континент, и я обещаю вам, что моя страна будет стараться помочь в ликвидации этого бремени. Мы убеждены в том, что мы, на Западе, должны оказывать сопротивление советской экспансии.

Поэтому мы должны поддерживать свою оборону на высоком уровне, обеспечивающем нашу безопасность. И вместе с тем мы хотим мира, и потому мы должны стремиться взаимно сократить наши вооружения...

В то время как мы добиваемся сокращения вооружений, я обещаю вам, что мы сохраним наш потенциал сдерживания советской агрессии в размере, достаточном для ее отражения, на каком бы уровне она ни началась.

И в сотрудничестве со многими нашими союзниками Соединенные Штаты внедряют в жизнь Стратегическую оборонительную инициативу — исследования, цель которых положить в основу сдерживания не угрозу ответных наступательных действий, а оборону, которая действительно защищает, короче говоря — создаются системы, которые не будут нацелены на мирное население, а защитят его.

Этими средствами мы хотим укрепить безопасность Европы и всего мира. Но мы не должны забывать о важном факторе: Восток и Запад не доверяют друг другу не потому, что мы вооружены, а мы вооружены потому, что не доверяем друг другу. И причиной наших разногласий является не оружие, а свобода.

Когда президент Кеннеди выступал в зале муниципалитета двадцать четыре года назад, свобода была окружена со всех сторон, Берлин был в осаде. И сегодня, вопреки давлению, оказываемому на город, свободе Берлина ничто не угрожает. И свобода сама меняет мир...

За эти четыре десятилетия, как я уже говорил, вы, берлинцы, выстроили замечательный город. Вы это сделали, несмотря на угрозы — советские попытки навязать вам восточную марку, несмотря на блокаду.

Никто не смог бы долго прожить в Берлине, не расставшись с иллюзиями. Вместо них возникло нечто, прошедшее через трудности жизни в Берлине, но согласившееся с этим и продолжающее строить этот замечательный и гордый город, противостоящий тоталитаризму, который не дает свободу человеческой энергии и надеждам.

Нечто провозглашающее мощным голосом утверждения, провозглашающее «да» этому городу, «да» — будущему, «да» — свободе. Одним словом, я хочу сказать, что это нечто, что держит вас в Берлине, — это любовь, любовь глубокая и неизменная.

Возможно, мы подошли к сути вопроса, к наиболее убедительному из всех различию между Востоком и Западом. Продуктом тоталитарного мира является отсталость, поскольку такой мир совершает насилие над духом, препятствуя стремлению человека создавать, радоваться, верить.

Тоталитарный мир не признает даже символов любви и веры. Много лет назад, когда восточные немцы начали восстанавливать свои церкви, они создали светскую структуру: телевизионную вышку на Александерплац.

С тех пор власть работала над тем, чтобы исправить то, что она считала единственным существенным недостатком вышки, покрывая стеклянную сферу, венчающую ее, различными красками и химическими веществами.

Но и сегодня, когда лучи солнца падают на эту сферу — а эта сфера возвышается над всем Берлином, — лучи света образуют крест. В Берлине нельзя подавить символы любви, символы веры, как нельзя подавить и сам город.

Выглянув некоторое время назад из окна Рейхстага, этого воплощения немецкого единства, я заметил слова, грубо написанные на стене, возможно, каким-нибудь молодым берлинцем: «Эта стена упадет. Вера станет реальностью».

Да, эта стена упадет по всей Европе. Ей не дано устоять перед верой. Стена не может устоять перед свободой.

И, прежде чем я закончу свое выступление, я хочу сказать еще одно слово. Я читал, и мне задавали вопрос, когда я приехал сюда, относительно неких демонстраций протеста против моего приезда.

И я хотел бы сказать, в том числе этим демонстрантам, только одно. Мне интересно, задумывались ли они когда-нибудь над тем, что, если бы они получили такое правительство, которого они, по всей видимости, добиваются, никто бы не смог делать то, что они теперь делают.

Благодарю, и пусть благословит вас Господь.

Рональд Уилсон Рейган (1911–2004) — 40-й президент США (1981–1989). Он вошел в историю американской политики как блестящий оратор, чьи речи стали хрестоматийными.

Одна из таких речей произнесена Президентом 12 июня 1987 года во время выступления на площади перед Бранденбургскими воротами в Берлине. Рейган обращался к Президенту СССР М.С. Горбачёву с призывом демонтировать Берлинскую стену, олицетворяющую разделение Германии и всего мира.

Михаил Горбачев

«Свобода выбора — всеобщий принцип, и он не должен знать исключений»

Дорогие соотечественники! Сograждане!

В силу сложившейся ситуации с образованием Содружества Независимых Государств я прекращаю свою деятельность на посту Президента СССР. Принимаю это решение по принципиальным соображениям.

Я твердо выступал за самостоятельность, независимость народов, за суверенитет республик. Но одновременно и за сохранение союзного государства, целостности страны.

События пошли по другому пути. Возобладала линия на расчленение страны и разъединение государства, с чем я не могу согласиться.

И после Алма-Атинской встречи и принятых там решений моя позиция на этот счет не изменилась.

Кроме того, убежден, что решения подобного масштаба должны были бы приниматься на основе народного волеизъявления.

Тем не менее я буду делать все, что в моих возможностях, чтобы соглашения, которые там подписаны, привели к реальному согласию в обществе, облегчили бы выход из кризиса и процесс реформ.

Выступая перед вами последний раз в качестве Президента СССР, считаю нужным высказать свою оценку пройденного с 1985 года пути. Тем более что на этот счет немало противоречивых, поверхностных и необъективных суждений.

Судьба так распорядилась, что, когда я оказался во главе государства, уже было ясно, что со страной неладно. Всего много: земли, нефти и газа, других природных богатств, да и умом и талантами Бог не обидел, а живем куда хуже, чем в развитых странах, все больше отстаем от них.

Причина была уже видна — общество задышалось в тисках командно-бюрократической системы. Обреченное обслуживать идеологию и нести страшное бремя гонки вооружений, оно — на пределе возможного.

Все попытки частичных реформ — а их было немало — терпели неудачу одна за другой. Страна теряла перспективу. Так дальше жить было нельзя. Надо было кардинально все менять.

Вот почему я ни разу не пожалел, что не воспользовался должностью Генерального секретаря только для того, чтобы «поцарствовать» несколько лет. Считал бы это безответственным и аморальным.

Я понимал, что начинать реформы такого масштаба и в таком обществе, как наше, — труднейшее и даже рискованное дело. Но и сегодня я убежден в исторической правоте демократических реформ, которые начаты весной 1985 года.

Процесс обновления страны и коренных перемен в мировом сообществе оказался куда более сложным, чем можно было предположить. Однако то, что сделано, должно быть оценено по достоинству.

Общество получило свободу, раскрепостилось политически и духовно. И это — самое главное завоевание, которое мы до конца еще не осознали, и потому что еще не научились пользоваться свободой. Тем не менее работа исторической значимости. раскрепостилось политически

Ликвидирована тоталитарная система, лишившая страну возможности давно стать благополучной и процветающей.

Совершен прорыв на пути демократических преобразований. Реальными стали свободные выборы, свобода печати, религиозные свободы, представительные органы власти, многопартийность. Права человека были признаны высшим принципом.

Началось движение к многоукладной экономике, утверждается равноправие всех форм собственности.

В рамках земельной реформы стало возрождаться крестьянство, появилось фермерство, миллионы гектаров земли отдаются сельским жителям, горожанам. Узаконена экономическая свобода производителя, и начали набирать силу предпринимательство, акционирование, приватизация.

Поворачивая экономику к рынку, важно помнить — делается это ради человека. В это трудное время все должно быть сделано для его социальной защиты, особенно это касается стариков и детей.

Мы живем в новом мире.

Покончено с «холодной войной», остановлена гонка вооружений и безумная милитаризация страны, изуродовавшая нашу экономику, общественное сознание и мораль. Снята угроза мировой войны.

Еще раз хочу подчеркнуть, что в переходный период с моей стороны было сделано все для сохранения надежного контроля над ядерным оружием.

Мы открылись миру, отказались от вмешательства в чужие дела, от использования войск за пределами страны. И нам ответили доверием, солидарностью и уважением.

Мы стали одним из главных оплотов по переустройству современной цивилизации на мирных, демократических началах.

Народы, нации получили реальную свободу выбора пути своего самоопределения. Поиски демократического реформирования многонационального государства вывели нас к порогу заключения нового Союзного договора.

Все эти изменения потребовали огромного напряжения, проходили в острой борьбе, при нарастающем сопротивлении сил старого, отжившего, реакционного — и прежних партийно-государственных структур, и хозяйственного аппарата, да и наших привычек, идеологических предрассудков, уравнилительной и иждивенческой психологии.

Они наталкивались на нашу нетерпимость, низкий уровень политической культуры, боязнь перемен. Вот почему мы потеряли много времени. Старая система рухнула до того, как успела заработать новая. И кризис общества еще больше обострился.

Я знаю о недовольстве нынешней тяжелой ситуацией, об острой критике властей на всех уровнях и лично моей деятельности. Но еще раз хотел бы подчеркнуть: кардинальные перемены в такой огромной стране, да еще с таким наследием, не могут пройти безболезненно, без трудностей и потрясений.

Августовский путч довел общий кризис до предельной черты. Самое губительное в этом кризисе — распад государственности. И сегодня меня тревожит потеря нашими людьми гражданства великой страны — последствия могут оказаться очень тяжелыми для всех.

Жизненно важным мне представляется сохранить демократические завоевания последних лет. Они выстраданы всей нашей историей, нашим трагическим опытом. От них нельзя отказываться ни при каких обстоятельствах и ни под каким предлогом. В противном случае все надежды на лучшее будут похоронены.

Обо всем этом я говорю честно и прямо. Это мой моральный долг.

Сегодня хочу выразить признательность всем гражданам, которые поддержали политику обновления, включились в осуществление демократических реформ.

Я благодарен государственным, политическим и общественным деятелям, миллионам людей за рубежом — тем, кто понял наши замыслы, поддержал их, пошел нам навстречу, на искреннее сотрудничество с нами.

Я покидаю свой пост с тревогой. Но и с надеждой, с верой в вас, в вашу мудрость и силу духа. Мы — наследники великой цивилизации, и сейчас от всех и каждого зависит, чтобы она возродилась к новой современной и достойной жизни.

Хочу от всей души поблагодарить тех, кто в эти годы вместе со мной стоял за правое и доброе дело. Наверняка каких-то ошибок можно было бы избежать, многое сделать лучше. Но я уверен, что раньше или позже наши общие усилия дадут плоды, наши народы будут жить в процветающем и демократическом обществе.

Желаю всем вам всего самого доброго.

Михаил Сергеевич Горбачёв (род.1931) — советский и российский государственный, политический и общественный деятель. Последний генеральный секретарь ЦК КПСС, последний Председатель Президиума Верховного Совета СССР, затем первый председатель Верховного Совета СССР. Первый в истории Президент СССР. Предложенная для анализа речь — это телевизионное обращение к советскому народу 25 декабря 1991 года, ознаменовавшее собой конец СССР.

Вацлав Гавел

«Мы живем в зараженной моральной среде»

Мы живем в зараженной моральной среде. Мы подвержены моральной болезни, так как привыкли говорить не то, что мы думаем. Мы научились ни во что не верить, пренебрегать друг другом, думать только о себе.

Такие понятия, как любовь, дружба, сострадание, скромность, умение прощать, потеряли свое значение и сейчас для многих из нас представляют лишь психологические особенности или напоминают затерявшиеся послания из древних времен, выглядящие нелепо в эпоху компьютеров и космических аппаратов.

Лишь немногие из нас смогли громко заявить, что власть имущие не должны править абсолютно и что спецфермы, на которых производятся экологически чистые пищевые продукты высшего качества, должны отправлять эти продукты в школы, детские интернаты и больницы, если уж наше сельское хозяйство не способно обеспечить ими всех.

Прежний режим, вооруженный своей надменной идеологией нетерпимости, рассматривал человека в качестве производительной силы, а природу — как средство производства. Тем самым он нанес удар по самой сущности человека и его связи с природой.

Одаренных и независимых людей, разумно ведущих свое хозяйство в своей стране, режим превратил в винтики и гайки, частички какой-то чудовищной, гигантской, шумной и зловонной машины, подлинное предназначение которой никому не понятно.

Она способна только на то, чтобы лишь медленно, но неуклонно изнашивать себя и изнашивать свои винтики и гайки.

Упомянув о зараженной моральной атмосфере, я говорю не просто о господах, потребляющих экологически чистые овощи и не имеющих привычки взглянуть за окна своего самолета.

Я говорю обо всех нас. Мы все привыкли к тоталитарной системе, принимали ее как непоколебимый факт и тем самым помогали продлевать ее существование.

Говоря иначе, мы все — хотя, естественно, в разной степени — несем ответственность за работу этой тоталитарной машины; никто из нас не является исключительно ее жертвой, мы все причастны к ее созданию.

Почему я так говорю? Было бы неправильно считать печальное наследие последних сорока лет чем-то далеким, что перешло нам по наследству от неких далеких предков. Наоборот, нам придется воспринять это наследие как грех, совершенный нами против самих себя.

Если мы примем это, то тогда сможем осознать, что именно мы и только мы можем что-то изменить. Нельзя во всем винить прежних правителей, и не только потому, что это было бы неправдой, и потому, что это притупит чувство долга, лежащее на каждом из нас в данный момент истории, — чувства действовать независимо, свободно, рационально и быстро.

Давайте не будем обманывать сами себя: самое лучшее правительство в мире, самый лучший парламент и лучший президент не могут ничего сделать сами по себе. Также было бы ошибочно ожидать, что они дадут какое-то универсальное лекарство.

Свобода и демократия имеют в виду участие каждого человека, из чего следует и ответственность, которая лежит на всех нас.

Если мы понимаем это, все опасения, доставшиеся по наследству новой чехословацкой демократии, не будут казаться такими уж страшными. Если мы поймем это, то тогда в наши сердца вернется надежда.

...Завершая свое выступление, я хочу сказать, что собираюсь быть президентом, который будет меньше говорить и больше работать.

Президентом, не только внимательно следящим из окна своего самолета, но который, и это самое главное, будет всегда присутствовать среди своих сограждан и внимательно слушать их.

Вы можете спросить, о какой именно республике я мечтаю. Я отвечу: я хочу видеть республику независимую, свободную и демократическую, республику, где господствуют экономическое процветание и социальная справедливость.

В общем, республику для человека, служащую человеку, и которая поэтому вправе надеяться, что и человек будет ей служить. Республику, в которой будут жить всесторонне образованные люди, ведь без этого невозможно найти решение ни одной из наших проблем: человеческой, экономической, экологической, социальной или политической.

Самый выдающийся из моих предшественников начал свою первую речь с цитаты из трудов великого Яна Амоса Коменского. Разрешите же мне закончить свою первую речь парафразом этой цитаты.

Люди, ваше правительство вернулось к вам!

Вацлав Гавел (1936–2011) — чешский писатель, драматург, диссидент, правозащитник и государственный деятель, последний президент Чехословакии (1989–1992) и первый президент Чехии (1993–2003). 1 января 1990 года, через три дня после своего избрания, в Новомодном послании гражданам Чехословакии Гавел, сломав все стереотипы, доверительно и искренне обратился к своим соотечественникам. Это была речь президента, «который будет меньше говорить и больше работать», который ни с кого, в том числе и с себя, не снимал ответственности за то, что тоталитарная система долгие годы творила в стране «зараженную моральную атмосферу», речь человека, который всегда и везде использовал любую возможность, чтобы сказать людям правду.

Джордж Буш-младший

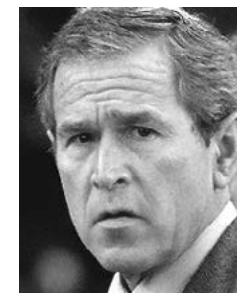
«Великий народ вынужден защитить великую страну»

Президент Клинтон, уважаемые гости и сограждане, мирная передача власти редко происходит в истории, а в нашей стране она в порядке вещей. Этой простой присягой мы подтверждаем наши традиции и приступаем к новому началу.

Прежде всего я хочу поблагодарить президента Клинтона за его служение нашей стране. Я также благодарю вице-президента Гору за состязание, проведенное с воодушевлением и законченное с большим достоинством.

Я испытываю огромную гордость и одновременно смирение, стоя здесь, куда до меня приходили многие лидеры Америки и куда еще придут столь многие. Для нас всех есть место в долгой истории, истории, которую мы продолжаем, но конца которой мы не увидим. Это история о новом мире, который стал другом и освободителем прежнего мира, история о рабовладельческом обществе, которое встало на службу свободе, история державы, которая пришла в мир для того, чтобы защищать, а не обладать, оберегать, а не завоевывать.

Америка никогда не была объединена на принципах крови, происхождения или земли. Мы объединены идеалами, которые выводят нас за рамки нашего происхождения. Это американская история — история небезупречного и совершающего ошибки народа, объединенного на протяжении поколений великими и прочными идеалами. Величайшим из этих идеалов является то, что у нас нет

лишних, что каждый заслуживает шанса, что не был еще рожден человек, лишенный достоинств. Американцы призваны следовать этому идеалу в нашей жизни и в наших законах. И хотя наша страна иногда останавливалась и порой запаздывала, мы обязаны следовать только этим курсом.

На протяжении большей части минувшего столетия вера Америки в свободу и демократию была утесом в бушующем море. Теперь же она представляет собой семя, летящее по ветру и пускающее корни во многих странах. Наши демократические убеждения — это нечто большее, чем кредо нашей страны, это врожденная надежда, воплощенная в наших человеческих качествах, идеал, который мы несем, но которым не владеем, вера, которую мы несем и будем нести дальше. И после уже 225 лет нам еще предстоит долгий путь.

Хотя многие из наших граждан процветают, другие сомневаются в обязательствах и даже справедливости своей собственной страны. Мечты некоторых американцев ограничены ветшающими школами, скрытыми предубеждениями и обстоятельствами своего рождения. А порой наши расхождения заходят так далеко, что кажется, будто они распространяются на весь континент, а не страну. Мы этого не принимаем, и мы не будем с этим мириться. Наше единство, наш союз — это результат серьезной работы лидеров и граждан каждого поколения. И даю вам торжественное обещание: я буду стремиться построить единую страну справедливости и возможностей для всех. Знаю, что это нам доступно, так как нас направляет сила, которая выше нас, сила того, кто создал нас по Его образу и подобию. И мы верим в принципы, которые нас объединяют и ведут нас вперед.

Америка никогда не была объединена на принципах крови, происхождения или земли. Мы объединены идеалами, которые выводят нас за рамки нашего происхождения, поднимают нас над нашими интересами и учат нас тому, что значит быть гражданами. Эти принципы необходимо внушить каждому ребенку. Их должен защищать каждый гражданин. И каждый иммигрант, выбирая эти идеалы, делает нашу страну более, а не менее американской. Сегодня мы вновь подтверждаем обязательство жить в соответствии с предназначением нашей страны, проявляя цивилизованность, храбрость, сочувствие и характер.

Мы будем защищать наших союзников и наши интересы. Мы будем проявлять волю без высокомерия. Мы будем отвечать на агрессию и нечестность с решительностью и силой. В лучших своих проявлениях Америка соотносит следование принципам и стремление к цивилизованности. Гражданское общество требует от каждого из нас доброй воли и уважения, честности в поступках и снисходительности. По-видимому, некоторые считают, что наша политика может себе позволить быть мелочной, так как во времена мира ставки в наших спорах выглядят незначительными. Однако для Америки ставки никогда не бывают незначительными. Если наша страна не будет возглавлять борьбу за дело свободы, то

ее не возглавит никто. Если мы не обратим сердца детей к знаниям и развитию характера, мы потеряем их врожденные способности и подорвем их идеализм. Если мы позволим нашей экономике дрейфовать и слабеть, то больше всего пострадают уязвимые.

Мы должны жить в соответствии с призванием, которое разделяем. Цивилизованность — это не тактика или настроение. Это решительный выбор в пользу веры, а не цинизма, общности, а не хаоса. И это обязательство, если его придерживаться, представляет собой путь к общим достижениям.

Кроме того, в лучших своих проявлениях Америка является храброй. Наша национальная храбрость лучше всего демонстрировалась во времена депрессии и войны, когда наши общие цели определялись защитой от общих опасностей. Сегодня мы должны решить, будет ли нас вдохновлять или осуждать пример наших отцов и матерей. Мы обязаны проявлять храбрость в благословенное время, решая проблемы вместо того, чтобы перекладывать их на плечи будущих поколений.

Вместе мы реформируем школы Америки, прежде чем невежество и апатия заявят о своих правах на новые юные жизни. Мы реформируем программы социального обеспечения и бесплатного медицинского обслуживания, избавив наших детей от тягот, которые мы в силах предотвратить. И мы сократим налоги, чтобы придать новое ускорение нашей экономике и вознаграждать работающих американцев за усилия и предприимчивость.

Мы будем строить оборону, превосходящую любые вызовы, ибо слабость ведет к уязвимости. Мы будем противодействовать распространению оружия массового уничтожения, с тем чтобы новый век обошелся без новых ужасов. Враги свободы и нашей страны не должны заблуждаться: Америка будет по-прежнему участвовать в делах мира — так сложилось исторически и таков наш выбор, — устанавливая баланс сил, благоприятный для свободы. Мы будем защищать наших союзников и наши интересы. Мы будем проявлять волю без высокомерия. Мы будем отвечать на агрессию и нечестность с решительностью и силой. И всем странам мы будем говорить о ценностях, которые породили нашу страну.

Мы знаем, что в гонке не всегда выигрывает самый быстрый, а в битве — самый сильный. Не думаете ли вы, что это ангел несется на вихре и направляет эту бурю? В лучших своих проявлениях Америка демонстрирует сочувствие. Как американцы, в глубине души мы понимаем, что глубокая и беспросветная бедность не отвечает обязательствам нашей страны. И что бы мы ни думали о ее причине, можно согласиться в том, что незащищенные дети не должны страдать. Покинутость и неправильное обращение — это не что-то от Бога, а следствие недостатка любви. А расширение тюрем, каким бы необходимым оно ни было, не заменит надежды и порядка в наших душах.

Там, где есть страдания, там есть и долг. Нуждающиеся американцы — это не чужеземцы, они являются гражданами, не проблемами, а приоритетами. И всем нам становится хуже, если у кого-то нет надежды. Правительство несет большие обязательства в отношении безопасности и здоровья населения, гражданских прав и государственных школ. И все же сочувствие — это душевная работа страны, а не только правительства. А иногда нужда и боль так глубоки, что помочь могут только духовные наставники или молитвы духовного пастыря. Церкви, синагоги, мечети и благотворительные организации демонстрируют образцы гуманного отношения к людям, и они занимают почетное место в наших планах и в наших законах.

В нашей стране многим не знакома боль бедности, однако мы можем прислушаться к тем, кто ее знает. И я могу обещать нашей стране: когда мы видим на дороге в Иерихон раненого путника, то не будем переходить на другую сторону. В лучших своих проявлениях Америка — это страна, где ценится и уважается личная ответственность. Поощрение ответственности — это не поиск козлов отпущения, а призыв к совести. И хотя она требует жертв, она приносит больше удовлетворения. Мы находим полноту жизни не только в возможности совершить выбор, но и в возможности принять обязательство. И мы обнаруживаем, что, посвящая себя жизни детей и жизни наших общин, мы становимся свободными.

Наши общественные интересы определяются сутью отдельного конкретного человека, гражданским долгом, семейными связями и элементарной честностью и безотчетными и не рассчитанными на признание проявлениями человеческой порядочности, которые направляют нашу свободу. Иногда жизнь требует от нас совершать большие дела. Однако, как сказал один святой наших дней, каждый день от нас требуется совершать малые дела с большой любовью. Наиболее важные задачи демократии решаются каждым человеком.

Я буду жить и руководить в соответствии со следующими принципами: цивилизованно следовать своим убеждениям, храбро отстаивать общественные интересы, выступать за большую справедливость и сочувствие, призывать к ответственности и стараться самому жить также. И при этом я буду привносить ценности нашей истории в сегодняшний день. То, что делаете вы, столь же важно, как и все, что делает правительство. Я прошу вас стремиться к общему благу, пусть и за счет собственного удобства, защищать необходимые реформы от нападок, служить своей стране, начиная со своего соседа. Я прошу вас быть гражданами, гражданами, а не наблюдателями, гражданами, а не просто жителями, ответственными гражданами, формирующими общество, призванное служить людям и стране с сильным характером.

Американцы щедры, сильны и порядочны не потому, что мы верим в себя, а потому что мы придерживаемся убеждений, которые выше нас. Когда это чув-

ство гражданственности отсутствует, его не заменит никакая правительственная программа. Когда же этот дух присутствует, против него не устоит никакое зло. После подписания Декларации независимости государственный деятель из Вирджинии Джон Пейдж писал Томасу Джефферсону: «Мы знаем, что в гонке не всегда выигрывает самый быстрый, а в битве — самый сильный. Не думаете ли вы, что это ангел несется на вихре и направляет эту бурю?» Прошло много времени, с тех пор как Джефферсон прибыл на свою инаугурацию. Идут годы и наступают перемены. Однако он бы узнал мотивы нынешнего времени: великая и смелая история нашей страны и ее простая мечта о достоинстве.

Мы не являемся автором этой истории, автором, который наполняет своим замыслом время и вечность. И все же его замысел реализуется в наших обязательствах, а наши обязательства выполняются в служении друг другу. Неустанно, не сдаваясь, никогда не останавливаясь на достигнутом, сегодня мы обновляем этот замысел, чтобы сделать нашу страну более справедливой и щедрой, чтобы подтвердить высокий смысл жизни всех и каждого. Эта работа продолжается. Эта история течет дальше. И ангел по-прежнему несется на вихре и направляет эту бурю.

Благослови вас всех Бог, и да благословит Бог Америку.

Джордж Уокер Буш (род.1946) — американский политик-республиканец, 43-й президент США (2001–2009).

Предложенная для анализа речь — это инаугурационная речь, произнесенная Бушем 20 января 2001 года, после череды скандалов, связанных с выборами.

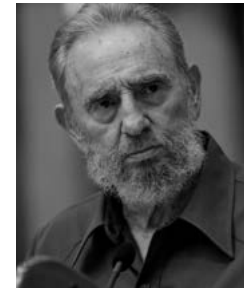
Фидель Кастро

«Почему я стал социалистом?»

Сверхчеловеческих усилий, товарищи, требует руководство любимым народом во времена кризисов.

Но иначе перемены были бы невозможны.

Находиться на такой встрече, как эта, где собралось более тысячи (здесь объяснили, что девятьсот с лишним — это представители, избранные самим революционным народом, который делегировал им свою власть), означает для всех великую честь, которой мы удостоились за всю жизнь.

К этому добавляется привилегия быть революционером, что является плодом нашего собственного сознания.

Почему я стал социалистом? Точнее, почему я стал коммунистом?

Это слово выражает понятие, самое искаженное и оклеветанное в истории теми, кто имел привилегию эксплуатировать бедных, обездоленных с тех пор, как они были лишены всех материальных благ, создаваемых трудом, талантом и энергией человека.

С каких пор человек живёт в этой дилемме, бесконечно ли это время?

Я знаю, что вы не нуждаетесь в объяснении, но, возможно, некоторым слушателям оно необходимо.

Я говорю это просто для того, чтобы было понятнее, что я не невежда, не экстремист, не слепец и не приобрел свою идеологию сам по себе, изучая экономику.

У меня не было наставника, когда студентом я изучал право и политические науки, среди которых экономика имеет очень большой вес.

Конечно, тогда мне было около 20 лет, я увлекался спортом и любил подниматься в горы.

Без наставника, который помог бы мне в изучении марксизма-ленинизма, я был не больше чем теоретик и, конечно, полностью полагался на Советский Союз — на творение Ленина, погнанное после 70 лет революции. Какой урок истории!

Можно утверждать, что не должно пройти еще 70 лет, для того чтобы произошло другое, подобное русской Революции событие, чтобы человечество получило ещё один пример грандиозной социальной революции, которая означала огромный шаг в борьбе против колониализма и его неразлучного приятеля — империализма.

Возможно, однако, что самая большая опасность, нависшая сегодня над планетой, исходит от разрушительной силы современного оружия, которое могло бы не только подорвать мир на Земле, но и сделать невозможной человеческую жизнь на ее поверхности.

Наш вид мог бы исчезнуть, как исчезли динозавры; возможно, пришло бы время для новых форм разумной жизни, или, может быть, солнечный жар усилился бы настолько, что расплавил бы все планеты Солнечной системы и их спутники, как полагают многие учёные.

Если теории некоторых из них, известные и нам, непосвящённым профанам, окажутся верны, то практичный человек должен знать больше и адаптироваться к реальности.

Если наш вид проживет в пространстве и времени намного дольше, то будущие поколения будут знать гораздо больше нас, но сначала им придется решить большую проблему:

– как прокормить миллиарды людей, которые неизбежно столкнутся с такими реалиями,

– как ограничить запасы питьевой воды и природных ресурсов, в которых они нуждаются.

Некоторые, а возможно, и многие из вас задаются вопросом: где же в этой речи политика?

Поверьте, мне горько это говорить, но политика — в этих сдержанных словах.

Если бы многие озаботились этими реалиями, мы бы не продолжали, как во времена Адама и Евы, вкушать запретный плод...

Кто прокормит голодающие народы Африки, не имеющие ни доступных им технологий, ни дождей, ни водохранилищ, ни иных подземных резервуаров, кроме песков?

Посмотрим, что скажут правительства, почти все из которых подписали обязательство по климату.

Эти вопросы надо постоянно вдалбливать в сознание, я же не хочу распрстраняться о них более необходимого.

Мне скоро исполнится 90 лет.

Мне бы такое никогда и в голову не пришло — я никогда не прилагал к этому усилий.

Это каприз судьбы. Скоро я последую за остальными.

Каждому из нас придет свой черёд. Но останутся идеи кубинских коммунистов, как доказательство того, что на этой планете, если работать с энергией и достоинством, можно произвести материальные и культурные блага, в которых нуждаются люди, и мы должны неустанно бороться для их созидания.

Нашим братьям в Латинской Америке и в мире я говорю, что КУБИНСКИЙ НАРОД ПОБЕДИТ!

Может быть, это одно из последних моих выступлений в этом зале.

Я проголосовал за всех кандидатов, представленных съездом к голосованию, и благодарю за приглашение и за то, что оказали честь выслушать меня.

Я поздравляю всех, и в первую очередь товарища Рауля Кастро за его замечательные усилия.

Мы выступим в поход, усовершенствуем то, что должны усовершенствовать, с беззаветной верностью и единой силой, как Марти, Масео и Гомес.

И поход наш будет неудержим!

Фидель Алехандро Кастро Рус (1926–2016) — кубинский революционер, государственный, политический и партийный деятель, руководивший Кубой в течение 47 лет с 1959 года до передачи власти своему брату в 2006 году. На государственном уровне занимал посты премьер-министра (1959–

1976) и председателя Совета министров (1976–2008), председателя Государственного совета Кубы (1976–2008). Предложенная для анализа речь произнесена на VII съезде Коммунистической партии Кубы. Это последняя публичная речь Команданте.

Патриарх Кирилл

«Россия и Запад: диалог народов»

Ваши Высокопреосвященства и Преосвященства, досточтимые участники Всемирного русского народного собора, братья и сестры!

Я хотел бы всех вас сердечно приветствовать на этой 20-й сессии нашего Собора. Собор прошел непростую часть пути, как очень непростой путь за эти 20 лет прошел весь наш народ и наша страна. И сегодня, как и всегда, мы стараемся на заседании Собора говорить о том, что более всего волнует людей. Конечно, в повестке дня этих волнующих вопросов очень много. И поэтому непросто вычленишь, может быть, самый главный, самый основной. Но после долгих размышлений Бюро Собора, Президиум Собора приняли решение поговорить именно на тему «Россия и Запад», о том, что происходит сегодня в наших отношениях и, может быть, посмотреть на проблему России и Запада не столько с позиции сиюминутной политической повестки дня, что может привести к неправильным выводам и неправильным умозаключениям, сколько попытаться посмотреть на проблему с мировоззренческой точки зрения, с исторической точки зрения и точки зрения духовной.

Когда речь заходит о взаимоотношениях России и Запада, даже о самом словосочетании «Россия и Запад», то обычно возникает два типа ассоциаций. Первая связана с представлением о том, что западное общество неизменно является носителем передовых идей и достижений, с ним ассоциируются комфорт, материальное благополучие и научно-технический прогресс; российское же отстает в своем развитии. При этом, для того чтобы встать на «правильные» рельсы, России стоит только перенять социальное, политическое, экономическое направления развития, которые характеризуют жизнь Запада, то есть копировать существующие модели и внимательно изучать тенденции развития западного общества. Как показала история, такой подход «догоняющего развития» едва ли можно назвать отвечающим национальным интересам; кроме того, сам принцип «догонять» априори предполагает отсталость. Если мы догоняем, то мы всегда отстаем, поэтому в самом этом подходе, который представляет западную модель как идеал и как пример для развития, есть нечто опасное для развития России.

Второе представление выражает идею якобы непримиримого, врожденного антагонизма, существующего между двумя мирами: цивилизацией Запада и цивилизацией Русского мира.

Сторонники обеих моделей в подтверждение своей правоты могут привести и приводят достаточное количество исторических примеров. Правда, примеры эти будут носить довольно противоречивый характер.

Есть примеры, когда усвоение достижений западной цивилизации носило благотворный характер для России: как здесь, в частности, не вспомнить «золотой», пушкинский век русской культуры, и, конечно, впечатляющие успехи развития России в XVIII веке, в определенные периоды века XIX и, по крайней мере, в начале века XX.

Вместе с тем следует помнить и о том, что слепое перенесение на русскую почву чуждых мировоззренческих моделей и политических образцов, без учета национальной специфики и духовно-культурного контекста, нередко, а лучше сказать, почти всегда приводило к масштабным потрясениям и трагедиям, как это случилось в нашей стране в начале и в конце минувшего столетия.

В истории наших взаимоотношений с западным миром были и моменты открытого вооруженного противостояния, когда сопротивление агрессии было для нашего народа вопросом жизни и смерти. Так было, например, в 1612-м, 1812-м и 1941-м годах, когда мы защищали наше право на жизнь, свободу и независимость.

Но ведь и для западного общества конфронтация с Россией часто приводила к очень плачевным последствиям. Конфронтация обостряла имеющиеся противоречия, вела к большим экономическим, политическим и репутационным потерям и, самое главное, стоила немалых человеческих жертв.

Вместе с тем важно понимать, что то, что мы называем обобщительно «западный мир», представляет собой далеко не однородную субстанцию. Есть глобалисты-транснационалисты, есть христианские традиционалисты, есть националисты-евроскептики, есть левые. И сегодня всякий раз необходимо уточнять: о какой Европе идет речь? «Европ» сегодня много. У одной религиозные ценности, у другой узконациональные, у третьей глобалистские. Нам надо понять, как относиться к каждой из них.

Вот почему обе модели, описывающие отношения России с США и странами Европы, — как догоняющая, так и конфронтационная — уже не соответствуют реальной духовно-культурной ситуации в мире. Думаю, нам очень важно это понять и от этого отталкиваться в определении наших будущих отношений с Западом.

Второй важный момент, который необходимо учитывать, — это ощущение глобального кризиса идентичности, охватившего западное общество. В основе этого кризиса лежит противоречие духовного порядка: с одной стороны, в обществе

действуют глобалистские тенденции, активно пропагандируются идеи нарочитой секулярности и утилитаризма, а с другой стороны — всё это наталкивается на сопротивление национальных культурных традиций, имеющих христианскую историю и христианские духовные корни.

В итоге современная модель общества все менее способна воспроизводить себя. Она уже не в состоянии следовать тем идеалам, которые были начертаны на знаменах буржуазных революций XVI-XIX веков. Слова «братство» и «равенство» давно ушли из либерального политического словаря, а ведь когда-то они занимали в нем очень важное, можно сказать, центральное место. Зато появилось много уточняющих определений слова «демократия», что как раз и свидетельствует о проблемах с демократическими институтами и принципами. Та же история с правами человека. В одних точках земного шара их нарушения не замечают, в других — обращают пристальное внимание и даже гиперболизируют.

Но существуют признаки, которые свидетельствуют о возможной постепенной смене мировоззренческих координат. Об этом говорят, в частности, процессы, уже сейчас достаточно очевидные в ряде европейских стран, где возникает социальный запрос на возврат к нравственным ценностям, в том числе христианским.

Другой важный аспект сотрудничества — это культурный обмен. И здесь главное разумно отделить подлинные ценности от ценностей ложных.

Бог сотворил человека свободным. И каждый отдельный человек, и целые народы и группы народов свободны выбирать свой путь — путь культурного творчества, путь развития и, говоря религиозным языком, путь соработничества с Богом. Свобода, дарованная нам Творцом, исключает наличие единственного, безальтернативного пути развития, на котором одни народы преуспевают, а другие отстают.

Поэтому правильно было бы говорить не о встречных путях развития России и Запада и не о догоняющем векторе российского развития, но вслед за великим русским ученым Николаем Данилевским признать факт параллельного пути развития наших обществ. Параллельное в данном случае не означает изолированное. Параллельное не предполагает взаимного исключения. Параллельное настаивает на самобытности и на праве на существование обоих путей развития.

Основываясь на таких христианских началах Божественного миропорядка, как свобода и любовь, мы должны утверждать равное достоинство всех культур и цивилизаций, исключая всякие попытки диктата и одностороннего навязывания политических норм и культурных стандартов, стремиться к взаимопониманию и равноправному, взаимообогащающему сотрудничеству.

В основе отношений, — как между отдельными человеческими личностями, так и между человеческими сообществами, — должно лежать сотрудничество

и взаимодействие, но только не в ущерб своим интересам и без проведения новых разделительных линий и наклеивания ярлыков «мир цивилизованный», «мир варварский», «ось добра» или «ось зла».

Мы стоим перед общими проблемами, но по-разному их воспринимаем. Безусловно, мы едины в том, что человечеству угрожают международный терроризм, перспектива распространения оружия массового поражения. Столь же серьезно волнуют нас риски глобальных эпидемий, появление новых видов смертоносных вирусов, а также стихийные бедствия и техногенные катастрофы.

Вместе с тем, мы, представители Русского мира, призываем обращать внимание не только на изменение внешних условий нашего бытия, но и на изменения внутренние, затрагивающие человеческую душу.

Нас, конечно, печалит возможность исчезновения биологических видов, судьба наших «братьев меньших», исчезновения созданного Творцом биологического разнообразия. Но не меньшую тревогу вызывает перспектива исчезновения народов, языков, культур, то есть существующего на планете этнокультурного разнообразия.

Мы полагаем, что сегодня не может сниматься с повестки дня проблема бесчеловечного отношения к нерожденным детям, влекущего за собой массовые аборты, разрушение института семьи, эрозию базисных нравственных ценностей, агрессивное наступление на традиционные религиозные культуры, что, в частности, выражается в проведении политики масштабной и целенаправленной дехристианизации.

Происходящий на наших глазах подрыв нравственной основы человеческого бытия грозит расчеловечиванием мира. Не случайно футурологи все чаще поднимают тему постчеловека, а трансгуманизм — учение о скором преодолении человеческой природы и появлении нового класса разумных существ — становится все более популярным.

Наконец, мы не можем не сказать о проблеме неравномерного социально-экономического развития, во многом порожденного несправедливыми международными экономическими отношениями.

Таково различие подходов по широкому спектру глобальных проблем. Вопрос, однако, заключается в том, что различие это с каждым годом, к сожалению, все более и более усугубляется. Причина тому — растущий ценностный разрыв между Россией и странами западной цивилизации, которого не было даже во времена холодной войны.

В ту пору Запад был еще един и не ставил под сомнение христианские основы своей идентичности, а в СССР, несмотря на декларативный атеизм советского государства, во многом доминировали христианские ценности и традиционная этика, сформированная в христианском обществе, что так ясно представлено

в нашем советском кинематографе и нашей советской литературе. Благодаря этой общей ценностной базе и был возможен диалог, который продолжался десятилетиями, несмотря на различие идеологий и экономических моделей. Сам факт ведения подобного диалога способствовал решению множества проблем, и я уверен, в конечном счете, помог предотвратить Третью мировую войну.

Здесь я хотел бы сказать еще несколько слов о внешней деятельности Русской Церкви в то время. Вы знаете, что наша Церковь активно участвовала в так называемом экуменическом движении, — это был диалог с западными христианами. А почему этот диалог стал возможен? Да потому что в западных христианах, ввиду их, в первую очередь, этической позиции, мы видели своих единомышленников. Мы видели, что западный христианский мир разделяет, несомненно, те же ценности, касающиеся человеческой личности, семьи, отношения к Богу, природе, человеку, и это создало предпосылки для диалога. Сегодня эта общая ценностная платформа разрушена, потому что значительная часть западного христианства пересматривает фундаментальные евангельские нравственные позиции в угоду сильным мира сего. Поэтому диалог приостановился, за исключением наших отношений с Католической Церковью, потому что Католическая Церковь, — и дай Бог, чтобы так было всегда, — несмотря на огромное давление со стороны внешнего мира сохраняет верность евангельским ценностям. Наши внешние межцерковные, межхристианские связи сегодня практически не включают реальный диалог с западным протестантизмом. Это свидетельствуем о том, что появились новые разделительные линии, и не только на межконфессионального, но и явно цивилизационного характера.

Дехристианизация Европы и Америки ставит под сомнение общую ценностную основу, имевшую место на протяжении большей части XX века. Это приводит к тотальному непониманию, когда при обсуждении острейших вопросов возникает взаимная глухота. Когда одна сторона возмущенно спрашивает: «Как можно публично оскорблять религиозные чувства миллионов людей?», а другая с не меньшим возмущением задает встречный вопрос: «Как можно посягать на чье-то право свободного самовыражения?»

Необходимо признать, что вторжение в табуированные прежде деликатные сферы, в том числе в сферу религиозных чувств, осложняет взаимопонимание части европейских и американских элит не только с Россией, но и с другими мировыми культурами, основанными на традиционной религиозной этике, — в первую очередь, конечно, с мусульманским миром. Массированное информационное вторжение во многом подогревает и провоцирует рост исламского радикализма, который оправдывает свои действия агрессивной секулярной политикой и духовной беспринципностью враждебного (в их представлении) западного общества.

Поэтому вызов международного терроризма, с которого мы начали перечень общих вызовов, в отношении которого позиции России, США и европейских регионов пока достаточно близки, также должен рассматриваться в связи с проблемой разрушения традиционных нравственных, этических норм. Это взаимосвязанные вызовы, угрожающие человечеству. И возникает вопрос: а не является ли вызов и практика радикального ислама ответом на вызовы радикального секуляризма? И если глобальная экстремистская деятельность радикальных исламистов обусловлена не только мировоззренческими причинами, но и многими другими, хорошо известными политикам, ученым и всем, кто изучает проблему современного терроризма, то, по крайней мере, как спусковой крючок, как аргумент вербовки честных людей, несомненно, используется ссылка на обезбоженную и дегуманизованную цивилизацию Запада. Ничем другим честного мусульманина вы не соблазните, если не призвать его к борьбе с «дьявольской цивилизацией». Поэтому нужно в связке рассматривать оба этих явления — и терроризм как абсолютно неприемлемый метод, несущий огромные страдания ни в чем не повинным людям, и радикальный секуляризм, который исключает любую иную точку зрения и предполагает, что весь мир должен выстраиваться по модели, определяемой элитами некоторых стран.

Нарастающий ценностный разрыв между цивилизациями вызывает тревогу. Если не будет достигнуто взаимопонимание, мы не сможем предложить приемлемые для всех ответы на вызовы времени. Дальнейшее углубление противоречий рискует превратиться в непреодолимую мировоззренческую пропасть.

Однако возможность продолжения диалога и «наведения мостов» не выглядит сегодня безнадежной. Множество фактов позволяют говорить о том, что фундаментальный отказ от традиционных духовно-нравственных ценностей, на котором настаивают западные элиты, не находит широкой поддержки в народе. Мы знаем, что, помимо привычного нам официоза, формируемого средствами массовой информации, есть другая Америка и другая Европа.

Внутри американского и европейских обществ существует выраженное стремление сохранить свои христианские корни и культурные традиции. Это стремление находит выражение в религиозных поисках, художественном творчестве и повседневной жизни.

Таким образом, вместе с новыми опасностями появляются и новые надежды. Встреча в Гаване с Папой Римским Франциском показала высокую заинтересованность в диалоге с Русской Православной Церковью со стороны католического мира по всему спектру вопросов, которые мы сегодня обсуждаем.

Между тем, на мой взгляд, самым острым конфликтом современности является не заявленное американским философом Самюэлем Хантингтоном «столкновение цивилизаций», не борьба религиозных и национальных культур между

собой, как нередко хотят представить сильные мира сего, и даже не противостояние Востока и Запада, Севера и Юга, а столкновение транснационального, радикального, секулярного глобалистского проекта со всеми традиционными культурами и со всеми локальными цивилизациями. И эта борьба проходит не только по границам, разделяющим государства и регионы, но и внутри стран и народов, — не исключая, что и внутри нашей страны. И здесь происходит столкновение двух миров, двух взглядов на человека и на будущее человеческой цивилизации.

Подлинная альтернатива этому процессу — не «война всех против всех», не погружение мира в пучину хаоса или гражданские столкновения внутри отдельно взятых стран, а новый диалог народов, осуществляемый на принципиально новых основаниях. Это диалог, направленный на восстановление ценностного единства, в рамках которого каждая из цивилизаций, в том числе и наша, русская, могла бы существовать, сохраняя свою идентичность.

Только в рамках такого диалога мы сможем найти ответы на вопросы о том, как победить терроризм, как защитить традиционную семью и право нерожденных младенцев на жизнь, как обеспечить миграционное равновесие, победить голод и эпидемии, как уважать убеждения друг друга, понимая, что у свободы должны быть моральные ограничения.

Полагаю, что и Всемирный русский народный собор мог бы внести свой весомый вклад в развитие этого нового диалога народов. Убежден, что только на основе вечных духовно-нравственных ценностей возможно успешное преодоление существующих цивилизационных вызовов.

Сердечно благодарю за внимание и желаю всем вам помощи Божией и в трудах на Соборе, и в трудах во имя подлинного мира и справедливости на нашей планете. Благодарю за внимание.

Патриарх Кирилл (в миру Владимир Михайлович Гундяев; род. 1946) — епископ Русской православной церкви. С 1984 г. — митрополит Смоленский и Калининградский, с 1989 года — председатель синодального Отдела внешних церковных связей (ОВЦС) и постоянный член Священного синода. 27 января 2009 года Поместным собором РПЦ был избран патриархом Московским и всея Руси. 1 ноября 2016 года Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл выступил с докладом на открытии XX Всемирного русского народного собора «Россия и Запад: диалог народов в поисках ответов на цивилизационные вызовы». Эта речь и предлагается для анализа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Марк Твен когда-то сказал: «Написанный текст — это не речь. Это литературное произведение, застывшее и не поддающееся изменению, его нельзя с энтузиазмом произнести вслух. Если вы должны заечь аудиторию, а не проинструктировать ее, то подобные тексты следует размять, сломать, превратить в разговорную речь и придать им форму непринужденной беседы. Иначе они усыпят ваших слушателей — и уж никак не зажгут их».

Перед вами промелькнули эпохи, события, лица. Вы отточили свое интонационное мастерство, поработали над дикцией, вы прочитали выступления на суде, проанализировали вдохновенные речи политиков, их продуманные высказывания и пропагандистские штампы. Когда-то произнесенные вслух, эти речи стали письменным текстом — действительно, «застывшим и не поддающимся изменению». Что же вы смогли почерпнуть в них?

Вы смогли поучиться логике изложения своих мыслей. Четкости формулировок и ясной аргументации. Точности изложения материала. Умелому использованию художественных средств выразительности. И — тому «энтузиазму», о котором говорил М. Твен. Заразительности, которая проступает сквозь десятилетия и века и по-прежнему увлекает слушателей и читателей...

Пусть этот энтузиазм не покидает и вас. Пусть ваши выступления будут продуманными, четкими, легкими и образными. Учась на хороших примерах, вы сможете этого достичь. Мы уверены.

Учебное издание

Соловьева Наталья Юрьевна

РИТОРИКА

Учебная хрестоматия

Редактор *О.В. Лужина*
Корректор *Л.А. Запылаева*
Верстка: *Т.Б. Егорова*

Формат 60×90/16. У.п.л. 26.

Российский государственный университет правосудия
117418, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69